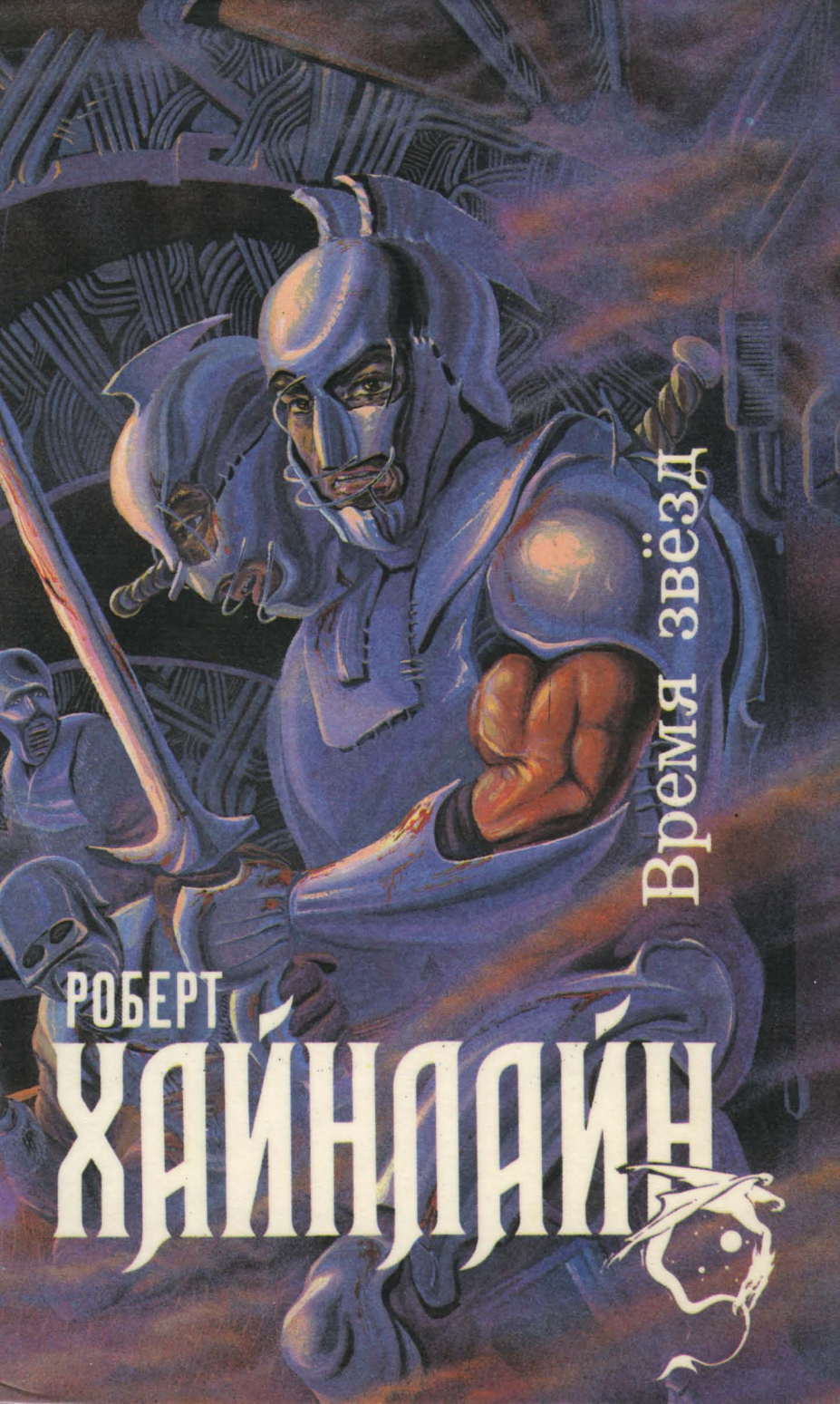

Время звёзд

РОБЕРТ
ХАЙНДАЙН

РОБЕРТ
ХАЙНЛАЙН

Время звезд

РОБЕРТ
ХАЙНДЭЙН

**Астронавт
Джонс**

Время звезд

**Пасынки
Вселенной**

САНКТ-ПЕТЕРБУРГ
«СЕВЕРО-ЗАПАД»
1993

**ББК 84.7 США
X 12**

*Перепечатка отдельных глав
и всего произведения в целом — запрещена.
Всякое коммерческое использование данного произведения
возможно исключительно с ведома издателя.*

- © Н. Пчелинцев, Ю. Зарахович, перевод, 1993.
- © «Северо-Запад», оформление и подготовка текста, 1993.
- ® ~~Северо-Запад~~. Зарегистрированная торговая марка. Охраняется законом.

ISBN 5-8352-0123-0

РОМАН

Астронавт

ДЖОНС

ГЛАВА 1

Томагавк

Макс любил это время года, это время дня. Урожай уже убран, можно пораньше покончить со своими вечерними делами и расслабиться, побездельничать. Вычистив свинарник и покормив кур, он не пошел ужинать, а вместо этого поднялся по тропинке на холм к западу от амбара и улегся на траву, не обращая никакого внимания на прыгавших вокруг блох. У него была с собой книга, взятая в прошлую субботу в местной библиотеке, Бонфортовские «Твари небесные: Путеводитель по экзотической Зоологии», но он ее просто положил себе под голову вместо подушки. Голубая сойка начала было высказывать свои сомнения в отношении порядочности его поведения, но, не получив ответа, замолчала. Рыжая белка замерла на пне и уставилась на него. Поглазев немного, она снова принялась припрятывать орехи.

Макс смотрел на северо-запад. Он любил это место потому, что отсюда были видны стальные опоры и направляющие кольца магнитной дороги Чикаго-Спрингфилд-Земпорт. Дорога появлялась из отверстия в склоне справа от него. В самом отверстии можно было видеть направляющее кольцо, здоровенный, футов двадцати в диаметре, стальной обруч. Пара ходулеобразных опор поддерживала другое кольцо футов ста от первого. Третье и последнее справа кольцо находилось к западу от него. Склон там еще круче спустился в долину, поэтому опоры этого кольца были высотой футов в сто с лишком. На половине высоты этого кольца была видна силовая антенна, направленная поперек провала.

Слева от него, на дальнем краю провала, опять шли направляющие кольца ЧСЗ-дороги. Входное кольцо было побольше из-за возможного сноса поезда в сторону ветром; на его опорах была приемная силовая антенна. Этот склон был круче, еще одно кольцо и дорога опять исчезала в туннеле. Макс читал, что на Луне входные кольца были не больше остальных: там никогда не было ветра, отклоняющего поезд. Когда он был ребенком, это кольцо было чуть поменьше, и однажды, во время жуткого урагана, поезд в него ударился. Произошло невероятное крушение, погибло больше четырех сотен людей. Сам он этого не видел, а отец не разрешил ему и потом сходить посмотреть. Из-за всех этих трупов. Однако след этого крушения и по сию пору был виден на левом склоне — пятно зелени, более темной, чем вся остальная.

Он смотрел на проходящие поезда всегда, когда была такая возможность. Ничего плохого он пассажирам не желал, — но все равно, если уж вдруг случится катастрофа, не хотелось бы снова ее пропустить.

Макс не спускал глаз с отверстия туннеля; «Томагавк» должен был появиться с минуты на минуту. Неожиданно серебристое сияние озарило отверстие, затем из него вылетел сверкающий цилиндр с острым, как игла, носом. словно яркая вспышка, он промелькнул сквозь последнее кольцо, а затем — от этого перехватывало дыхание — какие-то мгновения находился в свободном полете между двумя обрывами. Чуть ли не быстрее, чем Макс смог перевести взгляд, летящий поезд вошел в кольцо на другой стороне лощины и исчез в горе. И только тогда дошел звук.

Это было, как удар грома, раскатившийся между горных склонов. Макс схватил воздух разинутым ртом.

— Ничего себе! — тихо сказал он. — Вот это да! — Невероятное зрелище и звуковой удар каждый раз производили на него одно и то же впечатление.

Макс слышал, что для пассажиров поезд был совершенно бесшумным, так как все звуки от него отставали, но в точности он этого не знал. Ведь он никогда не летал на таком поезде и, с работой на ферме и мамочкой, вряд ли сможет когда-нибудь в будущем.

Он сел и открыл книгу, держа ее так, чтобы не терять из вида юго-западное небо. Через семь минут после пролета «Томагавка» он, если вечер был ясным, наблюдал запуск ежедневного лунного корабля. Хотя это было гораздо дальше и зрелище было гораздо менее драматичным, чем прыжок магнитного поезда с расстояния в какие-то сотни ярдов, но именно посмотреть на этот корабль он и пришел сюда. Магнитные поезда, конечно, были очень интересны, но космические корабли были его страстью — даже такие игрушечные, как лунный челнок.

Однако только он нашел место, где остановился, — описание крайне разумных, но флегматичных ракообразных с Эпсилона Кита-IV, — как его отвлек оклик откуда-то сзади.

— Эй, Макси! Максимилиан! Мак-си-мил-ян!

Он замер и ничего не отвечал.

— Макс! Я же тебя вижу, Макс, иди сюда сию же секунду, ты слышишь меня?

Макс что-то пробормотал себе под нос и поднялся на ноги. Он медленно спускался по тропинке, оглядываясь на небо. Потом все поле его зрения заслонил сарай. Мамочка вернулась и никуда уж тут не денешься — если он не явится и не сделает, что от него требуется, она сумеет отравить ему жизнь. Когда сегодня утром она уезжала, у него было такое ощущение, будто ее не будет по крайней мере до следующего утра. Не то чтобы она это сама сказала — она никогда этого не делала, — но он научился распознавать признаки. И вот теперь ему придется выслушивать ее нытье и ее мелочные сплетни вместо того, чтобы почитать. А то, что ничем не лучше, его будет отвлекать какой-нибудь из ее обожаемых слюнявых сериалов по стереовидению. Ему не раз приходилось бороться с соблазном поломать проклятый СВ — и сделать это как следует, топором. Сам он почти никогда не имел возможности посмотреть интересную для себя передачу.

Подойдя к дому, он вдруг остановился. Он думал, что мамочка прикатила на автобусе из Углов и, как обычно, прошла остаток пути пешком. Но сейчас около веранды стоял щегольской уницикл — и к тому же она была не одна.

Сначала он подумал, что это «иностранец», но, подойдя поближе, узнал этого мужчину. Макс гораздо охотнее повстречался бы даже с иностранцем, любым иностранцем. Бифф Монтгомери был местным, правда, он не работал на ферме. Макс не припоминал, чтобы хоть раз в жизни видел Биффа, занятого честным трудом. Говорили, что Монтгомери иногда нанимали охранником самогонщики, когда один из их аппаратов еще действовал где-то там, в горах. Вполне возможно — Монтгомери был здоровый, плотный мужчина, и эта роль вполне ему подходила.

Макс знал Монтгомери с незапамятных времен, часто видел, как тот толкался около Клайдовских Углов. Но обычно он не обращал на Монтгомери никакого внимания и не имел с ним никаких дел — до последнего времени: мамочку стали все чаще замечать с ним, она даже стала ходить с ним на танцы, которые устраивались в сараях и кукурузных лущильнях. Макс несколько раз пытался сказать ей, что покойному отцу это не очень бы понравилось. Да разве может кто-нибудь спорить с мамочкой — она просто не слышит того, чего не хочет слышать.

Но домой она притащила его впервые. Макс почувствовал, что в нем разгорается ярость.

— Поскорее, Макси! — крикнула мамочка. — Да не стой ты там, как чурбан. — Макс неохотно двинулся дальше и подошел к ним. Мамочка сказала: — Макси, пожми руку своему новому отцу, — и шаловливо глянула на него, словно сказала нечто очень остроумное. Макс тупо уставился на нее, от удивления открыв рот.

Монтгомери ухмыльнулся и протянул свою клешню.

— Ага, Макс, ты теперь Макс Монтгомери — я твой новый папаша. Но ты все равно можешь называть меня Монти.

Макс уставился на руку, на секунду взял ее.

— Моя фамилия Джонс, — сказал он безо всякого выражения.

— Макси, — протестуяще воскликнула мамочка.

Монтгомери жизнерадостно расхохотался.

— Да не торопи ты его так, Нелли, лапочка. Пусть Макс попривыкнет к этому. Живи сам и давай жить другим — вот мой девиз. — Он повернулся к своей жене: — Подожди секунду, пока я возьму багаж. — С

одного багажника своего уницикла он снял тюк скомканной одежды, а с другого две плоские пинтовые бутылки. Заметив, что Макс наблюдает за ним, он подмигнул и сказал: — Тост за новобрачную.

Упомянутая новобрачная стояла около двери, и он попытался проскользнуть мимо нее. Та запротестовала:

— Но как же это, Монти, дорогой, разве ты не собираешься...

Монтгомери остановился.

— Совсем позабыл, у меня ведь мало опыта в этих штуках. Конечно же. — Он повернулся к Макс. — Возьми все это хозяйство, — и сунул ему тюк и бутылки. Потом он подхватил ее на руки, помычав при этом немного, перенес ее через порог, снова поставил на ноги и поцеловал. Она тем временем повизгивала и краснела. Макс молча прошел вслед за ними, положил принесенное на стол и отвернулся к плите. Плита совсем остыла, он не пользовался ею со времени завтрака. Была еще и электрическая плита, но она перегорела еще при жизни отца, а денег починить ее так и не нашлось. Он вытащил из кармана складной нож, настрогал щепок, добавил растопки и поднес к полувывшейся кучке зажигалку. Когда пламя разгорелось, он вышел с ведром за водой.

Когда он вернулся, Монтгомери сказал ему:

— Не мог понять, куда это ты пошел. Неужели в этой мусорной куче нет даже водопровода?

— Нет. — Макс поставил ведро на пол и подложил в огонь пару поленьев ватного дерева.

Мамочка сказала:

— Макси, у тебя уже должен был быть готов обед.

Монтгомери благожелательным голосом вмешался в разговор:

— Ну успокойся, дорогая, он же не знал, что мы приедем. И к тому же это дает время для тоста. — Макс стоял, повернувшись к ним спиной, и уделял все свое внимание нарезанию грудинки. Перемена была столь ошеломляющей, что ему пока еще не хватило времени полностью ее осознать.

Монтгомери окликнул его:

— Эй, сынок! Подними стакан за новобрачную!

— Мне надо готовить ужин.

— Чепуха! Вот твой стакан. Давай быстренько.

Монтгомери налил в стакан на палец янтарно-желтой жидкости; его собственный стакан был наполнен до половины, а стакан новобрачной по крайней мере на треть. Макс взял стакан, подошел к ведру и черпаком долил в него воды.

— Ты же только испортишь!

— Я к этому не привык.

— Ну ладно. Ну, значит, за зардевшуюся новобрачную и всю нашу счастливую семейку! Пей до дна!

Макс осторожно отхлебнул из стакана и поставил его на стол. По вкусу это напоминало горькую микстуру, которую давала ему как-то весной окружная врачиха. Он вернулся к своему прерванному занятию, но Монтгомери опять окликнул его.

— Эй, как это, ты же не допил.

— Послушайте, мне же надо готовить ужин. Вы же не хотите, чтобы все подгорело, правда?

Монтгомери пожал плечами.

— Ну что же, тем больше останется нам. Это твое хозяйство мы используем на запивку. Знаешь, сынок, когда я был в твоём возрасте, я мог опрокинуть полный стакан, а потом сделать стойку на руках.

Макс собирался поужинать грудинкой и разогретыми оладьями, но их осталось только полсковородки. Он поджарил яичницу на жире от грудинки и сварил кофе, этим и ограничился. Когда они сели ужинать, Монтгомери оглядел поданные блюда и громко объявил:

— Лапочка, я надеюсь, что, начиная с завтрашнего дня, ты сумеешь делом подтвердить все то, что наговорила мне про свои кулинарные таланты. Твой парень — совсем никудышный повар. — Несмотря на эти слова, он поел от души. Макс решил не говорить ему, что он готовит лучше, чем мамочка; Монти очень скоро и сам это обнаружит.

В конце концов Монтгомери отодвинулся от стола, вытер рот, налил себе еще кофе и закурил сигару. Тогда мамочка спросила:

— Макси, дорогой, а что будет на десерт?

— Десерт? Ну — в холодильнике есть то мороженое, что осталось после Дня Солнечного Союза.

На ее лице появилась досада.

— Ой, господи! Боюсь, что его там нет.

— Что?

— Ну, боюсь, что я вроде его съела как-то вечером, когда ты был на южном поле. Был такой жаркий день!

Макс не ответил ничего, он совсем не удивился. Но она не удовлетворилась этим.

— Ты что, не приготовил ничего на десерт, Макс? Но ведь сегодня особенный день.

Монтгомери вытащил сигару изо рта.

— Ну, не стоит, лапочка, — сказал он ласково. — Я не слишком люблю сласти, я больше насчет мяса и картошки — это нарастает на кости. Поговорим лучше о более приятных вещах. — Он повернулся к Макс. — Макс, что ты еще умеешь делать, кроме как копаться на ферме?

Макс удивился.

— Что? Я никогда не делал ничего другого. А зачем это вам?

Монтгомери стряхнул пепел с сигары на тарелку.

— Просто мы покончили с работой на ферме.

Второй раз за последние два часа Макс услышал новость, которую не мог сразу переварить.

— Как это? Что вы имеете в виду?

— А то, что мы продали ферму.

У Макса появилось такое ощущение, словно из-под его ног выдернули ковер. Однако по выражению мамочкиного лица он понял, что это правда. У нее всегда был такой вид, когда она ему устраивала что-нибудь подобное — торжествующий, но слегка настороженный.

— Отцу бы это не понравилось, — сказал он ей резко. — Эта земля принадлежит нашей семье уже четыре сотни лет.

— Ну, Макси! Я же говорила тебе не знаю сколько раз, что я не создана для деревенской жизни. Я выросла в городе.

— Клайдовские Углы! Тоже мне город!

— Но все равно это не ферма. И я была совсем юной девушкой, когда твой папаша привез меня сюда — а ты был уже большим парнем. Передо мной еще вся жизнь. Не могу же я прожить ее, похоронив себя на ферме.

Макс возвысил голос:

— Но ты же обещала отцу, что...

— Заткнись, — твердо сказал Монтгомери. — И старайся говорить повежливее, когда обращаешься к своей матери — и ко мне.

Макс замолчал.

— Земля продана и нечего больше об этом спорить. А как ты думаешь, сколько стоит этот участок?

— Ну, по правде говоря, я никогда не задумывался об этом.

— Что бы ты ни думал, я получил больше. — Он подмигнул Максу. — Да, сэр. Твоей мамаше дико повезло в тот день, когда она обратила на меня внимание. Я ведь такой человек, что на три фута в землю вижу. Я же знаю, почему тут появился агент, скупающий эти бесплодные, не имеющие никакой ценности огрызки недвижимости. Я...

— Я использую предоставляемые правительством удобрения.

— Я сказал «никакой ценности», и они не имеют никакой ценности. Я имею в виду, для сельского хозяйства. — Он провел пальцем вдоль своего носа, хитро посмотрел вокруг и объяснил. Судя по его словам, был намечен, и даже приведен в действие, большой правительственный проект, для которого были выбраны как раз эти места. Монтгомери рассказывал про все это крайне таинственно, из чего Макс заключил, что знает он очень мало. Некий синдикат потихоньку скупал землю, надеясь содрать за нее побольше с правительства. — Так что мы получили с них раз в пять больше, чем они собирались платить. Совсем неплохо, правда?

Тут в разговор встряла мамочка.

— Вот видишь теперь, Макси? Если бы твой папаша узнал, что мы когда-нибудь сумеем получить...

— Тихо, Нелли!

— Но я только хотела сказать ему, сколько...

— Я же сказал «тихо».

Она замолчала. Монтгомери отодвинул стул, взял в рот сигару и встал. Макс поставил греться воду для мытья посуды, соскреб обеды с тарелок и отнес их курам. Он провел во дворе порядочное количество времени, глядя на звезды и пытаясь собраться с мыслями. Сама мысль иметь Биффа Монтгомери в семье

потрясла его до глубины души. Интересно, какие права имеет отчим или, скорее, двоюродный отчим, человек, женившийся на его мачехе. Этого он не знал.

В конце концов Макс решил, что надо вернуться в дом, как бы ни было ему это противно. Он увидел, что Монтгомери стоит у книжной полки, которую он приспособил над стереоприемником; этот тип перебирал его книги и сложил несколько из них стопкой на приемнике. Монтгомери оглянулся.

— Вернулся? Не уходи пока никуда, я хочу, чтобы ты мне рассказал кое-что относительно вашей живности.

В двери появилась мамочка.

— Дорогой, — сказала она Монтгомери, — неужели все это не может подождать до утра?

— Не торопись, радость моя, — ответил он. — Этот самый аукционер появится здесь завтра рано утром. Мне нужно иметь к этому времени опись. — Он продолжал вытаскивать книги с полки. — Гляди-ка, а вот это — отличные штуки. — У него в руках было полдюжины томиков, напечатанных на самой тонкой бумаге и переплетенных гибким пластиком. — Интересно, сколько они стоят? Нелли, дай-ка мне мои очки.

Макс торопливо подскочил к нему и протянул руку к книгам.

— Это мои!

— Чего? — Монтгомери глянул на него, а затем поднял книги высоко в воздух. — Ты слишком молод, чтобы у тебя было что-нибудь свое. Нет, загоним все. Вымести все дочиста и начать жизнь с чистой страницы.

— Они мои! Мне их подарил дядя. — Он воззвал к мачехе. — Скажи ему, мамочка!

Монтгомери сказал ровным голосом:

— Вот-вот, Нелли, приведи в порядок этого мальчишку, чтобы мне не пришлось заниматься его воспитанием.

Нелли выглядела озабоченно.

— Ну, по правде говоря, я и не знаю. Они принадлежали Чету.

— А Чет был твоим братом? Тогда ты и есть наследница Чета, а не этот щенок.

Он не был ее братом, он был ее шурином!

— Ах так? Это не важно. Твой отец был наследником твоего дяди, а твоя мать — наследница отца. А не ты, так как ты еще несовершеннолетний. Такой уж,

сын, закон. И ничего не поделаешь. — Он поставил книги на полку, но остался стоять между ними и Максом.

Макс почувствовал, как его верхняя губа начала произвольно дергаться; он знал, что не сможет говорить членораздельно. Его глаза затуманились от слез ярости, он едва различал то, что его окружало.

— Вы — ты вор.

Нелли взвизгнула:

— Макс!

На лице Монтгомери появилось выражение холодной злобы.

— А вот теперь ты зашел чересчур далеко. Боюсь, что теперь ты вполне заслужил ремня. — Его пальцы начали расстегивать тяжелый пояс.

Макс на шаг отступил. Монтгомери вытащил ремень и сделал шаг вперед. Нелли взвизгнула.

— Монтги! Я прошу тебя!

— Не лезь не в свое дело, Нелли. — Макс у него сказал: — Мы можем просто раз и навсегда установить, кто тут старший. Извинись.

Макс не отвечал. Монтгомери повторил:

— Извинись, и мы про это забудем. — Он помахивал ремнем, как кот хвостом. Макс отступил еще на один шаг. Монтгомери сделал шаг вперед и попытался его схватить.

Макс увернулся и через открытую дверь выбежал в темноту. Он не останавливался, пока не уверился, что Монтгомери за ним не гонится. Потом, все еще кипая яростью, он перевел дыхание. Он уже почти жалел, что Монтгомери не погнался за ним; он не думал, что кто-нибудь сумеет совладать с ним в темноте в его родном дворе. Он знал, где сложены дрова, а Монтгомери не знал; и где тут лужа, в которой купаются свиньи. И он знал, где тут колодец — даже это, если уж на то пошло.

Прошло довольно много времени, пока Макс достаточно успокоился для того, чтобы думать рационально. Теперь он был рад, что все так легко кончилось. Монтгомери был значительно тяжелее его и, по слухам, дрался отчаянно.

Если это действительно уже кончилось, — поправил он себя. Он думал, решит ли Монтгомери к утру

позабывать обо всем. В комнате все еще горел свет; он укрылся в сарае и ждал, сидя на земляном полу, прислонившись спиной к дощатой стене. Через некоторое время Макс почувствовал страшную усталость. Он подумал, не лечь ли спать прямо в сарае, но тут не было подходящего места, чтобы лечь, даже при том, что старый мул сдох. Тогда, вместо этого, он встал и посмотрел на дом.

Свет в комнате погас, но был виден в спальне; конечно же, они еще не уснули. Кто-то прикрыл дверь после его бегства; она не запиралась, так что попасть внутрь можно было без труда, но он боялся, что Монтгомери услышит. Его собственной комнатой была небольшая пристройка, добавленная к кухонному концу главной комнаты, напротив спальни. Однако у нее не было наружной двери.

Не важно, он решил эту проблему давно, когда вырос достаточно для того, чтобы уходить и приходить ночью, не спрашивая разрешения у старших. Он крадучись обошел дом, нашел козлы для пилки дров, поставил их под своим окном, забрался на них и вытащил гвоздь, удерживавший раму. Мгновение спустя он беззвучно спустился с подоконника в свою комнату. Дверь в главную комнату была закрыта, однако он решил все равно не рисковать и не включать свет; Монтгомери может прийти в голову выйти в комнату и тогда он увидит свет в щели под дверью. Макс тихо выскользнул из одежды и забрался на свою кровать.

Сон не шел. Один раз он начал было ощущать теплую дремоту, но затем какой-то еле слышный звук вывел его из этого состояния. Вероятно, это была просто мышь, но на какое-то мгновение ему показалось, что это Монтгомери стоит над его кроватью. С колотящимся сердцем он сел на край постели, все еще совершенно раздетый.

Перед ним стояла проблема, что ему делать — не только в следующий час, не только завтра утром, но и следующим утром, и каждым утром после этого. Сам по себе Монтгомери не представлял проблемы; он не остался бы по своей воле даже в одном округе с этим человеком, но как же мамочка?

Когда отец уже знал, что умирает, он сказал ему:

— Позаботься о своей матери, сынок.

Что ж, он так и делал. Каждый год он собирал урожай — в доме была еда и даже немного денег, хотя этого хватало едва-едва. Когда сдох мул, он и с этим справился, одолжив упряжку у Мак-Алистера и расплатившись собственной работой.

Однако, имел ли отец в виду, что он должен заботиться о своей мачехе, даже если она снова выйдет замуж? Ему как-то никогда не приходила в голову подобная мысль. Отец велел ему позаботиться о ней, и так он и делал, хотя пришлось бросить школу и конца этому не было видно.

Но она больше не была миссис Джонс, она теперь миссис Монтгомери. Имел ли отец в виду, что он обязан заботиться о миссис Монтгомери?

Конечно же нет! Если женщина выходит замуж, о ней заботится муж. Это все знают. И отец, конечно же, не ожидал от него, что он станет противостоять Монтгомери. Макс встал, сразу приняв решение.

Оставался единственный вопрос — что взять с собой.

Брать было почти нечего. В темноте, на ощупь, он нашел рюкзак, которым пользовался при вылазках на охоту, и запихнул в него носки и вторую рубашку. К этому он добавил круглую астронавигационную линейку дяди Чета и кусок вулканического стекла, который дядя прихватил на Луне. Удостоверение личности, зубная щетка и отцовская бритва — не то, чтобы она слишком часто была ему нужна — почти закончили поспешные сборы.

За кроватью была плохо прибитая доска. Он нащупал ее, оторвал, пошарил в отверстиях и не нашел ничего. В этом месте он иногда припрятывал немного денег на черный день, так как мамочка то ли не умела, то ли не хотела экономить. Видимо, она успела найти эту доску при одном из своих обысков. Ничего не поделаешь, уходить все равно надо; пропажа денег немного все усложнила.

Макс вдруг вспомнил, у него даже перехватило дыхание. Ведь было то, что он просто обязан взять с собой. Книжки дяди Чета. И они, по-видимому, все еще стоят на полке, которая висит на общей со спальней стене комнаты. Но он обязан взять их, даже рискуя при этом наткнуться на Монтгомери.

Очень осторожно, очень медленно он открыл дверь в комнату и стоял на пороге, обливаясь потом. В щели под дверью спальни все еще виднелся свет, Макс по-медлил еще, с трудом заставляя себя двигаться дальше. Монтгомери пробормотал что-то, непонятное отсюда, а мамочка хихикнула.

Когда глаза Макса привыкли к полумраку, он рассмотрел в слабом свете, сочившемся из-под двери, что у наружной двери что-то нагромождено. Это была куча кастрюль и сковородок, которая устроила бы страшный грохот при любой попытке открыть дверь. Очевидно, Монтгомери ожидал, что мальчик вернется домой, и был наготове, чтобы тут-то с ним и разделаться. Макс очень обрадовался, что прокрался домой через окно.

Медлить дальше смысла не было — он прокрался через комнату, ни на секунду не забывая о скрипучей доске в полу рядом со столом. Рассмотреть что-либо было невозможно, но он хорошо знал свои книги на ощупь. Он осторожно вытащил их, стараясь не уронить остальные.

Макс прошел уже весь обратный путь к двери своей комнаты, когда вспомнил про библиотечную книгу. И остановился, покрывшись от страха холодным потом.

Он не мог снова пройти этот путь. На этот раз они могут его услышать. Или Монтгомери встанет попить воды, или еще что-нибудь.

Но в его очень ограниченном кругозоре воровство библиотечной книги — или ее невозвращение, что то же самое, — было, если уж не смертным грехом, то, по крайней мере, одним из первых пунктов списка постыдных поступков. Он стоял на месте, обливаясь потом и размышляя.

Потом он проделал снова весь этот путь, осторожно обойдя скрипучую доску и катастрофически наступив на другую такую же, о которой забыл. Наступив на нее, он застыл. Однако, очевидно, звук не встревожил парочку в спальне. Наконец он перегнулся через СВ-приемник и начал шарить на полке.

Монтгомери, лазая в книгах, все их попереставлял. Поэтому Макс пришлось вынимать их одну за другой и пытаться разобраться в них на ощупь, открывая

каждую и отыскивая библиотечную перфорацию титульного листа.

Она оказалась четвертой из ощупанных им книг. Макс вернулся в свою комнату, двигаясь очень медленно и осторожно, с трудом сдерживая желание двигаться побыстрее. Потом его начало трясти и пришлось переждать, пока это пройдет. Он опять не решился испытывать судьбу, закрывать дверь и включать свет, — а вместо этого оделся в темноте. Еще через несколько мгновений он вылез в окно, нащупал босыми ногами козлы и бесшумно прыгнул на землю.

Его ботинки лежали в рюкзаке на самом верху, и он решил не вынимать их оттуда, пока не отойдет подальше от дома. Он опасался шума, который могли произвести его обутые ноги. Он обогнул дом по широкой дуге и оглянулся назад. Свет в спальне все еще горел; Макс стал срезать угол, выходя на дорогу, и вдруг заметил уницикл Монтгомери. И остановился.

Пройдя дальше, он выйдет на дорогу, по которой ходит автобус. Повернет ли он налево или направо, у Монтгомери будут шансы пятьдесят на пятьдесят догнать его на уницикле. У него не было денег, и единственным средством поскорее удалиться от дома были Шанковские пони; сесть на автобус он не мог.

Ерунда это все. Монтгомери и пробовать не станет вернуть его домой. Он скажет, — скатертью дорожка, — и тут же о нем забудет.

Но все-таки мысль эта его тревожила. А что, если мамочка уговорит Монтгомери? А что, если Монтгомери не сможет забыть оскорбление и не пожалеет трудов, чтобы с ним посчитаться?

Он вернулся и, снова держась подальше от дома, пошел по склону холма в направлении правого участка ЧСЗ-дороги.

ГЛАВА 2

Добрый Самарянин

Макс хотел бы, чтобы было светло, но и темнота не слишком его беспокоила. Он прекрасно знал эти места, каждый холмик, чуть ли не каждое дерево. Он

держался высоких мест, передвигаясь с холма на холм, пока не добрался до выходного кольца, откуда поезда перепрыгивали через долину. Здесь он вышел на служебную дорогу, которой пользовался обслуживающий персонал магнитной дороги. Тогда он сел на землю и обулся.

Служебная дорога была просто тропой, шедшей сквозь лес по просеке. Эта тропа годилась для гусеничного транспорта, но не для колесных машин. Она спускалась в долину, а затем поднималась и проходила немного ниже того места, где дорога скрывалась в дальнем обрыве. Макс пошел по служебной тропе не спеша, но быстро, легкой, свободной походкой прирожденного горца.

Через семнадцать минут он пересек долину и оказался под входным кольцом. Он прошел дальше, пока не приблизился к кольцу, расположенному прямо в черневшем зеве туннеля. Здесь он остановился на — по его расчету — безопасном расстоянии и снова оценил свои шансы на успех.

Обрыв был высоким; иначе кольца установили бы не в туннеле, а в выемке. Он часто охотился здесь и знал, что для подъема на обрыв потребовалось бы часа два — при дневном свете. В то же время вспомогательная дорога проходила прямо сквозь гору, под кольцами. Если он пойдет по ней, то может пройти гору за десять—пятнадцать минут.

Макс никогда не проходил сквозь обрыв. Это было строго запрещено и преследовалось по закону. Не то чтобы запрещение сильно беспокоило Макса, он и так уже находился на запретной территории. Дело было в другом. Иногда свинья или какое-нибудь дикое животное забредали в туннель и не успевали выбраться оттуда до прохода поезда. Они погибали; мгновенно и без единой царапины. Как-то Макс высмотрел в туннеле совсем неподалеку от входа погибшую лису. Он быстро сбежал и вытащил ее. На ней не было никаких внешних повреждений, но когда он снимал с нею шкуру, то увидел, что ее тело представляло собой сплошную массу мелких кровоизлияний. Несколько лет тому назад какой-то человек был пойман поездом внутри туннеля. Дорожные рабочие извлекли труп.

Туннель был шире, чем кольцо, но не много — только чтобы позволить поезду двигаться, обгоняя свою собственную ударную волну, отраженную от стенок. Ничто живое, попавшее в туннель, не могло избежать этой волны; этот непереносимый громовой раскат, от которого даже на порядочном расстоянии болели уши, был заряжен такой энергией, что вблизи обозначал неминуемую мгновенную смерть.

Однако Макс совсем не хотелось карабкаться по обрыву; он прокручивал в уме ночное расписание поездов. Тот, за которым он наблюдал на закате, назывался «Томагавк»; прохождение «Джавелина» он слышал тогда, когда прятался в сарае. И «Асsegай» тоже должен был пройти уже довольно давно, хотя он его, вроде бы, и не слышал. Оставался полуночный «Кинжал». Макс посмотрел на небо.

Венера, конечно же, уже ушла за горизонт. Однако, к его удивлению, Марс все еще был виден на западе. Луны не было. Попробуем вспомнить — полнолуние было в прошлую пятницу. Конечно же...

Получавшийся у него ответ казался ошибочным, поэтому он дополнительно проверил себя, тщательно оценив положение Веги и сравнив его с тем, что ему говорило положение ковша Большой Медведицы. Тогда он тихо присвистнул — несмотря на всю уйму происшедших событий, сейчас было всего еще только десять часов, плюс минус пять минут; звезды никогда не ошибаются. В таком случае «Асsegай» будет не раньше, чем через три четверти часа. Если не брать в расчет какой-нибудь специальный поезд, вероятность которого крайне мала, у него была уйма времени.

Макс направился прямо в туннель. Пройдя яров пятьдесят, он уже пожалел о своем поступке и даже немного запаниковал; здесь было темно, как в могиле. Зато идти здесь было гораздо легче, стенки туннеля были совершенно гладкими, так как ничто не должно мешать прохождению ударной волны. После нескольких минут торопливого, хотя и на ощупь, продвижения по туннелю, когда глаза его адаптировались к полной темноте, он различил впереди еле заметный серый круг. Тогда он побежал — сначала рысцой, а

затем, подгоняемый страхом перед этим местом, — со всех ног.

Когда Макс достиг выхода, сухое горло его горело, а сердце колотилось, как сумасшедшее; потом он бросился вниз по склону, не обращая внимания на то, что почва под ногами сразу стала хуже, когда он покинул туннель и побежал по служебной тропе. Он не замедлял своего бега, пока не оказался около опоры кольца, опоры такой высокой, что кольцо, которое она поддерживала, казалось снизу совсем маленьким. Здесь он остановился и попытался справиться со своим дыханием.

Что-то ударило его сзади и сшибло с ног.

Он поднялся, не понимая ничего и шатаясь, как пьяный. Постепенно он вспомнил, где находится, и понял, что на какое-то время потерял сознание. Одна из его щек была в крови, ладони и локти ободраны. Только рассмотрев все это, он осознал, что случилось: над ним пролетел поезд.

Поезд пролетел не так близко от Макса, чтобы убить его, однако достаточно близко, чтобы ударная волна сбила его с ног. Это никак не мог быть «Ассегай»; он поглядел на звезды и снова убедился в этом. Нет, это был специальный, дополнительный, — и Макс выбежал из туннеля всего на какую-то минуту раньше его.

Тогда его затрясло, и прошло много минут, прежде чем он взял себя в руки. Потом он направился по служебной тропе со всей скоростью, на какую было способно его изодранное тело. Еще через какое-то время он обратил внимание на странное обстоятельство; ночь была совершенно безмолвной.

Но ведь ночь не бывает безмолвной. Никогда. Уши Макса, с младенческого возраста привыкшие к звукам и голосам родных холмов, должны были бы слышать несмолкаемое переплетение разнообразных ночных звуков — шелест листьев на ветру, копошение его меньших братьев — древесных лягушек, стрекотание насекомых, крики сов.

Неумолимая логика подсказала Макс, что он лишился слуха — стал глухим, как чурбан. Его оглушила ударная волна. Однако поделаться с этим нельзя было

сейчас ничего, так что он продолжил свой путь; мысль вернуться домой даже не пришла ему в голову. В глубине этой лощины, где опоры колец достигали высоты в триста футов, служебная тропа пересекалась с обычной сельской дорогой. Макс свернул на нее и пошел по ней вниз. Первая его задача — добраться до такого места, где Монтгомери вряд ли будет его искать, — была выполнена. Хотя он и находился пока что всего в нескольких милях от своего дома, но все же, пройдя сквозь хребет, он оказался совсем в другой местности.

Несколько часов он продолжал спускаться по сельской дороге. Дорога эта была совсем примитивной, пригодной разве для телег, но все-таки лучше, чем та, служебная. Где-то там, внизу, где холмы сменялись долиной, в которой жили «иностранцы», он найдет шоссе, проложенное параллельно магнитной дороге и ведущее в Земпорт. Именно Земпорт избрал он своим конечным пунктом, имея при этом более чем смутное представление относительно того, что будет делать, добравшись туда.

Луна светила теперь Максу в спину, и он шел довольно быстро. Кролик выпрыгнул на дорогу, присел на секунду, уставившись на него, и куда-то ускакал. При виде кролика Макс пожалел, что не захватил с собой малокалиберку. Спору нет, винтовка была очень старая, изношенная и стояла в таком виде гроши. К тому же последнее время становилось все труднее и труднее найти патроны для такого допотопного оружия, но кролик в котелке — это сейчас было бы великолепно, просто великолепно. Он понял, что не только страшно устал, но и очень проголодался. Он только чуть поковырял свой ужин там, дома, а на завтрак ему, похоже, придется сосать лапу.

Вскоре внимание Макса переключилось с голода на звон в ушах; звон, который к его беспокойству становился все сильнее и сильнее. Он тряс головой и хлопал себя по ушам, но ничего не помогало. Ему не оставалось ничего другого, как перестать обращать внимание на этот звон. Пройдя еще полмили или около того, он неожиданно обнаружил, что слышит звук своих шагов. Он остановился, как вкопанный, а

затем сильно хлопнул ладонями. Он отчетливо различил хлопок сквозь продолжавший звучать в ушах звон. Дальше он пошел с полегчавшим сердцем.

В конце концов Макс оказался на уступе, с которого открывался вид на расстелавшуюся внизу широкую долину. При лунном свете он различал плавный изгиб шоссе, ведущего на юго-запад, и даже мог, как ему показалось, различить флюоресцентные разделительные линии на его полотне. Он поспешил вниз.

Он приближался к шоссе и уже даже различал рев пролетающих мимо грузовиков, когда заметил впереди себя огонек. Макс осторожно приблизился, уверенный в том, что это и не машина, и не фермерский дом. С близкого расстояния выяснилось, что это небольшой костер, который можно было увидеть только сверху, с холма; со стороны шоссе его заслонял известняковый выступ. У костра какой-то человек, сидя на корточках, помещивал содержимое большой консервной банки, пристроенной на камнях над огнем.

Макс подкрался еще ближе и теперь глядел на стоянку бродяги почти прямо сверху. До него донесся запах варева, и рот его увлажнился. Разрываемый с одной стороны голодом, а с другой — врожденным недоверием горца к «иностранцам» он лежал неподвижно и смотрел. В конце концов человек снял посудину с огня и крикнул:

— Ты, там, кончай прятаться! Спускайся сюда!

Макс был слишком поражен, чтобы ответить сразу. Человек добавил:

— Иди сюда, к огню. Я не собираюсь нести его к тебе наверх.

Макс поднялся и вошел в круг света, отбрасываемого костром. Человек поднял на него глаза.

— Привет. Бери стул.

— Привет. — Макс присел на другой от бродяги стороне костра. Тот был одет даже хуже Макса и явно давно не пользовался бритвой. Однако и в этих лохмотьях он производил впечатление какой-то изысканной небрежности и держался с прямо-таки воробьиной самоуверенностью.

Человек продолжал помещивать варево в своей посудине, а затем зачерпнул его ложкой, подул на нее и попробовал.

— Считай готово, — объявил он. — Четырехдневная похлебка уже почти созрела. Бери себе тарелку. — Он поднялся, покопался в куче меньших банок за своей спиной и выбрал одну из них. Макс чуть помедлил, а затем сделал то же самое, остановив свой выбор на той, в которой когда-то был кофе и которая, похоже, с того времени больше не использовалась. Гостеприимный хозяин налил ему щедрую порцию варева, а потом протянул ложку. Макс посмотрел на нее.

— Если ты не доверяешь тому парню, который пользовался ею до тебя, — рассудительно произнес бродяга, — поддержи ее над огнем, а потом оботри. Что касается меня, то не беспокойся. Если клоп укусит меня, то погибнет в страшных мучениях. — Макс послушался этого совета, поддерживая ложку в огне, пока терпели пальцы, а потом вытерев ее собственной рубашкой.

Похлебка была хорошая, а голод сделал ее совершенно великолепной. Она была густая, из овощей и какого-то неопределенного мяса. Макс не стал ломать голову относительно происхождения составных элементов похлебки; он просто наслаждался ею. Через некоторое время хозяин сказал:

— Добавки?

— А? Конечно. Спасибо.

Вторая порция варева насытила Макса и наполнила каждую клеточку его организма ощущением блаженства. Он лениво потянулся, наслаждаясь своей усталостью.

— Ну что, полегчало? — спросил бродяга.

— Да, да еще как. Вот уж спасибо.

— Кстати, можешь называть меня Сэм.

— Ой, забыл. Меня звать Макс.

Макс несколько помедлил, прежде чем задать вопрос, беспокоивший его все это время.

— Слышь, Сэм? А как ты узнал, что я был там? Ты что, слышал меня?

Сэм ухмыльнулся.

— Нет. Но твой силуэт рисовался на фоне неба. Никогда больше не делай этого, мальчик, а то как-нибудь это станет последним, что ты сделаешь.

Макс резко повернулся и поглядел на то место, откуда смотрел на костер. Конечно же. Сэм был прав. Это надо же так влипнуть.

Сэм продолжил:

— И далеко ты собрался?

— Чего? Да, еще топать и топать.

Сэм помолчал, а затем сказал:

— Дома твои, верно, без тебя соскучились?

— Чего? Откуда ты это знаешь?

— Что ты из дома сбежал? Ведь ты же так и сделал, правда ведь?

— Да. Похоже, что так я и сделал.

— Когда ты сюда притащился, видок у тебя был — прямо скажу. Может, еще не поздно все это дело послать, пока ты еще не совсем сжег за собой мосты. Ты подумай, парнишка. На дороге — оно не сахар. Я-то это хорошо знаю.

— Вернуться? Я никогда не вернусь!

— Что, так уж тебя достало?

Макс не отвечал, глядя на пламя костра. Ему было крайне необходимо разобраться в своих собственных мыслях, даже если для этого требовалось рассказать чужаку о своем, личном — а этот чужак был какой-то очень легкий в общении. С ним говорить было просто.

— Сэм, а Сэм, у тебя была когда-нибудь мачеха?

— Что? Как-то не припомню, чтоб у меня была такая штука. Меня целовал на ночь Детский Дом Центрального Джерси.

— Вот оно что. — Макс, спотыкаясь, выложил всю свою историю. Сэм иногда прерывал Макса сочувственными вопросами, чтобы разобраться в невнятице его рассказа. — И вот тогда я смылся, — заключил Макс. — Больше нечего делать. Ведь правда?

Сэм пожевал свои губы.

— Пожалуй что и правда. Этот самый твой отчим в квадрате — он смахивает на мышь, которая хочет стать крысой. Но теперь ты от него хорошо ушел.

— Ты же не думаешь, что они попробуют найти меня и притащить назад, ведь не думаешь?

Сэм помолчал, подкладывая в костер новую деревяшку.

— А вот в этом я не уверен.

— Что? Да зачем же? Я ему не нужен. Ему нет до меня никакого дела. Да и мамочке тоже, если говорить правду. Она, конечно, может поскулить малость, но сама для меня пальцем о палец не ударит.

— Все это так, но есть еще и ферма.

— Ферма? Мне она не нужна. Теперь, когда отец умер. Да по правде говоря, ферма-то слова доброго не стоит. Там хребет себе переломить можно, пока вырастишь хоть какой-нибудь урожай. Если бы Закон о Пищевом Производстве не запретил владельцам земли прекращать использование сельскохозяйственных угодий, отец давным-давно бросил бы обрабатывать свой участок. Без этого самого казенного проекта невозможно было бы найти такого идиота, который избавил бы нас от этой фермы.

— Про то я и говорю. Этот тип уговорил твою, так сказать, мамашу загнать ферму. Так вот, мое юридическое образование, может, и не очень, — но похоже, что деньги эти должны бы пойти тебе.

— Что? Да хрен с теми деньгами, мне лишь бы уйти куда подальше от этой парочки.

— Не произноси таких слов про деньги; власть имущие повелят тебе заткнуться за подобное богохульство. Однако, скорее всего то, как ты сам к этому относишься, не имеет ровно никакого значения. Насколько я понимаю, гражданин Монтгомери вскоре страстно желает увидеть тебя.

— С чего бы это?

— Твой отец оставил завещание?

— Нет. А зачем? Он не оставил после себя ничего, кроме этой фермы.

— Я, конечно, не знаком со всеми хитростями законов вашего штата, однако то, что по крайней мере половина этой фермы — твоя, ясно, как божий день. Вполне возможно, что мачеха твоя имеет только право пожизненного пользования своей половиной с передачей тебе после ее смерти. И совершенно очевидно, что она не может заключить законную сделку без твоей подписи. И вот вскоре после того, как завтра утром откроется судебная контора вашего округа, предполагавшиеся покупатели это выяснят. Вот тут-то они и забегают, разыскивая ее. И тебя. И ровно через десять минут этот самый красавчик Монтгомери бросится искать тебя. Если только он не занят этим прямо сейчас.

— Господи боже! А если они меня найдут, имеют они право заставить меня вернуться?

— А ты не давай им себя найти. Ты успел для начала уйти довольно далеко.

Макс подобрал с земли свой рюкзак.

— Пожалуй, я лучше двинусь дальше. Огромное спасибо, Сэм. Может, и я тебе когда-нибудь пригожусь.

— Да сядь ты.

— Послушай, я уж лучше постараюсь убраться отсюда подальше.

— Парень, ты сейчас совсем выжатый и поэтому голова у тебя не очень соображает. Ну и далеко ты сегодня уйдешь, в такой отличной форме? Вот завтра, ранним утром, ясным и солнечным, мы с тобой спустимся вместе к шоссе, пройдем по нему с милю на юг. Там есть кафе, в которое заезжают шоферы грузовиков. И вот тут-то мы и подцепим какого-нибудь дальнбойщика, когда он будет выходить в хорошем настроении после хорошего завтрака. Договоримся, чтобы он нас подвез, и ты за десять минут проедешь больше, чем пройдешь сейчас за всю ночь.

Макс не мог не согласиться, что устал, точнее — совершенно вымотался. Кроме того, Сэм безо всякого сомнения понимал в таких делах больше, чем он. Сэм спросил:

— А одеяло-то у тебя есть в этой твоей торбе?

— Нет. Только рубашка... и книги.

— Книги, говоришь? Я и сам люблю почитать, когда есть подходящий случай. Дай посмотреть.

Макс довольно неохотно вытащил свои книги. Сэм поднес их поближе к костру и перелистал.

— Ничего себе, чтоб я был трехглазый марсианин! Да ты, парень, хоть представляешь себе, что это у тебя за книги?

— А как же.

— Но этого же просто не может быть, чтобы они были твоими. Ты же не член гильдии астронавигаторов.

— Нет, а дядя мой был. Он участвовал в первом полете к Бете Гидры, — гордо добавил Макс.

— Трепешься!

— Вот те крест.

— Но сам-то ты никогда не был в космосе? Да нет, конечно же, нет.

— Но я обязательно буду. — Тут Макс неожиданно признал то, о чем никогда ни с кем еще не говорил,

желание повторить путь своего дяди и тоже отправиться к звездам. Сэм задумчиво слушал его. Когда Макс кончил говорить, он медленно произнес:

— Так, значит, ты хочешь стать астронавигатором?

— Конечно, хочу.

Сэм почесал себе нос.

— Послушай, парень, не хотел бы я, чтобы мои слова были для тебя холодным душем, но ты же сам понимаешь, как все это делается. Стать астронавигатором почти так же трудно, как попасть в Гильдию Водопроводчиков. Гильдия не встретит тебя с распростертыми объятиями только из-за того, что тебе, видишь ли, захотелось в нее вступить. Членство в ней, как и во всех хорошо оплачиваемых гильдиях, передается по наследству.

— Но ведь мой дядя был членом этой гильдии.

— Вот именно, дядя, а не отец.

— Нет, но член гильдии, у которого нет сыновей, имеет право представить кого-нибудь другого. Дядя Чет мне это объяснял. Он всегда говорил мне, что собирается зарегистрировать мою кандидатуру.

— И он это сделал?

Макс молчал. В то время, когда дядя умер, он был еще слишком маленьким, чтобы суметь разобраться, как можно это узнать. А когда за дядей последовал отец, его без остатка поглотили домашние дела — он так и не проверил этого, подсознательно предпочитая лелеять свою мечту вместо того, чтобы подвергать ее проверке.

— Не знаю я, — наконец ответил он. — Я отправлюсь в Земпорт в Великое Братство и все узнаю.

— Да-а. Ну что ж, удачи тебе, парень. — Сэм глядел на огонь костра, как казалось Макс, печальными глазами. — Так я сейчас на боковую, и тебе советую. Если продрогнешь, там, под тем камнем, есть кой-чего — мешковина, упаковочные материалы и всякое такое. Не замерзнешь, если не боишься подхватить блоху-другую.

Макс заполз в указанную ему темную нору и обнаружил, что это что-то вроде пещеры в известняке. Ощупав пол, он нашел некое подобие подстилки. Он думал, что будет плохо спать, однако полностью вы-

ключился еще раньше, чем Сэм кончил прикрывать на ночь костер.

Разбудило его солнечное сияние, разливавшееся снаружи. Он выполз из своей норы, встал и потянулся, прогоняя одеревенение из своего тела. Судя по солнцу, было часов семь. Сэма нигде не было видно. Он осмотрел все вокруг, покричал, правда, не слишком громко, и решил, что Сэм отправился к ручью попить и умыться. Тогда он вернулся в свое прибежище и вытащил оттуда рюкзак, собираясь сменить носки.

Дядиных книг не было.

На его запасной рубашке лежала записка: «Дорогой Макс, — говорилось в ней. — В котелке еще остался супчик. Можешь подогреть его на завтрак. Пока. Сэм. P.S. Жаль, что так вышло».

Последующее исследование содержимого рюкзака показало, что пропало и удостоверение личности, но остальное жалкое хозяйство Макса Сэма не заинтересовало. Макс не притронулся к похлебке, а сразу пошел к шоссе, терзаемый горькими мыслями.

ГЛАВА 3

Земпорт

Грузовое шоссе по виадуку пересекало грунтовую дорогу, по которой шел Макс. Он поднялся наверх на дальней стороне шоссе и пошел на юг по его обочине. Путь этот был отмечен знаками «Проход воспрещен», но, несмотря на это, тропинка была хорошо протоптана. Потом шоссе расширилось, чтобы дать возможность машинам снижать скорость. Далее, на расстоянии порядка мили, виднелось кафе; видимо, то самое, о котором говорил Сэм.

Макс перескочил через изгородь, окружавшую кафе и стоянку для машин; затем он подошел к стоячным ячейкам, в которых в ряд выстроилось порядка дюжины больших наземных кораблей. Один из них, готовившийся к отправлению, дрожал, и его плоское днище уже зависло в нескольких дюймах от металлического покрытия площадки. Макс подошел к переднему концу этого грузовика и снизу заглянул в кабину. Дверца была открыта, и через нее был виден водитель,

наклонившийся над приборной доской. Макс окликнул его:

— Эй, мистер!

Водитель высунул голову наружу.

— Какого тебе?

— Вы случаем не подвезете меня на юг?

— Да иди ты, парень. — Дверца захлопнулась.

Ни один из остальных грузовиков не готовился к скорому отправлению, кабины их были пусты. Макс собрался было уже уйти, когда еще один гигантский грузовик скользнул по тормозной полосе, достиг стоянки, медленно вполз в ячейку и, наконец, опустился на землю. Макс думал, не подойти ли к водителю сразу, но решил подождать, пока тот не поест. Он отошел к зданию кафе и сквозь стекло стены, сглатывая слюни, смотрел, как изголодавшиеся мужчины изничтожают пищу, когда услышал за своим плечом приятный голос:

— Простите, пожалуйста, но Вы заслоняете дверь.

Макс отскочил в сторону.

— Ой, извините, пожалуйста.

— Проходите, пожалуйста, Вы же были первый. — Говоривший был лет на десять старше Макса. Его густо усыпанное веснушками лицо улыбалось почему-то только одним из уголков рта. К его шапочке, как заметил Макс, был приколот значок Гильдии Водителей Грузовиков. — Входите, — повторил человек, — а то рискуете, что Вас тут в сутолоке затопчут.

Макс убеждал себя, что он просто посмотрит, нет ли там, внутри, Сэма — в конце концов, не возьмут же они с него плату за то, что он просто войдет внутрь, если он не будет ничего есть. Почти втайне от самого себя он подумывал спросить управляющего, если у того будет достаточно дружелюбный вид, не найдется ли у них какой мелкой работы за обед. Слова этого веснушчатого склонили чашу весов; он проследовал за своим носом по направлению источника божественных запахов, струившихся из дверей кафе.

Кафе было переполнено, свободен был только один столик на двоих. Человек легко опустился в кресло и пригласил:

— Садитесь. — Увидев, что Макс мнетя, он добавил: — Давай, садись. Ненавижу есть в одиночку. —

Макс ощущал на себе взгляд управляющего; он сел. Официантка вручила каждому из них меню, и водитель одобрительно окинул ее взглядом. Когда девушка отошла, он произнес: — Раньше в этой помойке была автоматическая система обслуживания, и они разорились. Вся торговля перешла в «Тиволи», в восьмидесяти милях отсюда. Новый хозяин выкинул всю эту технику на свалку, набрал девиц, и дело снова пошло. Ничто не улучшает вкус еды так, как хорошенькая девушка, ставящая ее на столик перед тобой. Верно ведь?

— Э-э... наверное. Конечно. — Макс не слышал, что ему сказал водитель. Он очень редко бывал в кафе, да и то только за стойкой в Клайдовских Углах. Цены в меню его ужаснули; ему хотелось заползти под столик.

Шофер внимательно посмотрел на него.

— В чем дело, браток, что тебя беспокоит?

— Беспокоит? Да ничего.

— Ты что, без цента?

Жалкое выражение лица Макса само ответило на этот вопрос.

— Брунда, со мной такое частенько бывало. Ты успокойся. — Махнув рукой, он подозвал официантку. — Давай сюда, радость. Мы с напарником возьмем по бифштексу с яйцом сверху, а к нему это вот и вот это. И я хочу, чтобы яйцо было совсем чуть прожарено. Если оно будет, как подошва, я прибью его к стене как предостережение для других. Ясно?

— Да ты небось не сможешь даже гвоздь в яичницу вбить, — отпарировала она и отошла, соблазнительно покачиваясь. Водитель не спускал с нее глаз, пока она не исчезла на кухне. — Видишь, про что я говорю. Ну разве же может с этим конкурировать какой-нибудь механизм?

Бифштекс был отличным, и яйцо свернулось не совсем. Водитель сказал, чтобы Макс называл его «Рэд», а Макс в ответ сказал свое имя. Макс как раз подтирал кусочком хлеба остатки желтка с тарелки и раздумывал, настало ли уже подходящее время, чтобы поднять вопрос насчет поездки, когда Рэд слегка наклонился вперед и негромко сказал:

— Макс, ты куда-нибудь торопишься? У тебя найдется время для небольшой работы?

— Что? Ну, вполне возможно. А какая работа?

— Не против малость проехать на юго-запад?

— Юго-запад? По правде говоря, туда я и направляюсь.

— Добро. Так вот, какое дело. Хозяин говорит, что на каждой машине должно быть два водителя — а в противном случае надо отдыхать восемь часов после восьми за рулем. А я не могу сейчас этого себе позволить. За опоздание будет штраф, а напарник мой отключился. Этот дуболом наакался, и мне пришлось оставить его, чтобы малость пришел в себя. Так вот, через сто тридцать миль отсюда будет контрольный пост. Если я не предъявлю им второго водителя, они заставят меня остановиться.

— Да ты что, Рэд, я же не умею водить. Конечно, очень жалко.

Рэд отмахнулся от него.

— Да тебе и не надо будет. Ты каждый раз будешь отдыхающим водителем. Ты что, думаешь, я доверю свою малютку «Молли Мэлоуи» кому-нибудь, незнакомому с ней? Я продержусь на возбуждающих таблетках, а посплю недобранное уже в Земпорте.

— Ты что, едешь до самого Земпорта?

— Конечно.

— Тогда заметано.

— Порядок. Так вот, как это будет. Каждый раз, когда будем проезжать контрольный пункт, ты — спишь на койке. Ты помогаешь мне нагружать и разгружать — я должен скинуть часть груза и взять кое-что еще в Оклахома-Сити. А я тебя кормлю. Порядок?

— Порядок.

— Тогда потопали. Я хочу смыться отсюда до того, как тронутся остальные. Никогда не знаешь, кто из них может настучать. — Рэд кинул на стол бумажку и не стал ждать сдачи.

«Молли Мэлоуи» была двести футов в длину и имела обтекаемую форму, создававшую на ходу отрицательную подъемную силу. Макс понял это, глядя на приборы; когда она задрожала и приподнялась над землей на стоянке, шкала «расстояние от грунта» показала девять дюймов, но, когда они набрали скорость на полосе разгона, это расстояние уменьшилось до шести.

— Отталкивание обратно пропорционально кубу расстояния, — объяснил Рэд. — Чем сильнее воздух прижимает нас к полотну, тем сильнее дорога нас отталкивает. Это не дает нам прыгнуть за горизонт. Чем быстрее мы едем, тем устойчивее.

— А что, если ты пойдешь с такой скоростью, что воздух прижмет днище к дороге? Она может остановиться так быстро, чтобы не разлететься на куски?

— Шевели мозгами. Чем сильнее мы проседаем, тем сильнее нас отталкивает вверх. Я же сказал, обратно пропорционально кубу.

— А, ясно. — Макс вытащил дядину счетную линейку. — Если она как раз удерживает свой вес при клиренсе девять дюймов, тогда при трех дюймах отталкивание будет в двадцать семь раз больше ее веса, при одном дюйме — в семьсот двадцать девять, а при четверти дюйма...

— О таком даже и не думай. Даже при максимальной скорости я не могу опустить ее до пяти дюймов.

— А что ее двигает?

— Это разность фаз. Поле бежит вперед, а Молли пытается его догнать — только никогда не может. Ты только не спрашивай меня про всю эту теорию — я просто нажимаю кнопки. — Рэд закурил сигарету и, держа рычаг управления одной рукой, удобно откинулся на спинку сидения. — А теперь забирайся-ка ты, друг, в койку. Контрольный пост через сорок миль.

Койка была расположена за кабиной, поперек машины, это было что-то вроде полки над сидением. Макс вскарабкался туда и замотался в одеяло. Рэд подал ему шапочку вроде своей.

— Натяни ее себе на глаза, только пусть будет видно эту бляху. — Бляхой был значок Гильдии Водителей. Макс сделал, как ему было сказано.

Через некоторое время он услышал, что звук встречного потока воздуха с негромкого рева перешел на легкое посвистывание, а потом и совсем стих. Грузовик осел на дорожное полотно, дверца кабины открылась. Он лежал тихо, и ему не было видно происходящего. Незнакомый голос произнес:

— И как долго ты ее гонишь?

— Да вот, сел после завтрака у. Тони.

— Всего-то? Чего же это у тебя такие красные глаза?
— Это оттого, что я веду дурную жизнь. А язык показать?

На шуточку инспектор реагировать не стал, а вместо этого сказал:

— Твой напарник не расписался в путевке.

— Как Вам будет угодно. Хочешь, я разбужу этого придурка?

— Ээ... да нет, не стоит. Распишись за него сам. Только скажи ему потом, чтобы был в другой раз повнимательней.

— Точно.

«Молли Мэлоуи» тронулась с места и набрала скорость. Макс «полз» вниз.

— Когда он спросил про мою подпись, я уже думал, что мы влипли.

— Да нарочно я это сделал, — пренебрежительно сказал Рэд. — Всегда надо кинуть им какую-нибудь косточку, чтоб погрызть, а то они сами начнут все раскапывать.

Грузовик Максу понравился. Огромная скорость, да еще так близко к земле, приводила его в восторг; он уже стал подумывать, что, если вдруг не удастся стать космонавтом, такая жизнь — это тоже было бы неплохо — он узнает, сколько надо на вступительный взнос в гильдию и начнет откладывать деньги. Ему нравилась непринужденность, с которой Рэд выбирал на дорожном полотне линию, соответствующую скорости «Молли», и потом клал огромный грузовик в вираж. Обычно это бывала внешняя, самая быстрая линия, «Молли» заваливалась набок, и горизонт перекашивался под диким углом.

Подъезжая к Оклахома-Сити, они пролетели под кольцевыми направляющими ЧСЗ-дороги как раз в тот момент, когда проходил поезд — «Бритва» по расчетам Макса.

— Когда-то я водил эти штуки, — произнес Рэд, бросив взгляд вверх.

— Ты водил их?

— Ага. Но потом мне стало в них как-то беспокойно. Я ненавидел ощущение невесомости, которое появлялось при каждом прыжке. Потом мне стало казаться, что у поезда есть собственные намерения и он просто

рвется свернуть вбок вместо того, чтобы спокойно войти в следующее направляющее кольцо. От таких мыслей не приходится ждать ничего хорошего. И тогда я нашел водителя, который горел желанием поднять свое положение и заплатил обоим гильдиям за разрешение поменяться с ним. И не пожалел потом об этом ни разу. Две сотни миль в час на таком малом расстоянии от земли — этого более чем достаточно.

— А как насчет космических полетов?

— Ну, это же совсем другое дело. Там у тебя есть свободное место со всех сторон. Знаешь, парень, когда ты будешь в Земпорте, обязательно хорошенько посмотри на эти большие штуки. Они того стоят.

Библиотечная книга прямо жгла Макса через рюкзак; в Оклахома-Сити он заметил почтовый ящик около стоянки грузовиков и, повинуясь мгновенному импульсу, кинул книгу туда. Сделав это, он почувствовал легкий укол беспокойства; он давал ключ к тому, где он находится в настоящее время, и этот ключ может попасть к Монтгомери. Однако он подавил это беспокойство — в конце концов — ведь он же обязан вернуть книгу. Его не беспокоили нарушения закона, ни то, что он заходил в места, обозначенные «Вход воспрещен», ни то, что он сейчас изображал из себя второго водителя; невозвращение библиотечной книги — это было совсем другое дело. Это был грех.

Когда они прибыли на место, Макс спал на койке. Рэд потряс его за плечо.

— Парень, конец маршрута.

Макс сел, широко зевая.

— А где мы?

— Земпорт. Давай малость встряхнемся и разгрузим эту красоту.

К тому времени, как они разобрали груз «Молли», с восхода прошло два часа и уже становилось попустынному жарко. Рэд последний раз повел Макса завтракать. Рэд кончил есть первым, заплатил и затем положил бумажку рядом с тарелкой Макса.

— Спасибо, парень. А это — тебе на счастье. Пока. — Пока Макс сидел с раззявленным ртом, он уже исчез. Макс так никогда и не узнал его фамилию; он даже не заметил номер на его значке.

Земпорт был самым большим поселением, какое Макс когда-либо видел в своей жизни. Все в нем смущало и несколько пугало Макса — спешащие куда-то толпы не обращающих ни на что внимания людей, огромные здания, движущиеся дорожки, заменявшие обычные улицы, шум, пустынное солнце, сверкавшее в небе, совершенная гладкость местности — это надо же, вплоть до самого горизонта невозможно было найти ничего, достойного названия холмика.

Тут он впервые увидел инопланетянина — восьми-футового уроженца Эпсилона Близнецов-5. Тот вышел из какого-то магазина со свертком под левыми руками — так же непринужденно, подумал Макс, как фермер, явившийся в Углы за субботними покупками. Макс уставился на инопланетянина. По снимкам в газетах и СВ-программам он знал, что это за существо, но увидеть своими глазами — это было совсем другое дело. Многочисленные глаза, видом напоминавшие цепочку желтых виноградин вокруг его головы, придавали существу гротескный, вроде как безликий вид. Макс крутил головой, следя за ним.

Существо подошло к полицейскому, дотронулось до своей шапочки и произнесло:

— Простите, пошалуста, шеф, Вы не мокли пышкашать, как пройти к атлетическому клупу «Пальмы пуштыни»? — Откуда исходили звуки — этого Макс понять не мог.

В конце концов Макс понял, что кроме него никто не глазееет на инопланетянина; тогда он медленно побрел дальше, время от времени бросая украдкой взгляды через плечо назад. Это вскоре привело к тому, что он налетел на одного из прохожих.

— Ой, простите меня, пожалуйста! — испуганно выпалил Макс. Незнакомец внимательно поглядел на него.

— Поосторожней, браток. Ты же теперь в большом городе. — После этого Макс старался быть внимательнее.

Он собирался сразу найти, где находится Гильдия Великого Братства Астронавигаторов, в отчаянной надежде на то, что даже без дядиных книг и удостоверения личности он сможет доказать, кто он такой, и узнать, успел ли дядя Чет позаботиться о его будущем. Однако все вокруг было так интересно и так хотелось

на все поглазеть, что он заблудился. Макс обнаружил себя в конце концов перед фасадом Имперского Дома, отеля, обещавшего обеспечить необходимое сочетание давления, температуры, освещения, атмосферы, псевдогравитации и питания для любого известного вида разумных существ. Он походил некоторое время неподалеку в надежде увидеть кого-либо из постояльцев отеля, но единственный, появившийся из отеля за то время, пока он ждал, выкатился в чем-то вроде цистерны высокого давления, заглянуть внутрь которой было невозможно.

Он заметил, что охранник, стоящий у двери отеля, поглядывает на него, и двинулся было дальше, но потом решил спросить, в какую сторону идти, рассуждая, что если уроженец Близнецов мог расспрашивать полицейского, то, конечно же, и человек может сделать то же самое. Он с удивлением обнаружил, что прямо цитирует инопланетянина.

— Простите, пожалуйста, сэр, Вы не могли бы сказать мне, как пройти к Гильдии Астронавигаторов?

Полицейский оглядел Макса.

— В конце Авеню Планет, перед самым портом.

— Мм., а в какую...

— Недавно здесь?

— Ага. Да, сэр.

— И где ты остановился?

— Остановился? Да пока еще нигде. Я только что сюда приехал. Я...

— А какие у тебя дела в Гильдии Астронавигаторов?

— Это по поводу моего дяди, — жалко пробормотал Макс.

— Твоего дяди?

— Он... он астронавигатор. — Макс мысленно попросил у Бога прощения за использование в фразе настоящего времени.

Полицейский вновь оглядел его.

— Отправляйся по этой дорожке до ближайшего перекрестка, там перейди и иди на запад. Это здоровое здание со знаком Гильдии — изображением солнца над входом. Мимо не пройдешь. Только не лезь в те места, куда запрещен вход.

Макс двинулся, не дав себе труда выяснить, каким, собственно, образом он должен догадываться, куда за-

прещен вход. Найти здание Гильдии и вправду оказалось просто; бежавшая на запад движущаяся дорожка нырнула под землю, а когда она вновь вынырнула и пошла на поворот в обратную сторону, Макс оказался прямо перед ним.

Но глядел он не на него. На запад, где кончалась авеню и не было больше домов, лежала площадка космопорта, а на ней — корабли, миля за милей. Маленькие проворные стрелы боевых кораблей, тупорылые лунные челноки, крылатые обслуживающие станции — спутники, автоматические грузовики, мощные и неуклюжие. А прямо напротив входа, не более чем в полумиле от него, стоял огромный корабль, который он узнал с первого взгляда, — звездный корабль «Асгард». Он знал его биографию, на нем служил дядя Чет. Сотню лет назад его построили в космосе, это был корабль космос—космос, не садившийся ни на какую планету; тогда назывался «Принц Уэльский». Прошли годы, с него сняли ракетные двигатели и разожгли в нем вместо них масс—конверсионный факел; тогда он именовался «Эйнштейн». Прошли еще годы, около двадцати лет он вращался вокруг Луны, бесполезная, допотопная пустая скорлупа. Теперь на нем вместо факела стояли движители Хорста—Конрада, отталкивавшиеся от самой ткани пространства; благодаря им он, наконец, смог познакомиться с поверхностью Матушки—Земли. В ознаменование нового рождения он получил имя Асгарда, небесного обиталища богов.

Его грузная, грушеобразная туша покоилась на более остром своем конце, поддерживаемая лесом невидимых издалека выдвигаемых опор. Макс знал, где они должны быть, так как вокруг корабля стояло ограждение, должествующее преградить неосторожным случайным людям путь в опасное место.

Он прижался носом к входным воротам космопорта, пытаясь получше разглядеть этот корабль. Через некоторое время его окликнул чей-то голос:

— Брысь отсюда, Джек! Ты что, знака не видишь? — Макс взглянул на ворота. Над его головой висел знак «Запретная зона». Он с неохотой отошел от ворот и пошел к зданию Гильдии.

Гильдия Астронавигаторов

Все в здании Великого Братства представлялось глазам Макса роскошным, устрашающим; впечатление было такое, словно находишься в церкви. Огромные двери при его приближении бесшумно раскрылись, уйдя куда-то в глубь стен. На покрытом ковром полу шагов было не слышно. Он глядел вдоль длинного, высокого фойе, раздумывая, куда же идти теперь, когда его остановил твердый голос.

— Я могу быть Вам чем-нибудь полезной?

Он повернулся. На него смотрела строгого вида очаровательная молодая женщина. Она сидела за столом. Макс подошел к ней.

— М..мэм. Может, Вы можете сказать мне, миссис, к кому бы мне тут обратиться. Я, по правде говоря, не совсем точно знаю...

— Секунду. Пожалуйста, как Ваша фамилия? — За несколько минут она вытащила из него все основные факты, связанные с его розысками. — Насколько я могу понять, Вы не имеете здесь никакого статуса, а также и никакого повода обращаться в Гильдию.

— Но я же Вам рассказал, что...

— Ладно. Я передам это в юридическое управление. — Она дотронулась до какой-то кнопки, и из ее стола поднялся экран. Глядя на экран, женщина произнесла: — Мистер Хэнсон, Вы можете уделить минутку?

— Да, Грейс?

— Тут у нас один юноша, который считает, что наследственно принадлежит к Гильдии. Вы можете с ним побеседовать?

Голос ответил:

— Грейс, Вы же знаете, как это делается. Запишите адрес, пошлите его заниматься своими делами, а бумаги пришлите сюда для рассмотрения.

Она нахмурилась и тронула другую кнопку. Теперь, хотя Макс и видел, что она продолжает говорить, он не слышал ни звука. Поговорив, она кивнула, затем экран скользнул обратно в стол. Она тронула еще одну кнопку и произнесла:

— Скитер.

Из двери за ее спиной выскочил мальчик-посыльный и оглядел Макса холодными глазами с головы до ног.

— Скитер, — продолжила она, — проводите этого посетителя к мистеру Хэнсону.

Посыльный фыркнул:

— Его, что ли?

— Его. А кроме того, застегните воротник рубашки и выкиньте куда-нибудь эту свою жвачку.

Мистер Хэнсон выслушал рассказ Макса и передал его своему начальнику, главному юридическому советнику. Пришлось рассказывать в третий раз. Чиновник задумчиво побарабанил пальцами по крышке, а затем поговорил с кем-то, используя такое же заглушающее приспособление, как ранее девушка.

Потом он повернулся к Максусу.

— Сынок, тебе очень повезло. Наипочтеннейший Верховный Секретарь соблаговолил уделить тебе несколько минут своего времени. Так вот, когда ты войдешь к нему, не садись, помни, что ты должен говорить только тогда, когда к тебе обращаются, и быстро удались, когда он скажет тебе, что аудиенция окончена.

По сравнению с кабинетом Верховного Секретаря, вся та роскошь, которая поражала Макса до этого, казалась строгим аскетизмом. Один ковер стоил не меньше, чем вся ферма, на которой вырос Макс. Нигде не было видно средств связи, документов; не было даже письменного стола. Верховный Секретарь полулежал в огромных размеров кресле; какой-то служитель массировал ему голову. При появлении Макса Секретарь поднял голову и произнес:

— Входи, сынок. Садись сюда. Как тебя зовут?

— Максимилиан Джонс, сэр.

Они глядели друг на друга. Секретарь видел долгового юнца, которому не помешали бы стрижка, ванна и приличная одежда; Макс видел толстого коротышку в перемятой униформе. Голова его казалась великовата для туловища, а что касается глаз, то Макс не мог решить однозначно — смотрят они сочувственно или холодно.

— И ты — племянник Честера Артура Джонса?

— Да, сэр.

— Я хорошо знал Брата Джонса. Великолепный математик. — Верховный Секретарь продолжил: — Я так

понимаю, что ты имел несчастье потерять свое правительственное Удостоверение Личности. Карл.

Он не повышал голоса, однако перед ним мгновенно появился молодой человек.

— Да, сэр?

— Сними отпечаток большого пальца этого молодого человека, свяжись с Бюро Идентификации — не здешним, а с главной конторой в Новом Вашингтоне. Передай привет от меня начальнику Бюро и скажи ему, что я буду крайне благодарен, если они произведут идентификацию, пока ты находишься у аппарата.

С Макса быстро сняли отпечаток, и человек по имени Карл ушел из кабинета. Верховный Секретарь продолжил:

— Какова цель твоего приезда сюда? — Макс неуверенно объяснил, что дядя собирался представить его для ученичества в Гильдии.

Человек кивнул.

— Так я и думал. Жаль разочаровывать тебя, юноша, но Брат Джонс не сделал никаких представлений.

Макс с трудом осознал смысл такого простого утверждения. Настолько его внутренняя гордость была связана с гордостью за профессию дяди, настолько все его надежды покоились на вере в то, что дядя называл его наследником своей профессии, что он не мог так сразу принять приговор, что он — никто и ничто. Он выпалил:

— А Вы совершенно уверены? Вы проверяли?

На лице массажиста появилось шокированное выражение, но Верховный Секретарь ответил спокойно:

— Архивы были обследованы, и не один раз, а дважды. Сомнений быть не может. — Верховный Секретарь сел, сделал легкое движение рукой, и служитель испарился. — Крайне сожалею.

— Но он же мне говорил, — упрямо произнес Макс. — Он говорил, что собирается.

— И несмотря ни на что он этого не сделал. — Человек, бравший отпечаток пальца, появился в кабинете и передал Верховному Секретарю записку. Тот бросил на нее взгляд и откинул ее в сторону. — У меня нет ни малейших сомнений, что он думал о тебе. Представление кандидатуры в наше братство связано с серьезнейшей ответственностью; вполне обычна ситуа-

ция, когда бездетный брат в течение длительного времени присматривается к какому-либо подходящему парню, прежде чем решит, стоит он того или нет. По каким-то причинам твой дядя не назвал твоего имени.

Макс был крайне поражен этой унижавшей его теорией, что любимый дядя мог счесть его недостойным. Это не могло быть правдой — ведь как же, всего за день до своей смерти он говорил, — Макс прервал свои мысли, чтобы сказать:

— Сэр, думаю, что я знаю, как это все получилось.

— Да?

— Дядя Честер умер внезапно. Он собирался назвать меня, но не имел такой возможности. Я совершенно в этом уверен.

— Возможно. Нередко человек не успевает привести в порядок свои дела, прежде чем выходит на последнюю орбиту. Однако я обязан исходить из предположения, что он знал, что делает.

— Но как же...

— Молодой человек, это все. Нет, не уходи еще. Я думал о тебе сегодня. — На лице Макса появилось изумление, Верховный Секретарь улыбнулся и продолжил: — Видишь ли, ты — второй «Максимиллиан Джонс», явившийся к нам с этой историей.

— Как?

— Вот именно как. — Чиновник Гильдии сунул руку в карман своего кресла, вытащил оттуда несколько книг и карточку и протянул их Макс, который смотрел, не веря своим глазам.

— Книги дяди Чета.

— Да. Другой человек, старше тебя, вчера появился здесь с этими книгами и твоим удостоверением. Но у него было поменьше амбиций, чем у тебя, — сухо добавил Секретарь. — Он был согласен на положение не столь высокое, как у астронавигатора.

— И что же вышло?

— Когда мы попытались снять у него отпечатки пальцев, он неожиданно исчез. Сам я его не видел. Но когда сегодня появился ты, мне уже стало интересно, сколько еще «Максимиллианов Джонсов» удостоят нас своим вниманием. В будущем береги получше эту карточку — я так понимаю, что мы спасли тебя от штрафа.

Макс положил удостоверение во внутренний карман.

— Огромное спасибо, сэр. — Он начал засовывать книги в свой рюкзак. Верховный Секретарь жестом остановил его.

— Нет, нет! Верни, пожалуйста, эти книги.

— Но ведь дядя Чет подарил их мне.

— Очень жаль, но в самом крайнем случае он мог дать их тебе на время — и даже этого он не должен был делать. Орудия нашей профессии не бывают личной собственностью — они выдаются каждому из братьев на время. Выходя в отставку, твой дядя должен был их вернуть, хотя некоторые братья из сентиментальных соображений не хотят с ними расставаться. Передай их, пожалуйста, мне.

Макс все-таки медлил.

— Да ты сам подумай, — увещающе сказал чиновник. — Разве годится, чтобы наши профессиональные секреты бродили неведомо где и были доступны кому угодно. Такого не допускают даже парикмахеры. На нас лежит огромная ответственность перед народом. Законным хранителем этих руководств может быть только член нашей гильдии, который прошел обучение, тренировку, проверку, принял присягу и был принят.

Ответ Макса был еле слышен.

— Да что же в этом плохого. Я же не буду ими пользоваться, если на то пошло.

— Но ты, конечно же, не являешься сторонником анархии? Все наше общество базируется на том, что важные секреты доверяются только тем, кто этого достоин. Но ты не грусти. Каждый из братьев, когда ему выдаются орудия его труда, оставляет казначею задаток. Я считаю, что так как ты — ближайший родственник брата Джонса, мы вполне можем возратить этот задаток тебе за возвращение книг. Карл.

Молодой человек вновь откуда-то возник.

— Деньги из депозита, пожалуйста. — Деньги были у Карла с собой. Создавалось впечатление, что он и зарабатывает себе на жизнь тем, что всегда знает, что Верховный Секретарь собирается пожелать. Макс неожиданно для себя обнаружил, что принимает внушительную пачку денег, больше, чем он когда-либо в жизни видел; книги были взяты у него прежде, чем он смог придумать какое-либо еще возражение.

Похоже было, что пора уходить, однако ему снова жестом было указано на стул.

— Мне лично очень жаль тебя разочаровывать, но я — лишь слуга своих братьев; у меня нет выбора. И в то же время... — Тут Верховный Секретарь сложил кончики пальцев своих рук друг с другом. — Наше братство не оставляет в беде своих. В моем распоряжении есть средства для таких случаев. Ты не хотел бы пойти в обучение?

— Для Гильдии?

— Нет, конечно же, нет! Мы не собираемся раздавать из соображений благотворительности членство нашего братства. Обучение какой-либо приличной профессии — кузнеца, или повара, или портного — что ты пожелаешь. Любой род занятий, не передаваемый по наследству. Братство поддержит тебя, заплатит за твоё обучение и, если учёные хорошо пройдут, даст тебе в долг деньги на вступительный взнос в гильдию.

Макс понимал, что должен с благодарностью принять это предложение. Ему бесплатно предлагали благо, которое большинство из кишачих людских масс не получают никогда и ни на каких условиях. Однако некое врожденное чувство противоречия, то же самое, из-за которого он с презрением пренебрег оставленным Сэмом супом, сделало так, что щедрое предложение костью застряло у него в глотке.

— Конечно, большое спасибо, — ответил он почти что уверенным голосом, — но я не думаю, что вправе на это согласиться.

На лице Верховного Секретаря появилось мрачное выражение.

— Ты так думаешь? Ну что ж, это — твоя жизнь, тебе и жить. — Он щелкнул пальцами, появился посыльный, и Макс был быстро препровожден на улицу.

Он стоял на ступеньках здания Гильдии и отрешенно размышлял, что же делать дальше. Теперь его не привлекали даже корабли, стоявшие на космодроме; у него подкатывали слезы, если он смотрел на них. Вместо этого он глядел на восток.

В этом направлении, на небольшом от него расстоянии некая подтянутая фигура стояла, облокотившись о мусорный бак. Когда глаза Макса остановились на

нем, этот человек выпрямился, бросил окурок на мостовую и направился к нему.

Макс снова посмотрел на человека.

— Сэм! — Вне всяких сомнений, это был тот самый бродяга, который его обокрал, — хорошо одетый, гладко выбритый — но все равно тот же самый Сэм. Макс торопливо пошел ему навстречу.

— Приветик, Макс! — поприветствовал его Сэм с улыбкой, в которой не было ни малейшей тени смущения. — И как делишки?

— Мне бы нужно сказать, чтобы тебя арестовали!

— Тише, тише, говори поспокойнее. Ты привлекаешь к себе внимание.

Макс глубоко вздохнул и заговорил потише.

— Ты украл мои книги.

— Ты говоришь — твои книги? Да они же не были твоими — я вернул их настоящим хозяевам. Ты что, хочешь, чтобы меня арестовали за это?

— Но ведь ты... И в любом случае ты...

За спиной Макса прозвучал голос, вежливый, твердый и официальный:

— Сэр, этот человек досаждал Вам? — Макс повернулся и увидел полицейского. Он собрался было что-то сказать, но сразу прикусил язык, сообразив, что вопрос был адресован Сэму.

Сэм взял Макса за руку повыше локтя жестом покровительственным и отеческим; хватка тем не менее была твердой.

— Да нет, офицер, все в порядке. Спасибо.

— Вы совершенно в этом уверены? Мне передали, что этот мальчонка двигается в эту сторону и чтобы я малость приглядывал за ним.

— Это мой друг. Я его здесь ждал.

— Как знаете. У нас уйма хлопот с бродягами. Похоже, все они так и рвутся в Земпорт.

— Он не бродяга. Это мой молодой друг из провинции; боюсь, он тут немного запутался. Я за него отвечаю.

— Очень хорошо, сэр. Спасибо.

— Совершенно не за что. — Макс позволил Сэму увести себя. Когда они были вне слышимости полицейского, Сэм сказал: — Едва пронесло. Этот въедливый придурок засунул бы нас обоих в каталажку. Ты,

парень, правильно сделал, что не разевал зря свою варезку. — Сэм отпустил руку Макса, только когда они свернули за угол, в переулок. Тогда он остановился и, ухмыляясь, повернулся к Максусу. — Ну так что, парень?

— Мне надо было сказать ему все про тебя.

— И чего ж ты этого не сделал? Он же стоял перед тобой.

Макса разрывали противоречивые чувства. Конечно же, он злился на Сэма, однако его первой, непосредственной реакцией при виде бродяги было теплое чувство, которое испытываешь, увидев знакомое лицо в толпе чужих; злость пришла на какую-то долю секунды позднее. Теперь Сэм смотрел на него с легким цинизмом, по лицу его блуждала загадочная улыбка.

— Ну так что же, парень? — повторил он. — Если ты и вправду хочешь сдать меня, пошли назад и покончим с этим. Я не побегу.

Макс бросил на Сэма раздраженный взгляд.

— Да брось ты это, забудем!

— Спасибоочки. Мне жаль, парень, что так вышло, правда жаль.

— Тогда зачем ты это сделал? — Лицо Сэма неожиданно приобрело печальное, отстраненное выражение, потом на нем вновь появился тот же жизнерадостный цинизм. — Меня ввела в соблазн одна идея, старик, — у каждого человека есть свои пределы. Когда-нибудь потом я тебе все расскажу. А теперь — как насчет того, чтобы поработать челюстями и почесать языками? Тут неподалеку есть одна такая забегаловка, где можно потрепаться и этот самый шум не глушит тебя все время.

— Не знаю, хочу ли я.

— Да брось ты это. Еда там не бог весть что, но все-таки лучше моего супчика.

Макс был готов произнести выпренную речь о том, почему он не стал сдавать Сэма в полицию, и о том, почему у него нет ни малейшего желания разделить с Сэмом обед; однако при упоминании о супчике осекся. Он неловко припомнил, как Сэм не расспрашивал его о моральных устоях, а просто поделился своей пищей.

— Да... ладно.

— Вот это то, что я называю правильным парень. — Они пошли по переулку. Этот район принадлежал к разновидности, которую можно найти поблизости от порта в любом портовом городе; как только они сошли с помпезной Аvenues Планет, толпа стала гуще, шумнее, оживленнее и вроде как-то теплее и дружелюбнее, несмотря на сильный душок «не выпускай кошелька из рук». Крохотные портняжные мастерские, маленькие ресторанчики, не чересчур сверкавшие чистотой, дешевые гостиницы, сомнительные игорные заведения, какие-то притоны, выставки, как «образовательные», так и «научные», уличные торговцы, театрики с аляповатыми афишами, из чьих дверей просачивались звуки музыки, букмекерские конторы, притворяющиеся магазинчиками, астрологические салоны, притворяющиеся татуировочными ателье и, конечно же, неизбежная миссия Армии Спасения придавали этому переулку аромат, которого не хватало его более пристойным родственникам. Марсиане в респираторах и темных очках со стеклами в форме листьев клевера, гуманоиды с Беты Ворона-3, какие-то твари с внешними скелетами, явившиеся Бог знает откуда, — все они толкались в одной толкучке с людьми всех возможных цветов и оттенков, и все сливались в легкое, непринужденное братство.

Сэм остановился перед заведением с древним, традиционным знаком трех золотых шаров.

— Подожди здесь малость. Я сейчас.

Макс ждал, глядя на толпу. Вскоре Сэм снова появился, но без своего плаща.

— Ну, теперь мы можем и поесть.

— Сэм, ты что, заложил свой плащ?

— Возьми с полки пирожок. Как это ты догадался?

— Но ведь... Слушай, я же не знал, что ты на мели, у тебя такой процветающий вид. Забери его назад, я... я заплачу за обед.

— Надо же, это очень мило с твоей стороны, парень. Ты про это забудь. При здешней погоде плащ мне ни к чему. Точно. Я так вырядился просто для того, чтобы произвести хорошее впечатление — как бы это сказать, в связи с одним небольшим делом.

— Но откуда ты... — начал было Макс и сразу смолк.

Сэм ухмыльнулся.

— Ты хочешь спросить, не спер ли я весь этот прикид? Нет. Я просто повстречал некоего обывателя, полного веры в проценты вероятности, и включился в дружественную азартную игру с ним. Запомни, парень, никогда не делай ставки по этим самым процентам, умение гораздо важнее. А вот мы и пришли.

В зале, выходившем на улицу, был бар, в глубине находился ресторанчик. Сэм провел Макса через ресторан, через кухню, затем вдоль коридора, в комнатах по обеим сторонам которого шла игра в карты. В конце этого коридора был расположен меньший, не такой претенциозный ресторанный зал; Сэм выбрал столик в углу. К ним, приволакивая одну ногу, пришаркал огромного роста самоанец. Сэм поприветствовал его кивком.

— Приветик, Перси. — Затем он повернулся к Макс-у. — Сперва по одной?

— Да я, пожалуй, не буду.

— Очень правильно. И не пробуй эту гадость. Перси, мне ирландский и нам обоим, что у вас там есть на обед. — Самоанец молча продолжал стоять. Сэм пожал плечами и выложил на стол деньги. Перси их сгрэб.

Макс попытался возразить.

— Но я же собирался сам заплатить.

— Можешь заплатить за обед. Перси — хозяин этого заведения, — добавил Сэм. — Он непристойно богат, но не думай, что он стал таким, доверяя типам вроде меня. А теперь расскажи, старик, о себе. Как ты сюда попал? Как ты там побеседовал с этими астронавигаторами... вообще все. Что, закололи они упитанного тельца?

— Да вроде нет. — Макс не видел, почему бы ему не рассказать все Сэму; кроме того, он понял, что ему хочется говорить. Когда он окончил рассказ, Сэм кивнул.

— Чего-то в этом роде я и ожидал. У тебя есть какие-нибудь планы?

— Нет. Сэм, я не знаю, что мне теперь делать.

— Хм... С непрухой бороться трудно. Ешь пока, а я выпью.

Через некоторое время он добавил:

— Макс, а чем бы ты хотел заняться?

— Ну... я хотел быть астронавигатором...
— Об этом нет смысла и говорить.
— Понимаю.
— Ты мне скажи, ты хочешь быть астронавигатором и никем другим, или ты просто хочешь попасть в космос?

— Знаешь, я никогда не думал об этом с такой точки зрения.

— Ну так подумай.

Макс подумал.

— Я хочу в космос. Даже если я не могу попасть туда в качестве астронавигатора, я все равно хочу — все равно кем. Но я не знаю, как. Гильдия Астронавигаторов была единственной, в которой у меня был хоть какой-то шанс.

— Есть всякие способы.

— Чего? Ты имеешь в виду — подать заявление на эмиграцию?

Сэм покачал головой.

— Чтобы попасть в одну из приличных колоний, надо значительно больше денег, чем ты можешь собрать, а попасть в те, куда можно бесплатно, я не пожелал бы и худшему своему врагу.

— На что же ты тогда намекаешь?

Сэм ответил не сразу.

— Есть всякие способы провернуть это, сынок, если ты будешь меня слушаться. Этот самый твой дядя — ты много с ним общался?

— Конечно.

— И он рассказывал тебе про космос?

— Конечно же. Больше мы с ним ни о чем и не говорили.

— Хм... И ты хорошо знаешь их космический жаргон?

ГЛАВА 5

...Твои деньги и мое умение...

— **Ж**аргон? — Макс удивился. — Я знаю, наверное, примерно то же, что и любой другой.

— Где находится Хитрая Яма?

— Чего? Это пост управления.

— А если жулику потребуется покойник, где он его возьмет?

Тут Макс откровенно развеселился.

— Это же все просто чушь из СВ-сериалов, на борту никто так не разговаривает. Повар это повар, и, если ему потребуется кусок говядины, он пойдет за ним в морозилку.

— А чем отличается животное от скотины?

— Ну, скотина — это пассажир, а животное, наверное, — это просто животное.

— Если, скажем, ты на корабле, идущем на Марс, и вдруг объявили, что гикнулась силовая установка и корабль идет по спирали прямо к Солнцу. Что бы ты подумал?

— Я подумал бы, что какой-то шутник пытается меня перепугать. Перво-наперво, я не мог находиться «на» корабле, а только «в». Во-вторых, спираль не относится к возможным орбитам. И, в-третьих, если корабль направлялся с Земли на Марс, он не мог бы упасть на Солнце, эти орбиты несовместимы.

— Ну, а если ты — член команды корабля, находишься в чужом порту и хочешь прогуляться, познакомиться с местными достопримечательностями. Каким образом ты пойдешь к капитану за разрешением?

— Так я же этого не буду делать.

— Ты просто смоешься с корабля?

— Дай мне закончить. Если я захочу прошвырнуться, я спрошу разрешения у первого помощника, капитан не занимается такой ерундой. А если корабль достаточно большой, я сперва спрошу разрешения у начальника своей секции. — Макс сел и пристально посмотрел на Сэма. — Сэм, ты же бывал в космосе. Правда ведь?

— Как такая глупая мысль пришла тебе в голову?

— Из какой ты гильдии?

— Заткнись, Макс. Кто не спрашивает, тому не соврут. Может, я все это изучил по чужим разговорчикам, так же, как ты.

— Не верю я, — напрямик сказал Макс.

По лицу Сэма было видно, что он оскорблен до глубины души. Макс продолжил:

— Так к чему все это? Ты задаешь мне уйму глупейших вопросов, конечно же, я про космос кое-что

знаю; я читал о нем всю свою жизнь, и дядя Чет рассказывал мне целыми днями напролет. Но что с того?

Сэм поглядел на него и тихо произнес:

— Макс, «Асгард» уходит в ту среду к звездам. Ты хотел бы быть в нем?

Макс подумал. Быть в сказочном «Асгарде», лететь к звездам. Он отбросил эти видения в сторону.

— Не говори так, Сэм! Ты же знаешь, что я отдал бы за это свою правую руку. Зачем меня дразнить?

— Сколько у тебя денег?

— А? А что?

— Сколько?

— У меня даже не было времени их сосчитать. — Макс начал было вытаскивать свою пачку денег, но Сэм торопливо и незаметно его остановил.

— Тсс! — сказал он. — Не надо размахивать деньгами в этом месте. Ты чего хочешь — поест, или чтоб тебе перерезали горло? Держи их под столом. — Макс, пораженный этими словами, выполнил указание Сэма. Еще больше его поразила результат подсчета денег; он понимал, что ему дали их много, но чтобы столько — у него этого и в мечтах не было.

— Так сколько же? — настаивал Сэм. Макс сказал ему, и Сэм тихо выругался. — Ну что же, этого как раз примерно хватит.

— На что хватит?

— Увидишь. А пока спрячь их подальше.

Спрятав деньги, Макс произнес несколько удивленно:

— Сэм, я и подумать не мог, что эти книги так много стоят.

— Да ничего они не стоят.

— Что?

— Это все ерунда. Так поступают многие гильдии. Они хотят создать впечатление, что их профессиональные секреты — прямо-таки драгоценность и для этого заставляют кандидата выложить кругленькую сумму за полагающиеся ему справочники и руководства. Если бы эти штуки публиковались обычным образом, они стоили бы несравненно меньше.

— Но это же правильно, верно ведь? Как мне объяснил Достопочтеннейший Верховный Секретарь, не

годится, чтобы этими познаниями мог распоряжаться первый встречный.

Сэм издал малопрстойный звук и сделал вид, что сплевывает.

— А какая разница? Ну вот, были бы они все еще у тебя — и что? У тебя же нет корабля, которым управлять.

— Но ведь... — Макс прервал фразу на полуслове и ухмыльнулся. — В любом случае ничего не изменилось от того, что они забрали у меня эти книги. Я же их читал, так что теперь знаю, что там в них.

— Знаешь, конечно знаешь. Ты, возможно, даже запомнил некоторые методы. Но у тебя нет всех этих колонок цифр, чтобы находить ту, которая тебе нужна тогда, когда она тебе нужна. Больше всего они беспокоятся как раз об этом.

— Да есть они у меня! Я же тебе сказал, что я их читал. — Макс наморщил лоб и начал цитировать. — Страница 272, Численное решение дифференциального уравнения движения методом Рикардо... — И он пошел выдавать последовательность семизначных чисел. Сэм слушал его со все растущим удивлением, а затем прервал. — Парень, ты что — действительно все это помнишь? Ты не дуришь меня?

— Конечно нет, ведь я же читал все это!

— Да, чтоб меня... Слушай, ты что, из этих, которые читают страницу с одного взгляда?

— Нет, не то чтобы. Я быстро читаю, но мне нужно действительно читать. Но я не забываю ничего. Я никогда не мог понять, как это другие забывают. Я-то сам не могу ничего забыть. — Сэм удивленно потряс головой. — Я вот лично сумел позабыть целую уйму всякого. И слава Богу. — Он на несколько секунд погрузился в размышления. — Если так, то мы, пожалуй, можем забыть эту хохму и постараться использовать твою способность.

— Про что ты там? Какую хохму?

— Мм., пожалуй, нет. Я все-таки был прав в первый раз. Идея была — убраться отсюда. С твоей памятью шансы становятся значительно лучше. Хотя ты пользуешься сленгом, вроде бы, вполне свободно, все равно я беспокоился. А теперь — нет.

— Сэм, кончай говорить загадками. Что это ты задумал?

— Ну ладно, парень, я выложу тебе все. — Он осторожно оглянулся по сторонам, наклонился к Максу и заговорил еще тише. — Мы берем эти деньги, и я распределяю их по нужным рукам. В результате к моменту взлета «Асгарда» мы зачислены в его команду.

— Как стажеры? У нас же не будет времени пройти наземную школу. Да и ты, к тому же, слишком стар для стажера.

— Шевели мозгами получше! У нас не хватит даже на один вступительный взнос, не говоря уж о двух, в любую из космических гильдий. Да к тому же в любом случае «Асгард» не берет стажеров. Мы будем бывалыми странниками, членами одной из гильдий, и все это будет подкреплено документами.

Когда смысл слов Сэма, наконец, дошел до него, Макс был шокирован.

— Но за это же сажают в тюрьму!

— А сейчас ты где находишься?

— Во всяком случае не в тюрьме. И не собираюсь.

— Да вся эта драгоценная планета — одна большая тюрьма. И к тому же переполненная. Ну какие у тебя шансы в жизни? Если ты не родился либо богатым, либо в одной из наследуемых гильдий, что ты можешь сделать? Только подрядиться в одну из трудовых корпораций.

— Но есть же и ненаследуемые гильдии.

— А ты можешь заплатить взнос? Тебе остался год, может — два, а потом ты будешь слишком стар, чтобы быть стажером. Если уметь хорошо мухлевать в карты, можно и успеть накопить эти деньги, а заработать? На это потребуется так много времени! Эти деньги должен был скопить твой папаша, а он оставил тебе вместо этого ферму. — Сэм вдруг прервался и задумчиво укусил свой палец. — Макс, я буду с тобой честен. Ведь твой отец все-таки обеспечил тебе хороший старт. С теми деньгами, что у тебя теперь есть, ты вполне можешь вернуться домой, нанять адвоката попронырливее и, вполне возможно, вытащить из этого экспоната Монтгомери деньги, которые он жульнически получил за твою ферму. А потом тебе хватит на вступительный взнос в какую-нибудь гильдию. Сделай это,

парень, сделай, я у тебя на пути стоять не буду. — Он испытующе глядел на Макса.

Макс думал о том, что всего несколько часов назад он отказался от возможности получить профессию и бесплатно вступить в жизнь. Может, стоит передумать. Может быть...

— Нет! Это не то, что мне нужно. А эта самая твоя... идея; как мы все это устроим?

Сэм заметно расслабился и улыбнулся.

— Вот это молодец!

Сэм снял для них комнату как раз над рестораном Перси и оставил Макса в ней. Сам он несколько раз куда-то уходил с Максовыми деньгами. Когда Макс попытался что-то возразить, Сэм устало сказал:

— Ну чего ты хочешь? Чтобы я оставил тебе в залог свою голову? Или ты хочешь, чтобы мы пошли вдвоем и перепугали их до потери пульса? Люди, с которыми я должен переговорить, не собираются рисковать. А может, ты считаешь, что можешь и сам все это организовать? Твои деньги и мое умение — такое у нас будет партнерство.

Когда Сэм ушел первый раз, Макса грызли сомнения, но вскоре тот вернулся. В один из разов Сэм привел с собой толстенную преклонных лет даму, которая оглядела Макса так, словно он был скотиной, выставляемой на продажу. Сэм не стал ее представлять, а вместо этого спросил:

— Ну как? Я думал, что тутгодились бы усы.

Дама посмотрела на Макса с одной стороны, потом с другой. А потом произнесла:

— Нет. — Она решила, что это было бы похоже на грим для любительского спектакля. Она потрогала голову Макса холодными, влажными пальцами и, когда он отпрянул, посоветовала ему: — Да не дергайся ты, сахарный ты мой. Тете Бекки предстоит над тобой потрудиться. Нет, мы сдвинем вверх край волосяного покрова вот здесь, у висков, чуть проредим волосы на макушке, уберем этот их блеск. Добавим к этому несколько легких морщинок, татуированных около глаз. Мм... пожалуй, и все. Главное — не перестараться.

Когда эта пузатая художница окончила свою работу, Макс стал выглядеть на добрых десять лет старше. Потом она спросила Макса, как он хочет — чтобы

корни волос были уничтожены, или чтобы со временем волосы опять выросли? Сэм стал было настаивать на перманентности, однако она отодвинула его в сторону.

— Я дам ему пузырек «Чудодейственного восстановителя» — безо всякой платы, это же просто спирт, а он будет натираться им со всей возможной суетой и рекламой. Ну как, годится это, сладкий? Такого хорошего не хочется старить навсегда.

Макс принял от нее пузырек с надписью «Чудодейственный восстановитель — или волосы восстанавливаются, или деньги возвращаются».

Сэм забрал у Макса его удостоверение личности и вернулся с другим. В этом новом удостоверении была правильная фамилия и неверный возраст, правильный номер и неверный род занятий, правильный отпечаток большого пальца и неверный адрес. Макс с любопытством осмотрел документ.

— Выглядит как настоящий.

— Еще бы. Человек, сделавший его, делает настоящие тысячами. Только за такие он берет дополнительную плату. — Тем же вечером Сэм принес ему книгу с названием «Корабельная экономика». На ее переплете был рельефно оттиснут герб Гильдии Космических Стюардов, Поваров и Счетоводов. — Постарайся этой ночью не ложиться и запомни из нее, сколько только сможешь. Даже с тем зельем, которое Перси подсыпал ему в стакан, ее хозяин не проспит больше десяти часов. Дать тебе таблетку, чтобы не уснуть?

— Да не надо. — Макс оглядел книгу. Книга была довольно толстая и с мелким шрифтом. Он закончил ее к пяти утра. Тогда Макс разбудил Сэма, вернул ему книгу и лег спать с головой, гудящей от штабелирования и приготовления груза, от расчетов распределений масс и плечей импульсов, от гидропонических техник, учета груза, налоговых отчетов, диет, хранения и приготовления пищи, ежедневных, еженедельных и поквартальных отчетов и от того, как избавляться от крыс в помещениях, которые невозможно освободить от персонала. Совсем ничего сложного, решил он, трудно было понять, почему такая ерунда считалась чересчур эзотеричной для непосвященных.

На четвертый день заточения Сэм снабдил Макса поношенной корабельной формой и вручил ему потер-

тую трудовую книжку в пластиковой обложке. Первая страница этой книжки провозглашала Макса полноправным братом Стюардов, Поваров и Счетоводов, достойно завершившим ученичество. Далее перечислялись освоенные им ремесла. Еще выяснилось, что он уже семь лет регулярно платит ежеквартальные членские взносы. Откуда-то взявшаяся его собственная подпись стояла рядом с подписью Верховного Стюарда; обе они были продавлены рельефной печатью Гильдии. Последующие страницы книжки были заполнены перечислением его рейсов, оценкой его эффективности и прочими аналогичными данными, все записи были соответствующим образом подписаны первыми помощниками и казначеями. Макс с интересом узнал про себя, что он был оштрафован на трехдневный заработок за курение в запрещенном месте во время полета на «Лебеде» и что однажды, заплатив за это соответствующий взнос Гильдии Картографов и Вычислителей, проходил шестинедельное обучение с целью получить квалификацию картографа.

— Замечаешь тут нечто странное? — спросил Сэм.

— Мне тут все кажется странным.

— Тут сказано, что ты был на Луне. Все бывали на Луне. Только вот почти все корабли, на которых ты служил, уже списаны, и ни одного из твоих казначеев нет сейчас в Земпорте. А единственный звездный корабль, в котором ты совершал прыжок, пропал без вести в следующем же походе. Ясно тебе?

— Пожалуй, да.

— Когда ты будешь разговаривать с каким-нибудь другим космонавтом, на каком бы корабле он ни служил, ты служил на другом. Ведь ты же не будешь показывать свою книжку никому, кроме казначея и своего непосредственного начальника.

— А что, если кто-нибудь из них служил на одном из этих кораблей?

— На «Асгарде» этого не случится. Уж об этом-то мы позаботились. А теперь я выведу тебя в общество — на вечеринку. Ты пьешь исключительно теплое молоко по причине своей язвы и канючишь, если его нет. И ты почти ни о чем больше не разговариваешь — только о своих симптомах. Ты прямо сейчас же начинаешь создавать себе репутацию неразговорчи-

вого; чем меньше разеваешь варежку, тем меньше шансов пролететь. Следи за собой, парень, получше — весь вечер ты будешь среди космонавтов. Если у тебя это пойдет сикось-накось, ей Богу, я отправлю тебя на землю и полечу один. Дай-ка я еще погляжу, как ты ходишь.

Макс прошелся. Сэм тихо выругался.

— Ужас, ты так и продолжаешь ходить, как сельский дурачок. Да вытащи ты ноги из этой грязной борозды.

— Что, совсем плохо?

— Что поделаешь, уж как есть. Хватай шапку. Будем ковать железо, пока горячо, а мосты за нами пусть горят синим пламенем.

ГЛАВА 6

Космонавт Джонс

«Асгард» стартовал на следующий день. Макс проснулся рано и попытался разбудить Сэма, однако это оказалось непростой задачей. В конце концов тот сел.

— Господи, да что же это с головой! Сколько времени?

— Около шести.

— Шесть, и ты меня разбудил? Ты должен быть благодарен судьбе за то, в каком я сейчас состоянии. Только оно мешает мне отправить тебя к твоим пращурам. Спи.

— Но сегодня же старт!

— Ну и что? Старт в полдень. Мы заявимся в последнюю минуту; таким образом у тебя не будет времени в чем-нибудь пролететь.

— Сэм? Откуда ты знаешь, что они нас возьмут?

— Да бога ради, какой же ты зануда! Все же договорено. А теперь заткнись. Или иди вниз и завтракай — только ни с кем не разговаривай. И, если ты настоящий друг, принеси мне кофе в десять.

— И завтрак?

— Не упоминай пищу в моем присутствии. Имей хоть какое-нибудь сострадание.

Когда они появились у ворот порта, было уже полдвенадцатого; десять минут спустя автобус доставил их

к кораблю. Макс начал было глазеть на огромные, вздувающиеся борта, однако это его занятие было прервано человеком, стоявшим около подъемника с листом бумаги в руках.

— Фамилии.

— Андерсон.

— Джонс.

Он отметил их в списке.

— В корабль. Вы обязаны были быть здесь еще час назад. — Вместе с ним они залезли в клетку подъемника, она оторвалась от бетона и пошла вверх, раскачиваясь на подвеске, как ведро в колодце.

Сэм поглядел вниз и его передернуло.

— Никогда не уходи в рейс в бодреньком состоянии, — порекомендовал он Макс. — Может стать жалко расставаться с Землей. — Клетку втянули в корабль, люк за ними закрылся, и они вступили на палубу «Асгарда». Макса пробирала дрожь, как артиста перед первым выходом на сцену.

Он ожидал, что сейчас первый помощник возьмет с него присягу на верность команде корабля; этого требовал закон. Однако встретили его прямо-таки до унижительного буднично. Член команды, встретивший их у корабля, сказал, чтобы они шли за ним; он привел их в канцелярию казначея. Тут Старший Делопроизводитель сказал им расписаться и поставить свои отпечатки пальцев в толстой книге. При этом он широко зевал и все время стучал по своим крупным, как у лошади, зубам. Макс отдал ему свою поддельную трудовую книжку. Ему все время казалось, будто на ней огромными буквами стоит «фальшивка». Однако мистер Куйпер попросту бросил ее в корзину для входящих бумаг. После этого он повернулся к ним.

— На этом корабле всегда полный порядок. Вы начинаете с того, что чуть не опоздали к старту. Худое начало.

Сэм не ответил ничего. Макс сказал:

— Да, сэр.

Старший Делопроизводитель продолжал:

— Кидайте свои шмотки, ешьте и приходите сюда. — Он взглянул на висевшую на стене схему. — Один из вас будет в Д-112, а другой в Е-009.

Макс собрался было спросить, как туда добраться, но Сэм взял его за локоть и осторожно вытащил из канцелярии. Оказавшись за дверью, он сказал:

— Не задавай вопросов, если без этого можно обойтись. Сейчас мы на палубе Б, и это все, что нам нужно знать. — Пройдя немного, они нашли трап и пошли по нему вниз. Макс ощутил неожиданное изменение давления воздуха. Сэм ухмыльнулся.

— Закупорились герметично. Теперь скоро.

Они были в Д-112, кубрике на восемь человек, и Сэм показывал Максу, как устанавливать набор в наборном замке единственного свободного шкафчика, когда где-то в удалении раздалась какая-то команда, разнесенная громкоговорителями. У Макса на мгновение закружилась голова и появилось ощущение, словно его вес пульсирует. Затем все это прекратилось.

— Они малость задержались с синхронизацией поля — или у этого ведра с гайками плохо сбалансированный фазирователь. — Он хлопнул Макса по спине. — Вышло, сынок.

Они были в космосе.

Е-009 был еще на одну палубу ниже и на другой стороне корабля; они оставили здесь Сэмово хозяйство и пошли искать, где здесь едят. Сэм остановил проходившего мимо космонавта.

— Эй, друг, — мы тут в первый раз. Где у вас кают-компания для команды?

— На этой палубе, по часовой стрелке градусов семьдесят и малость внутрь. — Он оглядел их. — В первый раз, говоришь? Что ж, скоро увидите.

— А что, так уж?

— И еще хуже. Психушка в квадрате. Не было бы у меня семьи, остался бы дома. — И он зашагал дальше.

Сэм сказал:

— Ты, сынок, не обращай внимания. На каждом корабле старожилы рекламируют его как худший из сумасшедших домов во всем космосе. Предмет гордости. — Однако уже следующее их столкновение с корабельным бытом, похоже, подтверждало слова про психушку; оказалось, что раздаточное окно кают-компании закрылось в полдень, со стартом корабля; Макс скорбно приговорил уже себя к существованию с голо-

дным брюхом до самого обеда. Однако Сэм толкнулся за перегородку и через некоторое время появился оттуда с двумя наполненными подносами. Они отыскиали свободные места и сели.

— Как это у тебя выходит?

— Любой повар тебя накормит, если ты только дашь ему возможность сперва объяснить тебе, какая ты есть гнида и почему ему, вообще говоря, не стоило бы этого делать.

Еда была приличная — настоящие пирожки с мясом, овощи с корабельного огорода, ржаной хлеб, пудинг и кофе. Макс быстро смел все со своих тарелок и стал размышлять, не рискнуть ли ему попросить добавки, однако решил, что не стоит. Разговор за столом шел о том и о сем: только один раз появилась опасность того, что выявится неопытность Макса, это когда какой-то компьютерщик напрямую спросил его про последний совершенный им рейс.

Опасность отвел Сэм.

— Имперская разведка, — коротко ответил он. — Мы оба пока еще под колпаком.

Компьютерщик понимающе ухмыльнулся.

— И в какой же тюрьме вы сидели? Совет Империи уже не знаю сколько лет не посылал секретных разведочных экспедиций.

— А эта была такой секретной, что они даже тебе позабыли о ней сообщить. Ты напиши им письмо и хорошенько их за это взгрей, — Сэм встал из-за стола. — Макс, ты уже кончил?

По пути в канцелярию казначея Макс с беспокойством размышлял о своих возможных будущих обязанностях, перебирая в уме те навыки и опыт, которые он, согласно своей трудовой книжке, должен был иметь. Беспокойство его было совершенно напрасным. Мистер Куйпер с великолепным пренебрежением ко всей этой писанине назначил его скотником.

«Асгард» был комбинированным кораблем — одновременно пассажирский лайнер и транспортник. На его борту был племенной герефордский скот — два быка и две дюжины коров, а также большой ассортимент прочих животных, в которых по экономическим или экологическим причинам нуждались колонии, в том числе свиньи, куры, овцы, пара ангорских коз и

семейство лам. Насаждать предпочтительно земную фауну на других планетах противоречило имперской политике; от колонистов ожидалось, что они будут строить экономику, базируясь на индигенную фауну и флору; однако некоторые животные столь долго разводились людьми для своих нужд, что заменить их экзотическими тварями было нелегко. На Шестой (6) планете Гаммы Льва, Новом Марсе, ящерообразные, называвшиеся на местном лексиконе «тупомордами» или, короче, «тупами» могли заменить и действительно заменяли шершеров в качестве тяглового скота, обеспечивая при этом более высокую эффективность и экономичность. Но люди их не любили. С ними никогда не было привычного взаимного доверия, которое возникает между лошадьми и людьми; если только (на что не похоже) какая-либо ветвь этих ящеров не разовьет хоть в некоторой степени способность к раппорту с человеком, они обречены со временем на вымирание и замену лошадьми. И все это — за смертный грех неумения заключить прочный союз с наиболее хищным, нетерпимым, смертельно опасным и процветающим зверем в исследованной части вселенной — с Человеком.

Еще была клетка с английскими воробьями: Макс так никогда и не выяснил, для какого места и зачем потребовались эти мелкие крикливые стервятники; не был он знаком и со сложным математическим анализом, на основании которого делались заключения по таким поводам. Он просто кормил их и старался поддерживать чистоту в их клетке.

На «Асгарде» были и коты, однако большинство из них были свободными гражданами и равноправными членами команды корабля; в их обязанностях было не давать сильно расплодиться мышам и крысам, отправившимся в космос вместе с представителями человечества. Одной из обязанностей Макса было менять посудины с песком на каждой из палуб и относить перепачканные в оксидайзер для обработки. Были и домашние коты, принадлежавшие пассажирам, несчастные пленники, заключенные в конурах, неподалеку от стойл скота. Здесь же проживали и собаки пассажиров; собаки на свободе на корабле не допускались.

Максу очень хотелось поглядеть на Землю, как ее шарик сжимается на небосклоне, однако такая привилегия предоставлялась исключительно пассажирам. То краткое время, когда это было возможно, он провел, таская (в руках) свеженакошенную тимофеевку с гидропонной плантации в стойла и чистя вышеуказанные стойла. К работе этой он относился безразлично — и без ненависти, и без любви; по случайности ему поручили такую работу, которую он понимал.

Непосредственным его начальником был Главный Корабельный Эконом, мистер Джордана. Мистер «Джи» разделял управление хозяйством корабля с мистером Дюпоном, Главным Пассажирским Экономом; их царства граничили по палубе С. Мистеру Дюпону принадлежали пассажирские помещения, каюты офицеров, канцелярии, центры управления и связи, в то время как Джордана отвечал за все, что ниже (или — ближе к корме), не считая инженерного оборудования — за кубрики команды, камбуз и кают-компанию, кладовые, стойла и конуры, гидропонную палубу и грузовые трюмы. Оба они подчинялись Казначею, который, в свою очередь, был ответственен перед Первым Помощником.

Организация службы на космических кораблях происходила частично от организации военных кораблей, частично — от организации старинных океанских лайнеров, частично — от конкретных условий межзвездных путешествий. Первый Помощник был хозяином корабля; Капитан, если у него хватало мозгов, не вмешивался в его дела. Капитан, хоть и будучи по закону монархом этого миниатюрного царства, глядел наружу; Первый Помощник глядел внутрь. Пока все шло хорошо, Капитан занимался исключительно постом управления и астронавигацией; всем остальным заправлял Первый Помощник. Даже астронавигаторы, связисты, компьютерщики и картографы подчинялись Первому Помощнику, хотя, когда они были на вахте, он практически не имел к ним никакого отношения, так как работали они в Хитрой Яме под руководством Капитана.

Старший механик также был под Первым Помощником, однако он был почти самостоятельным сатрапом. На подтянутом, хорошо дисциплинированном корабле он поддерживал свою латифундию в таком по-

рядке, что у Первого Помощника не возникало необходимости о ней беспокоиться. Старший механик отвечал не только за силовую установку и Хорст — Конрадовские движители, но и за все вспомогательное инженерное оборудование, где бы оно ни стояло — например, за насосы и вентиляторы гидропонных установок, несмотря на то, что непосредственно агрикультурой заведовал Казначей через Старшего Корабельного Эконома.

Такова была обычная организация пассажиротранспортных звездных кораблей, одним из которых и являлся «Асгард». Она не совпадала с организацией боевых кораблей и принципиально отличалась от организации безрадостных транспортов, использовавшихся для доставки на начинавшие осваиваться колонии заключенных и голи перекатной — на таких кораблях казначейский департамент обычно ограничивался одним-двумя клерками, а пассажиры выполняли всю работу, готовили пищу, прибирали, нагружали, разгружали, в общем, делали все. Но «Асгард» имел на борту платных пассажиров; состояния некоторых из них измерялись в мегадолларах. Они хотели иметь обслуживание, как в пятизвездочном отеле, даже находясь в космосе на глубине многих световых лет. Из трех основных департаментов «Асгарда» — астронавигационного, технического и хозяйственного, последний значительно превосходил остальные по численности персонала.

Первый Помощник может подняться до своего статуса из положения Старшего Астронавигатора, Старшего Механика или Казначей; однако только при условии, что раньше он был Астронавигатором, он может надеяться стать Капитаном. Три эти типа офицеров были в своей основе математиками, физиками и менеджерами; Капитану была нужна совершенно математическая квалификация для занятий астронавигацией. Первый Помощник Вальтер был прежде, как это чаще всего и бывает на лайнерах, Казначеем.

«Асгард» был маленьким и мирным, крохотной управляемой планетой. На нем был свой монарх — Капитан, своя абсолютно бесполезная аристократия — пассажиры, своя технократия и свои пыльщики дров и

водоносы. На нем были флора и фауна в экологическом балансе, он нес свое собственное миниатюрное солнце, заключенное в недрах его силовой установки. Хотя расписание его рейсов предусматривало пребывание в открытом космосе в течение всего нескольких месяцев за рейс, в принципе, он мог находиться там неопределенно долго. Конечно, у шеф-повара может кончиться икра, но недостатка в пище, воздухе, тепле и свете не будет.

Макс решил, что ему повезло быть назначенным под начало мистера Джорданы, а не Старшего Делопроизводителя. Мистер Куйпер ежесекундно тщательно приглядывал за своими подчиненными, в то время как мистер Джи редко когда вытаскивал свою толстую тушу из кабинета. Это был веселый и приветливый начальник — ежели, конечно, все шло к полному его удовлетворению. Мистер Джи считал чрезмерным трудом спуск вниз, к стойлам; когда он пришел к убеждению, что Макс заботливо относится к животным и поддерживает порученный ему участок в чистоте, то бросил проверки и только приказал Максу ежедневно являться к нему с отчетом. Таким образом, у Джорданы оставалось больше времени, которое он мог посвятить своему истинному призванию — изготовлению некой разновидности водки на перегонном аппарате, стоявшем в уголке его каюты. Исходное сырье бралось с гидропонных плантаций, которые, что было очень удобно, также находились в его ведении. Он развернул обширную нелегальную торговлю этим благородным продуктом среди команды. Макс редко открывал свой рот, но уши постоянно держал открытыми. В результате он разобрался, что такая деятельность была обычной на кораблях прерогативой Старшего Корабельного Эконома. На нее смотрели сквозь пальцы, буде придерживалась она в определенных рамках. На корабле была, естественно, кают-компания, где подавалось вино, а также и бар, но все это — только для «скотов»; для рядовых космонавтов эти заведения были недоступны.

— Как-то я служил на корабле, — сказал Макс Сэм, — где Первый прикрыл это хозяйство — расшиб аппарат, послал Эконома мести палубу и вообще устроил скандал. — Он сделал паузу, чтобы затянуться от

сигары, подарка какого-то пассажира; они гужевались на Максовом скотном дворе, приятно сочетая болтовню и отдых.

— Ничего не вышло.

— Как так?

— А ты сам подумай. Все должно уравниваться. Любой спрос рождает предложение. В этом простом факте все и заключено. Уже через месяц считай, что в каждом более-менее укромном уголке корабля стоял аппарат, и команда едва держалась на ногах. Так что Капитан имел серьезный разговор с Первым, после чего все опять пошло нормальным ходом.

Макс обдумал этот рассказ.

— Сэм? Ты что, был корабельным экономом?

— Как? С чего это ты взял?

— Ну... Ты бывал в космосе и раньше, теперь ты от этого больше не отказываешься. И я подумал — ну вот, ты же мне так и не сказал, к какой гильдии ты принадлежал, и как оказался на мели, и почему тебе пришлось заниматься этими подделками, чтобы снова попасть в космос. Конечно, это все не мое дело.

Обычная Сэмова циничная улыбка сменилась выражением печали.

— Макс, с человеком, решившим, что он поймал судьбу за хвост, может случиться все что угодно. Взять хотя бы то, что произошло с одним моим дружкой, Робертс фамилия. Сержант Имперской Морской Пехоты, хороший послужной список, полдюжины звездных прыжков, пара боевых наград. Неглупый парень, почиывал книжки для экзамена на младшего офицера. Так вот, он как-то опоздал к старту — попал на Землю первый раз, за не знаю сколько времени, и малость перестарался, отмечая это дело. Надо было ему, конечно, сразу же явиться с повинной, сняли бы с него лычки, и жил бы дальше, не так это и страшно. Беда была в том, что у него еще не кончилась капуста, а к тому времени, как он был уже без гроша и трезвый, как стеклышко, стало поздно. У него не хватило духу явиться, пройти через трибунал и оттянуть срок. У каждого есть свой предел.

Подумав, Макс спросил:

— Ты хочешь сказать, что служил в морской пехоте?

— Я? Да ты что, конечно, нет, я просто рассказал про этого Робертса, чтобы ты видел, что может быть, если расслабишься. Поговорим лучше о чем-нибудь более приятном. Что ты собираешься делать дальше?

— В каком смысле?

— Ну, что ты собираешься предпринять после этого прыжка?

— А... Думаю, что опять то же самое. Мне нравится в космосе. Постараюсь ни во что такое не ввязываться и постепенно дослужиться до старшего эконома или старшего делопроизводителя.

Сэм отрицательно потряс головой.

— Думай, сынок, лучше. Как ты это себе представляешь, что случится, когда отзыв о твоей службе на этом корабле придет в гильдию? А копия будет послана в Департамент Труда и Гильдии?

— Что?

— Я же тебе говорю. Может, сначала ничего такого и не произойдет, может, ты сможешь совершить еще один рейс. Но в конце концов все эти бюрократические шестеренки повернутся, они сравнят документы и с удивлением увидят, что в то время, как этот корабль держит тебя за опытного помощника эконома, по своим картотекам они не знают никакого Макса Джонса. Наступит такой день, когда после посадки на Землю внизу, у лифта тебя будет ждать пара придурков с пушками в карманах, и эти придурки прямоком отпрявят тебя в каталажку.

— Но как же, Сэм? Я думал, что все устроено!

— Не кипятись так. Гляди на меня, я же совершенно спокоен, а меня все это касается не меньше, чем тебя. А точнее говоря, по причинам, в которые мы не станем здесь вдаваться, — больше. Как говорится, кто старое помянет — вылетит, не поймает. А что касается до «все устроено», то все, как я и обещал. Ты же здесь, правда? Но что касается картотек, старик, то для того, чтобы малость подправить картотеку гильдии, потребовалось бы раз в десять больше денег. А что касается того, как выяснить, где в Новом Вашингтоне лежит некий конкретный микрофильм и как заменить его липовым, в котором был бы этот самый твой послужной список, я, по правде говоря, не знаю, с чего

тут и начать. Хотя и не сомневаюсь, что сделать это можно, имея достаточно времени, денег и сообразительности.

Ощущения Макса по осознании этой новости были почти идентичны тем, которые он испытал, когда Монтгомери объявил, что его ферма продана. Несмотря на ту работу, которой ему приходилось заниматься на корабле, ему здесь нравилось, и у него и помыслов не было менять что-нибудь. Он хорошо ладил с начальником, понемногу сходиллся с товарищами по работе и чувствовал себя вполне уютно и безопасно, как птичка в гнездышке. А вот теперь гнездышко это было грубо порушено. Да, что там, оказалось, что он не в гнездышке, а в мышеловке.

Макс побледнел. Сэм успокаивающе положил руку ему на плечо.

— Не мельтешишь, парень. Не думай, что мы влипли.

— Тюрьма...

— Какая там еще тюрьма. Ты в самой что ни на есть безопасности, пока не вернешься на Землю. В Земпорте ты спокойно можешь сделать «Асгарду» ручкой, имея при том в кармане всю свою получку. У тебя будет в запасе несколько дней или недель, а то и месяцев, прежде чем кто-нибудь устроит шухер — или в центре этой твоей гильдии, или в Новом Вашингтоне. Ты сможешь затеряться среди четырех миллиардов людей. Твое положение будет ничем не хуже, чем тогда, когда ты первый раз на меня наткнулся — ты же помнишь, ты хотел тогда затеряться, помнишь? И у тебя в запасе будет один полет к звездам, о котором ты сможешь рассказывать внукам долгими зимними вечерами. А может, они никогда и не вспомнят о тебе; какая-нибудь канцелярская крыса засунет твой отзыв в ящик и будет он там лежать до скончания века. Или ты сумеешь убедить какого-нибудь клерка в конторе мистера Куйпера нечаянно потерять копии этого отзыва и никуда их не посылать. Например, Нельсона, у него всегда какой-то голодный вид. — Говоря все это, Сэм внимательно глядел на Макса. Потом он добавил: — А то ты можешь сделать то же самое, что собираюсь сделать я.

Сперва до Макса дошла только часть того, о чем говорил Сэм. Потом Макс по второму разу проиграл в голове все услышанное и понемногу успокоился, начиная понимать, что положение его совсем не такое безнадежное. В том, что касается Нельсона, Сэм, похоже, был прав. Нельсон намекал уже обиняками, что совсем не обязательно оценки эффективности, стоящие в корабельных журналах, совпадают с теми, которые попадают в отчеты — при определенных — ясное дело — обстоятельствах. Эту идею, правда, Макс сразу отбросил, не имея ни малейшего представления, как это делать — давать взятку.

Когда прокручивание пленки в его голове дошло до последней ремарки Сэма, он встрепенулся:

— А что такое ты собираешься сделать?

Сэм внимательно разглядывал кончик своего окурка:

— Я не вернусь.

Вот это уж понять было совсем не сложно. Однако по законам Империи преступление, которое собирался совершить Сэм, влекло за собой даже более тяжелое наказание, чем подделка документов гильдии. Дезертирство почти уравнивалось с предательством.

— Расскажи-ка мне поподробнее, — хриплым голосом сказал Макс.

— Давай-ка переберем в уме, где у нас будут посадки. Планета Гарсона, колонии, защищенные куполами, вроде как на Луне или на Марсе. В такой колонии ты или в точности выполняешь то, что тебе повелели власть имущие, или прекращаешь дыхательный процесс. Ты можешь даже спрятаться, получить новую личность, но, что ни делай, все равно ты будешь под этим куполом. Хорошего мало, даже на Земле свободы больше. Четвертая планета Нью Пегаса, Алкион, совсем не дурна, хотя на ней и здорово холодно, когда она проходит афелий. Только вот она пока еще ввозит больше, чем вывозит. А это значит, что всем там крутят представители Империи, и местные носом землю будут рыть, чтобы словить дезертира. Далее мы подходим к Новой Земле, десятой Беты Водолея — а это, парень, как раз то, что доктор прописал, и почему поп пляшет.

— Ты там был?

— Один раз. И надо было тогда же и остаться. Макс, ты себе только представь место вроде Земли, но лучше, чем Земля вообще когда-нибудь была. Лучшая погода, земля обширнее и плодороднее, леса, которые сами просятся, чтобы их рубили, дичь, которая, считай, сама в кастрюлю прыгает. Не нравится тебе поселок — ради бога, иди себе дальше и дальше, пока не окажется, что никого рядом нет. Ткни в землю семечко и отпрыгивай сразу в сторону, чтоб ростком тебя не зашибло. Никаких надоедливых насекомых. Практически никаких земных болезней, а местные микробы наше племя на дух не переносят. Стремительные реки. Спокойные океаны. Ты б только видел.

— А если они нас словят и выдадут?

— Мало шансов. Тамошние колонисты сами хотят иметь побольше людей, а имперским они помогать не будут. Даже сбор налогов с них — веселенькое занятие для Имперского Совета. Да они даже и пытаться не будут поймать дезертира за пределами больших городов, — тут Сэм ухмыльнулся, — и знаешь, почему?

— Почему?

— А потому, что смысла нет. Имперского пошлют, чтобы он словил кого-нибудь вон за тем бугром; пока он будет там оглядываться, он вдруг увидит, что на него глазеет золотоволосая дочь какого-нибудь фермера — у них там по восемь-девять детей в семье и всегда есть уйма доченек, созревших для замужества и с во—от таким желанием сделать это. И вот в самом скором времени он уже фермер с бородой, женой и новым именем. Он же был холостяком и давно не был дома — а может он — женат на Земле и как раз из-за этого не хочет домой, хоть так, хоть сяк, но даже Имперский Совет не может бороться с человеческой натурой.

— Я не хочу жениться.

— Это — твое дело. Но что самое приятное, на этой планете царствует какая-то уютная расхлябанность. За пределами городов нет налога на недвижимость. Никто не стал бы его платить; они бы просто снялись с места и пошли дальше, если только просто не пристрелили бы налогового инспектора. Никаких гильдий — ты можешь вспахать борозду, распилить доску,

поездить на грузовике, или нарезать резьбу на водопроводной трубе — и все в один день, ни у кого не спрашивая разрешения. Человек может делать все, что ему заблагорассудится, и никто его не остановит, не скажет ему, что у него нет прирожденного права на это занятие, или что он недостаточно молод, чтобы начинать это делать, или что он не уплатил взнос. Все это колонистам до лампочки, у них больше работы, чем людей, которые могут делать ее.

Макс попытался представить себе такую анархию, но не смог. Он такого никогда не видел.

— А как же гильдии, они разве не против?

— Какие там гильдии? Конечно же, руководство их там, на Земле, пыталось что-то возражать, узнав о таком безобразии, но их не поддержал даже Имперский Совет. Они же не совсем идиоты и у них достаточно здравого смысла, чтобы не пытаться вычерпать море ложкой.

— И вот туда ты и собираешься направиться, — задумчиво сказал Макс. — Звучит привлекательно.

— Я собираюсь. Действительно, привлекательно. Там была одна девушка — о, теперь она, конечно же, замужем, они там рано замуж выходят — но у нее были сестры. Ну так вот, как я себе это представляю — это касается и тебя, если ты тоже двинешь со мной. Так вот, в первый раз, как я выйду там на поверхность, я кое-кого повидею. А в последний раз — я надеюсь, что это будет в последний вечер перед стартом, — я выйду из корабля, потом через главные ворота и прямо за горизонт с максимально возможной скоростью. К тому времени, как меня отметят «не вернулся», я буду уже лежать на пузе на берегу журчащего ручейка в девственном лесу, растить бороду и учить наизусть свое новое имя. Если хочешь, ты будешь рядом. С удочкой.

Макс неловко заворочался. Сцена, нарисованная Сэмом, пробудила в нем деревенскую ностальгию, о присутствии которой в себе он даже не подозревал. Но не мог же он так сразу отбросить свое новое, столь долго им желанное положение космонавта.

— Я подумаю.

— Подумай, подумай. Времени у тебя для этого будет достаточно — несколько недель. — Сэм поднял-

ся. — А я поспешу-ка лучше на место, пока Старый Добрый Хозяин Дюмон не начал беспокоиться, что меня там задерживает. Пока, сынок, и не забывай — только очень плохой ветер дует все время в одну сторону.

ГЛАВА 7

Элдрет

Служебные обязанности не приводили Макса на уровни выше палубы С кроме как для смены кошачьих посуды, а это он обычно делал рано, пока пассажиры не встали. Ему очень хотелось посмотреть пост управления, но случай не представлялся, это было еще выше пассажирских уровней. Время от времени кто-нибудь из владельцев одной из семи собак или трех кошек, находившихся на попечении Макса, заходил пообщаться со своей движимой собственностью. Иногда результатом этого визита бывали чаевые. Попервости Макс отказывался из своей врожденной гордости горца, но когда об этом услышал Сэм, то обругал Макса. — Не будь идиотом, они же могут это себе позволить. Какой смысл отказываться?

— Но я же так и так погуляю с их бобиками. Это же моя работа. — Может, слова Сэма и не убедили бы его, если бы мистер Джи не поднял разговора об этом в конце первой недели. Он, видимо, довольно точно представлял себе обычную величину улова и ожидал получить с него некий процент «в социальный фонд».

Когда Макс задал Сэму вопрос, что это еще за фонд, Сэм рассмеялся.

— Оч-чень интересный вопрос. Есть еще какие-нибудь вопросы?

— Да, пожалуй, нет.

— Макс, я тебя просто люблю. Но ты все еще не можешь сообразить, что в чужой монастырь со своим уставом не суются. У каждого племени свои обычаи, и то, что хорошо в одном месте, никуда не годится в другом. Есть такие народцы, у которых первая обязанность любящего сына — утробить своего папашу и подать его на обед, как только сынок наберется силе-

нок для такого мероприятия. И довольно цивилизованные народцы. Их даже признает дипломатически Имперский Совет. Вот как ты можешь оценить это с точки зрения морали?

Макс читал о таких культурах — тихие, миролюбивые баторы, неуклюжие, богатые двоякодышащие с Палдрона, которых можно было назвать как угодно, но не тихими, вероятно, какие-нибудь еще. Он не ощущал себя в праве выносить суждение негуманоидным расам. Сэм продолжал:

— Я встречал в жизни таких экономов, по сравнению с которыми эти мягкопузые смотрятся филантропами. Ты погляди-ка ситуацию с его точки зрения. Он считает все это прерогативой своего служебного положения, он считает эти деньги такой же естественной частью своего дохода, как и зарплата. Таков обычай. Он добился своего положения многими годами тяжкого труда и ожидает вознаграждения за это.

Сэм, думал Макс, всегда мог его переубедить.

Однако он не мог согласиться с основной идеей Сэма: были вещи хорошие и были вещи плохие, это не зависело от того, где ты находишься. Он ощущал это с внутренней убежденностью, укоренившейся в нем слишком глубоко, чтобы ее мог пошатнуть веселый цинизм Сэма. Макса беспокоило, что он находится там, где находится, благодаря мошенничеству; иногда он не мог уснуть, мучимый угрызениями совести.

Однако еще больше его беспокоило то, что обман может выйти наружу. Он ни на минуту не переставал обдумывать предложение Сэма.

Единственным внеземным существом на попечении Макса была паукообразная собака с землеподобной планеты Гесперы. В первый день исполнения своих обязанностей на «Асгарде» Макс обнаружил это существо в одной из клеток, предназначенных для кошек. Макс заглянул в эту клетку; на него смотрело маленькое, грустное, похожее на обезьянье лицо.

— Привет, человек!

Макс знал, что некоторые из паукообразных собак способны освоить человеческий язык, в некотором объеме, но все равно от неожиданности отскочил. Несколько придя в себя, он осмотрел существо повнимательнее.

— Тебе привет, — ответил он. — Господи, да как же роскошно ты выглядишь. — На спине существа мех имел богатый, насыщенный зеленый цвет. Этот цвет переходил в оранжевый на боках и в нежно-кремовый на маленьком круглом брюшке.

— Хочу выйти, — констатировала паукообразная собака.

— Да не могу я тебя выпустить. У меня много работы. — Он прочитал прикрепленную к клетке карточку: «Мистер Чипс» было написано на ней. «*Pseudocanis hexapoda hesperae*. Владелец: Мисс Е. Кобурн, А-092»; далее следовала подробная инструкция по обращению и питанию. Питался Мистер Чипс гусеницами, запас которых находился в отделении Н-118 морозильника, а также свежими фруктами и овощами, как в сыром, так и в вареном виде; ему необходимо было давать йод в случае отсутствия водорослей и артишоков. Макс покопался в своей памяти, перебрал то, что читал про эти существа, и решил, что инструкция верна.

— Пожалуйста, выпусти! — настаивал Мистер Чипс.

Трудно было устоять перед этой мольбой. Ни одна прекрасная дева, взывающая с башни, в которую ее заточили злодеи, не смогла бы вложить больше чувства в свой зов. Помещение, в котором находились кошачьи клетки, было тесным, и дверь его запиралась; возможно, Мистеру Чипсу позволительно будет малость побегать, но это потом; сейчас Максу надо было позаботиться о других животных.

Когда Макс уходил, Мистер Чипс держался за прутья клетки и тихо всхлипывал. Макс оглянулся и увидел, что тот плачет самыми настоящими слезами. Одна капля дрожала на кончике смешного маленького носа; уйти от этого зрелища было почти невозможно. Сперва он покончил со стойлами, а потом взялся за кошек и собак; когда они были накормлены, а клетки их вычищены, он смог уделить внимание своему новому знакомому. Для начала он его покормил, что остановило слезы. Однако, когда он вернулся, требования выпустить возобновились.

— Если я тебя выпущу, ты потом вернешься в клетку? — Паукообразный щенок задумался. Было похоже, что условное предложение превосходит его се-

мантические возможности, так как вместо ответа он повторил:

— Хочу выйти. — Макс решился рискнуть.

Мистер Чипс вскарабкался к нему на плечо и стал рыться в его карманах.

— Конфета, — потребовал он. — Конфета?

Макс погладил его.

— Извини, друг. Я же не знал.

— Конфета?

— Нет конфеты. — Мистер Чипс лично это проверил, а затем устроился на сгибе Максовой руки, собираясь, похоже, провести здесь не менее недели. Он не очень походил, решил Макс, на собаку и уж совсем не был похож на паука; только шести лап было многовато. У передних были крохотные ладошки, а средние могли служить как руками, так и ногами. Больше всего существо напоминало обезьянку, а на ощупь — кошку. От него исходил легкий пряноватый запах, и он, похоже, был очень чистым.

Макс попытался втянуть существо в разговор, но быстро обнаружил, что интеллектуальные его возможности крайне ограничены. Не подлежало сомнению, что он осмысленно использует человеческие слова, однако словарь его был не богаче, чем у не чересчур сообразительного двухлетнего ребенка.

Попытка Макса водворить его обратно в клетку привела к двум десяткам минут активных физических упражнений, перемежавшихся патовыми ситуациями. Мистер Чипс метался над клетками, приводя кошек в истерику. Когда паукообразный щенок, наконец, великодушно позволил себя поймать, он все равно продолжал сопротивляться попыткам себя заточить; делал он это, цепляясь за Макса и всхлипывая. Кончилось это тем, что Макс укачал его, как ребенка, и положил в клетку сонного.

Это было ошибкой. Прецедент был создан, и с этого дня Макс не дозволялось покинуть помещение с клетками, не укачав дитятко.

Он не понимал «Мисс Кобурн», упомянутую на карточке в качестве владелицы Мистера Чипса. Все владельцы кошек и собак приходили к своим питомцам, однако у Мистера Чипса посетителей не было. «Мисс Кобурн» рисовалась Максиму как желчная старая дева с

длинным иссохшим лицом, получившая животное в подарок на отъезд и недовольная этим подарком. По мере роста дружбы с паукообразным щенком воображаемый образ «Мисс Е. Кобурн» становился, если это возможно, еще менее привлекательным.

«Асгард» был в космосе уже свыше недели, и оставалось всего несколько дней до первого пространственного скачка, когда Максу предоставилась возможность сравнить этот воображаемый образ с реальностью. Он чистил стойла, Мистер Чипс сидел на его плече и подавал советы, когда из помещения с клетками послышался резкий голос.

— Мистер Чиипс! Чипси! Ты где?

Паукообразный щенок резко сел и повернул голову. Почти в тот же момент в дверях появилось молодое существо женского пола. Мистер Чипс взвизгнул.

— Элли! — Он прыгнул к ней на руки. Пока они облизывали друг друга, Макс осмотрел ее. Шестнадцать, оценил он, может, семнадцать. А может, восемнадцать — кой черт, как можно в этом разобраться? Что бы там ни было, красавицей назвать ее было нельзя: выражение ее лица также мало помогало делу.

Она поглядела на Макса и зло спросила:

— Что ты делал с Чипси? Отвечай мне!

Это заставило Макса рассердиться.

— Ничего, — натянуто ответил он. — Если Вы позволите, мэм, я продолжу свою работу. — Он отвернулся от нее и наклонился над своей шваброй.

Она схватила его за руку и развернула к себе.

— Отвечай мне! А то... а то — я Капитану скажу, вот что я сделаю.

Макс досчитал до десяти, потом, для полной верности, вспомнил первый десяток чисел из семизначной таблицы натуральных логарифмов.

— Это Ваше право, мэм, — сказал он со спокойствием, стоившим ему больших усилий, — но сперва скажите, как ваша фамилия и по какому делу Вы здесь? Я заведую этими помещениями и отвечаю за этих животных — от имени Капитана. — Он знал, что таков закон Космоса, хотя связь одного закона с данным случаем и была несколько натянутой.

На ее лице появилось удивление.

— Как же, я же Элдрет Кобурн, — выпалила она таким голосом, словно это было всем известно.

— А по какому Вы делу?

— Я пришла поглядеть на Мистера Чипса — разве не ясно?

— Очень хорошо, мэм. Вы можете навещать своего питомца в подходящее для этого время, — добавил Макс, дословно цитируя инструкцию. — После этого он должен вернуться в свою клетку. Вы не имеете права беспокоить прочих животных, а также кормить их. Такова инструкция.

Она хотела было что-то сказать, передумала и прикусила губу. Паукообразный щенок все это время глядел с одного лица на другое, вслушиваясь в разговор, далеко превосходящий возможности его понимания, хотя, возможно, он и ощущал кипевшие тут эмоции. Потом он протянул лапку и подергал Макса за рукав.

— Макс, — очень вовремя объявил Мистер Чипс. — Макс!

Лицо мисс Кобурн снова приобрело пораженный вид.

— Это твое имя?

— Да, мэм. Макс Джонс. Он, видимо, хочет меня Вам представить. Это так, старик?

— Макс, — твердо повторил Мистер Чипс. — Элли.

Элдрет Кобурн посмотрела себе на ноги, потом с неловкой улыбкой подняла глаза на Макса.

— Вы тут, похоже, друзья. Я, кажется, наговорила чего не надо. Всегда я со своим языком.

— Я уверен, что Вы не хотели меня оскорбить, мэм.

Макс продолжал говорить официальным голосом; она торопливо ответила:

— Но я же говорила грубости! Мне так жаль — мне всегда потом жаль. Но я так перепугалась, увидев, что клетка открыта и в ней никого нет. Я подумала, что лишилась Чипси.

Макс неохотно улыбнулся.

— Я понимаю. Ничуть Вас не виню. Вы испугались.

— Вот именно, я страшно испугалась. — Она глянула на него. — Чипси зовет тебя Максом. Можно я тоже буду звать тебя Макс?

— Почему же нельзя? Все так делают — это же мое имя.

— А ты зови меня Элдрет, Макс. Или просто Элли.
Пока Макс прибирал в стойлах, Элли оставалась там, играя со своим Чипси. Потом она неохотно произнесла:

— Думаю, мне надо бы идти, а то они там начнут меня искать.

— Вы придете еще?

— Конечно.

— М-м-м... Мисс Элдрет...

— Элли.

— Можно я спрошу Вас? — Он говорил торопливо. — Может, все это и не мое дело, но что Вас не пускало? Этой мелкой твари было жутко одиноко. Он уже думал, что Вы его бросили.

— Не «он» — «она».

— Чего?

— Мистер Чипс — девочка, — произнесла она извиняющимся голосом. — Это была ошибка, которую может сделать кто угодно. А потом было уже поздно, перемена имени только совсем смутила бы ее.

Паукообразный щенок глянул своими сообразительными глазами и повторил:

— «Мистер Чипс — девочка». Элли, конфета?

— В другой раз, сладкая ты моя.

У Макса были большие сомнения в том, что имя было так уж важно, особенно если принять во внимание, что ближайшие паукообразные собаки были удалены на многие световые годы.

— Но Вы не ответили на мой вопрос.

— О, я от всего этого так бесилась, что только что не кусалась. Они мне не разрешали.

— Кто это «они»? Твои родители?

— Да нет! Капитан и Миссис Дюмон. — У Макса стало складываться впечатление, что вытаскивать информацию из нее не многим легче, чем из Мистера Чипса. — Понимаешь ли, меня принесли на корабль на носилках — какой-то дурацкий жар, наверное — пищевое отравление. Не могло быть ничего особо страшного, здоровье у меня — что надо. Но они держали меня в постели, а когда врач разрешил мне встать, Миссис Дюмон сказала, что я не должна спускаться ниже палубы С. У нее какие-то занудные представления, что прилично, а что нет.

Вообще говоря, Макс понимал, с чем связаны возражения супруги Эконома; у него уже были случаи убедиться, что среди его товарищей по команде встречались экземпляры, мягко говоря, грубые, хотя он и не думал, чтобы кто-либо из них рискнул задеть пассажирку. Да что там, за такое Капитан Блейн, пожалуй, выкинет пропштафившегося в космос.

— Поэтому мне пришлось улизнуть потихоньку. Они, наверное, уже меня обыскались. Мне лучше бежать побыстрее.

Однако это не сходилось с планами Мистера Чипса. Она вцепилась в Элли и хныкала, иногда прерывая это занятие для того, чтобы вытереть слезы крошечными кулачками.

— Господи, да что же мне делать!

У Макса на лице появилось озабоченное выражение.

— Я, наверное, избаловал его — ее то есть, я имею в виду, Мистера Чипса. — Он объяснил, каким образом возник ритуал укачивания дитятки.

Элдрет запротестовала.

— Но мне же надо идти. Что же мне делать?

— Давай попробуем, пойдет ли он — она — ко мне. — Мистер Чипс пошла. Элдрет на ходу погладила ее и убежала, после чего Мистеру Чипсу для того, чтобы уснуть, потребовалось времени даже больше обычного. Макс размышлял, поддаются ли паукообразные собаки гипнозу; этот ритуал начинал уже ему надоедать.

Элдрет появилась на следующий день, сопровождаемая неусыпной в своей бдительности Миссис Дюмон. Макс выказывал все возможное почтение жене Эконома и не забывал называть Элдрет исключительно «Мисс Кобурн». На следующий день она явилась уже в одиночку. Он посмотрел ей за спину и изумленно воздел брови.

— А где же твоя дуэнья?

Элдрет хихикнула:

— Дюмонтиха посоветовалась со своим супругом и тот вызвал твоего начальника — этого самого, толстого. Они сошлись во мнении, что ты — идеальный маленький джентльмен, абсолютно безопасный. Как это тебе нравится?

Макс поразмыслил.

— По правде говоря, по основному роду занятий я — убийца, но сейчас у меня отпуск.

— Вот и прекрасно. Что это у тебя здесь такое?

Это был набор для игры в трехмерные шахматы. Макс играл в них с дядей, это была любимая игра всех астронавигаторов. Обнаружив, что в нее играет кое-кто из картографов и компьютерщиков, он инвестировал свои чаевые в покупку набора в корабельной лавке. Набор был дешевенький, без предупредительных лампочек и дистанционного управления, просто этажерка из прозрачных пластин с фигурами не резными, а штампованными, однако для игры этого было достаточно.

— Это объемные шахматы. Когда-нибудь видела?

— Да. Только я не знала, что ты в них играешь.

— А почему нет? Ты играешь в обычные шахматы?

— Немножко.

— Ну так принципы те же самые, только фигур больше и есть еще одно направление, в котором можно ходить. Давай, я тебе покажу.

Она села, скрестив ноги, напротив него, и он показал ей ходы.

— Вот это автоматические транспортники, то есть пешки. Они могут превратиться во все что угодно, если дойдут до дальнего края. Вот эти четыре — звездные корабли, они одни ходят не по прямой, вроде коней. Они должны совершать пространственный скачок, всегда с того уровня, на котором стоят, на какой-нибудь другой, и этот скачок производится определенным образом, например, так — или так. А это — Имперский флагман, это ему объявляется шах или мат. Потом есть еще... — Они сыграли пробную игру, с помощью Мистера Чипса, которой нравилось двигать фигуры и которая не особенно вникала, чей сейчас ход.

Потом Макс сказал:

— Ты улавливаешь довольно быстро.

— Благодарствую.

— Только настоящие игроки, конечно же, играют в четырехмерные.

— А ты умеешь?

— По правде говоря, нет. Но я когда-нибудь научусь, просто надо все время удерживать в голове на одну пространственную связь больше. Мой дядя играл. Он и меня хотел научить, но только умер. — И тут

Макс поймал себя на том, что рассказывает про своего дядю. Он кончил этот рассказ без упоминания о всех своих разочарованиях.

Элдрет взяла с одной из плоскостей звездный корабль.

— Макс, а что, скоро уже будет первый скачок, правда?

— А сколько сейчас?

— Ээ., шестнадцать двадцать одна — слушай, мне бы лучше уже бежать навстречу.

— Тогда это будет через, э.э, примерно тридцать семь часов и семь минут, если по корабельному расписанию.

— Ты, похоже, разбираешься в таких штуках. Ты не можешь мне объяснить, что это такое мы сделаем. Я слышала раз, как один астронавигатор говорил про это за столом, только совсем ничего не поняла. Мы вроде как ныряем в свернутое пространство, я это правильно понимаю?

— Да нет, не свернутое пространство. И вообще это — дурацкий термин. Пространство не «сворачивается», за исключением тех мест, где «пи» не равно точно три запятая один четыре один пять девять два шесть пять три пять восемь девять семь девять три два три восемь четыре шесть два четыре три три восемь три два семь, и так далее — ну вроде как внутри атомного ядра. Мы направляемся к месту, где пространство по-настоящему плоское, а не просто чуть искривленное, какое оно около звезд. Аномалии всегда плоские — иначе они не могли бы совмещаться друг с другом — быть конгруэнтными.

На лице Элли изобразилось непонимание.

— Как ты это сказал?

— Слушай, Элдрет, как далеко ты продвинулась в математике?

— Я? Я прогуляла неправильные дроби. Мисс Мимси очень на меня сердилась.

— Мисс Мимси?

— Школа мисс Мимси для молодых леди, так что ты видишь, что я могу внимать тебе с полным пониманием. — Она скорчила рожу. — Но ты же сам говорил, что ходил в сельскую среднюю школу, да и ту не кончил. Ведь так?

— Да, но только я много узнал у дяди. Он был великий математик. Конечно, его именем не названа какая-нибудь теория, но он, думаю, все равно великий. — Макс помолчал. — Ну я не знаю, как тебе это рассказать, тут нужны уравнения. Слушай! Дай мне на минутку твою косынку.

— Бери. — Она сняла косынку с шеи.

Косынка была украшена стилизованным изображением Солнечной системы, это был сувенир Дня Солнечного Союза. Посреди квадратного куска ткани красовалось солнце; далее шли окружности, обозначающие орбиты планет; для пущей важности было добавлено несколько комет. Масштаб был совершенно искажен; как структурная схема родной системы эта штука не годилась совершенно, но для данного случая ее было вполне достаточно. Макс взял косынку в руки и сказал:

— Вот тут у нас Марс.

— Ты это прочитал. Так нечестно.

— Да помолчи ты секунду. А вот тут — Юпитер. Чтобы с Марса добраться до Юпитера, тебе надо пройти отсюда досюда, верно?

— Очевидно, так.

— А теперь предположим, что я сложу косынку так, что Марс ляжет на Юпитер? Что тогда помешает просто сделать один шаг?

— Ничего, я думаю, не помешает. За исключением того, что то, что легко сделать с косынкой, не так-то просто сделать с настоящим пространством. Правда ведь?

— Да, это невозможно поблизости от звезды. Но если уйти от звезды на приличное расстояние, все получается великолепно. Понимаешь, это как раз и есть то, что называется аномалией, место, где пространство сложено само с собой, почему огромное расстояние сводится к нулю.

— Так значит, пространство все-таки свернуто!

— Нет, нет и нет. Смотри, я же просто сложил твою косынку, я же нигде ее не растягивал, не менял ее форму. Я же не сделал на ней ни одной морщинки. Пространство остается тем же самым, оно просто смято, как ненужная бумажка — но оно не свернуто. Оно просто смято. Ну, понятно, для этого нужны дополнительные измерения.

— Не вижу я никакого «понятно».

— В уравнениях все это очень просто, но трудно говорить об этом, если ты этого не видишь. Пространство — наше пространство — можно так смять, что все оно поместится в чашку — все оно, все его сотни тысяч световых лет. Но, понятно, в четырехмерную чашку.

Элли вздохнула.

— Не понимаю я, как в эту твою четырехмерную чашку можно кофе-то налить, не говоря уже о целой Галактике.

— Ничего трудного. Ты же можешь затолкать эту тоненькую косыночку в наперсток. Тот же самый принцип. Но дай мне кончить. Понимаешь, раньше думали, что ничто не может двигаться быстрее света. Ну так это было и правильно, и неправильно. Это...

— Ну как может быть одновременно и то, и другое?

— Это и есть один из парадоксов Хорста. Нельзя двигаться быстрее света, пока находишься в нашем пространстве. Если попытаешься это сделать, ты из него вырвешься. Но если ты сделаешь это в таком месте, где пространство сложено само с собой и себе конгруэнтно, то снова вырвешься в свое собственное пространство — но очень-очень далеко от первоначального места. Как это будет далеко — зависит от того, как сложено пространство. А это, в свою очередь, зависит от распределения масс в пространстве, зависит сложным образом, который нельзя описать словами, но можно вычислить.

— Ну, а если попробовать сделать это в первом попавшемся месте?

— Вот так и делали самые первые. Они не вернулись. Именно поэтому опасны разведочные прыжки. Разведочные корабли прорываются сквозь такие аномалии, которые найдены теоретически, но ни разу не опробованы. Это и есть причина, по которой так много платят астронавигаторам. Они должны привести корабль в такое место, которое не отличимо глазом, и они должны привести его сюда со скоростью, почти равной скорости света, и они должны резко придать ему ускорение точно в заданной мировой точке. Опустив при вычислениях последний знак числа, или для ускорения дела используй более короткий путь через область, в которой имеется неопределенность, и — будь здоров. Так вот, мы двигаемся с ускорением

двадцать четыре «Е» с того самого момента, как вышли из атмосферы. Конечно же, мы не чувствуем этого, мы находимся в разрывном поле, при искусственной гравитации в одно «Е» — это другой из парадоксов Хорста. Но мы теперь подходим вплотную к скорости света, прямо к самой Эйнштейновой Стене; очень скоро нас выщелкнут, словно арбузное семечко между пальцами, и мы выскочим поблизости от Тэты Кентавры, на расстоянии в пятьдесят восемь световых лет. Очень просто, если только верно все понимать.

Элли поехала.

— Ты имеешь в виду — если мы выскочим.

— Ну... Пожалуй, что и так. Но это гораздо безопаснее полета на вертолете. И погляди на это еще с такой стороны: если бы не аномалии, мы бы никогда не достигли звезд, слишком уж они далеко. Но теперь, глядя назад, кажется совершенно очевидным, что все эти огромные пустые пространства не могли быть реальными, аномалии должны были существовать. Так говорил мой дядя.

— Наверное, он был прав, хотя я ничего здесь и не понимаю. — Элли раскутала ноги и поднялась. — Вот что я очень хорошо понимаю, так это, что мне надо бежать вверх, а то миссис Дюмон может и передумать. — Элли потискала Мистера Чипса и сунула мелкую тварь Максу в руки. — Покачай малость ребеночка — ну вот, молодец.

ГЛАВА 8

Три пути вверх

Макс намеревался бодрствовать во время первого скачка, но проспал. Скачок был в пять с минутами ночи по корабельному времени. Когда утренняя побудка разбудила его в шесть, все было уже кончено. Он быстро натянул одежду, кипятикомом на самого себя за то, что не проснулся раньше, и поспешил вверх. Переходы выше палубы С были тихими и пустынными, даже самые ранние птички из пассажиров не появятся еще, по крайней мере, час. Он сразу направился в гостиную палубы Б, пересек ее и подо-

шел к иллюминатору, устроенному здесь для удовольствия пассажиров.

Звезды были такими же, как обычно, однако привычные с древности созвездия исчезли. Один только Млечный Путь, наша собственная Галактика, казался таким же, как всегда — для этой чудовищно огромной спирали, состоящей из звезд, имеющей поперечник в сотни тысяч световых лет, крохотное — менее шести десятков световых лет — перемещение не имело значения.

Одна из звезд была очень яркой, желтоватого цвета. Макс решил, что это и есть Тэта Кентавра, солнце Планеты Гарсона, первой их остановки в пути. Он быстро ушел, не желая рисковать быть пойманным. Шляться без дела в местах, отведенных пассажирам, ему не полагалось. Он быстрее обычного сменил кошачьи посудины — повод для выхода наверх — и к завтраку уже вернулся в кубрик.

Переход к Планете Гарсона занял почти целый месяц даже при огромном ускорении, развиваемом кораблем с двигателем Хорста — Конрада. Элдрет продолжала свои ежедневные посещения для свиданий с Мистером Чипсом — а также для того, чтобы поболтать и поиграть в 3-шахматы с Максом. Он узнал от нее, что, хотя она и родилась не на Геспере, а в Окленде, на Земле, все равно родиной своей считает Гесперу. — Отец послал меня на Землю, чтобы из меня сделали леди, но ко мне это как-то не привилось.

— Что ты хочешь сказать?

Она ухмыльнулась.

— Я трудный ребенок. Поэтому меня и послали домой. Макс, тебе шах. Чипси, положи эту штуку на место. Знаешь, эта мелкая тварь, похоже, тебе подыгрывает.

Мало-помалу он разобрал, что говорила Элли. Школа мисс Мимси была третьей подряд, из которой ее исключили. Ей не нравилась Земля, она была полна решимости вернуться домой и для этого создавала царство ужаса в каждом из заведений, заботам которых ее вверяли. Отец — мать ее умерла — очень хотел дать ей «приличное» образование, но ее стратегическая позиция была куда сильнее, она могла диктовать свою волю. Отцовские адвокаты на Земле умыли руки и спровадили ее домой.

Сэм совершил ошибку, начав поддразнивать Макса про Элдрет.

— Сынок, вы с ней уже установили день?

— Кто установил, какой такой день?

— Да брось ты! Про это же знает весь корабль, может, за исключением Капитана. Ну для чего пудрить мозги старому другу.

— Не понимаю, про что это ты говоришь.

— Я же тебя не критикую, я тобой восхищаюсь. У меня самого никогда не хватило бы нервов рассчитать такую траекторию. Но, как говаривал мой покойный дедуля, есть только три пути вверх — талант и пот, рождение в нужной семье, хорошая женитьба. Из всех трех лучший — жениться на дочке босса потому, что... Эй, потише! Не заводись!

Сэм ускользнул из области досягаемости Макса.

— Возьми свои слова назад!

— Беру, беру! Я был неправ. Но имей в виду, что все, мной сказанное, вдохновлялось чистейшим восхищением. Согласен, я ошибался. Посему извиняюсь и беру свои слова назад.

— Но... — Макс не мог сдержать улыбку. На Сэма невозможно было злиться долго. Несомненно, он был бездельник, возможно — дезертир, совершенно точно — циник, во всем видящий только низкое, но — и с этим ничего не поделаешь — но Сэм был его другом.

— Да я понимал, что ты шутишь. Как же я мог собираться жениться, если мы с тобой решили.

— Сбавь громкость. — Тихо сказал Сэм. — Так ты тоже решил?

— Да. Я думаю, что это — единственный возможный выход. На Землю я возвращаться не хочу.

— Молодец. Ты об этом не пожалеешь. — Сэм немного задумался. — Нам понадобятся деньги.

— А что, у меня уже что-то есть на корабельном счету.

— Не будь идиотом. Ты только заикнись, чтобы взять больше, чем на карманные расходы, и тебе больше и коснуться Земли не дадут. Но ты не беспокойся, прикопи свои чаевые — ту часть, которую Жиряга тебе оставляет — и я добуду нам, сколько надо. Сейчас моя очередь.

— Каким образом?

— Есть уйма способов. Но это — не твое дело.

— Ну... ну ладно. Слушай, Сэм, а что это ты имел в виду, когда ты — я значит, ну, если, предположим, я хотел жениться на Элли — я, конечно же, не хочу, она еще совсем ребенок, да и я совсем не собираюсь жениться, но если вообще предположить? Кому какое дело?

У Сэма на лице появилось удивление.

— Ты что, не знаешь?

— А чего бы я спрашивал?

— Ты что, не знаешь, кто она такая?

— Чего? Звать ее Элдрет. Фамилия Кобурн, и направляется она домой на Гесперу, она из колонистов. А что?

— Бедняжка ты мой глупенький. Она тебе никогда не говорила, что она — единственная дочь Его Высочайшего Превосходительства, Генерала О. Б. И., К. Б., О. С. У. и, вполне возможно Х; У; Z, Чрезвычайного и Полномочного Посла и одновременно — Верховного Комиссара Империи на Геспере.

— Че-его? Господи ты Боже мой!

— Соображаешь? Чуть-чуть тебе сообразительности и обходительности, и ты, самое малое, сможешь жить на его деньги. Только назови любую из планет — не считая, конечно, Гесперы — и он их тебе будет присылать.

— Да ну тебя к черту. Но в любом случае она — хорошая девчонка.

Сэм гнусно хихикнул.

— Конечно, конечно. Но, как говаривал покойный дедуля, в добром деле обязательно что-нибудь да прилипнет к рукам.

Неожиданная новость обеспокоила Макса. Ясное дело, он понимал, что она из обеспеченной семьи, в конце концов, она же была пассажиркой. Но он никогда не испытывал благоговения перед богатством. Личный успех, примером которого был его дядя, внушал ему гораздо больше уважения. Но тот факт, что Элдрет происходит из такого невероятно высокого слоя общества, а также появление мнения, что он, Максимилиан Джонс — охотник за чужим состоянием и человек, пытающийся посредством брака вскарабкаться по социальной лестнице — все это выводило из равновесия.

Макс решил положить этому конец. Начал он с того, что накапливал работы в таком количестве, что мог, не погрешив против истины, сказать, что у него нет времени играть в 3-шахматы. Тогда Элли взяла в руки вилы и стала ему помогать. Играя после этого игру, которой не удалось избежать, он сделал попытку прямого разговора.

— Слушай, Элли, я думаю, что тебе не стоит бывать здесь, внизу, подолгу и играть со мной в эти шахматы. Другие пассажиры ходят сюда к своим кошкам и собакам. Они замечают и начинают сплетничать.

— Тьфу на них.

— Я точно говорю. Мы-то с тобой знаем, что все в порядке, но выглядит это как-то не так.

Она выпатила нижнюю губу.

— У меня что, будет с тобой серьезная беседа? Ты разговариваешь в точности, как Мисс Мимси.

— Ты можешь, конечно, ходить сюда к Чипси, но лучше бы тебе делать это с кем-нибудь еще из собаководовладельцев.

Элли, видимо, собиралась резко ему ответить, потом пожала плечами.

— О'кей, да и вообще это не самое удобное место. Теперь мы будем играть в гостиную палубы Б после твоей работы, по вечерам.

Макс было завозражал, что Мистер Джордана не позволит ему этого; она быстро ответила:

— Про своего начальника ты не беспокойся. Я могу обвести его вокруг своего мизинца. — Последнее она проиллюстрировала жестом.

Воображаемая картина массивного Мистера Джи в таком неожиданном положении несколько замедлила ответ Макса, но в конце концов этот ответ последовал.

— Элли, ведь член команды не имеет право пользоваться гостиной для пассажиров. Это строгое правило.

— Имеет. Я много раз видела, как Мистер Дюмон пьет кофе вместе с Капитаном Блейном.

— Да ты не понимаешь. Мистер Дюмон — почти офицер, и если Капитан приглашает его в качестве своего гостя, то это — право Капитана.

— А ты будешь моим гостем.

— Нет, не буду. — Он попытался объяснить ей инструкцию, строго запрещающую членам команды общаться с пассажирами. — Капитан взбесился бы, увидев нас с тобой сейчас, и не на тебя, а на меня. Если он застанет меня в пассажирской гостиной, он загонит меня в самый низ, на палубу Эйч.

— Не может быть.

— Но... — Он пожал плечами. — Хорошо, я поднимусь сегодня вечером. Он, конечно, не погонит меня в буквальном смысле слова, это будет ниже его достоинства. Он просто пошлет Мистера Дюмона, чтобы тот велел мне уйти; потом он утром вызовет меня к себе. Мне не жаль быть оштрафованным на месячную зарплату, если без этого ты не можешь понять положения вещей.

Он увидел, что пронял ее, наконец.

— Как же это так, это же просто ужасно. Все равны. Все, это же закон.

— Равны? Это только если идти сверху.

Она резко встала и ушла. Макс снова пришлось утешать Мистера Чипса; самого его утешать было некому. Он подумал, что чем раньше они с Сэмом исчезнут за линией горизонта и затеряются в лесах, тем лучше.

Элдрет вернулась на следующий день, но на этот раз — в компании миссис Мендоса, преданной хозяйки чау-чау, до странности похожей на свою собаку. Разговаривая с Максом, Элдрет придерживалась равнодушной вежливости леди, «хорошо» обращающейся со слугами. Исключение она сделала лишь в краткий момент, когда миссис Мендоса была далеко от них.

— Макс?

— Да, мисс?

— Я тебе дам «Да, мисс»! Слушай, Макс, как звали твоего дядю? Это был Честер Джонс?

— Да, а что?

— Неважно. — Подошла миссис Мендоса, и Макс был вынужден прервать разговор.

Следующим утром его нашел один из кладовщиков.

— Эй, Макс! Тебя вызывает Пузо, и поспеши — похоже, что ты влип.

Макс торопился с беспокойным сердцем. Он не мог припомнить за собой никаких проступков за последнее время; он старался подавить в себе жуткий страх, что это как-то связано с Элли.

Невооруженным глазом было видно, что мистер Джордана не в настроении. Однако он сказал только:

— Явись в канцелярию Казначей. Бегом. — Макс бросился бегом.

Казначей не было на месте; Макса встретил мистер Куйпер. Оглядев его холодными глазами, он сказал:

— Переоденься в чистую форму и побыстрее. Затем явись в капитанскую кабину.

Макс стоял как столб, сглатывая какой-то комок. Мистер Куйпер рявкнул:

— Что еще? Шагом марш!

— Сэр, — пробормотал Макс, — я не знаю, где находится кабина Капитана.

— Что-о? Ничего себе! Палуба А, радиус девяносто, у борта. — Макс побежал.

Капитан был в своей кабине. С ним были мистер Сэмьюэлс, Казначей, мистер Вальтер, Первый Помощник и доктор Хендрикс. Астронавигатор. Макс подумал, что за что бы его не судили, тривиальным обвинение быть не может. Однако он не забыл отрапортовать:

— Помощник эконома третьего класса Джонс явился по Вашему приказанию, сэр.

Капитан Блейн поднял на него глаза.

— А, да, конечно. Возьмите стул. — Макс нашел себе стул и уселся на самый его краешек. Капитан обратился к Первому Помощнику: — Принимая во внимание сложившиеся обстоятельства, так будет лучше всего — хотя это и кажется мерой несколько резковатой. А Вы, Хол, согласны?

Казначей, к которому относились последние слова, согласился. Макс думал о том, насколько резковатой будет мера и выживет ли он после нее.

— Мы занесем это в журнал как исключение, — а потом, док, я сам напишу объяснение наблюдательному совету. В конце концов, инструкции для того и пишутся, чтобы их нарушали. Значит, с этим мы

кончили. — Тут Макс решил, что они собираются выкинуть его в космос, а впоследствии объяснить это.

Капитан повернулся к своему столу, что, видимо, означало конец совещания. Первый Помощник осторожно кашлянул.

— Капитан... — Он указал глазами на Макса.

Капитан Блейн снова поднял глаза.

— Ах, да, молодой человек, Ваша фамилия Джонс?

— Да, сэр.

— Я просмотрел Ваш послужной список. Вы, кажется, непродолжительное время пытались стажироваться на картографа. На «Туле».

— Мм, да, Капитан.

— И Вам не понравилось?

— Да как сказать, сэр. — Макс спросил себя, что бы ответил Сэм, попав в такую ситуацию. — Это все было так... по правде говоря, мне не поручали почти никакой работы, кроме как выносить пепельницы в Хитрой... в контрольном центре. — Он задержал дыхание.

По лицу Капитана скользнула улыбка.

— Иногда бывает и так. Не хотели бы Вы сделать еще одну попытку?

— Что? Да, сэр!

— Что думаете Вы, Помощник?

— Капитан, при обычных обстоятельствах я не вижу смысла в том, чтобы один человек дважды пытался стажироваться на одну и ту же работу. Но тут личные мотивы.

— Да, конечно. А Вы, Хол, сможете обойтись без него?

— Несомненно, Капитан. Его на его посту трудно назвать ключевой фигурой. — Казначей улыбнулся. — Прислуга с нижней палубы.

Капитан тоже улыбнулся и повернулся к Астронавигатору.

— Я не вижу никаких возражений, док. Конечно, остается проблема насчет гильдии.

— Келли не прочь его попробовать. Вы же знаете, у него не хватает человека.

— Ну что ж, очень хорошо, тогда...

— Одну секунду, Капитан. — Астронавигатор повернулся к Максу. — Джонс... у Вас был родственник в моей гильдии?

— Мой дядя, сэр, Честер Джонс.

— Я служил под его началом. Надеюсь, что Вы обладаете некоторыми навыками обращения с числами.

— Мм, я тоже надеюсь, сэр.

— Посмотрим. Доложитесь Главному Вычислителю Келли.

Макс сумел-таки найти пост управления, не спрашивая никого, куда идти, хотя глаза его с трудом разбирали то, что его окружало.

ГЛАВА 9

Картограф Джонс

Неожиданное изменение социального статуса Макса переменяло и всю его жизнь. Изменились отношения с прочими членами команды, правда не всегда к лучшему. Работавшие в центре управления смотрели на себя, как на аристократию команды, этот их статус оспаривался техниками, обслуживавшими силовую часть корабля, а у подчиненных Казначей вызывал негодование. Макс быстро почувствовал, что гильдия, покидаемая им, относится к нему без прежней теплоты, в то время, как та, в которую он пытается перейти, совсем не торопится принять его в свои ряды.

Мистер Джи теперь попросту его не замечал — он мог прямо пройти сквозь него, как сквозь пустое место, если Макс не успевал отскочить в сторону. Похоже было, что он воспринимает попытку продвижения Макса как личное оскорбление.

Ему потребовалось купить в корабельной лавке новую форму. Теперь, когда Макс стоял вахту в центре управления и когда, по пути на вахту и с нее, ему приходилось проходить через царство пассажиров, слоняться в старом комбинезоне было не позволительно. Заработанных им денег на форму не хватило, и мистер Куйпер обслужил его в кредит, под расписку. Кроме того, пришлось расписаться и за стоимость попытки перехода из гильдии в гильдию. За сей переход,

если таковой состоится, нужно будет платить как в новую гильдию, так и в старую, но эта проблема Макса пока не волновала. Расписался он весело и без сожалений.

Команда управления «Асгарда» состояла из двух офицеров — доктора Хендрикса, Астронавигатора, и мистера Саймса, его помощника, а также пяти рядовых — Главного Вычислителя Келли, Картографа первого класса Ковака, Картографа второго класса Смита и двоих Вычислителей второго класса — Ногучи и Ланди. Связиста первого класса Беннета по кличке «Матрас» трудно было считать членом этой команды, хотя он тоже стоял вахты в Хитрой Яме; звездный корабль очень редко оказывался на расстоянии радиосвязи с чем бы то ни было, только в самом начале и конце рейса. Беннет совмещал пост связиста с обязанностями секретаря и ординарца Капитана Блейна, а кличкой своей был обязан всеобщему убеждению в том, что большую часть своей жизни он проводит в койке.

«Асгард» непрерывно шел с ускорением, и поэтому была необходима непрерывная работа в центре управления, совсем не то, что было на старых ракетных кораблях — десять минут управления, а потом — недели свободного полета, прежде чем опять возникала нужда в управлении. Капитан Блейн, естественно, и сам был Астронавигатором, но, столь же естественно, он не стоял вахты; Астронавигатора-стажера в этом рейсе на «Асгарде» не было, так что офицеров-астронавигаторов, способных стоять вахту в центре управления, оставалось мало, всего двое. Эта нехватка восполнялась Главным Вычислителем Келли, который также, наряду с офицерами, стоял вахту старшим. Остальные рядовые стояли одну четырехчасовую вахту из четырех. При тех порядках, которые завел в центре управления «Десятичный знак» Келли, различие между Вычислителем и Картографом было чисто номинальным — чего не знаешь, узнаешь вскорости, а не узнаешь — найдешь себе другой корабль.

Расписание было легким для всех, кроме Макса — его для начала поставили на вахты через раз — четыре часа вахты, затем четыре часа, за которые надо успеть

поесть, умыться, расслабиться и, коли останется время, поспать.

И все равно Макс блаженствовал. Он являлся до времени, а после вахты его приходилось иногда выгонять силой. Потом, гораздо позднее, Макс узнал, что таким жестким режимом Келли испытывал его на излом, на слабину, чтобы поскорее избавиться от него, если он не подойдет.

Однако, приятными были не все вахты. Первую Макс стоял под командой мистера Саймса. Забравшись через люк в помещение центра, он изумленно огляделся вокруг. По четырем сторонам отсека были расположены великолепные параллаксные камеры. Между двумя из них сидел перед главным компьютером Ланди. Он поднял глаза на Макса, кивнул ему, но ничего не сказал. Мистер Саймс сидел у пульта управления, напротив люка: он должен был видеть, как появился Макс, однако ничем этого не показал.

Вдоль стен помещения теснились уйма прочих приборов, некоторые из которых Макс признал, он читал про них и видел на картинках. Другие были ему совершенно незнакомы. Тут были приборы, передававшие обстановку во всех отсеках корабля, экран, воспроизводивший вид неба с кормы, или «под» кораблем, микрофон и пульт управления внутренней системы оповещения, «бак», или стереокомпаратор, на котором снимки, сделанные параллаксными камерами, сравнивались с картами, астроспектрограф, доплероскоп, многоточечный измеритель температуры, посадочный радар, чересчур много всякого, чтобы разобраться сразу.

Вверху сквозь астронавигационный купол сияла звездами вселенная. Макс разинул рот и не мог оторвать глаз от звезд. Все это время он жил в своей стальной норе и почти ни разу не видел неба. Даже дома, на ферме, он был ближе к звездной тверди.

— Эй, ты!

Макс потряс головой и увидел, наконец, что на него смотрит мистер Саймс.

— Иди сюда.

Пока Макс выполнял это приказание, Помощник Астронавигатора продолжал:

— Ты что, не знаешь, что обязан доложить вахтенному офицеру, когда заступаешь на вахту?

— Извините, сэр.

— А кроме того ты опоздал. — Макс украдкой глянул на хронометр, вделанный в пульт. До срока оставалось еще добрых пять минут. Саймс продолжал: — Печально, когда рядовой приходит на свой пост позже офицера. Как твоя фамилия?

— Джонс, сэр.

Мистер Саймс фыркнул. Это был краснолицый молодой парень с жидкими волосенками морковного цвета; фыркание было обычным его речевым приемом, по крайней мере — в разговоре с младшими по званию.

— Свари кофе.

— Да, сэр.

Макс собрался было спросить, где и как, но мистер Саймс снова погрузился в свое чтение. Макс беспомощно глянул на Ланди, и тот глазами указал направление. Позади шкафа с картами Макс обнаружил кофеварку, чашки, блюдца, сахар и банки со сгущенными сливками.

Он успел пару раз обжечься, пока приноровился к идиосинкразиям механизма. Мистер Саймс принял варено, даже не взглянув на Макса. Макс не понимал, что же ему делать дальше, и решил предложить чашку Ланди. Вычислитель тихо поблагодарил его, тогда Макс рискнул налить и себе; у него создалось впечатление, что здесь так принято. Он отнес свою чашку поближе к компьютеру и уже собрался пить.

Но не успел он начать, как раздался голос вахтенного офицера:

— Это что такое? Вечеринка? Джонс!

— Да, сэр?

— Прибери помещение. Можно подумать, что здесь стадо свиней валялось.

Комната была совершенно чистой, однако Макс нашел и подобрал несколько клочков бумаги. Засунув их в мусоропровод, он натер все металлические ручки, ярко сиявшие и до того. Он начал было делать все по второму разу, когда Ланди жестом подозвал его. Макс помог Ланди сменить пластинки в параллельных камерах и понаблюдал, как тот устанавливает электронный

таймер. Мистер Саймс лично нажал кнопку пуска; это, похоже, было единственной работой, проделанной им за время вахты.

Ланди вынул пластинки из камер и установил их в «баке» для сравнения с картами, снял отсчеты и занес их в вахтенный журнал. Макс чисто номинально помогал ему, набираясь при этом опыта, как все это делается. Потом он опять начал драить медяшку.

Эта вахта продолжалась бесконечно долго. Макс вернулся в кубрик, начисто лишившись своего первоначального восторга.

Совсем другими были вахты под началом доктора Хендрикса и Келли. Под управлением Келли Хитрая Яма превращалась в место очень веселое; он властвовал ей как благожелательный деспот, крича, ругаясь, обзывая последними словами кофе, понося своих подчиненных, которые отвечали ему тем же. При Келли Макс и в руки не брал полировочную тряпицу, он был слишком занят, и не только на подхвате, но и подробно изучая оборудование центра.

— Нам совершенно нечего делать, — кричал ему Келли, — пока мы не шлепнемся на эту гарсоновскую плешь. Нечего делать, кроме как тащиться по наезженной колее, пока не плюхнемся задом. И как раз поэтому ты, телочек ты мой, хорошенько попотеешь. К тому времени, как мы там сядем, ты у меня будешь знать эту чертову Яму лучше, чем мамаша твоя знала папашу — или тебе придется доучивать пропущенное уже там, пока все твои дружки будут надираться до зеленых чертей. Хватай руководство по главному компьютеру, снимай задний кожух и залезай во все эти проводочки. И чтобы я в течение остальной вахты не видел ни одной части твоего тела, кроме задницы.

И уже через десять минут Келли стоял на коленях рядом с ним и помогал разобраться в сложной схеме.

Макс учился, в чем ему сильно помогала фотографическая память, а еще больше — солидная теоретическая подготовка, полученная от дяди. Келли был доволен.

— Мыслию я, что ты перебрал малость, говоря, что ни черта не освоил на «Туле».

— Ну, не очень много.

— Во время твоей стажировки Ямой командовал Йохансен?

— Ээ, да. — Макс отчаянно надеялся, что Келли не будет называть других фамилий.

— Так я и думал. Этот болван своей собственной мамаше не скажет, сколько ему лет.

Потом наступила вахта, во время которой Келли разрешил ему провести на компьютере тренировочный расчет подхода к точке перехода; Ногучи диктовал константы из таблиц, а сам Келли исполнял роль Астронавигатора, следуя распечаткам данных последнего перехода, фактически произведенного кораблем. Программирование производилось устно, как бывает всегда, когда Астронавигатора захлестывают поступающие данные, перед самым моментом подачи наиболее ответственного сигнала на резкое ускорение, которое должно перевести корабль через скорость света.

Келли диктовал данные значительно медленнее, чем это бывает на практике; одновременно Ногучи глядел в таблицы и диктовал Макс числа. Сперва Макс нервничал, пальцы его так дрожали, что трудно было нажать на верные клавиши, но затем он успокоился и начал работать легко, словно он и машина рождены друг для друга.

Келли диктовал — двоичный натуральный логарифм от ноль точка восемь семь ноль девяносто два, умноженный на... — Макс слышал голос Ногучи, переспросившего данные. Ногучи рылся в книге, ища нужную страницу, но намного раньше, чем он успел ее найти, страница появилась перед мысленным взором Макса. Он бессознательно нажал клавиши, не дождавшись Ногучи.

— Поправка, — прозвучал голос Келли. — Слушай, ты, тупица, тебе не надо вводить те цифирки, которые я говорю, ты вводи те цифирки, которые тебе Ногги скажет. Ну сколько тебе раз повторять?

— Но я же... — начал и осекся Макс. До этого момента никто на борту «Асгарда» не догадывался, что он обладает такой непристойно-странной памятью.

— Что ты же? — Келли хотел было сбросить последние данные, введенные Максом, но приостановил-

ся. — Если подумать, ты же не мог ввести в эту штуку десятичные цифры. Так что же ты, интересно, сделал?

Макс знал, что прав, и очень не хотел, чтобы думали, будто он ошибся.

— Я и ввел те цифры, которые Ногучи собирался мне продиктовать.

— Повтори-ка это снова, — Келли смотрел на него не отрываясь, — ты что, читаешь мысли?

— Нет, но цифры я ввел правильные.

— Хм... — Келли нагнулся над пультом. — Повтори-ка, Ногги. — Вычислитель выдал длинный ряд нулей и единиц, двоичный эквивалент зачитанного Келли выражения; Келли проверял нажатые клавиши, губы его слегка шевелились. Он выпрямился. — Как-то раз один парень при мне тринадцать раз подряд выбросил семь очков, причем кости были честные. Это что, Макс, тебе просто повезло?

— Нет.

— Ладно. Ногги, кинь-ка мне эту книгу. — Келли довел задачу до конца, выдавая Максу только начальные данные и необходимые действия, не переводя числа в требуемую компьютером двоичную форму. Все это время он листал книгу и заглядывал через Максovo плечо. Макс боролся с нервозностью и быстро нажимал клавиши; пот заливал ему глаза.

В конце концов Келли сказал:

— О'кей, крутни-ка ему хвост. — Макс щелкнул тумблером, подавая сигнал, по которому машина заглотила программу и мгновенно ее переварила; ответ выразился в огоньках, горит — не горит, машинном эквиваленте бинарных чисел.

Келли, при помощи книги, перевел число, выраженное огоньками, в обычный десятичный вид. Затем он взглянул в журнал. Потом закрыл журнал, отдал его Ногучи.

— Попью-ка я кофе, — тихо сказал он и отошел.

Ногучи открыл журнал, посмотрел на лампочки, горевшие на панели компьютера, заглянул в таблицы и поглядел на Макса с очень странным выражением на лице. Макс поднял глаза и увидел, что Келли смотрит на него поверх своей чашки кофе с таким же самым выражением. Макс нажал на кнопку сброса,

лампочки на панели компьютера потухли, он встал с сиденья. Никто не произнес ни слова.

Следующая вахта у Макса была с доктором Хендриком. Вахты с Астронавигатором нравились ему почти так же, как с Келли: доктор Хендрикс был всегда очень вежливым и дружелюбным, обучению Макса он уделял почти столько же внимания, как и Келли. На этот раз Келли тоже был, он задержался после своей вахты — вообще-то говоря, ничего необычного, Главный Вычислитель нередко заходил к Астронавигатору в такие часы, чтобы проконсультироваться или просто поговорить. Но в этот день, заступив на вахту, доктор Хендрикс сказал Макс:

— Келли говорил мне, что Вы учитесь работать на компьютере, Джонс?

— Мм. Да, сэр.

— Очень хорошо. Давайте попробуем. — Доктор Хендрикс вытащил старый вахтенный журнал и выбрал в нем задачу подхода к точке скачка, сходную с той, которую Макс решал в предыдущий раз. Келли взял руководство, готовясь исполнять роль «зачитывателя чисел». Однако он ничего не говорил. Макс немного подождал, и, не получив от Келли двоичного числа, прочитал его со страницы, словно стоявшей перед его глазами, и ввел в машину.

Так это и продолжалось. Келли не говорил ничего, только слегка облизывал губы и проверял, что сделал Макс, каждый раз, когда доктор зачитывал следующую часть задачи. Ковак стоял неподалеку и наблюдал весь этот спектакль.

В конце концов доктор Хендрикс закрыл журнал.

— Ясно, — сказал он вполне будничным голосом, словно перед ним был совершенно заурядный случай, — что у Вас, Джонс, очень интересная способность. Я читал про таких людей, но Вы — первый, кого я встречаю сам. Вы когда-нибудь слышали про Слепого Тома?

— Нет, сэр.

— Возможно, в судовой библиотеке есть про него. — Астронавигатор с минуту помолчал. — Ни в коем случае не хочу принижать ваш талант, но Вы не

должны пользоваться им во время действительного маневра. Вы понимаете, почему?

— Да, сэр. Думаю, что понимаю.

— А лучше сказать так, что Вы не должны его использовать, пока Вам не покажется, что сделана ошибка — про ошибку вы должны сказать сразу же. Но все равно конечным авторитетом остаются печатные таблицы.

— Да, сэр.

— Очень хорошо. Зайдите, пожалуйста, ко мне в каюту после вахты.

Когда Макс сменился с вахты, по корабельному времени был «день». Он подошел к кабине доктора Хендрикса и помедлил. Тут-то на него и наткнулась Элли.

— Макс!

— О, привет, Элли! — Он почувствовал некоторую неловкость, сообразив, что ни разу не видел ее со времени своего продвижения по службе.

— Он еще говорит «привет», — Элли встала прямо напротив него. — Ты посмотрел бы на себя, видо-чек — будь здоров. Да у тебя глаза такие же красные, как кант на твоей рубашке. Где ты пропадал? Загордился, слишком хорош стал, чтобы встречаться со старыми друзьями? Ты даже к Чипси не заходишь.

Он забежал один раз, но с Элли не встретился. Больше он визитов не повторял, потому что парню, попавшему на его место, не слишком нравилось исполнять обязанности горничной при коровах, овцах, ламах и т. д.; похоже, вину за такую ситуацию он возлагал на Макса.

— Прости, пожалуйста, — смиренно произнес Макс, — все нет времени.

— Ничего себе, оправданище. Так вот, знаешь, что ты сделаешь сейчас? Ты отправишься прямиком в гостиную, и там я тебе покажу — я тут сообразила, как справиться с твоим любимым гамбитом, ты и опомниться не успеешь.

Макс открыл рот, закрыл и открыл снова:

— Нет.

— Немного погромче, пожалуйста. Вы, кажется, употребили какое-то незнакомое мне слово.

— Послушай, Элли, поймей хоть каплю жалости. Я же жду доктора Хендрикса, а как только он меня отпустит, попытаюсь хоть чуть-чуть поспать. Я недобрал уже часов десять.

— Ты же можешь спать, когда тебе угодно.

— Конечно, особенно если четыре часа на вахте — четыре, считается, отдыхаешь, и по-новой. Тут уж спишь каждую секунду, когда появляется такая возможность.

На ее лице появилось озабоченное выражение.

— Ты что, хочешь сказать, что стоишь вахту через раз? Да это же уголовное преступление.

— Может, оно и так, только так оно и есть.

— Но... Я с этим разберусь! Я поговорю с Капитаном!

— Элли, ради Бога, не делай этого!

— А что? Капитан Блейн — старый лапочка. Не бери в голову, я с этим разберусь сама.

Макс глубоко перевел дыхание, затем заговорил, стараясь, чтобы его слова звучали поубедительнее:

— Элли, не говори ничего Капитану, совершенно ничего. Если ты будешь лезть в дела, которых не понимаешь, ты мне только все испортишь. Меня снова выкинут к коровам.

— Да нет же, он не посмеет так сделать.

— Да ты пойми, Элли. Может, для тебя он и «старый лапочка», но для меня он — Капитан. Так что не лезь в это дело.

Элли надула губы:

— Я же помочь тебе хотела.

— Понимаю, и большое тебе спасибо. Но все равно не надо. И все равно я не могу прийти в гостиную — мне нельзя.

— Я же думала... я думала, что ты от меня прячешься. А почему нельзя? Ты же разгуливаешь здесь, наверху, в этой красивой форме. Почему же нельзя?

Разговор был прерван доктором Хендриксом, возвращавшимся в свою каюту.

— Доброе утро, Джонс, доброе утро, мисс Кобурн. — Он прошел внутрь.

На лице Макса появилось отчаяние.

— Элли, мне надо идти. — Он повернулся и постучал в дверь Астронавигатора.

Доктор Хендрикс как будто и не видел его с Элли.

— Садитесь, Джонс. Очень интересное Вы сегодня устроили представление. Мне крайне интересно, как далеко простирается эта Ваша способность. Она ограничивается числами?

— Почему? Я думаю, нет, сэр.

— Вам пришлось много работать, чтобы добиться таких результатов?

— Нет, сэр.

— Хм... Мы сейчас кое-что попробуем. Вы читали — дайте мне подумать — что-нибудь из драматургии Шекспира?

— Ну, в школе у нас был «Гамлет» и «Как вам это понравится», а еще я читал «Зимнюю сказку». Только она мне не понравилась, — честно добавил Макс.

— В таком случае Вы, видимо, ее не перечитывали. Помните что-нибудь оттуда?

— Конечно, сэр.

— Хм... — Доктор Хендрикс взял с полки потрепанный том.

— Ну, например. Акт второй, сцена третья: Леонт говорит: «Ни днем ни ночью мне покоя нет! Но эти муки слабость, только слабость».

Макс подхватил:

— «Только слабость. И я, пожалуй, мог бы исцелиться, ее источник главный уничтожив: мою жену», — он продолжал, пока доктор Хендрикс не оставил его.

— Достаточно, вполне достаточно. Мне и самому не слишком нравится эта пьеса. Даже у бессмертного Билла бывали выходные. Только как это вышло, что Вы прочитали эти самые таблицы? Все-таки даже самые слабые вещи Шекспира не настолько безнадежно тоскливы. Я не читал их никогда, пользовался, конечно, но это нельзя назвать «чтением».

— Понимаете, сэр, дядя Чет, выйдя в отставку, привез домой все свои руководства по астронавигации. Он много разговаривал со мной. Так что я взял и прочел их.

— Это надо понимать так, что Вы запомнили наизусть всю профессиональную библиотеку астронавигатора?

Макс перевел дыхание.

— Ну, сэр... Я их прочел.

Доктор Хендрикс взял с полки несколько книг. Двоичными таблицами он заниматься не стал — тут Макс себя уже показал. Он перелистывал руководства и задавал Максу вопросы. Потом начал просто называть номера страниц. Закрыв последнюю книгу, Хендрикс присвистнул и поморгал.

— Я, конечно, знаю, что в истории психологии есть много примеров таких способностей, но надо признаться, когда сам с такими встречаешься — приходишь в некоторое замешательство. — По его лицу скользнула улыбка. — Хотел бы я посмотреть на Брата Визерспуна, когда он про такое узнает.

— Сэр?

— Это наш Верховный Секретарь. Боюсь, что он будет порядком шокирован; у него до крайности старомодные представления об охране «секретов» нашей профессии.

Макс неловко поерзал на стуле.

— У меня будут из-за этого какие-нибудь неприятности, сэр? Я же не знал, что не надо читать дядины книги.

— Что? Чушь это все. У астронавигации нет никаких особенных «секретов». Вы пользуетесь этими книгами во время вахты, то же самое делают все члены компании, работающей в Яме. Если меня спросить, так пусть, ради Бога, их читают даже пассажиры. Астронавигация — не какая-то там тайная наука, она просто трудна. У немногих людей хватит математических способностей корректно провести рассуждения, нужные для решения, скажем, задачи перехода. Но тех, кто занят в гильдии политикой, вполне устраивает, чтобы астронавигация представлялась неким оккультным ремеслом. Вы же понимаете, престиж и все такое. — Доктор Хендрикс помолчал, побарабанил пальцами по подлокотнику своего кресла. — Джонс, я хочу, чтобы Вы это знали. Келли думает, что из Вас может что-то выйти.

— Очень приятно слышать, сэр.

— Только не думайте, что из-за того лишь, что Вы запомнили все эти книги, Вы знаете уже больше, чем он.

— О нет, сэр.

— По правде говоря, на пункте управления нет особой нужды в Вашем таланте. Необходимы те достоинства, которыми обладает Келли, — неустанное внимание к своим обязанностям, подробное знание инструментов своей профессии, скрупулезная забота о мельчайших деталях, глубочайшая преданность своей работе, своей команде и своему кораблю и тем, кто выше тебя в профессиональном смысле. Келли не нужна эйдетическая память, хорошая обычная память в сочетании с умом и порядочностью — вот все, что нужно для этой работы. И это все, что нужно мне на этом пункте управления.

— Да, сэр.

Астронавигатор помедлил.

— Я не хотел бы, чтобы мои слова звучали обидно, но нужно добавить еще вот что. Подобные странные способности зачастую сочетаются с вполне обычным, а то и неполноценным разумом — настолько нередко, что психологи даже придумали специальный термин — «недалекий гений». Извините меня, пожалуйста, Вы, самым очевидным образом, не идиот, но совсем не обязательно и гений, даже если способны запомнить всю имперскую энциклопедию. Я хочу сказать, что для меня важнее Ваш обычный здравый смысл и прилежное исполнение Вами своих обязанностей, чем Ваша феноменальная память.

— Я буду стараться, сэр.

— Я думаю, что со временем из Вас выйдет хороший картограф. — Доктор Хендрикс показал, что беседа закончена. Макс встал. — И еще одно.

— Да, сэр?

— Существуют очень убедительные причины, связанные с дисциплиной и эффективностью работы, по которым рядовые не должны общаться с пассажирами.

Макс сглотнул.

— Я знаю, сэр.

— Так относитесь к инструкции посерьезнее. Мои коллеги крайне щепетильно относятся к этому моменту.

Макс вышел из каюты с ощущением, словно из него выпустили воздух. Он шел сюда, чувствуя, что

будет как-то вознагражден — может, ему даже дадут шанс попытаться стать Астронавигатором. Теперь, пропотев всю беседу, он как будто съезжился до своих нормальных размеров.

ГЛАВА 10

Планета Гарсона

В последующие недели Макс мало видел Сэма: жесткое расписание вахт не оставляло времени для хождения в гости. Но Сэм тем временем процветал.

Как и на всех крупных кораблях, на «Асгарде» была небольшая собственная полиция; она состояла из бывалых сержантов, поддерживавших порядок на корабле, действуя в качестве представителей Первого Помощника. Сэм, благодаря своим талантам политика и поддельному удостоверению Помощника Эконома, первый класс, исхитрился во время перестановок, последовавших за переводом Макса, устроиться чем-то вроде надсмотрщика по ведомству Казначей. Со своими обязанностями справлялся он великолепно — не отдавливал без крайней нужды ничьих ног, сквозь пальцы смотрел на те нарушения, которые давно вошли в традицию, и присматривал за соблюдением тех правил санитарии, экономии и дисциплины, которые действительно необходимы для того, чтобы корабль был подтянутым, а все — довольны. Присматривая, но совсем не обязательно вытаскивая нарушителей на ковер к Первому Помощнику — ко взаимному удовлетворению как мистера Вальтера, так и команды. Когда кладовщик Мэггинис слишком увлекся благородным продуктом производства мистера Джи и воспыал желанием серенадами пробудить своих соседей по кубрику, Сэм попросту препроводил его на камбуз и заставил выпить крепкого черного кофе. На следующий день Сэм отвел Мэггиниса на палубу «эйг» и крупно ему выдал. Обработка эта не оставила следов на теле, но глубоко запечатлелась в душе. Где-то в своем темном прошлом Сэм научился искусству драки — не грубому мордобойу, не стилизованной пародии на бой, каковой

является бокс, но высокому искусству, превращающему безоружного человека в убивающую машину.

Жертву себе Сэм выбрал крайне обдуманно. Если бы он доложил о Мэггинисе, тот считал бы его просто доносчиком, любителем совать нос не в свое дело, которого надо или перехитрить, или просто послать подальше, а если бы за доносом последовало и вправду жесткое наказание, с дисциплиной Мэггиниса возникли бы нескончаемые проблемы. Кроме того, не надо забывать, что донос на Мэггиниса косвенно угрожал и священной корове — Главному Эконому Джиордана. То же, что произошло, превратило Мэггиниса в страстного поклонника Сэма и лучшего его пропагандиста, так как своеобразная, хотя и совсем не уникальная, гордость кладовщика требовала, чтобы человек, победивший его, был «самой могучей машиной, какая бывает на двух ногах, мгновенная смерть в каждой руке — настоящий мужик. Со стариком Сэмом шуточки плохи — ты попробуй как-нибудь сам и увидишь, что из этого получится. Давай, давай, а я с кем-нибудь заключу пари на вашу драку». Второй демонстрации не потребовалось.

Главным надзирателем и номинальным начальником Сэма был Старший Помощник Главного Механика; они вдвоем и представляли собой полицию этого крохотного мирка. Когда техник захотел вернуться к силовой установке и на его место был прислан третий Помощник Главного Механика, со стороны Вальтера было вполне естественно назначить старшим из них Сэма.

Он положил глаз на эту работу с самого начала. Любой полицейский чин в любом месте обладает властью, значительно превосходящей ту, которая принадлежит ему по закону. До тех пор, пока Сэм находился в хороших отношениях с мистером Куйпером, мистером Джиордана и (в меньшей степени) мистером Дюмоном, до тех пор, пока он не пытался пользоваться своей властью в Хитрой Яме и в местах, находящихся в ведении механика, он был самым влиятельным человеком на корабле — фактически более влиятельным, чем даже сам Первый Помощник, ибо именно в нем олицетворялось видимое присутствие Первого.

Вот так обстояли дела к моменту посадки на Планету Гарсона.

Планета Гарсона — это, похоже, кусок строительного мусора, оставшийся по завершении создания вселенной. Гравитация на ее поверхности равна единице с четвертью, многовато, чтобы чувствовать себя удобно. Она холодная, как сердце ростовщика, а ее метановая атмосфера совершенно не пригодна для человека. Галактика просто кишит значительно более приятными планетами и никто бы ею не заинтересовался, не будь она незаменимой промежуточной базой. Вблизи земного Солнца есть одна единственная Хорстова конгруэнтность, и скачок через нее выводит корабль неподалеку от Тэты Кентавра, а из тринадцати планет, кружащих вокруг этого солнца, планета Гарсона обладает жалким достоинством быть наименее жуткой. В то же время имеется полдюжины исследованных конгруэнтностей, достижимых от Тэты Кентавра, что делает Планету Гарсона неизбежной узловой станцией в торговле Солнечной системы.

Макс вышел на поверхность только один раз, одного этого было более чем достаточно. Поселок около космопорта, частично стоявший под куполами, частично расположенный в туннелях, вырытых под теми же куполами, был очень похож на Лунные города и несколько напоминал подземные части любого из больших земных городов, но для Макса все это было в новинку — он не бывал на Луне, а единственным большим земным городом, который он видел, был Земпорт. Он сошел с корабля вместе с Сэмом, одетый во все лучшее и полный любопытства. В скафандре не было необходимости — к каждому пассажирскому лайнеру в порту прокладывался герметичный переход, соединяющий шлюз корабля со шлюзом купола.

Попав под купол, Сэм сразу направился вниз, к нижним уровням поселка. Макс запротестовал:

— Сэм, пошли наверх и посмотрим, что там.

— Чего? Ничего там нет. Гостиница, дорогие магазины и жульнические рестораны для платных пассажиров. Ты желаешь отдать месячную зарплату за бифштекс?

— Нет, но я хочу посмотреть наружу. Тут я на чужой планете, а я же ее абсолютно не видел. С поста управления ее не было видно, а теперь, когда мы сели, я не видел ничего, кроме стенок перехода и вот этого, — он махнул рукой в сторону стенки коридора, по которому они шли.

— Нечего здесь видеть кроме густого, грязного желтого тумана, который не рассеивается никогда. Даже хуже, чем на Венере. Но ты как хочешь. У меня тут есть кое-какие дела, и если не хочешь идти со мной, ты совершенно не обязан этого делать.

Макс решил не расходиться с Сэмом. Они спустились и оказались в широком, светлом коридоре, сильно напоминавшем ту самую улицу в Земпорте, на которой расположен ресторанчик Перси. Единственным заметным отличием была крыша над головой. Тут были те же самые бары, те же развлекательные заведения с теми же аляповатыми способами заставить прохожего расстаться с частью наличности. Даже та же портняжная мастерская с тем же постоянным объявлением о дешевой распродаже по случаю закрытия. В порту находилось еще несколько кораблей, и улица была полна народа. Сэм огляделся.

— Теперь надо найти место, чтобы спокойно выпить и поговорить.

— А что, если здесь? — ответил Макс, указывая на вывеску «НАИЛУЧШАЯ ДЫРА». — Вроде, чисто и прилично.

Но Сэм быстро провел его мимо.

— Все это так, — сказал он, — но не для нас.

— А почему?

— Ты что, не видел, кто там сидит? Имперская Морская Пехота.

— Ну и что? Я не имею ничего против них.

— Мм... конечно же, и я тоже, — согласился Сэм, продолжая быстро идти, — но эти парни держатся друг друга и имеют скверный обычай не любить штатских, которые глупы настолько, что заявляются в заведение, облюбованное ими. Желаете, чтобы тебе переломали ребра?

— Чего? Но ведь если я не буду никуда лезть, этого не случится, правда ведь?

— Может быть. А может и нет. Вот например, если официантка решит, что ты «красавчик», а парень в начищенных сапогах, с которым она была раньше, захочет что-нибудь предпринять по этому поводу? Макс, ты хороший парень, но на хороших парней просто нет спроса. Чтобы не нарваться на неприятности, надо просто не нарваться на неприятности.

Они пробирались сквозь толпу еще ярдов сто, пока Сэм сказал:

— А вот это то самое — конечно, если Липпи все еще заведует этой забегаловкой.

На вывеске было написано «УДАЧНАЯ ПОСАДКА», заведение побольше, чем «НАИЛУЧШАЯ ДЫРА», но на вид похуже.

— Кто такой Липпи?

— Ты можешь и не увидеть его. — Сэм провел Макса внутрь и выбрал столик.

Макс огляделся. Смотрелось это ровно так же, как и любой третьеразрядный бар с грилем.

— Я смогу здесь получить земляничный лимонад? Сто лет уже по нему скучаю — я всегда брал его, когда ходил по субботам в Углы.

— За то, что ты спросишь его, тебя не вышвырнут.

— О'кей. Сэм, а помнишь, ты мне рассказывал про своего друга из морской пехоты, сержанта Робертса?

— Кого?

— Или Ричардса. Я тогда не совсем расслышал.

— Никогда о таком не слышал.

— А как же...

— Никогда не слышал о таком. А вот и официант.

Точно так же официант — гуманоид из системы Сириуса — никогда не слышал о земляничном лимонаде. Он, подобно всем своим сородичам, не имел лицевых мышц, однако кожа у него на спине поползла вверх, собираясь в складки, что должно было выражать растерянность и непонимание. Макс согласился на нечто под названием «Старый Гейдельберг», хотя это и на пятьдесят световых лет никогда не приближалось к Германии. По вкусу оно — для Макса, во всяком случае — напоминало холодную мыльную воду, но, так как платил Сэм, Макс не стал оставлять стакан и даже делал вид, что пьет из него.

Чуть посидев, Сэм вскочил

— Сиди, сынок, я не надолго.

Он поговорил с барменом, потом испарился где-то в глубине зала. К столику Макса подошла молодая женщина.

— Что, космонавт, чувствуешь себя одиноко?

— Пожалуй, не особенно.

— А вот я — чувствую. Не против, если я тут сяду? — Она опустилась на стул, оставленный Сэмом.

— Пожалуйста, только сейчас вернется мой товарищ.

Та не ответила, а вместо этого повернулась к бармену:

— Специальный темный, Гиглз.

Макс жестом выразил свое активное несогласие:

— Нет!

— В чем дело, дорогой?

— Послушай, — покраснев, сказал Макс. — Может, я выгляжу зеленым, как травка. Может, я такой и есть. Но я все равно не собираюсь покупать подкрашенную водичку по цене коктейля. У меня не так много денег.

На ее лице появилась обида.

— Но ты же должен что-нибудь заказать. В противном случае я не могу здесь сидеть.

— Ну... — Он глянул на меня. — Думаю, я могу позволить себе бутерброд.

— Забудь про специальный, Гиглз. Сыр на ржаном и горчицы побольше. — Она снова повернулась к Макс-у. — Как тебя звать, радость моя?

— Макс.

— А меня Долорес. Ты откуда?

— Озаркс. Это на Земле.

— Ну какое совпадение! Я из Виннингеа, мы же совсем соседи.

Макс подумал, что с такого расстояния вполне может так показаться. Но чем больше Долорес трещала, тем очевиднее становилось, что она не имеет ни малейшего представления о том, где расположен Озаркс, да и Виннинег тоже, и, вероятнее всего, в жизни не бывала на Земле. К тому времени, как вернулся Сэм, она доедала бутерброд, параллельно объясняя Макс-у, что просто обожает космонавтов, они такие романтичные.

Сэм посмотрел на нее сверху вниз.

— На сколько ты его раскрутила?

Долорес начала с возмущением:

— Ты не имеешь права так со мной говорить! Мистер Липский не разрешает...

— Заткнись, девочка, — сказал Сэм без малейшей недоброжелательности в голосе. — Ты просто не знаешь, что мой друг — гость Липпи. Сечешь? И никаких «специальных», никакого «заплати мне» — ты зря тратишь свое драгоценное время. Ну так на сколько?

Макс торопливо ответил сам:

— Сэм, все о'кей. Я купил ей только бутерброд.

— Ну если... Но теперь, сестрица, ты свободна. Может, попозже.

Она пожала плечами и встала.

— Спасибо, Макс.

— Не за что, Долорес. Я передам привет винни-негцам.

— Обязательно передай.

Сэм не садился.

— Сынок, мне надо отлучиться на некоторое время.

— О'кей.

Макс сделал движение, чтобы встать. Сэм жестом остановил его.

— Нет, нет. С этим делом я лучше разберусь в одиночку. Ты меня подождешь здесь? Они не станут больше тебя трогать, а если станут — позови Липпи.

— У меня не будет никаких неприятностей.

— Да уж надеюсь. — Сэм выглядел озабоченно. — Сам не знаю, чего я должен дергаться, но что-то такое в тебе пробуждает мои материнские чувства. Наверное, это твои огромные голубые глаза.

— Что? А пошел-ка ты. И в любом случае глаза у меня карие.

— Я говорил, — ласково произнес Сэм, — о глазах твоей пухлой, розовой, свежей, как роса, души. И не вступай до моего возвращения в разговоры с незнакомыми людьми.

Макс употребил одно из выражений, подхваченных им у мистера Джи; Сэм, ухмыльнувшись, удалился.

Однако рекомендация Сэма не относилась к мистру Саймсу. Макс увидел, как Помощник Астронавигатора появился в дверном проеме. Лицо его было крас-

нее обычного, а глаза как-то неопределенно блуждали. Саймс медленно поворачивал свое туловище, изучая зал. В конце концов взгляд его наткнулся на Макса, и он неприятно улыбнулся.

— Ну, ну, ну, — говорил он, приближаясь к Макс. — Да не сам ли это Умный Мальчик.

— Добрый вечер, мистер Саймс. — Макс встал.

— Так значит, «добрый вечер, мистер Саймс»! А что ты там сказал про себя?

— Ничего, сэр.

— Пфф! Я же знаю! Только я думаю про тебя то же самое, даже еще хуже. — Макс не ответил, Саймс продолжал: — Ну так не хочешь ли ты пригласить меня сесть?

— Садитесь, пожалуйста, сэр, — произнес Макс безо всякого выражения.

— Ну вы только подумайте. Умный Мальчик хочет, чтобы я сел рядом с ним. — Он сел, подозвал официанта, сделал заказ и снова повернулся к Макс. — Умный Мальчик, а ты знаешь, зачем я тут с тобой сижу?

— Нет, сэр.

— А чтобы кое-что сказать тебе на ушко, вот зачем. С того самого раза, как ты устроил этот фокус с компьютером, ты стал для Келли нашим волозотолосым — золотоволосым — мальчуганом. Зо-ло-то-во-ло-сым мальчуганом, — повторил он, старательно выговаривая слова. — Меня все это в восторг не приводит. Заруби себе на носу: если ты будешь отираться вокруг Астронавигатора и подлизываться к нему, как делает Келли, то я тебя с поста управления быстренько выживу. Ясно тебе?

Макс почувствовал, что скоро не сможет больше сдерживаться.

— Мистер Саймс, что Вы имели в виду, когда ска-зали «фокус»?

— А ты сам прекрасно знаешь. Выучил, наверное, полдюжины последних переходов, а теперь Келли и профессор думают, что ты запомнил всю книгу. Гений среди нас! А ты знаешь, что это такое в действительности? Все это — просто куча...

На счастье Макса их прервали; он почувствовал руку на своем плече, и тихий голос Сэма произнес:

— Добрый вечер, мистер Саймс.

На лице Саймса появилась растерянность, но потом он узнал Сэма и просветлел.

— Ребята, да это же наш мусор. Садитесь, констебль, выпейте с нами.

— А что, можно. — Сэм придвинул еще один стул.

— Вы знакомы с этим вот Умным Мальчиком?

— Да, встречал его иногда.

— Присматривайте за ним получше. Это мой Вам приказ. Он очень, очень умный. Чересчур умный. Вот спросите у него число. Выберите любое число между единицей и десятью.

— Семь.

Мистер Саймс хлопнул рукой по столу:

— Ну вот, что я Вам говорил? Он запомнил это число прежде, чем Вы сюда подошли. Когда-нибудь однажды он запомнит число и его напишут у него на груди. По трафарету. Хотите, констебль, знать одну вещь? Я не доверяю Хитрым мальчикам. Они начинают слишком много о себе мнить.

Располагая теперь поддержкой Сэма, Макс не вмешивался в монолог Саймса. Одновременно с Сэмом к столику подошел Гиглз; Макс видел, как Сэм что-то написал на обороте меню и передал его гуманоиду вместе с деньгами. Однако мистер Саймс был слишком увлечен собственным красноречием, чтобы это заметить. Некоторое время Сэм не мешал ему распространяться, а потом вдруг прервал его:

— Сэр, похоже, что у Вас тут есть знакомые.

— Что? Где?

Сэм указал. Сидевшая у стойки Долорес улыбалась и жестом призывала Помощника Астронавигатора присоединиться к ней. Саймс с трудом сфокусировал взгляд, ухмыльнулся и сказал:

— Точно, так и есть. Это же моя двоюродная бабушка Сэди.

Он встал и покачнулся. Сэм потер руки.

— Ну вот, мы от него и избавились. Сынок, он тебя очень достал?

— Да есть немного. Спасибо, Сэм. Только противно видеть, что его свалили на Долорес. Она хорошая девица.

— За нее ты не беспокойся. Она быстренько лишит его всего, что у него есть с собой — а заодно и хорошей должности на корабле. — В глазах Сэма появилась жестокость. — Офицер должен поступать как офицер. Если он хочет пропустить одну-другую, он обязан делать это в своей части города. Да черт с ним. — Сэм расслабился. — Так что, кое-что изменилось, сынок? Теперь все совсем иначе, чем когда мы стартовали с Земли?

— Да уж, многое изменилось!

— Нравится тебе в этой шайке из Ямы?

— В жизни так здорово не было. И я учусь быстро — так сказал мистер Келли. Они все отличные ребята — кроме этого. — Он кивком указал в сторону Саймса.

— Плюнь ты на него. Даже в самом лучшем супе часто бывает муха. Ты только не дай, чтобы у него на тебя что-нибудь было.

— И не собираюсь.

Сэм внимательно поглядел на Макса, а потом тихо сказал:

— Ну как, готов нырнуть?

— Чего?

— Я почти насобирал денег. Все будет тип-топ.

Отвечать Максиму было трудно. Он, конечно, понимал, что по существу перевод не решил никаких проблем; он находился в такой же опасности, как и раньше. Но Макс был так занят интересной, радостной, тяжелой работой, так валился с ног после нее, что все остальное как-то отодвинулось на задний план. Теперь он задумчиво рисовал пальцем узоры на запотевшей крышке стола и думал.

— Как бы хотелось, — медленно произнес он, — чтобы можно было как-нибудь из этого дела выкрутиться.

— Способ есть, я тебе уже говорил. Чтобы затерялись твои документы.

Макс поднял глаза на Сэма.

— Ну и что в этом хорошего? Конечно, я смогу совершить еще один рейс. Но мне же не нужен просто еще один рейс, я хочу совсем остаться в этом деле. —

Он посмотрел на стол и старательно изобразил гиперболоид. — Лучше уж я пойду с тобой. Вернись я на Землю — мне останутся только трудовые бригады, и это еще в том случае, если сумею не попасть в тюрьму.

— Ерунда все это.

— Почему ерунда?

— Ты пойми меня, сынок, я бы очень хотел, чтобы мы пошли вместе. В таком деле разница между иметь или не иметь рядом с собой напарника может оказаться разницей между выбраться и провалиться. Но ты вполне можешь остаться в космосе с документами чистыми, как у новорожденного ребенка.

— Каким образом?

— Ты же меняешь гильдию. Теперь нужно затерять только одну бумагу — о твоему уходе от экономов, поваров и делопроизводителей. А они никогда не хватятся этой бумаги потому, что для них ты не существуешь. Ты получишь совершенно чистый, аккуратный и законный старт у вычислителей и картографов.

Соблазн для Макса был очень сильным.

— А как же доклад в Департамент Гильдий и Труда?

— Все то же самое. Разные бумаги идут в разные конторы. Я все это разузнал. Один доклад теряется, другой идет — и Помощник Эконома Джонс пропадает без вести в то время, как Стажер Картограф Джонс вступает в жизнь с чистыми документами.

— Сэм, а почему ты сам не сделаешь этого? С твоей теперешней работой ты можешь перескочить на... Ну, например, на...

— На что? — Сэм печально покачал головой. — Нет, старик, не на что мне переходить. А к тому же у меня есть серьезные основания стараться зарыться поглубже. — Он немного просветлел. — А знаешь что, я подберу себе новую фамилию еще до того, как соскочить, и скажу ее тебе. И тогда в один прекрасный день, через два года, через десять, через двадцать лет, ты окажешься на Новой Земле и найдешь меня. И мы раздавим на пару бутылочку и поговорим о том времени, когда были веселыми и молодыми. Ну как?

Макс улыбнулся, хотя на душе и было печально.

— Так и сделаем, Сэм. Обязательно. — Тут он вдруг нахмурился. — Сэм, а как это, я же не знаю, как все это проверить, а тебя здесь уже не будет.

— Я все устрою до ухода. Нельсон уже прямо-таки зернышки клюет у меня с ладони. Что-нибудь вроде: половина платы вперед, половина по завершении дела — и я позабочусь, чтобы у тебя было кое-что на него, что именно — не бери в голову, тебе пока знать этого не надо. Когда вы сядете на Землю, он попросит тебя отправить доклады, так как ты пойдешь в город, а у него будет еще срочная работа. Ты проверишь, что там будут те два доклада, которые тебя интересуют, и отдашь ему остаток денег. И порядок.

Макс медленно произнес:

— Пожалуй, так будет лучше всего.

— И кончай дрожать и дергаться. Каждому есть что скрывать, главное — чтобы это сохранялось в тайне, а не вылезло наружу в самое неподходящее время. — Сэм отодвинул в сторону пустой стакан. — Ну так как, сынок, ты не против, если мы сейчас вернемся на корабль? Или ты собирался остаться здесь на всю ночь?

— Нет, пошли. — Возбуждение, охватившее Макса при выходе на первую в его жизни чужую планету, совсем прошло. Гарсонова Дыра, как он должен был признать, являла собой далеко не лучший образчик того, как это бывает в Галактике.

— Тогда давай загрузимся. Мне тут надо кое-что отнести и твоя помощь пригодится.

«Кое-что» оказалось четырьмя здоровенными свертками, которые Сэм сдал в камеру хранения.

— А что в них? — с любопытством спросил Макс.

— Колпаки для чайников, сынок, колпаки для чайников. Многие тысячи. Думаю продать их этим мелкоголовым на Прочионе. В качестве ночных колпаков.

Макс, несколько обиженный, молчал.

Вообще говоря, все, проносимое на борт корабля, подлежало проверке, однако дежурный у шлюза настаивал на обыске имущества Старшего Надзирателя не более, чем настаивал бы на обыске кого-нибудь из корабельных офицеров. Макс помог Сэму отнести свертки в его каюту, которая полагалась главе корабельной полиции по должности.

Путь от планеты Гарсона к Алкиону, планете из системы Нью Пегаса, это зигзаг из трех скачков в 105, 487 и 19 световых лет, в результате чего по прямой, «как ворона летает», покрывается расстояние менее чем в 250 световых лет. Однако не имеют значения ни расстояния по прямой, ни псевдорасстояния скачков; сам «Асгард» прошел от порта до порта меньше одного светового года, расстояние «как ворона летает» существенно только лишь для этой вороны.

Первый скачок производился примерно через месяц после старта с планеты Гарсона. Келли сменил Максу расписание вахт, теперь это была одна вахта из трех, причем — вахта самого Келли. В результате Макс получил гораздо больше времени для отдыха, и учиться ему стало легче — ведь вахты с Саймсом были для него пустой тратой времени. Да и вообще Макс с большим облегчением воспринял то, что теперь не надо регулярно встречаться с Саймсом. Было ли это одной из целей Келли при изменении расписания, Макс так никогда и не узнал. Спросить он не решился.

Вахта Макса оставалась стажерской, он никого не подменял, его не подменял никто. У него вошло в привычку не уходить с поста управления раньше Келли, если только его не выгоняли. В результате он часто встречался с доктором Хендриком, потому что Главного Вычислителя подменял Астронавигатор, а Келли обычно несколько задерживался, чтобы поговорить. Во время этих разговоров Астронавигатор иногда спрашивал, как продвигаются дела у Макса.

Иногда во время вахты доктора Хендрикса заходил Капитан. Вскоре после старта с планеты Гарсона доктор Хендрикс воспользовался одним из таких случаев для того, чтобы продемонстрировать необыкновенные способности Макса Капитану Бейну и Первому Помощнику Вальтеру. Выступление Макса прошло без единой ошибки, хотя он крайне стеснялся присутствия Капитана. Тот наблюдал за ним очень внимательно, с несколько пораженным выражением лица. Потом Блейн сказал:

— Спасибо, парнишка. Это поразительно. Так как, говорите, Ваша фамилия?

— Джонс, сэр.

— Да, конечно, Джонс. — Капитан поморгал и произнес задумчиво: — Наверное это — совершенно потрясающе — не иметь способности хоть что-либо забыть — особенно, в глубине ночи. Постарайся, сынок, сохранить чистую совесть.

Двенадцатью часами позднее доктор Хендрикс сказал ему:

— Джонс, не уходите. Вы мне нужны.

— Да, сэр.

Астронавигатор поговорил о чем-то с Келли, затем снова обратился к Макс:

— Ваш фокус, Джонс, произвел большое впечатление на Капитана. У него возник вопрос. Нет ли у вас заодно и таких же математических способностей?

— Ну, как сказать, нет, сэр. То есть, я не являюсь мгновенным вычислителем. Я видел такого раз в цирке. Он мог делать такие вещи, которых я делать не могу.

Но Хендрикс успокоил его:

— Это неважно. Я так понимаю, Вы мне говорили, что дядя преподавал Вам кое-что из теоретической астронавигации?

— Только для практических целей, сэр.

— А о чем, Вы думаете, я говорю с Вами? Вы знаете, как рассчитывается подход к точке перехода?

— Пожалуй, да, сэр.

— Честно говоря, я в этом сомневаюсь, сколько бы математики ни вложили в Вас, Брат Джонс. Но все равно, давайте попробуем.

— Что, прямо сейчас, сэр?

— Вы попробуйте. Ну притворитесь, что Вы — вахтенный офицер. Келли будет Вашим помощником, а я — просто зрителем. Рассчитайте тот переход, который нам предстоит. Я понимаю, что мы еще так далеко, что это не имеет значения, но Вы должны действовать так, словно от Вас зависит безопасность корабля.

Макс перевел дыхание.

— Да, сэр. — Он сделал движение, чтобы взять новые пластинки для камер.

Хендрикс сказал:

— Нет!

— Сэр?

— Если Вы командуете вахтой, то где же Ваша команда? Ногучи, помоги ему.

— Да, сэр. — Ногучи ухмыльнулся и подошел. Пока они, согнувшись, занимались первой камерой, Ногучи прошептал: — Не дай ему себя заговорить. Мы устроим потрясающее шоу. А во всех трудных местах тебе поможет Келли.

Однако Келли не стал помогать; он исполнял роль мальчика с таблицей — и только, ни малейшего намёка, правильно действует Макс или совсем заврался. Получив результаты наблюдений и данные от сравнения пластинок с картами, Макс не стал сам вводить задачу в компьютер. На машине работал Ногучи, а переводил числа из системы в систему Келли. Порядочно времени и уйму пота спустя лампочки на пульте перестали мигать и выдали нечто бывшее, как Макс страстно надеялся, ответом.

Доктор Хендрикс не сказал ничего, а взял те же самые пластинки и начал сравнивать их с картами, решая задачу заново, с той же самой командой. Очень скоро лампочки опять выбросили ответ; Астронавигатор взял у Келли таблицы и сам перевел результат в десятичную систему.

— Отличие только в девятом знаке. Неплохо.

— Я ошибся только в девятом знаке, сэр?

— Этого я не говорил. Возможно, больше ошибся я.

На лице Макса появилась улыбка, но доктор Хендрикс нахмурился.

— Почему Вы не проверили доплеровские спектры?

По хребту Макса пробежал холодок.

— Я, видно, забыл, сэр.

— Мне казалось, что Вы тот самый человек, который никогда ничего не забывает.

Интуитивно — и совершенно верно — Макс догадывался, что тут разговор о двух совершенно разных видах памяти, однако не владел психологическим жаргоном, при помощи которого мог бы объяснить это.

Один вид — забыть шляпу в ресторане, такое может случиться с каждым. Другой — это если не можешь вспомнить то, что ты однажды знал.

Хендрикс продолжал:

— Вахтенный пост управления не имеет права забывать вещи, существенные для безопасности корабля. Однако, для контрольного упражнения это было очень хорошо — не хватало только скорости. Если бы мы были близки к скорости света, готовые к скачку, Ваш корабль оказался бы в Гадесе и успел бы разбиться о берега Стикса раньше, чем от Вас дождались бы ответа. Но для первой попытки это очень хорошо.

Он отвернулся. Келли головой указал на входной люк, и Макс вышел.

Засыпая этим вечером, Макс думал, что, может быть, доктор Хендрикс даже думает сейчас о нем, потому что... Да нет! Он отбросил эту мысль. В конце концов, ведь Келли тоже мог это сделать; Макс неоднократно видел, как тот рассчитывает дальний подход, да и быстрее к тому же. Возможно, Ногучи тоже мог.

Конечно же, Ногучи мог, поправил он себя. В конце концов, здесь же нет никаких «секретов».

Когда приблизились к первой аномалии, легкое расписание — одна вахта из трех для офицеров и вахта из четырех для рядовых — сменилось на вахту через раз, с Астронавигатором, Помощником, Картографом и Вычислителем в каждой вахте. Макса наконец поставили на нормальную вахту вместо стажерской. Первая вахта возглавлялась доктором Хендриксом, помощником у него был Картограф первого класса Ковак. Макс был Картографом вахты, а на компьютере работал Ногучи. Во второй вахте мистеру Саймсу помогал Келли, Картографом был Смит, а Вычислителем — Ланди. Макс обратил внимание, что доктор Хендрикс отдал свою «первую команду» Саймсу и взял себе взамен менее опытных техников. Макс не понимал, почему так, но был рад, что не придется работать с Саймсом.

Тут Макс своими глазами увидел, что такое по-настоящему напряженная работа в Хитрой Яме. Лицо доктора Хендрикса превратилось в застывшую маску, он работал как механизм, проводя одну за другой коррекцию курса подхода и требуя от своей команды

быстрой, беззвучной и безукоризненной работы. В течение последних двенадцати часов подхода к точке перехода Астронавигатор не уходил с поста управления, остальные члены команды — тоже, разве что на самое краткое время, хотя номинально они и были на отдыхе. Номинально Саймс продолжал стоять свои вахты, но доктор Хендрикс все время висел над ним, проверяя каждое движение. Дважды он потребовал, чтобы Саймс повторил часть расчета, а один раз просто отодвинул его в сторону и сделал это сам. В первый раз, когда такое случилось, Макс с удивлением уставился на происходящее, однако потом он заметил, что остальные демонстративно занимались своими делами, пока доктор Хендрикс лично беседовал с Саймсом.

По мере приближения критического момента напряжение возрастало. Подход к аномальному интрапространственному переходу невозможно сравнить ни с какой другой разновидностью пилотирования, когда-либо осуществлявшейся человеком. Разве что сравнить эту задачу с абсолютно невозможным трюком — взлететь на самолете, вслепую пролететь тысячу миль, все это время настолько точно определяя свое местонахождение, чтобы в конце полета суметь пролететь сквозь узкий туннель, так даже и не увидев этот туннель. Хорстовскую конгруэнтность увидеть невозможно, ее можно только вычислить, пользуясь сложнейшим уравнением воздействия массы на структуру пространства; «вход» — это просто ничем не обозначенное пустое место посреди гигантской окружающей пустоты. Подходя к планете, Астронавигатор наблюдает место назначения, или визуально, или на экране радара; скорость его в этой ситуации всего каких-то несколько миль в секунду. Но при выполнении Хорстовского подхода скорость корабля близка к скорости света и достигает ее в последний момент. Ближайшие осязаемые опорные точки находятся на расстояниях во многие миллиарды миль, да и сами эти опорные точки движутся со звездными скоростями и толпятся в поле зрения в результате колоссального параллакса, возможного только тогда, когда наблюдатель движется почти так же быстро, как и то, что является для него един-

ственным ключом к вопросам местоположения и скорости — фронт электромагнитной волны.

Словно в полночь искать в темной комнате черную кошку, которой там и нет вовсе.

В конце Келли сам сидел за компьютером, а Ланди около него с таблицами. Смит и Ковак занимались картами и пластинками, передавая данные доктору Хендриксу, который программировал устно, ставя в голове задачу и почти без задержки передавая ее, через команду, в мозг машины для решения. Сейчас силовая установка находилась под его непосредственным контролем. Каждая его рука лежала на тумблере управления, один был для того, чтобы вести корабль на скорости чуть ниже скорости света, а другой — чтобы дать в последний момент тот самый толчок, который заставит его прорваться сквозь пространство.

Макса отодвинули в сторону; не было ни одного дела, для которого не нашлось бы более опытного исполнителя. Но с другой стороны, Саймса тоже отодвинули в сторону; в момент истины место было только для одного Астронавигатора.

Из всех, находившихся в Хитрой Яме, самым спокойным казался Капитан Блейн. Он сидел на отведенном специально для него стуле, спокойно курил и смотрел на Хендрикса. Лицо Астронавигатора было серым от усталости, оно лоснилось от долго не смываемого пота. Воротник его форменной рубашки был расстегнут, она выглядела так, словно он в ней спал, хотя, конечно, он не спал вовсе. Макс смотрел на Хендрикса и удивлялся, чего это он сам хотел стать Астронавигатором; был таким дураком, что хотел взвалить на себя эту невыносимую, ни с кем не делимую ношу.

Однако твердый голос доктора не выдавал признаков усталости; шли нескончаемые последовательности чисел, каждое — четкое, словно напечатанное, каждое приносилось так, что не оставалось места для ошибки, не возникало необходимости что-либо повторять. Макс слушал, учился и удивлялся.

Он посмотрел сквозь купол вверх, наружу, в пространство, искаженное их немислимой скоростью. Звездыверху, или впереди, в течение нескольких по-

следних вахт сходились все ближе и ближе друг к другу. Колоссальный эффект параллакса так сдвигал их изображения, что казалось, словно они наползают на тот самый сектор небосвода, к которому стремился корабль. Теперь они были видны в инфракрасном свете, так как корабль с такой скоростью неся навстречу волновым пакетам, что доплер-эффект уменьшал длины волн теплового излучения до длин, соответствующих видимому свету.

Неожиданно поток цифр прекратился. Макс опустил глаза вниз, а потом, торопливо, взглянул вверх; он услышал голос доктора Хендрикса, который выкрикнул:

— Всем оставаться на местах!

Казалось, будто все звезды сползли в одну точку, затем они исчезли и, без какой-либо задержки, сменились другой звездной вселенной, новой, совершенно отличной от прежней.

Хендрикс выпрямился и тяжело перевел дыхание, затем посмотрел вверх.

— Ну вот, там Менориал Альберта, — сказал он тихо. — А вот там — Шестиугольник. Что ж, Капитан, похоже, что мы снова проскочили. — Затем он повернулся к Саймсу. — Заступайте, сэр. — Пропустив Капитана первым, он вышел через люк.

Компания с контрольного поста снова перешла на легкие вахты; следующий переход предстоял через много дней. Макс стоял вахтенным картографом, сменив на этом посту Ковака, который, в свою очередь, заменил доктора Хендрикса, взявшего неделю отдыха. По правде говоря, в начале пути к следующей точке перехода не было особенных дел и потому нужды в высоком мастерстве доктора не возникало. Но Макс очень гордился своим новым положением; было очень приятно расписываться в черновике вахтенной записи «М. Джонс, вхт-й карт-ф». Он ощущал, что нашел свое место, несмотря даже на то, что с Саймсом отношения были испорчены, а Келли продолжал немилосердно гонять его по всем ремеслам поста управления.

Макс немного удивился, однако не ждал ничего особенного, когда однажды между вахтами ему приказали явиться к Астронавигатору. Он надел чистую форму, причесался и отправился на палубу С.

— Картограф-стажер Джонс явился по Вашему приказанию, сэр.

Келли тоже был здесь. Они с Астронавигатором пили кофе.

Хендрикс ответил на приветствие Макса, но, однако, не предложил ему сесть.

— Хорошо, Джонс. — А потом, повернувшись к Келли. — Может, Вы ему скажете?

— Если Вы так хотите, сэр. — Келли явно чувствовал себя несколько неловко. — Ну так вот, Джонс, дело обстоит так. По правде говоря, Вы не подходите для моей гильдии.

Макс был настолько потрясен, что не мог ничего ответить. Он хотел сказать, что он думал — он так понимал — он не знал — но не мог произнести ни слова. Келли продолжал:

— Дело в том, что Вам надо учиться на Астронавигатора. Мы с доктором все уже обсудили.

Жужжание, появившееся в голове Макса, усилилось. Он не сразу понял, что доктор Хендрикс уже не в первый раз повторяет:

— Так как же, Джонс? Вы хотите попробовать? Или Вы не хотите?

Макс с трудом заставил себя произнести:

— Да. Да, сэр.

— Ну и хорошо. Мы с Келли присматривались к Вам. У него и у меня сложилось мнение, что возможно — только возможно — Вы обладаете латентной способностью развить необходимые умение и скорость. Вопрос только в одном — Вы-то с этим согласны?

— Да... — ну то есть — я хотел бы надеяться, сэр.

— Я тоже хотел бы надеяться, — сухо сказал Хендрикс. — Мы поглядим. Если Вы не обладаете этой способностью, Вы всегда сможете вернуться в свою гильдию, не случится ничего страшного. Опыт обучения на Астронавигатора сделает Вас лучшим Картографом. — Астронавигатор повернулся к Келли. — Я тут малость порасспрашиваю Джонса, Келли. А потом мы все решим.

— Очень хорошо, сэр. — Келли встал.

Когда Главный Вычислитель вышел, Хендрикс повернулся к своему столу и вытащил из него трудовую

книжку. Обратясь к Макс, он неприязненным голосом спросил:

— Ваша?

Макс бросил взгляд, что-то сглотнул и пробормотал:

— Да, сэр.

Доктор Хендрикс посмотрел ему в глаза.

— Ну и что? Как же она рисует Вашу карьеру до настоящего момента? Вы хотели бы что-нибудь сказать на эту тему?

Пауза продолжалась недолго, какую-нибудь дюжину биений сердца, однако Макс она показалась нескончаемым испытанием. Затем наступил перелом, и он услышал, как отвечает Астронавигатору:

— Да ничего хорошего она не рисует. Это все липа, от начала до конца.

Произнеся эти слова, Макс сразу же удивился, зачем он это сделал. Он почувствовал, что одним ударом вдребезги разбил единственный в жизни шанс осуществить свою мечту. И все же Макс не ощутил трагичности происшедшего, вместо этого ему странным образом стало легче на душе.

Хендрикс положил трудовую книжку на стол.

— Хорошо, — сказал он. — Очень хорошо. Если бы ты ответил как-нибудь по-другому, я бы выкинул тебя со своего поста управления. А теперь, не соблаговолить ли ты рассказать о себе? Садись.

Макс сел и все ему рассказал. Он только опустил имя Сэма и некоторые детали, по которым можно было его вычислить. Естественно, доктор Хендрикс заметил это и спросил об этом напрямик.

— Я не скажу, сэр.

Хендрикс кивнул головой.

— Прекрасно. И я хотел бы добавить, что не собираюсь делать попыток идентифицировать этого Вашего — э-э — друга, если даже сверх всяких ожиданий он находится на этом корабле.

— Спасибо, сэр.

Последовало длительное молчание. В конце концов Хендрикс сказал:

— Сынок, что же привело тебя к такому неуклюжему жульничеству? Ты что, не понимал, что тебя все равно поймают?

Макс немного подумал.

— Пожалуй, я понимал, что так оно в конце концов и произойдет, сэр. Но я хотел в космос, а других путей не оставалось. — После того, как ему стало легче от возможности говорить правду, у Макса появилось желание объяснить и оправдать свои поступки. Кроме, того, его несколько раздражало, что доктор Хендрикс почему-то не видел, что он, Макс, сделал то единственное, что мог сделать, — так, по крайней мере, казалось самому Максу. Поэтому, когда доктор Хендрикс не ответил, Макс продолжил: — А что бы Вы сделали на моем месте, сэр?

— Я? Откуда я могу знать? Видимо, настоящий смысл Вашего вопроса следующий: считаю ли я Ваши поступки не только противозаконными, но и аморальными?

— Мм, пожалуй, что так, сэр.

— Дурно ли лгать, подделывать документы и давать взятки для достижения своей цели? Это хуже, чем дурно, это неблагородно!

Доктор Хендрикс задумчиво пожевал губу и продолжил:

— Возможно, сказав это, я взял на душу грех фарисейства, тут мое упущение. Не думаю, что юный бродяга без гроша в кармане, каким были Вы, судя по Вашему собственному рассказу, может позволить себе роскошь благородства. А что касается всего остального, то человеческая личность — очень сложная вещь, и я в таких делах не судья. Адмирал Нельсон был лжецом, развратником и человеком абсолютно недисциплинированным. Президент Абрахам Линкольн был человеком очень вульгарным, с неустойчивой нервной системой. Список можно продолжать до бесконечности. Нет, Джонс, я не собираюсь Вас судить. Вы должны сделать это сами. Ваши преступления против закона оценят власти, в чьей юрисдикции это находится. Меня же интересует только, обладаете ли Вы теми способностями, которые нужны мне.

Тут Макс испытал новый шок. Он уже смирился с мыслью, что потерял последний шанс.

— Сэр?

— Не поймите меня неправильно. — Хендрикс постучал пальцами по фальшивой трудовой книжке. — Мне это не нравится. Мне это совершенно не нравится. Возможно, со временем Вы поймете и искупите свою ошибку. Но в настоящее время мне крайне необходим еще один вахтенный офицер. Если Вы сможете с этим справиться, я мог бы Вас использовать в этом качестве. Кроме того, здесь есть еще и личный момент. Ваш дядя учил меня, я попытаюсь обучить Вас.

— Я постараюсь справиться, сэр. Спасибо Вам.

— Не нужно меня благодарить. В настоящий момент я даже не испытываю к Вам особенно дружественных чувств. Не говорите про это никому. Я попрошу Капитана назначить собрание гильдии, и там он, мистер Саймс и я проголосуем по Вашему вопросу. Мы сделаем Вас учеником-стажером, что даст Капитану возможность присвоить вам временное звание кадета торгового флота. На корабле формальности несколько отличаются от обычной процедуры, что Вам, без сомнения, известно.

Максу ничего не было известно, хотя он и слышал, что в офицеры иногда выходят «через грузовой люк», но поразил его совсем другой момент.

— Мистер Саймс, сэр?

— Обязательно. Согласно этой процедуре, суждение о Вас должны выносить все Астронавигаторы, с которыми Вы служите.

— Ээ, и это суждение должно быть единогласным?

— Да.

— В таком случае, знаете, сэр, об этом можно забыть. То есть, я, конечно, очень благодарен Вам за Ваше желание сделать... э... но... — Голос Макса затих.

По лицу доктора Хендрикса скользнула безрадостная улыбка.

— Может, Вы лучше уж оставите все беспокойство по этому поводу?

— Извините, сэр.

— Когда все будет организовано, я Вас извещу. Или, если уж Вам так хочется, «Если и когда».

— Да, сэр. — Макс встал. — Сэр? Тут есть еще пара вещей, которых я не понимаю.

Хендрикс опять повернулся к своему столу.

— Что еще? — ответил он немного нетерпеливо.

— Вы не могли бы сказать мне — ну, просто, чтобы удовлетворить мое любопытство, — на чем Вы меня поймали?

— А, это. Безо всякого сомнения, Вы выдали себя нескольким людям. Судя по некоторым моментам, которые избегает упоминать Келли, он догадывается. Вот, например, однажды я слышал, как Ланди что-то сказал Вам про Киферовский Ритц на Луне. По Вашему, хотя и неопределенному ответу, было ясно, что в действительности вы не знаете, о какой забегаловке он говорит, — а любой космонавт обязательно знает это место — вход в него расположен прямо напротив восточного шлюза порта.

— Да уж!

— Но окончательно я все понял в связи с этой штукой. — Он снова указал на фальшивую трудовую книжку. — Джонс, я работаю с числами, и мой мозг не может перестать извлекать из них всю содержащуюся в них информацию, так же как я не могу перестать дышать. Здесь сказано, что Вы ушли в космос за год до отставки Вашего дяди — я помню, в каком году это произошло. Однако, Вы говорили мне, что дядя учил Вас дома, и Ваша подготовка подтверждала это. Два набора предполагаемых фактов противоречат друг другу; нужно ли добавлять, что я был точно уверен, где правда?

— Да, похоже, я не проявил особой сообразительности.

— Нет, не проявили. Числа — очень острые орудия, Джонс. Не жонглируйте ими, а то можно порезаться. А какое второе дело?

— Понимаете, сэр, я подумал, а что будет со мной? Я насчет этого.

— А, вот вы про что, — безразличным голосом ответил Хендрикс. — Это касается исключительно гильдии экономов и делопроизводителей. Моя гильдия не будет предпринимать действия в связи с дисциплинарными проблемами другой гильдии. Разве только они назовут это «позорным поступком» и докажут, что так оно и есть.

С этим слабым утешением Макс и покинул каюту Астронавигатора. Но все равно у него на душе было легче, чем когда-либо с того момента, как он записался на корабль. Перспектива наказания казалась бременем не столь тяжелым, как ежеминутное ожидание, что тебя разоблачат. Через некоторое время он и вообще забыл об этой проблеме, остался только восторг от возможности сделать наконец-то попытку стать Астронавигатором.

Как жаль, что он не может рассказать об этом Сэму... или Элли.

ГЛАВА 12

Алкион

Назначение на должность стажера происходило в конце того же дня. Капитан вызвал Макса к себе, принял у него присягу и поздравил, обращаясь к нему «мистер Джонс». Церемония была совсем простой, зрителей — только двое, доктор Хендрикс и секретарь Капитана.

Мелкие бытовые подробности, которыми сопровождалось повышение, в первый момент больше поразили Макса, чем само повышение. Начались они сразу.

— Вы бы отдохнули остаток дня, мистер Джонс, встряхнулись бы, — как-то странно подмигивая, сказал Капитан. — Вы не против, док?

— Конечно, сэр.

— Ну и хорошо. Беннет, Вы не попросите Дюмона зайти на минутку?

Главный Пассажирский Эконом не выказал ни малейшего удивления, увидев недавнего третьего Помощника Эконома уже в ранге офицера. На вопрос Капитана он ответил:

— Я собирался поместить мистера Джонса в каюту В-014, сэр. Вы находите это удовлетворительным?

— Без сомнения, без сомнения.

— Я скажу ребятам, чтобы они сейчас же отнесли его вещи.

— Очень хорошо. Идите с Дюмоном, мистер Джонс. Нет, подождите еще секунду. Нужно найти Вам фураж-

ку. — Капитан подошел к своему гардеробу и стал в нем рыться. — Где-то тут у меня была подходящая.

Хендрикс стоял, заложив руки за спину.

— Я захватил фуражку, Капитан. Мне кажется, что у мистера Джонса и у меня один размер.

— Вот и хорошо. Только, может, за последние несколько минут его голова раздулась, совсем немного. Как?

Хендрикс жестко усмехнулся.

— Если это так, то я позабочусь, чтобы она быстро снова усохла. — Он протянул Максу фуражку. Астронавигатор снял с нее широкую золотую полосу и изображение солнца. На их месте была узенькая полоска с крохотным солнцем, окруженным кольцом, отличным знаком стажера. Макс подумал, что, наверное, это — старые знаки различия, которые доктор Хендрикс хранил из сентиментальных соображений. Поперхнувшись, он пробормотал слова благодарности, а затем, спотыкаясь, вслед за Дюмоном вышел из капитанской каюты.

Когда они подошли к трапу, Дюмон остановился.

— Вам нет необходимости спускаться в кубрик, сэр. Если Вы сообщите мне цифровую комбинацию Вашего шкафчика, мы позаботимся обо всем.

— Ой, да что там, мистер Дюмон! У меня же и багажа-то почти нет. Я могу отнести все наверх сам.

Лицо Дюмона было бесстрастным, как у хорошего дворецкого.

— Если Вы, сэр, разрешите мне дать Вам совет, то, пока мы займемся этим делом, Вы могли бы познакомиться со своей каютой. — Это не было вопросом, Макс совершенно правильно перевел слова Дюмона на нормальный язык: «Послушай-ка, придурок. Я разбираюсь в этих делах, а ты ни черта не понимаешь в них. Так что поступай, как тебе говорят, если не хочешь наделать ошибок».

Макс позволил собой руководить. Перепрыгнуть из рядовых в офицеры, оставаясь на том же корабле — дело нелегкое. Дюмон, в отличие от Макса, это знал. Может, в нем разыгрались отцовские чувства, может — просто любовь к точному соблюдению протокола, а может — и то и другое одновременно, но только Дю-

мон не собирався разрешить новоиспеченному младшему офицеру спускаться ниже палубы С, пока он не научится вести себя с достоинством, подобающим его новому положению. Так что Макс отправился на по-иски каюты В-014.

На койке был самый настоящий матрас, а также покрывало. Крохотная раковина с водопроводным краном и зеркало над ней. Книжная полка над койкой и шкаф для одежды. Даже откидной письменный стол. На стене висел телефон и была кнопка, при помощи которой он мог вызвать вахтенного Помощника Эконома! Стул, не привинченный к полу и полностью его собственный, корзина для мусора и — подумать только! — маленький коврик. А, самое главное, дверь была с замком.

То, что вся каюта была вряд ли больше, чем ящик для перевозки рояля, не беспокоило его ни в малейшей степени.

Макс был занят тем, что вытаскивал ящики и со-вался во все углы, когда пришел Дюмон. Дюмон сам не нес жалкие пожитки Макса, это дело было поручено одному из рядовых, обслуживавших верхние палубы. Помощник Эконома вошел следом за Дюмоном и спросил:

— Сэр, куда это положить?

Тут Макс с внезапным смущением сообразил, что человек, прислуживающий ему сейчас, все эти месяцы обедал в кают-компании прямо напротив него.

— О! Привет, Джим! Брось это хозяйство на койку. Большое спасибо.

— Да, сэр. Я искренне Вас поздравляю.

— Спасибо. — Они пожали друг другу руки. Дюмон дал этой подобающей церемонии продлиться самое минимальное время, а затем сказал:

— Теперь все, Грегори. Можете вернуться в кладовую. — И, повернувшись к Максy: — Что-нибудь еще, сэр?

— Нет, нет, все прекрасно.

— В таком случае, осмелюсь предположить, что Вы, вероятно, не пожелаете собственноручно пришивать знаки различия на униформу? Если, конечно, Вы не обращаетесь с иглой значительно лучше, чем я сам

это делаю, — добавил Дюмон, слегка, не выходя из рамок приличия, хихикнув.

— Да, пожалуй, я сумею сам.

— Миссис Дюмон отлично обращается с иглой, ведь она заботится о пассажирах. Что, если я захвачу с собой вот эту? Она будет готова и отпарена к обеду.

Макс с радостью отдал форму Дюмону. Его вдруг поразила новая мысль — ведь он же будет есть в гостинной палубы В!

До обеда Макс пришлось принять еще одного гостя. Он как раз заканчивал рассовывать по местам свои вещи, когда послышался стук в дверь, после чего, не дожидаясь ответа, кто-то вошел в каюту. Макс обернулся и оказался нос к носу с мистером Саймсом.

Саймс поглядел на фуражку на голове Макса и расхохотался.

— Сними-ка эту штуку, а то уши натрешь!

Этого Макс делать не стал. Вместо этого он спросил:

— Я Вам нужен, сэр?

— Да, ненадолго, ровно настолько, Умный Мальчик, чтобы дать тебе хороший совет.

— Да?

Саймс постучал себя по груди.

— Так вот. На этом корабле есть только один помощник Астронавигатора — это я. И ты про это не забывай. И я останусь им еще долго после того, как тебя выкинут назад подбирать навоз за коровами. Там для тебя самое подходящее место.

Макс кожей почувствовал, как румянец гнева медленно поднимается по его шее и начинает жечь щеки.

— А почему, — спросил он, — если уж Вы так думаете, Вы не наложили вето на мое назначение?

Саймс снова расхохотался.

— Ты что, за дурака меня держишь? Капитан, значит, говорит да, Астронавигатор говорит да, а я буду высовываться? Гораздо легче подождать, пока ты высунешься сам — а ты обязательно так и сделаешь. Я просто хотел, чтобы ты понял, что этот хорошенький огрызок золотой тесьмы не значит ровно ничего. Ты как был, так и остался значительно младше меня по званию. И не забывай этого.

Макс крепко стиснул зубы и не ответил. Саймс продолжал:

— Ну так что же?

— Что «что же»?

— Я только что отдал тебе приказ.

— А, ясно. Есть, мистер Саймс. Я не забуду этого.

Ни в коем случае не забуду.

Саймс пристально поглядел на него и сказал:

— Я уж позабочусь, чтобы ты не забыл, — и вышел из каюты.

Макс все еще продолжал, сжимая кулаки, смотреть на дверь, когда в нее постучал Грегори.

— Обед, сэр. Через пять минут.

Макс тянул время, сколько мог. Как бы хотелось ему сейчас свалиться по трапу на палубу Е и занять свое обычное место в шумной, теплой, комфортабельной кают-компании. В гостиную он вошел не сразу — перед дверью его охватил страх, как актера перед выходом на сцену. Великолепный зал был залит ярким светом и показался Максусу совсем незнакомым; прежде он бывал здесь только рано утром, чтобы сменить кошачью посудину, стоявшую в коридоре по дороге в буфетную; в такое время в зале горело только несколько лампочек.

Он чуть не опоздал; некоторые из пассажиров уже сидели, но Капитан еще стоял. Макс сообразил, что ему надо быть около своего места, быть готовым сесть, как только это сделает Капитан — точнее, когда усядутся все женщины, поправил он себя. Но куда ему идти? Он продолжал стоять, дрожа от страха и возбуждения, когда услышал свое имя:

— Макс!

Элли подбежала к Максусу и бросилась ему на шею.

— Макс! Я только что узнала! Это же просто великолепно! — Она немного отошла, поглядела на него сияющими глазами, а затем расцеловала в обе щеки.

Макс покраснел до самых ушей. Ему казалось, что все в зале смотрели прямо на них — так оно в действительности и было. Его смущение еще усугублялось тем, что на Элли было сейчас формальное вечернее платье в гесперианском светском стиле, которое не только делало ее несколько старше и значительно жен-

ственное, но и разительно не соответствовало пуританским сельским взглядам Макса.

Элли отпустила его, что с одной стороны было хорошо, но, с другой стороны, подвергло его опасности рухнуть на колени. Она что-то — Макс не понимал, что, — трещала, когда рядом с ней возник Главный Эконом Дюмон.

— Капитан ждет, мисс, — твердо произнес он.

— Да ну этого Капитана! Хорошо, встретимся после обеда, Макс. — Она направилась к капитанскому столу.

Дюмон тронул Макса за рукав и тихо пробормотал:

— Сюда, сэр.

Его место было в дальнем конце стола Главного Механика. Внешне Макс знал мистера Компаньона, но ни разу не разговаривал с ним прежде. Механик поднял на него глаза и произнес:

— Добрый вечер, мистер Джонс. Очень приятно видеть Вас в нашем обществе. Леди и джентльмены, наш новый офицер-астронавигатор, мистер Джонс. Справа от Вас, мистер Джонс, миссис Дайглер. Мистер Дайглер — справа от нее. Далее... — И так далее, вокруг всего стола: доктор и миссис Вебербаур и их дочь Ребекка, мистер и миссис Скотт, мистер Артур, сеньор и сеньора Варгас.

Миссис Дайглер находила прекрасным, что он получил ранг офицера. Кроме того, это так чудесно, когда за столом столько молодежи. Она была значительно старше Макса, но еще достаточно молода, чтобы быть привлекательной и понимать это. На ней было больше драгоценностей, чем Макс видел за всю свою жизнь, а волосы ее были скреплены лаком в сложную конструкцию, высотой с фут и всю усеянную жемчугом. Всей своей дорогой и безукоризненной отделкой она напоминала какой-то точный механизм. Макс чувствовал себя в ее обществе крайне неловко.

Но это была еще малая неловкость, по сравнению с тем, что предстояло. Миссис Дайглер извлекла откуда-то из своего декольте платочек, легкий, как дуновение ветра, смочила его и сказала:

— Не двигайтесь, Джонс. — Потом она потерла его щеку. — Поверните слегка голову. — Покраснев от смущения, Макс сделал, как было сказано.

— Вот, ну так-то будет лучше, — сказала миссис Дайглер. — Mamочка навела порядок. — Она отвернулась от него и сказала: — А Вы не думаете, мистер Компаньон, что наука, со всеми этими чудесами, которые она творит в наше время, дойдет когда-нибудь до создания несмысливаемой губной помады?

— Прекрати это, Мэгги, — прервал ее супруг. — Не обращайтесь на нее внимания, мистер Джонс. У нее в характере есть немного садизма. Самая малость — размером с нее саму.

— Джордж, ты еще об этом пожалеешь. Ну так что Вы скажете, Механик?

Главный Механик слегка промокнул свои губы белоснежной салфеткой.

— Думаю, ее могли бы уже изобрести — просто на нее не будет спроса. Женщины любят оставлять метки на мужчинах, хотя бы даже временные.

— Какая ерунда!

— Этот мир принадлежит женщинам, мадам!

Она снова повернулась к Максу.

— Элдрет просто прелесть, не правда ли? Очевидно, Вы знали ее «на берегу», как выражается мистер Компаньон?

— Нет, мадам.

— А каким же тогда образом? Я хотела сказать, что тут, на корабле, возможности не так уж много. Или они все-таки есть?

— Мэгги, да прекрати же ты его изводить. Дай человеку спокойно поесть.

Зато с миссис Вебербаур, сидевшей по другую сторону от Макса, было настолько же легко и спокойно, насколько с миссис Дайглер — трудно. Убаюканный ее материнской теплотой, Макс сумел даже приступить к еде. Тут он заметил, что остальные присутствующие держат вилки совсем не так, как он, и попытался взять ее так же. Ничего, кроме конфуза, из этого не вышло; кроме того, Макс вдруг увидел свои неаккуратные ногти, от всего этого ему очень захотелось спрятаться под стол. Проглотил он не более трех сотен калорий, в основном — в виде хлеба и масла.

В конце обеда миссис Дайглер вновь уделила внимание Максу, хотя слова ее были обращены к Главному Механику:

— Мистер Компаньон, мне казалось, что есть обычный поднять бокал за повышение?

— Да, — согласился Механик. — Но платить за это должен виновник. Так делается всегда.

Максу пришлось подписать счет, принесенный Дюмоном. Цифра заставила его зажмуриться — с точки зрения профессиональной карьеры его первый рейс, может, и оказался большой удачей, но с финансовой стороны — это была полная катастрофа. К счету прилагалось шампанское, охлажденное в сверкающем серебряном ведерке; Дюмон перерезал проволоочки и картинно извлек пробку.

Главный Механик встал.

— Леди и джентльмены! Имею честь представить Вам Астронавигатора Джонса. И пусть он никогда в жизни не перепутает положение запятой в числе.

— Салют!

— Браво!

— Речь, речь!

Макс неуверенно встал и пробормотал:

— Большое Вам спасибо.

Его первая в новой должности вахта была назначена назавтра, с восьми утра. Макс позавтракал в одиночестве и с радостью подумал о том, что из-за вахт будет есть чаще всего до или после пассажиров. На пост управления он явился на двадцать минут раньше.

Келли глянул на него и поздоровался:

— Доброе утро, сэр.

— Ээ... доброе утро, шеф! — неуверенно пробормотал Макс. Он заметил, как ухмыльнулся сидевший за компьютером Смит, и торопливо отвел от него глаза.

— Кофе только что заварен, мистер Джонс. Не желаете чашечку? — Макс позволил, чтобы Келли налил ему кофе; пока они пили, Келли неторопливо обсудил все детали дежурства — процедуру ускорения, положение и скорость корабля, используемые в данный момент двигатели, произведенные наблюдения, отсутствие особых заданий и так далее. Ногучи подменил Смита, а вскоре, за несколько минут до начала вахты, появился доктор Хендрикс.

— Доброе утро, сэр.

— Доброе утро, доктор.

— Доброе утро. — Хендрикс принял чашку с кофе и повернулся к Макс. — Вы подменили вахтенного офицера?

— Да... да нет, сэр.

— Ну так сделайте это. До восьми уже меньше одной минуты.

Макс повернулся к Келли и неуверенно отдал честь.

— Вы свободны, сэр.

— Хорошо, сэр. — Келли сразу же покинул помещение поста. Доктор Хендрикс сел за стол, вынул книгу и начал ее читать.

С каким-то странным чувством Макс понял, что его бросили в воду — поплывет или утонет. Он глубоко вздохнул и подошел к Ногучи.

— Ногги, давай подготовим пластинки для съемки в середине вахты.

Ногучи бросил взгляд на хронометр.

— Как скажете, сэр.

— Ну... Пожалуй, еще рановато. Давай сделаем несколько доплеровских отсчетов.

— Будет сделано, сэр. — Ногучи выбрался из кресла перед компьютером, в котором он по-барски расположился.

Макс тихо сказал:

— Слышь, Ногги, тебе ж не обязательно все время ко мне с этим «сэром».

Ногучи ответил так же тихо:

— Келли не слишком понравится, если я не буду. Пусть уж так оно и будет.

— А, так. — Макс озабоченно нахмурился. — Ногги, а как все остальные к этому относятся?

Ногги не стал притворяться дурачком. Он ответил:

— Ерунда, не бойся, все они горой за тебя, ты только сам постарайся справиться.

— Это точно?

— Совершенно точно. Конечно, если только не начнешь изображать из себя невесту что, как некоторые, ты понимаешь.

Потом Вычислитель добавил:

— Ну, может, один Ковак не очень радуется. Ты же знаешь, он сам иногда руководил вахтой — и это у него только начиналось.

— Он обиделся?

— Да не то чтобы. Он же не думал, что это продлится долго, особенно теперь, когда скоро скачок. Он не станет делать ничего такого, чтобы устроить тебе неприятности, будет вести себя как нужно.

Макс решил поразмыслить, что бы такое предпринять, чтобы перетащить Ковака на свою сторону. Они вдвоем с Ногучи поработали на доплероскопе, сделали отсчеты по звездам, расположенным прямо по курсу, проверили результаты по астроспектрографу и сравнили те и другие результаты со стандартными пластинками из хранилища карт. По первости Макс старался не забывать, что сейчас он возглавляет вахту, но потом так увлекся хлопотными подробностями измерений, что все позабыл. Через некоторое время Ногучи тронул его за рукав.

— Уже скоро десять, сэр. Я, пожалуй, буду ставить пластинки.

— Что? Конечно, давай. — Макс напомнил себе, что не должен сейчас помогать Ногучи; у Картографа были свои прерогативы. Однако он проверил установку, как это всегда делал Хендрикс, очень редко — Саймс, а Келли — иногда, в зависимости от того, кто в данном случае работал на камере.

После получения новых данных Макс запрограммировал задачу на бумаге (времени было сколько угодно), а затем продиктовал ее Ногучи на компьютер. «Мальчика с таблицей» не было, так что он листал их сам. Макс помнил все эти числа так же ясно, как и всегда, но выполнял указание Хендрикса не полагаться полностью на свою память.

Результат его беспокоил. Они шли «не в колее». Не то чтобы «Асгард» сильно отклонился от курса, но все же отклонение было измеримым. Он проверил свои записи, затем при помощи Ногучи с компьютером решил задачу снова, применив другую технику программирования. Результат был тем же самым. Вздохнув, он вычислил требуемую коррекцию курса и хотел было отнести ее Хендриксу, чтобы получить его одобрение, но Астронавигатор по-прежнему не уделял ему никакого внимания; он сидел у пульта, читая какой-то роман из корабельной библиотеки.

Макс решился. Он подошел к Хендриксу и сказал: — Простите, пожалуйста, сэр. Мне надо на минутку к пульту. — Хендрикс, не отвечая, встал и нашел себе другое место. Макс сел к пульту и вызвал «машинное отделение». — С вами говорит вахтенный офицер поста управления. Я собираюсь увеличить тягу в одиннадцать-ноль-ноль. Сверим время. — Макс подумал, что Хендрикс обязательно должен был его слышать, однако Астронавигатор не подавал ни малейшего знака внимания. Макс ввел поправку, затем установил таймер, чтобы он исполнил его указание в одиннадцать плюс-минус ничего.

Незадолго до полночи появился Саймс. Макс уже внес записи в вахтенный журнал, опираясь на заметки Ногучи, и подписался «М.Джонс». Затем, подумав, он добавил: «Вахтенный офицер». Саймс подошел к доктору Хендриксу, отдал честь и произнес:

— Готов подменить Вас, сэр.

Хендрикс произнес первые с восьми часов слова:

— Это была его вахта.

На лице Саймса не отразилось ровно ничего, он подошел к Максy.

— Готов подменить Вас.

Макс изложил ситуацию, тем временем Саймс читал вахтенный журнал и книгу приказов. Саймс прервал Макса в то время, как он еще продолжал излагать мелкие детали данных по кораблю.

— О'кэй, я Вас освобождаю. Вы можете покинуть пост управления, сэр.

Макс так и сделал. Доктор Хендрикс к этому времени уже ушел.

Ногги все еще слонялся неподалеку от трапа. Он поймал на себе взгляд Макса, кивнул ему и показал кулак с поднятым большим пальцем. Макс улыбнулся и собрался было спросить: хотелось узнать, было ли отклонение от курса чем-то вроде ловушки, нарочно поставленной Келли. Но он тут же решил, что так будет не очень хорошо, лучше спросить самого Келли или найти ответ в вахтенной записи.

— Спасибо, Ногги.

Эта вахта оказалась типичной лишь в том отношении, что доктор Хендрикс и в дальнейшем продолжал

требовать, чтобы Макс сам был вахтенным офицером. Однако теперь он больше не держался в стороне, а наоборот, не давал Максу ни минуты покоя, часами тренируя его, требуя, чтобы он все время проводил наблюдения и расчеты, как если бы «Асгард» был совсем близок к точке перехода. Он не позволял больше Максу программировать на бумаге, но заставлял его делать вид, что времени у него в обрез и данные должны поступать в компьютер без малейшего промедления, чтобы результаты вычислений сразу использовались для управления кораблем. Макс обливался потом, держа в каждом кулаке по тумблеру управления кораблем; в роли «мальчика с таблицами» выступал сам Хендрикс. Астронавигатор требовал от него скорости, скорости и еще раз скорости — но ни в коем случае не ценой снижения точности, ведь любая ошибка была непростительна. Но основной целью все время была все большая и большая скорость.

Как-то раз Макс взмолился:

— Сэр, если Вы разрешите мне прямо вводить все это в машину, я сэкономлю уйму времени.

Хендрикс резко оборвал его:

— Когда у Вас будет свой пост управления, делайте как хотите, если сочтете это разумным. А пока что Вы будете работать, как я Вам говорю.

Изредка вместо Хендрикса за его работой наблюдал Келли. Главный Вычислитель был крайне официален, говорил фразами типа: «Осмелюсь предложить Вам, сэр...» или «Думаю, что я бы сделал это следующим образом, сэр». Но однажды у него вырвалось: «Ты совсем сдурел, Макс. Никогда и не пробуй делать такие идиотские штуки!»

Когда он сразу же начал извиняться за свою грубость, Макс широко улыбнулся.

— Ради бога, шеф. На какой-то момент я почувствовал себя как дома. Большое спасибо.

Келли выглядел смущенно.

— Наверное, я очень устал. Мне бы сейчас совсем не помешало затянуться и выпить немного кофе.

Пока они устраивали перекур, Макс увидел, что Ланди далеко и не может их услышать. Тогда он спросил:

— Шеф? Вы же знаете больше, чем я выучу за всю свою жизнь. А почему Вы не сделали попытку стать Астронавигатором? Неужели у Вас не было подходящей возможности?

Келли вдруг как-то сник.

— Я раз попытался, — неохотно сказал он. — И теперь я знаю пределы своих возможностей. — Макс, до крайности смущенный, замолк. С этого момента Келли снова стал, если их никто не слышал, называть его Максом.

После того, как Макс переселился наверх, на палубу В, он не видел Сэма больше недели. Да и потом встреча была случайной, они столкнулись неподалеку от канцелярии Казначая.

— Сэм!

— Доброе утро, сэр! — Сэм, широко ухмыляясь, четко отдал честь Максусу.

— Ты чего это? Какое еще к черту «доброе утро, сэр»? Как жизнь-то, Сэм?

— Вы что, не собираетесь отдать мне честь в ответ? Вы должны понимать, что по своему служебному положению я могу доложить об этом. А наш Капитан крайне, крайне щепетилен в вопросах корабельного этикета.

Макс издал не слишком пристойный звук.

— Можешь стоять так, отдавая честь, пока совсем не окостенеешь. И кончай придуриваться.

Сэм расслабился.

— Сынок, я же все время собирался сходить наверх и поздравить тебя, но как только у меня выпадет свободная минута, оказывается, что ты на вахте. Ты что, и живешь теперь в этой вашей Хитрой Яме?

— Да почти что и так. Слышь, я свободен сегодня вечером до двенадцати. Что ты скажешь, если я забегу к тебе вниз?

Сэм покачал головой.

— Я буду занят.

— Чем это ты будешь занят? Ты боишься группового побега из тюрьмы? Или бунта на борту?

Сэм ответил спокойно и рассудительно:

— Сынок, пойми меня правильно, но держись-ка ты своей половины корабля, а я буду держаться своей. Нет, нет, подожди, помолчи и послушай меня. Я очень

горжусь тобой, будто это я тебя открыл. Однако ты не должен допускать дружественных отношений с рядовыми, даже со Старшим Надзирателем. По крайней мере — пока.

— Да кто там узнает? И кому какое до этого дело?

— Ты же прекрасно понимаешь, что Джиордана с восторгом поведает Куйперу, что у тебя нет представления, как должен вести себя офицер — а старушка леди Куйпер обязательно передаст это Казначею. Послушай лучше моего совета. Разве я тебе когда-нибудь давал плохие советы?

Макс оставил этот разговор, хотя побеседовать с Сэмом очень хотелось. Нужно было рассказать ему, что подделка документов раскрыта, и посоветоваться относительно возможных последствий.

По пути к себе в каюту он размышлял, что и теперь ничто не мешало осуществлению первоначального плана — сбежать с корабля на Новой Земле. Только вот теперь он и вообразить себе этого не мог. Он же офицер.

«Асгард» подходил к точке перехода; пост управления снова перешел на попеременные вахты. Но доктор Хендрикс все еще не стоял вахты сам; менялись Саймс и Джонс. Астронавигатор каждую вахту был с Максом, но требовал, чтобы тот выполнял всю работу и нес всю ответственность сам. Макс совсем изматывался, он понял, что изучение теории и тренировочные задачи — это ерунда по сравнению с тем, когда все зависит от тебя и нет ни способа, ни времени проверить себя вторично. Ты должен быть прав каждый раз — и каждый раз были сомнения.

Когда в последние двадцать четыре часа вся команда перешла на непрерывное дежурство, Макс ожидал, что теперь-то доктор Хендрикс уж точно отстранит его. Но вышло по-другому; Саймса — того Астронавигатор действительно отстранил, а Макс сохранил свое положение. Только теперь доктор Хендрикс все время наклонялся над ним, наблюдая за каждым его движением, но ни во что не вмешиваясь.

— Господи! — думал Макс. — Не может же быть, чтобы он дал мне провести этот переход, я же к этому еще не готов, совсем не готов. Я же не справляюсь.

Однако, новые данные поступали так быстро, что времени на размышления просто не оставалось; надо было обрабатывать данные, смотреть на выдаваемые машиной ответы и принимать решения. И только за двадцать минут до перехода Хендрикс, не сказав ни слова, оттолкнул его в сторону и взял управление на себя. Макс не успел даже прийти в себя к тому моменту, когда «Асгард» прорвался к новым небесам.

Последний перед Алкионом подход к точке скачка и сам скачок были почти такими же. Сначала пара недель легких вахт, возглавлявшихся Саймсом, Ковачком и Максом; тем временем Келли и Хендрикс пытались хоть немного отдохнуть. Максу нравилось это время, и вахты, и промежутки между ними. На вахтах он продолжал тренироваться, пытаясь достичь нечеловеческой скорости доктора Хендрикса. После вахты он спал и жил в свое удовольствие. Гостиная В не приводила больше его в ужас. Он теперь играл здесь с Элли в 3-шахматы. Мистер Чипс, сидя на плече, давал — или давала — ей советы. Элли давно уже строила глазки Капитану Блейну и убедила его, что Чипси такая ручная, так хорошо себя ведет, и, вдобавок ко всему, имеет хорошие манеры (Элли обучила ее при каждом появлении Капитана провозглашать «Доброе утро, Капитан») — в общем, настолько цивилизованная, что никак нельзя держать ее в клетке.

Макс даже научился довольно жалко отшучиваться от миссис Дайглер. Он заранее придумывал ответы и ждал удобного случая их употребить. Элли все грозилась научить его танцевать, однако он откладывал это на потом, пока возобновившиеся перед скачком переменные вахты не сделали такие уроки невозможными.

И снова в конце подхода к точке скачка он оказался перед пультом управления. На этот раз доктор Хендрикс сменил его всего за десять минут до прорыва.

На последней, легкой части пути к Алкиону Элли со своей решительностью все же уломала его. Макс научился танцевать. И это ему понравилось. У него было хорошее чувство ритма, он не забывал ее указаний, и держать в руках легкую, благоухающую Элли было приятно.

— Ну, я сделала все, что было в моих силах, — заявила она в конце концов. — Ты — лучший двуногий танцор, какого я когда-либо в жизни встречала.

Она потребовала, чтобы он танцевал с Ребеккой Вебербаур и миссис Дайглер. Миссис Дайглер, по крайней мере, пока она не раскрывала рта, была совсем не так уж плоха, а Ребекка была просто прелесть. Макс начал уже с нетерпением подумывать о злых местах Алкиона — так как причиной его обучения танцам было то, что он должен будет сопровождать Элли в эти заведения.

Одно только омрачало этот период: у Сэма были неприятности. Макс узнал об этом не сразу. Как-то он рано поднялся, чтобы идти на вахту и, с удивлением, увидел Сэма, подметающего пол в пустом коридоре пассажирских помещений. Тот был в комбинезоне, без полицейского значка.

— Сэм!

Сэм поглядел на него.

— А, привет, сынок. Не ори так громко, всех разбудишь.

— Но, Сэм, какого это черта ты тут делаешь?

— Я? Я, вроде, делаю маникюр этой палубе.

— Почему?

Сэм оперся на швабру.

— Понимаешь ли, сынок, дело обстояло примерно так. Мы с Капитаном несколько разошлись во взглядах. Ну и он взял верх.

— Тебя выгнали с места?

— У тебя просто потрясающая интуиция.

— Да что же случилось?

— Макс, чем меньше ты будешь знать про эти дела, тем лучше. *Sic transit gloria mundi**. — Во вторник обычно бывает еще хуже.

— Но... Слушай, мне надо быстро чего-нибудь перехватить и бежать на вахту. Я зайду к тебе потом.

— Ни в коем случае.

Что произошло, Макс узнал от Ногучи. Сэм, оказывается, устроил нечто вроде казино в одной из пустых кладовых. Это могло бы продолжаться, скорее все-

* Так проходит слава мира (лат.). — *Прим. ред.*

го, как угодно долго, если бы тот ограничился в своем заведении картами и костями. Но он добавил рулетку — и это довершило дело; Джордана начал подозревать, что это рулеточное колесо слабее подчинялось теории вероятности, чем делают обычно его аналоги в более приличных заведениях. Он поделился своими подозрениями со старшим Делопроизводителем Куйпером, после чего события неумолимо разворачивались дальше.

— Когда он установил эту рулетку?

— Сразу, как поднялись с Планеты Гарсона. — Макс почувствовал себя несколько неуютно от мысли о «колпаках на чайники», которые он помог Сэму пронести на борт. Ногучи продолжал: — Да неужели же Вы не знали, сэр? Я думал, что Вы с ним были довольно близки — ну то есть, пока Вы не поднялись на верхнюю палубу.

Макс ушел от ответа и углубился в журнал приказов по кораблю. Он нашел соответствующую запись. Она была добавлена Беннетом вчера, после вахты Саймса. Сэму было запрещено до окончания рейса покидать корабль; окончательное решение о дисциплинарном взыскании откладывалось до возвращения на Землю.

Похоже, это означало, что капитан Блейн из самых лучших побуждений собирался дать Сэму шанс продемонстрировать «хорошее поведение» до того, как сделать представление гильдии. Капитан был отличный старик, это уж точно. Но «запрещено покидать»? Ведь в таком случае у Сэма не будет возможности убежать от того, от чего он хотел убежать, что бы это ни было. Макс нашел Сэма в первый же перерыв между вахтами, вытащил его из кубрика в коридор. Сэм кисло поглядел на него.

— Я же, кажется, не велел тебе искать меня.

— Да ерунда это, Сэм! Я же беспокоюсь о тебе. Эта история насчет «запрещено покидать»... ведь в таком случае у тебя не будет возможности...

— Заткнись! — Сказано это было шепотом, но таким, что Макс заткнулся. — Ну так вот, — продолжал Сэм. — Забудь про это. Я набрал денег, и это — самое главное.

— Но...

— Ты что, думаешь, они сумеют законопатить эту посудину так плотно, чтоб удержать меня, когда я решу уйти? А теперь держись от меня подальше. Ты теперь любимчик учителя, и я бы хотел, чтобы так оно и было. Мне совсем не хочется, чтобы тебе читали нотации про дурных товарищей — меня, то есть.

— Но я же хочу тебе помочь, Сэм. Я...

— Не будешь ли ты так любезен сидеть на своей палубе С?

Больше за этот переход он не видел Сэма; через какое-то время он перестал тревожиться о нем. Хендрикс потребовал, чтобы Макс рассчитал подход к планете — детские игрушки по сравнению с расчетом подхода к точке перехода — а затем, во время посадки, отдал управление Макссу. Эта ответственность была чисто формальной, так как посадка рассчитывалась заранее, а потом велась по радару в автоматическом режиме. Макс сидел за пультом, держа руки на управлении, готовый подменить автопилот — а Хендрикс стоял у него за спиной, готовый подменить его — но ни в том, ни в другом необходимости не возникло; «Асгард» опустился по расчетной траектории легко и просто, словно спустился по лестнице. Опоры выдвинулись и уперлись в покрытие порта; Макс доложил:

— Сэр, посадка проведена по программе.

— Отключай.

Макс объявил по корабельной системе оповещения:

— Отключить силовую установку. Отключить все агрегаты, связанные с полетом. Наземная процедура, вторая часть.

Из четырех дней, проведенных на Алкионе, первые три он потратил номинально — руководя, а практически — обучаясь — у Ковака процедуре проводившихся раз в девяносто дней проверок и текущего ремонта приборов поста управления. Элли была очень разочарована и сердилась на него, у нее были совсем другие планы. Однако, в последний день Макс все же смог выбраться с ней на поверхность. Их сопровождали мистер и миссис Мендоса.

Это был великолепный день отдыха. По сравнению с Землей, Алкион — место довольно тусклое, а Бонапарт трудно назвать большим городом. И все-таки Алкион — планета земного типа с воздухом, пригодным для дыхания, а пассажиры и команда «Асгарда» последний раз были на свежем воздухе в Земпорте, который отделяли теперь от них месяцы времени и немыслимое количество световых лет расстояния. Здесь был самый разгар лета, Алкион недавно прошел афелей, Нью Пегаса тепло и ярко сверкала на голубом небе. Мистер Мендоса нанял экипаж, запряженный четверкой пофыркивающих маленьких алкионских пони, и они покатали по зеленой, холмистой местности. Тут они осмотрели поселок местных жителей — нечто, напоминающее огромный пчелиный улей, слепленный из глины, конус на конусе. В этом поселке вся компания обзавелась сувенирами, причем при внимательном рассмотрении на двух из них оказались малозаметные надписи «Сделано в Японии».

Кучер, Герр Айзенберг, заодно служил им и перевозчиком. Абориген, продавший им сувениры, все время скашивал свои глаза, один за другим, на миссис Мендоса. Он что-то прощелбетал кучеру, который в ответ глубоко расхохотался.

— Что это он говорит? — спросила она.

— Он говорит Вам комплименты.

— Да? И какие же?

— Ну... Он говорит, что Вы в самый раз для поджаривания на медленном огне, не нужно было бы даже приправ, Вы и так поджарились бы просто великолепно. И он с превеликой охотой сделал бы это, — добавил колонист, — если бы Вы остались здесь после наступления темноты.

Миссис Мендоса слегка вскрикнула.

— Вы же не хотите сказать, что они здесь каннибалы. Хоси, уведи меня отсюда.

Герр Айзенберг, видимо, пришел в ужас от такой мысли.

— Каннибалы? О, конечно же нет, леди. Они никогда не едят друг друга, они едят только нас — то есть, когда у них появляется такая возможность. Но за последние двадцать лет таких случаев не было.

— Но это же еще хуже!

— Да нет же, леди. Вы попробуйте посмотреть на это с их точки зрения. Они цивилизованы. Этот вот парень ни в коем случае не нарушит ни одного из своих законов. Но мы для них — просто уйма великолепного мяса, до которого, к сожалению, довольно трудно добраться.

— Сейчас же уведите нас отсюда. Это же ужас, их здесь сотни, а нас только пятеро.

— Тысячи, леди. Но Вы в полной безопасности, пока на небе сверкает Гнири. — Он указал рукой на Нью Пегаса. — Убивать скот на мясо при дневном свете — табу. Потом будет являться дух убитого.

Несмотря на все его уверения, компания быстро собралась в обратный путь. Макс обратил внимание на то, что Элдрет эти страхи не тронули. Сам он не мог понять, что мешало аборигенам связать их и подождать, пока наступит ночь.

Обедали они в Жозефине, лучшем (и единственном) отеле Бонапарта. Но тут все-таки был настоящий оркестр из трех инструментов, небольшая танцевальная площадка, а пища отличалась от опостылевшего всем корабельного меню. Здесь было много пассажиров «Асгарда» и несколько офицеров, получилась довольно веселая компания. Элли заставляла Макса танцевать при каждой перемене блюд. Он настолько расхрабрился, что даже пригласил танцевать миссис Дайглер, когда та подошла и изъявила такое желание.

Во время перерыва Элдрет вывела Макса на балкон, примыкавший к ресторанному залу. Тут она пристально посмотрела на него.

— Ты бы оставил в покое эту Дайглеровскую шлюшку, слышишь меня?

— Что? Да я же ничего такого не сделал.

Неожиданно Элли широко улыбнулась.

— Конечно же нет, дурачок ты мой великовозрастный. Но ничего, тетя Элли о тебе позаботится.

Она повернулась к перилам и облокотилась на них. Уже наступила ранняя алкионская ночь, три местные луны гонялись друг за другом по небу. В небе этом сверкало во много раз больше звезд, чем в небе Земли, затерянной на малонаселенных задворках Галактики.

Макс показал Элли чужие, непривычные созвездия и указал, в какую сторону они уйдут завтра, чтобы достичь точки перехода, который выведет к Новой Земле. К этому времени он изучил четыре новых небосвода, знал их не хуже, чем тот, который висел над Озарком, — а предстояло ему изучить еще многие и многие небеса. Да он и теперь, по картам, заранее изучал чужие небеса, которые ему предстояло увидеть во время этого рейса.

— Ой, Макс, как же это красиво!

— Конечно, красиво. Гляди, вон метеор. Они здесь редкость, большая редкость.

— Загадай желание, быстро загадай желание!

— О'кэй. — Макс задумал, чтобы для него легко прошло выяснение отношений насчет подделки документов. Потом он подумал, что это нехорошо, он должен в первую очередь загадать, чтобы Сэм выбрался из этой истории — не то, чтобы он верил в приметы.

Элли повернулась и поглядела на Макса.

— Что ты загадал?

— Что? — Он вдруг застеснялся. — Да нельзя же это рассказывать, а то не сбудется.

— Ну ладно. Но я уверена, что твое желание сбудется, — тихо добавила она.

Он на мгновение подумал, что мог бы поцеловать Элли прямо сейчас, если бы повел себя верно. Но момент был упущен, и они вернулись в зал. Однако ощущение это не покидало его и на обратном пути, озаряя все вокруг. Все-таки мир был хорошо устроен, хотя и бывали в нем трудные положения. Вот он, например, практически — начинающий Астронавигатор в первом своем рейсе — а ведь какие-то недели тому назад он одалживал у Мак Алистера мулов, чтобы убрать урожай, и старался ходить по возможности босиком, чтобы не стаптывать ботинки.

И вот теперь он в форме космонавта едет рядом с самой роскошно одетой девушкой на четырех планетах.

Он потрогал пальцем знаки различия на своей форменной куртке. Теперь, когда он офицер — жениться на Элли уже не казалось таким уж совсем невозможным — если он вообще когда-либо решит жениться. Вполне возможно, что ее отец не сочтет офицера — да

к тому же еще и Астронавигатора — совсем неподходящей партией для своей дочери. А Элли была вполне ничего, и характер у нее был крепкий, и в 3-шахматы прилично играла, а ведь большинство девиц и правила запомнить не могут.

В таком вот радужном настроении Макс и пребывал, пока они возвращались на корабль и их поднимали наверх.

Келли встретил его прямо у шлюза.

— Мистер Джонс, Капитан хочет Вас видеть.

— Как? Ну, спокойной ночи, Элли, — мне тут надо бежать. — Он поспешил вслед за Келли. — В чем там дело?

— Доктор Хендрикс умер.

ГЛАВА 13

Переход

По дороге к капитанской кабине Макс стал на ходу расспрашивать Келли.

— Не знаю я. Я совсем ничего не знаю. — Келли, похоже, был близок к тому, чтобы заплакать. — Я видел его перед обедом — он заходил в Яму, чтобы проверить, что вы там с Коваком делаете. И выглядел вполне хорошо. А потом экономером вечером зашел к нему в каюту и нашел его на койке, мертвым. — Келли добавил растерянно: — Не знаю, что уж теперь и будет.

— В каком смысле?

— Ну... Я бы на месте Капитана остался здесь и запросил замену для него. Но не знаю, не знаю.

Теперь только Макс сообразил, что это несчастье делает Астронавигатором мистера Саймса.

— А как долго придется ждать замены?

— Ну вот считай сам. «Дракон» пойдет через три месяца после нас. Он возьмет от нас почту. Так что всего потребуется около года.

В отличие от обычных путешествий, при межзвездных самым быстрым средством связи были сами корабли; радиограмма на Землю (если бы кому могла прийти в голову подобная глупость) шла бы две сотни лет, столько же шел бы и ответ на нее.

Когда они подошли к каюте Капитана, дверь была раскрыта, а внутри толпились офицеры. Они стояли вокруг капитанского стола молча, с очень серьезными лицами. Макс тихо проскользнул внутрь, Келли остался снаружи. Капитан Блейн сидел за столом, опустив голову. Несколько участников сегодняшнего веселья в «Жозефине» появились еще позже Макса. Первый Помощник Вальтер перебрал глазами присутствующих и затем тихо сказал Блейну:

— Здесь присутствуют все офицеры корабля, сэр.

Капитан Блейн поднял голову, и Макс был потрясен, увидев, насколько тот постарел за несколько часов.

— Джентльмены, — тихо произнес он. — Вы все знаете печальную новость. Сегодня вечером доктор Хендрикс был найден мертвым в собственной каюте. Сердечный приступ. Врач определил, что он скончался за два часа до того, как его нашли, — и что смерть была, вероятно, почти безболезненной.

Ему перехватило горло, затем он продолжил:

— Мы выведем брата Хендрикса на его последнюю орбиту завтра, через два часа после старта. Он бы хотел этого, Галактика была его домом. Он отдал всего себя без остатка тому, чтобы люди могли безопасно странствовать от звезды к звезде.

Тут Капитан замолчал, и молчал так долго, что Макс подумал уже, что он забыл об их присутствии. Однако, когда он заговорил снова, голос его был почти что бодрым.

— Это все, джентльмены. Астронавигаторов прошу остаться.

Макс не был вполне уверен, может ли он считаться Астронавигатором, но употребление Капитаном множественного числа решило этот вопрос. Первый Помощник Вальтер пошел было к выходу. Капитан Блейн остановил его. Когда они остались в каюте вчетвером, Капитан сказал:

— Мистер Саймс, Вы сейчас сразу же заступаете на место начальника поста управления. Мистер, ээ... — Он посмотрел на Макса.

— Джонс, сэр.

— Мистер Джонс, естественно, возьмет на себя Ваши рутинные обязанности. В связи с этой трагедией

будет ощущаться острая нехватка персонала; остаток рейса я буду стоять вахты.

— В этом нет необходимости, Капитан. Мы сумеем справиться, — сказал Саймс.

— Возможно. Но я так решил.

— Да, сэр.

— Приготовьтесь к старту согласно программе рейса. Есть вопросы?

— Нет, сэр.

— Спокойной ночи, джентльмены. Вальт, останься, пожалуйста, на минутку.

По выходе из каюты Макс остановил Саймса.

— Мистер Саймс?

— Что? Да?

— Будут какие-нибудь указания, сэр?

Саймс оглядел его с головы до ног.

— Вы просто стойте свою вахту, сэр, а я справлюсь со всем остальным.

На следующее утро Макс обнаружил у себя на столе траурную наручную повязку, сопровождавшуюся запиской Первого Помощника. В записке говорилось, что траур продлится одну неделю. «Асгард» стартовал по расписанию, Саймс сидел за пультом управления, а Капитан на стуле в стороне. Макс стоял около Капитана безо всякого дела. Все было как обычно, если не считать отсутствия Хендрикса — только вот Келли явно находился в дурном расположении духа. Саймс, Макс должен был признать это, хорошо провел маневр — но ведь старт был рассчитан заранее, это мог бы сделать кто угодно; да что там, на этом сидении могла бы сидеть Элли. Или Чипси.

Первую вахту после старта стоял Макс. Саймс ушел, предварительно приказав, чтобы он не отклонялся от программы полета, не известив об этом предварительно его, Саймса. Часом позднее Ковак временно подменил Макса, и тот поспешил к пассажирскому шлюзу. В почетном карауле было пять человек — Капитан, мистер Вальтер, Саймс, Макс и Келли. Позади них толпились офицеры и большая часть команды. Пассажиров не было видно.

Внутренний люк шлюза был открыт; двое из команды Эконома внесли тело в шлюз и прислонили его

к наружному люку. Макс с облегчением увидел, что оно полностью, с головы до ног завернуто в саван. Носильщики закрыли внутренний люк и отошли в сторону.

Капитан стоял прямо напротив люка, Саймс и Первый Помощник — с одной стороны, а с другой, напротив них, Макс и Келли. Капитан бросил через плечо одно-единственное слово:

— Давление!

Позади него стоял Беннет с переносным телефоном, он передал команду в машинное отделение. Стрелка манометра над люком стояла на одной атмосфере; теперь она поползла вверх. Капитан вынул из кармана книжечку и начал читать заупокойную службу. Чувствуя, что не может это слушать, Макс стал смотреть на стрелку манометра. Она все ползла и ползла вверх. Макс подумал, что ко времени его ухода с поста управления корабль уже перешел скорость убегания для системы Нью Пегаса; тело выйдет на гиперболическую орбиту и навсегда уйдет в безбрежный космос.

Давление достигло десяти атмосфер. Капитан Блейн закрыл свою книжечку.

— Предупредите пассажиров, — сказал он Беннету.

Вскоре по всему кораблю разнеслось из динамиков системы оповещения: «Всем членам команды! Всем пассажирам! Корабль в течение тридцати секунд будет в состоянии невесомости. Крепко возьмитесь за что-нибудь и не меняйте своего положения!» Макс пошарил рукой у себя за спиной и нащупал одну из многочисленных ручек, которые всегда прикрепляются вокруг люка шлюза. Он крепко взялся за нее таким образом, чтобы при переходе к невесомости ноги его не оторвались от палубы. Завыла сирена предупреждения, и он вдруг потерял свой вес, так как и тяга корабля, и искусственное аномальное тяготение были одновременно отключены.

Он услышал громкий и твердый голос Капитана:

— «Пепел к пеплу, прах к праху». Сбрасывайте тело.

Стрелка манометра упала вдруг до нуля, и доктор Хендрикс был запущен в космос, чтобы вечно странствовать от звезды к звезде.

Машинное отделение перевело корабль на нормальный режим, и Макс снова ощутил весь свой вес. Стрелка манометра поползла потихоньку к единице. Люди стали расходиться, тихо переговариваясь между собой. Макс поднялся в пост управления и снова принял вахту.

На следующее утро Саймс перебрался в каюту доктора Хендрикса. Насчет этого было какое-то выяснение отношений с Первым Помощником Вальтером — Макс узнал об этом только через третьи руки — но Капитан поддержал Саймса; тот остался в каюте Астронавигатора. В Хитрой Яме установилась рутина, не слишком отличающаяся от того, что было раньше, правда, на всем теперь был отпечаток личности Саймса. Прежде у них никогда не было повахтенного расписания в письменном виде; Келли всегда назначал рядовых, а Доктор — начальников вахты устно. Теперь появился аккуратно напечатанный список:

ПЕРВАЯ ВАХТА — Рэндольф Саймс, Астронавигатор

ВТОРАЯ ВАХТА — Капитан Блейн (Обучается М. Джонс, проходящий службу стажера)

ТРЕТЬЯ ВАХТА — Келли, Гл. Выг-ль

(подписано) Рэндольф Саймс, Астронавигатор.

Далее следовало расписание на четыре вахты для рядовых.

Макс посмотрел на этот шедевр и, пожав плечами, выбросил его из головы. Было совершенно очевидно, что Саймс точил на него зуб, хотя невозможно было понять — за что. В равной степени очевидно было, что Саймс не намерен предоставить ему возможность хоть сколько-нибудь заниматься астронавигацией и, соответственно, что шансы Макса быть через некоторое время принятым в полноправные братья упали теперь, со смертью доктора Хендрикса, до нуля. Если только, конечно, Капитан Блейн не сумеет уломать Саймса и вынудить его написать благоприятный отзыв, на что надежды было мало. Макс начал снова подумывать насчет того, чтобы убежать с Сэмом на Новую Землю.

Ну а тем временем надо было просто стоять свои вахты и стараться не влипнуть в неприятности. Такие уж дела.

На пути от Алкиона к Новой Земле предстоял всего один переход, скачок в девяносто семь световых лет из точки, расположенной в трех неделях хода с ускорением в девятнадцать g от Алкиона. Ускорение всегда зависело от расстояния между отправной точкой и точкой перехода, так как надо было прибыть туда со скоростью, почти равной скорости света. Хитрая Яма первые две недели работала с одной вахтой из трех для офицеров и одной из четырех — для рядовых. Капитан Блейн появлялся в каждую свою вахту, однако охотно доверял Максу исполнение пока что несложных обязанностей. Обучением Макса и пояснениями он занимался мало, а когда это случалось, чаще всего переходил на истории из своей и чужой практики, занимательные, но совершенно бесполезные.

Макс пытался продолжить свои тренировки, проводя рутинные вахтенные вычисления так, словно его страшно поджимает время, как это и в действительности будет незадолго до перехода. Капитан Блейн понаблюдал за ним, а потом мягко заметил:

— Сынок, не загоняй ты себя в такое состояние. Всегда программируй на бумаге, если есть такая возможность — всегда. И проверяй все не торопясь. От лишней спешки только ошибки. — Макс ничего не ответил, думая о докторе Хендриксе, однако приказ выполнил.

По окончании первой своей вахты с Капитаном Макс, как обычно, расписался в вахтенном журнале. Когда, четыремь часами позже, на вахту вышел Саймс, Макса вытащили из койки с приказанием явиться на пост управления. Саймс указал на вахтенный журнал.

— В чем дело?

— Что вы имеете в виду, сэр?

— Подпись в вахтенном журнале. Вахту возглавляли не Вы.

— Понимаете, сэр, похоже, Капитан так и думал, что распишусь я. Я расписывался уже много раз в прошлом и у него не возникало возражений.

— Хм. Я поговорю об этом с Капитаном. Вернитесь в свою каюту.

По окончании следующей вахты, не получив за это время никаких указаний, Макс заполнил вахтенный журнал и отнес его Капитану.

— Сэр? Не желаете это подписать? Или мне сделать это самому?

— Э? — Блейн посмотрел на журнал. — О, наверное, лучше мне это сделать самому. Всегда надо, по возможности конечно, давать руководителю подразделения вести дела так, как он считает нужным. Вспомни это, сынок, когда ты сам станешь шкипером. — Он расписался в журнале.

Все так и продолжалось, пока Капитан не стал уходить с вахты, сначала — ненадолго, потом — и на более длительное время. Наконец наступил момент, когда его не было в конце вахты. Макс позвонил мистеру Саймсу.

— Сэр, Капитан отсутствует. Что мне делать?

— Ну и что? Он в полном праве покинуть пост управления.

— Но Келли готов заступить на вахту, а вахтенный журнал не подписан. Мне его подписать самому? Или я должен позвонить Капитану?

— Позвонить ему? Мать божья, конечно, нет. Вы что, с ума сошли?

— Каковы будут в таком случае Ваши указания, сэр? Саймс помолчал, а затем ответил:

— Напишите печатными буквами его фамилию, а потом подпишитесь ниже «По указанию» и так далее, шевелите мозгами сами.

В последнюю неделю они перешли на попеременные вахты. Макс продолжал дежурить с Капитаном Блейном, Келли ассистировал Саймсу. Как только перешли на новое расписание, Блейн стал проводить все время вахты на посту управления, и, когда Макс стал было делать первый расчет, мягко отодвинул его в сторону.

— Знаешь, парень, лучше я это сделаю сам. Мы уже приближаемся.

Так что Макс стал ему ассистировать — и с ужасом понял, что Капитан уже совсем не тот, каким он, видимо, когда-то был. Блейн отлично знал теорию и все приемы ускорения решения задачи, но мысли его

легко уходили в сторону. Дважды на протяжении одного расчета Макс был вынужден дипломатично напомнить ему об упущенных им моментах. И вдобавок ко всему Старик, похоже, сам ничего не замечал, он находился в самом жизнерадостном настроении.

Так продолжалось и дальше. Макс начал уже молить Бога, чтобы Капитан дал новому Астронавигатору провести переход — и это при всем презрении Макса к Саймсу. Ему хотелось обсудить создавшееся положение с Келли — Вычислитель был единственным человеком, с которым можно было бы поговорить на такую тему, — но Келли стоял другие вахты с Саймсом. Не оставалось ничего другого, как беспокоиться и тревожиться.

Когда пришел решающий день, выяснилось, что Капитан Блейн не намерен ни проводить корабль сам, ни поручить это Саймсу; у него была своя собственная система. Когда все они находились в Хитрой Яме, Капитан объявил:

— Я собираюсь показать вас всем небольшую хитрость, которая убирает из астронавигации это страшное напряжение. При всем своем уважении к нашему дорогому покойному брату, доктору Хендриксу — он, конечно, был великим астронавигатором, лучше не бывает, — должен сказать, что он работал излишне напряженно. Так вот этот метод, которому обучил меня мой учитель. Келли, не будете ли Вы добры передать мне кабели управления.

Капитан усадил их всех полукругом; он сам, Саймс и Макс вокруг компьютера, а Келли на сидении перед компьютером. Каждый из них был вооружен бланками для программирования, а Капитан Блейн, кроме того, держал на коленях тумблеры управления.

— Так вот, идея состоит в том, чтобы все мы обрабатывали результаты наблюдений последовательно, сначала я, потом мистер Саймс, потом мистер Джонс. Таким образом мы сможем без напряжения справиться с потоком данных. Ну хорошо, ребята, давайте работать. Все рассчитываем переход.

Они сделали пробный прогон, затем Капитан поднялся.

— Мистер Саймс, вызовите меня за два часа до перехода. Я уверен, что Вы и мистер Джонс сами убедитесь, что этот метод даст вам достаточно времени для отдыха.

— Да, сэр. Но, Капитан, если Вы позволите, я хотел бы сделать одно предложение.

— Что? Конечно, конечно, сэр.

— Разумеется, это прекрасная система, но я бы хотел предложить, чтобы в астронавигационную группу вместо Джонса был включен Келли. У Джонса мало опыта. Мы можем посадить к компьютеру Ковака, а с таблицами будет работать Ланди.

Блейн покачал головой.

— Нет, точность — это самое главное, сэр, так что нам необходимо иметь за компьютером самого лучшего оператора. А что касается мистера Джонса, именно таким образом он и наберется опыта, а если он растеряется, Вы или я всегда успеем его подменить. — Он пошел к выходу, затем добавил: — Но Ковак может меняться с Келли до моего возвращения. Никто не должен переутомляться, именно так и появляются ошибки.

— Да, сэр.

Саймс не сказал Максу больше ничего. Они начали обрабатывать результаты наблюдений по очереди, программируя письменно на печатных бланках. Результаты наблюдений поступали через каждые двадцать минут, что давало каждому из них сорок минут на решение задачи, если только ему нужно было столько времени. Макс начал уже подумывать, что в методе Капитана что-то есть. Ведь точно, доктор Хендрикс уработал себя до смерти. Корабли не изнашиваются — а люди делают это очень легко. У него было вполне достаточно времени, чтобы решать не только свои задачи, но и задачи Саймса. Данные выдавались устно, и ничто не мешало Максу программировать в уме задачу Саймса, а потом сравнивать результаты с тем, что поступало в компьютер. Пока что, насколько он видел, Саймс все делал правильно — хотя, конечно, настоящего напряжения еще не было, пока еще не было.

Они поели бутербродов и выпили кофе прямо на своих местах, покидая их не более чем на пять минут.

Капитан Блейн появился минут за двадцать до условленного. Он улыбнулся и сказал весело:

— Ну как, все спокойны и счастливы? Ну а теперь мы и вправду займемся делом. У меня как раз осталось время на чашечку кофе.

Через несколько минут он занял место и взял у Саймса управление. Теперь результаты наблюдений поступали каждые десять минут, все еще вполне достаточное время. Макс продолжал обрабатывать все данные, свои — на бумаге, остальные — в уме. Он каждый раз успевал покончить с задачей ко времени поступления нового набора данных, запрограммировать все в уме и проверить перевод в двоичную систему, пока Ланди лихорадочно листал таблицы. Все это давало Максу динамическую картину того, насколько близко шли они к «колее», сколько поправок придется еще внести, пока они достигнут своей невидимой цели. У него создалось впечатление, что у Саймса есть склонность перекорректировать в то время, как Капитан несколько излишне оптимистически недокорректирует. Но ни один из них не заходил настолько далеко, чтобы подвергать корабль опасности.

Возможно, он был не прав относительно Капитана, — Старик, похоже, умел при необходимости собраться. Его собственные — самого Макса — поправки Капитан, к его радости, принимал без малейших сомнений.

Через час с небольшим, когда до перехода осталось минут сорок пять, Капитан Блейн поднял глаза и произнес:

— Ну что ж, ребята, мы уже совсем близко. Теперь гоните как можно быстрее.

Смит и Ковак, которым помогали Ногучи и Беннет, включили самую высокую скорость, данные пошли непрерывным потоком. Макс продолжал обрабатывать каждый замер, программируя свои данные в голове и выкрикивая цифры быстрее, чем писал их на бумаге. Он обратил внимание на то, что Саймс покрылся потом. Он иногда что-то стирал и начинал вычисления заново. Однако, цифры, называемые Саймсом, согласовывались с тем, что получал Макс в результате программирования в уме. Капитан Блейн казался

вполне спокойным, хотя он не очень увеличил свой темп и иногда еще занимал компьютер к тому времени, когда Макс уже был готов выдать свои данные.

Один раз Саймс продиктовал свои цифры слишком быстро и не совсем разборчиво. Ланди быстро сказал:

— Повторите, сэр!

— Какого черта! Прочисти уши! — Однако Саймс повторил. Капитан бросил на него взгляд, затем вернулся к своей задаче. Как только компьютер освобождился, Капитан продиктовал Ланди свои цифры. Макс уже обрабатывал данные Капитана в уме и, глядя на Саймса, подсознательно слушал.

В его мозгу зазвучал тревожный звонок.

— Капитан! Я не подтверждаю Ваши данные!

Капитан Блейн остановился.

— Что?

— Программа не верна, сэр.

Капитан не выказал ни малейших признаков сердитости. Он просто передал свой бланк с программой Саймсу.

— Проверьте меня, сэр.

Саймс быстро пробежал числа глазами.

— Я подтверждаю Ваш результат, сэр.

Блейн сказал:

— Прекратите работу, Джонс. Мы с мистером Саймсом закончим сами.

— Но...

— Уйдите, сэр!

Макс, внутренне кипя от негодования, вышел из круга. То, что Саймс проверил результат Капитана, не означало ровно ничего, разве что Саймс слышал и помнил (как это делал Макс) поступавшие Капитану данные. Капитан переставил местами восьмерку и тройку на пятом и шестом местах числа — его результат должен выглядеть совершенно правильно, если только не знать верные числа. Если бы Саймс только побеспокоился проверить их, горько добавил он про себя.

Однако Макс не мог не слушать и не обрабатывать в уме поступавшие данные. Следующий отсчет, который поступит к Саймсу, выявит ошибку Капитана; его коррекция должна исправить ее. Макс знал, что это

будет большая коррекция; несясь почти со скоростью света, корабль покрывал миллионы миль менее, чем за шесть секунд.

Максу было видно, как Саймс помедлил, когда на компьютере вспыхнул очередной результат и Ланди перевел его в десятичные числа. Да он же совсем перепугался! Требуемая коррекция приблизит корабль почти что к критической скорости — Саймс еще чуть помедлил, а потом приказал ввести поправку в два с лишним раза меньшую, чем было нужно по расчетам Макса.

Блейн ввел эту коррекцию и продолжил считать следующую задачу. Когда появился ответ, ошибка, многократно усиленная протекшим временем и немыслимой скоростью корабля, была еще разительнее, чем раньше. Капитан бросил на Саймса пораженный взгляд, затем быстро провел коррекцию. Макс не знал, какова она, так как введена она была молча, тумблером, лежавшим у Капитана на коленях.

Саймс облизнул свои пересохшие губы.

— Капитан?

— Осталось время всего на один ответ, — ответил Блейн. — Я сделаю это сам, мистер Саймс.

Данные были ему продиктованы, он начал программировать на бланке. Макс видел, как он что-то стер, потом поднял глаза. Макс посмотрел в ту же сторону. Хронометр над панелью компьютера, установленный на время перехода, показывал, что истекают последние секунды.

— Всем приготовиться! — крикнул Капитан.

Макс взглянул вверх. Звезды сползались в одну точку, это означало, что до перехода остались мгновения. Видимо, пока Макс смотрел вверх, Капитан Блейн нажал на второй тумблер, тот, который давал кораблю последний толчок, так как звезды вдруг потухли и мгновенно сменились другой звездной твердью, по виду вполне нормальной.

Капитан откинулся в своем кресле.

— Ну, — сказал он весело, — похоже, что пронесло еще раз. — Он встал и направился к выходу, на ходу бросив через плечо. — Зайдите ко мне, когда выведете нас на курс, мистер Саймс. — Потом он исчез в люке.

Макс снова посмотрел вверх, пытаясь по картам, которые он изучил, сообразить, какую именно часть нового неба он видит. Келли тоже глядел вверх.

Макс услышал, как тот пробормотал:

— Да, нас опять пронесло. Хотелось бы только знать — куда?

Саймс также глядел на небо. Услышав последние слова Келли, он резко повернулся и зло спросил:

— Что Вы имеете в виду?

— То, что я сказал, — ответил Келли. — Это не похоже ни на одно небо, которое я видел за всю свою жизнь.

— Чушь все это. Вы просто еще не сориентировались. Любой знает, что участок неба с первого взгляда может показаться совершенно незнакомым и странным. Достаньте карты этой области, мы быстренько найдем ориентиры.

— Они уже вынуты, сэр. Ногучи.

Всего несколько минут потребовалось для того, чтобы убедить всех присутствующих в том, что Келли прав; чуть-чуть больше понадобилось, чтобы с этим согласился Саймс. В конце концов он, с бледным, позеленевшим лицом, отвел глаза от карт.

— Никому ни слова, — сказал он. — Это приказ — и я устрою веселую жизнь любому, кто его нарушит. Келли, примите вахту.

— Да, сэр.

— Я буду в каюте Капитана. — Он пошел доложить Блейну, что «Асгард» после скачка оказался в неизвестном месте — заблудился.

ГЛАВА 14

Где угодно

Двумя часами позже Макс устало поднимался по трапу в Хитрую Яму. Он только что провел жуткие полчаса, рассказывая правду такой, как он ее видел. Капитан Блейн привык возлагать вину на кого угодно, кроме самого себя, однако вид у него был удивленный и потрясенный. Саймс вел себя ужасно. Его логика, похоже, состояла в том, что так как это никоим обра-

зом не может быть его ошибкой, и так как немислимо, чтобы виновен был Капитан, очевидно, это — ошибка Макса. Так как Макс был отстранен от работы за несколько минут до перехода, видимо, ошибку допустил Макс, внося возмущение перед самым критическим моментом — образно говоря, подтолкнул их под локоть.

При беседе присутствовал мистер Вальтер, бессловесный судья. Они обсуждали материи, лежащие вне круга его профессиональных познаний; он, похоже, изучал их лица. Макс упрямо держался своей точки зрения.

Келли все еще был на вахте. Ковак и Смит снимали спектрограммы. Ногучи и Ланди занимались бумагами.

— Хотите, чтобы я Вас подменил? — спросил он у Келли.

Вид у Келли был озабоченный.

— К сожалению, ты не можешь этого сделать.

— Как это?

— Пока ты сюда шел, позвонил мистер Саймс. Он говорит, что ты не будешь допущен к вахте вплоть до особого распоряжения.

— Так и сказал? Что ж, я не очень удивлен.

— Он сказал еще, чтобы тебя не допускали в помещение поста управления.

Макс высказал все, что он думал про Саймса. Потом добавил:

— Ну что ж, все было прекрасно, мне очень нравилось здесь работать. Пока, увидимся.

Он повернулся, чтобы уйти, но Келли его остановил.

— Не спеши, Макс. Он еще некоторое время здесь не появится. Мне нужно знать, что же все-таки произошло. Сидя за компьютером, я не вижу, что тут у вас творится.

Макс рассказал ему все, выживая из памяти числа. В конце концов Келли кивнул.

— Это согласуется с тем, что я сумел тут раскопать. Капитан сделал ошибку, переставив цифры — это очень просто. Затем у Саймса не хватило пороку провести большую коррекцию, когда это от него потребовалось. Но есть еще одна вещь, которой ты не знаешь. И они тоже не знают — пока.

— Что это? Какую вещь?

— Все это есть на самописце силовой установки. Гуентер стоял на вахте там, внизу и рассказал мне по телефону. Нет, я конечно не сказал ему, что что-то не так. Я просто попросил его доложить мне, это вполне обычное дело. Между прочим, там, внизу, уже волнуются? Пассажиры сходят с ума?

— Нет, пока что не видно.

— Ну, это не надолго. Такое невозможно долго скрывать. Так насчет моей истории. Все было уже очень скверно, но у Капитана оставался последний шанс. Он ввел коррекцию, но слишком большую. И ввел ее с обратным знаком, прямо в противоположную сторону.

Никакие ругательства тут не годились, все они были слишком слабы. Макс только и смог произнести:

— Господи!

— Вот именно. Влип он крупно.

— А есть какие-нибудь мысли относительно того, куда это нас занесло?

Келли указал на Ковака и Смита, возившихся со спектрографом.

— Они пробуют что-нибудь выудить, но пока ничего не выходит. В первую очередь яркие звезды, типа В и О. Однако, пока не видно ничего, совпадающего с каталогами.

Ногучи и Ланди орудовали фотоаппаратом. Макс спросил:

— А они, они-то что делают?

— Фотографируют записи. Все записи — бланки программирования, необработанные данные от картографов, ленту компьютера, все, что есть.

— А какой с этого толк?

— Может, и никакого. Только бывает, что записи пропадают. Иногда их даже подменяют. Но только не в этот раз. У меня будет собственный комплект.

Макс еще только осознавал малоприятные обстоятельства, на возможность которых намекал Келли, когда Ногучи поднял голову.

— Ну вот с этим и кончено, босс.

— Отлично. — Келли повернулся к Максy. — Сделай мне одолжение. Засунь эти пленки в карман и

унеси их с собой. Хочу, чтобы их здесь не было. Я возьму их потом.

— Ну... хорошо. — Пока Ногучи разряжал камеру, Макс спросил у Келли. — Как ты думаешь, сколько времени потребуется, чтобы определить по спектрам, где мы находимся?

На лице Келли появилась какая-то обреченность.

— Макс, а с чего это ты взял, что мы обязательно что-то определим?

— Не понимаю.

— Чего ради что-нибудь из всего этого... — Он сделал широкий жест рукой, — ...должно соответствовать каким бы то ни было нашим картам?

— Ты хочешь сказать, — медленно проговорил Макс, — что может быть, мы вообще не в своей Галактике? Может быть, мы в какой-нибудь другой, вроде, скажем, Туманности Андромеды?

— Может, и так. Но даже это не все. Слушай, Макс, я — не физик-теоретик, уж это точно, но, насколько я знаю, все, что говорит теория, это то, что если ты превосходишь скорость света, ты вырываешься из своего пространства, куда-то в другое место. Ты не соглашаешься с этим пространством, оно тебя более не удерживает. Но то, куда ты попадаешь, если только ты не нацелился точно в Хорстову конгруэнтность, это совсем другое дело. Теория ничего об этом не говорит. Ведь не говорит?

У Макса разболелась голова.

— Послушай, я ведь не знаю.

— Вот и я не знаю. Но так как мы не прицелились точно, чтобы выскочить снова в свое пространство в другой его точке, мы можем быть сейчас где угодно. Я имею в виду — вообще где угодно. Мы можем находиться в другом пространстве — времени, абсолютно не связанном с нашим. — Он опять бросил взгляд на чужие звезды.

Макс спустился вниз, чувствуя себя еще хуже, чем раньше. По пути он встретил Саймса, поднимавшегося на пост; Астронавигатор зло посмотрел на него, однако не сказал ни слова. Когда Макс вошел в свою каюту, он положил пленки в ящик — потом немного поду-

мал, выдвинул ящик совсем и спрятал их в пустом месте позади него.

Макс сидел в своей каюте и чувствовал себя беспокойно. Больше всего его раздражала невозможность попасть на пост управления, очень хотелось самому поискать на новом небе известные звезды. Звезды типов В и О — это все прекрасно, но можно было придумать еще с полдюжины способов определиться. Например, шаровые звездные скопления — их было бы очень легко идентифицировать; подцепи их четыре штуки, и будешь знать, где находишься, так же точно, как если бы прочитал название улицы на углу. После этого осталось бы только все уточнить, и теперь уже было бы известно, какие звезды искать и где. А потом — со всех ног к ближайшей конгруэнтности, нанесенной на карту, сколько бы времени это ни заняло, хоть неделю, хоть год. Корабль не мог по-настоящему заблудиться.

А что, если они даже не в своей Галактике?

Эта мысль пугала его. Если это так, они никогда, до скончания света, не доберутся до дому. Эту мысль сменила другая, еще худшая. А что, если Келли прав в своих подозрениях и они — в совершенно другой вселенной, в другом пространстве-времени? Ну что тогда? Он читал достаточное количество философских размышлений, чтобы понимать, что нет никаких теоретических оснований для того, чтобы это было невозможным: Создатель мог сотворить бесконечное количество вселенных, может, довольно сходных друг с другом, а может, отличающихся друг от друга, как сыр от пятницы. Миллионы, миллиарды вселенных, все бок о бок друг с другом.

Другая вселенная могла иметь другие физические законы, другую скорость света, другую гравитацию, другой темп течения времени — они вполне могут, если сумеют вернуться, обнаружить, что прошло десять миллионов лет и Земля сгорела, как уголек в костре.

Но лампа над столом горела спокойно, сердце его билось так же, как всегда, подчиняясь привычным законам гидравлики, сидение стула прижималось к нему так же, как всегда; если это и было другое пространство, различия не были очевидны. И если это

действительно другая вселенная, с этим все равно ничего не поделать.

В дверь постучали, он впустил Келли, усадил его на стул, а сам сел на койку.

— Что-нибудь новенькое?

— Нет. Господи, как же я устал. Снимки у тебя?

Макс вытащил ящик, пошарил за ним и отдал пленки Келли.

— Слушай, шеф, у меня есть одна мысль.

— Давай.

— Предположим для начала, что мы в своей Галактике, потому что...

— Потому что, если это не так, то и пробовать что-либо нет смысла.

— Ну, вроде того. Ну так значит мы в Млечном пути. Тогда мы осматриваемся по сторонам, быстренько подсчитываем количество звезд на отдельных участках неба, отсюда оцениваем расстояние до центра Галактики и направление на него. Потом пытаемся идентифицировать спектры звезд, лежащих в этом направлении, решив сначала, какие будем искать, и прикинув видимые звездные величины для расстояния, полученного при оценке. Это даст нам...

— ...большую экономию времени, — устало закончил за него Келли. — Не учи дедушку жить. А какого лешего, ты думаешь, делал я все это время?

— Ой, прости, пожалуйста.

— Да нечего тут прощать. Наш глубокоуважаемый начальник и до такого додуматься не мог. Пока я пытался там работать, он ошивался вокруг, ища виноватых и пытаясь заставить меня сказать, что он был абсолютно прав, абсолютно во всем, — дрожал за свою шкуру вместо того, чтобы дрожать за свой корабль. Тьфу! И кстати, он забрал все записи, в точности, как я и думал. «Для того, чтобы показать Капитану», — так он объяснил. — Келли поднялся со стула. — Я, пожалуй, пойду.

— Не спеши. Я позвоню, чтобы принесли кофе.

— Он уже течет у меня из ушей. — Келли вынул пленки из кармана и задумчиво поглядел на них. — Я сказал Ногги снять все два раза, тут два комплекта пленок. Пожалуй, тут у тебя хорошее место для того,

чтобы прятать. Как ты думаешь, если мы спрячем здесь один комплект, и пусть он себе лежит. Как знать, может, и пригодится.

— Келли, неужели ты и вправду ожидаешь, что будет какая-нибудь история с этими записями? Я думаю, что с нас хватит и того, что мы заблудились.

— Ты так думаешь? Макс, когда-нибудь из тебя получится хороший офицер. Но ты же наивен, как ягненок. А вот я предпочитаю носить и подтяжки, и ремень. Так вернее. Я люблю по возможности оставлять как можно меньшее на произвол судьбы. Док Хендрикс — мир его праху — был точно таким же. — Келли подождал, пока Макс засовывал второй комплект пленок назад за ящик, а затем направился к выходу. У двери он остановился. — Забыл сказать тебе одну вещь. Так уж вышло, что мы выскочили довольно близко к одной звезде, да к тому же еще и G-типа.

— А, — Макс немного подумал. — Это не какая-нибудь из известных нам?

— Конечно, нет, а то бы я так и сказал. Мы не успели еще толком оценить расстояние, но считается, что это обычная планета, мы сможем добраться до нее не меньше, чем за четыре недели и не больше, чем за год, это — при большом ускорении. Тебе, наверное, интересно это узнать.

— Да, конечно. Спасибо. Только я не понимаю, что это меняет.

— Не понимаешь? А тебе не кажется, что нам сейчас совсем не плохо иметь поблизости от себя звезду солнечного типа и, вполне возможно, с планетами типа Земли, вращающимися вокруг нее?

— Ну, разве...

— А мне вот кажется. Все эти дела насчет Адама и Евы, мягко говоря, очень сложны, а нам, вполне возможно, предстоит долгая стоянка. — С этими словами он вышел из каюты.

Никто не пришел позвать Макса на обед; когда он заметил, что уже на несколько минут опаздывает, то отправился в гостиную. Большинство пассажиров уже сидело, кое-кто еще стоял, переговариваясь. Было невозможно не почувствовать какое-то беспокойство, витавшее в зале. Макс обратил внимание на то, что

Капитана не было за столом; не было также и мистера Вальтера. Когда он проходил к своему месту, мистер Хорнби попытался уцепиться за его руку. Макс отмахнулся от него:

— Простите меня, сэр. Я спешу.

— Подождите секунточку. Я только хотел Вас спросить...

— Простите, пожалуйста. — Он торопливо прошел к своему столу и сел на место. Главного Механика Компаньона не было видно, но все обычные пассажиры сидели на своих местах. Макс поздоровался:

— Добрый вечер, — и потянулся за суповой ложкой, чтобы хоть чем-то себя занять.

Супа на столе не было, ровно как и булочек с маслом, хотя со времени начала обеда прошло уже минут десять. Такое просто не могло произойти в царстве Главного Эконома Дюмона. Правда, если разобратся, и самого Дюмона не было нигде видно.

Миссис Дайглер положила руку ему на локоть.

— Макс? Расскажите мне, пожалуйста, что это за дурацкие слухи ходят по кораблю?

Макс попытался сохранить непроницаемое лицо.

— Какие слухи, мадам?

— Да Вы и сами должны были их слышать. В конце концов, Вы же занимаетесь астронавигацией. Говорят, что Капитан свернул не за тот угол, или как там еще, и в итоге мы падаем на звезду.

Макс попытался поубедительнее изобразить смешок.

— Кто это Вам такое сказал? Кто бы он ни был, он, скорее всего, не смог бы отличить звезду от собственного локтя.

— Вы не хотите обмануть свою старую тетю Мэгги?

— Я могу совершенно точно заверить Вас, что «Асгард» не падает на звезду. Или даже на звездочку. — Он повернулся к столу. — Зато создается впечатление, что в камбузе что-то и вправду упало. Обед страшно запаздывает.

Он ни к кому не поворачивался, пытаясь избежать дальнейших расспросов. Однако, это не помогло. Мистер Артур резко окликнул его:

— Мистер Джонс!

Макс повернулся.

— Да?

— Почему Вы от нас скрываете? Мне известно из надежных источников, что наш корабль потерялся.

Макс попытался изобразить на лице удивление.

— Что-то я не совсем Вас понимаю. Мы же, вроде, находимся в нем.

Мистер Артур негодуяще фыркнул:

— Вы прекрасно понимаете, о чем я говорю. Что-то пошло наперекосяк с как-там-это-называется — переходом. Мы заблудились.

Макс начал отвечать, как школьный учитель не слишком сообразительному ученику, загибая по очереди пальцы:

— Мистер Артур, я могу уверить Вас, что корабль не подвергается абсолютно никакой опасности. А что касается того, что мы заблудились, то я могу столь же твердо Вас уверить, что, если так и произошло, Капитан забыл сообщить мне об этом. В момент перехода я находился в посту управления, и он, по всей видимости, был вполне удовлетворен ходом дел. Вы не могли бы быть столь любезны, чтобы рассказать мне, кто распространяет такие небылицы? Это ведь очень серьезное дело, все всегда и начинается с таких слухов. Не раз бывало так, что люди впадали в панику.

— Ну... это был кто-то из команды. Я не знаю, как его звать.

Макс кивнул.

— Так я и думал. Так вот, из своего опыта я знаю, — продолжал он, цитируя своего дядю, — что быстрее света распространяется только одна вещь — слухи по кораблю. И им совсем не обязательно иметь под собой хоть какие-нибудь основания — они все равно распространяются мгновенно. — Он огляделся вокруг. — Но все-таки интересно, что там случилось с обедом? Не хотелось бы идти на вахту голодным.

Миссис Вебербаур нервно спросила:

— Так значит, у нас все в порядке, правда, Макс?

— С нами все в абсолютном порядке, мадам.

Миссис Дайглер наклонилась к его уху и прошептала:

— Макс, а чего это Вы вдруг так вспотели?

Спас его слуга из команды Эконома, торопливо подошедший к их столу и начавший расставлять та-

релки с супом. Макс остановил его, когда тот проходил мимо, и тихо спросил:

— Джим, а где Дюмон?

Официант ответил краешком рта:

— Стряпает.

— Что так? А где повар?

Официант нагнулся к нему и прошептал:

— Французик совсем скис. Думаю, он не может этого переварить. Ну, ты понимаешь, о чем я.

Макс отпустил его. Мистер Артур резко спросил:

— Что это он Вам сказал?

— Я просто пытался выяснить, что случилось на камбузе, — ответил Макс. — Создается впечатление, что повар привел себя в недееспособное состояние. — Он зачерпнул ложкой суп. — По вкусу этого супа я склонен предположить, что он сварил в нем свой палец. Довольно скверный вкус, правда?

От дальнейших уверток Макса спасло появление Первого Помощника. Мистер Вальтер подошел к капитанскому столу и постучал ложкой по бокалу.

— Внимание, пожалуйста! — Подождав, пока в зале воцарилась тишина, он вынул из кармана бумагу. — От имени Капитана я должен сделать вам объявление. Те из вас, кто знаком с теорией астронавигации, знают, что пространство, благодаря перемещению звезд, находится в постоянном изменении и что, вследствие этого, не бывает двух абсолютно одинаковых рейсов. Иногда, по этой причине, становится необходимым производить некоторые изменения в программе рейса. Именно такие обстоятельства возникли в текущем рейсе, и «Асгард» достигнет следующей своей точки назначения с некоторой задержкой. Мы крайне сожалеем, однако изменить законы природы не в наших силах. Мы выражаем надежду, что все вы воспримете эту задержку как очень незначительное неудобство, или даже приятное продолжение отпуска в дружественной и комфортабельной атмосфере нашего корабля. Не забывайте, пожалуйста, также, что страховой полис, прилагавшийся к вашему билету, полностью покрывает все потери и упущенные выгоды, которые могут возникнуть у вас из-за опоздания корабля.

Он спрятал бумажку в карман; у Макса создалось впечатление, что в действительности он по ней не читал.

— Это все, что хочет сообщить вам Капитан, но я хочу добавить еще кое-что и от себя. До меня дошло, что в связи с этим небольшим отклонением от расписания кто-то распространяет совершенно дурацкие слухи. Я хочу выразить свое сожаление, если кто-либо из вас был встревожен этими рассказами, и твердо уверить вас, что, если их автор будет обнаружен, к нему будут применены самые жесткие меры. — Тут Первый Помощник рискнул величественно улыбнуться. — Но вы же все понимаете, как трудно бывает проследить путь какой-нибудь вздорной сплетни. Во всяком случае я хочу вас уверить, что «Асгард» не подвергается ни малейшей опасности какого-либо рода. Эта старушка работала в пространстве задолго до рождения любого из нас, и она будет в расцвете сил, когда все мы уже умрем от старости — благослови Господь ее крепкие кости. — Он повернулся и, не задерживаясь, вышел из зала.

Макс выслушал этот монолог, раскрыв от восхищения рот. Он вырос в местности, где «треп» считался вполне уважаемым литературным жанром, и все же ему показалось, что ни разу в жизни он не слышал, чтобы ложь излагалась столь изящно, чтобы она столь мастерски переплеталась с правдой. Если брать по кусочку, невозможно было сказать, что какая-либо часть рассказа Первого Помощника лжива, но в целом это слагалось в утверждение, что «Асгард» не заблудился, а уж это-то была натуральная ложь. Он снова повернулся к своим соседям по столу.

— Передайте мне кто-нибудь, пожалуйста, масло.

Мистер Артур поймал его взгляд.

— И Вы говорили нам, — резко сказал он, — что ничего не произошло.

Мистер Дайглер прорычал:

— Отстаньте от него, Артур. Макс, если принять во внимание обстоятельства, вел себя очень порядочно.

У миссис Вебербаур на лице появилось удивление.

— Но ведь мистер Вальтер сказал, что все в порядке? Дайглер посмотрел на нее с сожалением.

— Мы влипли в неприятности, мамочка Вебербаур. Это совершенно ясно. Но нам не остается ничего другого, кроме как сохранять спокойствие и доверять офицерам корабля. Так, Макс?

— Пожалуй, что так, сэр.

ГЛАВА 15

Это же не прогулочка

Этим вечером и весь следующий день Макс почти не выходил из каюты, не желая отвечать ни на расспросы пассажиров, ни на вопросы, почему его освободили от вахт. Поэтому вышло так, что он пропустил бунт на борту, попросту проспал его. Впервые Макс узнал о бунте, когда уборщик, занимавшийся его каютой, появился с синяком во весь глаз.

— Кто это так Вас разукрасил, Гарсия?

— Да я точно и не знаю. Это получилось во время вчерашней заварушки.

— Заварушки? Какая такая заварушка?

— Вы что, хотите сказать, что ничего не знаете?

— Да я первый раз про это слышу. Что там произошло?

Гарсия Лопес задумчиво закатил глаза.

— Ну, я бы не хотел много про это рассказывать. Вы же понимаете, как это бывает, — никто не хочет доносить на своего товарища. Так ведь?

— Да кто тебя просит стучать на товарища? Мне совсем не нужны фамилии — но что там такое вышло?

— Ну так вот, сэр. Кое-кто из этих ребят довольно слабо соображает. — Понемногу Макс разобрал, что произошло. Беспокойство в команде было значительно сильнее, чем среди пассажиров, возможно, потому, что они яснее представляли себе ситуацию, в которую попал корабль. Кое-кто из них подкрепил свои мысли Джордановской водкой, и тогда они решили явиться к Капитану все вместе и потребовать прямого разговора. Драка произошла, когда Надзиратель попытался остановить их на трапе, ведущем на палубу С.

— Кто-нибудь пострадал?

— Да не то, чтобы пострадал, я бы так не сказал, ну, разве что порезался малость. Я вот получил эту штуку... — Он с нежностью потрогал свой глаз. — Потому что слишком уж хотел посмотреть, что там происходит. Этот скелет Ковак сломал ногу.

— Ковак! Он-то как попал в эту историю? — Было совершенно невероятно, чтобы кто-либо из их компании принял участие в таком безрассудстве.

— Он спускался вниз, наверное, шел с вахты. Может, он пытался помочь констеблю. А может, его просто дверью ударило. Вот Ваш дружок Сэм Андерсон — он-то уж точно был в самой гуще.

Сэм! Максу стало прямо нехорошо — Сэм снова нарвался на неприятности.

— Это точно?

— Да я же сам там был.

— Ээ, но он же не был главарем, правда, не был?

— О, да ты меня совсем не понял, М... мистер Джонс. Он все это дело и успокоил. В жизни своей не видел человека, который так здорово орудует руками. Он хватал двоих... трах! Их головы трескаются друг о друга. А потом он хватает двух следующих.

Макс решил выйти из своего укрытия, чтобы сделать две вещи: заглянуть к Коваку, узнать, в каком он состоянии и не нужно ли ему чего, а кроме того встретиться с Сэмом. Однако, не успел он выйти из каюты, пришел Смит с расписанием вахт, в котором он должен был расписаться. Из этой бумаги Макс выяснил, что назначен на попеременную вахту с Саймсом — и что он должен сию же минуту явиться на вахту. Он отправился наверх, размышляя на ходу, что это заставило Саймса сменить гнев на милость.

В помещении поста управления находился Келли. Макс огляделся по сторонам, но Саймса не было.

— Это Ваша вахта, шеф?

— Только пока ты меня не подменишь. Это моя последняя вахта.

— Чего это вдруг? Неужели теперь уже Вы стали любимой занозой в его заднице?

— Да, можно и так сказать. Но только не так, как ты думаешь. Он нарисовал это свое вахтенное расписание, и в нем мы с ним следовали друг за другом.

Тогда я вежливо указал ему на законы гильдии, на то, что мне не платят за то, чтобы я брал на себя ответственность за руководство вахтой.

— Ничего себе! И что же он тебе сказал?

— А что ему сказать? Он мог бы мне приказать в письменной форме, а я мог бы, точно так же, в письменной форме, согласиться, занеся свои возражения в вахтенный журнал — и тогда бы он хорошенько подставил себя. И у него остался не очень широкий выбор — опять поставить тебя в расписание, попросить Капитана подежурить через раз с ним или сказаться больным и уйти отдохнуть на пару неделек. Теперь, когда Ковак слег, выбора у него почти не осталось. Слышал про Ковака?

— Да. Расскажи, как там все было? — Макс глянул на Ногучи, скужавшего за компьютером, и понизил голос. — Бунт?

Келли сделал круглые глаза.

— Я что-то Вас не понимаю, сэр. Ковак поскользнулся и свалился с трапа.

— А, значит так?

— Так записано в журнале.

— Хм... Ну что ж, наверное, мне надо Вас подменить. Как тут обстановка?

Они шли с ускорением в направлении ближайшей звезды G-типа; приказы были занесены в книгу приказов Капитана... почерком Саймса, но с подписью Капитана Блейна. Почерк Капитана показался Максу неуверенным, дрожащим, словно он писал в сильном нервном возбуждении. Келли уже успел вывести корабль на нужный курс.

— Вы бросили попытки найти, где мы находимся?

— О, нет. Приказано заниматься этим столько времени, сколько позволят остальные дела. Но я ставлю семь против двух, что ты ничего не найдешь. Макс, это же какое-то совсем другое место.

— Не надо опускать руки. Откуда ты можешь это знать?

— Я не знаю, я чувствую.

Несмотря на слова Келли, Макс провел всю вахту в поисках. Без малейшей удачи. Спектрограммы, соответствующим образом снятые и обработанные, — для

звезд то же самое, что для людей отпечатки пальцев. Их можно классифицировать и потом проводить сравнение с теми из каталога, которые к ним наиболее близки. Макс нашел много спектрограмм, достаточно близко совпадающих с каталожными, однако всегда находилось какое-то отличие, вроде того, которое делает одного из близнецов не очень похожим на своего брата.

За пятнадцать минут до конца вахты он кончил это занятие и приготовился к смене. Ожидая Саймса, он думал о шутке, которую разыграл Келли для того, чтобы вернуть его на вахту. Молодец Келли! Он знал Келли достаточно хорошо, чтобы понимать, что благодарить его не надо; сделать так, значило бы заподозрить Главного Вычислителя в «неподобающем мотиве» — вполне достаточно подмигнуть ему. И не забывать про поддержку.

Саймс ворвался с опозданием на пять минут. Он ничего не сказал, только просмотрел вахтенный журнал и записи наблюдений, проведенных Максом. Макс подождал несколько минут, внутренне раздражаясь все больше и больше. В конце концов он произнес:

— Вы готовы подменить меня, сэр?

— Всему свое время. Я хочу посмотреть сначала, что ты нацарапал на этот раз. — Макс не ответил. Саймс ткнул пальцем в то место журнала, где Макс расписался, сопроводив подпись словами «старший по вахте». — Перво-наперво это неверно. Добавь «под руководством».

Макс глубоко вздохнул.

— Под чьим руководством, сэр?

— Моим.

Макс помедлил всего мгновение, прежде чем ответить:

— Нет, сэр. Только в случае, если Вы присутствуете во время моей вахты и наблюдаете за мной.

— Вы мне возражаете?

— Нет, сэр. Только я хотел бы получить относительно этого письменный приказ, занесенный в вахтенный журнал.

Саймс захлопнул журнал и медленно оглядел его с головы до ног.

— Сэр, если бы у нас не было нехватки персонала, Вы не стояли бы вахту. Вы не готовы руководить вахтой и, по моему глубокому убеждению, не будете готовы никогда.

— Если Вы так считаете, сэр, я вполне охотно вернусь к обязанностям Картографа. Или в команду Эконома.

— Там тебе и место! — Саймс почти кричал. Ногу-чи задержался после того, как его подменил Ланди. Они оба бросили взгляд на происходящее, затем отвернулись.

Макс совсем не старался говорить с Саймсом конфиденциально.

— Очень хорошо, сэр. Так Вы меня подмените? Я сейчас отправлюсь к Первому Помощнику и доложу ему, что снимаю с себя временное назначение и возвращаюсь к исполнению своих постоянных обязанностей.

Макс ожидал взрыва. Однако Саймс сделал видное невооруженным глазом усилие, чтобы сдержать себя, и ответил почти спокойно:

— Послушайте, Джонс, Вы как-то не так ко всему этому относитесь.

Макс подумал про себя:

— А что мне терять? — Вслух он произнес: — Это Вы не так ко всему относитесь, сэр.

— Э? Это что еще такое?

— Вы задевали меня с того самого момента, как я появился в Яме. Вы ни разу не побеспокоились о том, чтобы научить меня чему-нибудь, а вместо этого придирались ко всему, что бы я ни делал. А с того времени, как меня сделали стажером, все стало во много раз хуже. Вы заявили ко мне в каюту и сказали мне, что Вы против моего назначения, что Вы не хотите, чтобы я...

— Ты не можешь этого доказать!

— А мне и не надо доказывать! А теперь Вы говорите мне, что я не способен стоять вахту, на которую сами меня и поставили. Вы совершенно ясно сказали, что никогда не дадите мне рекомендацию для постоянного назначения, так что совершенно очевидно, что я только зря трачу время. В таком случае, я вернусь в

команду Казначая и буду делать там то, на что способен. А теперь, Вы все-таки подмените меня, сэр.

— Вы оскорбляете своего командира.

— Нет, сэр, я не оскорбляю. Я говорил с Вами вежливо, излагал факты. Я попросил подменить меня на вахте — моя вахта окончилась добрые полчаса назад, — чтобы иметь возможность обратиться к Первому Помощнику и вернуться к исполнению своих постоянных обязанностей. Как это допускается законами обеих гильдий, — добавил Макс.

— Я не разрешаю Вам.

— Я так решил, сэр. У Вас нет выбора.

По лицу Саймса было видно, что выбора у него действительно нет. Некоторое время он помолчал, затем произнес более спокойным голосом:

— Забудьте про все это. Я Вас подменяю. Возвращайтесь сюда в восемь.

— Не так сразу, сэр. Вы заявили публично, что я не компетентен возглавлять вахту. В таком случае я не могу взять на себя эту ответственность.

— Какого черта! Что это ты пытаешься сделать? Меня шантажировать?

Про себя Макс вполне с этим согласился, но вслух ответил:

— Я бы не назвал это так, сэр. Но Вы не можете иметь сразу и то, и это.

— Что ж. Я думаю, что Вы достаточно компетентны, чтобы стоять такие вахты. По правде говоря, тут и делать-то нечего.

— Очень хорошо, сэр. Не будете ли Вы добры занести это в вахтенный журнал?

— Что?

— В виду создавшихся обстоятельств, сэр, я вынужден настаивать на букве закона и просить Вас занести это в вахтенный журнал.

Саймс тихо выругался, затем схватил ручку и быстро что-то написал. Затем он повернул журнал к Макс.

— Вот.

Макс прочитал: «Мистер Джонс сочтен достаточно квалифицированным, чтобы возглавлять вахты в космосе, не связанные с аномалиями. (подп.) Саймс. Астронавигатор».

Макс, конечно, отметил про себя оговорку, которая даст Саймсу возможность помешать ему достичь постоянного статуса. Но Саймс остался в рамках закона. Кроме того, сказал себе Макс, он не хотел покидать компанию из Ямы. Он утешал себя той мыслью, что, так как они, видимо, окончательно заблудились, рекомендация Саймса может никогда ему и не понадобиться.

— Вполне удовлетворительно, сэр.

Саймс снова схватил журнал.

— А теперь марш отсюда. И чтобы были завтра здесь вовремя.

— Есть, сэр. — Макс не мог удержаться от того, чтобы не оставить последнее слово за собой. То, как он выстоял в схватке с Саймсом, ударило ему в голову. — Вы мне только что напомнили, сэр. Не будете ли Вы добры подменить меня после той вахты вовремя?

— Что?!

— Согласно закону человека нельзя заставлять работать больше, чем четыре часа из восьми, за исключением непредвиденных обстоятельств, занесенных в вахтенный журнал.

— Отправляйтесь вниз.

Макс пошел вниз. Он торжествовал, но заодно его и тошнило. Он не любил драк, никогда не любил, после них у него внутри что-то противно сжималось. Он ворвался в свою каюту и чуть не споткнулся о Сэма.

— Сэм!

— Он самый! Что это с тобой, сынок? Ты выглядишь так, словно за тобой гнались черти и хватали тебя за пятки.

Макс шлепнулся на койку и глубоко вздохнул.

— Я и вправду примерно так себя и чувствую. — Он рассказал Сэму про схватку с Саймсом.

Сэм одобрительно кивнул.

— Вот так и надо с такими типами — оскорбляй его, пока он не начнет извиняться. Будешь ставить ему синяки почаще, он с руки у тебя есть будет.

Макс тоскливо покачал головой.

— Сегодня я, конечно, порезвился, но он обязательно придумает, как на мне отыграться. Да бог с ним.

— Все это не так, парнишка. Ты только не давай ему повода и жди удобного случая. Если человек глуп и имеет плохой характер, — а этот твой Саймс такой и есть, я давно в нем разобрался, — а ты немного опасаясь и придерживаешь свой характер, в конце концов он обязательно раскроется. Такой уж у природы закон.

— Может быть. — Макс повернулся и сел на койке. — Сэм, да у тебя снова значок.

Сэм поддел пальцем значок, означавший, что он — Старший Надзиратель корабля.

— Ты что, только заметил?

— Наверное, я тут слишком быстро крутился. Ты мне расскажи, что, Первый решил вдруг все простить и все забыть?

— Не то чтобы. Ты уже знаешь про случай прошлой ночью?

— Кое-что. Но, как я понял, официально ничего не произошло.

— Именно так. Мистер Вальтер умеет не действовать со всего размаха.

— Так что же там было? Я уже слышал, что ты кого-то там черепами сталкивал.

— А ничего особенного. И все довольно тихо. Я бывал на таких кораблях, где заварушка вроде вчерашней сошла бы за небольшую разминку для улучшения пищеварения. Кое-кто из парней сдрейфил, и поэтому они отправились пить огненную воду. Затем пара типов с большими ртами и низкими лбами вдруг вдохновилась тем, что они имеют полное право обсудить все с Капитаном. Так как по сути своей они все овцы, то отправились стадом. Если бы они наткнулись на офицера, он мог бы безо всякого шума отправить их баиньки. Но вместо этого на них наварлся мой неудачливый предшественник, наварлся и велел им разойтись. Чего они не сделали. Боюсь, что с дипломатией у него слабовато. И он заорал: «Эй вы, мужлань», используя это трогательное архаическое выражение. Вот тогда-то все и началось.

— А ты как туда попал? Пришел ему на помощь?

— Ну конечно. Я просто стоял на безопасном расстоянии и получал удовольствие от зрелища, как вдруг

увидел, что по трапу спускаются домашние шлепанцы мистера Вальтера. По этому случаю я вступил в круг и сыграл заметную роль в концовке спектакля. Чтобы получить орден, Макс, самое главное — убедись точно, что на тебя смотрит генерал, а потом уж — за дело.

Макс ухмыльнулся.

— Я как-то раньше не считал, что ты склонен к героизму.

— Да упаси Господь. Но это сработало. Мистер Вальтер вызвал меня, сожрал меня с потрохами, объяснил мне, что я мерзавец, вор и негодяй, после чего предложил мне вернуть мой значок, если я сумею сохранять порядок в трюме. Я посмотрел ему прямо в глаза, честным таким и искренним взглядом, и сказал, что сделаю все, что смогу. И вот, я здесь.

— Я жутко рад, Сэм.

— Спасибо. А потом он посмотрел мне в глаза и сказал, что у него есть некоторые основания предполагать, — как будто он не знал! — что где-то на корабле может находиться самогонный аппарат. И приказал мне найти его и уничтожить заодно с любыми найденными спиртными напитками.

— Вот как? Ну и как же воспринял эту новость мистер Джи?

— Да как же, мы с пузатым разобрали вместе его аппарат и сложили все детали в кладовку, а потом заперли и все его торговые запасы. Я умолял его не дотрагиваться до всего этого, пока корабль не выберется из заварухи. Я объяснил ему, что если он что тронет, я переломаю ему руки. И одну, и другую.

Макс хихикнул.

— Ну что ж, я очень рад, что ты опять в фаворе. И молодец, что зашел сказать мне об этом. — Он широко зевнул. — Прости. Я прямо на месте засыпаю.

— Я сейчас уйду. Только я пришел не разговаривать с тобой, а задать тебе один вопрос.

— Какой?

— Ты видишь последнее время шкипера?

Макс припомнил.

— Со времени перехода — не видел. А что?

— И никто не видел. Вот я и подумал, может, он проводит все время в Хитрой Яме.

— Нет. Если подумать, его не было даже за столом во время обеда — по крайней мере, в те разы, когда я ем в гостиной.

— Так значит, он ест в каюте. — Сэм встал. — Интересно, очень интересно. Мм... Я бы на твоём месте не распространялся на эту тему, Макс.

Когда Макс сменил Саймса, тот не сказал почти ни слова. Не разговаривали они и в дальнейшем; Саймс, за исключением кратких формальностей при передаче вахты, вел себя так, словно Макс вообще не существует. Капитан на посту управления не показывался. Несколько раз Макс уже был на грани спросить про это Келли, но каждый раз решал воздержаться. Однако, по кораблю ползли слухи — Капитан болен, Капитан находится в коме, Вальтер и Главный Врач освободили его от исполнения обязанностей, Капитан не отходит от письменного стола, разрабатывая новый, удивительный способ вернуть корабль туда, где ему надлежит быть.

К этому времени все уже согласилось с тем, что корабль заблудился, но время истерик кончилось; пассажиры и команда были спокойны и, похоже, все были согласны с тем, что решение встать на орбиту вокруг звезды солнечного типа, к которой они двигались, было единственно разумным. Они подошли уже достаточно близко, чтобы иметь возможность определить — у звезды есть планеты — конечно же, никто еще не видел звезду G-типа без планет, но все равно, увидеть их на фотопластинке — это успокаивало.

Выбор пришлось делать между третьей и четвертой планетами. Болومترические измерения показали, что температура поверхности звезды немного превышает шесть тысяч градусов Кельвина, что вполне согласовывалось с ее спектром; это только чуть больше, чем у родного солнца. Вычисленные температуры поверхности третьей и четвертой планет показывали возможность того, что третья может оказаться неприятно жаркой, в то время как четвертая может быть заморозшей. И у той, и у другой были обнаружены атмосферы. Быстрый облет их по гиперболической орбите разрешил этот вопрос. Болومتر показал, что на третьей чрезмерно жарко, и даже на четвертой климат близок к тропическому. У четвертой была луна — еще одно ее

преимущество перед третьей, так как период обращения спутника давал легкий способ определить массу планеты. Исходя из этой массы и видимых размеров планеты, силы тяготения на ее поверхности можно было вычислить по классической Ньютоновой формуле. Результат был — девяносто три процента от тяготения на поверхности Земли, цифра удобная и несколько неожиданно низкая, принимая во внимание, что диаметр планеты превышал десять тысяч миль. Спектры поглощения показывали присутствие в атмосфере кислорода и нескольких инертных газов.

Саймс, ассистируемый Келли, вывел «Асгард» для удобства осмотра планеты на полярную орбиту — Максу, как обычно, осталось только кусать себе пальцы.

Капитан не пришел на пост управления даже во время этого маневра.

Они висели на полярной орбите, постоянно исследуя свой будущий дом с поста управления и рассматривая его сквозь иллюминаторы гостинной. Именно здесь, в гостинной, Элли наконец и настигла Макса. Он почти не видел ее во время приближения к планете. Во-первых, он был слишком занят и слишком измотан попеременными вахтами, а во-вторых, слишком много было у него на уме такого, что не хотелось бы ей говорить, а она сумела бы вытащить из него все. Однако, как только корабль был на постоянной орбите и двигатели выключены, согласно обычным правилам Саймс мог разрешить рядовым нести вахту — что он и сделал, велел Максу держаться подальше от поста управления.

Макс не мог устоять перед завораживающим зрелищем незнакомой планеты, он вместе с пассажирами не отходил от иллюминаторов гостинной. Тут он как раз и стоял, глядя через чужие плечи, когда кто-то ухватил его за руку.

— И где же мы все это время были?

— Работал. — Он протянул руку и погладил Чипси; паукообразный щенок перепрыгнул ему на плечо и начал шарить у него по карманам.

— Ерунда. Не все же время ты работаешь. Да знаешь ли ты, что только за последнюю неделю я послала в твою каюту девять записок?

Макс знал. Он сберег все записки, но отвечать не стал.

— Прости.

— Он еще говорит прости. Ну да ладно. Макс, расскажи мне все про эти дела. — Она повернулась и бросила взгляд в иллюминатор. — Как ее называли? На ней кто-нибудь живет? Где мы собираемся приземлиться? Макс, правда же, это здорово?

— Да никак ее еще не назвали — мы называем ее просто «планета» или «четвертая». Келли хочет назвать ее «Хендрикс». Саймс чего-то крутит. Я думаю, он хотел бы дать ей свое собственное имя. А Капитан, насколько я знаю, не принял еще никакого решения.

— Ее нужно назвать «Вера» или «Надежда», или как-нибудь в этом роде. А где Капитан, Макс, я ведь столько дней уже не видела старого лапушку?

— Он работает. Ты же понимаешь, в эти дни у него очень много работы. — Макс подумал про себя, что это его уклонение от ответа вполне может быть и правдой. — А что касается других твоих вопросов, то мы не заметили никаких признаков городов, или вообще чего-либо, похожего на цивилизацию.

— А что ты имеешь в виду под «цивилизацией»? Надеюсь, не уйму старых грязных городов?

Макс почесал голову и улыбнулся.

— Вот тут ты меня и поймала. Только я не понимаю, как может существовать цивилизация, какой бы она ни была, без городов.

— А почему нет? У пчел есть города, у муравьев есть города, у челабебов есть города. И никто из них не цивилизован. Легко могу себе представить хорошенькую цивилизацию, которая будет сидеть на деревьях, петь песенки и предаваться прекрасным размышлениям.

— И что, этого ты и хочешь?

— Нет, я бы умерла со скуки. Но могу же я думать об этом, правда? Ты не сказал мне, когда мы будем садиться.

— Я не знаю. Когда решат, что это не опасно.

— Поторопились бы они. Это же потрясюще, правда? Вроде Робинзона Крузо, или швейцарского семей-

ства Робинзонов — я их всегда путаю. Или вроде первых людей на Венере.

— Они погибли.

— Ну да. Но мы-то же не погибнем на... — Элли взмахом руки указала на красивый зеленый с синим и облачно-белым шар за иллюминатором, — на — Надежде, я буду ее так называть, чем-то она мне напоминает ее.

Макс рассудительно сказал:

— Элли, как ты не понимаешь, что все это очень серьезно? — Он говорил тихо, чтобы не потревожить окружающих. — Это не прогулка. Если планета окажется непригодной, положение может стать довольно трудным.

— Почему?

— Слушай, ты на меня не ссылайся, да и вообще говори об этом поменьше. Только я не думаю, чтобы кто-нибудь из нас вернулся домой.

Она мгновенно посерьезнела, потом пожала плечами и улыбнулась.

— Тоже мне, испугал. Ясное дело, я хотела бы домой — но если уж этого нельзя сделать, Надежда будет добра к нам. Я точно знаю.

Макс смолк.

ГЛАВА 16

«...Больше сотни лет»

«Асгард» совершил посадку на Надежде на следующий день. Элдрет сумела закрепить это имя за планетой, называя ее так, часто повторяя его, словно оно уже официально принято.

Когда стало известно, что посадка корабля начнется в полдень по корабельному времени, Макс пошел на пост управления, так как сам решил, что имеет полное право присутствовать. Саймс поглядел на него довольно недружелюбно, однако не сказал ни слова — по понятной причине: из-за присутствия Капитана Блейна.

Вид Капитана просто потряс Макса. Казалось, что он со времени неудачного скачка постарел на добрые десять, а то и пятнадцать лет. Место обычного его

веселого, приветливого выражения лица заняло другое, которому Макс не сразу даже смог подобрать определение — пока не вспомнил, что встречал такое у лошадей, слишком старых, чтобы работать, но продолжающих работать, — опущенная голова, глаза тусклые, невыразительные, смирившиеся с невыносимой, но неизбежной судьбой. Старческая кожа лица висела складками, словно он не ел много дней, а то и недель. Было похоже, что происходящее вокруг мало его интересует.

За все время маневра он заговорил лишь раз. Перед самым наступлением полдня Саймс, сидевший, склонившись над пультом, выпрямился и бросил взгляд на шкипера. Блейн поднял голову и произнес хриплым шепотом:

— Сажайте его, сэр.

Имперский военный корабль перед посадкой в незнакомом месте обычно спускает автоматический радарный маяк, а затем наводится на этот маяк сам. Но «Асгард» был коммерческим кораблем; он не должен был садиться нигде, кроме космопортов, оборудованных маяками и прочими вспомогательными средствами. Поэтому посадка была проведена вслепую, по предварительному расчету, при помощи радара и автоматического управления. Место для посадки было выбрано по фотоснимкам, в широкой долине, так как почти вся планета была покрыта густыми лесами, и выбора было мало.

Саймс являл собой картину искусного, осторожного пилота, руки его лежали на рукоятках управления, он не отрывал глаз от экрана радара, по которому плыло изображение лежащей внизу местности, в то время как над экраном были прикреплены фотографии — визуальные и радарные — место посадки — для сравнения. Снижение прошло безо всяких случайностей; усыпанное звездами небо сменилось темно-пурпурным, затем голубым. На корабле не шевельнулась ни одна чашка, так как локальное тяготение внутри его Хорстовского поля ограждало от воздействия любого внешнего ускорения. Макс понял, что они уже сели, только по тому, что Саймс выпустил опорные фермы, которые должны были удерживать корабль в вертикальном положении.

Саймс сказал в микрофон:

— Машинное отделение, заглушить силовую установку и запустить вспомогательные системы. Всей команде работать, руководствуясь первой частью наземной процедуры. — Он повернулся к Блейну. — Сели, Капитан.

Губы Блейна с трудом проговорили слова:

— Очень хорошо, сэр. — Он поднялся и поплелся по направлению к люку.

Когда Капитан ушел, Саймс приказал:

— Ланди, заступите на наблюдательную вахту. Остальным — очистить помещение!

Макс спустился вместе с Келли. Когда они достигли палубы А, Макс неохотно проговорил:

— Должен признать, это была отличная посадка.

— Спасибо, — сказал Келли.

Макс взглянул на него.

— Так это ты рассчитывал ее?

— Этого я не говорил. Я сказал только «Спасибо».

— Так? Ну что ж, не стоит благодарности. — Макс почувствовал вдруг, как вес его запульсировал, а потом немного уменьшился. — Они отключили поле. Вот теперь мы и вправду сели.

Он как раз собирался пригласить Келли в свою каюту на все тот же кофе, когда по корабельным громкоговорителям прозвучало:

— Всем членам команды и всем пассажирам! Явиться в гостиную палубы В для важного сообщения. Занятым на вахте приказываю слушать по телефону.

— Что там еще такое? — спросил Макс.

— Чего загадывать? Послушаем и узнаем.

Гостиная была переполнена пассажирами и членами экипажа. Первый Помощник Вальтер стоял у капитанского стола, глазами пересчитывая собравшуюся толпу. Макс заметил, как он что-то сказал Беннету, после чего тот кивнул и быстро исчез. Большой иллюминатор находился на противоположной от Макса стороне гостиной. Он поднялся на цыпочки, пытаясь увидеть, что там снаружи. Не было видно ничего, кроме вершин гор и голубого неба.

Шум в зале немного стих; Макс оглянулся и увидел Капитана, идущего сквозь толпу вслед за Беннетом.

Капитан подошел к столу и сел; Первый Помощник бросил на него взгляд, затем громко кашлянул.

— Тишина, пожалуйста.

Затем он продолжил:

— Я собрал вас всех потому, что Капитан Блейн хочет сделать заявление. — Он замолк и почтительно отступил в сторону.

Капитан Блейн медленно поднялся и неуверенно огляделся по сторонам. Макс увидел, как он распрямил свои исхудавшие плечи и поднял голову.

— Люди, — сказал он, и голос его неожиданно прозвучал громко и уверенно. — Друзья и гости, — продолжал он, уже более слабым голосом. В зале стояла полная тишина, Максу было даже слышно, как с трудом дышит Капитан. Он снова справился с собой и продолжал: — Я провел вас... Я провел вас, сколько смог. — Его голос ослабел, а потом и совсем стих. Он долго смотрел на них молча, с дрожащим ртом. Казалось уже, что у него не хватит сил продолжать. Присутствующие зашептались.

Но он все-таки заговорил снова, и все мгновенно стихли:

— Мне надо сказать вам еще кое-что, — начал он и замолк. На этот раз молчание продолжалось дольше, а когда он нарушил его, голос его звучал чуть громче шепота. — Простите меня. Храни вас бог. — Он повернулся и направился к двери.

Беннет неслышно появился впереди него. Макс услышал его тихий и решительный голос:

— На трапе! Пропустите, пожалуйста, Капитана.

До ухода Капитана ни один человек не проронил ни слова, только одна женщина рядом с Максом начала тихо всхлипывать.

В это время зазвучал громкий, ясный голос мистера Вальтера:

— Не расходитесь! У меня есть дополнительные сообщения! — В его манере говорить не было и следа неуверенности Капитана. — Подошло время окончательно разобраться в создавшемся положении. Как все вы можете видеть, эта планета очень похожа на нашу Землю. Конечно же, будут взяты пробы, чтобы убедиться в том, что воздух здесь пригоден для дыхания,

и все прочее: Врач и Главный Механик заняты этим в настоящий момент. Но уже сейчас создается впечатление, что эта новая планета окажется в высшей степени подходящей для людей, возможно, даже более подходящей, чем Земля.

Пока не было обнаружено никаких указаний на наличие здесь цивилизации. В целом, это тоже к лучшему. Теперь о наших ресурсах. На «Асгарде» находятся разнообразные домашние животные, они очень пригодятся, и их надо беречь, как племенное стадо. Еще больше у нас различных полезных растений, как на гидропонических посадках в корабле, так и в виде семян. У нас имеется не очень большой, но достаточный набор инструментов. И, что самое важное, корабельная библиотека дает отличный поперечный срез всей земной культуры. В равной степени важно и то, что мы сами обладаем своими умениями и традициями...

— Мистер Вальтер!

— Да, Мистер Хорнби?

— Вы хотите сказать, что собираетесь бросить нас здесь?

Вальтер холодно поглядел на него.

— Нет, никто не будет, как вы это назвали, «брошен». Вы можете остаться на корабле, и к Вам будут относиться, как к гостю, пока жив «Асгард» — или Вы сами. Или пока корабль не достигнет пункта, означенного в Вашем билете. Если только он это когда-либо сумеет сделать. Нет, я просто попытался спокойно обсудить то, что, собственно говоря, известно вам всем — то, что наш корабль заблудился.

По залу пронесся еле слышный вздох. Что корабль заблудился, все они знают, но до настоящего момента это не было признано официально. Прямое, не оставлявшее места для сомнений, заявление авторитетного офицера прозвучало как приговор.

— Теперь позвольте мне рассмотреть положение с точки зрения закона, — продолжил мистер Вальтер. — Пока наш корабль находился в космосе, вы, как его пассажиры, в соответствии с законом были обязаны подчиняться Капитану, а также мне и прочим офицерам, выступавшим от его имени. Теперь мы совершили посадку. Вы имеете право совершенно свободно

уйти, а можете, если желаете, остаться. С юридической точки зрения — это незапланированная стоянка; если корабль когда-либо взлетит отсюда, вы можете вернуться на него и продолжить полет, как пассажиры. Это моя обязанность перед вами, и я ее выполню. Но я прямо и откровенно вам говорю, что в настоящий момент у меня нет ни малейшей надежды на то, что мы когда-либо отсюда выберемся — почему я и начал говорить о колонизации. Мы заблудились.

Где-то в глубине зала одна из женщин залилась вдруг истерическим воплем, выкрикивая бессвязные слова:

— ... Домой! Я хочу домой! Пустите меня...

Голос Вальтера прорезал шум, поднявшийся в зале.

— Дюмон! Флэннигэн! Выведите ее. Отведите ее к врачу.

Потом он продолжил, словно ничего не случилось.

— Корабль и его команда окажут необходимую поддержку в размерах, соответствующих моей ответственности за поддержание корабля в рабочем состоянии, тем из вас, кто захочет заняться колонизацией планеты. Я лично думаю, что...

Его прервал уверенный голос.

— Зачем эти разговоры о «законе». Здесь нет законов.

Вальтер даже не повысил голоса.

— Законы, несомненно, есть. Пока этот корабль находится в эксплуатации, законы есть, в скольких бы световых годах ни находились мы от порта его приписки. Далее, хотя я не обладаю властью над теми из вас, кто пожелает покинуть корабль, я настоятельно вам советую по выходе на поверхность самым первым делом созвать общее собрание, избрать руководителей и создать конституционное правительство. Я очень сомневаюсь, что в противном случае вы сумеете выжить.

— Мистер Вальтер!

— Да, Мистер Дайглер?

— Конечно же, сейчас не время для обвинений...

— Конечно.

Дайглер криво улыбнулся.

— Поэтому я и не буду ими заниматься, хотя некоторые и вертятся на языке. Но так уж случилось, что я знаю кое-что по вопросу экономики колонизации профессионально.

— Очень хорошо. Мы обязательно используем ваши познания.

— Вы позволите мне закончить? Первый и основной принцип ведения дел в колонии, отрезанной от источников снабжения — это сделать ее достаточно большой. Это просто вопрос статистики, слишком маленькая колония может погибнуть от какой-либо мелкой неполадки. Это все равно, что играть в кости, имея слишком мало в кармане: три раза подряд неудача, и тебе конец. Глядя вокруг, я с очевидностью понимаю, что мы имеем гораздо меньше оптимального минимума. Если уж быть точным...

— Это все, что у нас есть, мистер Дайглер.

— Я понимаю. Я не любитель предаваться бесплодным мечтаниям. Я хочу знать следующее, можем ли мы рассчитывать также и на команду?

Мистер Вальтер покачал головой.

— Этот корабль не будет выведен из эксплуатации, пока есть люди, способные работать на нем. Всегда остается надежда, как бы она ни была мала, что мы найдем путь домой. Не исключено даже, что нас найдет какой-либо Имперский разведывательный корабль. Мне жаль так отвечать, но — нет.

— Я спросил не совсем про это. Я находился в своих рассуждениях на пару шагов впереди Вас. Я и сам сообразил, что Вы не разрешите команде заняться колонизацией. Но все-таки можем мы рассчитывать на их помощь? У нас, похоже, имеется шесть женщин — одной больше, одной меньше, — которые, вероятно, помогут нашей расе не исчезнуть здесь. Это значит, что следующее поколение нашей новой нации будет значительно меньше. Такая колония потухнет, просто по статистической вероятности, если только каждый работоспособный мужчина не будет работать по десять часов в день весь остаток своей жизни, просто для того, чтобы дать нашим детям большие шансы выжить. Я лично не имею ничего против этого, если только все мы вместе предпримем такую попытку. Но для того, чтобы быть уверенными, что эти молодые люди, которые еще и не родились, будут живы через тридцать лет, потребуется вся наша рабочая сила. Так поможет нам команда?

Мистер Вальтер спокойно сказал:

— Я думаю, что Вы можете на это рассчитывать.

— Рад это слышать.

Маленький человек с красным лицом, имени которого Макс не знал, прервал их.

— Какого черта «рад слышать». Да я сам лично возбужу судебное преследование против офицеров корабля. Я буду кричать со всех...

Макс заметил, как Сэм тихо проскользнул сквозь толпу к говорившему, после чего тот резко смолк.

— Отведите его к врачу, — устало сказал мистер Вальтер. — Он успеет подать на нас в суд завтра. Собрание закончено.

Макс направился в свою каюту. Элдрет поймала его по пути.

— Макс! Я хочу с тобой поговорить.

— Хорошо. — Он направился назад в гостиную.

— Нет, я хочу поговорить с глазу на глаз. Пошли в твою каюту.

— Да? Миссис Дюмон, если узнает, выйдет из себя, а потом расскажет мистеру Вальтеру.

— А, к чертовой матери их обоих. Всем этим дурацким правилам теперь конец. Ты что, ничего не слышал на собрании?

— Похоже, это ты не слышала.

Он крепко взял ее за руку и повернул в сторону гостиной. Они наткнулись на мистера и миссис Дайглер, шедших им навстречу.

Дайглер сказал:

— Макс? Ты занят?

— Да, — ответила Элдрет.

— Нет, — ответил Макс.

— Хм... Вы бы решили вопрос голосованием. Я хотел бы кое о чем спросить Макса. У меня нет никаких возражений, чтобы и Вы при этом присутствовали, Элдрет, если только Вы простите, что я вам помешал.

Она пожала плечами.

— Ладно, может быть Вы сумеете как-нибудь с ним сладить. Я не могу.

Они отправились в каюту Дайглеров, более вместительную и роскошную, чем каюта Макса. В ней были

даже два стула. Женщины пристроились на кровати, мужчины поделили между собой стулья. Дайглер начал:

— Макс, Вы производите на меня впечатление человека, предпочитающего прямой ответ всяким увиливаниям. Есть некоторые вещи, которые я хотел бы знать, но не хотел о них спрашивать там. Может быть, Вы сможете мне помочь.

— Хорошо, если только это будет в моих силах.

— Отлично. Я попытался уже спросить мистера Саймса, но не получил от него ничего, кроме вежливого отказа. Я не сумел повидаться с Капитаном, а после сегодняшнего я вижу, что все равно в этом не было большого смысла. Так вот, можете ли Вы, не залезая во всю эту математику, сказать мне, какой у нас есть шанс попасть домой? Один из трех, один из тысячи — или сколько?

— Хм, я не смогу ответить в таких терминах.

— Ответьте тогда, как Вы сами это понимаете.

— Ну, можно сказать так. Мы не знаем, где мы находимся, но мы совершенно точно понимаем, где мы не находимся. Мы не находимся на расстоянии, скажем, в сотню световых лет от любой из исследованных областей нашей Галактики.

— Откуда Вы это знаете? Мне казалось, что сотня световых лет — это слишком большое пространство, чтобы его исследовать за те несколько недель, которые прошли с того времени, как мы сбились с пути.

— Конечно же, это очень большое пространство. Это сфера поперечником в двенадцать сотен триллионов миль. Но нам и не нужно было его исследовать, точнее — тщательно исследовать.

— В таком случае — откуда же Вы знаете?

— Понимаете, сэр, мы исследовали спектры всех видимых нам звезд до первой величины — и уйму всего другого. Ни одной из них нет в наших каталогах. Некоторые из них — гиганты, которые должны иметь первую величину с расстояния в сотню световых лет — они-то наверняка были бы в каталогах, если бы какой-нибудь из разведывательных кораблей как раз оказался на таком расстоянии от них. Поэтому мы абсолютно уверены, что находимся очень, очень далеко от любого места, где человек бывал раньше. Если уж

говорить точно, я был чересчур осторожен в своей оценке. Сделайте эту сферу в два раза больше по диаметру, и все равно оценка будет очень осторожной. Мы и вправду заблудились.

— Мм... Хорошо, что я не стал спрашивать об этом в гостиной. Так есть все-таки хоть какая-нибудь вероятность, что мы когда-нибудь узнаем, куда мы попали?

— О, конечно же. Остались еще тысячи звезд, которые можно исследовать. Шеф Келли, вполне вероятно, в эту самую минуту снимает одну из них.

— Ну, в таком случае каковы же шансы на то, что в конце концов мы определимся?

— О, я бы сказал, что они очень велики — за год, самое большее — за два. Если не по одиночным звездам, то по шаровым звездным скоплениям. Вы же понимаете, что поперечник Галактики что-то около сотни тысяч световых лет, и мы видим только те звезды, которые близки к нам. Но шаровые скопления тоже представляют собой отличные ориентиры. — Про себя Макс сделал оговорку: «Если только мы не в другой Галактике». Не было смысла в том, чтобы сваливать на них еще и это.

Дайглер немного расслабился и вытащил сигару.

— Это последняя моего любимого сорта, но я уж рискну выкурить ее сейчас. Ну что ж, Мэгги, похоже, тебе все-таки не придется учиться делать мыло из древесной золы и свиного навоза. Один это будет год, или целых пять, но мы можем попотеть это время, а потом отправиться домой.

— Я очень рада, — она потрогала свою причудливую прическу кончиками мягких, прелестных, ухоженных пальцев. — Но, не думаю, чтобы я очень подошла для такого дела.

— Но Вы же меня не поняли?

— Э? А что там еще, Макс?

— Я же не сказал, что мы можем вернуться. Я только сказал, что, по моему мнению, очень вероятно, что мы выясним, куда мы попали.

— А в чем же тут разница? Мы узнаем это, а потом отправимся домой.

— Нет, потому что мы никак не можем быть в менее чем сотне световых лет от исследованного пространства.

— Не понимаю, в чем тут заковыка. Этот корабль может в долю секунды перескочить за сотню световых лет. Какой там был самый большой скачок за время этого рейса? Около пятисот световых лет, ведь правда?

— Да, но... — Макс повернулся к Элдрет. — А Вы понимаете? Правда понимаете?

— Ну, может быть. Это все эти истории со сложным шарфом, которые Вы мне рассказывали.

— Да, конечно, да. Мистер Дайглер, конечно же, «Асгард» может покрыть расстояние в пять сотен световых лет практически мгновенно — да и любое другое расстояние. Но только через рассчитанные и исследованные конгруэнтности. Мы не знаем ни одной в радиусе сотни световых лет, и не будем знать о такой конгруэнтности, даже если выясним, где находимся, потому, что мы же знаем, где мы не находимся. Вы понимаете? Это обозначает, что нашему кораблю потребуется идти на максимальной скорости больше сотни лет, а может — и значительно дольше для того, чтобы пройти первый участок обратного пути.

Мистер Дайглер задумчиво оглядел столбик пепла на конце своей сигары, потом вынул перочинный ножик и аккуратно отрезал горящий кончик.

— Пожалуй, остальное я сэкономлю. И знаешь, Мэгги, ты бы, пожалуй, подучилась бы на счет этого самодельного мыла.

— Спасибо, Макс. Мой отец был фермером, я смогу научиться.

Макс порывисто сказал:

— Я помогу Вам, сэр.

— Да, конечно, Вы же рассказывали нам, что были раньше фермером, не правда ли? У Вас-то все будет в порядке. — Он перевел взгляд на Элдрет. — Вы знаете, ребята, что бы я сделал на вашем месте? Я бы попросил Капитана поженить Вас прямо сейчас. Вот тогда у Вас все будет как надо для того, чтобы хорошо справиться с жизнью поселенцев.

Макс покраснел до ушей и не смотрел на Элли.

— Боюсь, что я не могу. Я же член команды, я не имею права становиться поселенцем.

Мистер Дайглер с любопытством посмотрел на него.

— Какая преданность долгу! Ну что ж, без всяких сомнений Элли сможет выбирать по своему желанию среди холостых пассажиров.

Элдрет с притворной скромностью расправила свою юбку.

— Без всяких сомнений.

— Пошли, Мэгги. Вы идете, Элдрет?

ГЛАВА 17

«Надежда»

Уже через несколько недель в поселке жизнь была ключом. Был свой мэр, мистер Дайглер, своя главная улица — Хендрикс-авеню. Состоялось даже первое бракосочетание, проведенное мэром в присутствии свидетелей из поселенцев — молодоженами были мистер Артур и маленькая Бекки Вебербаур. Первый дом, находившийся в процессе постройки, был заранее отведен для новобрачных. Это была бревенчатая хижина, сооружение довольно неаккуратное, так как, несмотря на то, что среди поселенцев и были люди, видевшие бревенчатые дома на картинках или даже в натуре, с практическим опытом строительства они знакомы не были.

В новорожденной общине царил дух надежды, всеобщей отваги и даже веселья. Мысли о том, чтобы «начать жизнь с чистой страницы» и далеко идущие планы переполняли поселенцев. Спали они все еще на корабле, там же и завтракали, затем захватывали с собой обед и неутомимо трудились, как мужчины, так и женщины, весь здешний день напролет. День был коротковат, «Надежда» обращалась вокруг своей оси за двадцать один с минутами час. Возвращались, когда совсем темнело, ужинали на корабле, а потом некоторые даже находили откуда-то силы потанцевать немного перед сном.

Впечатление создавалось, что «Надежда» полностью оправдывает свое название. Дни были теплыми, но не

жаркими, ночи умеренно прохладными — и все прекрасно вне всякого сравнения с чем-либо еще, найденным в Галактике прежде. Центральную звезду системы (они называли ее попросту «Солнце») сопровождали кометы в количестве, невиданном нигде прежде. Гигантская комета с широченным хвостом простиралась от зенита до горизонта на западе, нацеливаясь прямо в здешнее солнце. Другая, не столь грандиозная, однако, тоже внушающая почтение в достаточной степени, чтобы, будь это на Земле, переполюшить всех прорицателей конца света, приближалась с севера, а еще две кружевом холодного огня украшали небосклон на юге.

Кометам сопутствовало, как это и должно быть, такое же изобилие метеоров. Каждая ночь была ливнем падающих звезд, каждый день заканчивался, подобно Дню Солнечного Союза, грандиозным фейерверком.

Никто не встретил опасных животных. Кое-кто из поселенцев рассказывал, что им встречались кентаврообразные существа размером с шотландского пони, однако, эти животные были пугливыми и, увидев людей, сразу же убегали. Преобладали в местной фауне сумчатые млекопитающие самых разнообразных форм и размеров. Птиц не было, однако, имелась совсем иная разновидность летающих существ, не встречавшаяся ранее нигде — медузообразные твари, высотой четыре-пять футов, со свисающими вниз щупальцами — нечто вроде живых воздушных шаров. Они, похоже, были способны с помощью мускулатуры управлять своими раздутыми пузырями, так как они могли подниматься и опускаться. Каким-то непонятным образом эти пузыри могли даже летать против слабого ветерка — при более сильном ветре они либо прицеплялись верхушкам деревьев, либо дрейфовали по ветру.

Их, похоже, заинтересовал поселок — они висели над работающими людьми, медленно поворачиваясь, словно хотели разглядеть все получше. Некоторые из поселенцев хотели подстрелить одно из этих существ, чтобы рассмотреть поближе; мэр Дайглер запретил это делать. Была еще одна разновидность животных — скорее, видимо, была. Их называли «шпионами», потому что люди видели только, как нечто мгновенно скрывалось за валуном или стволом дерева, при пер-

вой же попытке рассмотреть это нечто. В компании вездесущих воздушных шаров и полумифических «шпионов» поселенцы ощущали, что их соседи проявляют большой, однако, не враждебный, интерес к тому, чем они тут занимаются.

Мэгги Дайглер — теперь ее все называли «Мэгги» — убрала свои драгоценности, обзавелась на корабельном складе комбинезоном и коротко обстригла волосы. Ногти ее теперь были короткими с черным ободком грязи вокруг. Зато выглядеть она стала значительно моложе и была вполне довольна жизнью.

Если уж так говорить, жизнью были довольны все, за исключением Макса.

Элли избегала его. Он днем и ночью проклинал себя и свой язык. Конечно же, Дайглер заговорил не вовремя и не по делу, но это еще не причина, чтобы он, Макс, открывал рот и высказывал то, что думает. Ясное дело, он никогда не собирался жениться на Элли, но какого черта, ведь, может быть, они застряли здесь навсегда. Не «может быть», а «скорее всего», поправил он себя. Со временем запрещение присоединяться к поселенцам будет снято — а в таком случае какой смысл иметь плохие отношения с единственной подходящей девушкой в округе?

Астронавигатор, конечно, должен быть холостяком, но фермеру нужна жена. Хорошо же, чтобы кто-нибудь готовил салат и потрошил куренка, пока ты выкладываешься в поле. Уж он-то должен бы понимать это — Мамочка очень часто пренебрегала такими делами. Но Элли не будет вроде Мамочки. Она была сильной и практичной, ей только чуть подучиться, и все будет как надо.

А к тому же она была, пожалуй, самой хорошенькой девушкой, какую он только видел в жизни, конечно, если к ней присмотреться.

Когда Мистер и Миссис Дюмон, по особому разрешению, присоединились к поселенцам, он решил, что пришло время действовать. Так как на корабле, лишенном пассажиров, эконома и экономки работы не остается, их уход не мог вызвать никаких обоснованных возражений; это подсказало Макс, с какой стороны зайти. Он отправился к Первому Помощнику.

Вальтер бросил на него взгляд.

— Я бы, пожалуй, на Вашем месте сказал «Ассистент Астронавигатор Джонс». Это было бы ближе к действительности. Так что там у Вас?

— Да я, пожалуй, как раз про это и хотел поговорить с Вами, сэр.

— Да? А что?

— Я хочу вернуться к своим первоначальным обязанностям.

— Как? Чего это ради Вам больше хочется быть картографом, чем астронавигатором? Да и какая Вам разница — сейчас?

— Нет, сэр. Я желал бы возобновить исполнение моих обязанностей третьего Помощника Эконома.

Вальтер выглядел крайне пораженным.

— Для этого, видимо, должны быть какие-то причины. Объясните, пожалуйста.

Заикаясь и запинаясь, Макс в конце концов рассказал о своих отношениях с Саймсом. Он старался быть честным и закончил свой рассказ с неприятным ощущением, что все это звучало очень по-детски.

— Вы это точно говорите? — спросил Вальтер. — Мистер Саймс ничего мне про Вас не говорил.

— Да он и не станет, сэр. Но все это правда. Вы можете спросить Келли.

Вальтер немного подумал.

— Мистер Джонс, я бы не придавал этому слишком большого значения. В Вашем возрасте такие конфликты зачастую кажутся более серьезными, чем они есть на самом деле. Я бы Вам посоветовал забыть про все это и продолжать работать. А я поговорю с Саймсом насчет того, что он не пускает Вас на пост управления. Это нехорошо, и я узнал об этом с крайним удивлением.

— Нет, сэр.

— Что «нет, сэр»?

— Я хочу снова быть Помощником Эконома.

— Почему? Я что-то Вас не понимаю.

— Это потому, что я хотел бы присоединиться к поселенцам. Как Главный Эконом Дюмон.

— О... Вот теперь наконец-то забрезжил какой-то свет. Ни в коем случае, нет! Ни при каких обстоятель-

ствах. — Для подкрепления своих слов Вальтер даже ударил ладонью по столу.

— Сэр?

— Поймите меня, пожалуйста, правильно. Это никакая не дискриминация. Если бы Вы были просто парнем из команды Эконома и не больше, я рассмотрел бы Вашу просьбу — принимая во внимание особые обстоятельства, которые, по моему мнению, в данном случае имеются. Но Вы — Астронавигатор. Вы же знаете, в каком положении мы находимся. Доктор Хендрикс умер. Капитан Блейн — ну Вы же видели его сами. Он, может, и оправится, но рассчитывать на это я не могу. Мистер Джонс, пока остается хоть малейшая надежда на то, что этот корабль когда-либо снова поднимется, пока у нас будет команда, могущая его вести, ни один астронавигатор, ни один картограф, ни один вычислитель ни при каких условиях не будет освобожден от исполнения своих обязанностей. Вы меня понимаете, не правда ли?

— Думаю, да, сэр. Что ж, есть, сэр.

— Ну и хорошо. Кстати, никому не рассказывайте про это, как только колония сможет некоторое время обойтись без нас, я собираюсь вывести корабль на орбиту, чтобы вы, специалисты, смогли заняться поисками. Вам же трудно работать через эту атмосферу, верно?

— Да, сэр. Наши приборы приспособлены для работы в открытом космосе.

— Ну вот мы и постараемся его вам предоставить. — Помолчав, Первый Помощник добавил: — Мистер Джонс — Вас ведь зовут Максом, верно? Разрешите мне поговорить с Вами, как мужчина с женщиной.

— Э? Конечно, сэр.

— Мм... Макс, это, конечно, не мое дело, но постарайтесь отнестись к этому, как к отцовскому совету. Если у Вас появилась возможность жениться — и Вы хотите это сделать... Вам же совсем не обязательно для этого переходить в поселок. Если мы здесь застрянем, в конечном итоге не будет иметь значения, член вы команды или полноправный поселенец. Ну а если мы улетим отсюда, жена отправится с Вами.

Уши у Макса горели. Он не мог придумать, что бы ему ответить.

— Это все, конечно, совершенно гипотетично. Но это не решение проблемы. — Вальтер поднялся. — Почему бы Вам не взять выходной? Идите, погуляйте, или что там. Свежий воздух пойдет Вам на пользу. А с мистером Саймсом я поговорю.

Вместо этого Макс отправился на поиски Сэма, не нашел его на корабле и выяснил, что тот сошел на поверхность. Макс отправился следом за ним в поселок, строившийся в полумиле от корабля.

Не успел он подойти к строившемуся дому, как увидел, что от бригады, трудившейся там, отделилась одна фигура. Вскоре он разобрал, что это Элдрет. Она остановилась перед ним, маленькая крепкая фигурка в грязном комбинезоне. Она твердо поставила ноги и уперлась кулачками в бедра.

— Приветик, Элли.

— Так ты опять за старое? Избегаешь меня? Объясни, пожалуйста, свое поведение.

От несправедливости такого обвинения он даже стал заикаться.

— Но... Да ты послушай, Элли, это же все совсем не так. Ты все это время...

— Вот я сразу тебе и поверила. Ты похож сейчас на Чипси, когда ее поймает ворующей конфеты из конфетницы. Я хотела только сообщить Вам, неуступчивый Вы Дон Жуан, что беспокоиться Вам пока не о чем. В этот сезон я не собираюсь ни за кого выходить замуж. Так что можете вернуться к своему обычному непостоянству.

— Да послушай, Элли... — начал он с отчаянием.

— Вы желаете, чтобы я подтвердила это в письменной форме? Взяла на себя обязательство? — Она яростно поглядела на него, а затем, сморщив носик, расхохоталась. — Ох, Макс, чурка ты здоровенная, ты всегда вызываешь во мне вечное материнское чувство. Когда ты расстраиваешься, лицо у тебя становится длинным, как у мула. Послушай, забудь про все это.

— А как же, Элли... Ладно, все в порядке.

— Друзья?

— Друзья.

Она вздохнула.

— Ну вот так-то лучше. Не знаю почему, но я очень не люблю, когда с тобой поссорюсь. Ты сейчас куда?

— Да никуда особенно. Просто гуляю.

— Ну и хорошо. И я тоже пройдуся. Подожди секунду, пока я захвачу Чипси. — Она повернулась и позвала: — Мистер Чипс! Чипси!

— Чего-то я ее не вижу.

— Сейчас я ее возьму. — Элли убежала и вскоре вернулась с паукообразным щенком на плече и со свертком в руке. — Я прихватила заодно и свой обед. Мы можем поделиться.

— Да мы же не будем так долго гулять. Привет, Чипси.

— Привет, Макс. Конфета?

Он залез в карман и вытащил оттуда кусочек сахара, отложенный несколько дней тому назад как раз для этой цели; паукообразный щенок с невероятной серьезностью принял его и сказал:

— Благодарю Вас.

— Да, как раз будем, — возразила Элли, — так как кто-то тут видел стадо этих кентавровых пони на той стороне того хребта. До туда порядочно.

— Что-то не знаю я, стоит ли заходить так далеко, — сказал он с сомнением в голосе. — Они не начнут тебя искать?

— Я свою норму выполняю. Хочешь посмотреть на мозоли? — Она сунула ему под нос свою грязную лапку. — Я сказала мистеру Хорнби, что неожиданно почувствовала смертельное недомогание и поэтому ему придется подыскать кого-нибудь другого, чтобы держать доски, пока он заколачивает гвозди.

Макс с удовольствием сдался. Они стали понемногу подниматься, потом пошли по руслу высохшего ручья и вскоре оказались в хвойных зарослях. Мистер Чипс соскочила с плеча Элли и мгновенно вскарабкалась на дерево. Макс остановился.

— Может, нам лучше поймать ее?

— Ты слишком много беспокоишься. Чипси никуда не убежит. Она бы перепугалась до смерти. Чипси! Сюда, крошка!

Паукообразная собака пробралась сквозь сплетение ветвей, оказалась прямо над их головами и сбросила шишку на Макса. Потом она засмеялась тонким, заливистым хихиканьем.

— Вот видишь? Ей же просто поиграть хочется.

Хребет был довольно высоким, и Макс обнаружил, что, пока находился среди звезд, порядком растерял свою выносливость горца. Сухое русло, петляя, медленно поднималось вверх. У Макса еще оставалось достаточное количество лесных привычек, чтобы внимательно следить за направлением движения и ориентирами. В конце концов, совсем уставшие, они перевалили через хребет. Элли остановилась.

— Они, наверное, убежали, — сказала она разочарованно, глядя на расстилавшуюся перед ними равнину. — Нет! Гляди туда. Видишь их? Десятка два маленьких черных пятнышек.

— Угу. Да.

— Подойдем к ним поближе. Я хочу получше их рассмотреть.

— Не знаю, стоит ли? Мы и так уже довольно далеко от корабля, а я без оружия.

— Да они же никого не тронут.

— Я думаю о том, что еще может водиться в этом лесу.

— Да мы же уже ходили в этот лес и не видели ничего страшного, кроме этих пузырей. — Она имела в виду летучие существа, двое из которых следовали за ними вдоль сухого ручья. Люди уже так привыкли к их присутствию, что не обращали на них никакого внимания.

— Элли, пора возвращаться.

— Нет.

— Да я же за тебя отвечаю. Ты уже посмотрела на этих своих кентавров.

— Макс Джонс, я свободная гражданка. Вы можете, если желаете, идти назад, а я намерена посмотреть поближе на этих вислобрюхих кобылок. — Она направилась вниз.

— Ну что ж. Подожди секунду, я хочу запомнить ориентиры. — Он оглядел все окрестности, навсегда запечатлел картину в своем мозгу и последовал за ней.

Макс старался по возможности ни в чем ей не перечить. Он постоянно думал о том, что сейчас самое время объяснить ей, почему он сказал мистеру Дайглеру то, что сказал. А может потом непринужденно перейти к вопросу об их будущем. Он бы не хотел заходить так далеко, начав говорить с ней о браке, хотя, может, он и заговорит об этом абстрактно, если только сумеет придумать, как к этому подойти.

А как подойти к такому вопросу? Нельзя же просто сказать: «Вон там пузыри летят, давай поженимся».

Элли приостановилась.

— Вон там пузыри летят. Похоже, что они направляются прямо к стаду.

Макс нахмурился.

— Похоже. Может, они с ними разговаривают?

Она рассмеялась.

— Эти штуки? — Она внимательно оглядела его. — Макси, я только что сообразила, чего я с тобой вожусь.

— Э? — Может, она сама подведет разговор куда надо. — Почему?

— А потому, что ты мне напоминаешь Питци. У тебя такое же недоуменное выражение глаз.

— Питци? А кто такой Питци?

— Питци — это человек, из-за которого отец отослал меня на Землю, чтобы увести меня от него. Он — причина того, что я вырвалась из трех школ и возвращаюсь на Гесперу. Да только отец, пожалуй, и его куда-нибудь отправил. Отец — хитрый. Иди сюда, Чипси. Не заходи так далеко.

Она продолжала:

— Тебе бы очень понравился Питци. Он прелесть. Чипси, прекрати.

Макс уже страстно ненавидел этого типа.

— Не хотелось бы зря тебя тревожить, — сказал он, — но отсюда еще очень далеко до Гесперы.

— Я знаю это. Но давай не будем заранее беспокоиться. — Она снова оглядела его. — Я бы, пожалуй, записала тебя в запасные, не будь ты таким дерганым.

Не успел еще он сообразить, что бы ответить, как она снова стала спускаться. Кентавры — это было самым подходящим названием, хотя нижней своей частью они не очень напоминали лошадей, а часть, вы-

ступавшая наверх, была гуманоидной лишь отдаленно — сгрудились у основания холма, неподалеку от деревьев. Траву они не щипали, а что делали — понять издалека было трудно. Два пузыря висели над их группой, словно из любопытства, так же, как перед этим они висели над людьми. Элли настояла на том, чтобы подойти к самому краю опушки и получше рассмотреть кентавров.

Максу они напомнили клоунов, переодетых лошадьми. У них было простоватое, глупое выражение лиц и слишком мало места в голове, чтобы там вместился приличный мозг. Они явно были сумчатыми, сумки их напоминали детские слюнявчики. То ли все это были самки, то ли у самцов тоже были сумки. Несколько маленьких кентавриков носилось вокруг, проскакивая между ног старших.

Один из кентаврят заметил людей и поскакал к ним, фыркая и блея. Позади него самое большое существо из взрослых отделилось от стада, чтобы присмотреть за маленьким. Жеребенок взбежал вверх по склону и остановился футах в двадцати от людей.

— Ой, какая прелесть, — сказала Элли и, пробежав навстречу ему несколько футов, упала на одно колено. — Иди сюда, лапочка, иди к мамочке.

Макс двинулся к ней.

— Элли! Вернись сейчас же!

Большой кентавр залез в свою сумку, вытащил что-то оттуда и раскрутил вытащенное над головой, как лассо.

— Элли!

Он добрался до Элли как раз в тот момент, когда кентавр отпустил свою веревку. Она хлестнула их, обмоталась вокруг и крепко их ухватила. Элли закричала, а Макс изо всех сил старался освободиться, но бесполезно, они были опутаны, подобно Лаокоону.

В воздухе мелькнула еще одна веревка, и тоже прилипла к ним. И еще одна.

Мистер Чипс бежала вслед за Элли. Теперь она с криком бросилась прочь. На краю опушки она остановилась и высоким, резким голосом закричала:

— Макс! Элли! Идите назад! Пожалуйста, назад.

Элли не упала в обморок и не начала биться в истерике. После первого произвольного крика следующими ее словами были:

— Прости, Макс, это я виновата.

Говорила она прямо ему в ухо, так туго стягивали их липкие веревки.

— Сейчас я их скину! — сказал Макс, изо всех сил пытаясь вырваться.

— Не дергайся, — спокойно ответила ему Элли. — Так они только сильнее затягиваются. Лучше попробовать как-нибудь уговорить этих лошадей, чтобы они нас отпустили.

И правда, чем сильнее он напрягался, тем крепче держали их змееподобные путы.

— Не надо, — взмолилась Элли, — ты только хуже сделаешь. Мне больно.

Макс сдался.

Большой кентавр подскочил совсем близко и внимательно их оглядел. С малого расстояния его широкое, глуповатое лицо выглядело еще смехотворнее: большие карие глаза глядели на людей с выражением легкого удивления. С другой стороны подошел жеребенок, он любознательно обнюхал их и тоненько заблеял. Взрослый кентавр издал трубный звук, похожий на крик оленя; жеребенок отскочил в сторону, а потом прямым ходом понесся к остальному стаду.

— Не бойся, — прошептала Элли, — думаю, они просто испугались, что мы что-нибудь сделаем маленькому. Может, они просто осмотрят нас со всех сторон, а потом отпустят.

— Может и так. Только жаль, что я не могу добраться до своего ножа.

— И слава Богу, что не можешь. Тут нужна дипломатия.

Подошло остальное стадо. Кентавры топтались вокруг связанных Макса и Элли, осматривали их, переговариваясь между собой криками, в которых сочетались трубные звуки, взвизгивания и что-то среднее между кашлем и фырканием. Макс прислушался.

— Это язык, — решил он.

— Да уж ясно. Жаль только, что ему не обучали у мисс Мимси.

Самый большой кентавр наклонился и погладил путы, обвивавшие Макса и Элли. Веревки чуть расслабились, однако продолжали надежно их удерживать.

— Кажется, они собираются нас развязать, — отрывисто сказал Макс. — Приготовься сразу бежать.

— Есть, Капитан.

Другой кентавр залез в свой карман и вытащил оттуда еще одну из этих веревкоподобных штук. Он опустил на одно переднее колено и хлестнул кончиком «веревки» таким образом, что она обвилась вокруг лодыжки Макса. Кончик этот сам свернулся в петлю, которая держала Макса не хуже, чем если бы ее завязали. С Элли сделали то же самое. После этого самый большой кентавр похлопал по их путам, те расслабились и упали на землю, слегка извиваясь. Он подобрал их и сунул в свою сумку. Привязавший их кентавр обернул другие концы поводков вокруг вертикальной части своего туловища. Они сразу же стянулись в сплошные петли. Обменявшись несколькими трубными звуками с вожак, кентавр похлопал по поводкам, те вытянулись, как сделанные из жевательной резинки, до длины в добрые двадцать футов, сделавшись при этом значительно тоньше. Макс тайком передал свой нож Элли и сказал:

— Попробуй отрезаться. Если получится, беги со всех сил, а я попробую их занять.

— Нет, Макс.

— Да! Какого черта, кончай эти детские штучки. Ты и так уже наделала достаточно дел.

— Да, Макс.

Она взяла нож и попыталась перерезать странную веревку в районе своей лодыжки. Кентавры и не пробовали ей помешать, только смотрели с тем же слегка удивленным видом. Было похоже, что они в жизни не видели ножа, не имели ни малейшего представления о том, что это такое. Через некоторое время Элли бросила свои попытки.

— Никакого толку, Макс. Это все равно, что пробовать разрезать сталь.

— Чего это, у меня же этот нож всегда как бритва. Дай-ка я попробую.

Максу повезло не больше. Прекратить попытки его заставило в конце концов то, что стадо двинулось — или иди, или тебя потащат. Он сумел закрыть нож, прыгая на одной ноге, чтобы не упасть. Группа сначала пошла тихим шагом, затем вожак протрубил, и кентавры пошли рысью, совсем как доисторическая кавалерия.

Элли сразу же споткнулась, и ее потащило. Макс сел, сумел ухватиться за свой поводок и висел на нем, крича:

— Эй, вы! Остановитесь!

Кентавр, привязавший их, остановился и оглянулся на них с почти что извиняющимся выражением лица. Макс сказал:

— Слушай, дурак. Мы не можем так быстро. Мы же, в конце концов, не лошади.

Говоря это, он одновременно помог Элли подняться на ноги.

— Тебе нигде не больно?

— Вроде нет. — Она сморгнула с глаз слезы. — А вот если я смогу добраться до этого придурочного травяного мешка, ему-то уж будет больно.

— Ты ободрала руку.

— От этого я не помру. Ты только скажи им, чтобы они помедленнее, скажешь?

Увидев, что они опять встали на ноги, чудовище сразу же рвануло рысью. И сразу же они снова оказались на земле. Макс пытался зацепиться за что-нибудь, чтобы остановить кентавра. На этот раз вожак прискакал к ним, оставив стадо, и поговорил с их конвоиром. Макс принял участие в беседе, страстностью речей своих компенсируя пробелы в знании языка.

Возможно, он и вправду сумел им что-то объяснить; в дальнейшем конвоир перешел на быструю ходьбу, дав стаду далеко обогнать их. Еще один кентавр отстал и являл собой арьергард. Один из живых пузырей, которые все это время парили над стадом, тоже отстал и парил теперь над пленниками.

Скорость движения была терпимой, но на пределе — нечто среднее между быстрой ходьбой и бегом трусцой.

Путь пролегал поперек широкой, открытой долины, поросшей густой, достигавшей колена, травой. Трава эта несколько спасала Макса и Элли, так как тащивший их кентавр придерживался, видимо, мнения, что одно-два падения на несколько сотен ярдов пути как раз и обеспечивает максимальную эффективность. Он ни разу не выказал нетерпения, всегда сразу останавливался и давал им подняться, но всегда сразу же снова пускался в путь шагом, чересчур быстрым для людей. Макс и Элли быстро перестали переговариваться, горла у них пересохла и горели от отчаянных стараний не отставать. По дну долины петлял ручеек, кентавр с легкостью перепрыгнул его. Людям пришлось переходить вброд. Элли остановилась посреди потока, нагнулась и начала из него пить.

— Элли, не пей этого, — запротестовал Макс. — Ты же не знаешь, что это безопасно.

— Вот и хорошо, если вода ядовитая, я тогда смогу лечь и умереть. Макс, я больше не могу.

— Выше нос, мы отсюда выберемся. Я все запомнил, где мы шли.

Он помедлил и — жажда мучила его не меньше — тоже напился. Кентавр ждал, пока они пили, потом потянул их дальше.

Дальше — это было вверх по поросшему лесом противоположному склону долины. Им казалось, что они вымотаны до последней степени еще до того, как начался путь вверх. Они ошибались. Кентавр был резв, как козочка, и, похоже, удивлялся, что им трудно. В конце концов Элли свалилась в полном изнеможении и не могла больше подняться; кентавр вернулся, подошел к ней и грубо пошевелил ее копытом с тремя пальцами.

Макс ударил его сразу обоими кулаками. Кентавр не сделал ни малейшей попытки дать ему сдачи, а только глядел на него с прежним идиотским изумлением. Подошел арьергардный кентавр, парочка посовещалась. После этого они сделали передышку минут на десять. Макс сел рядом с Элли и озабоченно спросил:

— Ну как, тебе полегче?

— Не надо говорить.

Через некоторое время задний охранник втиснулся между ними и отогнал Макса, напирая на него. Тем временем другой кентавр подергал поводок Элли. Тот сократился, и Элли пришлось с трудом подняться на ноги. В дальнейшем кентавры еще дважды давали им передохнуть. После того, что показалось Макс и Элли вечностью, когда солнце висело уже низко над горизонтом, они вышли на густо поросшее лесом плато и продолжили свой путь между деревьями. Тут они прошли, как Макс просчитал, с милую, хотя по ощущениям это было больше похоже на десять. Потом они остановились.

Макс и Элли оказались на поляне, густо усыпанной опавшими иглами деревьев. Задний охранник подошел к переднему кентавру, взял у него конец поводка, к которому был привязан Макс, и захлестнул его вокруг комля дерева; поводок сразу прилип к нему. Другой кентавр сделал то же самое с поводком Элли, но дерево выбрал футов на сорок в сторону. Прodelав это, они грубо погнали Макса и Элли друг к другу, время от времени останавливаясь и поглаживая поводки, пока те не стали совсем тонкими. В конечном итоге Макс и Элли могли сойтись и даже пройти друг мимо друга.

Похоже, что это не понравилось кентаврам. Один из них переместил конец поводка Макса дальше внутрь кустов, окружавших поляну, при этом оттащив его. На этот раз они не могли подойти друг к другу ближе, чем на шесть футов.

— Что это они делают? — спросила Элли.

— Похоже, что они не хотят дать нам возможности объединить усилия.

Покончив с этим делом, кентавры ускакали. Элли поглядела им вслед, начала всхлипывать, а потом расплакалась, уже не сдерживаясь. Слезы катились по ее грязному лицу, оставляя на нем бороздки.

— Прекрати это, — жестко сказал Макс, — хныканье нам не поможет.

— Я не могу с собой ничего поделывать, — почти прокричала она. — Я была храброй весь этот день, по

крайней мере старалась быть. Я... — Она упала лицом вниз и дала волю слезам.

Распластавшись на земле и вытянувшись, насколько он мог, Макс только-только смог дотянуться до головы Элли. Он погладил ее сваявшиеся волосы.

— Ничего, девочка, — тихо сказал он, — поплачь, если это тебе хоть немного поможет.

— Макси, Макси! Привязана... как собака.

— Вот это мы сейчас и попробуем рассмотреть. — Он сел и начал обследовать свой поводок. Чем бы ни была эта веревкообразная штука, уж веревкой-то она точно не была. Своей гладкой, блестящей поверхностью она скорее напоминала змею, хотя конец ее, обвивавшийся вокруг Максовой лодыжки, не имел никаких различимых черт. Она просто сливалась сама с собой, образуя петлю. Макс поднял часть поводка и почувствовал в нем легкое биение, вроде пульса. Он поглядел «веревку», как это делали у него на глазах кентавры, и та ответила ему потоком пульсаций, не делясь, однако, при этом ни короче, ни длиннее и не ослабляя хватки.

— Элли, — объявил он, — да ведь эта штука живая. Она подняла тоскливое лицо.

— Какая штука?

— Да эта веревка.

— А, эта! Конечно.

— В крайнем случае, — продолжал Макс, — если уж она и не живая, то не совсем и мертвая. — Он снова испытал на ней свой нож и снова без малейшего успеха. — Вот точно, будь у меня спички, она бы закричала у меня «мамочка». Элли, у тебя нет зажигалки?

— Я не курю.

— Я вот тоже. Что ж, может быть, мы сумеем добыть огонь каким-нибудь другим способом. Трением двух палок, или еще как-нибудь.

— Ты умеешь это делать?

— Нет. — Он продолжал поглаживать и похлопывать живую веревку, но, хотя каждый раз были ответные пульсации, прикосновение его, видимо, было каким-то не таким; с поводком не происходило ничего. Он был погружен в это бесплодное занятие, когда услышал свое имя.

— Макс! Элли!

Элли резко села.

— Чипси! О, Макс, она бежала за нами. Иди сюда, радость моя.

Чипси сидела на дереве, высоко над ними. Она внимательно оглядела все вокруг, а затем поспешила вниз, причем последние десять футов покрыла одним прыжком прямо в объятия Элли. Они пообнимались, раздались чмокающие звуки, затем Элли выпрямилась, глаза ее сияли.

— Макс, мне стало настолько лучше!

— И мне тоже, — добавил он, — хотя я и не знаю, чего ради.

Паукообразный щенок очень серьезно объявил:

— Чипси следовать.

Макс вытянул руку и погладил ее.

— Да, Чипси следовала. Хорошая Чипси.

Элли сжала Чипси в объятиях:

— Я не чувствую теперь себя брошенной, Макс. Может, все еще и кончится хорошо.

— Слушай, Элли, мы еще не в таком плохом положении. Может, я сумею найти комбинацию, как пощекотать эту веревку, или змею, или что она там такое, чтобы она отпустила. Если у меня это получится, мы проберемся назад уже сегодня.

— А как мы найдем путь?

— Об этом уж не беспокойся. Я запомнил каждый фут дороги, каждый поворот, каждый ориентир.

— И в темноте найдешь?

— А в темноте еще легче. Я знаю эти звезды — по должности полагается. А если даже не сумеем освободиться, это тоже еще не конец.

— А что же? Мне не очень хочется провести остаток своей жизни привязанной к дереву.

— А ты и не сделаешь этого. Слушай, я думаю, что мы этим тварям просто любопытны. Они нас не съедят — это уж точно, они, вероятно, едят траву. Может быть, мы им наскучим, и они нас отпустят. А если уж они этого не сделают — им же хуже.

— Из-за чего это?

— Из-за мистера Вальтера, Джорджа Дайглера и Сэма, Сэма Андерсона, — вот из-за чего. Они, навер-

ное, прямо сейчас обшаривают все кусты в поисках нас. Мы меньше чем в десяти милях от корабля — пять по прямой. Они нас найдут. А тогда уж если эти кентавры с идиотскими мордами попробуют показать свою силу, они узнают кое-что про современное оружие. И они узнают, и эти их веревки.

— Чтобы найти нас, может потребоваться много времени. Никто не знает, куда мы ушли.

— Да, — согласился он. — Если бы только у меня была в кармане рация. Или что-нибудь, чем подать сигнал. Или хотя бы с помощью чего развести костер. Но ничего этого нет.

— Я и представить такого не могла. Казалось, что это все равно, что прогуляться по парку.

Макс мрачно подумал, что он пытался ее предупредить. Да что там, даже холмы здесь не будут безопасными, если все время не быть начеку. Можно нарваться на злую матерую рысь, даже на медведя. Ведь Элдрет никогда не били достаточно сильно, чтобы вбить в нее хоть немного здравого смысла, вот в чем беда.

Подумав, он признался себе, что и сам не ожидал ничего плохого от существ с такой безобидной и простоватой внешностью, как эти кентавры. И в любом случае, как сказал бы Сэм, нет смысла плакать над разлитым молоком, когда лошадь уже украли.

— Элли.

— Что?

— Как ты думаешь, Чипси сумеет найти дорогу домой?

— Не знаю, а что?

— Если она сумеет, мы сможем передать с ней сообщение.

Чипси оживилась.

— Домой? — спросила она. — Пожалуйста, домой. Идем домой.

Элли нахмурилась.

— Боюсь, что Чипси не настолько хорошо говорит. Она, возможно, будет только икать и говорить всякую несуразицу.

— Я не это имел в виду. Я понимаю, что Чипси не гигант интеллекта. Я...

— Чипси умная!

— Конечно, конечно. Но я хочу послать записку и карту. — Он покопался в кармане и вытащил ручку. — У тебя найдется бумага?

— Посмотрю. — Она нашла в кармане комбинезона сложенный листок бумаги. — Ой, Господи! Мне же надо было отнести это мистеру Джиордана. Мистер Хорнби будет очень сердит на меня.

— А что это такое?

— Заявка на проволоку десятого артикула.

— Теперь все это не важно.

Он взял бумажку, зачирикал текст заявки, перевернул ее и начал рисовать, иногда останавливаясь, чтобы уточнить по картинам, отпечатанным в его мозгу, расстояния, контуры, положение солнца и прочие детали.

— Макс?

— Замолчи, можешь?

Он продолжал рисовать. Окончив, он написал:

«СРОЧНО — Первому Помощнику Вальтеру. Элдрет Кобурн и я захвачены кентаврами. Осторожно, берегитесь их метательных веревок. С уважением, М. Джонс».

Он протянул записку Элли.

— Этого будет достаточно. Можно как-нибудь прицепить записку к Чипси. Мне не хотелось бы, чтобы она ее потеряла.

— Мм... Дай подумаю. Отвернись, Макс.

— Зачем?

— Кончай спорить. Отвернись.

Макс послушался, и через несколько секунд Элли сказала:

— Ну вот, все.

Он повернулся к ней, и она протянула ему ленточку.

— Это подойдет?

— Отлично, то самое!

Они сумели обвязать ленточку, к которой была тщательно прикреплена сложенная в несколько раз записка, вокруг талии мистера Чипса, дополнительно прикрепив ее к одной из средних лапок. Задача была не из простых, так как Чипси, похоже, воспринимала все это как игры и, к тому же, очень боялась щекотки.

— Ну вот. Чипси, кончай корчиться и послушай. Элли хочет, чтобы ты пошла домой.

— Домой?

— Да, домой. Иди назад на корабль.

— Элли иди домой?

— Элли не может идти домой.

— Нет.

— Лапочка, ты должна пойти домой.

— Нет.

— Послушай, Чипси. Ты найдешь Мэгги и скажешь ей, что Элли просила ее дать тебе конфет. Ты отдашь Мэгги это. — Она подергала за привязанную записку.

— Конфета?

— Иди домой. Найди Мэгги. Мэгги даст тебе конфету.

— Элли иди домой.

— Пожалуйста, Чипси.

— Элли, — вдруг произнес Макс, — кто-то идет.

Элли подняла глаза и увидела среди деревьев приближающегося кентавра.

— Слушай, Чипси! Они идут! Они поймают Чипси! Иди домой! Беги!

Чипси завизжала от ужаса и понеслась к деревьям. Вскрабкавшись на ветку, она оглянулась и захныкала.

— Иди домой! — прокричала Элли. — Найди Мэгги!

Мистер Чипс бросила взгляд на кентавра и исчезла из вида. У них не оставалось времени для тревожных раздумий, кентавр был почти рядом. Он взглянул на них и прошел мимо, но то, что следовало за ним, полностью приковало внимание Элли и Макса. Элли едва не закричала: «Макс! Они поймали всех».

— Нет, — мрачно поправил он, — погляди получше.

Из-за сгущавшегося мрака он сначала тоже ошибся; ему показалось, что за кентавром следовало все население корабля, в цепочку по одному, связанные лодыжка к лодыжке живыми веревками. Но так казалось только с первого взгляда. Эти существа очень походили на людей, они были более чем гуманоидами, но такие деградировавшие твари никак не могли странствовать между звездами.

Эти существа шли быстро, как хорошо обученные животные. Одно или два из них взглянули, проходя мимо, на Элли и Макса, но взгляды их были тупыми и потухшими. Маленькие дети без привязи шли рядом

со своими мамами, а один раз Макс с крайним удивлением заметил крохотную сморщенную головку, выглядывавшую из сумки — эти человекообразные существа тоже были сумчатыми.

Макс с трудом сдержал тошноту и, когда процессия исчезла из вида, повернулся к Элли.

— Господи!

— Макс, — хрипло сказала Элли, — как ты думаешь, мы уже умерли и претерпеваем воздаяние за свои грехи?

— Чего? Не говори глупостей, и без того все достаточно паршиво.

— Да я серьезно. Это же прямо какая-то сцена из Дантова «Ада».

Макс все время сглатывал комки, стоявшие в горле, и был далек от хорошего расположения духа.

— Знаешь, если уж тебе так хочется, можешь считать себя мертвой. Но я лично — живой и намерен им остаться. Эти твари — не люди, пусть все это так тебя не расстраивает.

— Но это же и вправду были люди. Мужчины, женщины и дети.

— Нет, не были. Иметь форму, вроде нашей — еще не значит быть человеком. Быть человеком — это нечто совершенно другое. — Он нахмурился. — Вполне возможно, что «людьми» являются как раз кентавры.

— Да не может...

— А ты не будь так уж уверена. Они, похоже, всем здесь заправляют.

Спор был прерван приходом еще одного кентавра. Уже почти совсем стемнело, и Макс с Элли не заметили его, пока он не вышел на поляну. За ним следовали трое — Макс решил называть их «людьми», хотя делать это было неприятно — следовали трое людей. Они были без привязи. У всех троих была поклажа. Кентавр что-то сказал им, они разложили принесенное.

Один из троих поставил между Максом и Элли большую глиняную миску, наполненную водой. Это был первый артефакт, увиденный на этой планете кем-либо из людей. Миска не говорила о высоком уровне технической культуры, грубая по форме, она очевиднейшим образом не была знакома с гончарным кру-

гом; налить воду в нее было можно, но ничего интересного она из себя не представляла. Второй носильщик сбросил рядом с миской две охапки мелких фруктов. Пара плодов шлепнулась в миску, выуживать их оттуда он не стал.

Максу пришлось долго приглядываться, пока он не разобрал, что принес третий раб. Выглядело это так, словно к каждой из его рук было привязано по три больших яйцеобразных мяча. Присмотревшись, Макс понял, что это — животные размером с опоссумов, которых он нес за хвосты. «Человек» обошел поляну, иногда останавливаясь и поднимая одного из животных к низко висящей ветке. Когда он закончил, поляна была окружена шестью мелкими существами, висящими на хвостах. Кентавр прошел по кругу вслед за рабом; Макс видел, как он погладил каждое из животных и нажал на какую-то точку вблизи его шеи. И каждый раз все тело мелкой твари загоралось, начинало светиться мягким серебристым светом, подобно свечению светляка.

Теперь поляна была освещена ровным, мягким светом. «Достаточно ярко, — подумал Макс, — чтобы читать крупный шрифт.» Один из пузырей беззвучно проплыл между деревьями и прицепился прямо над ними к ветке на высоте футов в тридцать; похоже, он устроился здесь на всю ночь.

Кентавр подошел к Максусу и, вопросительно пофыркав, толкнул его копытом. Макс старательно вслушался, а потом попытался повторить звуки. Кентавр ответил, и Макс снова повторил. Этот бессмысленный разговор продолжался еще некоторое время, после чего кентавр удалился, сопровождаемый членами своей свиты.

Элли поежилась.

— Ох! — воскликнула она. — Хорошо, что они убралась. Кентавров я еще могу как-то выдержать, но эти самые люди... жуть!

Он разделял ее отвращение. С близкого расстояния эти существа меньше походили на людей, волосистой покров начинался у них там, где полагалось бы находиться бровям. Черепа у них были такими низкими и плоскими, что кончики ушей торчали выше макушек.

Но не это произвело на Макса самое сильное впечатление. Когда кентавр заговорил с Максом, тот впервые сумел хорошенько рассмотреть внутренность его рта. Эти зубы ни в коем случае не предназначались для пережевывания зерна или травы, они больше походили на зубы тигра — или акулы.

Макс решил не говорить об этом Элли.

— Слушай, а это был не тот кентавр, который командовал стадом, когда нас поймали?

— Откуда я знаю? Они все одинаковые.

— Да совсем они не одинаковые, не больше, чем одинаковы две лошади.

— Лошади все выглядят одинаково.

— Но... — Он смолк, ошарашенный городской точкой зрения, спорить с которой было бесполезно. — Я лично думаю — это тот самый.

— Не вижу, какое это имеет значение.

— Может и иметь. Я же пробую научиться их языку.

— Слышала я, как ты издавал эти жуткие звуки. И как это у тебя получается?

— Очень просто, просто запоминаешь, на что похож звук, а потом его воспроизводишь. — Макс закинул голову и издал очень жалкий звук.

— А это что такое?

— Собака застряла в заборе. Маленькая собачка по имени Абнер, которая у меня когда-то жила.

— Звучит трагично.

— Так оно и было, пока я его оттуда не вытащил. Элли, я так понимаю, что они дали нам корм и оставили на ночлег. — Он указал на миску и фрукты рядом с ней. — Так свиней кормят.

— Ну зачем уж так. Гостиничный номер. Номер, и горничная, и освещение. Пища и напитки. — Элли подобрала один из фруктов. Размером и формой он напоминал огурец. — Как ты думаешь, это можно есть?

— Не думаю, что тебе стоит это пробовать, Элли. Пожалуй, было бы разумно не есть и не пить ничего, пока нас не найдут и не спасут.

— Ну, может быть, мы и сможем продержаться без пищи, но без воды-то не обойтись точно. Мы умрем через день-другой.

— Но, может, нас найдут еще до наступления утра.

— Может, и так. — Она сняла кожуру с фрукта. — Пахнет хорошо. Похоже на банан.

Он тоже очистил плод и понюхал его.

— Скорее на папайю.

— Ну и что?

— Мм... слушай, я съем одну штуку. Если со мной все будет в порядке, через полчаса ты тоже попробуй.

— Да, капитан. — Она впилась зубами в свой фрукт.

— Осторожнее, семечки. Элли, ты малолетняя правонарушительница.

Она наморщила носик и разулыбалась.

— Ты заговорил комплиментами! Я стараюсь быть такой.

Макс тоже откусил кусочек. Неплохо — аромата поменьше, чем у папайи, но совсем неплохо. Через несколько минут он сказал:

— Может, оставить немного на завтрак?

— Ладно. И вообще я уже объелась. — Элли наклонилась и попила из миски. Не говоря друг другу ни слова, они пришли к общему выводу, что после такой перенасыщенной еды придется рискнуть и с водой. — Ну вот, теперь как-то получше. По крайней мере, теперь можно умереть с удобствами. Макс? Как ты думаешь, можем мы рискнуть поспать? Я больше не могу.

— Думаю, ночью они больше сюда не заявятся. Ты спи, а я посижу.

— Нет, так несправедливо. Честно говоря, я не понимаю, какой смысл держать караул? Мы же все равно не сможем никуда отсюда убежать.

— Ну... вот, возьми мой нож. Ты можешь спать, не выпуская его из рук.

— Ладно. — Она протянула руку над миской и взяла нож. — Спокойной ночи. Макс. Я буду считать овец.

— Спокойной ночи. — Он вытянулся, поерзал, вытащил из-под себя шишку и попытался расслабиться. Усталость и полный желудок сильно этому помогали, однако мысль о том, в какую историю они влипли, не давала покоя. И этот пузырь, висевший над ними. Может, именно он и стоит в карауле — но не в их пользу.

- Макс, ты спишь?
- Нет, Элли.
- Возьми меня за руку. Я боюсь.
- Мне не дотянуться.
- Дотянешься. Повернись в другую сторону.

Макс так и сделал, и оказалось, что он может, закинув руку через голову, дотянуться до ее руки.

- Спасибо, Макс. Еще раз спокойной ночи.

Он лежал на спине и смотрел между деревьями. Несмотря на свет, испускаемый светящимися тварями, были видны звезды и многочисленные метеоры, бороздившие небо. Чтобы перестать думать, он начал их считать. В какой-то момент они начали взрываться у него в голове. Тогда он заснул.

Разбудили их лучи солнца, прорвавшиеся между деревьев. Макс поднял голову.

— Я вот тут размышляла, сколько ты еще будешь спать, — заявила Элдрет. — Посмотри, кто к нам пришел.

Он сел, морщась от боли при каждом движении, и повернулся. Мистер Чипс сидела на пояснице Элли и чистила один из похожих на папайю фруктов.

- Привет, Макси.

— Привет, Чипси. — Он заметил, что записка все еще висит на ней. — Плохая девочка.

Мистер Чипс повернулась за утешением к Элли. Из ее глаз покатались слезы.

— Нет, нет, — поправила Элли. — Хорошая девочка. Она мне обещала пойти искать Мэгги, как только позавтракает. Ты же обещала, Чипси?

- Пойти искать Мэгги, — подтвердила та.

— Не ругай ее, Макс, она не виновата. У себя дома паукообразные собаки не ведут ночного образа жизни. Она просто подождала, пока мы успокоимся, и тогда вернулась. Она не могла иначе. Я обнаружила ее спящей у себя на руке.

Чипси покончила с едой, затем от души попила из миски. Макс решил, что в этом нет ничего страшного, особенно, если учесть, кто еще пользовался миской до них. Эту мысль он быстренько изгнал из головы.

- Искать Мэгги, — объявила Мистер Чипс.

— Да, лапочка. Возвращайся прямо на корабль как можешь скорее и найди Мэгги. Поспеши.

— Найди Мэгги. Спешу быстро. Пока, Макс. — Чипси двинулась к деревьям и со всех ног пустилась в нужном направлении.

— Ты думаешь, она туда доберется? — спросил Макс.

— Думаю, доберется. В конце концов, ее предки находили дорогу в лесу, и в течение стольких поколений. Она знает, что это важно, мы с ней имели длинный разговор.

— Ты и вправду думаешь, что она так много понимает?

— Она понимает, что именно доставляет удовольствие мне, а этого достаточно. Макс, как ты думаешь, смогут они добраться до нас сегодня? Я не хочу проводить здесь еще одну ночь.

— А кто же хочет! Если Чипси может двигаться быстрее, чем мы.

— Конечно, конечно, может.

— Тогда — возможно. Если они пойдут сразу.

— Я на это надеюсь. Готов к завтраку?

— А что, Чипси что-нибудь оставила?

— По три штуки на нос. Я свои съела. Вот.

— Ты же врешь? Ведь когда мы ложились спать, было только пять. — Элли смущенно отвела глаза и позволила ему поделить пополам третий плод. Потом он вдруг заметил происшедшее изменение. — Слушай, а что случилось с этими светляками-переростками?

— А, одна из этих жутких тварей пришла рано утром и унесла их. Я уже собиралась заорать, но он не подходил слишком близко, так что не пришлось тебя будить.

— Спасибо. А наш надзиратель, я вижу, нас не покидает. — Пузырь по-прежнему висел у верхушек деревьев.

— Да, вокруг тут все утро шпионы высовывались.

— Ты сумела рассмотреть их?

— Конечно, нет. — Элли встала, потянулась и поморщилась. — Ну, а теперь посмотрим, какие прекрасные неожиданности принесет этот ласковый летний

денек. — Она состроила кислую физиономию. — Программа, которую я предпочла бы, состоит в том, чтобы сидеть здесь и не видеть никого, пока не появится Джордж Дайглер с дюжиной вооруженных мужчин. Я бы его расцеловала. Я бы расцеловала всех по очереди. — И я тоже.

До полудня, и даже дольше, отклонений от программы, выбранной Элдрет, не было; ничего не происходило. Иногда, правда, они слышали трубные звуки и фыркание кентавров, но ни один не появлялся. Беседовали они о каких-то случайных вещах, устав как надеяться, так и бояться. Они дремали на солнышке, когда неожиданно поняли, что на поляну выходит кентавр.

Макс был совершенно уверен, что это — вожак стада, и уж во всяком случае — тот, который кормил и поил их. Тварь не стала зря терять времени и с помощью толчков и пинков объяснила им, что они должны дать себя привязать для того, чтобы куда-то идти.

Они ни на секунду не были свободны от живых веревок. Макс подумывал о том, чтобы напасть на кентавра, прыгнув к нему на шею и перерезав глотку. Однако было крайне сомнительно, что удастся проделать это достаточно тихо; одно-единственное фыркание могло привести сюда все стадо. И кроме того, он не знал, как освободиться от пут, даже убив кентавра. Лучше уж подождать — особенно, когда послали гонца за помощью.

Кентавр вел их — а иногда, когда они падали, тащил — по той же тропе, по которой шла группа рабов. Становилось ясно, что они входят в большое поселение кентавров. Тропинка влилась в извилистую, хорошо ухоженную дорогу, по которой то в одну, то в другую сторону проходили кентавры и от которой ответвлялись многочисленные более маленькие дорожки. Не было видно ни строений, ни других внешних признаков цивилизации, однако чувствовался дух организованности, обычаев и стабильности. Маленькие кентавры бегали вокруг; когда они оказывались на пути, им что-то говорили и они убирались. По обеим сторонам дороги шла разнообразная деятельность, и гротескного вида человекообразные рабы встречались почти так же

часто, как и кентавры; они что-то переносили, выполняли какие-то непонятные работы — одни привязанные живыми веревками, другие без привязи. Макс и Элли не могли рассмотреть все получше из-за слишком большой скорости, с которой им приходилось идти.

Один раз Макс заметил на своей стороне дороги одну любопытную вещь, которую ему хотелось бы рассмотреть получше. Он не стал говорить об этом Элли, и не только потому, что говорить на ходу было очень трудно, но и потому, что не хотел лишний раз ее беспокоить — но на его взгляд это сильно напоминало мясной магазин на открытом воздухе. Подвешенные туши не принадлежали кентаврам.

В конце концов они остановились на очень большой поляне, на которой толпилось множество кентавров. «Хозяин» похлопал привязывавшие их веревки, те укоротились, в результате чего Макс и Элли оказались совсем рядом с ним. Тогда он занял место в очереди. Крупный, поседевший и, по-видимому, престарелый кентавр вершил суд на одной из сторон «площади». Он стоял со спокойным достоинством, а тем временем перед ним проходили отдельные кентавры и их группы. Макс наблюдал за происходящим с таким большим интересом, что почти позабыл о своих страхах. Каждое дело вызывало длительное обсуждение, затем главный кентавр произносил одно слово, и с делом было покончено. Те, чье дело разбиралось, спокойно отходили. Неизбежно возникал вывод, что здесь толковались законы, либо обычаи, и большой кентавр был арбитром.

На этой поляне не было видно пародий на человека, но под ногами шныряли странные твари, вроде расплюснутых свиней. Ноги у них были такие короткие, что напоминали скорее тракторные гусеницы. Состояли они по большей части из рта, зубов и приплюснутых носа, и что бы ни попало им по дороге, если только это не было копыто кентавра, они пожирали. Наблюдая за ними, Макс понял, каким образом все вокруг, при таком количестве населения, поддерживается в полной чистоте: эти стервятники были главными уборочными машинами.

Очередь шла, и их хозяин постепенно продвигался к ее началу. Последнее перед ними дело было связано с кентавром, здоровье которого было единственным в своем роде. Он был стар и тощ, шерсть его была тусклой, и кости жалко выпирали сквозь шкуру. Один его глаз был слеп, покрыт белым бельмом, а другой воспален и сочился густым гноем.

Судья, мэр, главный вожак стада, или кто уж он там был, обсудил дело с двумя молодыми здоровыми кентаврами, сопровождавшими больного, почти как сестры милосердия. Затем главный кентавр сошел со своего почетного места и обошел больного, осматривая его со всех сторон. Затем он заговорил с ним.

Больной старик ответил тихо, единственным фыркающим словом. Главный кентавр заговорил снова и получил, как показалось Максу, тот же самый ответ. Вожак вернулся на свое прежнее место и испустил странный визжащий звук.

Со всех сторон стали собираться плоские стервятники. Десятки их собрались вокруг больного и его сопровождающих, образовав собою сопящее, похрюкивающее кольцо. Вожак издал одиночный трубный звук; один из сопровождающих залез в свою сумку и извлек наружу скрутившееся в клубок существо. Он погладил его, и существо развернулось. На взгляд Макса, вид у него был малопривлекательный, как у угря.

Сопроводитель протянул эту тварь по направлению к больному. Тот не сделал ни малейшего движения, чтобы помешать, только глядел своим единственным зрячим глазом. Голова змееобразной твари ткнулась в шею больного кентавра; того передернуло, как от электрического удара, и он упал.

Вожак фыркнул один раз, и стервятники с удивительной скоростью бросились вперед, собрались вокруг трупа и совсем закрыли его собой. Когда они, продолжая сопеть, разошлись, то не осталось даже костей.

Макс тихо окликнул:

— Спокойно, Элли! Держи себя в руках, малышка.

Она ответила еле слышно:

— Я ничего.

Впервые за все это время их спустили с привязи. «Хозяин» пощекотал поводки, и они упали с лодыжек Макса и Элли. Макс тихо сказал:

— Если ты хочешь попробовать — беги со всех сил. А я их займу чем-нибудь.

Элли покачала головой.

— Бесполезно. Они меня сцапают, не дав пробежать и пяти-десяти футов. Кроме того — я не найду обратного пути.

Макс замолчал. Он понимал, что Элли права, но считал своей обязанностью сделать ей это предложение. Главный кентавр осмотрел их с тем же характерным выражением тихого удивления, переговариваясь при этом трубными звуками с «хозяином». Они оставались предметом обсуждения в течение некоторого времени; видимо, что-то требовало решения. Макс вытащил нож. У него не было никаких планов, только решимость, что ни один кентавр не подойдет к ним с этой электрошоковой тварью, или чем-либо еще, являющим угрозу, не столкнувшись с сопротивлением.

Но все окончилось тихо. «Хозяин» захлестнул поводки у них на лодыжках и оттащил их прочь. Через пятнадцать минут они снова были привязаны на прежней поляне. После ухода кентавра Элли оглянулась вокруг и вздохнула.

— Каким бы жалким все это ни было... Макс, а ведь действительно очень отрадно снова оказаться здесь.

— Я тоже так думаю.

Монотонность последующих дней разнообразили только постепенно угасающая надежда и нарастающее отчаяние. К ним не относились плохо, они были просто домашними животными — их кормили, поили и почти совсем игнорировали. Раз в день им давали воду и уйму местной папайи. После первой ночи они были лишены роскоши «искусственного освещения», и пугать не висел более над их поляной. Но бежать было невозможно — разве что отгрызть себе ногу и уползти куда-нибудь.

Первые два-три дня Макс и Элли обсуждали возможность того, что им придут на помощь, со все возраставшей озабоченностью, потом, исчерпав эту тему, они оставили ее; такие разговоры лишь вгоняли их в еще большую тоску. Элли стала очень редко улыбаться и совсем оставила свои легкомысленные разговорчики; было похоже, что до нее, через всю ее броню, дошло наконец, что такое действительно может произойти с Элдрет Кобурн, единственной дочерью богатого и почти всесильного Имперского Наместника Кобурна — чтобы она стала рабом, имуществом, скотом у тварей, которых и самих-то только в зоопарке показывать.

Макс воспринимал ситуацию немного более философски. Он никогда не имел многого и потому особенно многого и не ожидал — не то чтобы ему все это нравилось. Свой самый большой страх он держал в тайне. Элли определяла их положение как «зверей в зоопарке», так как чаще всего к ним прибегали маленькие кентавры, фыркавшие и блеявшие, рассматривая их с любопытством, которого не проявляли старшие. Макс не спорил с таким определением, так как думал, что статус их гораздо печальнее — он подозревал, что их откармливают, чтобы потом съесть.

Примерно через неделю после их пленения Элдрет отказалась от завтрака и промолчала все утро. Любые попытки Макса заговорить вызывали лишь односложные ответы. Не придумав ничего лучшего, в отчаянии, он сказал:

— А спорим, я побью тебя в трехмерные, дав сразу два звездных корабля.

Это ее несколько завело.

— Ты и кто еще? — презрительно спросила она. — Не в одиночку же ты свершишь такой подвиг? И чем играть?

— Ну, можно играть в голове, — ты же знаешь, вслепую.

Элли покачала головой.

— Так не пойдет. Ты ведь всегда говоришь, что у тебя память лучше, и мне будет не доказать, что ты жульничаешь.

— Мерзкая, вредная малолетняя девица.

Неожиданно она расплылась в улыбке.

— Вот так-то будет лучше. Последнее время ты со мной что-то слишком нежен и внимателен — это вгоняет в тоску. Макс, а мы можем сделать шахматы.

— Каким образом?

— А вот из этих штук. — Она подобрала одну из шишек, в изобилии валявшихся по всей поляне. — Большая будет флагманом. Мы можем подобрать их разных размеров, отламывать чешуйки и всякое такое.

Мысль заинтересовала их обоих. Миску с водой отодвинули в сторону, так что она не занимала более середины пространства, ограниченного предельной длиной поводков. Ничейную землю тщательно очистили от иголок и расчертили на доски. Доски по необходимости были в одной плоскости, нужно было собирать их в куб в уме, но это уже было обычным делом для игроков с хорошим пространственным воображением, так часто делали, если играли на простом, не электронном комплекте — это экономило время.

Камешки стали автоматическими кораблями, клочки ткани, привязанные к шишкам, помогали различать, где черные, а где белые, и где какая фигура. К середине второй половины дня все было готово. А к тому времени, как наступившая темнота вынудила их бросить это занятие, Макс с Элли все еще играли первую партию. Когда они ложились спать, Макс сказал:

— Пожалуй, я лучше сегодня не буду держать тебя за руку. Так можно в темноте посшибать все фигуры.

— Я не засну без этого — я буду бояться. Да и все равно эта горилла все перевернула на одной из досок, когда меняла воду.

— Это не страшно, я помню, как там все стояло.

— А в таком случае ты сможешь вспомнить и где стоят остальные. Дай руку.

Он пошарил в темноте и нащупал ее пальцы.

— Спокойной ночи, Макс. Спи крепко.

— Спокойной ночи, Элли.

С этого времени они играли от рассвета до заката. Их владелец пришел однажды во время игры, с час понаблюдал за ними и удалился, не профыркав ни слова. Однажды, когда Элли сумела свести партию вничью, Макс сказал:

— Знаешь, Элли, а ты жутко хорошо играешь в эту игру — для девушки.

— Преогромнейшее тебе спасибо.

— Да нет, я же серьезно. Я думаю, что женщины, вероятно, такие же разумные, как и мужчины, но только вот большинство из них никак этого не проявляет. Вероятно, это потому, что такого от них и не требуется. Если девушка хорошенькая, ей совсем и не обязательно думать. Конечно, если она не может полностью положиться на свою внешность, тогда — ну, возьмем вот для примера хоть тебя. Если ты...

— О! Так значит, мистер Джонс, я уродина!

— Да подожди ты секунду. Я же этого не говорил. Давай предположим, что ты прекраснейшая из женщин со времен Елены Троянской. В таком случае ты... — Тут Макс обнаружил, что разговаривает с ее спиной. Элли отвернулась от него, обхватила руками колени и полностью его игнорировала.

Он вытянулся изо всех сил, насколько позволял ему поводок и сумел дотронуться до ее плеча.

— Элли?

Она потрянула его руку.

— Держись-ка чуть подальше от меня. От тебя воняет, как от старого козла.

— Ну, — рассудительно проговорил Макс, — ты ведь тоже не лилия. И давно не мылась.

— Я прекрасно это знаю, — почти крикнула она и начала всхлипывать. — И мне от этого противно. Мне это совершенно отвратительно. Я выгляжу жутко.

— Нет, для меня ты не выглядишь жутко.

Она повернула к нему очень грязное и все мокрое от слез лицо.

— Врешь ты все.

— Ничего такого страшного, с чем бы не справились вода и кусок мыла.

— Если б только они у меня были. — Элли посмотрела на него. — Вы и сами не в наилучшей форме, мистер Джонс. Вам крайне необходимо подстричься, а то, какими клочками растет у вас борода — это просто ужас.

Макс потрогал пальцем щетину на своем подбородке.

— Ничего не могу с этим поделать.

— Вот так же и я. — Она вздохнула. — Расставь тогда фигуры по местам.

После этого она побила его в трех партиях подряд. Один раз — поставив ему позорный идиотский мат. По окончании он тоскливо посмотрел на доски.

— Так это ты — та самая девица, которая прогуляла неправильные дроби?

— Мистер Джонс, а Вам никогда не приходило в голову, что женщины иногда предпочитают не казаться чересчур умными, понимая, в каком мире они живут? — Пока Макс пытался переварить такую неожиданную мысль, она добавила: — Этой игре я научилась, сидя на коленях у папы, раньше, чем стала читать. Я была чемпионом Гесперы среди юниоров, пока меня оттуда не похитили. Заходи как-нибудь в гости, я покажу тебе свой кубок.

— Ты что, серьезно? Правда?

— Да я легче обойдусь без еды, чем без игры. Но ты понемногу учишься. Когда-нибудь ты сумеешь оказать мне серьезное сопротивление.

— Наверное, я совсем не понимаю женщин.

— Это еще очень слабо сказано.

Этой ночью Макс долго не мог заснуть. Элли давно уже тихо посапывала, а он все еще продолжал смотреть на сверкающий хвост большой кометы, наблюдать за падающими звездами, думать. И ни одна из его мыслей не была утешительной.

Положение, приходилось признать, выглядело безнадежным. Пусть даже с Чипси ничего не вышло (он и сразу не слишком на нее надеялся), все равно уж за такое количество времени поисковые группы должны были их найти. А раз этого не случилось — нет никаких оснований думать, что их вообще когда-нибудь найдут.

А теперь в довершение всего, еще и Элли откровенно его презирала. Он умудрился опять ее обидеть — опять этот его длинный, болтливый язык. Да надо было сказать, что она — самое красивое существо на этом свете, прекраснее Елены Троянской, если только это могло хоть чуть-чуть ее порадовать; в эти дни у бедной девушки так мало причин для радости.

Как не признать, положение пленника, в которое попал Макс, становилось хотя бы немного терпимее от того, что рядом Элли, а что теперь? Оставалось только день за днем проигрывать ей в 3-шахматы, пока она будет мрачно доказывать, что женщины ничем не хуже мужчин, а еще и лучше. А в конечном итоге оба они пойдут на пропитание твари, которой, если на то пошло, и родиться-то смысла не было.

Вот если бы не умер доктор Хендрикс.

Вот если бы он был тверд с Элли в то время, когда все еще могло пойти по-другому.

Вдобавок ко всему он чувствовал, а по временам это было хуже всего остального, что, если он съест еще хоть один из этих проклятых фруктов, тот застрянет у него в глотке и задушит его.

Разбудила его рука, дотронувшаяся до его плеча, и шепот.

— Макс!

— Какого?..

— Тихо. Ни звука.

Над ним склонился Сэм. Сэм!

Макс резко сел, адреналиновый шок сразу вышиб из него весь сон. Он увидел, как Сэм неслышно двинулся к месту, где спала Элли. Он присел около нее на корточки, но не дотронулся до нее.

— Мисс Элдрет, — тихо сказал он.

Элли открыла глаза и уставилась на него. Потом она открыла рот, и Макс с ужасом ждал, что сейчас она закричит. Сэм поспешно знаком велел ей молчать; она посмотрела на него и утвердительно кивнула. Сэм встал около нее на колени и стал что-то рассматривать при лунном свете, кружевными узорами ложившемся на землю, потом он вынул бластер. Последовал кратчайший из возможных слабых разрядов, абсолютно беззвучный, и Элли поднялась на ноги — свободная от пут. Сэм вернулся к Макс.

— Не шевелись, — прошептал он. — Не хотелось бы тебя обжечь. — Он встал на колено около связанной лодыжки друга.

В первый момент после вспышки веревка так стиснула лодыжку Макса, что казалось — нога будет парализована, затем путы свалились. Большая часть верев-

ки сжалась и рывком убралась куда-то в тень. Макс встал.

— Каким образом...

— Ни слова. Идите за мной. — Сэм направился в кусты, Элли за ним и последний — Макс. Они не прошли и двух десятков ярдов, как раздался плачущий голос: — Элли! — И Чипси прыгнула в руки Эддрет. Сэм резко повернулся.

— Заткни ее, — прошептал он, — если хочешь выбраться отсюда живой.

Элли кивнула и стала гладить маленькое существо, почти беззвучно что-то ей говоря. Когда Чипси пыталась что-нибудь сказать, она утихомиривала ее; в конце концов Элли засунула Чипси себе в рубашку. Все это время Сэм ждал, а теперь, не произнеся ни слова, двинулся дальше.

Они прошли несколько сотен ярдов так бесшумно, как только могут сделать это три человека, считающие, что от этого зависит их жизнь. Потом Сэм остановился.

— Дальше я не рискну идти, — тихо произнес он. — Еще немного в этой темнотище, и я заблужусь. Но я совершенно уверен, что мы уже за пределами тех мест, где они спят. Мы двинемся снова, когда хоть чуть-чуть рассветет.

— Тогда как же ты сюда попал в темноте?

— А я и не в темноте. Мы с Чипсом прятались в густом кустарнике, не более пятидесяти футов от вас, чуть ли не с полдня.

— О, — Макс огляделся по сторонам, взглянул на звезды. — Я могу найти обратный путь в темноте.

— Можешь? Вот это было бы очень здорово. Эти крошки ночью спят без задних ног — то есть это я так думаю.

— Дай я пойду первым, а ты иди после Элли.

Чтобы добраться до края плато, потребовалось более часа. Темнота, кусты под ногами, необходимость соблюдать полную тишину и то, что Макс приходилось идти медленно, чтобы, даже при своей фотографической памяти, не потерять дорогу, все это сильно задерживало. Спуск в долину пошел еще медленнее.

Когда они добрались до края леса и перед ними развернулся относительно гладкий луг, Сэм остановил

их и внимательно оглядел долину при тусклом лунном свете.

— Нельзя нарываться на них в открытом месте, — прошептал он. — Среди деревьев им довольно трудно бросать этих змеюк, но на открытом месте — боже ты мой.

— Ты знаешь про эти бросательные веревки?

— Ясное дело.

— Сэм, — прошептала Элли. — Мистер Андерсон, почему...

— Тсс! — остановил он ее. — Все объяснения потом. А теперь вперед рысцой. Мисс Элдрет, Вы задаете темп. Макс, высматривай свои ориентиры и веди нас. Побежим бок о бок. Договорились?

— Одну секунду. — Макс взял Чипси у Элли, засунул ее за пазуху и застегнул молнию. Мистер Чипс даже не проснулась, а только чуть застонала, как потревоженный ребенок. — Ну все.

Они бежали, шагали и снова бежали в течение полчаса или более, не тратя дыхания на разговоры, выкладываясь до предела в то, чтобы оказаться как можно дальше от кентавров. Двигаться было трудно из-за полутьмы и травы, доходившей до колена. Они почти достигли дна долины, и Макс старался уже разглядеть ручей, когда Сэм крикнул:

— Ложись! Ложись и прятаться.

Макс шлепнулся на землю, выставив вперед локти, чтобы не повредить Чипси; рядом с ним шлепнулась Элли. Макс осторожно повернул голову и прошептал:

— Кентавры?

— Нет. Заткнись.

На высоте футов в сто долину пересекал летучий пузырь. Макса поразило, что он летает ночью. Пузырь летел почти на них и пролетел ярдах в ста. Затем он развернулся и полетел уже прямо на них.

Он снизился и начал парить почти над самыми их головами. Макс увидел, как Сэм тщательно целится, держа бластер в обеих руках. Потом на мгновение от оружия к пузырю протянулся бледный фиолетовый луч, тварь лопнула и упала так близко, что Макс ощутил запах горелого мяса. Сэм спрятал бластер и поднялся на ноги.

— Одним шпионом меньше, — с удовлетворением произнес он. — Двигаемся, ребята.

— Ты думаешь, что эти штуки разглядывают?

— «Думаешь». Мы это прекрасно знаем. У этих меринов все здесь вокруг прекрасно организовано. Ну, кончай трепаться и давай двигать ногами.

Ручей обнаружила Элли, свалившись в него. Они выгудили ее из воды и перешли ручей вброд, остановившись только, чтобы попить. На противоположном берегу Сэм спросил:

— Мисс Элдрет, а где Ваша левая туфля?

— Свалилась в ручей.

Сэм остановился и попытался поискать, но это явно было бесполезно.

— Без толку, — решил он. — Так мы можем проискать всю ночь. Ну, как ни жаль, Вы будете сегодня с ободранными ногами. Лучше выкинуть сразу и вторую.

Сначала, пока не добрались до хребта, за которым находился поселок и корабль, это не замедляло их движения. Но вскоре после того, как начался подъем, Элли поранила о камень правую ногу. Она вела себя молодцом, сжала зубы и не жаловалась, однако темп снизился. К тому времени, как они добрались до верха, появились уже первые намеки на рассвет. Макс пошел было по сухому руслу, где они с Элли поднимались так много долгих, как годы, дней тому назад. Сэм остановил его.

— Давай разберемся точно. Это не та ложбина, которая прямо напротив корабля?

— Нет, та будет следующей за этой, северней. — Макс представил себе, как выглядела окрестность корабля, если смотреть от него, и сравнил эту картину с фотоснимками, сделанными во время приземления. — Если уж говорить точно, прямо напротив корабля лежит выступ, который находится за следующей ложбиной.

— Так я и думал. Это та самая, по которой меня вел Чипс, но я хочу, сколько это возможно, оставаться под прикрытием деревьев. К тому времени, как мы выйдем на ровное место, уже совсем рассветет.

— А какая разница? В долине, где стоит корабль, никогда не было никаких кентавров.

— Ты хочешь сказать, что ты их там никогда не видел. Тебя, сынок, долго не было. Мы сейчас находимся в опасности — и чем ближе к кораблю, тем опаснее. Так что говори потише и веди нас к тому выступу, который выходит к кораблю. Если можешь это сделать.

Макс мог, хотя для этого пришлось идти по незнакомой местности и определяться по восстанавливаемой в памяти мелкомасштабной карте. Кроме того, приходилось еще и идти «поперек борозд» вместо того, чтобы идти по какому-либо сухому руслу. В результате они часто попадали в непроходимые места, вроде отвесных обрывов футов в тридцать, которые приходилось потом обходить долго и с большими мучениями. По мере того, как светало, Сэм все больше и больше нервничал, он все время требовал, чтобы шли быстрее и тише. В то же время все ухудшавшееся состояние Элли мешало выполнению этих его требований.

— Ты уж меня прости, — прошептал он, когда ей пришлось наполовину сойти, наполовину соскользнуть со склона, удерживая себя босыми израненными ногами. — Только лучше уж добраться до места на культипках, чем попасться к ним.

— Я знаю. — Лицо Элли было искажено болью, однако она не издала ни звука. К тому времени, как Макс вывел их на выступ, уже совсем рассвело. Он молча указал на корабль, стоявший в полумиле. Они находились примерно на уровне верхней его точки.

— Я думаю, спустимся здесь, — тихо сказал он Сэму.

— Нет.

— Как?

— Деточка, дядюшка Сэм такого мнения, что лучше нам будет полежать как проклятым вот в этих кустиках тихо-тихо, разрешая слепням кусаться в свое удовольствие, до того, как совсем стемнеет.

Макс окинул глазом расстояние в тысячу ярдов.

— Мы можем пробежать этот кусок.

— Но только четыре ноги бегают быстрее двух. За последнее время мы очень хорошо это поняли.

Выбранные Сэмом кусты росли на самом краю обрыва. Он прополз сквозь них и выбрал себе место,

с которого можно было, самому оставаясь незамеченным, осматривать лежавшую внизу долину. Элли и Макс проползли следом за ним. Они были на краю крутого обрыва. Прямо перед ними находился корабль, левее и поближе — поселок.

— Устраивайтесь поудобнее, — скомандовал Сэм, — и будем караулить по очереди. Поспите, если сможете, это будет продолжаться недолго.

Макс попытался немного сдвинуть Мистера Чипса, чтобы иметь возможность лечь на живот. Из его воротника высунулась маленькая головка.

— Доброе утро, — очень серьезно произнесла она. — Завтрак?

— Нет завтрака, лапа, — ответила ей Элли. — Сэм, можно ее выпустить?

— Пожалуй, можно. Только скажи ей, чтобы она потише. — Сэм внимательно изучал лежавшую равнину. То же самое делал Макс.

— Сэм? А почему бы нам не направиться в поселок? Он же поближе.

— Там нет никого. Брошен.

— Что? Слушай, Сэм, ты бы не рассказал нам, что там у вас случилось?

Сэм ответил, не отрывая глаз от равнины:

— О'кей, только говори шепотом. Так что вы хотите знать?

Это было трудным вопросом — Макс хотел знать все.

— Что случилось с поселком?

— Его оставили. Слишком опасно.

— А что, они кого-нибудь поймали?

— Не надолго. У Дайглера был бластер. И вот тогда-то и началось это веселье. Сначала мы думали, что единственное их оружие — это метательные веревки, и что к тому же мы перепугаем их до смерти. Но у них есть еще и уйма всего прочего. К примеру, такие твари, которые роют ходы под землей. Поэтому поселок пришлось бросить.

— Кто-нибудь пострадал?

— Ну... Новобрачные жили уже в своем доме. Бекки Вебербаур стала теперь вдовой.

Элли громко охнула, и Сэм резким шепотом сказал, чтобы она не шумела. Макс, подумав, сказал:

— Сэм, я только не понимаю, почему, получив мою записку, вы не...

— Какую записку?

Макс объяснил. Сэм покачал головой.

— Зверюга эта вернулась домой в полном порядке. К тому времени мы уже знали, что вы пропали, и искали вас — к счастью, с оружием. Только записки никакой не было.

— Да? А как же ты нас нашел?

— Меня привел Чипс, я же тебе уже говорил. Но это все. Кто-то засунул ее в клетку, где она раньше сидела, там я ее и нашел вчера. Я остановился погладить ее, зная, что Вы, мисс Элдрет, пропали — и нашел бедную крошку почти обезумевшей. В конце концов до меня постепенно дошло, что она знает, где вы находитесь. Ну и... — Он пожал плечами.

— Только я еще одного не понимаю, — прошептал Макс, — почему ты пошел на такой риск в одиночку. Ты же уже знал, что они опасны; тебе было нужно взять с собой всех мужчин, какие есть на корабле, с оружием.

Сэм отрицательно покачал головой.

— И потерять таким образом всех мужчин, какие есть на корабле. Проскользнуть потихоньку было можно, по-другому — нет. А мы должны были вытащить вас.

— Спасибо. Не знаю, что и говорить, Сэм. В любом случае — спасибо.

— Да, — добавила Элли, — и кончай называть меня «мисс Элдрет». Для друзей я Элли.

— Хорошо, Элли. Как твои ноги?

— Жива буду.

— Хорошо. — Он повернулся к Максусу. — Только я не сказал, что мы хотим вытащить вас, я сказал, мы были должны. В первую очередь — тебя, Макс. Не обижайся, Элли.

— Как? А почему меня?

— Ну... — Теперь Сэм говорил с явной неохотой. — Подробности узнаешь, когда вернешься. Но похоже, что, если корабль будет стартовать, без тебя не обойтись. Ты — последний оставшийся у нас Астронавигатор.

— Да? А что случилось с Саймсом?

— Тише! Помер он.

— Господи боже! — Макс подумал, что как бы он ни не любил Саймса, но смерти от рук кентавров он не пожелал бы ни одному человеческому существу. Так он и сказал.

— Да нет, это было не так. Понимаешь, когда умер Капитан Блейн...

— И Капитан тоже?

— Да.

— Я знал, что он болел, но не думал, что настолько.

— Ну, можешь назвать это разбитым сердцем. Или гордым харакири. Или несчастным случаем. Когда я помогал паковать его вещи, я нашел пустую коробочку от снотворного. Может, он сам принял их, а может — твой дружок Саймс подсыпал ему в чай. Врач удостоверял «смерть от естественных причин». И так и записано в журнале. А что считать «естественной причиной», когда человек не хочет больше жить?

Элли тихо сказала:

— Он был хорошим человеком.

— Да, — согласился Сэм. — Может быть, даже слишком хорошим.

— Ну, а что же с Саймсом?

— Понимаешь, это совсем другая история. Похоже, что Саймс стал считать себя наследником престола, только Первый не был с этим согласен. Что-то такое в связи с какими-то пленками, которые были у Главного Вычислителя. В общем и целом, ему пришлось в голову показать Вальтеру, как он силен, и я... в общем, я сломал ему шею. Времени не было для нежностей, — торопливо добавил Сэм. — Он же вытащил бластер.

— Сэм! Ты что, опять влип в историю?

— Нет, если не считать той, которая здесь и сейчас. Если только мы — тише, ребята. — Сэм пристально всмотрелся в просвет между кустами. — Ни звука, не шевелиться, — прошептал он. — Может, он нас не заметит.

Пузырь летел с севера, параллельно хребту, чуть повыше и чуть в стороне от него. Было похоже, что он обследует возвышенность. Макс прошептал на ухо Сэму:

— Может, нам лучше податься немного назад?

— Поздно. Главное теперь — не шевелись.

Пузырь проплыл совсем рядом с ними, остановился и медленно двинулся в их сторону. Макс увидел, что Сэм держит бластер наготове. Он не стрелял, пока пузырь не завис прямо над ними. Разряд спалил иголки и ветки, но и тварь сбил тоже.

— Сэм, там еще один.

— Где? — Сэм посмотрел туда, куда указывал Макс. Второй пузырь по-видимому прикрывал первого, он летел повыше и дальше. У них на глазах он развернулся и стал набирать высоту.

— Сними его, Сэм!

Сэм встал.

— Поздно. Слишком далеко и слишком поздно. Ну что же, ребята, вот теперь мы двинулись. Больше нет смысла прятаться. Элли, садись и съезжай, это будет легче для твоих ног.

И они покатались вниз, сбивая по дороге камни, в ключья рвя одежду. Чипси, к большому своему удовольствию, двигалась самостоятельно. На дне лощины Сэм сказал:

— Макс, за сколько ты можешь сделать полмили?

— Не знаю. Минуты за три.

— Лучше бы быстрее. Двигай. Я помогу Элли.

— Нет.

— Тебе надо туда добраться! Ты там нужен.

— Нет!

Сэм вздохнул.

— Ты всегда такой мужественный и героический. Ладно, бери ее за другую руку.

Когда они, наполовину неся девушку, покрыли сотни две ярдов, Элдрет стряхнула их.

— В одиночку я могу двигаться быстрее, — сказала она, задыхаясь.

— О'кей, двинули! — выдохнул Сэм.

И действительно, теперь они двигались быстрее. Не обращая внимания на свои израненные ступни, Элли так быстро перебирала ногами, что Макс, хотя и не был еще на пределе, уже хватал ртом воздух. Корабль становился все ближе. Макс заметил, что клеть подъемника наверху, и подумал, сколько потребуется времени, чтобы их заметили и опустили ее вниз.

Они были уже на полпути, когда Сэм крикнул:

— А вот и кавалерия! Давай со всех сил.

Макс оглянулся на бегу, стадо кентавров, дюжины две, может — еще больше, несло со стороны холмов. Направление их движения не оставляло сомнений — они стремились отрезать людей от корабля. Элли тоже увидела опасность и прибавила скорости, мгновенно опередив Макса.

До корабля оставалось всего несколько сотен ярдов, когда клеть сошла с упора и лениво поползла вниз. Макс хотел было закричать, что они все-таки успеют, когда услышал топот копыт, теперь совсем неподалеку. Сэм заорал:

— Давай, ребята! В корабль!

Сам он остановился.

Макс остановился тоже, крича:

— Беги, Элли!

— Да беги же ты, кому сказано! — рявкнул Сэм. — Ты-то что можешь сделать? Без оружия.

Макс стоял в нерешительности, невыносимость выбора разрывала его. И тут Элли тоже остановилась. Сэм глянул назад, потом ударил Макса по губам тыльной стороной ладони.

— Двигай! Доведи ее до корабля.

Макс побежал, обхватив Элли одной рукой и принуждая ее тоже двигаться. А позади них Сэм Андерсон лицом к лицу встретил свою смерть, встав на одно колено и оперев ствол бластера на согнутую левую руку, в точности как на картинке из армейского руководства.

ГЛАВА 20

«Корабль — это не просто железо»

Клеть с размаху ударилась о землю, из нее выскочили четыре человека, в тот же самый момент Макс свалился внутрь нее, втащив за собой Элли. Дверь за ними с грохотом закрылась, но прежде в клеть успела влететь Чипси. Она подбежала к Элли, вцепилась в ее руку и завывала. Элдрет сделала попытку сесть.

— Как ты там? — спросил Макс.

— Да вроде ничего. Только... — Она заплакала, а Макс резко повернулся и попробовал открыть дверь.

Дверь не открывалась. Только через некоторое время он сообразил, что лифт уже оторвался от земли и продолжает медленно подниматься. Макс ударил по кнопке «стоп».

Реакции не последовало никакой, клеть продолжала подъем. Футах в десяти от земли она остановилась. Макс посмотрел через решетку вверх и крикнул:

— Эй! Там, наверху! Опускай!

Реакции опять не было. Он попробовал дернуть дверь — бесполезно, так как предохранительное устройство не позволяло открыть ее при поднятой клетке. Бессильный что-либо сделать, Макс ухватился за прутья и выглянул наружу. Сэма он не увидел. Кентавры носились кругами не очень далеко от корабля. Он увидел, как один из них споткнулся и упал, затем другой. Потом он заметил четверых, которые выскочили из лифта навстречу ему. Они лежали плашмя неподалеку от корабля, развернувшись в гранитную стрелковую цепь. У каждого был бластер с прикладом, каждый, тщательно целясь, стрелял.

Дистанция была не слишком большой, сотни три ярдов, и выстрелы часто попадали в цель. Каждый бесшумный, почти невидимый разряд сшибал кентавра.

Макс насчитал еще семь убитых кентавров, а потом чудовища развернулись и врассыпную понеслись в сторону холмов. Стрельба продолжалась и, прежде чем расстояние стало слишком большим, упало еще несколько кентавров.

Кто-то крикнул:

— Не стрелять! — Один из людей поднялся на ноги и побежал туда, где был центр сражения. Остальные тоже поднялись и последовали за ним.

Вернулись они, неся что-то, похожее на тюк грязной одежды. Клеть опустилась на землю, они вошли и осторожно положили свою ношу на пол. Один из вошедших искоса взглянул на Элдрет, торопливо снял с себя куртку и накрыл ею лицо Сэма. Только тогда Макс увидел, что это был мистер Вальтер.

Остальные трое были мистер Дайглер, какой-то человек с силовой установкой, которого Макс не знал по имени, и Главный Эконом Джордана. Толстяк плакал, не скрывая слез.

— Вшивые ублюдки, — говорил он, всхлипывая, — у него не было никаких шансов. Они просто затоптали его насмерть. — Он задохнулся, потом добавил: — Но он успел достать их штук пять, не меньше. — Джордана глядел прямо на Макса, видимо, не узнавая. — Он хорошо с ними посчитался.

Элдрет тихо спросила:

— Он умер?

— Что? Конечно же. Не задавай глупых вопросов. — Эконом отвернулся.

Лифт рывком остановился. Вальтер заглянул через шлюз внутрь и зло произнес:

— Уберите отсюда этих зрителей. Что это, цирк для них? — Он повернулся внутрь лифта. — Ребята, давайте вынесем его.

Нагибаясь, чтобы помочь, Макс увидел, как миссис Дюмон уводит Элдрет. Очень осторожно они внесли Сэма на корабль и положили его на палубу около уже ожидавшего врача. Вальтер выпрямился и, как казалось, только что заметил Макса.

— Мистер Джонс? Вы бы не могли как можно скорее зайти ко мне?

— Да, сэр. Но только... — Макс посмотрел на лежавшего на полу друга. — Я бы только хотел...

Вальтер оборвал его.

— Вы все равно не можете здесь ничем помочь. Идем. — И добавил более мягким голосом. — Заходите минут через пятнадцать. За это время вы успеете умыться и переодеться.

Макс появился в каюте Первого Помощника вовремя, приняв душ, наскоро побрившись и в чистой форме — хотя и без фуражки. Единственная его форменная фуражка была где-то в далеком домике, он потерял ее еще при первой встрече с кентаврами. Кроме Вальтера в каюте находились Главный Механик Компаньон и мистер Сэмьюэлс, Казначей. Они сидели вокруг стола и пили кофе.

— Входите, мистер Джонс, — пригласил Вальтер. — Садитесь. Кофе?

— Да, сэр. — Макс вдруг понял, что страшно голоден. Он положил в чашку уйму сливок и сахару.

Несколько минут, пока Макс пил кофе и понемногу приходил в себя, говорили о всяких мелочах. В конце концов Вальтер сказал:

— Как Ваше состояние, мистер Джонс?

— Да, пожалуй, ничего. Устал только.

— Да уж думаю. Очень жаль, что приходится так сразу за Вас браться. Вы знаете, в какой ситуации мы находимся?

— Кое-что знаю, сэр. Сэм мне рассказывал... Сэм Андерсон... — Макс не смог говорить дальше.

— Мы все очень сожалеем об Андерсоне, — рассудительно произнес мистер Вальтер. — Во многих отношениях он был одним из лучших, с кем я служил. Но вы продолжайте.

Макс пересказал то, что успел рассказать ему Сэм, однако сократил сведения о Саймсе и Капитане Блейне до простого утверждения, что они мертвы. Вальтер кивнул.

— В таком случае, Вы, конечно, понимаете, чего мы от Вас хотим?

— Думаю, да, сэр. Вы хотите взлететь, и поэтому Вам нужно, чтобы я занимался 'астронавигацией'. — Он немного помолчал. — Думаю, что я справлюсь.

— Мм... да. Только это не все.

— Сэр?

— Вы должны быть Капитаном.

Все трое без отрыва глядели на него. У Макса закружилась голова и он на мгновение подумал, что это такое с ним происходит. Лица собеседников выросли в размерах, потом куда-то отступили. Он с трудом сообразил, что уже много часов почти не ел и почти не спал, жил на одних нервах — да, все дело, видимо, в этом. Словно откуда-то издалека до него донесся голос Вальтера:

— ...Крайне необходимо без малейшего промедления покинуть эту планету. В юридическом смысле наше положение сейчас совершенно очевидно. В космосе командовать кораблем имеет право только офицер-астронавигатор. Вы получаете предложение возложить на себя эту ответственность в очень юном возрасте, но Вы — единственный человек, удовлетворяющий

всем требованиям, и поэтому Вы просто обязаны согласиться.

Макс с трудом взял себя в руки, расплывшиеся, колеблющиеся очертания окружающих вновь сфокусировались.

— Мистер Вальтер?

— Да?

— Но я же не Астронавигатор. Я только стажер на испытательном сроке.

Ему ответил Главный Механик Компаньон.

— А Келли говорит, что Вы — Астронавигатор, — прорычал он.

— Да Келли сам больше Астронавигатор, чем я!

Компаньон потряс головой.

— Вы не можете судить о своих возможностях. — Сэмьюэлс кивком выразил свое согласие.

— Давайте покончим с этим, — добавил Вальтер. — Вопрос о том, чтобы Главный Вычислитель стал Капитаном, даже не стоит. И Ваше положение в гильдии не имеет значения. Последовательность передачи командования кораблем по необходимости ограничена одними Астронавигаторами. И Вы — старший в этой последовательности, каким бы Вы ни чувствовали себя молодым. В настоящий момент командование кораблем лежит на мне — пока я его не передал. Но я не могу поднять корабль в пространство. И если Вы откажетесь... я не знаю, что мы будем тогда делать. Я совершенно не знаю.

Макс сглотнул и сказал:

— Послушайте, сэр. Я же не отказываюсь исполнять свои обязанности. Я буду заниматься астронавигацией — какого черта, я думаю, что при сложившихся обстоятельствах меня вполне можно назвать Астронавигатором. Но зачем же притворяться, что я — Капитан. Я буду направлять корабль, а Вы командуйте. Так будет лучше всего, сэр. Я же даже не знаю, как должен себя вести Капитан.

Вальтер отрицательно покачал головой.

— Это невозможно с точки зрения закона.

Компаньон добавил:

— Я-то лично не очень забочусь обо всех этих юридических штучках. Но в то же время я понимаю,

что ответственность нельзя поделить. Если говорить откровенно, молодой человек, я бы предпочел на посту шкипера Вальтера — но он не знает астронавигации. Я был бы в восторге, если бы это был док Хендрикс — но его нет. Я бы даже охотнее потащил эту ношу сам, чем возлагать ее на Вас — но я физик и того, что я знаю из математики астронавигации, вполне достаточно, чтобы понять, что всей моей жизни не хватит, чтобы достичь той скорости, которая астронавигатору просто необходима. Не тот у меня темперамент. Келли говорит, что у Вас она есть. Я служил с Келли много лет, я ему доверяю. Так что, сынок, дело это как раз для тебя: ты должен взять его на себя — и пост, который к нему прилагается. Вальтер поможет — да мы все тебе поможем — но ты просто не имеешь права уклониться и оставить его со всеми этими делами на руках.

Мистер Сэмьюэлс спокойно сидел.

— Я не могу согласиться с Главным Механиком насчет маловажности легального аспекта: чаще всего эти законы имеют под собой очень серьезные основания. Но со всем остальным, что он сказал, я согласен вполне. Мистер Джонс, корабль — это не только кусок металла, это еще и сложный политический организм. И нарушать его законы и обычаи — значит нарываться на большие неприятности, может даже катастрофу. Значительно проще будет сохранять мораль и дисциплину на этом корабле при юном Капитане, поддерживаемом всеми офицерами, чем дать пассажирам и команде повод заподозрить, что человек, обязанный принимать критические решения, решения по управлению кораблем, от которых зависит его жизнь и смерть, что этому всемогущему человеку в то же время невозможно доверить командование кораблем. Нет, сэр, такая ситуация по-настоящему испугала бы меня; именно так и начинаются мятежи.

Макс чувствовал биение своего сердца, голова его разламывалась на куски от боли. Вальтер мрачно посмотрел на него и спросил:

— Ну так как?

— Я принимаю ваше предложение. — Потом он добавил: — А что мне еще остается делать?

Вальтер встал.

— Какие будут указания, Капитан?

Макс сидел не двигаясь и пытался успокоить сердцебиение. Он сжал пальцами свои пульсирующие виски, вид у него был перепуганный.

— Ну, продолжайте работы по графику. Начните приготовление к старту корабля.

— Есть, сэр. — Вальтер помолчал, потом спросил: — Позвольте Вас спросить, когда Капитан намерен произвести старт?

Максу опять стоило больших трудов сконцентрировать внимание на происходящем.

— Когда? Не раньше, чем завтра — завтра в полдень. Мне нужна ночь для того, чтобы выспаться. — Про себя он подумал, что вместе с Келли они могут вывести корабль на орбиту вокруг планеты, убравшись таким образом от кентавров, а затем спокойно обдумать следующий ход.

— Я думаю, что это правильно, сэр. Нам нужно время. — Компаньон встал. — Если вы позволите, сэр, начну подготовку своего хозяйства.

К нему присоединился Сэмьюэлс.

— Ваша каюта готова, сэр. Я распоряжусь, чтобы через несколько минут туда перенесли Ваши вещи.

Макс посмотрел на него с удивлением. Он еще не успел осознать все новые обстоятельства своей теперешней должности. Жить в святая святых Капитана Блейна? Спать на его койке?

— Я не думаю, что это так уж необходимо. Мне вполне удобно в моей каюте.

Сэмьюэлс бросил взгляд на Первого Помощника, а затем сказал:

— С Вашего позволения, Капитан, это как раз одно из тех обстоятельств, которые я имел в виду, говоря, что корабль — сложный политический орган.

— Э? — Макс немного подумал, а затем неожиданно почувствовал, как одновременно на него опускается тяжкая ноша и у него появляется сила, чтобы эту ношу выдержать. — Очень хорошо, — ответил он голосом, в котором появилась уверенность. — Так и сделайте.

— Да, сэр. — Сэмьюэлс взглянул на него. — Кроме того, Капитан, — если, конечно, Вы того желаете, — я

скажу Лопесу, чтобы он зашел в Вашу каюту и подравнил Вам волосы.

Макс сдвинул прядь волос с уха назад.

— Да уж, я действительно оброс, не правда ли? Очень хорошо.

Казначей и Главный Механик вышли из каюты. Макс несколько секунд постоял в неуверенности. Что ему делать дальше в своей новой роли? Вальтер сказал:

— Капитан, Вы не могли бы уделить мне еще несколько минут?

— О, конечно. — Они сели за стол, и Вальтер снова налил кофе. Макс сказал: — Мистер Вальтер, как Вы думаете, могли бы мы позвонить и попросить, чтобы принесли бутербродов? Я не ел сегодня.

— Как же, конечно! Простите меня, сэр. — Вальтер не стал вызывать звонком посыльного, а вместо этого позвонил по телефону и заказал ленч. Затем он повернулся к Макс. — Капитан, я рассказал Вам не все, да и не хотел делать это в присутствии других.

— Да?

— Только поймите меня правильно. То, что я передаю командование Вам, не зависит от этих обстоятельств. Кроме того, совсем не обязательно, чтобы Ваши подчиненные знали все, что знает их Капитан, даже если эти подчиненные — командиры подразделений.

— Пожалуй, что так.

Вальтер смотрел на свой кофе.

— Вы знаете, каким образом умер Саймс?

Макс рассказал ему то небольшое, что успел узнать у Сэма. Вальтер кивнул.

— В основных чертах так все это и было. Миль... Не полагается, конечно, плохо говорить о мертвых, но Саймс был крайне неуравновешенным. Когда умер Капитан Блейн, он счел само собой разумеющимся, что он сразу же становится Капитаном.

— Ну, я думаю, что так оно и выглядело с его точки зрения, с точки зрения закона.

— Да ни в коем случае! Извините меня, что я Вас поправляю, Капитан, но это ошибочно на все сто процентов.

Макс нахмурился.

— Я, наверное, чего-то совсем не понимаю, — но мне казалось, что Вы убеждали меня именно этим доводом.

— Нет, сэр, так как корабль находился на земле, командование переходило ко мне, старшему по званию. И от меня не требуется, чтобы я передавал командование Астронавигатору — только тогда — и в том случае — когда корабль уходит в космос. И даже в таком случае не обязательно передавать командование именно старшему по званию офицеру-астронавигатору. Мои обязанности в данном случае определены предельно ясно — при возможности производить выбор из нескольких кандидатур. Я обязан передать командование только тому офицеру, относительно которого имею уверенность, что он справится со своими обязанностями. Так вот, у меня уже давно были сомнения относительно мистера Саймса, я имею в виду его характер. Однако, в данной ситуации мне было бы крайне трудно не передать ему командование, как только было решено, что мы должны взлететь. Но вышло так, что еще до того, как мы лишились Капитана, мне представился случай познакомиться со способностями мистера Саймса по части астронавигации — отчасти из-за того разговора с Вами. Я поговорил с Келли — как Вы совершенно верно поняли, у Келли очень хорошая репутация. Думаю, теперь я понимаю, каким образом получилось, что последний переход был неудачным — Келли не пожалел сил на объяснения. Так вот, этот факт и то, что, как совершенно прямо сказал мне Келли, ни один из членов Вашей команды из Ямы не желал бы отправляться в космос под началом мистера Саймса, привело меня к решению, что, если уж дойдет до этого, я скорее навсегда оставлю корабль на планете, чем позволю Саймсу стать капитаном. Все это, конечно, было предположительными размышлениями; Капитан был болен, и предусмотрительность заставляла меня рассматривать различные варианты.

А потом Капитан умер — и Саймс объявил себя Капитаном. Этот идиот даже перебрался в капитанскую каюту и послал за мной. Я сказал, что он не командует этим кораблем и никогда не будет им командо-

вать. Затем я ушел, запасся свидетелями и прихватил с собой главу нашей полиции, чтобы выкинуть его из каюты. А что произошло потом, Вы уже знаете. Не только Вы обязаны жизнью Андерсону, и я тоже.

Вальтер резко переменял тему разговора.

— А вот про этот потрясающий трюк, который Вы проделываете, — вычисление без таблиц и справочников. Вы всегда можете это делать?

— Что? Конечно, да.

— И Вы помните все эти таблицы? Или только некоторые из них?

— Я помню все стандартные таблицы и справочники, то, что Астронавигаторы называют своими «орудиями труда». — Макс начал было рассказывать о своем дяде, но Вальтер мягко его остановил.

— Если позволите, сэр, я рад это услышать. Я очень рад это услышать. Так как единственные такие книги, имеющиеся на этом корабле, это те, которые находятся у Вас в голове.

Пропажу, естественно, обнаружил не Вальтер, а Келли. Когда он поделился своими подозрениями с Вальтером, они устроили обыск. Когда это не дало результатов, было объявлено, что один (правда, он всего один и был) комплект книг пропал. Вальтер предложил вознаграждение, корабль прочесали от кормы до астрокупола — книг не было.

— Я думаю, он спрятал их где-то снаружи, — закончил свой рассказ Вальтер. — Вы понимаете, в какое положение это ставит нас — мы же находимся в осаде. И даже если бы не это, найти их можно было бы только случайно. Так что я очень рад, что Вы так же уверены в своей памяти, как в ней уверен Келли.

У Макса начали появляться сомнения — одно дело проделывать что-нибудь как трюк, для своего удовольствия, совсем иное — делать это по необходимости.

— Все не так плохо, — ответил он.

— Возможно, Келли не подумал об этом, но таблицы логарифмов и двоичных переводов, вероятно, найдутся у механиков, а с ними мы сумеем справиться с любым обычным маршрутом. Остальное нужно в основном для аномальных переходов.

— Келли тоже об этом подумал. Скажите мне, Капитан, каким образом возвращается назад корабль после того, как он проникнет в новооткрытую конгруэнтность?

— Что? Так что вы хотите, чтобы я сделал с этим кораблем?

— Я не имею права, — официальным голосом сказал Вальтер, — говорить Капитану, куда он должен вести свой корабль.

— Я тоже думал об этом, — медленно произнес Макс. — Последние дни у меня была уйма времени для размышлений. — Он не стал уточнять, что думал об этом в плену ночами, чтобы уберечь свой рассудок. — Конечно же, у нас нет тех приборов, которые несет исследовательский корабль, да и прикладная астронавигация не занимается слишком подробно методами вычисления конгруэнтности. И не все исследовательские корабли возвращаются.

— Но... — Тут их прервал стук в дверь. В каюту вошел человек из команды Эконома и уставил стол едой. Макс почувствовал острое чувство голода.

Намазав ломтик тоста маслом и джемом, он отхватил от него большой кусок.

— Господи, да как же хорошо!

— Мне надо было самому догадаться. Не хотите банан, сэр? Внешне они выглядят вполне прилично. Кажется, гидропоникам пришлось недавно их прорезживать.

Макса передернуло.

— Не думаю, чтобы я когда-нибудь смог опять есть бананы. И папайю.

— Аллергия, Капитан?

— Не то чтобы... Ну, в общем, да. — Покончив с тостом, он сказал: — Так насчет того варианта, с конгруэнтностью. Я уведомя Вас позже.

— Хорошо, Капитан.

Незадолго до обеда Макс стоял в капитанской спальне перед высоким зеркалом и рассматривал свое отражение. Волосы его снова были коротко подстрижены, а двухчасовой сон немного снял усталость с лица. Он аккуратно надел форменную фуражку под необходимым углом. Внутри фуражки, которую Макс обнару-

жил в каюте вместе с одной из своих собственных форм, было написано «Хендрикс». На форму чья-то рука нашла капитанские знаки различия. Макс уже смирился с тем, что он — Капитан, хотя это и казалось каким-то диким сном, но все равно большое изображение солнца на груди беспокоило его. Он чувствовал, что, несмотря на четыре капитанских шеврона, не имеет права ни на что большее, чем маленькое солнышко, обведенное окружностью.

Однако, Вальтер и Сэмьюэлс, при всей почтительности, были тверды в этом вопросе. Сэмьюэлс цитировал какие-то прецеденты, проверить которые Макс не мог. Он сдался.

Еще раз посмотрев на себя в зеркало, он расправил плечи и вздохнул. Ну что же, надо идти, никуда не денешься. Спускаясь по трапу, он услышал, как корабельные динамики несколько раз повторили:

— Всем членам команды и всем пассажирам явиться в гостиную палубы Б.

Толпа молча расступилась перед Максом. Он подошел к столу Капитана — к своему столу — и сел во главе его. Вальтер стоял рядом с его стулом.

— Добрый вечер, Капитан.

— Добрый вечер, мистер Вальтер.

Элли сидела напротив него. Она поймала его взгляд и улыбнулась.

— Привет, Элли. — Он ощутил, что краснеет.

— Добрый вечер, Капитан, — твердым голосом сказала она. Одета она была в таком же великосветском стиле, как и в первый раз, когда Макс увидел ее в гостиной. Казалось совершенно невероятным, что эта леди — та самая девчонка, чье грязное личико смотрело на него поверх нацарапанных на земле шахматных досок.

— А как Ваши ноги?

— Сплошные бинты и домашние шлепанцы. Врач очень хорошо над ними поработал. Я прямо завтра буду уже танцевать.

— Вы лучше так не торопитесь.

Она бросила взгляд на его шевроны и солнце на груди.

— И это Вы мне говорите.

Не успел Макс ответить — а ответить было нечего — как Вальтер наклонился к его плечу и тихо сказал:

— Мы готовы, Капитан.

— О! Давайте.

Вальтер постучал по стакану.

Первый Помощник обрисовал положение в спокойных тонах, отчего оно представилось разумным, неизбежным. Закончил он, сказав:

— И таким образом, в соответствии с законами и обычаями космоса, я передал свое временное командование вашему новому Капитану. Капитан Джонс!

Макс поднялся. Он огляделся, сглотнул, попытался заговорить и не смог. Затем так, словно это была намеренная драматическая пауза, а не просто жест отчаяния, он взял свой стакан и сделал глоток.

— Уважаемые гости и члены команды, — начал он, — мы не можем здесь оставаться. Все вы это знаете. Мне сказали, что Врач назвал систему, противостоящую нам на этой планете, «симбиотическим рабством» — это отношения, похожие на отношения человека с собакой, только в большем масштабе, и покрывают собой они, видимо, весь животный мир этой планеты. Но человек не создан для рабства — симбиотического, или любого другого. В то же время нас слишком мало, чтобы одержать сейчас победу, поэтому мы должны уйти.

Он сделал паузу, чтобы отпить еще глоток; в это время Элли ободряюще поймала его взгляд.

— Возможно, когда-нибудь сюда вернутся другие — подготовленные лучше нас. Ну, а что касается нас, я собираюсь попытаться провести «Асгард» назад через... ну, «дырку», вы можете называть это так, через которую мы попали сюда. Это рискованное дело. Мы не заставляем ни одного из вас принимать в этом участия, однако учтите, что это — единственный доступный нам путь домой. Любой, кто испугается этого риска, будет высажен на северном полюсе третьей планеты — вечерней звезды, которой мы дали имя «Афродита». Возможно, вы сумеете там выжить, хотя даже на полюсах этой планеты очень жарко. Если вы предпочитаете такой вариант, сообщите свои фамилии Каз-

начею сегодня вечером. Все остальные попытаются по-
пасть домой. — Он замолк, затем неожиданно ска-
зал: — Это все, — и сел.

Аплодисментов не последовало, и он пришел в
мрачное настроение, считая, что первое его появление
перед населением корабля не получилось. Обедавшие
понемногу начали переговариваться, члены команды
покинули зал, официанты стали быстро подавать блю-
да. Элли посмотрела на него и чуть-чуть одобрительно
кивнула. Миссис Мендоса сидела слева от него, она
сказала:

— Ма... то есть, я хотела сказать «Капитан» — это и
вправду так опасно? Мне как-то совсем не нравится
мысль о том, чтобы сделать нечто рискованное. Неу-
жели мы больше ничего не можем придумать?

— Нет.

— Но ведь должен же быть какой-нибудь еще выход?

— Нет. И я бы предпочел не обсуждать этот вопрос
за столом.

— Но... — Макс твердо продолжал черпать ложкой
суп, стараясь, чтобы руки не дрожали. Когда он поднял
голову от тарелки, его глаза встретились с поблескива-
ющими глазами сидевшей напротив женщины, миссис
Монтефьоре, которая предпочитала, чтобы ее на фран-
цузский манер называли «Принципессе» — титул со-
мнительный до крайности.

— Долорес, отстаньте Вы от него с такой ерундой.
Мы все хотим послушать про его приключения — ведь
правда, Капитан?

— Нет.

— Не ломайтесь, пожалуйста. Мне говорили, что
все это было ужасно романтично. — Она растянула
последнее слово и искося, исподтишка, бросила взгляд
на Элли. Потом она снова поглядела на Макса глазами
хищной птицы и оскалила в улыбке зубы. Казалось,
что зубов у нее больше, чем полагается.

— Расскажите нам все-все про это.

— Нет.

— Но Вы же просто не имеете права отказать даме.
Элдрет одарила ее лицемерной улыбкой и сказала:

— Принцесса, милочка, Вы слишком широко от-
крываете рот.

Миссис Монтефьоре прикусила язык.

После ужина Макс поймал Вальтера один на один.

— Мистер Вальтер?

— Да, Капитан?

— Я не ошибаюсь, считая, что одной из моих привилегий является право выбирать лиц, которые сидят за моим столом?

— Именно так, сэр.

— В таком случае — эта особа женского пола, Монтефьоре... Не могли бы Вы сказать, чтобы ее пересадили? И уже к завтраку.

Вальтер слегка улыбнулся.

— Есть, сэр.

ГЛАВА 21

Капитан «Асгарда»

Сэма отнесли наружу и похоронили на том самом месте, где он погиб. Макс ограничил число участников похорон собой, Вальтером и Джиордана, передав Элли, чтобы она не приходила. Был и почетный караул, вооруженный боевым оружием. Он лежал кольцом вокруг могилы, не спуская глаз с холмов. Макс прочел заупокойную службу почти неслышным голосом — громче он просто не мог.

Механики срочно изготовили надгробный памятник — заостренный сверху прямоугольный столбик из нержавеющей металла. Макс смотрел на столбик, лежавший рядом с могилой, и вспоминал, как он выбирал эпитафию. «Никто иной так сильно не любил?» Нет, решил он, Сэму с его циничным презрением к любой сентиментальности это не понравилось бы. Он думал о надписи. «Он играл теми картами, которые ему сдали» — но и это не подходило Сэму; если Сэму не нравились карты, он мог иногда подменить и всю колоду. Нет, вот это было больше в духе Сэма. Макс воткнул столбик в землю и прочитал написанное на нем:

В ПАМЯТЬ

Сержанта Сэма Андерсона

Из Имперской Морской Пехоты

«Он ел все, что давали»

Вальтер видел памятник впервые.

— Так вот, значит, какие дела? В общем-то я и сам о чем-то таком догадывался.

— Да. Я так и не знаю настоящую его фамилию. Ричардс. А может — Робертс?

— О! — Вальтер немного обдумал, что из этого следует. — Мы можем восстановить его в звании, сэр, посмертно. Его можно будет установить по отпечаткам.

— Думаю, Сэм был бы доволен.

— Я займусь этим, сэр, когда мы вернемся домой.

— Если мы вернемся.

— Если вы не возражаете, Капитан, то лучше — когда мы вернемся.

После похорон Макс направился прямо на пост управления. Он был уже здесь накануне вечером и оправился уже кое-как от шока, полученного им, когда в Хитрой Яме к нему тоже стали относиться как к Капитану. На этот раз, когда Келли встретил его словами: «Доброе утро, Капитан», — он сумел воспринять это почти непринужденно.

— Доброе утро, шеф. Доброе утро, Ланди.

— Кофе, сэр?

— Спасибо. Так с выходом на орбиту — все уже готово?

— Еще нет, сэр.

— Тогда и забудьте про нее. Я решил двигаться прямо назад. Спланировать все успеем на ходу. Эти пленки у Вас?

— Я взял их оттуда перед вахтой. — Они говорили о пленках, спрятанных в каюте Макса. Саймс сумел избавиться от первого комплекта сразу после смерти Капитана Блейна; запасной комплект был единственным источником информации о том, когда и где «Асгард» прорвался в это пространство, там же находились записи всех стандартных наблюдений, произведенных сразу после скачка.

— О'кей. Тогда за работу. Кнопки нажимать может Ковак.

Остальные уже понемногу подходили, хотя оставалось еще порядочно времени до начала вахты. Так было принято в команде Келли.

— Если Вы не возражаете, сэр, я охотно посидел бы за компьютером вместо Капитана.

— Ковак с этим справится. А Вы можете помочь Ногучи и Ланди с этими пленками.

— Есть, сэр. — Через некоторое время к Максy стали поступать данные. Прошлой ночью он дважды просыпался в холодном поту от страха, что утратил свою уникальную память. Однако когда пошли данные, он программировал без малейших усилий, нужные страницы сами открывались перед его внутренним зрением. В основных чертах программа полета состояла из короткого отхода от планеты, чтобы избавиться от ее влияния, изменения положения корабля, чтобы местное солнце оказалось «сзади» и было проще учитывать его поле, а затем прямого ускоренного полета в тот район, где они прорвались в это пространство. Все это не обязательно должно было выполняться точно, произвести скачок с первого подхода не планировалось; необходимо было сперва исследовать нужную область пространства, произведя много фотографических наблюдений и обсчитав результаты. В этом месте разведка никогда не проводилась, придется провести ее самостоятельно.

Старт был просчитан, результаты расчета записаны на ленту автопилота, а лента была поставлена на пульт управления задолго до полудня. Корабль придерживался местного времени, в результате час содержал около пятидесяти пяти стандартных минут. Теперь корабль вернется к Гринвичскому времени, временем всегда распоряжался пост управления. Обед будет попозднее, кое-кто из пассажиров, как обычно, переставит свои часы не в ту сторону и будет, как обычно, винить в этом правительство.

Они синхронизировались с двигательщиками, пленка в автопилоте запустилась, дел больше не осталось, — только нажать кнопку за несколько секунд до установленного времени и тем самым разрешить автопилоту поднять корабль. Зазвенел телефон, Смит взял трубку и повернулся к Максy.

— Это Вас, Капитан.

— Капитан, — голос говорившего звучал озадаченно. — Мне очень не хотелось отвлекать Вас на посту управления.

— Ничего. А в чем дело?

— Это миссис Монтефьора. Она хочет, чтобы ее высадили на «Афродите».

Макс секунду подумал.

— Кто-нибудь еще передумал?

— Нет, сэр.

— Им же всем было сказано, чтобы они сообщили свои фамилии вчера вечером.

— Я указал ей на это, сэр. Ее ответы нельзя назвать вполне логичными.

— Мне бы доставило ни с чем не сравнимое удовольствие посадить ее там. Но, как ни говори, мы все-таки за нее отвечаем. Скажите ей «нет».

— Есть, сэр. Позволительно будет мне иметь некоторую свободу в том, каким образом я скажу ей это?

— Конечно. Только держите ее от меня подальше. — Макс положил трубку и обнаружил, что рядом стоит Келли.

— Уже скоро, сэр. Может быть, Вы сядете за пульт и все сами проверите? До того, как поднимете корабль?

— Э? Да нет, поднимайте Вы, шеф. Первая вахта Ваша.

— Есть, Капитан. — Келли сел за пульт. Макс занял капитанское кресло, чувствуя себя несколько неловко. Жаль, что он не научился курить трубку — так бы все было на месте — Капитан сидит в стороне, спокойный, с трубкой в зубах, а тем временем корабль маневрирует.

Он ощутил легкую пульсацию, и его вдавило в кресло чуть сильнее: «Асгард» снова был в собственном поле искусственного тяготения, независимом от внешних факторов. Через несколько секунд корабль поднялся; заметно это было только потому, что голубое небо за куполом сменилось усеянной звездами тьмой Космоса.

Макс встал и заметил, что все еще держит в руке воображаемую трубку; он поспешно ее бросил.

— Пойду вниз, шеф. Позовите меня, когда первые результаты наблюдений будут готовы для расчетов. Кстати, по какому расписанию будут вахты?

Келли закрыл пульт, встал и подошел к нему.

— Знаете, Капитан, я планировал, что мы с Ковак-ком будем через раз, а остальные ребята будут стоять одну из трех, сдвоим позднее.

Макс отрицательно покачал головой.

— Нет. Вы, я и Ковак. И останемся на одной из трех как можно дольше. Сейчас никто не может сказать, как долго мы там провозимся, пока решим сделать попытку.

Келли понизил голос.

— Капитан, можно я скажу, что я думаю?

— Келли, как только Вы перестанете быть со мной откровенным, я потеряю какие-либо шансы довести это дело до конца. Вы же сами это знаете.

— Благодарю Вас, сэр. Но Капитан не должен себя выматывать. Так получилось, что Вам придется производить все вычисления. — Потом Келли добавил тише: — Безопасность корабля важнее Вашей... Ну, подходящим словом будет, пожалуй, гордости.

Ответил Макс далеко не сразу. Он на собственном опыте, без посторонней помощи и предварительного обучения знал, что командиру непозволительно обычные, простительные человеку в любой другой должности, слабости. Власть, врученная ему, управляет им самым значительно сильнее, чем кем-либо другим. Привилегии Капитана — вроде права убрать из-за своего стола надоедливую бабу — были малозначительны в то время, как трудности этой нечеловеческой работы множились самым неожиданным образом.

— Шеф, — медленно произнес он, — как Вы думаете, хватит места за компьютером, чтобы перенести туда все это кофейное хозяйство?

Келли прикинул на глаз размеры свободного места.

— Да, сэр. А зачем?

— Я подумал, что тогда здесь хватит места поставить койку.

— Вы собираетесь спать здесь, сэр?

— Иногда. Но я думал вообще, обо всех нас — ведь Вы проводите здесь половину своего времени. Ближайшие несколько недель совсем не обязательно, чтобы старший по вахте большую часть времени бодрствовал — так все мы сможем немного дремать, когда

представится такая возможность. Что Вы об этом думаете?

— Это противоречит инструкциям, сэр. Плохой прецедент... и плохой пример. — Он бросил взгляд на Ногучи и Смита.

— Вы запишите это соответствующим официальным образом, цитируя пункт инструкции и временно отменяя его по случаю чрезвычайных обстоятельств и из соображений безопасности корабля. А я подпишу.

— Если Вы так хотите, сэр.

— В Вашем голосе что-то не слышно уверенности, так что возможно, я и не прав. Подумайте, а потом скажете мне.

Койка появилась и приказ был записан в журнал, однако Макс ни разу не видел, чтобы Келли или Ковак хоть раз легли на нее. А что касается его самого, не пользуясь он этой койкой, спать пришлось бы ему совсем мало.

Ел Макс обычно тоже на посту управления. По пути на свидание с НИЧТО делать было, собственно, почти нечего, только время от времени проводить наблюдения да выяснения, где расположено это НИЧТО в окружающем небе. Однако, Макс быстро заметил, что, когда он не вычисляет, он беспокоится, или делится своими беспокойствами с Келли.

Каким образом разведывательные корабли находят путь назад через впервые обследуемые конгруэнтности? И что происходит с теми из них, которые не возвращаются? Возможно, доктор Хендрикс сумел бы найти обратную сторону ненанесенной на карты конгруэнтности при помощи стандартных приборов корабля — а может быть и нет. Макс решил, что доктор Хендрикс сумел бы; покойный был фанатиком своей профессии и обладал обширнейшими познаниями в области теоретической физики, на которой основываются рутинные числовые расчеты — познаниями, Макс был уверен, значительно более широкими, чем у большинства астронавигаторов.

Макс знал, что разведывательные корабли обсчитывают конгруэнтности с обеих сторон, используя теорию гравитационного поля и данные, полученные на первоначально неизвестной стороне. Он предпринял

попытки провести грубые прикидки подобных вычислений, но потом бросил это занятие. У него не было ни малейшей уверенности в получаемых результатах — он был уверен в том, что правильно производят сами математические операции, но крайне сомневался в теоретических предпосылках и остро ощущал неточность закладываемых в расчет исходных данных. Было просто невозможно точно измерить массы звезд, состоящих на целые световые годы, при помощи оборудования, имевшегося на «Асгарде».

Похоже было, что, когда Макс бросил свои попытки, Келли почувствовал облегчение. Теперь они вдвоем посвятили все свое время стараниям проложить «колею» к тому необозначенному на картах участку неба, в котором они — согласно фотоснимкам, сделанным тогда — прорвались в это пространство, с целью в конце концов скользнуть по этой колее, появиться в нужном месте со скоростью только чуть меньше световой, затем дать кораблю толчок и надеяться на хороший исход.

Аналогичный маневр на поверхности планеты был бы простым делом, но ситуация в космосе не имеет себе аналогов на поверхности. «Неподвижные» звезды двигались с большими скоростями, а других ориентиров в космосе нет; для того, чтобы решить, какой участок безликого пространства является тем самым, в котором ты был в прошлый раз, нужно численно решать уйму уравнений, не имеющих изящного теоретического решения. По каждой нанесенной на карту конгруэнтности Астронавигатор получает таблицу заранее вычисленных решений — «Критические Таблицы Обследованных Аномалий». Макс с Келли предстояло составить такую таблицу самим.

Макс проводил так много времени на посту управления, что в конце концов Первый Помощник осторожно сказал ему, что настроение пассажиров, вероятно, заметно улучшится, если он найдет время иногда показываться в гостиной. Вальтер не добавил к своим словам, что Макс обязан улыбаться и излучать спокойную уверенность, это ясно подразумевалось. С этого времени Макс при каждой возможности обедал с офицерами и пассажирами.

Само собой, Макс очень мало встречал Элдрет. Когда он увидел ее во время первого обеда после ненавязчивого совета Вальтера, она выглядела дружелюбно, но несколько отстраненно. Макс решил про себя, что Элли проявляет уважение к нему, что заставило его серьезно задуматься, не заболела ли она. Он припомнил, что первоначально ее принесли на корабль на носилках, возможно, она совсем не такая крепкая, какой хотела бы казаться. Он решил разузнать об этом у врача, но не на прямую, конечно!

За кофе шла пустая болтовня, и Макс начинал уже ерзать от желания вернуться поскорее в Хитрую Яму. Тогда он укоризненно напомнил себе, что Вальтер просил не проявлять торопливости и озабоченности. Тогда он огляделся по сторонам и провозгласил.

— Что-то это место стало сильно смахивать на морг. Неужели теперь больше никто не танцует? Дюмон!

— Да, Капитан!

— Организуйте танцевальную музыку. Миссис Мендоса, Вы окажете мне честь?

Миссис Мендоса слегка хихикнула и приняла его приглашение. Выяснилось, что она — полный позор Аргентины, ни малейшего чувства ритма. Однако Макс умудрился провести ее вокруг зала ценой всего нескольких небольших столкновений с окружающими и доставить назад к ее стулу как раз к концу танца, что дало ему возможность вполне вежливо с ней раскланяться. Затем он воспользовался привилегией своего положения для того, чтобы разбить чету Дайнеров. Прическа Мэгги все еще была короткой, однако во всех остальных отношениях она вернула свое величие.

— Капитан, мы без вас скучаем.

— Я работал. Вы же знаете, как не хватает людей.

— Наверное, так оно и есть. Э... Капитан, ведь осталось уже совсем недолго?

— До того, когда мы будем совершать скачок? Не долго. Потребовалось так много времени потому, что нам пришлось проделать жуткое количество дурацких вычислений — понимаете, для пущей осторожности.

— А мы действительно попадем домой?

Макс одарил ее тем, что, как он надеялся, было уверенной улыбкой.

— Абсолютно. Не беритесь ни за какую толстую книгу из корабельной библиотеки, Казначей не даст Вам взять ее на поверхность.

Она вздохнула.

— Ну, Вы меня успокоили.

Макс поблагодарил ее за вальс, оглянулся по сторонам, заметил миссис Монтефьоре и решил, что его обязанности по поддержанию корабельной морали не простираются так далеко. Элдрет сидела, и он подошел к ней.

— Ноги еще беспокоят Вас, Элдрет?

— Нет, Капитан. Спасибо за внимание.

— Может быть, Вы тогда потанцуете со мной?

Она изумленно раскрыла глаза.

— Вы хотите сказать, что у Капитана может найтись время для такой маленькой бедной девочки, как я?

Он наклонился к ней поближе.

— Еще одна такая шуточка, замарашка ты несчастная, и тебя закуют в кандалы.

Она хихикнула, наморщив нос.

— Есть, Капитан!

Некоторое время они танцевали молча, Максу немного ударила в голову ее близость и он не понимал, почему не пригласил ее раньше. В конце концов Элли сказала:

— Макс? Ты совсем бросил 3-шахматы?

— Как? Совсем нет. После того, как мы сделаем этот скачок, у меня будет время для игры — если, конечно, ты дашь мне два корабля форы.

— Мне очень жаль, что я тогда проболталась. Но я очень хочу, чтобы ты иногда навещал Чипси. Вот сегодня утром она спрашивала. — Где Макси?

— О, я и вправду очень виноват. Я бы брал ее иногда с собой на контрольный пост, но только она может нажать какую-нибудь кнопку и погубить нам месячную работу. Пойди, принеси ее.

— Она будет нервничать в такой толпе. Пошли лучше мы к ней.

Он покачал головой.

— Только не в твою каюту.

— Что? Не говори глупостей. У меня и так не осталось никакой репутации, а Капитан может делать все, что ему заблагорассудится.

— Ты просто не была Капитаном. Видишь, как та стервятница наблюдает за нами? — Он глазами указал на миссис Монтефьоре. — А теперь иди, принеси Чипси, и чтобы больше не спорить.

— Есть, Капитан.

Макс почесал Чипси подбородок, дал ей несколько кусочков сахара и уверил ее, что она — самый очаровательный паукообразный щенок в этом участке Галлактики. Затем он распрощался.

Макс ощущал возбуждение и какую-то неожиданную уверенность в себе. Увидев, как мистер Вальтер входит в свою каюту, он чуть задержался на трапе, а потом, повинувшись мгновенному импульсу, последовал за ним. Вопрос беспокоил его все время, и этот случай был не хуже любого другого.

— Вальтер? Вы не заняты?

Первый Помощник обернулся.

— О, нет, Капитан. Входите, пожалуйста.

Макс не говорил о своем деле, пока они пили традиционный кофе. Затем он сказал:

— У меня тут есть один вопрос, мистер Вальтер, — совершенно личный.

— Что-нибудь такое, в чем я могу Вам помочь?

— Не думаю. Но у Вас во много раз больше опыта, чем у меня, и я хотел бы посоветоваться с Вами.

— Если Капитан так желает.

— Слушайте, Вальтер, это дело «Макса», а не «Капитана».

Вальтер улыбнулся.

— Хорошо. Только не просите меня, чтобы я менял форму обращения к Вам. Может образоваться плохая привычка.

— О'кей, о'кей. — Макс хотел прощупать Вальтера относительно истории с липовой трудовой книжкой: доложил доктор Хендрикс об этом? Или нет?

Однако теперь он понял, что не может следовать такой линии; он был Капитаном, и это все меняло.

— Я хочу рассказать Вам, каким образом я попал на этот корабль. — Он рассказал все, больше не скры-

вая роли Сэма. Сэму теперь ничто не повредит. Вальтер очень серьезно слушал его рассказ.

— Я ждал, когда Вы заговорите об этом, Капитан, — сказал он, когда Макс кончил. — Доктор Хендрикс доложил мне все это, правда не так подробно, когда выдвинул Вас в стажеры-астронавигаторы. Все мы согласились, что внутри корабля нет необходимости поднимать этот вопрос.

— Меня беспокоит, что случится, когда мы вернемся. Если мы вернемся.

— Когда мы вернемся. Так чего Вы хотите? Совета? Помощи? Или чего?

— Я не знаю. Я просто хотел рассказать Вам.

— Ммм... тут есть такие альтернативы. В одном случае мы можем разобраться с этим вопросом здесь, на корабле, несколько изменив не слишком важный документ. В этом случае...

— Нет, Вальтер. Я не хочу, чтобы с «Асгарда» подавались липовые отчеты.

— Я был почти уверен, что Вы так скажете. Я того же мнения, хотя с другой стороны я чувствовал, что по... ну, скажем, по различным причинам — обязан покрывать Вас, если Вы об этом попросите.

— Когда-то я собирался организовать такую подделку. Мне даже казалось, что это вполне оправдано. Но теперь я не могу этого сделать.

— Понимаю. Следующая альтернатива состоит в том, чтобы доложить обо всем и ждать, что последует. В этом случае я до конца буду стоять рядом с Вами. Я уверен, что Главный Механик и Казначей поступят также.

Макса переполняло счастье и теплое умиротворение.

— Спасибо, Вальтер. Мне все равно, что там со мной сделают... Лишь бы только не отлучили меня от космоса.

— Не думаю, что они попытаются так сделать, особенно после того, как Вы приведете этот корабль домой. Но если уж они решатся на такое — эту драку они хорошо запомнят. Ну а пока не думайте об этом.

— Попытаюсь. — Макс нахмурился. — Вальтер? Скажите мне честно, что Вы сами думаете про то, что я сделал?

— Трудный вопрос, Капитан. Важнее другое, как к этому относитесь Вы.

— Я? Не знаю. Я хорошо знаю, как я относился к этому раньше. — Я был очень воинственен.

— Э?

— Я постоянно занимался объяснениями — про себя, конечно, — почему я так поступил. Я оправдывал себя, доказывал, что виноват не я, а вся система. А теперь я не хочу больше оправдываться. Не то, чтобы я жалел о том, что сделал — особенно, когда подумаешь, чего бы я иначе лишился. Но в то же самое время я не хочу уклоняться от расплаты за содеянное.

Вальтер кивнул.

— Это правильный подход. Капитан, не бывает идеальных законов. Каждый обязан подходить к ним на основе собственного суждения и здравого смысла, а не слепого подчинения. Я тоже нарушал правила, кое за что я поплатился, кое за что — нет. Этот Ваш поступок мог превратить Вас в педантичного морализирующего придурка, обреченного идти всегда по прямой, не видя ничего вокруг, следя за тем, чтобы все окружающие четко следовали букве закона. Или, наоборот, Вы могли превратиться в вечного ребенка, считающего, что законы писаны для всех, кроме вас. Похоже, что ни того, ни другого не произошло; я думаю, что эта история добавила Вам зрелости.

Макс ухмыльнулся.

— Ну что ж, спасибо, Первый. — Он поднялся. — Вернусь-ка я в Яму и поиграюсь немного с числами.

— Капитан? А Вы достаточно высыпаетесь?

— Я? Конечно, я же ложусь на часок почти во время каждой вахты.

— Минус четыре часа, Капитан.

Макс, протирая глаза и пытаясь стряхнуть с себя сон, сел на койке, стоявшей на посту управления. «Асгард» был в колее, шел по ней с максимальным ускорением уже несколько дней, готовясь к последнему рывку, который выбросит их из этого пространства в другое — в то, которое они знали, или какое-либо другое, в зависимости от того, насколько соответствовали их вычисления истинной структуре вселенной.

Макс, моргая, поглядел на Келли.

- Сколько времени Вы уже здесь?
- Не очень долго, Капитан.
- Да Вы вообще хоть сколько-нибудь спали?
- Ну, если так говорить, Капитан...
- Ладно, Вас не исправишь. Есть готовое?
- Да, сэр.

— Читайте. — Они зачитывали ему данные, а Макс, сидя с закрытыми глазами на койке, программировал задачу и переводил ее в двоичные числа, понятные машине. В течение многих дней он не отлучался из Ямы больше, чем на несколько минут. Он дремал между наблюдениями, просыпался, обрабатывал результаты и снова ложился.

Он держал Келли и Ковака на попеременных вахтах, сколько было возможно, хотя было очень трудно заставить Келли отдохнуть. Ланди, Смит и Ногучи продолжали работать по очереди, задерживаясь и работая вдвоем, когда дел было больше, чтобы помогать друг другу в наблюдениях. Макса заменить было нечем, он должен был обрабатывать каждое наблюдение, выдавая из своей феноменальной памяти информацию, содержащуюся в пропавших таблицах.

Сейчас на месте были все, кроме Ланди. Он вернулся как раз в тот момент, когда Макс закончил счет задачи и передал приказание о коррекции курса.

— Наилучшие пожелания от кока, — объявил он, ставя на стол галлон мороженого.

— Какое? — спросил Макс.

— С крупно тертым шоколадом, сэр.

— Самое любимое. Главное, не забывай, когда будешь его раскладывать, что на днях будут выставляться оценки эффективности работы.

— Капитан, это же нечестно. Шефу приходится кормить значительно большую массу, чем Вам.

— А у меня очень высокая скорость обмена веществ, — объявил Ногучи. — Поэтому мне надо больше.

— Ногги, у тебя, наверное, в каждой ноге по про странственной свертке. Мы поручили Келли расклады вать в надежде на то, что гордость удержит его от неверных поступков. — Макс повернулся к Келли. — Как там с графиком?

— Двадцать минут, Капитан.

— Думаете, надо так часто?

— Так будет вернее, сэр.

— О'кей. — Они провели еще одно наблюдение и съели мороженое, после чего Макс перешел к уточнению точки перехода. Келли не сел за компьютер. Кнопки, нажимаемые Коваком, давали тот же ответ, как и нажимаемые Келли, а Максу нужен был Келли за верпьерным стереографом, где его большой опыт позволял извлекать максимум из скудных данных. Ланди помогал Келли, в то время как Смит и Ногучи занимались съемкой и обработкой пластинок.

В минус два часа Макс позвонил Компаньону и сказал ему, что они уже почти на точном курсе. Главный Механик заверил его, что с этого момента он лично будет нежно заботиться о величине и направлении ускорения.

— Ни пуха ни пера, Капитан!

При десятиминутном графике наблюдений Макс не испытывал еще никаких трудностей, хотя должен был признаться, что свежим, как огурчик, назвать его трудно. Однако все было хорошо, он был при деле, коррекции были приятно малы — Компаньон, видимо, серьезно работал там, у себя внизу. Когда таймер на компьютере показал, что осталось меньше часа, он встал и потянулся.

— Все по местам. Кто-нибудь разбудите Ногги. Все заглотили стимулятор? А у кого есть для меня?

Келли повернулся и протянул ему таблетку, Макс кинул ее в рот и запил глотком кофе.

— Если хотите, жуйте последний бутерброд. Ну, ребята, давай.

Данные потекли непрерывным потоком. Через некоторое время Макс начал уставать. У него только и было времени прочитать по огонькам компьютера коррекцию и передать ее на двигатели, как у Келли были готовы новые данные. Появилась коррекция, которая казалась лежащей вне кривой, словно они неровно шли по курсу. Он еще раз бросил взгляд на лампочки компьютера, прежде чем ввести ее — и только тут понял, что ему продиктовали новый набор данных.

— Повтори! — попросил он.

Келли повторил. Макс прогнал числа через свой мозг и обнаружил, что они для него ровно ничего не значат. Интересно, что же значила эта последняя коррекция? Законны ли были методы, использованные им при исследовании аномалии? Да и можно ли вообще назвать это исследованием? Действительно ли именно так делает разведывательный корабль, чтобы вернуться? Как они могли надеяться, что человек...

— Капитан! — резко сказал Келли.

Макс помотал головой и сел.

— Простите. Давай следующую.

С паническим чувством он просмотрел в уме числа и попытался программировать. Он понял наконец, что это такое, потерять уверенность в себе тогда, когда критический момент приближается со скоростью света.

Он сказал себе, что должен оставить эту попытку, проскочить мимо заданной точки на скорости меньше световой, потратить недели на разворот и попробовать снова. Но он понимал, что, если он так сделает, нервы его не выдержат второй попытки.

И в этот тяжелый момент к нему пришло ощущение, что кто-то стоит за его спиной, положив руки ему на плечи. Стоит, успокаивает, утешает его. И он начал ясно и четко диктовать числа Коваку.

Через двадцать минут Макс все еще продолжал диктовать их с безупречной точностью автомата. Он принял еще один набор данных, обработал его и передал Коваку, не сводя глаз с таймера. Он ввел коррекцию, совсем крошечную, и скомандовал:

— Внимание! — Он нажал кнопку, позволявшую хронометру произвести последний толчок в нужный, с точностью до микросекунды, момент. Только тогда он оглянулся, но за спиной его было пусто.

— Вон там Джин, — услышал он восторженный голос Келли. — А вон там — Гадкий Утенок. — Их снова окружало знакомое небо Нью Пегаса и Алкиона.

Пятью минутами позднее Келли с Максом пили холодный кофе и подчищали остатки из тарелки с бутербродами. Тем временем Ногучи и Смит проводи-

ли стандартные послепереходные наблюдения, а Ковак с Ланди, которым надо было стоять следующую вахту, спустились вниз немного отдохнуть. Макс снова взглянул на купол.

— Так что, получается, мы сумели? Никак не думал, что получится.

— Вы это серьезно, Капитан? Вот у меня с того момента, как Вы приняли командование, не было никаких сомнений.

— И слава Богу, что Вы не знали, как я себя чувствовал.

Келли пропустил его слова мимо ушей.

— А Вы знаете, сэр, когда Вы программируете, Ваш голос поразительно похож на голос доктора Хендрикса.

Макс пристально посмотрел на него.

— У меня был очень плохой момент, — медленно произнес он. — Совсем незадолго до скачка.

— Да, сэр. Знаю.

— А потом — понимаешь, это было просто такое ощущение. Я же не верю в привидения. Только мне показалось, что доктор стоит у меня за спиной, как он это делал когда-то, и проверяет меня. И тогда все пошло хорошо.

Келли кивнул.

— Да. Он был здесь. Я был уверен, что он придет.

— Как? Что ты хочешь сказать? — Но Келли не ответил, вместо этого он стал просматривать послепереходные пластинки, со счастливым выражением на лице сравнивая их с эталонными, вынутыми из сейфа — первая возможность такой операции с того момента, как корабль заблудился.

— Думаю, — сказал Макс, когда Келли покончил со своим занятием, — что нам бы лучше прикинуть орбиту к Нью Пегаса, прежде чем отправиться на боковую. Он широко зевнул. — Господи, да я совсем помираю.

— К Нью Пегаса, сэр? — спросил Келли.

— Не можем же мы с такого расстояния прицеливаться прямо в Алкнон. Что ты имеешь в виду?

— Ничего, сэр.

— Говори, ничего.

— Понимаете, сэр, я все время считал, что мы теперь займем позицию для перехода на Новую Землю. Но если Капитан хочет так...

Макс постучал пальцами по сейфу с картами. Он собирался проложить курс к простой, видимой глазом цели, откуда они и ушли недавно, чтобы там, на Алкионе, ждать себе в замену компетентного специалиста. Ему и в голову не могло прийти, что кто-нибудь ждет, что, совершив невозможное, он займется чем-либо иным.

— Вы ожидали, что я проведу корабль до конца? Без таблиц и без помощи?

— Я ничего не имел в виду, Капитан. Это было просто бессознательное предположение.

Макс выпрямился.

— Скажи Коваку, чтобы он просто держал корабль на постоянном курсе. Позвони Вальтеру, чтобы он сейчас же зашел ко мне в каюту.

— Есть, сэр.

Первый Помощник встретил его у дверей каюты.

— Привет, Вальтер. Заходите. — Они вошли в каюту, и Макс бросил фуражку на стол. — Ну что же, мы-таки выкрутились.

— Да, сэр. Я наблюдал через иллюминатор гостиной.

— Вы не выглядите удивленным.

— А я должен так выглядеть, Капитан?

Макс вытянулся в кресле, разминая усталую спину.

— Вы должны. Да, сэр, Вы должны.

— Хорошо. Я удивлен.

Макс посмотрел на него и улыбнулся.

— Вальтер, а куда теперь направляется этот корабль?

— Капитан еще не сообщил мне этого.

— Какого черта! Вы же понимаете, о чем я говорю. По расписанию мы идем на Новую Землю. Но вот тут, прямо перед нами торчит Алкнон — даже слепой мог бы нащупать его своей тростью. Так какой маршрут имели в виду Вы, когда протолкнули меня в Ка-

питаны? Скажите, чего Вы ожидали тогда? До того, как обвесили меня этими нашивками.

— Я имел в виду, — ответил Вальтер, — подобрать для «Астарда» Капитана.

— Это не ответ. Послушайте, от всего этого зависела жизнь пассажиров. И конечно, мне пришлось ради них рискнуть. Выбора не было никакого. Но теперь-то выбор есть. Вам следует рассказать им все, и пусть они голосуют.

Вальтер потряс головой, выражая крайнее неодобрение.

— У пассажиров никогда и ничего не спрашивают. Во всяком случае — на корабле, который находится в пути. Это было бы просто нечестно по отношению к ним. Им только говорят.

Макс вскочил с места и зашагал по каюте.

— Вы говорите «нечестно». Честность. Это нечестно по отношению ко мне. — Он резко развернулся и встал лицом к лицу с Вальтером. — Ну так что? Вы же не пассажир. Вы мой Первый Помощник. По Вашему мнению, что я должен делать?

Вальтер глядел ему глаза.

— Я не могу принимать решения за Капитана. Именно поэтому Вы и Капитан.

Макс остановился и закрыл глаза. Числа стояли перед ним совершенно отчетливо, аккуратными столбиками. Он подошел к телефону и ударил по кнопке вызова поста управления.

— Говорит Капитан. Келли еще там? Привет. Очень удачно, шеф. Мы готовимся к переходу на Новую Землю. Начинайте работу, я буду через пару минут.

ГЛАВА 22

Томагавк

Макс любил это время года, это время дня. Он лежал в траве на небольшом холмике к западу от сарая, повернув голову так, чтобы смотреть на северо-запад. Макс глядел не отрываясь в эту сторону, на выходное кольцо ЧСЗ магнитной дороги, откуда в лю-

бой момент должен был вырваться «Томагавк». Вырваться и по свободной траектории перелететь через провал. На этот раз Макс не читал, никакая работа его не подгоняла, он просто бездельничал и наслаждался летним вечером.

Белка села столбиком неподалеку от Макса, уставилась на него и, решив, что он безопасен, вернулась к своим делам. Мимо пропорхнула птица.

Последовала захватывающая дух тишина, а затем серебряный снаряд вырвался из выходного кольца, перелетел провал и вошел в кольцо на дальней его стороне. В тот же момент по ушам Макса ударил грохот звуковой волны.

— Ничего себе! — тихо произнес он. — Ведь каждый раз кажется, что на этот раз не выйдет.

Макс поднялся на холмик только для того, чтобы поглядеть на это, однако сразу вставать не стал. Вместо этого он вытащил из кармана письмо и перечитал его конец. «...Думаю, отец очень обрадовался, получив меня назад в целости, так как он в конце концов смилостивился. Мы с Путци поженились неделю назад и, Макси, я такая счастливая! Обязательно зайди к нам в следующий раз, как будешь на Гескере». Далее она добавила, «P. S. Мистер Чипс целует тебя — и я тоже».

Отличная она девчонка, Элли. Она обычно добивалась своего — не мытьем, так катаньем. Путци ему было немного жалко. Но с другой стороны, если бы все они тогда остались на «Надежде»...

Все это ерунда, Астронавигатор не должен жениться. Макс с нежностью потрогал рисунок солнца на своей груди. Очень жалко, что не получилось остаться на «Асгарде» — они, конечно, правы. Не может же он служить младшим офицером на корабле, Капитаном которого только что был. А Помощник Астронавигатора на «Королеве Елизавете» — тоже очень хорошее назначение; все говорят, что «Лиззи» — корабль что надо.

А к тому же не у каждого молодого П. А. есть на счету новая конгруэнтность — ее как раз сейчас исследуют. Так что не на что ему тут обижаться. Его даже

не слишком напугал огромного размера штраф, наложенный на него Советом Гильдий, и официальное взыскание, внесенное ему в трудовую книжку. Самое главное, ему разрешили остаться в космосе, а взыскание это записано рядом с благодарностью за конгруэнтность «Хендрикс».

Но, хотя он не оспаривал справедливость наказания — он вполне заслужил его и сам это знал — все равно гильдии организованы неправильно. Законы должны давать каждому свой шанс. Когда-нибудь у него будет достаточно высокое положение, чтобы попробовать что-нибудь с этим сделать.

Ну а тем временем, если он здесь еще засидится, придется, наверное, покупать такси. Макс поднялся и пошел по склону вниз. Вертолет был перед домом, таксист стоял рядом с ним и смотрел на огромный свежевырытый котлован Миссури-Арканзасской энергетической стройки. Полей, где Макс недавно трудился, уже не было, выемка доходила почти до самого их двора. Дом пока еще стоял, но дверь висела на одной петле, а кто-то из ребятишек перебил все стекла. Макс смотрел на дом и думал, где могут быть сейчас Мамочка и этот парень, за которого она вышла замуж. Не то, чтобы это слишком его волновало, да и в Клейдовских Углах, похоже, ни одна собака этого не знала. В конторе ему сказали, что Мамочка забрала свою половину государственной компенсации, после чего эта парочка покинула город.

Вполне может быть, что их деньги уже разошлись — половина Макса разошлась полностью, этих денег даже на весь штраф не хватило. Если они без копейки, вполне возможно, что Монтгомери придется-таки заняться какой-нибудь частной работой — не такая Мамочка женщина, чтобы позволить мужчине бездельничать в то время, когда у нее нет денег. Макс подумал про это с удовольствием; он считал, что у него есть счета с Монтгомери, но Мамочка, возможно, сама хорошо с ним рассчитается.

Таксист повернулся к нему.

— Мощная штука будет, когда они закончат. Вы уже отправляетесь, сэр?

Макс бросил последний взгляд вокруг.

— Да, у меня здесь все.

Они забрались в кабину.

— Куда? Назад в Углы?

Макс поразмыслил. Деньги, конечно, надо экономить — но какого черта, после следующего рейса у него наберется их порядочно.

— Нет, летим в Спрингфилд, а там высади меня на станции южного направления магнитной дороги. Хорошо бы успеть поймать «Копье».

Если успеть, он еще ночью будет в Земпорте.

РОМАН

Время
ЗВЕЗДА

ГЛАВА 1

Фонд Далеких Перспектив

Если верить биографиям, в земном пути избранных Судьбы все спланировано с самого начала. Наполеон уже босоногим корсиканским мальчишкой прикидывал, как он будет править Францией, примерно то же самое происходило и с Александром Великим, а Эйнштейн, так тот прямо в колыбели бормотал свои уравнения.

Может, так и есть. Что касается меня, я просто жил себе потихоньку.

Когда-то давно я видел в одной старой книге, принадлежавшей моему дедушке Лукасу, карикатуру, на которой был нарисован человек в вечернем костюме, прыгающий с лыжного трамплина. С видом потрясенным и неверящим он произносил: «И как это меня сюда занесло?»

Очень хорошо понимаю его ощущения. И как это меня сюда занесло?

Меня и рожать-то даже не собирались. Не облагаемая налогом квота для нашей семьи была трое детей, а тут появился такой роскошный подарочек, состоявший из моего брата Пэта и меня. Мы были огромным сюрпризом для всех, а особенно — для моих родителей, моих трех сестер и налоговых инспекторов. Не помню, чтобы я сам тогда удивлялся, но самые первые воспоминания связаны у меня со смутным ощущением, что мое существование не вызывает особого восторга, хотя, если говорить правду, отец, мать, Вера, Надежда и Любовь относились к нам вполне прилично.

Вполне возможно, отец не лучшим образом повел себя в сложившихся, чрезвычайных обстоятельствах. Многие семьи получали дополнительную квоту или договорившись с какой-нибудь другой семьей, или как там еще, особенно в тех случаях, когда не облагаемый предел был исчерпан сплошными мальчиками или сплошными девочками. Но отец был не таким, он был упрямым. Он считал этот закон неконституционным, несправедливым, дискриминационным, противным общественной морали, а также воле божьей. Он перечислял вам список разных великих, бывших младшими детьми в своих семьях, начиная с Бенджамена Франклина и кончая первым губернатором Плутона, а затем требовал ответить ему на простой вопрос — где было бы человечество сейчас, если бы не они? — после чего маме приходилось его успокаивать.

Возможно, отец и был прав, ведь он был знатоком почти во всем, даже в своей профессии, которой являлась микромеханика, а особенно — в области истории. Он хотел назвать нас в честь двух величайших, по его мнению, героев американской истории, а мама — в честь своих любимых художников. Вот таким-то образом я и оказался Томасом Пейном Леонардо да Винчи Бартлетом, а мой братец — Пэтриком Генри Микельанджело Бартлетом. Отец звал нас Томом и Пэтом, мама — Лео и Майклом, а сестрицы — Ненужным и Вдвойне Ненужным. Победил, будучи самым упрямым, отец.

А упрямым папа был. Он мог заплатить ежегодный подушный налог за нас, лишних, подать заявление на квартиру для семерых и смириться перед неизбежным. После этого он мог подать заявление с просьбой о пересмотре для нашей семьи лимита. Вместо всего этого он каждый год требовал освобождения нас, близнецов, от налога, что каждый раз кончалось одинаково — он платил наш подушный налог чеком со штампом «ОПЛАЧЕНО БЕЗ СОГЛАСИЯ», а мы семеро продолжали жить в квартире для пятерых. Когда мы с Пэтом были маленькими, мы спали в самодельных колыбелях в ванной, что не представляло особых удобств для остальных членов семьи. Когда мы подросли, мы спали на кушетке в гостиной, что было

неудобно для всех, особенно для наших сестриц, считавших, что такое положение сильно портит их жизнь.

Папа мог разрешить все эти проблемы, подав заявление на эмиграцию нашей семьи на Марс, Венеру или спутники Юпитера; время от времени он поднимал этот вопрос. Однако вопрос этот был тем единственным, что вызывало в маме упрямство даже большее, чем у него. Не знаю уж, что именно так пугало ее в перспективе космического полета. Она просто плотно сжимала губы и не отвечала ни слова. Папа говорил, что при эмиграции предпочтение оказывают как раз большим семьям и что подушный налог как раз и предназначен для субсидирования внеземных колоний, и почему бы тогда не попользоваться теми деньгами, которые у нас отняли? Не говоря уж о том, что дети смогут расти на свободе, не стучаясь все время друг о друга там, где за спиной каждого настоящего работника не стоит по бюрократу, только и мечтающему изобрести еще какие-нибудь правила и ограничения. Ну почему, ответь ты мне, почему?

Мама так и не ответила, а мы так и не эмигрировали.

Нам всегда не хватало денег. Два лишних рта, лишние налоги и отсутствие пособий на двоих детей — в результате всего этого закон о стабилизации семейного дохода «сидел» на нашей семье так же плохо, как одежды, которые мама перешивала нам из отцовского старья. Очень редко мы могли позволить себе заказать обед на дом по телефону, как это делали другие. Папа даже приносил домой несъеденные остатки своего обеда с работы. Мама снова пошла работать, как только мы, близнецы, стали ходить в детский сад, однако единственным нашим домашним роботом была допотопная модель «Мамин помощник» фирмы Моррис Гараж. Эта штука ежесекундно пережигала пробки, и программирование ее занимало почти столько же времени, сколько потребовалось бы, чтобы сделать все вручную. Мы с Пэтом близко познакомились с моющими средствами и грязной водой, по крайней мере я — познакомился. Пэт обычно настаивал на стерилизации посуды, или у него был содран палец, или с ним случалось что-нибудь еще.

Папа часто говорил о скрытых преимуществах бедной жизни — о науке надеяться только на себя, о закаливании характера и обо всем прочем. К тому времени как я стал достаточно взрослым, чтобы понимать эти разговоры, я стал достаточно взрослым, чтобы хотеть, чтобы эти преимущества не были столь неощутимыми. Однако, если подумать теперь, он, возможно, и был кое в чем прав. Жила наша семья весело. Мы с Пэтом держали на кухне хомяков, и мама никогда не возражала. Когда мы превратили ванную комнату в химическую лабораторию, девицы поначалу отнеслись к этому неприязненно, однако, когда отец хотел нам помешать, они уговорили его не делать этого и стали развешивать белье где-то в другом месте, а позднее, когда мы вылили кислоту в раковину и испортили канализацию, мать защищала нас от управдома.

Только однажды мама была против нашей затеи — это случилось, когда ее брат, дядя Стив, вернулся с Марса и подарил нам несколько канальных червей, которых мы решили разводить на продажу. А когда папа, принимая душ, наступил на одного из них (так как мы не обсудили с отцом своих планов), она заставила нас сдать их в зоопарк, кроме того, на которого папа наступил — от него уже было мало толку. Вскоре после этого мы сбежали из дому, чтобы записаться в Космическую Морскую Пехоту — дядя Стив был сержантом-баллистиком — и когда прибавить себе лет не вышло и нас отправили домой, мама не только не ругалась, но, как выяснилось, все это время, пока нас не было, она кормила наших змей и шелковичных червей.

Да, я думаю, что мы были счастливы. Но тогда нам так не казалось. Мы с Пэтом были очень близки и все делали вместе, но мне бы хотелось сказать вот что: быть близнецами — это не идилия Дамона и Финтия*, которую вам внушают сентиментальные писате-

* Дамон и Финтий — греческие философы, неразлучные друзья, жившие в IV в. до н. э. в период царствования Дионисия II Сиракузского. Один из них, не раздумывая, согласился принять смерть за другого, после чего растроганный император помиловал их обоих.

ли. Тебя сближает с другим человеком то, что ты родился вместе с ним, жил с ним в одной комнате, ел с ним, играл с ним, работал с ним и, судя по собственным воспоминаниям или воспоминаниям других, никогда ничего не делал без него. Все это сближает, делает вас почти незаменимыми друг для друга, но это совсем не значит, что вы любите этого человека.

Я хочу сказать все это, потому что с тех пор, как близнецы стали вдруг такими важными особами, о них успели наговорить уйму всякой ерунды. Я — это я; я — не мой брат Пэт. Я всегда могу различить нас, даже если другие на это не способны. Он — правша, я — левша. И с моей точки зрения, я тот человек, который почти всегда получает меньший кусок пирога.

Я помню случаи, когда Пэт, ловко извернувшись, получал оба куска. Я не выражаюсь образно, а говорю об обычном глазированном торте, и о том, как брат всех обманул и вдобавок к своему получил мой кусок, заставив родителей думать, что он — это мы оба; а все мои протесты были бесполезны. Десерт, если тебе восемь лет, может быть самым торжественным событием дня, а нам как раз было по восемь.

Я не жалуясь... хотя даже теперь, после всех прожитых лет и пройденных миль, я ощущаю комок гнева в горле при воспоминании о том, как был наказан: отец и мать решили, что именно я хочу выцыганить две порции десерта. Я не жалуясь, я просто пытаюсь рассказать правду. Доктор Деверо сказал, чтобы я написал об этом и начал с того, что значит — быть близнецами. Ведь вы же не близнец, не правда ли? Может, вы и близнец, но сорок четыре против одного — что нет. Даже не разнояйцовый, в то время, как мы с Пэтом однояйцовые, что встречается еще в четыре раза реже.

Говорят, что один из близнецов всегда несколько отсталый — я лично так не думаю. Мы с Пэтом всегда были похожи так же, как два ботинка одной пары. Иногда, когда мы отличались друг от друга, я оказывался на четверть дюйма выше и на фунт тяжелее; затем мы уравнивались. В школе мы получали одинаково хорошие оценки, у нас одновременно резались зубы. Что у него было — так это хватка, не в пример

моей, что психологи называют «очередностью клева». Но все это было неуловимо настолько, что различить было невозможно, а со стороны так и вовсе не было заметно. Насколько я помню, началось это с пустого места, однако развилось в схему поведения, поломать которую не смог бы ни один из нас, как бы ему этого не хотелось.

Может, если бы акушерка первым приняла меня, когда мы родились, именно я бы и получал больший кусок. А может быть, она как раз меня первым и приняла, — я же не знаю, как все это началось.

Только не думайте, что быть близнецом, который всегда получает меньший кусок, очень плохо. Чаще всего это хорошо. Ты попадаешь в незнакомую толпу, где чувствуешь себя робко и неуверенно, и вот, на расстоянии в пару футов от тебя появляется твой близнец, и ты больше не одинок. Или ты получил от кого-то удар в челюсть, а, пока у тебя все плывет перед глазами, твой близнец ударил его, и победа на вашей стороне. Ты провалился на экзамене, и твой близнец провалил его с таким же треском, так что опять ты не один.

Но не думайте, что быть близнецом — это значит иметь очень близкого и верного друга. Это совершенно не так и, в то же время — это нечто большее.

Впервые мы с Пэтом столкнулись с Фондом Далеких Перспектив, когда этот самый мистер Гикингг за-явился к нам домой. Мне он не понравился. Папа тоже его невзлюбил и даже хотел выставить из дома, однако тот уже уселся за столом с чашкой кофе в руке, так как у матери представления о гостеприимстве были самые что ни на есть твердые.

Таким образом этому типу Гикинггу и было дозволено изложить, что же именно привело его к нам. Он был, по его словам, разъездным агентом «Генетических исследований».

— Это что еще такое? — резко спросил отец.

— «Генетические исследования» — это научное агентство, мистер Бартлет. Настоящий проект состоит в сборе данных о близнецах. Ведется эта работа в интересах общества, и мы надеемся на Ваше сотрудничество.

Папа набрал в легкие побольше воздуха и влез на воображаемую трибуну, которая у него всегда была наготове.

— Снова это правительство сует всюду свой нос. Я — добропорядочный гражданин: я плачу по счетам и содержу свою семью. Мои ребята ничем не отличаются от любых других. Я невыносимо устал от того, как к ним относится правительство. И я не намерен позволить дергать их, колоть и по-всякому исследовать для того только, чтобы доставить удовольствие какому-то там бюрократу. Мы хотим только одного — чтобы нас оставили в покое и чтобы это самое правительство согласилось с очевидным фактом, — мои ребята имеют не меньшее право дышать воздухом и занимать свое место под солнцем, чем кто-либо другой.

Отец не был невежественным человеком, просто во всем, что касалось нас с Пэтом, у него срабатывала автоматическая реакция, подобная рычанию собаки, которую часто пинают. Мистер Гикинг попытался было успокоить его, но не тут-то было. Если отец заводил свою пластинку, прервать его было невозможно.

— И передайте этому своему Департаменту Контроля Народонаселения, что я не собираюсь иметь ничего общего с их «генетическими исследованиями». Что они хотят выяснить? Вероятно, как предотвратить рождение близнецов. А что плохого в близнецах? Вот что было бы с Римом без Ромула и Рема? * Ответьте мне! Мистер, да знаете ли Вы, сколько...

— Пожалуйста, мистер Барлет, поймите, я не связан с правительством.

— Э? А что же Вы сразу не сказали? Кто же вас тогда прислал?

— «Генетические исследования» — это агентство Фонда Далеких Перспектив.

Тут я почувствовал, что у Пэта неожиданно возник интерес к происходящему. Конечно, о Фонде Далеких Перспектив слышали все, но вышло так, что мы с Пэтом как раз только что сделали курсовую работу по некоммерческим корпорациям, причем использовали Фонд в качестве типичного примера.

* Ромул и Рем — братья, согласно легенде, переданной Титом Ливием, основавшие в 753 г. до н. э. Рим.

Нас заинтересовали цели Фонда Далеких Перспектив. На его гербе были слова «Хлеб, пущенный по воде», а на первой странице устава — «На благо наших потомков». Дальше в уставе было напущено море юридического тумана, который управляющие Фонда понимали как указание тратить деньги только на то, на что ни правительство, ни какие-нибудь другие корпорации своих средств расходовать не станут. Того, чтобы предложенный проект был интересен с научной точки зрения и благотворен с социальной, было недостаточно; он должен был быть настолько дорогостоящим, чтобы никто за него не взялся, а возможные его результаты должны были сказаться в столь отдаленном будущем, что оправдать его в глазах налогоплательщиков или держателей акций не было бы ни малейшей возможности. Чтобы заставить управляющих Ф. Д. П. загореться энтузиазмом, вы должны были предложить нечто такое, что будет стоить миллиард или больше и, скорее всего, не даст ощутимых результатов в течение десяти поколений, если вообще когда-нибудь их даст... что-нибудь типа проекта управления погодой (этим они уже занимались) или проблемы, куда девается ваш кулак, когда вы разжимаете руку.

Самое смешное — что хлеб, пущенный по воде, действительно возвращается сторицей; на самых сомнительных проектах Ф. Д. П. заработал прямо-таки непристойные суммы денег — я имею в виду непристойные для некоммерческой организации, каковой он и являлся. Вот взять хотя бы проблему космических путешествий — пару сотен лет тому назад эта проблема казалась прямо-таки нарочно придуманной для Ф. Д. П.: дело было фантастически дорогим и не обещало в обозримом будущем никаких результатов, идущих в какое бы то ни было сравнение с капиталовложениями. Одно время некоторые правительства занимались этим, имея в виду военное применение, но Бейрутский Договор 1980 года покончил даже с такими работами.

Именно тогда Фонд Далеких Перспектив вышел на сцену и начал радостно транжирить деньги. Как раз в это время корпорация к своему ужасу заработала несколько миллиардов на масс-конвертере Толмсона, надеясь первоначально потратить не меньше столе-

тия на одни только первоначальные исследования. Так как они не могли раздать дивиденды (ввиду отсутствия акционеров), им надо было каким-нибудь образом избавиться от всех этих денег; космические путешествия представлялись вполне подходящей дырой, куда их можно было запихнуть.

О том, что из этого вышло, знают даже дети: факел Ортеги сделал полеты в пределах Солнечной системы дешевыми, быстрыми и простыми: односторонне про-ницаемый энергетический экран сделал взвездную колонизацию осуществимой и практически выгодной; Ф. Д. П. просто не мог тратить деньги с такой скоростью, с какой они поступали.

Конечно, в тот вечер я об этом не думал; просто так уж вышло, что мы с Пэтом знали про Ф. Д. П. несколько больше, чем большинство старшекласников... видимо, больше, чем знал наш отец, так как он фыркнул и ответил:

— Как ты говоришь, «Фонд Далеких Перспектив»? Уж лучше бы ты был от правительства. Если бы такие загребушие организации облагались как следует налогами, государству не приходилось бы драть со своих граждан эту подушную подать.

А вот это не было правдой, не было «аналитической зависимостью», как выражались в «Началах Математической Эмпирики». Мистер Мак Кифи велел нам оценить влияние — если такое вообще имеется — Ф. Д. П. на экспоненциальную кривую роста технологии. Так, или я провалил курсовую работу, или именно Ф. Д. П. не дал этой кривой пойти на спад в начале ХХI века — я хочу сказать, что «культурное наследие», запасы знаний и богатств, не дающие нам превратиться в дикарей, — все это сильно выросло из-за того, что такие некоммерческие исследовательские организации были освобождены от налогов. И я не высосал эту информацию из пальца — есть цифры, подтверждающие это. Что произошло бы, если бы старейшины племени заставили бы Уга охотиться вместе с остальными, вместо того, чтобы оставаться дома и изобретать первое колесо, пока мысль о нем еще ярко горела в его голове?

Мистер Гикинг ответил:

— Мистер Бартлет, я не могу обсуждать преимущества и недостатки такого положения вещей. Я всего лишь служащий.

— И вот я-то как раз и плачу Вам жалование. Помимо своего желания и косвенно, но тем не менее плачу.

Мне хотелось ввязаться в этот спор, однако я чувствовал, что Пэт что-то задумал. Впрочем, это не имело значения; мистер Гикинг пожал плечами и сказал:

— Ну, если так, то спасибо Вам за гостеприимство. Просто пришел я сюда только затем, чтобы попросить Ваших двойняшек пройти несколько тестов и ответить на несколько вопросов. Тесты безвредны, а все результаты будут сохранены в тайне.

— А что вы пытаетесь выяснить?

Думаю, что мистер Гикинг не покривил душой, когда ответил:

— Этого я не знаю. Я всего лишь разъездной агент, я не руковожу этим проектом.

Вот тут-то и вступил Пэт.

— Не понимаю, папа, почему бы и нет? Мистер Гикинг, тесты у Вас в портфеле?

— Патрик...

— Папа, ничего страшного тут нет. Так какие там тесты, мистер Гикинг?

— Ну, это делается не совсем так. Наш проект разрабатывается в одной из контор, находящихся в здании Транс-Лунарной компании. Прохождение тестов занимает примерно полдня.

— Так, это значит на другой конец города и полдня там... а сколько вы платите?

— Что? Мы просим испытуемых пожертвовать своим временем в интересах науки.

Пэт покачал головой.

— Тогда извините, мистер Гикинг, сейчас у нас экзаменационная неделя... к тому же нам с братом приходится подрабатывать в школе.

Я молчал. Экзамены у нас уже окончились, остался только «исторический анализ», краткий курс без математики, только немного статистики и псевдопространственного счисления, а школьная химическая лаборатория, в которой мы подрабатывали, на время экзаме-

нов была закрыта. Я уверен, отец не знал всего этого, иначе он мгновенно вмешался бы. Он всегда готов по малейшему поводу напаялить тогу римского судьи.

Пэт встал, и я вслед за ним. Мистер Гикинг продолжал сидеть.

— Но можно и договориться, — ровным голосом произнес он.

Пэт запросил у него столько же, сколько мы зарабатывали мытьем посуды в лаборатории за месяц, — и это за один вечер работы, а затем содрал еще и добавку, когда выяснилось, что нам придется проходить тесты вместе (будто мы поступили бы как-нибудь по-другому!). Мистер Гикинг заплатил без малейших колебаний, наличными, вперед.

ГЛАВА 2

Натуральный логарифм двойки

Никогда в жизни не видел такой уймы близнецов, какая толпилась в ожидании на сороковом этаже здания Транс-Лунарной компании в следующую пятницу. Я не люблю находиться среди близнецов, начинает казаться, что двоится в глазах. И не надо говорить мне, что я непоследователен: я никогда не видел близнецов, частью которых являюсь сам, — я видел только Пэта.

У Пэта были сходные ощущения; мы никогда не дружили с другими близнецами. Он оглянулся и присвистнул.

— Том, ты когда-нибудь в жизни видел такую уйму запасных деталей?

— Никогда.

— Будь моя воля, я бы перестрелял половину.

Он говорил тихо, чтобы никого не обидеть; мы с Пэтом переговаривались шепотом, как заключенные в тюрьмах. Посторонним было не разобрать ничего, хотя мы понимали друг друга без малейшего труда.

— Тоскливо все это, правда?

Тут он тихо присвистнул, и я посмотрел туда, куда смотрел он. Само собой, это были близнецы, но тот случай, когда один — хорошо, а два — лучше; рыжие

сестрички, помладше нас, но не совсем уж маленькие — пожалуй, лет шестнадцати — и хорошенькие, как персидские котята.

На нас эти сестрицы подействовали, как свет на мошек. Пэт прошептал:

— Том, мы просто обязаны уделить им немного времени, — и направился прямо к ним. Я — следом. Одеты они были в нечто псевдошотландское, рядом с зеленой тканью их шевелюры пылали, как костры, и на наш взгляд они были прелестны, как свежевывавший снег. И холодом от них веяло точно так же. Пэт начал было болтать, чтобы завязать разговор, потом голос его как-то затих, а потом и вовсе смолк; они смотрели сквозь него, не видя. Я покраснел, и одно только спасло нас от крайней неловкости — залаял громкоговоритель.

— Пожалуйста, внимание! Вас просят пройти к дверям, отмеченным первой буквой вашей фамилии.

Ну мы и пошли к двери А-Д, а рыжие сестрицы поплыли в противоположный конец коридора, так нас и не увидев. Когда мы заняли очередь, Пэт пробормотал:

— У меня что, подбородок яйцом перемазан? Или они дали обет девственности?

— Вероятно, и то и другое, — ответил я. — И вообще я предпочитаю блондинок. — Это было правдой, так как Моды была блондинкой. Мы с Пэтом уже около года встречались с Модой Корик. Вы можете назвать это постоянством, хотя, что касается меня, эти свидания обычно сводились к тому, что я торчал где-нибудь с подружкой Моды — Хеддой Стэйли, которая не могла придумать для поддержания оживленной беседы ничего остроумнее, чем вопрос, не кажется ли мне, что Моды — самая хорошенькая девочка, какую только можно себе представить. В силу того, что с одной стороны это было правдой, а с другой — ответить на это было невозможно, наши беседы не отличались оживленностью.

— Если подумать, то и я, — согласился Пэт, не уточняя, каких блондинок. Моды была единственным предметом, по поводу которого мы были скрытны друг с другом. — Но вообще-то у меня широкие взгля-

ды. — Он пожал плечами и бодро добавил: — В любом случае, это не единственный вариант.

Это уж точно, так как из сотен находившихся там близнецов примерно треть была достаточно близка к нам по возрасту, чтобы не находиться вне рассмотрения, и из них половина, насколько я мог оценить, не подсчитывая, принадлежала к тому полу, который превращает обычное сборище в социальное собрание. Но в то же время до этих рыжих не дотягивал никто, так что я начал оглядывать толпу в целом.

Самая старая пара, которую я увидел, двое взрослых мужчин, была не старше, чем тридцать с небольшим, потом я увидел маленьких девочек-близнецов, лет так по двенадцати — за ними следовала их мамочка, но большинству было что-то около двадцати. И только я подумал, что «Генетические исследования» подбирали испытуемых по возрастным группам, как оказалось, что подошла наша очередь, и клерк спрашивает:

— Ваши фамилии, пожалуйста?

На протяжении следующих двух часов мы ходили от одного сборщика данных к другому. У нас брали отпечатки пальцев, анализ крови, мы подчеркивали «да» или «нет» в ответ на сотни идиотских вопросов, на которые и ответить-то «да» или «нет» было невозможно. Медицинское обследование было крайне подробным и включало в себя обычную тщательно спланированную дурацкую процедуру, когда полностью раздетую жертву заставляют стоять босиком на холодном полу в помещении, температура воздуха в котором градусов на пять ниже, чем надо, одновременно дергая страдальца по-всякому и задавая ему грубые интимные вопросы.

Все это мне невыносимо надоело, и я даже не засмеялся, когда Пэт прошептал, что нам следовало бы содрать одежду с врача, ткнуть его в брюхо и заставить сестричку записать, как это ему понравилось. Утешало меня только то, что Пэт хорошенько высмеял их за все эти забавы. Потом нам позволили одеться и проводили в комнату, где за письменным столом сидела довольно приятная женщина. Перед ней на столе стояло устройство, при помощи которого она изучала

две наложенные друг на друга личностные характеристики. Характеристики почти совпадали, но я попытался тайком подсмотреть, чем они различаются. Только я не знал, какая из них — моя, а какая — Пэта, да и вообще я не специалист в математической психологии.

Женщина улыбнулась нам и сказала:

— Садитесь, мальчики. Меня зовут доктор Арно, — она взяла со стола характеристики и пачку перфокарт. — Идеальные зеркальные близнецы, вплоть до декстрокардии*. Случай интересный.

Пэт попытался заглянуть в бумаги:

— Доктор, а какой у нас на этот раз I. Q.?

— Неважно. — Она положила бумаги на стол и прикрыла их, а затем взяла в руки пачку карточек. — Вы когда-нибудь имели дело с такими?

Конечно же, имели, ведь это были классические Райновские карты, зигзаги, звезды и все такое прочее. В каждом кабинете психологии есть такой комплект, а высокий результат почти всегда означает только то, что какой-нибудь умник сообразил, как надуть преподавателя. По правде говоря, Пэт тоже придумал совсем простой способ обмана, после чего наш учитель устало, без всякой злости разделил нас и заставил проходить испытание только с другими ребятами, после чего наши результаты упали до уровня среднестатистических. Так что я к этому времени был уже вполне убежден, что мы с Пэтом никакие не экстрасенсы, и Райновские карты воспринял как еще один скучный тест.

Однако, я почувствовал, как Пэт насторожился.

— Слушай внимательно, — услышал я его шепот, — и мы устроим им цирк.

Доктор Арно, естественно, ничего не услышала. Я был не уверен, что надо так делать, но в то же время знал, что если он исхитрится сигнализировать мне, я не удержусь и выдам липовые результаты. Однако беспокойство мое было напрасным; доктор Арно куда-то увела Пэта и вернулась без него. При помощи микро-

* Декстрокардия — правое положение сердца в грудной клетке.

фона она была связана с другой комнатой, где сидел Пэт, однако шептать по этой линии не было ни малейшего шанса; она работала только тогда, когда ее включала доктор Арно.

Она начала эксперимент сразу же.

— Мэйбл, первая серия через двадцать секунд, — сказала она в микрофон и выключила его, а затем повернулась ко мне. — Я буду класть перед Вами карты, а Вы будете смотреть на них, — сказала доктор Арно, — стараться и напрягаться не надо. Просто смотрите на них и все.

Ну я и смотрел. Продолжалось все это с некоторыми вариациями примерно с час. Иногда от меня требовалось, чтобы я принимал, иногда — чтобы передавал. Что там получалось, я не знал, так как результатов нам не сообщали.

В конце концов доктор Арно посмотрела на свои записи и сказала:

— Том, я хотела бы сделать Вам небольшой укол. Он не принесет Вам вреда, а к тому времени, как Вы пойдете домой, его действие окончится. Хорошо?

— А какой это укол? — спросил я с некоторым недоверием.

— Да не беспокойтесь, он совершенно безвредный. Я просто не хочу говорить Вам, что это такое, потому что Вы можете подсознательно изобразить ожидаемую реакцию.

— Ну... а что говорит мой брат? Ему вы тоже делаете укол?

— Это не имеет значения, я вас спрашиваю.

Я все еще оставался в неуверенности. Наш отец не слишком одобрял уколы и все такое, разве только в этом была крайняя необходимость; как-то он устроил большой скандал из-за того, что нам сделали прививки от энцефалита.

— Вы доктор медицины? — спросил я.

— Нет, у меня степень в области биологии. А что?

— Тогда откуда вы знаете, что он безвредный, этот укол?

Она закусила губу, а потом ответила:

— Если хотите, я пошлю за доктором медицины.

— Да нет, я думаю, это не обязательно.

Тут я вспомнил, как отец рассказывал что-то такое про вакцину сонной болезни, и добавил:

— А Фонд Далеких Перспектив дает нам страховку от возможных последствий?

— Что? Конечно, я уверена, что дает. — Она взглянула на меня и добавила: — Том, а как вышло, что мальчик вашего возраста стал таким недоверчивым?

— А? А почему вы спрашиваете об этом меня? Это же вы — психолог, мадам. И вообще, — добавил я, — если бы вы столько же раз садились на кнопки, сколько я, Вы бы тоже стали недоверчивой.

— Ммм... ну ладно. Я уже столько лет занимаюсь психологией, а все еще не могу понять, что делается с молодым поколением. Так вы дадите сделать себе укол?

— Ну, пожалуй, дам — раз уж Ф. Д. П. обеспечивает страховку. Вы только напишите, что именно вы мне вводите, и распишитесь.

На ее щеках вспыхнули красные пятна. Однако она взяла лист бумаги, что-то на нем написала, сложила, вложила в конверт и заклеила.

— Положите это себе в карман, — отрывисто сказала она. — И не заглядывайте туда, пока эксперимент не закончится. А теперь закатайте левый рукав.

Сделав мне укол, она ласково сказала:

— Это будет несколько болезненно... надеюсь. — Так оно и было.

Затем доктор Арно выключила в комнате все лампы, за исключением лампочки в своем устройстве для сравнения характеристик.

— Вам удобно?

— Вполне.

— Извините, если я была несколько раздражена. Вам надо расслабиться и устроиться поудобнее. — Она подошла и сделала что-то с креслом, на котором я сидел. Оно плавно откинулось, и теперь я почти лежал в гамаке. — Расслабьтесь и не сопротивляйтесь тому, что вы чувствуете. Если вас начнет клонить в сон, то так и должно быть. — Она села на место, и теперь мне было видно только ее лицо, освещенное экраном. Я решил, что доктор Арно очень хорошенькая, несмотря даже на то, что при ее возрасте это не имело для меня

никакого значения. Ей было лет тридцать, а то и больше. Кроме того, она вообще была приятной. Она несколько минут говорила еще что-то своим ласковым голосом, но что она там говорила, я толком не помню.

Наверное, я уснул, потому что потом вдруг оказалось, что вокруг темно, как в яме, и Пэт где-то совсем рядом со мной, хотя я не заметил ни как потух свет, ни как открылась дверь. Я хотел уже с ним заговорить, когда услышал его шепот:

— Том, ты когда-нибудь видел такую идиотскую чушь?

— Смахивает на то, как нас посвящали в Сенегальские Каннибалы.

— Да тише ты, они услышат...

— Это ты сам громко говоришь. Да и вообще, кому какое дело? Давай покажем им, что такое боевой клич Каннибалов, чтобы у них от страха волосы дыбом встали.

— Потом, потом. В настоящий момент моя подруга Мейбл желает, чтобы я зачитал тебе ряд чисел. Так что пусть первыми позаботятся они. Они же, в конце концов, платят за это.

— Ладно, давай.

— Ноль запятая шесть девять три один.

— Это натуральный логарифм двойки.

— А чего бы ты хотел? Номер телефона Мейбл? Заткнись и слушай. А потом повторяй. Три запятая один четыре один пять девять...

Так продолжалось какое-то время. Некоторые из чисел были знакомыми, вроде первых двух, остальные могли быть случайными, может, среди них был даже и номер телефона Мейбл — откуда мне знать? Потихоньку я затосковал и подумывал уже было издать боевой клич самостоятельно, когда услышал негромкий голос доктора Арно.

— Конец теста. Пожалуйста, оба полежите спокойно несколько минут и расслабьтесь. Мейбл, встретимся в кабинете обработки данных. — Я слышал, как она вышла, так что бросил мысль о боевом кличе и расслабился. Я несколько одурел от повторения всех этих цифр в полной темноте и вообще, как говаривал дядя Стив, когда представляется возможность отдохнуть, не

отказываясь от нее, может, в следующий раз она представится нескоро.

Потом я услышал, как дверь снова открылась, и вдруг зажмурился от яркого света. Доктор Арно сказала:

— На сегодня все, Том... и большое вам спасибо. Мы хотели бы встретиться с вами и с вашим братом завтра в то же время.

Я еще немного поморгал и огляделся.

— А где Пэт? Что он говорит?

— Вы встретитесь с ним в приемной. Он сказал, что вы оба можете прийти завтра. Вы ведь можете, правда?

— Ну, наверное, да, если он согласен. — Мне было несколько совестно за тот фокус, который мы устроили, поэтому я добавил: — Доктор Арно, простите, если я вас обидел.

Она похлопала меня по плечу и улыбнулась.

— Ничего. Вы правы, что ведете себя осторожно, и вы оказались хорошим подопытным. Посмотрели бы вы на тех дикарей, которые иногда нам попадают. До завтра.

Пэт ждал меня в той самой большой комнате, где мы видели рыжих. Он пошел за мной, и мы отправились к опускающей шахте.

— Я поднял плату за завтрашний день, — произнес он с самодовольным видом.

— Поднял? Пэт, а стоит ли нам это делать? То есть я хочу сказать, что шутки шутками, но если они в конце концов выяснят, что мы просто дурачимся, то мало нам не покажется. Могут даже заставить нас вернуть то, что уже заплатили.

— А как это они нас заставят? Нам платили за то, что мы явились сюда и прошли тест. Именно это мы и сделали. Это уж их дело — организовать тесты так, чтобы результаты были надежными. Если бы я их организовывал, я бы сумел.

— Пэт, ты мошенник и жулик сразу.

Я вспомнил доктора Арно... Такая приятная женщина.

— Пожалуй, я завтра останусь дома.

Сказал я это в тот момент, когда Пэт нырнул в шахту. Весь путь вниз он был футов на десять ниже меня и у него было сорок этажей на обдумывание

ответа. Когда я приземлился рядом с ним, он ответил мне, сменив тему:

— Они делали тебе инъекцию?

— Да.

— Ты догадался заставить их дать подписку об ответственности или постеснялся?

— Ну, вроде того, — я пощупал конверт, лежащий в моем кармане; я уже успел забыть о нем. — Я заставил доктора Арно написать, что она нам вводила.

Пэт протянул руку к конверту.

— Мои извинения, маэстро. С помощью моих мозгов и твоей удачи мы сделали, что хотели. — Он начал вскрывать конверт. — Спорю, это был неопентотал — или что-нибудь из барбитуратов.

Я выхватил у него конверт.

— Это мой.

— Ну и открывай его сам, — ответил он, — и не задерживай уличное движение. Очень хочется поглядеть, каким это наркотиком они нас напичкали.

Мы вышли из здания на пешеходный уровень, в совете Пэта определенно был смысл. Прежде чем вскрыть конверт, я, а затем и он, прошел по переходу на быструю западную полосу и встал за ветровым козырьком. Только я развернул лист, как Пэт начал читать вслух через мое плечо:

— Фонд Далеких Перспектив, и все такое прочее — для инъекций, введенных субъектам 7L 435 и 6 Т.П. Бартлету и П.Г. Бартлету (идентичные близнецы) использовалась дистиллированная вода с необходимым уровнем солей и дозировкой — каждая по одной десятой куб. см. Подпись «Доктор Арно. Доктор-Биолог. От имени Фонда». Том, нас надули!

Я уставился на бумагу, пытаюсь как-то соотнести то, что со мной творилось, с тем, что было на ней написано. Пэт добавил с надеждой в голосе:

— А может быть, это и есть надувательство? А на самом деле нам ввели что-то другое, только они не хотят этого признавать?

— Нет, — медленно сказал я. Я был совершенно уверен, что доктор Арно не стала бы писать слово «вода», а в действительности вводить нам какой-нибудь из наркотиков — не такой она человек. — Пэт, дело не в наркотиках, а в гипнозе.

Он покачал головой.

— Этого не может быть. Допустим, что я поддаюсь гипнозу, но ведь ты не поддаешься. Нечего там гипнотизировать. И меня, дорогой ты мой, тоже никто не гипнотизировал. Никаких крутящихся светлых точек, никаких движений руками — да моя красотка Мейбл даже в глаза-то мне не глядела. Она просто сделала мне укол, велела расслабиться и наслаждаться происходящим.

— Ты, Пэт, совсем как маленький. Крутящиеся лампочки и все такие штуки — это для дураков. И какая разница, как это называть, гипнозом или рекламой. Они сделали нам по уколу, намекнули, что мы чувствуем сонливость — вот мы и уснули.

— Это я, значит, чувствовал сонливость? И вообще Мейбл делала совсем не так. Она сказала, чтобы я не засыпал, а уж если засну — проснулся, когда она меня позовет. Потом, когда они принесли тебя, она...

— Подожди секунду. Ты хотел сказать, когда они перенесли тебя в ту комнату, в которой был я...

— Да нет, ничего подобного я не хотел сказать. После того, как они принесли тебя, Мейбл дала мне этот самый список чисел, я продиктовал его тебе и...

— Да подожди ты, — сказал я. — Пэт, ты все путаешь. Каким образом ты мог **ч и т а т ь** эти числа, находясь в полной темноте? Наверное, это она их тебе прочитала. Я хочу сказать... — Тут я остановился, потому что у меня самого все как-то не сходилось. Вообще-то она могла диктовать их ему из другой комнаты. — На тебе были наушники?

— А какое это имеет значение? И вообще, там не было полной темноты, во всяком случае после того, как внесли тебя. Она держала список на таком пюпитре, у которого была своя собственная лампочка, света было достаточно, чтобы видеть числа и ее руки.

— Пэт, перестань повторять эту чепуху. Загипнотизированный или нет, я не отключался настолько, чтобы совсем не замечать, что происходит. Меня никуда не перемещали, вероятно, они сумели перевезти тебя, совсем не потревожив. И в комнате, где мы сидели, было абсолютно темно, ни проблеска.

Пэт ответил не сразу, что было совсем на него не похоже. В конце концов он сказал:

— А ты уверен в этом, Том?

— Конечно, уверен.

Он вздохнул.

— Мне бы не хотелось говорить этого, зная, что ты мне ответишь. Но что прикажешь делать, если ни одна теория не сходится с фактами?

— Что? Это что, викторина? Значит, надо выбросить их на помойку и подыскать новую. Основы методологии, вводный курс.

— Ну что же, тогда примерь вот эту, только по размеру примерь, не беспокойся о том, как она сидит. Том, радость моя, держись крепче, — мы действительно читаем мысли.

Я примерил ее и так и сяк — результат меня не вдохновил.

— Пэт, то, что ты не можешь ничего объяснить, еще не повод уподобляться толстой старухе, которая ходит к гадалкам. У нас все перепуталось в голове, то ли от наркотиков, то ли от гипноза — с этим я согласен. Но все равно не может быть, чтобы мы читали мысли друг друга, а то мы давным-давно делали бы это. Мы обязательно заметили бы.

— Совсем не обязательно. В твоей голове никогда не было особого изобилия мыслей, так что там было замечать?

— Ну, это надо еще разобраться...

— Чему равен натуральный логарифм двойки?

— Ноль запятая шесть девять три один, как ты сказал, хотя я почти не пользуюсь четырехзначными таблицами. А в чем, собственно, дело?

— Логарифм четырехзначный потому, что она мне его таким дала. Ты помнишь, что она сказала перед тем, как я продиктовал тебе это число?

— Чего? Кто?

— Мейбл. Доктор Мейбл Лихтенштейн. Что она сказала?

— Никто ничего не говорил.

— Том, сенильный ты мой симбиот, она сказала мне, что я должен делать, в частности, диктовать тебе числа. Сказала она мне это чистым, пронзительным сопрано. Ты ее слышал?

— Нет.

— В таком случае, тебя не было в этой комнате. Тебя не было нигде в пределах слышимости, несмотря даже на то, что я готов был поклясться на Библии, что они пристроили тебя рядом со мной. Я точно знал, что рядом. Но в действительности тебя не было. Значит, это телепатия.

Все это меня ошарашило. Я не ощущал в себе телепатических способностей. Вот голод — его я ощущал.

— Согласен и с тем, и с другим, — поддержал меня Пэт, — так что давай сойдем у Беркли и перехватим по бутерброду.

Я последовал за ним, чувствуя себя уже не таким голодным и еще более ошарашенным. Пэт ответил на то, что я не решился произнести вслух.

ГЛАВА 3

Проект Лебенсraum*

Хотя меня и просили не торопиться и подробно описать, как все было, сделать этого я не могу. Несколько дней у меня не было ни минуты, чтобы продолжить эти записи и, кроме того, если бы мне даже не нужно было работать, все равно рассказать «все» я бы не смог, так как, чтобы записать все, что случилось за день, надо больше одного дня. И чем больше стараешься, тем сильнее отстаешь. Так что я и стараться не буду, а просто пройду по самым заметным эпизодам.

Вообще, суть проекта Лебенсraum знакома каждому.

Мы не стали рассказывать маме и отцу про тот первый день. Нельзя подвергать родителей такому сильному испытанию, они обязательно станут волноваться и начнут навязывать свою волю. Мы просто сказали им, что тесты продолжатся и завтра, а также, что результатов нам не сообщили.

Казалось, доктор Арно ничуть не удивилась, когда мы ей сказали, что все знаем, и даже тогда, когда я выпалил, что мы думали, что жульничаем, но, видимо,

* *Lebensraum* — жизненное пространство. — Нем.

все было наоборот. Она только кивнула и сказала, что так было надо — создать у нас впечатление, что все, как обычно, хотя при этом все, и они и мы, немного хитрили.

— Видите ли, у меня были ваши личностные характеристики; они подсказывали мне, как себя вести с вами, — добавила она, — к истине в психологии иногда приходится идти круглым путем.

— А сегодня мы попробуем прямой путь, — продолжала доктор Арно. — Мы посадим вас спиной к спине, но настолько близко, чтобы вы беспрепятственно могли друг друга слышать. Однако я буду использовать звукопоглощающий экран, чтобы время от времени частично или полностью разделять вас, не предупреждая об этом.

На этот раз все было гораздо труднее. Конечно, мы старались изо всех сил и, конечно же, у нас не получалось. Но доктор Арно была само терпение, и доктор Лихтенштейн-Пэтова — «Доктор Мэйбл» — тоже. Она хотела, чтобы ее называли «доктор Мэйбл», и была она низенькой толстушкой, помладше, чем доктор Арно, и хорошенькой, насколько это возможно для девушки, пухлой, как подушка. Это уже позднее мы узнали, что она — руководитель исследовательской группы и мировая знаменитость. «Смешливая толстенная девочка», — это была такая роль, чтобы обычные — вроде нас с Пэтом — люди чувствовали себя раскованнее. Думаю, это еще одно свидетельство тому, что не надо обращать большого внимания на внешний вид, и есть смысл читать, что там на ней напечатано мелким шрифтом.

Итак, Мэйбл хихикала, а доктор Арно хранила серьезный вид так, что мы не могли понять, читаем мы мысли или нет. Я слышал шепот Пэта — они сказали нам, чтобы мы продолжали перешептываться — а он слышал мой; иногда шепот стихал. Я был уверен, что у нас ничего не получается — я имею в виду телепатию — ведь все происходило точно так же, как в школе, когда мы с Пэтом потихоньку перешептывались, чтобы нас никто не слышал.

В конце концов Мэйбл опять глуповато хихикнула и сказала:

— Думаю, на сегодня хватит. Не правда ли, доктор?

Доктор Арно согласилась, после чего мы с Пэтом сели и посмотрели друг на друга. Я сказал:

— Пожалуй, вчера это получилось как-то случайно. Вероятно, мы вас разочаровали.

У доктора Мэйбл был вид удивленного котенка.

Доктор Арно очень серьезно ответила:

— Не знаю, чего вы ожидали, Том, но в течение последнего часа вы и ваш брат не имели возможности слышать друг друга каждый второй тест.

— Но я же слышал его!

— Конечно же слышали. Но не ушами. Мы записывали все, что говорилось по каждую сторону от звуконепроницаемого барьера. Пожалуй, нам стоит прокрутить часть этой записи.

Доктор Мэйбл опять хихикнула.

— Хорошая мысль, — сказала она.

Так они и сделали. Запись началась с наших четырех голосов, когда они объясняли, что от нас требуется, затем шептали только мы с Пэтом, читая друг другу куски из «Комедии ошибок». Видимо, они использовали направленные на нас параболические микрофоны, так как шепот наш звучал, словно ураган.

Шепот Пэта понемногу стих. Но мой продолжал звучать... один в гробовой тишине.

Мы подписали контракт с Фондом, и отец, после некоторого спора, заверил его своей подписью. Он считал, что все это чтение мыслей — чушь собачья, и мы с ним на эту тему не спорили. Главным доводом было то, что с деньгами у нас было так же плохо, как и всегда, а здесь нам платили лучше, чем на любой другой летней работе, какую мы только могли себе найти; платили вполне прилично, чтобы мы смогли потом поступить в колледж, если даже нам не дадут стипендии.

Но в самом конце лета они объяснили нам, что связывает «Генетические исследования» и «Проект Лебенсраум». Это уже была лошадка другой масти — совершенно черная, с точки зрения наших родителей.

Уже задолго до этого мы с Пэтом могли общаться при помощи телепатии так же свободно, как говорить, и так же разборчиво, безо всякой подготовки и на

любом расстоянии. Видимо, мы занимались этим уже многие годы, сами того не зная. Доктор Арно как-то записала, нас о том не предупреждая, одно из наших перешептываний (когда мы не пытались перешептываться, а просто имели сугубо приватную беседу) и доказала нам, что ни один из нас не мог разобрать этот записанный шепот, когда он воспроизводился достаточно тихо, чтобы не было слышно окружающим.

Она объяснила нам, что теоретически возможно, что каждый является потенциальным телепатом, но продемонстрировать это оказалось крайне трудно, за исключением идентичных близнецов — да и то в десяти процентах случаев.

— Мы не знаем, почему так получается: но давайте предположим нечто аналогичное настройке радиоприемника на нужную станцию.

— Волны мозга? — спросил я.

— Не надо заводить аналогию слишком далеко. Это ни в коем случае не те волны мозга, которые мы записываем на энцефалографе, иначе мы давным-давно запустили бы в серийное производство телепатическое оборудование. И мозг человека не является радиостанцией. Но чем бы это ни было, у двух человеческих особей, развившихся из одной яйцеклетки, шансов быть взаимно «настроенным» несравненно больше, чем у них. Я не могу читать ваши мысли, а вы — мои, вероятно, это никогда не будет возможным. Во всей истории психологии известно всего несколько случаев, когда человек был способен «настраиваться» на кого угодно по своему желанию, да и эти случаи обычно плохо документированы.

Пэт ухмыльнулся и подмигнул доктору Мэйбл:

— Так что мы с ним — пара уродов.

Она посмотрела на нас широко раскрытыми глазами и хотела было ответить, но доктор Арно ее опередила.

— Совсем нет, Пэт. Для вас это вполне нормально. Но у нас тут есть пары, не являющиеся идентичными близнецами. Некоторые из них — супруги, некоторые — братья и сестры; есть даже пары, образовавшиеся в результате наших исследований. Вот они и вправду являются — в каком-то смысле — «уродами».

Если бы нам удалось понять, каким образом это получается у них, мы смогли бы, возможно, создать условия для того, чтобы это мог делать кто угодно.

Доктор Мэйбл поежилась.

— Какая ужасная идея! У нас и так осталось слишком мало сокровенного.

Все это я пересказал Моди (Пэт перебивал меня и поправлял), так как журналисты уже раскопали, какие дела творятся в «Генетических исследованиях», и, само собой, мы — «читающие мысли» — получили уйму дурацкого паблисити и, само собой, под влиянием глупого подзуживания со стороны Хедды Стейли, Модди начала задумываться, и вправду, может ли девушка быть уверена в приватности своих мыслей? Может, конечно же, может, я и с ордером на обыск не смог бы залезть к ней в голову, равно так же и Пэт. Модди поверила бы нам, не зуди ей Хедда все время на эту тему. В какой-то момент она почти сумела рассорить нас с Модди, но вместо этого мы прогнали в шею ее саму и стали устраивать свидания вдвоем до того времени, пока Пэта не услали.

Но это произошло уже к концу лета после того, как нам рассказали про Проект Лебенсraum.

Около недели до того, как окончился срок нашего контракта, нас, близнецов, собрали вместе, чтобы побеседовать с нами. В тот достопамятный первый день нас были сотни, на второй — десятки, а к концу лета — едва ли достаточно, чтобы заполнить большой конференц-зал. Рыжие были среди продержавшихся, однако мы с Пэтом не сели рядом с ними, хотя место там было; от них по-прежнему несло холодом, как от сосулек, и они оставались, как и раньше, закороченными на себя, подобно устрицам. Остальная компания к этому времени давно перезнакомилась.

Некий мистер Говард был представлен нам как уполномоченный Фонда. Он развел обычную пустую болтовню про то, как он счастлив со всеми нами познакомиться, какая это для него честь и все такое. Пэт сказал мне:

— Том, береги кошелек, этот тип вешает нам лапшу на уши. — Теперь, зная точно, что мы делаем и как, Пэт и я переговаривались в присутствии посто-

ронных даже чаще, чем раньше. Мы уже больше не шептали, ведь нам доказали, что шепот этот мы не слышим. Но мы все же «произносили» беззвучно слова, так как это помогало быть понятым. В самом начале лета мы пытались обойтись без слов, а прямо читать мысли, однако из этого ничего не вышло. Конечно же, я мог подключиться к Пэту, но идиотское, нечленораздельное бормотание, звучавшее в его голове вместо мыслей, только смущало и раздражало. Наверное, также бессмысленно было бы вдруг оказаться в чужом сне. Так что я выучился не слушать, если только он не «разговаривал» со мной; то же самое делал и Пэт. «Разговаривая», мы пользовались словами и фразами, так же как и все остальные. Но здесь не было и следа той фантастической, невозможной, всем известной чуши о способности схватывать на лету мысли другого человека; мы просто «разговаривали».

Меня только все время тревожил вопрос, почему телепатический «голос» Пэта звучал в точности, как настоящий. Пока я не знал, что именно мы делаем, меня это не беспокоило, но как только я осознал, что эти звуки — совсем не звуки, этот вопрос начал меня тревожить. Я стал задумываться, в своем ли я уме, и на протяжении недели я вовсе не мог слышать Пэта — доктор Арно назвала это психосоматической телепатоглухотой.

Она расставила все по местам, объяснив нам, что такое — «слышать». Ты слышишь не ушами, ты слышишь мозгом; ты видишь не глазами, ты видишь мозгом. Когда ты дотрагиваешься до чего-нибудь, то ощущаешь предмет не пальцами, все ощущения сконцентрированы внутри твоей головы. Уши, глаза, пальцы — это просто датчики, собирающие информацию; но только мозг вносит упорядоченность в этот хаос информации и придает ей смысл:

— Новорожденный ребенок в действительности ничего не видит, — сказала она. — Понаблюдайте за его глазами, и вы увидите, что это так и есть. Его глаза функционируют, но мозг еще не научился видеть. Как только мозг приобретает навыки выделять, такие как «видеть» и «слышать», они тотчас же становятся прочными. Каким собственно образом вы ожидаете «слы-

шать» то, что вам телепатирует ваш близнец? Думаете, это похоже на позвякивание маленьких колокольчиков? Или на танцующие огоньки? Ни в коем случае. Вы ждете слов, и ваш мозг «слышит» слова; это такой процесс, к которому он привык и с которым он умеет управляться.

Больше я не беспокоился по этому поводу. Я слышал голос Пэта гораздо отчетливее, чем голос обращавшегося к нам мистера Говарда. Вне всяких сомнений, в комнате одновременно шло еще с полсотни разговоров, но я не слышал никого, кроме Пэта, и не было ничего удивительного в том, что оратор никого из нас не слышит (и, к тому же, вообще не слишком много понимает в телепатии), так как он продолжал:

— Вполне возможно, что многие из вас, людей с такими волшебными способностями, — (Тут он очень неприятно улыбнулся), — прямо сейчас читают мои мысли. Я надеюсь, что нет, а если даже и так, надеюсь, что вы выслушаете меня, пока я не скажу все, что хотел.

— Что я тебе говорил? — вставил Пэт. — Не подписывай никаких бумаг, пока я не проверю.

— (Заткнись), — сказал я ему. — (Я хочу послушать). — Обычно голос его звучал как шепот; теперь он прямо заглушил настоящие звуки.

Мистер Говард продолжал:

— Вполне возможно, вы задавались вопросом, чего это ради Фонд Далеких Перспектив финансирует эти исследования. Фонд всегда беспокоит судьба любого исследования, которое может внести вклад в сокровищницу человеческих знаний. Однако есть еще одна, значительно более важная причина, причина величайшей важности... и великая цель, для достижения которой вы можете иметь решающее значение.

— Вот видишь? Получше пересчитай сдачу.

— Да тихо ты, Пэт.

— Позвольте мне, — продолжал мистер Говард, — кое-что процитировать из устава Фонда Далеких Перспектив: «Во благо наших потомков.» — Тут он сделал театральную паузу — думаю, таково было его намерение. — Леди и джентльмены, что для наших потомков является наибольшей необходимостью?

— Предки, — не задумываясь, ответил Пэт. На секунду мне показалось, что он сделал это при помощи своих голосовых связок. Но никто ничего не заметил.

— Ответ может быть только один — жизненное пространство. Пространство, чтобы расти, пространство, чтобы создавать семьи, чтобы растить пшеницу; пространство для парков, школ, домов. Сейчас на этой планете пять миллиардов человеческих душ. Сто лет тому назад, при половине нынешнего населения она уже была перенаселена до предела, за которым лежит голод. И все равно нас сейчас на четверть миллиона больше, чем в то же самое время вчера — на девяносто миллионов людей больше каждый год. Только гигантские усилия, приложенные для сохранения и восстановления земель, в сочетании с мерами по контролю над рождаемостью — мерами, которые день ото дня все труднее осуществлять — смогли отодвинуть наступление голода. Мы создали море в Сахаре, мы растопили ледяную шапку Гренландии, мы оросили продуваемые всеми ветрами степи, и все равно год от года ощущаем все большее и большее давление, требующее все больше и больше пространства для бесконечно растущего числа людей.

Мне наплевать на речи, да и вообще все это — давно известная чепуха. Черт, если уж кто все это знал, так это мы с Пэтом; мы — котята, которых надо было вовремя утопить; отец ежегодно платил штраф только за то, что мы существуем.

— Исполнилось уже сто лет с того дня, как начались межпланетные полеты; человек расселился по всей Солнечной системе. Можно было бы подумать, что девять планет — вполне достаточное место для племени, чересчур плодовитого, чтобы поместиться на одной. Но все вы прекрасно знаете, что это не так. Из всех дочерей Солнечного Отца лишь прекрасная Терра воистину создана для Человека.

— Готов спорить, он пишет тексты для рекламных объявлений.

— (Слабенькие), — согласился я.

— Конечно же, мы колонизовали и остальные, но какой ценой? Даже упорные голландцы в своих усилиях отодвинуть назад море не встретились с такими

жестокими и безнадежными проблемами, какие встают перед поселенцами Марса, Венеры, Ганимеда. Человечеству нужны — и оно должно их получить — не эти смерзшиеся или раскаленные, или лишенные воздуха отбросы творения. Нам нужны планеты, подобные той, прекрасной, на которой мы с вами сейчас находимся. И они есть, их много. — Он воздел руки к потолку и поднял лицо в том же направлении. — Их десятки, сотни, тысячи, бесчисленные множества... ТАМ. Леди и джентльмены, настало время. Пора к звездам!

— Сейчас последует захват, — тихо произнес Пэт. — Стремительный поворот, и в точку.

— Пэт, куда это он клонит?

— Он — агент по продаже недвижимости.

Пэт был недалеко от истины, но я не собираюсь пересказывать вам остальную часть речи мистера Говарда. Когда мы познакомились с ним поближе, оказалось, что он вполне приятный человек, вот только его завораживал звук собственного голоса. Итак, остальное я изложу вкратце. Он напомнил нам, что корабль «Авангард» шесть лет тому назад стартовал к Проксиме Центавра. Мы с Пэтом знали про это не только из хроники, но еще и потому, что брат нашей мамы, дядя Стив, подавал туда заявление — его не взяли, но некоторое время мы купались в лучах славы только из-за того, что находились в родстве с человеком, который был в списке — подозреваю, что мы в школе производили такое впечатление, будто дядя Стив непременно окажется в списке отобранных.

Никто с того времени ничего не слышал об «Авангарде», может, он вернется лет через пятнадцать-двадцать, а может, и не вернется никогда. Причина того, что от «Авангарда» не приходило вестей, заключалась в том, что, как рассказал нам мистер Говард, и как все знали об этом и без него, бессмысленно посылать радиogramмы с корабля, находящегося на расстоянии световых лет и летящего почти со скоростью света. Даже если предположить, что на корабле может поместиться силовая установка, достаточно мощная для того, чтобы послать радиogramму на расстояние в несколько световых лет (что, вероятно, возможно в каком-то космическом смысле, однако совершенно

невозможно в смысле современной техники) — даже если так, какой толк от посланий, летящих всего чуть быстрее корабля, с которого они были посланы? «Авангард» вернется домой почти так же быстро, как любое донесение, посланное им по радио.

Некий умник задал вопрос о специальных почтовых ракетах. Мистер Говард с измученным видом попытался ответить, но я его не слушал. Если уж радиоволны недостаточно быстры, как ракета может быть быстрее? Спорю, доктор Эйнштейн завертелся в своей могиле волчком.

Мистер Говард поторопился продолжить, пока кто-нибудь еще не прервал его очередной глупостью. Фонд Далеких Перспектив предложил разослать во все стороны еще дюжину космических кораблей, с тем чтобы обследовать планетные системы типа Солнечной и планеты, схожие с Землей, пригодные для колонизации.

— Именно поэтому, леди и джентльмены, вы незаменимы для этого великого проекта поисков жизненного пространства, так как именно вы и будете средством, благодаря которому капитаны этих кораблей доложат о том, что им удалось найти.

Тут затих даже Пэт.

Тогда где-то в задних рядах поднялся человек. Он был одним из старейших в нашей компании; ему и его брату было лет по тридцать пять.

— Простите, пожалуйста, мистер Говард, но можно мне задать Вам вопрос?

— Конечно.

— Меня зовут Грегори Грэхем; это — мой брат Грант Грэхем. Мы с ним физики. Мы не считаем себя экспертами в области космических явлений, но в теории коммуникаций несколько разбираемся. Так вот, даже взяв за исходную ту предпосылку, что телепатия возможна на межзвездных расстояниях — я не думаю, что это так, но у меня нет и доказательств обратного — так вот, даже если предположить это, я все равно не понимаю, какой от нее будет толк. Телепатия, свет, радиоволны, даже гравитация — все это ограничено скоростью света. Эта скорость заложена в самые основы физического мира, она — предельная скорость передачи любых сигналов. Любая иная точка зрения

приводит к древнему философскому противоречию, к действию на расстоянии. Есть крохотная вероятность того, что вы сумеете использовать телепатию для того, чтобы доложить о том, что нашли, после чего корабль отправится дальше исследовать вселенную — но все равно, посланию потребуются годы, чтобы достичь цели. Двусторонняя связь между кораблем и Землей, хотя бы и посредством телепатии, абсолютно невозможна, она противоречит хорошо известным физическим законам. — Со смущенным, извиняющимся видом он сел.

Я думал, что здесь-то Грэхем его и поймал. У нас с Пэтом по физике всегда были хорошие оценки, и то, что сказал Грэхем, было слово в слово по учебнику. Однако Говард не проявил ни малейшего беспокойства.

— Я попрошу, чтобы вам ответил эксперт. Доктор Лихтенштейн? Если вы не возражаете...

Встала доктор Мэйбл. Выглядела она суетливо. Она покраснела, хихикнула и сказала:

— Я страшно сожалею, мистер Грэхем, правда, сожалею, только с телепатией все совсем не так. — Она хихикнула еще раз и продолжила: — Конечно, мне не стоило так говорить, ведь это вы телепаты, а не я, только телепатия не обращает ни малейшего внимания на скорость света.

— Но она же обязана. Физические законы...

— Господи! Неужели мы оставили у вас впечатление, что телепатия — физическое явление? — Она всплеснула руками. — Скорее всего, это не так.

— Все подчиняется законам физики. Здесь же я имею в виду и физиологию.

— Подчиняется? И физиология? О, как бы я хотела быть в этом уверенной... но физика всегда была для меня слишком глубокой наукой. Только я не понимаю, как можно быть уверенным в том, что телепатия — физический эффект; мы никогда не могли зарегистрировать ее каким-либо прибором. Господи, да мы даже не понимаем, каким образом сознание сцеплено с материей. Является ли сознание физическим явлением? Я в этом совершенно не уверена. Но мы знаем, что телепатия быстрее света, так как измерили это.

Пэт резко выпрямился.

— Слушай внимательно, старик. Пожалуй, мы посмотрим второй спектакль.

Вид у Грэхема был ошарашенный. Доктор Мэйбл торопливо добавила:

— Это сделала не я, это доктор Абернети.

— Горацио Абернети? — вскричал Грэхем.

— Да, его зовут именно так, хотя я никогда не решалась называть его по имени. Он — довольно важная персона.

— Ну, всего лишь лауреат Нобелевской премии, — мрачно произнес Грэхем, — в области теории поля. Ну так что же дальше? Что он обнаружил?

— Дело в том, что мы послали этого самого близнеца на Ганимед — это очень далеко. А затем мы использовали параллельно радиотелефонную и телепатическую связи. Близнец, бывший на Ганимеди, разговаривал по радио, и одновременно прямо — телепатически, то есть — со своим братом, который находился в Буэнос-Айресе. Телепатическое послание всегда обогнало радиосообщение примерно на сорок минут. Ведь так и есть, не правда ли? Точные цифры вы можете посмотреть у меня в кабинете.

Грэхем с трудом закрыл разинутый рот.

— А когда это было? Почему это еще не опубликовано? Кто держит это в тайне? Это же самый важный эксперимент со времен опыта Майкельсона-Морли — это же потрясающе.

Доктор Мэйбл выглядела расстроенной, и тут в разговор вступил мистер Говард. Он произнес успокаивающее:

— Никто не собирается скрывать этих результатов, мистер Грэхем, и доктор Абернети готовит к печати статью в Физикл Ревью. Правда, я должен сознаться, что Фонд попросил его не давать предварительного сообщения, чтобы у нас было время осуществить другой проект — известный вам под названием «Генетические исследования» — самым срочным образом. Мы считали, что имеем право найти и взять к себе на работу потенциальные телепатические пары прежде, чем нам попытается перебежать дорогу каждая психологическая лаборатория, да что там, каждый амбици-

озный фокусник. Доктор Абернети охотно согласился — он не любит преждевременных публикаций.

— Если вам, мистер Грэхем, будет приятно это слышать, — робко добавила доктор Мэйбл, — на закон обратных квадратов телепатия тоже не обращает ни малейшего внимания. На расстоянии в полмиллиарда миль уровень сигнала был столь же высок, как и тогда, когда телепаты работали в соседних комнатах.

Грэхем тяжело сел.

— Я и сам не знаю, приятно мне это слышать или нет. Я сейчас пытаюсь с трудом переосмыслить все, во что я раньше верил.

Разъяснения, которые давали братьям Грэхем, внесли кое-какую ясность, но отвлекли нас от основной цели этого собрания, состоявшей в том, что мистер Говард пытался уговорить нас записаться в астронавты. Меня уговаривать было не нужно. Я думаю, что любой мальчишка мечтает отправиться в Космос; мы с Пэтом однажды сбежали из дома, чтобы записаться в Космическую Морскую пехоту — а это намного серьезнее, чем просто попасть на рейс Земля — Марс — Венера, это — лететь к звездам.

— Звезды!

— Мы рассказали вам об этом до истечения срока ваших исследовательских контрактов, — объяснил мистер Говард, — чтобы у вас было время все обдумать, а у нас — объяснить вам все условия и преимущества этого предприятия.

Преимущества меня не интересовали. Если бы они предложили мне прицепиться к космическому кораблю сзади на санках, я бы согласился, ничуть не беспокоясь о выхлопах двигателя, космическом скафандре и прочей ерунде.

— Обоим членам телепатической пары будут предложены равно хорошие условия, — уверил он нас. — Отправляющийся в космос получит отличную оплату и отличные условия труда на одном из лучших современных факельных кораблей, в обществе людей, отобранных как из соображений специальной подготовки, так и из соображений психологической совместимости. Остающийся на Земле будет обеспечен как с финансовой стороны, так и в смысле заботы о его здоровье. —

Он улыбнулся. — Забота о здоровье — это уж обязательно. Совершенно необходимо будет сохранить его в живых столь долго, сколько это может делать наука. Не будет преувеличением сказать, что, подписывая этот контракт, вы продаете свою жизнь лет на тридцать.

Тут я сообразил, почему испытанию подвергались молодые близнецы. Тот из них, который отправится к звездам, не будет особенно стареть, он ведь будет двигаться почти со световой скоростью. А тот, который останется, стареть будет. Им придется трястись над ним, как над королевской особой, сохранять его в живых — а то их «радио» сломается.

Пэт сказал:

— Млечный Путь, я иду к тебе!

Но мистер Говард продолжал свою речь:

— Мы хотим, чтобы вы все это тщательно обдумали, это — самое важное решение в вашей жизни. На ваши плечи и на плечи таких же, как вы, из других городов, рассеянных по земному шару, на вас, представляющих крохотную долю одного процента рода человеческого, на плечи столь немногих возложена надежда человечества. Так что обдумайте все хорошенько и, если вас что-либо беспокоит, дайте нам возможность все вам объяснить. Не торопитесь принимать решение.

Рыжие девицы встали и, задрвав носы, вышли из зала. Им не надо было говорить, чтобы стало ясно, что они не собираются иметь ничего общего с таким неженским, неизящным занятием, как исследование космоса. Они шествовали в полной тишине, и Пэт сказал мне:

— Это идут матери первопроходцев. Такая сила духа и открыла Америку. — Когда девицы проходили мимо нас, он вдруг защелкал языком, и тогда только я сообразил, что он говорил вслух. Рыжие как-то напряглись и пошли быстрее. Раздались неуверенные смешки, а мистер Говард быстренько вернулся к делу, словно ничего такого не случилось. Тем временем я ругал Пэта.

Мистер Говард сказал, чтобы мы приходили завтра в обычное время, и тогда представитель Фонда объяснит нам все подробности. Он предложил, чтобы мы

приходили со своими адвокатами или (те из нас, кому не было восемнадцати, каковых было больше половины) со своими родителями и их адвокатами.

Пэта, когда мы уходили, прямо распирало, но у меня лично энтузиазм как-то пропал. Посреди речи мистера Говарда меня наконец осенило: одному из нас придется остаться, и точно так же, как я знал, что бутерброд падает маслом вниз, я знал и кто из нас будет этот «один». Возможные лишние тридцать лет меня не очень привлекали. Какой смысл существовать, будучи закутанным в вату эти самые тридцать лет? Для того, который остается, уже не будет никакого космоса, даже в пределах Солнечной системы... А я не бывал еще даже на Луне. Я сделал попытку чуть притушить энтузиазм Пэта и пояснее нарисовать ему картину, так как черти бы меня драли, если я собирался без сопротивления согласиться на меньший кусок пирога.

— Слышь, Пэт, мы про это дело будем тянуть спички. Или монету бросим.

— Чего? Про что это ты?

— Ты прекрасно понимаешь, про что это я.

Он только отмахнулся от меня и ухмыльнулся:

— Ты, Том, слишком много мельтешишь. Они составят команды так, как им хочется. Мы тут ничего решать не будем.

Я понимал, что он решил лететь, и я понимал, что я проиграл.

ГЛАВА 4

Полбуханки

Как и следовало ожидать, родители подняли шум. Любое обсуждение в семье Бартлетов по звуку всегда напоминало кормежку в зоопарке, а уж на этот раз все шло особенно на высоких нотах. В дополнение к нам с Пэтом, Вере, Надежде, Любви и родителям в совещании принимали участие довольно-таки новенький муж Веры Фрэнк Дюбуа и новенький с иголки уха-жер Надежды Лотар Сенбрик. Двух последних можно было не считать, оба они казались мне прекрасными примерами того, до чего может дойти девица, желаю-

щая выскочить замуж, однако они тоже занимали какое-то место в комнате и по временам вставляли замечания, еще больше запутывавшие дело. Но тут находился и мамин брат, дядя Стив, прибывший на Землю по увольнительной.

Именно присутствие дяди Стива и подтолкнуло Пэта вынести вопрос на общее обсуждение вместо того, чтобы уламывать отца и мать поодиночке. Оба они считали, что дядя Стив дурно на нас влияет, однако в то же самое время гордились им; его редкие визиты были всегда праздниками для нашей семьи.

Мистер Говард дал нам типовой контракт, чтобы мы хорошенько ознакомились с ним дома. После обеда Пэт сказал:

— Кстати, папа, Фонд предложил нам сегодня новый контракт, на этот раз долгосрочный. — Он вынул бумагу из кармана, но передавать ее отцу не стал.

— Надеюсь, вы сказали ему, что у вас скоро начинается учебный год?

— Конечно, мы им сказали об этом, но они настаивали, чтобы мы отнесли контракт домой и показали родителям. О'кей, мы и сами догадывались, что вы на это скажете. — Пэт начал засовывать контракт обратно в карман.

Я сказал Пэту телепатически:

— Ты что, совсем дурак? Ты же заставил его сказать «нет» и теперь он уже просто не сможет изменить своего решения.

— Нет, он еще не сказал «нет», — ответил Пэт по внутренней линии связи. — И не толкай меня под руку.

Отец уже тянулся за контрактом.

— Дай-ка я посмотрю эту штуку. Никогда нельзя принимать решение, пока не знаешь всех обстоятельств.

Пэт не особенно торопился отдать ему контракт.

— Тут, конечно, есть пункт насчет школьного обучения, — признал он, — но только мы с Томом не сможем ходить в одну школу, как раньше.

— Это не обязательно и плохо. Вы с ним слишком зависите друг от друга. Когда-нибудь каждому из вас придется в одиночку встать лицом к лицу с грубым,

равнодушным миром... и то, что вы будете ходить в разные школы, может оказаться полезной тренировкой.

Пэт вытащил контракт и раскрыл его на второй странице.

— Это здесь, в десятом параграфе.

Отец, как того и хотел Пэт, сначала прочитал десятый параграф, и брови его поползли вверх. Десятый параграф гласил, что первая договаривающаяся сторона, Ф.Д.П., согласна содержать вторую договаривающуюся сторону в любой школе согласно выбору второй договаривающейся стороны, принимая на себя все расходы в течение всего периода действия контракта или меньшего времени, если того пожелает вторая договаривающаяся сторона. Она согласна на то же самое в отношении третьей договаривающейся стороны после окончания активного периода контракта плюс индивидуальное обучение в течение активного периода. Вся эта хитро закрученная фраза была длинным способом сказать, что Фонд сейчас берет на себя обучение в школе того из нас, кто останется на Земле, а тот, кто отправится к звездам, будет учиться по возвращении... и все это в дополнение к нашим жалованиям, см. параграф семь.

И тогда отец перешел к седьмому параграфу, после чего брови его поднялись еще выше, а трубка выпала у него из рта. Он поглядел на Пэта.

— Я правильно понял, что они собираются назначить вас двоих «техниками десятого разряда в области связи» при полном отсутствии опыта?

Дядя Стив выпрямился так резко, что чуть не перевернул свой стул.

— Брюс, ты сказал «десятого разряда»?

— Так тут написано.

— По тарифной сетке Ф.Д.П.?

— Да. Не знаю уж, сколько это будет, но я слышал, что обычно они нанимают работников, уже имеющих опыт по третьему разряду.

Дядя Стив присвистнул.

— Я просто боюсь сказать вам, какие это большие деньги, Брюс... на Плутоне только главному связисту платят по тому же десятому разряду... и ему для этого потребовалось двадцать лет работы и докторская сте-

пень. — Дядя Стив поглядел на нас. — Ну, братки, давайте, колитесь. Куда они закопали труп? А может, это взятка? — Пэт не отвечал. Дядя Стив повернулся к отцу и сказал: — Не надо и читать все остальное, Брюс, просто пусть ребята подписывают эту штуку. Каждый из них будет получать больше, чем мы с тобой вместе взятые. Не надо спорить с Санта Клаусом.

Но отец уже читал, начиная с параграфа один-А до пунктов о нарушениях контракта. Написано все это было на юридическом языке, но в целом речь шла о том, что мы зачисляемся членами команды корабля, принадлежащего Ф.Д.П., вот только один из нас должен исполнять свои обязанности, оставаясь на Земле. Была еще уйма всякого для закрепления дела, чтобы тот, кто остался на Земле, не мог никуда ускользнуть, но это было и все.

В контракте не говорилось, куда корабль отправляется и сколько будет продолжаться полет.

В конце концов отец отложил контракт, который сразу же схватила Любовь. Отец забрал у нее бумагу и передал матери. Потом он сказал:

— Ребята, контракт выглядит так великолепно, что я подозреваю, что здесь что-то не так. Завтра утром я встречусь с судьей Голландом и попрошу его просмотреть документ от начала до конца вместе со мной. Но, если я все правильно понял, вам предложены все эти блага — в дополнение к умопомрачительному жалованию — в том случае, если один из вас совершит полет на «Льюисе и Кларке».

Тут неожиданно вмешался дядя Стив:

— «Льюис и Кларк», Брюс?

— «Льюис и Кларк», или другой назначенный корабль из той же серии. А что? Ты знаешь этот корабль?

Лицо дядюшки стало непроницаемым, и он отвечал:

— Сам я на нем не бывал никогда. Насколько я знаю, это новый корабль, очень хорошо оснащенный.

— Приятно слышать, — отец поглядел на мать. — Ну так что скажешь ты, Молли?

Мать не отвечала. Она читала контракт и все сильнее и сильнее бледнела. Дядя Стив поймал мой взгляд и чуть покачал головой. Я сказал Пэту:

— Дядя Стив понял, в чем тут дело.

— Он мешать не станет.

В конце концов мать оторвала взгляд от документа и высоким голосом сказала отцу:

— Я так понимаю, ты собираешься согласиться? — В ее голосе звучала боль. Она отложила контракт, и Любовь снова схватила его. Одновременно Надежда вцепилась в него с другой стороны. Кончилось это тем, что наш зять, Фрэнк Дюбуа, держал бумагу, а остальные читали из-за его спины.

— Успокойся, милая, — нежно сказал отец, — не забывай, что мальчики вырастут. Мне и самому хотелось бы, чтобы семья все время была вместе, но это же невозможно, и ты сама это понимаешь.

— Брюс, ты обещал мне, что они никогда не отправятся в космос.

Дядя Стив бросил на нее взгляд: грудь его была вся в нашивках, заработанных в космосе. Но отец продолжал с той же нежностью:

— Не совсем так, милая. Я обещал тебе, что не дам согласие, чтобы они несовершеннолетними записались в вооруженные силы; я хочу, чтобы они закончили школу, и к тому же не хочу, чтобы ты расстраивалась. Но это же совсем другое дело и, кроме того, если мы сейчас не дадим согласия, совсем скоро они смогут записаться, хотим мы того или нет.

Мать повернулась к дяде Стиву и с горечью проговорила:

— Это ты, Стивен, вбил им в голову эту идею.

Тот сделал обиженное лицо, а затем ответил с той же, что и у отца, кротостью:

— Ты не волнуйся так, сестренка. Меня не было, и ты не можешь обвинять меня в этом. И вообще, никто не может вбить мальчикам в голову какие-то там идеи, у них они появляются сами по себе.

Фрэнк Дюбуа откашлялся и громко произнес:

— Так как это, видимо, семейный совет, несомненно, вы хотели бы узнать мое мнение.

Я сказал одному Пэту:

— А твоего, дубина, мнения никто не спрашивал.

Пэт ответил:

— Пусть говорит. Вполне возможно, он наше секретное оружие.

— Если вы хотите услышать мнение опытного делового человека, то этот так называемый контракт представляет собой либо чью-то неуместную шутку, либо предложение столь несуразное, что оно достойно только недоумения. Как я понимаю, тут имеется в виду, что близнецы обладают некими ненормальными способностями, — хотя лично я никаких доказательств этому не замечал, — но сама мысль платить им больше, чем взрослый человек зарабатывает в зрелые годы, я бы сказал, вредна с точки зрения воспитания юношей. Если бы это были мои сыновья, я бы несомненно воспротивился. Конечно, это не мои...

— Да, не твои, — подтвердил отец.

Фрэнк пристально посмотрел на него.

— Это что, сарказм, мистер Бартлет? Я просто пытаюсь быть полезным. Как я говорил вам вчера, если близнецы пойдут в приличную бизнес-школу и будут там прилежно учиться, я бы мог потом найти им место в хлебопекарном производстве. И если все у них пойдет хорошо, то нет причины, чтобы они не достигли такого же положения, как у меня. — Фрэнк был младшим компаньоном своего отца в автоматической пекарне. Он всегда находил способ дать понять, как много денег он зарабатывает. — А что касается того, чтобы отправиться в космос, я всегда говорил, что если человек хочет, чтобы из него что-нибудь вышло, он должен оставаться дома и работать. Прости, Стив.

— Был бы очень рад, если бы мог тебя простить, — безо всякого выражения произнес дядя Стив.

— А?

— Забудь, забудь. Ты не лезь в космос, а я обещаю, что не буду печь хлеб. Кстати, у тебя мука на лацкане. — Фрэнк торопливо опустил глаза на лацкан. Вера отряхнула его пиджак и сказала: — Да это же просто пудра.

— Конечно, пудра, — подтвердил Фрэнк, отряхиваясь самостоятельно. — Я бы хотел, чтобы ты знал, Стив, что обычно я чересчур занят для того, чтобы ходить вниз, в производственные помещения. Я вообще почти не выхожу из конторы.

— Я так и думал.

Тут Фрэнк вспомнил, что они с Верой уже опаздывают в другое место, и встал, чтобы откланяться, но отец его остановил.

— Фрэнк? Ты что-то говорил по поводу того, что мои ребята ненормальные?

— Что? Я никогда не говорил ничего подобного.

— Очень этому рад.

Они удалились в гнетущей тишине. Только Пэт беззвучно и очень громко напевал «Марш Гладиаторов».

— (На этот раз мы победили, парень.)

Мне тоже так казалось, однако Пэту пришлось закрепить успех.

— Ну так значит все в порядке, папа?

— Ммм... Я бы хотел еще посоветоваться с судьей Голландом, и к тому же я не могу говорить от имени вашей матери. — Это нас не очень беспокоило; мама не будет против, если согласится отец, особенно когда рядом дядя Стив. — Но вы можете передать, что отказа пока не было. — Он нахмурился. — Кстати, здесь не указан срок контракта.

Тут нам помог дядя Стив.

— Такова обычная практика на коммерческих кораблях, Брюс... каковым, в юридическом смысле является и этот. Ты нанимаешься на рейс, от пункта приписки до возвращения в пункт приписки.

— Конечно, конечно. Но все-таки, они вам хоть намекнули?

Я услышал, как Пэт застонал.

— (Вот тут-то и начинается игра. Ну что мы ему можем сказать, Том?) — Отец ждал. Дядя Стив смотрел на нас, не моргая.

В конце концов дядя Стив сказал:

— Вы уж лучше расскажите, ребята. Может, мне стоило сказать, что я сам пытаюсь попасть на один из кораблей с особым выхлопом и всеми такими штуками. Так что я все знаю.

Пэт что-то пробормотал. Отец резко сказал.

— Говори яснее, сын.

— Они сказали, что рейс, возможно, будет продолжаться... около ста лет.

Мама упала в обморок, дядя Стив ее подхватил, все забегали вокруг с холодными примочками, натыкаясь

друг на друга; все мы были крайне расстроены и взволнованы. Когда она немного отошла, дядя Стив сказал отцу:

— Брюс, сейчас я возьму ребят с собой, куплю им по большому стакану крепкой сарсапарели* и заодно вытащу их из-под вашего давления. Все равно сегодня ты больше не будешь с ними беседовать.

Отец рассеянно согласился, сказав, что это хорошая мысль. Думаю, он любил нас всех; однако, когда вопрос стоял ребром, на первом месте у него всегда была мама.

Дядя Стив повел нас в такое место, где он мог выпить нечто более для него подходящее, чем сарсапарель, однако он запретил Пэту сделать то же самое, когда тот попытался заказать пиво.

— Ты, малыш, не старайся рисоваться. Заставить меня поить спиртными напитками несовершеннолетних сыновей своей сестры ты не сумеешь.

— От пива нет никакого вреда.

— Правда? Я вот до сих пор ищу того типа, который сказал мне, что это безалкогольный напиток. А ищу я его затем, чтобы вдребезги измочалить пивной кружкой. Так что, остынь.

В конце концов мы взяли свою сарсапарель, а дядюшка пил какую-то жуткую смесь, которую он называл марсианским шенди. Говорили мы про Проект Лебенсраум. Он знал об этом проекте больше нас, хотя к тому времени еще не было сообщений для прессы — думаю, осведомлен он был по причине своей работы при канцелярии начальника штаба, но сам он в этом не признавался.

Через некоторое время лицо Пэта стало озабоченным и он сказал:

— Послушай, дядя Стив, есть хоть какой-нибудь шанс на то, что родители согласятся? Или нам с Томом лучше сразу все это забыть?

— А? Да конечно же они разрешат вам.

— Да? Сегодня что-то было не похоже. Я-то знаю своего отца, он скорее сдерет с нас шкуры на коврики для ног, чем огорчит мать.

* Сарсапарель — 1) корень тропического растения, произрастающего в Америке; 2) нежный напиток, приготовляемый с добавлением экстракта этого корня.

— Это уж точно. И мысль хорошая. Но все равно, вы уж мне, ребята, поверьте, у вас все будет тип-топ... если только вы, конечно, используете те доводы, какие надо.

— Каковыми являются?

— Ммм... ребята, я сержант при штабе и служил с уймой больших шишек. Если ты прав, а генерал ошибается, есть только один способ заставить его изменить свое мнение. Надо молчать и не спорить. Надо дать фактам говорить самим за себя и надо дать ему время, чтобы он придумал логичное объяснение тому, что он передумал.

По Пэту было видно, что это его не убедило; дядя Стив продолжал:

— Вы уж мне поверьте. Ваш отец вполне разумный человек, а мать — нет; она скорее будет страдать сама, чем заставит страдать кого-нибудь из тех, кого любит. Этот контракт полностью в вашу пользу, и они не смогут вам отказать — если только вы дадите им время привыкнуть к этой мысли. Но если вы раздражите их и будете напирать и спорить, как это за вами водится, то вы объедините их против себя.

— Что? Я никогда никого не дразню, я только использую логические...

— Прекрати, я от тебя устаю. Пэт, ты вел себя как самый что ни на есть отвратный шенок, старающийся настоять на своем при помощи мелкого жульничества... да и ты, Том, был не лучше. Вы не стали умнее с возрастом, вы только отточили свою технику. Ну так вот, сейчас вам бесплатно предлагают нечто такое, за что я лично отдал бы свою правую руку. Мне надо было бы постоять в сторонке и полюбоваться на то, как вы с треском все провалите. Но я не стану этого делать. Прикройте свои широкие рты, ведите себя осторожно и все будет хорошо. А только попробуете воспользоваться своей мерзкой тактикой — и проиграете.

Такого мы не стали бы выслушивать почти ни от кого. Будь это кто угодно другой, Пэт подал бы мне сигнал и мы бы врезали ему одновременно, Пэт в челюсть, а я в корпус. Но разве можно спорить с человеком, у которого нашивка за Цирцею*? Его мож-

* Цирцея — самый большой из астероидов.

но только выслушивать. Пэт даже ни слова не пробормотал мне.

Итак, мы говорили о самом проекте Лебенсраум. Отправлялись двенадцать кораблей, они должны были разойтись от Солнца во все стороны, примерно по осям додекаэдра, но только примерно, так как каждому кораблю предстояло не просто обследовать какую-то область пространства, а за кратчайшее время посетить как можно больше звезд солнечного типа. Дядя Стив объяснял нам, каким образом разрабатывали «мини-максную» поисковую траекторию для каждого корабля, но я ничего не понял, это было связано с использованием какого-то исчисления, которое мы не изучали. Впрочем, это не важно; каждый из кораблей должен был тратить как можно больше времени на исследования и как можно меньше — на переходы.

Однако Пэт не мог сдержаться и опять вернулся к тому, как заставить родителей согласиться.

— Дядя Стив? Ну, скажем, ты прав насчет того, чтобы мы вели себя осторожно. Все равно есть еще один довод, который может подействовать на наших родителей. Может, ты используешь его?

— А?

— Ну, это насчет того, что полбуханки хлеба лучше, чем ничего. Может, они еще не осознали, что в этом случае один из нас остается дома. — Я уловил слова, которые Пэт начал было уже произносить. Это было не «один из нас остается дома», а «Том остается дома». Я хотел было уже возмутиться, но не стал. Он же не сказал этого вслух. Пэт продолжал: — Они знают, что мы хотим в космос. Если они не позволят нам сейчас этого сделать, мы сделаем это потом, любым доступным нам способом. Если мы запишемся в твой корпус, мы будем иногда прилетать домой, но не часто. Если мы эмигрируем, мы для них все равно что умрем; очень немногие эмигранты зарабатывают столько, что могут позволить себе поездку на Землю, во всяком случае — при жизни своих родителей. Так что, если они сейчас удержат нас дома, то, когда мы достигнем совершеннолетия, они, вполне возможно, вообще нас больше не увидят. С другой стороны, если они дадут согласие, то не только один из нас останется

дома, но они все время будут иметь контакт со вторым — в этом и состоит весь смысл использования телепатических пар. — Пэт озабоченно посмотрел на дядю Стива. — Как ты думаешь, стоит им сказать это? А может, ты сам подкинешь им мысль?

Дядя Стив не стал отвечать сразу, хотя я не находил в логике Пэта никаких ошибок. Если от двух отнять два, получается ноль. Но если отнять один — один, как ни крути, остается.

В конце концов он ответил, медленно произнося слова:

— Пэт, можешь ли ты вбить в свою тупую голову, что их надо оставить в покое?

— Я не понимаю, чем плоха моя логика?

— С каких это пор в спорах, построенных на эмоциях, побеждают при помощи логики? Тебе бы следовало почитать о том времени, когда царь Соломон предложил поделить ребенка. — Он отхлебнул из своего стакана и вытер рот. — То, что я вам сейчас скажу, является сугубо конфиденциальным. Вы, наверное, не знаете, что Планетная Лига рассматривает вопрос о том, чтобы сделать эти двенадцать кораблей военными?

— Что? А почему? Мистер Говард не говорил...

— Потихише ты. Проект Лебенсраум в высшей степени интересует Министерство Мира. Если копнуть глубже, основной причиной войны всегда является демографическая проблема в независимости от прочих факторов.

— Но ведь войны давно прекращены.

— Конечно. Именно поэтому парням вроде меня платят за то, что мы затапываем горящую траву, пока не вспыхнул весь лес. Ребята, если я скажу вам сейчас остальное, вы просто обязаны будете хранить это при себе теперь и всегда.

Секретов я не люблю. Уж лучше, когда должен кому-нибудь деньги. Секрет нельзя вернуть назад. Но мы все-таки дали дяде обещание.

— О'кей. Я видел оценки этого проекта, сделанные Министерством Мира по заказу Ф.Д.П. Когда посылали «Авангард», ему давали один шанс из девяти на возвращение. Теперь техника получше, они оценивают

шансы возвращения в один из шести на каждую посещенную планетную систему. По программе каждый из кораблей должен исследовать в среднем шесть звезд, так что шансы на возвращение — один из тридцати шести*. Для двенадцати кораблей это один шанс из трех того, что один из них, возможно, вернется. Вот тут-то и появляетесь вы, психи.

— Не смей называть нас психами! — ответили мы хором.

— Психи, — повторил он. — И все просто прыгают от радости, от того, что вы есть, ведь без вас весь этот план стал бы невозможным. С потерей кораблей и команд можно было бы еще примириться, корабли — это просто деньги, а парней вроде меня, у которых больше любопытства, чем здравого смысла, они всегда смогут набрать. Но вот с потерей информации, которую соберут корабли, примириться невозможно, она незаменима. Никто там, наверху, не ожидает, что корабли вернутся, но нам просто обязательно надо обнаружить эти самые планеты земного типа, они необходимы для человечества. Вот для этого вы и нужны, ребята, чтобы передавать информацию. Тогда уже не будет иметь значения, вернутся ли корабли на Землю.

— Я не боюсь, — твердо сказал я.

Пэт взглянул на меня и отвел глаза. Я не стал телепатировать, но ему и так было ясно, что я не считаю решенным, кто из нас отправляется в космос. Дядя Стив спокойно посмотрел на меня и сказал:

— А я и не думал, что ты, в твоем возрасте, испугаешься. Мне тоже не страшно. Я уже лет с девятнадцати беру у жизни в долг. Настолько уверен в своей удаче, что думаю, если один из кораблей все-таки вернется — это будет мой. Но неужели вы не понимаете, насколько глупо будет убеждать мать в том, что половина близнецов лучше, чем ничего? Эмоционально ваш довод абсолютно не годится. Прочитайте притчу о блудном сыне. Вы будете говорить матери, что один из вас будет в полной безопасности дома, а это только укрепит в ее голове мысль о том, что другой не будет в безопасности и не будет дома. А

* Теория вероятности на совести автора. — *Прим. пер.*

если ваш папаша попытается разуверить ее, он, вполне возможно, доберется до этих фактов, которые я вам изложил, ведь они не секретные, так же, как и факты, на которых статистики основывали свои оценки. Просто, говоря об этом проекте для публики, будут подчеркивать положительные стороны и смягчать отрицательные.

— Дядя Стив, — возразил Пэт, — я не понимаю, как они могут быть так уверены, что почти все корабли погибнут?

— А они и не уверены. Но это — вполне оптимистические оценки, основанные на том опыте исследования незнакомых мест, который есть у людей. Это же как получается, Пэт: ты можешь принимать одно правильное решение за другим, но, когда дело доходит до исследования незнакомого места, первое твое ошибочное решение оказывается твоим последним решением. Ты уже труп. Ты когда-нибудь интересовался статистикой в связи с исследованием этой нашей крошечной Солнечной системы? Исследование — это вроде русской рулетки, ты можешь выигрывать раз за разом, но если долго занимаешься этим делом, оно тебя угробит, это уж точно. Так что постарайтесь, чтобы хотя бы на этой стадии ваши родители не стали возражать. Я лично не против — мужчина имеет право умереть так, как хочет. Это — единственное, что правительство не успело обложить налогом. Но нет ни малейшего смысла акцентировать внимания на том, что один из вас не вернется.

ГЛАВА 5

Вторая Договаривающаяся Сторона

Насчет того, что родители сдадутся, дядюшка Стив оказался прав; через три недели Пэт отбыл в центр подготовки.

Я до сих пор не знаю, почему это оказался именно Пэт. Мы не бросали жребий, у нас не было скандала по этому поводу, я не спорил, просто отправился Пэт.

Несколько раз я пытался поговорить с ним, но каждый раз он отмахивался от меня, говорил, чтобы я

не переживал и подождал, пока все устроится само собой. И в какой-то момент я обнаружил, что само собой разумеется, что летит Пэт, а я остаюсь. Возможно, мне надо было быть поупрямее, когда мы подписывали контракт, когда Пэт не стал подписываться первым, а предоставил это мне, в результате чего я оказался этой самой второй договаривающейся стороной, которая остается, а не третьей, которая летит. Но тогда казалось, что нет ни малейшего смысла волноваться, ведь, согласно договоренности, закрепленной в контракте, эти две стороны считались взаимозаменяемыми. Пэт указал мне на это перед тем, как мы подписались; важно было только, чтобы контракт был подписан, пока родители согласны — важно было получить их подписи.

Пытался ли Пэт уже тогда переиграть меня? Даже если так, то я не слышал, чтобы он мысленно это проговаривал. С другой стороны, а стал бы делать такое я, приди мне это тогда в голову? Не знаю, просто не знаю. Короче говоря, потихоньку мне стало ясно, что все уже решено, семья наша считала это само собой разумеющимся, люди из Ф.Д.П. — тоже. Ну я и заявил Пэту, что с этим надо еще разобраться. В ответ он просто пожал плечами и сказал, что в Ф.Д.П. его уже отобрали, и он тут ни при чем. Может, я могу заставить их передумать... если, конечно, мне безразлично, порушит ли это все их планы, или нет.

Мне не хотелось этого делать. Мы не знали тогда, что люди из Ф.Д.П. скорее пали бы на колени и стали в слезах умолять любую из молодых здоровых телепатических пар, чем дали ей ускользнуть от них; мы-то думали, что у них огромный выбор. Я думал, что если я стану возражать, они могут просто разорвать контракт, а у них было на это право, заплатив незначительный штраф, вплоть до самого дня отлета.

Вместо этого я поймал отца один на один и поговорил с ним. Уже одно это говорит о том, в каком отчаянии я был; ни Пэт, ни я никогда не говорили с родителями один на один друг о друге. Мне было нелегко это сделать, я заикался и с большим трудом смог объяснить отцу, почему считаю себя надутым.

Отец выглядел обеспокоенным, он сказал:

— Том, я так понимал, что вы с братом уже решили это между собой.

— Вот это-то я тебе и объясняю. Мы ничего не решали.

— Ну и что ты хочешь, чтобы я сделал?

— Да я хочу, чтобы ты заставил его поступать честно. Мы должны бросить жребий, или еще как-нибудь. Или ты сам можешь сделать это за нас, чтобы все было по-честному. Ты можешь это сделать?

Отец занялся своей трубкой, как он делает всегда, когда хочет потянуть время. В конце концов он произнес:

— Том, я не понимаю, как можно все переиграть теперь, когда решение уже принято. Если только ты не хочешь, чтобы я разорвал этот контракт. Это было бы не просто, но я могу.

— Но контракт не нужно рвать. Я только хочу иметь равные шансы. Если я выиграю, это ничего не изменит, только полечу я, а Пэт останется.

— Ммм... — Отец несколько раз затянулся с крайне задумчивым видом. — Том, ты видел, как последнее время выглядит твоя мать?

Я видел; правда, я мало говорил с ней. Она двигалась подобно зомби, с горестным и страдающим видом.

— А что?

— А то, что я не могу сделать этого с ней. Сейчас она страдает, заранее прощаясь с твоим братом; я не могу заставить ее пройти через все это еще и из-за тебя. Она просто этого не выдержит.

Я знал, как трудно ей все это давалось, однако не понимал, что изменится, если мы поменяемся местами.

— Ты же не хочешь сказать, что маму больше устраивает такое положение вещей? Что она скорее согласится, чтобы летел Пэт, а не я?

— Не хочу. Ваша мать любит вас обоих одинаково.

— Тогда для нее будет все равно.

— Не будет. Сейчас она страдает от того, что теряет одного из своих сыновей. Если вы теперь поменяетесь местами, ей придется проходить все по-новой из-за другого сына. Это нечестно по отношению к ней. — Он выбил трубку о пепельницу. Этот стук, словно удар

гонга, извещал об окончании совещания. — Нет, сынок. Боюсь, тебе придется примириться с этим решением.

Спорить было бесполезно, так что я и не стал. Если уж отец говорит о мамином благе, спорить было все равно что пытаться бить козырного туза.

Через четыре дня Пэт отправился в центр подготовки. В эти дни я мало его видел, только в те часы, которые мы проводили в здании Транс-Лунарной компании, так как он каждый вечер бегал на свидания с Моды. Я туда не ходил. Он сказал, что больше никогда ее не увидит, а у меня будет еще уйма времени, так что не будешь ли ты любезен куда-нибудь смотаться. Я не возражал. С одной стороны, само по себе это было честно. С другой, при сложившихся обстоятельствах мне и самому не хотелось ходить на эти их свидания. Эти последние дни мы с Пэтом были дальше друг от друга, чем когда-либо раньше.

На наши телепатические способности, однако, все это совсем не влияло. Чем бы там ни была эта самая «взаимная настройка», на которую способны мозги некоторых людей, она все так же продолжала наличествовать, и мы могли связываться так же легко, как просто разговаривать, и так же легко выключаться. Нам не надо было «сосредотачиваться» или «очищать свой мозг» или что-нибудь еще из этой восточно-мистической ерунды. Если мы хотели «говорить», мы говорили.

С отъездом Пэта мне стало не по себе. Конечно, я ежедневно находился в контакте с ним, по четыре часа плюс в любой момент, когда возникало желание поговорить. Но только если ты всю свою жизнь все делал вдвоем, нельзя не выйти из равновесия, когда надолго остаешься один. У меня еще не выработались новые привычки. Я мог собраться пойти куда-нибудь, а потом остановиться у двери в размышлении, что же это я такое забыл. Оказывается, Пэта. Страшно одиноко отправляться куда-нибудь одному, если прежде всегда делал это с кем-нибудь вместе.

Вдобавок ко всему, мама была веселой, жизнерадостной, заботливой и абсолютно непереносимой, да и сон у меня теперь был совсем сбит. Центр подготовки находился в швейцарском временном поясе; это озна-

чало, что я и прочие близнецы, остающиеся на Земле, проводили тренировочные сеансы связи также по швейцарскому времени, где бы мы ни жили. Пэт начинал, насвистывая, будить меня часа в два ночи, затем я работал до самого рассвета и пытался набрать недоспанное днем.

Это было крайне неудобно, но совершенно необходимо, к тому же, мне за это хорошо платили. Впервые в жизни у меня была уйма денег. У остальной нашей семьи — тоже, ведь я, невзирая на протесты отца, начал отдавать приличные суммы за свое содержание. Я даже купил себе часы (наши Пэт забрал с собой), не беспокоясь о цене, и мы поговаривали о том, чтобы перебраться в квартиру побольше.

Но тем временем Ф.Д.П. все глубже и глубже проникал в мою жизнь, и я потихоньку стал осознавать, что контракт связан не только с записыванием сообщений моего двойника. С первых же дней началось осуществление гериатрической программы. «Гериатрия» — неожиданное слово в применении к человеку, по молодости лет еще не имеющему права голоса, но тут оно имело особое значение, связанное с продлением моей жизни, насколько это возможно, для чего за меня взялись сразу же. То, чем я питаюсь, перестало быть моим личным делом, я должен был придерживаться предписанной ими диеты, никаких перехваченных на ходу бутербродов. Был длиннющий список «особо опасных» вещей, делать которые я не имел права. Мне наделали прививок от всего, начиная с воды в колене кончая попугайной лихорадкой; медицинские обследования мне устраивали такие, что прежние по сравнению с ними казались детскими играми.

Одно утешало, — с Пэтом, по его словам, делали то же самое. В действительности мы были самыми обыкновенными ребятами, таких везде как грязи, но для Ф.Д.П. мы были незаменимым коммуникационным оборудованием, так что заботились о нас, как о кровных скакунах или премьер-министре, обычные люди такой заботы не знают. Это было утомительно.

Первые семь или десять дней после отъезда Пэта я не встречался с Моди, мне было неловко. В конце концов она сама позвонила мне и спросила, в чем

дело, злюсь ли я на нее за что-нибудь или считаю ее заразной? Тем же вечером мы встретились. Все это было не слишком весело. Она пару раз назвала меня «Пэт»; раньше это не имело значения, ведь мы с Пэтом привыкли к тому, что нас путают. Но теперь это было до крайности неприятно, дух Пэта все время присутствовал рядом с нами подобно некоему скелету на пиру.

Когда она назвала меня так во второй раз, я сказал со злостью:

— Если ты так уж хочешь поговорить с Пэтом, я могу связаться с ним буквально за секунду.

— Что? Том, чего это ты?

— Да я знаю, что ты бы предпочла, чтобы сейчас здесь был Пэт, а не я! Если ты думаешь, что мне так уж нравится быть запасным вариантом, то сильно ошибаешься.

В ее глазах появились слезы, мне стало стыдно того, что я сказал и от этого еще более неловко. В результате мы поругались, потом я рассказывал ей, как меня надули.

Реакция Моды была для меня полной неожиданностью. Она не бросилась меня утешать, а вместо этого сказала:

— Ох, Том, Том! Неужели ты не понимаешь, что все это устроил не Пэт? Ты же сам во всем виноват.

— Что?

— Это совсем не его вина, а твоя собственная. Мне всегда было так тоскливо смотреть на то, как ты решаешь ему крутить собой. Тебе прямо-таки нравилось, что он тобой крутит. У тебя было «желание поражения».

Тут я так разозлился, что даже с трудом сумел ответить:

— Чего это ты такое говоришь? Это все сильно смахивает на дешевую, обывательскую логику. Ты сейчас договоришься до того, что найдешь у меня «тягу к смерти».

Она сморгнула слезы:

— Нет. Вот у Пэта она, может быть, и есть. Он всегда отпускал шуточки на этот счет, хотя я знаю, насколько это опасно. Я знаю, что мы его больше не увидим.

Мне потребовалось некоторое время, чтобы переварить все это.

— Ты что же, хочешь сказать, — медленно произнес я, — что я нарочно дал Пэту себя обмануть, и это потому, что сам боялся лететь?

— Что? Ты чего, Том? Я и не собиралась говорить ничего подобного.

— А прозвучало это именно так...

И тут я понял, почему это так прозвучало. Возможно, я и вправду боялся. Возможно, я сопротивлялся только для виду, так, чтобы Пэт победил... потому что знал, что случится с тем, кто отправится в полет.

Может быть, я трус.

Мы помирились, и уже казалось, что это свидание окончится благополучно. Провожая Моды домой, я все думал, поцеловать ли ее на прощание или нет — сам я этого никогда не делал, мы с Пэтом всегда кругились друг у друга под ногами. Думаю, и она ждала, что я так сделаю... Но тут меня неожиданно позвал Пэт:

— Эй! Ты не спишь?

— (Конечно, нет), — коротко ответил я. — (Только я занят.)

— Очень занят? Ты что, гуляешь с моей девушкой?

— (Почему ты так думаешь?)

— Ведь так и есть, не правда ли? Я был в этом уверен. Ну и как?

— (Не суй свой нос в чужие дела.)

— Ладно, ладно. Ты только передай ей привет. Привет, Моды!

— Том, о чем это ты так задумался? — спросила Моды.

— Да это просто Пэт, — ответил я. — Он говорит, чтобы я передал тебе привет.

— А... ну передай и ему от меня.

Так я и сделал. Пэт хмыкнул.

— А теперь поцелуй ее от меня на прощание.

Я, конечно, не стал, ни за него, ни за себя.

Но, все-таки, на следующий день я снова ей позвонил, и после этого мы стали встречаться регулярно. Все, что касалось Моды, было невыразимо приятно... так приятно, что я стал даже размышлять над тем, что

студенты иногда женятся, и мне это теперь по карману, если уж мне подвернулась такая работа. Конечно же, я не был совершенно уверен в том, что хочу связать себя, будучи таким молодым, просто человеку очень одиноко быть одному, если раньше с ним всегда был кто-то еще.

Пэта принесли домой на носилках.

На самом деле, он был доставлен на санитарном корабле, специально для этого заказанном. Этот ненормальный потихоньку сбежал и пытался покататься на лыжах, о чем он имеет примерно такое же представление, как я — о нырянии за жемчугом. Ему даже не пришлось ни на что наткаться, он просто запутался в собственных ногах. Но как бы там ни было, его принесли в нашу квартиру на носилках, не способного владеть ногами и утратившего чувствительность начиная с поясицы и до самого низа. Его должны были отправить в больницу, но он хотел домой, и мама хотела, чтобы он находился дома, так что отец на этом настоял. Его положили в комнате, которую освободила Вера, а я снова стал спать на кушетке в гостиной.

Вся семья была очень расстроена, даже больше, чем перед отъездом Пэта. Отец чуть не выкинул Фрэнка Дюбуа из дома, когда тот заявил, что теперь, когда со всей чушью о космических полетах покончено, он, как и прежде, готов предоставить Пэту работу, если только Пэт изучит бухгалтерское дело, так как бухгалтер может работать и в инвалидной коляске. Не знаю, может быть у Фрэнка были самые добрые намерения, только иногда мне кажется, что «добрые намерения» стоило бы объявить уголовным преступлением.

Но что меня совсем уж достало, так это то, как ко всему этому отнеслась мама. Она была вся в слезах, ее преисполняло сострадание, она готова была уже в лепешку расшибиться для Пэта, проводила часы за часами, растирая его, пока не начинала валиться с ног от усталости. И при всем этом я видел, даже если этого не видел папаша, что она непристойно счастлива — ей вернули ее «крошку». Вы не подумайте, слезы

были настоящие... но женщины, похоже, могут плакать и радоваться одновременно.

Все мы понимали, что с «чушью насчет космических полетов» покончено, но не обсуждали этого, даже мы с Пэтом. Теперь, когда он лежал в совершенно беспомощном состоянии и, безо всякого сомнения, чувствовал себя хуже, чем я когда бы то ни было, не самое подходящее было время обвинять его в том, что он сначала отпихнул меня в сторону, а потом лишил нас такого шанса. Может, я и сердился на него, но сейчас было не время сообщать ему об этом. Я чувствовал себя неуютно от сознания того, что солидные чеки Ф.Д.П. скоро перестанут к нам поступать и семейство снова останется без денег, причем в тот самый момент, когда деньги эти особенно нам нужны. Я жалел, что купил такие дорогие часы, жалел денег, потраченных на походы с Моды в заведения, которые раньше были нам не по карману, однако старался не думать об этом: какой смысл охоть над разлитым молоком. Но я начинал подумывать, какую бы работу подыскать себе, если уж нельзя будет поступить в колледж.

Я был неприятно удивлен, когда неожиданно к нам заявился мистер Ховард — вообще-то говоря, я надеялся, что Ф.Д.П. сохранит нас в своей платежной ведомости, хотя бы пока Пэту не сделают операцию, несмотря на то даже, что несчастье произошло полностью по вине Пэта, нарушившего их инструкции. Но, с такими-то кучами денег они, по моему мнению, могли бы позволить себе быть щедрыми.

Только мистер Ховард даже и не заикнулся о деньгах, он просто хотел узнать, сколько времени потребуется мне на сборы, чтобы ехать в центр подготовки.

Я был в полном смятении, мать — в истерике, папаша бесился, а мистер Ховард был вежлив и обходителен. Послушать его, так ничего вообще и не произошло, уж во всяком случае — ничего такого, что могло бы хоть намекнуть на разрыв контракта. Вторая и третья договаривающиеся стороны взаимозаменяемы; если Пэт не может лететь, ясное дело, лечу я. Не случилось ничего, снижающего нашу эффективность в роли средства связи. Конечно же, само собой, они дали нам, в связи с печальным случаем, несколько дней,

чтобы успокоиться, но не могу ли я явиться в ближайшие дни? Время дорого.

Отец совсем побагровел и изъяснялся крайне неразборчиво. Не кажется ли им, что они принесли уже достаточно горя этой семье? Знают ли они, что такое порядочность? Есть ли у них хоть капля сострадания?

И в самый разгар всего этого цирка, когда я пытался осмыслить новую ситуацию и решить, что же мне-то сказать, меня беззвучно окликнул Пэт:

— Том, пойдй сюда!

Я извинился перед высоким собранием и поспешил к нему. Мы с Пэтом почти совсем не переговаривались телепатически со времени его возвращения. Раз-другой он окликал меня ночью, чтобы я принес воды или сделал еще что в этом роде, но беседовать мы не беседовали, ни вслух, ни молча. Я ощущал только некую темную, угрюмую стену молчания, которой он загородился от меня. Я не знал, что с этим делать — впервые один из нас был нездоров в одиночку, без другого.

Но когда Пэт окликнул меня, я бросился к нему со всех ног.

— Закрой дверь.

Я закрыл. Он мрачно поглядел на меня.

— Я успел выдернуть тебя оттуда раньше, чем ты успел что-нибудь им наобещать, да?

— Да.

— Тогда иди к ним и скажи папе, что я хочу сию же секунду с ним поговорить. И скажи маме, что я просил ее перестать плакать, а то она меня очень расстраивает. — Он сардонически ухмыльнулся. — А мистера Ховарда попроси дать мне поговорить с родителями наедине. А сам потом мотай отсюда.

— Чего?

— Уходи, не прощайся и не говори, куда ты идешь. Когда ты понадобишься, я тебя позову. Если ты будешь ошиваться здесь, мамаша тебя обработает и заставит надавать обещаний. — Он мрачно поглядел на меня. — У тебя и вправду никогда не было никакой силы воли.

Я пропустил это высказывание мимо ушей, в конце концов, он же был болен.

— Слышь, Пэт, на этот раз против нас коалиция. Мать хочет сделать по-своему несмотря ни на что, а папаша так завелся, что чудо еще, что он не врезал хорошенько мистеру Ховарду.

— Я справлюсь с матерью, да и с отцом тоже. Ховарду надо бы держаться в стороне. Ну, давай, разведи их, а сам сматывай.

— Хорошо, — сказал я, чувствуя себя крайне неловко. — Да... слушай, Пэт, я тебе очень благодарен.

Он взглянул на меня и его губы искривились.

— Ты что, думаешь, я ради тебя это делаю?

— А что же, я ведь думал...

— Ты не думал никогда, а я уже несколько дней не делал ничего другого. Если я буду калекой, думаешь, мне хочется провести всю жизнь в казенном заведении? Или здесь, а мать будет обматывать меня слезами и слюнями, а папаша будет считать каждый грош, а девиц будет тошнить от одного моего вида? Только не Патрик! Если уж мне придется быть таким, у меня будет все самое лучшее: санитарки, которые будут вскакивать, если я только палец подниму, и танцовщицы, дабы ублажать мой глаз. И именно ты позаботишься о том, чтобы Ф.Д.П. за все это платил. Мы можем сохранить наш контракт, и так мы и сделаем. Конечно, я знаю, что ты не хочешь лететь, но теперь ты просто обязан.

— Я? Да ты все путаешь. Это ты меня обошел. Ты...

— Ладно, проехало. Ты прямо рвешься туда. — Он вытянул руку и слегка ударил меня под ребра, потом ухмыльнулся. — Таким образом мы отправимся туда оба, ведь я буду с тобой всю дорогу, на каждом шагу. А теперь давай отсюда и займись делом.

Я уехал через два дня. Когда Пэт, глядя матери в глаза, изложил ей все эти соображения, она даже и не сопротивлялась. Если, чтобы обеспечить деньги для оплаты соответствующего ухода за ее больным ребенком и всего остального, что там ему надо, я должен лететь в космос — ну что ж, очень жаль, но ничего уж тут не поделаешь. Она объяснила мне, как больно ей меня отпускать, но я понимал, что она не слишком

расстроена. Вот я лично — был расстроен, несколько. Я задавался вопросом, как бы это происходило, попади я в Пэтово положение? Так же ли легко отпустила она Пэта просто для того, чтобы обеспечить меня всем, чего хочу я? Но я решил бросить все эти размышления; родители, возможно, сами не знают, что у них есть любимчики, когда они у них есть.

Перед самым отъездом папаша отвел меня в сторону для мужского разговора с глазу на глаз. Он мямлил и запинаясь и завяз в извинениях насчет того, что надо было переговорить со мной раньше, и был смущен даже больше, чем я, а это — кое-что. Он путался в словах, и я объяснил ему, что все, что он пытается мне сказать, было у нас в одном из школьных курсов. (Я не стал, конечно, объяснять ему, что это было в курсе риторики при описании перехода от кульминации к тривиальностям.) Папаша просветлел и сказал:

— Ну, сынок, мы с твоей матерью старались научить тебя всегда отличать добро от зла. Ты только не забывай, что ты — Бартлет, и тогда не наделаешь слишком много ошибок. А про это, другое, ну, ты задавай всегда себе вопрос, такая ли это девушка, что ты мог бы гордиться ею, знакомя ее со своей матерью, делай так, и все будет хорошо.

Я пообещал, подумавши при этом, что у меня не будет особых шансов попасть в дурную компанию, когда эти самые психологи буквально по косточкам разобрали всех будущих участников проекта Лебенсраум. Паршивой овце в это стадо просто не пробраться.

Глядя, насколько наивны мои родители, я не могу удержаться от вопроса, и как это род человеческий умудряется продолжать рождать себе потомков. Но все равно это было крайне трогательно, и я по достоинству оценил муку, через которую он прошел, чтобы выяснить отношения со мной, папаша наш — тип очень приличный, и намерения у него всегда самые наилучшие.

У меня было последнее свидание с Моды, но о нем и сказать-то особенно нечего; мы потратили все время на сидение рядом с кроватью Пэта. Она сама поцеловала меня на прощание — ей так Пэт велел. Какого черта!

В Швейцарии я пробыл всего два дня. Я бегло осмотрел Цюрихское озеро, этим все развлечения и закончились. Время было забито до отказа — они пытались поскорее вбить в меня все то, что Пэт изучал неделями. Сделать это было невозможно, так что мне дали кассеты, по которым я должен был учиться уже прямо во время полета.

Кое-какое преимущество у меня было — в нашей школе одним из обязательных курсов был Вспомогательный Язык Планетной Лиги — а этот самый ПЛ-жаргон являлся рабочим языком проекта Лебенсраум. Нельзя сказать, чтобы я умел на нем говорить, но это было не особенно трудно. Конечно, с непривычки некоторые слова и выражения на нем звучали несколько глупо, но потом привыкаешь, а вся техническая терминология как всегда шла на женевском международном.

В действительности, как указал офицер вспомогательного состава профессор Брунн, телепатическому коммуникатору и не надо было ничего особенного знать перед началом рейса; основная цель центра подготовки была в том, чтобы собрать всю команду в одном месте, чтобы они вместе жили и питались, и таким образом предоставили психологам возможность заметить мелкие психологические несовместимости, пропущенные во время тестов.

— В отношении тебя, сынок, у нас сомнений нет. У нас есть дело твоего брата, и мы видим, насколько близко совпадают ваши тесты. А вы, телепаты, должны очень далеко выйти за допустимые рамки для того, чтобы отказаться от ваших услуг.

— Сэр?

— Не понимаешь? Мы можем отклонить кандидата в капитаны на том лишь основании, что у него низкое содержание сахара в крови перед завтраком и, соответственно, он потенциально раздражителен утром, пока не съест свою кашу. Любую вакансию мы можем заполнить двумя десятками кандидатов и можем, соответственно, жонглировать ими, пока команда не окажется подобранной, как группа цирковых акробатов.

Но к вам, ребята, это не относится. Вас так мало, что мы должны допустить у вас любую эксцентричность, лишь бы она не угрожала безопасности корабля. Я, например, и глазом бы не моргнул, если бы ты верил в астрологию. А ты веришь в нее?

— Помилуй Бог, конечно, нет! — ответил я, совершенно шокированный.

— Вот видишь? Ты нормальный, разумный парень, ты вполне нам подойдешь. Да что там, если бы это было так уж необходимо, мы взяли бы твоего брата даже на носилках.

Когда я попал в Цюрих, там оставались одни телепаты. Капитаны, астронавигаторы и группы, занимающиеся двигателями, первыми отправились на свои корабли, за ними последовали специалисты и вспомогательные работники. Все «пассажиры» были уже на борту, за исключением нас. И мне едва хватило времени, чтобы познакомиться хотя бы со своими коллегами по чтению мыслей.

Мы представляли собой странную компанию, и теперь я стал понимать, что имел в виду профессор Брунн, говоря, что нам, психам, позволительны некоторые отклонения от нормы. Нас было двенадцать человек — я имею в виду двенадцать для нашего «Льюиса и Кларка», для всех двенадцати кораблей флота имелось полторы сотни телепатов — по одному от каждой телепатической пары, которую сумел завербовать Ф.Д.П. Я спросил одного из старожилов, Бернарда ван Хоутена, зачем на каждом корабле так много телепатов?

Он с жалостью посмотрел на меня:

— Да подумай ты сам своей головой, Том. Что ты сделаешь, если в твоём приемнике перегорит лампа?

— Сменю ее, конечно.

— Вот и ответ. Мы как раз и есть эти запасные части. Если любой из членов телепатической пары умрет, или с ним произойдет еще что-нибудь, то «радиостанция» погибла навеки. Тогда они переключаются на другого из нас. Они хотят быть уверенными, что хотя бы одна из пар проработает до самого конца полета... они на это надеются.

Мне едва хватило времени запомнить их имена до того, как нас увезли на корабль. Тут были я сам и Бернард ван Хоутен, китайско-перувианская девушка по имени Мей-Лин Джонс (только она произносила свою фамилию как «Он-эйс»), Руперт Хауптман, Глория Мария Антонита Декампо, Сэм Рохас и Пруденс Мэтьюз. Эти были более-менее моего возраста. Затем шел Дастин Родс, выглядевший лет на двенадцать, заявлявший однако, что ему четырнадцать. Я удивлялся про себя, как это ребята из Ф.Д.П. убедили его родителей отпустить такого маленького ребенка. Может, они его ненавидели; представить себе такое было трудно.

Затем были трое постарше нас: мисс Гамма Фэтни, Каз Уорнер и Альфред Мак-Нейл. Мисс Гамма была со странностями, она относилась к тому типу старых дев, которые никогда не признаются, что им больше тридцати, к тому же она была наша тройняшка. Ф.Д.П. сумел наскрести четыре комплекта тройняшек-телепатов подходящего возраста, которых удалось уговорить лететь. Они были нужны для того, чтобы связать двенадцать кораблей в четыре группы по три; далее эти группы связывались друг с другом посредством четырех пар двойняшек.

Тройняшки встречаются еще в восемьдесят шесть раз реже, чем обычные близнецы, так что вообще удивительно, как они сумели найти достаточное количество тройняшек, обладавших телепатическими способностями и согласных лететь. Тут уж было не до выяснения, со сдвигом они или нет. Подозреваю, что мисс Альфу, Бету и Гамму Фэтни привлек в первую очередь Эйнштейновский временной эффект; они смогут посчитаться со всеми мужчинами, не женившимися на них — они ведь почти не постареют, а эти мужчины тем временем поумирают от старости.

Наш корабль был «угловым», и Каз Уорнер был нашим «боковым» близнецом, он через своего близнеца связывал нас с «Васко да Гама», сцепляя таким образом две группы по три корабля. Другие «боковые» близнецы связывали другие углы. Близнецам, работавшим на связи корабль—корабль, не обязательно было быть молодыми, так как у них не было партнеров на

Земле, стареющих, пока их близнецы в Космосе остаются молодыми из-за релятивистского эффекта. Каз Уорнер был лет сорока пяти, хороший, спокойный мужчина, которому, похоже, нравилось с нами, детишками.

Двенадцатым был мистер (зовите меня просто «дядя Альфред») Мак-Нейл. Это был негр, возраст его мог быть каким угодно, от шестидесяти пяти и выше (я лично так и не разобрал), он обладал той святостью, которая появляется иногда у старых людей, если только они не преисполняются злобы на все и вся и не замыкаются сами в себе. Взглянув на него, вы бы были готовы много поставить на то, что он исполняет обязанности дьякона в своей церкви.

Я познакомился с ним потому, что первую свою ночь в Цюрихе страшно тосковал по дому, а он это заметил, позвал меня после ужина в свою комнату и кое-как утешил. Я принял его за одного из психологов Фонда, вроде профессора Брунна, но оказалось, что нет, — он тоже был половинкой телепатической пары и даже не «боковой», его напарник оставался на Земле.

Я не мог поверить в это, пока он не показал мне фотографию своего напарника — маленькой девочки с веселыми глазенками и волосами, собранными в хвостики. Только постепенно до моей тупой головы дошло, что это — уникальный случай, телепатическая пара, не состоящая из близнецов. Девочка была его двоюродной внучкой по имени Селестина Реджина Джонсон — только сам он, показывая мне ее фотографию и одновременно рассказывая ей, кто такой я, называл ее исключительно «лапочка».

Тут я даже прервался и рассказал про такое чудо Пэту, совсем позабыв, что он и сам с ними знаком.

Дядя Альфред жил со своей племянницей и ее мужем, был пенсионером и главным товарищем по играм своей крохотной двоюродной внучки. Он научил девочку говорить. Когда ее родители погибли в результате несчастного случая, дядя Альфред, чтобы иметь возможность содержать ребенка, вернулся на работу. «И тут я обнаружил, что могу следить за лапочкой даже тогда, когда не вижу ее. Она всегда была послушной девочкой, и это значило, что я могу присматри-

вать за ней и тогда, когда уйду из дома. Я понял, что это — дар божий; я считаю, что Господь в бесконечном своем милосердии даровал мне то, что было необходимо для заботы о моей малышке».

Его беспокоило лишь одно — что он не проживет достаточно долго или, того хуже, не окажется в силах работать достаточно долго для того, чтобы вырастить свою лапочку и обеспечить ей хороший старт в жизни. И вот тогда все эти проблемы разрешил проект ЛЕБЕНСРАУМ. Нет, он ничего не имел против того, чтобы разлучиться с ней, так как он с ней и не разлучался, а каждую минуту был рядом.

У меня создалось впечатление, что он в действительности может даже видеть ее, но спросить я не захотел. Во всяком случае для него каменные стены не являлись тюрьмой, а световые годы расстояния — разлукой. Он знал, что Бесконечное Милосердие, соединявшее их все это время, не позволит им разлучиться еще достаточно долго, чтобы он мог выполнить возложенную на него задачу. Что будет потом — в руках божьих.

Я в жизни своей не встречал человека столь глубоко, умиротворенно счастливого. С ним я забыл о своей тоске по дому, она вернулась только тогда, когда я ушел в свою комнату и лег. Тогда я окликнул Пэта и рассказал ему о своем знакомстве с дядей Альфредом. Он ответил, что дядя Альфред — отличный старый чудак... а теперь мне лучше бы заткнуться и уснуть, так как завтра у меня тяжелый день.

Нас быстренько перекинули в южную часть Тихого Океана, и, перед тем как подняться на борт, мы провели ночь на атолле Кантон. Поплывать в лагуне нам не дали, хотя Сэм сколотил уже было прогулочную компанию из себя, меня, Мэй-Лин и Глории; плавание было одним из опасных занятий. Вместо этого мы рано легли спать и были разбужены за два часа до рассвета — отвратительное время, особенно если перед этим пересекал слишком быстро и слишком много часовых поясов. Я задумался, что я здесь собственно делаю и зачем?

«Льюис и Кларк» находился в нескольких сотнях миль к востоку от нас, в почти не посещаемой части океана. Я и не представлял себе, насколько много на Земле воды, пока не бросил на нее взгляд с воздуха — а ведь я видел только кусочек верхушки. Если люди сообразят, как использовать все эти мокрые гектары с той же эффективностью, с какой используется долина Миссисипи, им не нужны будут другие планеты.

С воздуха «Льюис и Кларк» смахивал на футбольный мяч, плавающий в воде; того, что он скорее напоминал формой репу, видно не было. Он болтался в воде двигателями вниз, видна была только верхняя его полусфера. Секунду мы смотрели на космический корабль, окруженный крошечными в сравнении с ним транспортными подводными лодками, затем наш вертолет завис над ним, нам было сказано: «Осторожнее на лесенке и не забывайте свои вещи в вертолете». Я подумал, что если мы забудем какие-нибудь вещи, то писать в бюро находок мало смысла. От этой мысли повеяло неприятным холодком. Пожалуй, я все еще скучал по дому, но больше всего я дрожал от возбуждения. Пару раз я заблудился и в конце концов добрел до своей каюты как раз в тот момент, когда из всех громкоговорителей прозвучало: «Команде приготовиться к ускорению. Пассажирам пристегнуться. Двигательные установки докладывают о готовности в установленном порядке. Минус четырнадцать минут».

Все это было произнесено так буднично, что легко можно было ожидать продолжения.

— «Местные пассажиры пересаживаются в Бирмингеме.»

Каюта была вполне просторной, в ней стоял сдвоенный платяной шкаф, письменный стол со встроенным видеоманитофоном, небольшой умывальник и две откидные койки, обе они были опущены, что уменьшало размеры помещения. Вокруг не было никого видно, так что я выбрал одну из них, лег и застегнул на себе три ремня безопасности. Только я сделал это, как в каюту просунулась голова этого коротышки Дасти Родса.

— Эй! Ты занял мою койку!

Я хотел было послать его, но затем решил, что время перед стартом — не самое лучшее, чтобы поспорить:

— Ради Бога, — ответил я, отстегнулся, перелег на другую койку и пристегнулся снова.

На лице у Дасти появилась обида; наверное, он хотел поругаться. Вместо того, чтобы залезть на освобожденную койку, он высунул голову в коридор и поглядел по сторонам. Я сказал:

— Ты бы лучше пристегнулся. Уже объявляли.

— Ерунда, — ответил Дасти, не оборачиваясь. — Времени еще уйма. Лучше я сбегаю посмотрю на пост управления.

Только я собрался предложить ему прогуляться за пределы корабля, пока еще есть такая возможность, как вошел один из офицеров, проверявший каюты.

— А ну-ка на койку, сынок, — произнес он резко, тоном, не допускающим возражений, каким отдают собаке приказ «К ноге».

Дасти раскрыл рот, потом закрыл его и вскарабкался на кровать. Тогда офицер пристегнул его «детским» способом, оттянув пряжки в такое положение, что сам Дасти не мог до них добраться. Он даже привязал руки Дасти к койке грудным ремнем.

Затем офицер проверил мои ремни. Руки у меня были свободны, но он только сказал:

— Во время ускорения не поднимайте руки с матраса, — и ушел.

Женский голос произнес:

— Все специальные коммуникаторы, свяжитесь со своими телепартнерами.

Я переговаривался с Пэтом все время, как только проснулся. Я описал ему, как выглядит «Льюис и Кларк» сверху, а потом и изнутри. Но все равно я сказал:

— (Ты здесь, Пэт?)

— Само собой, я-то никуда не ухожу. Как там?

— (Старт минут через десять. Они только что велели нам связаться со своими партнерами во время ускорения.)

— Ты уж лучше от меня не отключайся, а то я тебе такое выдам — оглохнешь. Я не хочу ничего пропустить.

— (Ладно, ладно, не жми на педаль. Пэт! Это не совсем так, как я думал.)

— Да? А что?

— (Не знаю. Наверное, я ожидал духовые оркестры, торжественные речи и все такое. Ведь это и вправду торжественный день. Но, если не считать того, что прошлым вечером на атолле Кантон нас много снимали, шуму было меньше, чем тогда, когда мы отправлялись в скаутский лагерь.)

Пэт хмыкнул:

— Если расставить духовые оркестры вокруг твоего корабля, они малость промокнут, не говоря уж о том, что наберут уйму нейтронов.

— (Ясно, ясно.) — Я и сам прекрасно понимал, что факельному кораблю для старта нужно много свободного места, чего мне про это напоминать. Даже когда инженеры сумели разработать способ старта прямо с Земли, а не с космической станции, сохранилась необходимость в нескольких тысячах квадратных миль свободного океана. И все равно можно было слышать, как малограмотные люди болтают о том, что выхлоп двигателей меняет климат, и правительству в связи с этим необходимо принять какие-либо меры.

— Во всяком случае, у нас оркестров и речей хватает. Вот мы прямо сейчас являемся свидетелями выступления Достопочтенного ДжДилбери Эгхеда... повторить?

— (Не стоит беспокоиться. А кто это «мы»?)

— А все мы. Вот только что пришли Вера и Фрэнк.

Я как раз собирался спросить насчет Моды, когда из динамика опять послышался голос:

— Рад приветствовать всех вас на борту корабля. Говорит капитан. Мы стартуем с легкопереносимым ускорением в три g; несмотря на это, я хотел бы предупредить вас, чтобы вы расслабились и не опускали руки с коек. Тройная тяжесть будет только в течение шести минут, затем вы сможете встать. Мы стартуем вторыми, сразу после «Генри Хадсона».

Я повторял Пэту слова капитана практически одновременно с тем, как он их произносил; это как раз и было одним из предметов нашей тренировки в то время, как Пэт находился в Центре подготовки; мы

учились заставлять свои мысли повторять, подобно эху, то, что говорит кто-то другой; таким образом телепатическая пара могла работать почти как микрофон и громкоговоритель. Наверное, он там, дома, делал то же самое, повторяя нашей семье слова капитана какой-то долей секунды позднее меня — при тренировке это довольно просто.

Капитан произнес:

— «Генри» кончает обратный отлет... десять секунд... пять... Вот!

Я увидел нечто вроде вспышки молнии, хотя и находился в закрытом помещении. Несколько секунд из динамика доносился мягкий шипящий звук, похожий на звук снега, бьющего в окно. Пэт сказал:

— Господи!

— (Что там, Пэт?)

— Он выскочил вверх, словно ужаленный в зад пчелой. Просто вспышка света, и в воде осталась яма. Подожди секунду — они переключаются с камер на спутнике на вид с Луны.

— (Тебе-то видно лучше, чем мне. Я вижу только потолок каюты.)

Женский голос произнес:

— Мистер Уоррен! Мисс Фэтни! Межкорабельные пары начинают запись.

Капитан объявил:

— Вся команда, готовность к старту. Следите за обратным отсчетом, — после чего зазвучал другой голос. — Шестьдесят секунд... пятьдесят пять... пятьдесят... сорок пять... снова сорок пять... снова сорок пять... снова... снова... — пока я почти не закричал.

— Том, в чем там дело?

— (Откуда я знаю?)

— ...сорок... тридцать... тридцать...

— Том, мама просила, чтобы я сказал тебе быть поосторожнее.

— (А что по ее мнению я могу сделать? Я просто лежу здесь на спине, пристегнутый.)

— Знаю, — хихикнул Пэт. — Держись крепче за кисточку, они собираются убрать лестницу.

— ...четыре!.. три!.. два!.. один!

Вспышку я не видел, а также ничего и не услышал, просто я стал очень тяжелым — вроде как куча-мала, а ты в самом низу.

— Том, где были вы, остался только пар.

Я не отвечал, мне было трудно дышать.

— Они поменяли точку зрения. Сейчас они следят за вами объективом. Том, ты бы только посмотрел... Ваш корабль сверкает, как солнце. В кадре просто больше ничего не видно.

— (А как я могу это видеть?) — сварливо ответил я. — (Я же внутри.)

— У тебя какой-то придушенный голос. С тобой все в порядке?

— (У тебя тоже был бы придушенный, если бы тебе на грудь навалили мешки с песком.)

— Что, так плохо?

— (Ничего особо приятного. Но, думаю, и ничего страшного.)

Пэт оставил меня в покое и стал подробно описывать, что показывают по телевизору. «Ричард Е. Байрд» стартовал сразу после нас, еще до того, как мы набрали скорость и закончили идти с большим ускорением; он мне все про это рассказал. Мне самому в любом случае говорить было нечего; видеть я ничего не видел, а болтать попусту не хотелось. Чувствовал я себя паршиво и хотел только одного — продержаться.

Наверное, это и вправду были шесть минут, только больше похожие на час. Спустия много, много времени, когда я уже решил, что там где-то заело в управлении и мы будем сохранять ускорение, пока не превысим скорость света, давление неожиданно прекратилось, и я почувствовал себя легким, как пушинка. Если бы не ремни, я, пожалуй, воспарил бы к потолку.

— Мы снизили ускорение до одного и одной десятой g, — послышался ободряющий голос капитана. — Крейсерское ускорение будет выше, но мы хотим дать время по привыкнуть находящимся на борту новичкам. — Тон его изменился, и он отрывисто скомандовал: — Все станции, проверить защиту, установить вахты по космическому расписанию, секция третья.

Я расстегнул ремни и сел, а потом и встал. Может, мы и стали на десять процентов тяжелее, но я этого

не чувствовал, я чувствовал себя великолепно. Я направился к двери, намереваясь осмотреться получше, чем при посадке.

И тут заорал Дасти Родс.

— Эй! Вернись и отвяжи меня. Этот идиот убрал пружки так, что мне до них не дотянуться.

Я обернулся и посмотрел на него.

— Пожалуйста?

Дасти ответил мне, но это было совсем не «пожалуйста». Я все равно расстегнул его. Надо было заставить его сказать «пожалуйста», это сберегло бы от многих последующих неприятностей.

ГЛАВА 7

19 900 вариантов

Первое, что случилось со мной на борту «Льюса и Кларка», заставило меня думать, что я сплю, — я наткнулся на дядю Стива.

Я шел по кольцевому коридору, соединявшему каюты на нашей палубе, и искал какой-нибудь проход, ведущий внутрь, к оси корабля. Свернув за угол, я на кого-то натолкнулся. Произнеся «Извините, пожалуйста», — я собирался было идти дальше, однако встречный схватил меня за руку и хлопнул по плечу. Я поднял глаза — это был он, дядя Стив, с ухмылкой на лице, кричавший во весь голос:

— Привет, коллега! Добро пожаловать.

— Дядя Стив! А ты что здесь делаешь?

— Спецздание Генерального Штаба. Хранить и беречь лично тебя.

— Чего?

Когда он объяснил, все оказалось очень просто. Дядя Стив еще месяц назад узнал, что получено согласие на его заявление о специальном увольнении из армии для перехода на службу в Ф.Д.П. по проекту Лебенсraum. Он не стал рассказывать об этом семье и потратил месяц, придумывая — и придумав — способ попасть на один корабль с Пэтом или, как получилось в результате, со мной.

— Я подумал, что твоей матери будет легче, если она будет знать, что я присматриваю за ее парнишкой. Скажи ей это в следующий раз, когда будешь связываться с Пэтом.

— А я прямо сейчас и скажу, — ответил я и громко окликнул (в уме) Пэта. Не похоже было, чтобы Пэта эта новость особенно заинтересовала. Наверное, наступала реакция после первого возбуждения, и ему опять стало обидно, что я нахожусь там, где хотел бы быть он. Но мать была рядом, и он сказал, что сообщит ей.

— О'кей, она знает.

Дядя Стив бросил на меня недоверчивый взгляд.

— Это что, так просто?

Я начал объяснять ему, что это как говорить... может, немного побыстрее, ведь думать слова можно быстрее, чем произносить их вслух, особенно, когда потренируешься. Но он остановил меня.

— Ладно, не надо. Ты же пытаешься объяснить слепому, что такое цвет. Я просто хотел, чтобы сестренка знала.

— Ладно так ладно. — Только сейчас я заметил, какая у него форма. Те же, что и раньше, ленточки наград украшали такую же, как и у меня самого, форму Ф.Д.П., но не это меня удивило, а то, что на рукавах его не было нашивок. — Дядя Стив... да у тебя же майорские листья!

Он кивнул.

— Вот видишь, парень из нашего села добился успеха в жизни. Надо только много работать, вести правильный образ жизни и т. д.

— Видишь, как здорово!

— Меня перевели сюда с присвоением звания, которое полагается мне при уходе в запас. И продвинули еще на одну ступеньку за исключительно высокие результаты при тестировании. Останься я служить в Корпусе, вышел бы в отставку не больше, чем старшим сержантом — в мирное время нет повышений! Но этот проект подыскивал нужных ему людей, а не людей с нужными званиями, и так уж случилось, что у меня как раз подходящее количество рук и ног для исполнения моих обязанностей.

— А какие у тебя обязанности, дядя?

— Я — начальник охраны.

— Что? А что у нас тут охранять?

— Хороший вопрос. Задай его мне через год или два, и я смогу дать хороший ответ. В действительности более правильно было бы назвать эту должность «Командир десантного отряда». Когда мы найдем подходящую на вид планету, — я хотел сказать «если и когда» — то я и буду тем парнем, который выйдет наружу, чтобы поглядеть, как там все и насколько дружелюбны к нам аборигены. А все вы, ценные личности, останетесь на корабле, в уюте и безопасности. — Он глянул себя на запястье. — Пошли на кормежку.

Есть мне не хотелось, а хотелось осмотреться, но дядя Стив крепко взял меня за руку и повел в столовую.

— Если бы ты прослужил столько, сколько я, то усвоил бы: есть возможность спать — спи и никогда не опаздывай на кормежку.

Столовая была устроена как кафе. На «Л.К.» не было официантов и какого-либо персонального обслуживания, только для капитана и вахтенных. Мы прошли через столовую, и я обнаружил, что все-таки хочу есть. Дядя Стив провел меня — только на один этот раз — к столику, за которым обедали командиры служб корабля.

— Леди и джентльмены, позвольте вам представить моего двухголового племянника Тома Бартлета. Вторую свою голову он забыл на Земле — он телеблизнец. Если он вдруг сделает что-нибудь такое, чего делать не должен, не говорите мне, пожалуйста, а просто врежьте ему покрепче. — Он глянул на меня искоса. Я начал заливаться краской. — Ну, сынок, скажи «здрасьте»... или просто кивни дядям и тетям, если ты не умеешь говорить.

Я кивнул головой и сел. Рядом со мной сидела приятная женщина с такими коленками, на которых любят сидеть дети. Она улыбнулась и сказала, как они все рады со мной познакомиться. Я узнал, что она — Главный эколог экспедиции. Фамилия ее была О'Тул, но по фамилии ее никто не называл; она была замужем за одним из релятивистов.

Дядя Стив обошел стол, рассказывая, кто здесь кто и чем занимается: Главный Механик, Релятивист (дядя Стив назвал его «Астронавигатор», как именовалась бы соответствующая служба на обычном корабле), Главный Планетолог Гарри Гэйтс, Ксенолог и так далее — в тот раз я не сумел запомнить все фамилии — и Резервный Капитан Уркхардт. Я не расслышал слово «Резервный» и очень удивился, до чего же он молод. Но дядя Стив поправил меня:

— Нет, нет! Он не капитан. Он — тот человек, который станет капитаном, если окажется, что потребуются замена. Напротив тебя сидит Главный Хирург — только ты и здесь не пойми неверно, сам он хирургией не занимается. Доктор Деверо — самый главный мозгокопатель.

На лице у меня, видимо, отразилось полное непонимание, поэтому дядя Стив продолжил:

— Не сечешь? Психиатр. Док Деверо вглядывается в каждое наше движение и соображает, как скоро потребуется смирительная рубашка и шприц. Точно, док?

Доктор Деверо намазывал булочку маслом.

— Ну, в общих чертах — точно. Вы ешьте, ешьте. Сейчас я вами заниматься не буду, если только ближе к вечеру. — Это был маленький, толстый, напоминавший жабу, ужасно уродливый человечек, полный безмятежного, невозмутимого спокойствия. Он продолжал: — У меня, майор, только что появилась тревожная мысль.

— Никогда бы не подумал, что мысли могут вас тревожить.

— А вы послушайте. Вот сижу тут я, в чьи обязанности входит забота о поддержании в здравом рассудке сомнительных типов вроде вас. Но ведь никто не позаботился, чтобы меня самого кто-нибудь поддерживал в здравом рассудке. Ну и что вы прикажете мне делать?

— Ммм... — Дядя Стив изобразил тщательное обдумывание проблемы. — А я и не знал, что сами вы, мозгокопатели, должны пребывать в здравом рассудке.

Доктор Деверо кивком выразил свое согласие:

— Вот тут-то вы попали в самую точку. В моей профессии, равно как и в вашей, майор, сумасшест-

вие — не недостаток, а преимущество. Будьте добры, передайте мне, пожалуйста, соль.

Дядя Стив смолк и сделал вид, что вытирает кровь с разбитого лица.

Подошел еще один человек и тоже сел за наш стол. Дядя Стив представил ему меня и сказал:

— Это — командор Фрик, ответственный за связь, твой начальник, Том.

Командор Фрик кивнул мне и спросил:

— А вы, молодой человек, разве не из третьей секции?

— Мм, я не знаю, сэр.

— А я знаю... и вам тоже надо бы знать. Явитесь в Центр связи.

— Вы имеете в виду — прямо сейчас, сэр?

— Прямо сейчас. Вы и так уже опоздали на полчаса. Я сказал:

— Извините, пожалуйста, — и торопливо вскочил, чувствуя себя до крайности глупо. Искоса я глянул на дядю Стива, но он не смотрел в мою сторону, можно было подумать, что он ничего не слышал.

Центр связи был двумя палубами выше, прямо над Центром управления; нашел его я не сразу. Там были Ван Хаутен, Мей-Лин и офицер по фамилии Трэверс — вахтенный связист. Мэй-Лин не подняла глаза, она читала пачку бумаг; я понял, что она телепатирует. Ван спросил:

— Где тебя черти носили? Я есть хочу.

— Я же не знал, — возразил я.

— Должен был знать.

Он вышел, а я повернулся к мистеру Трэверсу.

— Что мне нужно делать?

Тот заправлял катушку пленки в автоматический передатчик и не ответил мне, пока не покончил с этим занятием.

— Когда она кончит, возьмите у нее эту пачку сообщений и делайте с ними, что уж вы там с ними делаете. Впрочем, это неважно.

— То есть прочесть все это моему близнецу?

— Именно это я и сказал.

— И вы хотите, чтобы он все это записал?

— Передаваемые сообщения всегда записываются. Вас что, ничему не учили?

Я хотел объяснить, что меня и вправду ничему не учили, так как на это не осталось времени, но потом подумал — а какой смысл объяснять? Возможно, он думает, что я — это Пэт, и считает, что я прошел полный курс. Я взял те бумаги, которые Мэй-Лин уже прочитала, и сел.

Но Трэверс еще не кончил.

— И вообще я не понимаю, сейчас-то зачем вы, психи, здесь находитесь. Вы же пока что не нужны, мы еще в досягаемости обычной связи.

Я положил бумаги и встал.

— Не называйте нас «психи».

Он глянул на меня и сказал:

— Малыш, да какой же высокий ты вырос. Садись и работай.

Мы были примерно одного роста, только он лет на десять старше и фунтов на тридцать тяжелее меня. Будь мы один на один, я, может, и пропустил бы все это мимо ушей, но в присутствии Мэй-Лин не мог.

— Я сказал, чтобы вы не называли нас «психами». Это невежливо.

Вид у него был усталый и недовольный, однако упрямыться он не стал.

— Хорошо, хорошо. Только не будь таким уж недотрогой. И займись этими сообщениями.

Я сел, просмотрел передаваемый материал, окликнул Пэта и сказал ему подготовить диктофон; это уже не было тренировочной связью.

Он ответил:

— Позвони через полчаса. Я обедаю.

— (Я и сам завтракаю, только мне не дали закончить. Не тяни волынку, Пэт, перечитай лучше этот контракт, который ты прямо рвался подписать.)

— Ты и сам рвался не меньше. А в чем дело, братец, уже дрожат коленки?

— (Может, дрожат, может, нет. Только у меня появилось подозрение, что это будет совсем не похоже на длинную веселую прогулку. И одно я успел уже усвоить: если капитан посылает тебя за ведром краски, он хочет, чтобы ты ему принес это ведро, а не объяснения, что тебе помешало. И полное ведро. Так что включай свой диктофон и приготовься принимать цифры.)

Пэт что-то пробормотал и сдался. Потом, после задержки (это уж точно мама говорила, чтобы он доел спагетти), объявил:

— Готов.

Сообщения почти полностью состояли из чисел, (имеющих, наверное, какое-то отношение к старту), и кода, поэтому мне пришлось заставить Пэта все повторять. Это было не трудно, но очень уж скучно. Единственным сообщением, которое шло открытым текстом, был заказ Капитана послать розы некоей миссис Детвейлер из Брисбейна с переводом стоимости на его счет в Ф.Д.П. и с припиской «Спасибо за великолепный прощальный ужин».

Больше личных посланий не было; похоже, члены нашей команды не оставили после себя никаких нерегулированных дел на Земле.

Я подумал было, не послать ли розы Моды, но делать это с посредничеством Пэта не хотелось. Подумав было, что это можно сделать через Мэй-Лин, я вспомнил, что хотя деньги в банке у меня и есть, но я оставил своим доверенным того же Пэта и все равно потребуется его подпись под счетом.

Так что я решил прекратить попытки ходить по мостикам, которые сам же за собой и сжег.

Жизнь на борту «Л. К.» быстро вошла в рутинную колею. Ускорение увеличили еще на пятьдесят процентов, в результате чего я стал весить сто пятьдесят восемь фунтов; ноги мои сперва побаливали, пока я не привык, но привык я скоро — у тощих тоже есть кое-какие преимущества. Мы, психи, стояли одну вахту из пяти, по двое — мисс Гамма и Каз Уорнер в этом не участвовали, они связывались с другими кораблями. Сначала у нас была уйма свободного времени, но Капитан быстро с этим делом покончил.

Зная, что Ф.Д.П. мало надеется на наше возвращение, я не заботился особенно относительно пункта в контракте, гарантирующего обучение во время рейса, но вскоре обнаружилось, что Капитан-то про этот пункт забывать не собирался. Возможность учиться была абсолютно для всех, а не только для нас, телепа-

тов школьного возраста. Капитан назначил педагогический совет в составе доктора Деверо, миссис О'Тул и мистера Кришнамурти, и нам была предложена программа обучения практически всему, чему угодно, от рисования с натуры до древней истории. Последнюю преподавал лично Капитан; неожиданно выяснилось, что он знал Саргона Второго и Сократа буквально как своих собственных братьев.

Дядюшка Альфред пытался записаться на все сразу, что было совершенно невозможно, даже если бы он перестал есть, спать и стоять вахты. У него никогда, рассказал он мне, не было времени учиться всему, чему хотелось учиться, и теперь-то он собирается наверстать упущенное. Даже мой настоящий дядюшка, Стив, записался на пару курсов. Вероятно, услышав об этом, я вытаращил глаза от удивления, так как он сказал:

— Знаешь, Том, в первом же своем рейсе я понял, что единственный способ сделать Космос сносным и терпимым — это подобрать себе какой-нибудь предмет для изучения и потом действительно изучать его. Обычно я записывался перед полетом на какие-нибудь заочные курсы. Но на этой посудине находится самый великолепный набор по-настоящему блестящих голов, вряд ли ты такой когда-нибудь еще увидишь. И если ты этим не воспользуешься, то ты просто идиот. Возьми вот, например, кулинарный курс мамочки О'Тул — ну где еще ты найдешь, чтобы дипломированный кулинар высшего разряда с охотой и даром учил своему возвышенному искусству? Я тебя спрашиваю, где?

Я рассудительно возразил дядюшке, что мне, пожалуй, никогда не понадобится это вот высокое кулинарное искусство.

— А какое это имеет отношение к делу? Учение — совсем не средство достижения цели, оно само и есть цель. Ты вот глянь на дядюшку Альфа, он же бегаёт счастливый, как мальчишка с новой рогаткой. В любом случае, если ты не запишешься на какой-нибудь серьезный курс, старина Деверо найдет, чем тебя занять, хоть заклепки считать заставит. Почему, ты думаешь, Капитан именно его назначил главой педагогического совета?

— Как-то не задумывался.

— А ты задумайся. В Космосе самая большая опасность — клаустрофобия. Тебя запирают на длительное время в малом пространстве, и снаружи нет совершенно ничего, кроме очень-очень разреженного вакуума. Ни уличных фонарей, ни кегльбанов. А внутри все время одни и те же физиономии, и потихоньку ты начинаешь их ненавидеть. Ну так что же делает умный капитан? Умный капитан старается сделать так, чтобы у тебя было нечто интересующее тебя и занимающее твое время — а уж наш-то Капитан — умнейший, какого только можно сыскать, иначе он бы не был в этом рейсе.

Тут я начал понимать, что очень многое на «Л. К.» было организовано с одной целью — сохранять нас здоровыми и в более менее хорошем настроении. Не только курсы, многое другое тоже. Например, наша многочисленность — почти две сотни. Дядя Стив рассказывал мне, что как корабль «Л. К.» обошелся бы командой человек в десять: капитан, три офицера управления, три механика, связист, фермер и кок. Да что там, и это можно было бы урезать до пяти: два офицера управления (один из них командует кораблем), двое, присматривающих за двигателями, и фермер-кок.

— А к чему тогда две сотни?

— Во-первых, к тому, что для них есть место. «Л. К.» и остальные корабли были переделаны из огромных грузовиков, использовавшихся Фондом для поставки припасов с Земли на Плутон и руды с Плутона на Землю. Во-вторых, нужен большой научный персонал для исследования планет, если мы их обнаружим. В-третьих, некоторые из нас — что-то вроде запасных деталей, например, — Резервный Капитан Уркхард, да что уж там, и я — тоже. Кто-то из нас умрет, кто-то погибнет, а корабль должен лететь дальше.

Все это верно, но самое главное, как я теперь понял, это то, что никакая малая социальная группа не может быть стабильной. Это даже описано математически с эмпирическими формулами и символами для всяких «боковых давлений», «обменных валентностей» и «экзогенных освобождений». (Эта последняя штука обозначает всего лишь то, что молодые ребята из ма-

леньких поселков женятся обычно где-нибудь на стороне.)

Или подумайте так. Предположим, у вас имеется одноместный космический корабль, способный путешествовать в одиночку несколько лет. На нем может лететь только человек, заранее сдвинутый неким образом — в противном случае он вскоре сдвинется другим образом и начнет вырывать приборы из пульта управления. Пусть это будет двухместный корабль: даже если вы посадите на него пару, влюбленную друг в друга не меньше, чем Ромео и Джульетта, к концу рейса и Джульетта станет больше походить на ядовитую скорпионику.

Трое — ничем не лучше, даже хуже, особенно если они объединятся двое против одного. Значительно безопаснее большие числа. Даже при каких-то двух сотнях людей возможно девятнадцать тысяч девятьсот способов составить из них пары и друзей или врагов; так что очевидно, что разнообразие возможностей общения очень резко растет с увеличением числа членов группы. В большой группе гораздо больше шансов найти друзей и способов избегать людей, тебе не симпатичных. Все это крайне важно на корабле.

Наряду с курсами по выбору у нас были и обязательные, называвшиеся «корабельное обучение». Обозначало это то, что каждый обязан научиться хотя бы одной корабельной специальности кроме своей основной. Я отстоял две вахты внизу, у пульта управления двигателями, после чего Главный механик Роч изложил в письменной форме свое мнение касательно того, что из меня никогда не получится двигательщик по причине врожденного отсутствия способностей к ядерной физике. По правде говоря, мне было сильно не по себе находиться в такой близости от ядерной энергетической установки и представлять себе весь этот адский огонь, полыхающий в каких-то футах от меня.

Но и фермер из меня получился не лучше. Я провел две недели на этой корабельной ферме с кондиционированным воздухом и делал там неправильно почти все, за исключением кормления цыплят. Когда меня поймали на том, что я не в ту сторону перекрестно опыляю какие-то растения из семейства тыквенных

(растения эти были особой гордостью миссис О'Тул), она отпустила меня с фермы. Сделала это миссис О'Тул не со злостью, а скорее — с грустью.

— Том, — сказала она, — ты хоть что-нибудь умеешь делать хорошо?

Я обдумал этот вопрос.

— Ну, я умею мыть посуду... а когда-то я выращивал хомяков.

Тогда она отослала меня в исследовательский отдел, где я стал мыть колбы в химической лаборатории и кормить подопытных животных. Колбы были небьющиеся. К электронному микроскопу меня близко не подпускали. Это был еще приличный вариант — меня могли еще послать в прачечную.

Из этих самых 19 900 комбинаций, возможных на борту «Л. К.», мы с Дасти Родсом как раз и являлись одной из плохих. Я не стал записываться на курсы чертежников, так как эти курсы вел он; этот мелкий прыщ и вправду был отличным чертежником. Я и сам черчу вполне прилично и хотел бы посещать эти курсы. Что хуже всего, у него был просто оскорбительно высокий индекс интеллекта, выше, чем у гениев. Поэтому при спорах он крутил мной, как хотел. В довершение этого, он обладал манерами поросенка и в общении был приятен, как скунс — малосимпатичное сочетание, с какой стороны ни посмотри.

Слова «Пожалуйста» и «Спасибо» в его словаре отсутствовали напрочь. Он никогда не прибирал свою постель, если только над его душой не стоял кто-нибудь из начальства, и я часто, войдя в каюту, заставал его на своей постели, которую он мял и комкал. Он никогда не вешал одежду в шкаф, всегда оставлял умывальник после себя грязным, а самое лучшее его настроение выражалось в полном молчании.

К тому же он редко принимал душ. На борту корабля это — уголовное преступление.

Сперва я был с ним вежлив, потом стал на него орать, потом даже стал ему угрожать. В конце концов я сказал ему, что следующая же принадлежащая ему вещь, которую я найду на своей койке, прямым ходом отправится в конверт. В ответ он только глумливо ухмыльнулся, и на следующий же день я обнаружил

его фотоаппарат на своей койке, а грязные носки — на подушке.

Носки я швырнул в умывальник, который он оставил наполненным грязной мыльной водой, а аппарат запер в своем шкафу, чтобы он поканючил, пока я ему его верну.

Но Дасти не стал пищать. Через некоторое время я обнаружил, что аппарата в моем шкафу нет, несмотря на то, что шкаф этот был заперт на наборный замок, который мистеры Йель и Тауни легкомысленно назвали «невскрываемый». Не было в шкафу и моих чистых рубашек. То есть рубашки были, но они не были чистыми; некто тщательно перепачкал их все до единой.

Раньше я на него не жаловался. Справиться со всем этим стало уже вопросом гордости: мысль о том, что я не могу справиться с существом вдвое мельче меня и значительно младше, восторга не вызывала.

Однако, глядя на то, во что он превратил мою одежду, я сказал себе: «Томас Пейн, лучше тебе признать свое поражение и попросить помощи — иначе тебе только и останется объяснить убийство необходимой самозащитой».

Но жаловаться мне не пришлось. Меня вызвал Капитан; оказывается, Дасти сам пожаловался на меня.

— Бартлет, этот маленький Родс заявил мне, что Вы к нему пристааете. Вы не можете объяснить мне положение со своей точки зрения?

Тут я чуть не взорвался, но потом медленно выдохнул и попытался успокоиться, ведь Капитан действительно хочет знать ситуацию.

— Я бы этого не сказал, сэр, хотя мы и вправду не ладим.

— Вы его били?

— Ну... в буквальном смысле я его не бил. Но я неоднократно сдергивал его со своей койки — и не старался при этом быть особенно нежным.

Капитан вздохнул.

— Может, Вам стоило его вздуть, конечно, так, чтобы я об этом не знал. Ну ладно, расскажите мне все. И старайтесь рассказывать все откровенно и — поподробнее.

И я рассказал ему. Звучало все это очень мелко, и мне было стыдно. У Капитана есть заботы поважнее, чем то, что мне приходилось отдира́ть от грязи раковину, чтобы иметь возможность умыться самому. Но Капитан слушал меня внимательно.

Вместо того, чтобы ответить, может, — сказать, что мне надо бы получше справляться с таким маленьким мальчишкой, Капитан заговорил о другом.

— Бартлет, а Вы видели эту иллюстрацию, которую Дасти нарисовал для сегодняшней корабельной газеты?

— Да, сэр. Просто великолепно, — согласился я. Нарисовано там было сильное землетрясение, случившееся в Сантьяго уже после нашего отлета.

— Ммм... нам приходится допускать у вас, людей с особыми способностями, некоторые отклонения от нормы. Дасти находится здесь потому, что он был единственным телепатом, способным принимать и передавать изображения.

— А это так важно, сэр?

— Может оказаться важным. Это мы узнаем только тогда, когда возникнет такая необходимость. Но это вполне может оказаться критически важным. В противном случае я никогда не допустил бы, чтобы такой избалованный щенок оказался на борту моего корабля. — Он нахмурился. — Однако, доктор Деверо не находит у Дасти никакой патологии.

— Ну, я же не говорил ничего про патологию.

— Послушайте меня, пожалуйста. Он говорит, что у мальчика неуравновешенная индивидуальность. Умственному его развитию может позавидовать взрослый, но оно сочетается со страшно задержанным социальным развитием. Его оценки и отношение к окружающим находятся на уровне пятилетнего, и это — в сочетании с великолепными мозгами. Далее доктор Деверо сказал, что он хочет ускорить это развитие детской части личности Дасти, иначе тот может совсем замкнуться внутри себя, свернуться в кокон.

— И? Я хотел сказать, «да, сэр?»

— И вам надо было его отлупить. С этим мальчишкой неладно одно — родителям надо было его пороть, а они вместо этого восхищались, какой он умница. — Капитан опять вздохнул. — А теперь придется

это делать мне. Доктор Деверо говорит, что я — как раз подходящая личность для создания образа отца.

— Да, сэр.

— Голова у меня раскалывается от этих «Да, сэр». Это не корабль, это какой-то несчастный детский сад. А больше неприятностей у Вас нет?

— Нет, сэр.

— Странно. Вот Дасти жаловался еще на то, что штатные связисты называют вас психами. — Он внимательно посмотрел на меня.

Я не отвечал, мне было как-то неудобно.

— Как бы там ни было, больше они этого делать не будут. Я помню, как однажды один член команды чуть не зарезал другого за то, что тот никак не мог перестать называть его «Лысый». Моя команда будет вести себя, как настоящие леди и джентльмены, иначе мне придется кое-кого взять за шкирки и стукнуть лбами. — Он нахмурился. — Я переведу Дасти в помещение напротив моей каюты. Если Дасти отстанет от Вас, оставьте и Вы его в покое. Если не отстанет... ну что же, сами решайте, что тогда делать, однако не забывайте, что Вы сами отвечаете за свои поступки. Не забывайте и того, что я не хочу, чтобы кто-то из команды превращался в половик, о который можно вытирать ноги. Все. До свидания.

ГЛАВА 8

Относительность

Рейс продолжался уже неделю, когда было принято решение оперировать Пэта. Пэт говорил, что его собираются оперировать, но особенно мы это не обсуждали. Он вел себя, как человек со стальными нервами, так, как будто он собирается грызть орешки и читать юмористические рассказы в то время, как его будут распиливать на кусочки. Я думаю, в действительности он был ужасно перепуган... я бы на его месте — точно.

Не то, чтобы я много понял, знай я все подробности; я же не нейрохирург, ни в коем случае, вытащить занозу — предел моих способностей.

Но это значило, что некоторое время я не смогу стоять вахты; так я и сказал командору Фрику. Он уже и сам знал об этом из переговоров корабля с Ф.Д.П. и велел мне исключить себя из вахтенного расписания за сутки до операции, а потом быть готовым к исполнению других поручений в послеоперационный (для Пэта) период. Ему было все равно; другие телепаты продолжали действовать, да к тому же мы еще не вышли из пределов радиосвязи с Землей.

Через две недели после старта и за день до того, как Пэта должны были резать, я сидел в своей каюте и принимал важное решение — то ли явиться в центр связи, предложить свои ценные услуги и вынести мусорные корзины или микрофильмировать документы, то ли просто сидеть где сию и ждать, пока меня позовут.

Я только что склонился в пользу последнего, вспомнив совет дяди Стива никогда не высовываться, и собирался лечь на койку, когда громкоговоритель проорал:

— Т.П.Бартлет, специальный связист, явитесь к Релятивисту.

Я поднял свою койку, задумываясь при этом, нет ли в моей каюте скрытой телекамеры — все мои попытки опустить койку в рабочие часы кончались одинаково: меня куда-то вызывали. Доктора Бэбкока не было на месте, и меня выгнали с поста управления, однако я успел там немного оглядеться. Вход на пост управления был строго воспрещен для посторонних. Нашел я нашего Релятивиста в Вычислительном центре, напротив центра связи — в том самом месте, куда я и пошел бы за ним в первую очередь, если бы не желание заглянуть на пост управления.

Я доложил:

— Т.П.Бартлет, связист десятого разряда, явился по Вашему приказанию.

Доктор Бэбкок резко развернулся на своем вращающемся стуле и уставился на меня. Это был крупный, ширококостный человек, весь состоявший из рук и ног; он больше смахивал на лесоруба, чем на матфизика. Думаю, это было слегка наиграно — локти на столе, неправильный язык и все такое. Дядя Стив

говорил, что у Бэбкока больше научных званий, чем у большинства людей — носок.

Так вот, он уставился на меня, потом рассмеялся.

— И где ж это ты набрался таких липовых военных манер, сынок? Садись. Ты Бартлет?

Я сел.

— Да, сэр.

— Чего это вы с братцем вышли из вахтенного расписания?

— Понимаете, сэр, мой брат в больнице. Завтра там будут что-то делать с его позвоночником.

— Так почему же ты мне этого не сказал? — Я не стал отвечать, не видел смысла; я даже не был в его отделе. — Фрик ничего мне не рассказывает, Капитан ничего мне не рассказывает, теперь и ты вот ничего мне не рассказываешь. Мне приходится таскаться на камбуз и подбирать огрызки слухов, чтобы хоть немного быть в курсе, что у нас тут происходит. А я собрался завтра с тобой поработать, ты же знаешь об этом? Знаешь?

— Нет, сэр.

— Ясное дело, не знаешь, потому что и я тоже никому ничего не рассказываю. Ну разве могут быть на корабле такие порядки! Надо было мне остаться в Вене. Мощный город. Когда-нибудь пробовал кофе с пирожными на Ринге? — Мой ответ его не интересовал. — Как бы там ни было, я собирался завтра работать с тобой и с твоим братом. Так что теперь придется сделать это сегодня. Скажи ему, чтобы приготовился.

— А что вы хотите чтобы он делал, Доктор? Его уже увезли в больницу.

— Ты только скажи ему, чтобы приготовился. Хочу калибровать вас двоих, вот что. Измерить ваш индекс ошибки.

— Сэр?

— Ты, главное, скажи ему...

Я окликнул Пэта. Мы не разговаривали с ним после завтрака, и я не знал, как он воспримет это предложение.

Но Пэт уже знал.

— Хорошо, хорошо, — сказал он устало. — Они прямо сейчас устанавливают в палате свой прибор. Мама подняла такой шум, что ее пришлось отослать.

— (Слушай, Пэт, если ты не хочешь этого делать, то что бы там ни было, я так им и скажу, что ничего не выйдет. Они слишком много хотят.)

— А какая разница, — ответил он с раздражением. — Мне все равно надо каким-то образом провести ближайшие шестнадцать часов. Да и вообще может получиться, что это последний наш сеанс.

Впервые он не удержался и показал, как все это на него действует. Я торопливо сказал:

— (Не надо так говорить, Пэт. С тобой все в порядке, все будет хорошо. Ты снова будешь ходить. Да что там, ты сможешь и на лыжах кататься, если захочешь.)

— Кончай ты с этой ободрительной чушью. Я уже наслушался этого от предков больше чем достаточно. Тошнит просто.

— (Да ты послушай, Пэт...)

— Кончай, кончай. Давай лучше займемся тем, чего они от нас хотят.

— (Ну, хорошо.) — А вслух я сказал: — Он готов, Доктор.

— Секунду. Запускайте камеру, О'Тул. — Доктор Бэбок нажал что-то на своем столе. — Командор Фрик?

— Да, Доктор, — ответил голос Фрика.

— Мы готовы. Вы придете?

— Тут все в порядке, — услышал я ответ своего начальника. — Сейчас идем. — Через секунду он вошел в сопровождении Анны Хорошен. Тем временем я осмотрелся. Одну из стен вычислительного центра полностью занимал компьютер, поменьше, чем в Лос-Аламосе, но не намного. Перемигивающиеся лампочки на его панелях, наверное, что-то для кого-то значили. Под прямым углом к компьютеру за пультом сидел мистер О'Тул, над пультом висел большой экран дисплея, в центре которого примерно каждую секунду появлялась яркая вспышка.

Анна без слов кивнула мне; я понял, что она на связи.

Пэт сказал:

— Том, у вас там есть девушка по имени Анна Хорошен. Ее там нет поблизости?

— (Есть. А что?)

— Передай ей привет. Я знал ее в Цюрихе. Тут находится ее сестрица Бекки. — Он чуть хихикнул, что меня обрадовало. — Симпатичная девица, правда? Моди ревнует.

Бэбкок сказал Фрику.

— Скажи, чтобы они приготовились. Первый синхронизирующий прогон, с того конца.

— Скажи им, Анна.

Она кивнула. Я не понимал, зачем потребовалась вторая телепара, если они могут переговариваться через нас с Пэтом. Скоро я понял: мы с Пэтом были слишком заняты.

Пэт выдавал тикающие звуки, как часы, а мне было велено их повторять. При каждом моем тике на дисплее появлялась вспышка. Бэбкок наблюдал за дисплеем, потом он развернул его так, чтобы мне не было видно, и прикрепил микрофон к моей гортани.

— Снова.

Пэт сказал:

— Внимание... — и опять начал тикать. Я старался как мог, чтобы тикать с ним одновременно, но выглядело это, конечно, до крайности глупо. Я услышал, как Бэбкок тихо произнес:

— Это снимает обратную связь и задержку из-за конечности скорости звука. Жаль, что мы не можем лучше измерить скорость передачи сигнала. По нервным синапсам.

Фрик сказал.

— А с Деверо ты говорил?

Я продолжал тикать.

— А теперь прогон в другую сторону, — сказал Бэбкок, надевая на меня наушники. Я сразу же услышал тиканье вроде того, какое издавал Пэт. — Вы, молодой человек, слушаете сейчас спектральный метроном, ритм которого задается монохроматическим светом. Он был синхронизирован с тем, который использует ваш брат. А теперь — тикайте ему.

Я начал тикать. Занятие это прямо гипнотизировало; легче было войти в ритм и тикать вместе с мет-

рономом, чем выбиться из этого ритма. Не обращать на него внимания было невозможно. Меня стало клонить в сон, но я продолжал тикать; остановиться я просто не мог.

— Конец прогона, — возвестил Бэбкок. Тиканье прекратилось, я снял наушники и потерял свои уши.

— Доктор Бэбкок?

— А?

— А как Вы сможете отличить один тик от другого?

— Что? Ты — конечно, не сможешь, а О'Тул — сможет. У него все снято на пленку. То же самое и на другом конце. Да ты не бери в голову, главное — старайся оставаться в ритме.

Вся эта ерунда продолжалась еще больше часа; иногда передавал Пэт, иногда — я. В конце концов О'Тул поднял глаза и сказал.

— Усталость начинает все портить, Доктор. Вторые производные быстро растут.

— О'кэй, тогда кончаем, — объявил Бэбкок. Он повернулся ко мне. — Можете поблагодарить от моего имени своего брата и объявить ему о конце связи.

Командор Фрик и Анна вышли, а я остался. Через некоторое время доктор Бэбкок поднял глаза и сказал:

— Можешь идти, парень. Спасибо.

— Доктор Бэбкок?

— А? Чего тебе?

— Не могли бы Вы рассказать мне, зачем все это?

На лице его появилось изумление, затем он сказал:

— Прости, пожалуйста, я отвык от людей, все с приборами; я забыл. Хорошо, садись. Вот для этого-то вас, телепатов, и взяли на корабль: для исследования природы времени.

Я посмотрел на него с недоверием.

— Сэр? Я думал, мы здесь для того, чтобы сообщать о планетах, которые мы надеемся обнаружить.

— А, это... Ну, наверное, и это тоже, но только исследование времени значительно важнее. Людей и так чересчур много, зачем еще новые колонии? Математик может решить проблему народонаселения в одно мгновение — просто перестрелять всех через одного.

Мистер О'Тул встал, не глядя на нас.

— За что я люблю Вас, шеф, так это за доброту и великодушие.

— Там, на галерке, потише, пожалуйста. Так вот, сегодня, сынок, мы пытались узнать, сколько сейчас времени.

Видимо, все мое непонимание отразилось на лице, так как он продолжал:

— Да, конечно, мы знаем, сколько сейчас времени, но установить это очень нелегко. Видишь эту штуку? — Он указал на экран дисплея, неустанно тикавший каждую секунду. — Это Гринвичское время, принятое по радио с поправкой на относительную скорость и ускорение. Затем есть другое время, которое ты слышал в наушниках; по этому времени живет корабль. И есть еще то время, которое ты получаешь от своего брата и передаешь нам. Мы пытаемся сравнить все три времени: трудности появляются из-за необходимости включать в цепь людей; если десять секунд — малое время для нервной системы, микросекунда — вполне измеримое и длительное время в физике. Обычная радарная система делит микросекунду с той же легкостью, как ты — фунт масла. Поэтому мы используем много прогонов, чтобы попытаться как-то скомпенсировать свое незнание.

— Понятно, но что Вы надеетесь обнаружить?

— Если бы я «надеялся», я бы сейчас этим не занимался. Но можно выразить это так: мы пытаемся узнать, что значит слово «одновременно».

Мистер О'Тул поднял глаза от своего пульта.

— Если оно вообще что-нибудь значит.

Мистер Бэбкок искоса взглянул на него.

— Ты еще здесь? «Если оно вообще что-нибудь значит.» Сынок, начиная со времени великого доктора Эйнштейна, «одновременность» и «одновременно» — эти слова для физиков были непристойными. Мы изгнали саму концепцию одновременности, заявили, что она не имеет смысла, и построили в ее отсутствие великолепное здание теоретической физики. А тут явились вы, телепаты, и все порушили. Не надо этого виноватого вида, любое здание нужно время от времени прибирать. Если бы вы занимались своими фокусами, придерживаясь скорости света, вам бы отвели

строчку в учебниках и забыли о вас. Но ведь вы совершенно невежливо настаиваете на том, что проделываете все это со скоростью, неизмеримо большей, чем скорость света, в результате чего ваше появление в физике не более уместно, чем появление свиньи на свадьбе. Вы раскололи физиков на две школы, на тех, которые хотят объявить вас чисто психологическим явлением, до которого физике нет дела, ребят, считающих, что «вот мы закроем глаза, и оно само исчезнет», и на другую школу, которая понимает: то, что вы делаете, чем бы это ни было, поддается измерению и, следовательно, дело физиков — провести эти измерения и включить их в общую картину. Ведь физика в первую очередь — умение измерять различные объекты и приписывать им определенные численные значения.

О'Тул сказал:

— Не ударяйся так в философию, шеф.

— Иди ты к своим цифрам, О'Тул. У тебя просто нет души. Так вот, эти ребята хотят измерить, как быстро вы это делаете. Они не боятся, что это — очень быстро, они успели уже оправиться от потрясения тем, что вы делаете это быстрее скорости света, но они хотят точно знать — насколько быстро. Они просто не могут принять мысль о том, что вы делаете это «мгновенно», тогда нужно будет переделывать абсолютно все. Они хотят получить некую определенную скорость распространения сигнала, во столько-то раз больше скорости света. Тогда они смогут видоизменить свои прежние уравнения и со счастливыми лицами вернуться ко своим забавам.

— Именно так они и сделают, — согласился О'Тул.

— А еще есть третий подход, правильный, то есть мой собственный.

О'Тул, не поднимая глаз, громко закашлялся.

— Опять твоя астма? — озабоченно осведомился Бэбкок. — Кстати, ты получил уже результаты?

— Они, как и раньше, делают это за нулевое время. Экспериментальные значения времени запаздывания являются отрицательными так же часто, как и положительными, и все они не превосходят ошибки измерения.

— Вот видишь, сынок, это и есть верный подход. Измерь, как это происходит, и будь что будет.

— Вы только послушайте!

— Да стихни ты, ренегат. К тому же вы, телепаты, даете нам первую реальную возможность проверить еще одно обстоятельство. Ты знаком с релятивистскими преобразованиями?

— Вы имеете в виду уравнения Эйнштейна?

— Конечно. Ты помнишь преобразование времени?

Я задумался. Мы с Пэтом учили начала физики, но это было очень давно. Я взял лист бумаги и написал, как мне это помнилось:

$$t_0 = t \sqrt{1 - \frac{v^2}{c^2}}$$

— Вот-вот, — согласился доктор Бэбкок. — При относительной скорости v временной интервал в первой системе отсчета равен временному интервалу во второй системе отсчета, умноженному на квадратный корень из единицы минус квадрат относительной скорости, деленный на квадрат скорости света. Конечно, это особый случай, для постоянных скоростей, при ускорении все выглядит сложнее. Но было очень много разногласий относительно того, что означает временное уравнение, если оно вообще что-либо означает.

— А? — выпалил я. — Но мне казалось, что теория Эйнштейна доказана. — Я вдруг подумал, что если уравнения теории относительности ошибочны, нам предстоит очень долгая прогулка. Тау Кита, наша первая остановка после Солнца, находится в одиннадцати световых годах... и это только первая, остальные гораздо дальше.

Но ведь все говорили, что, когда мы приблизимся к скорости света, месяцы промелькнут, подобно дням. Ведь уравнения утверждают именно это.

— Слушай меня внимательно. Каким образом ты можешь доказать, что в птичьем гнезде есть яйца? Не надо напрягать извилины: просто влезть на дерево и проверить. Другого способа нет. Вот мы теперь как раз и лезем на дерево.

— Отлично! — сказал О'Тул. — Иди и карабкайся на елку.

— Здесь не так все просто. Одна школа считает, что уравнения обозначают следующее — если посмотреть на часы с мимо летящей звезды... чего сделать нельзя...

то увидишь на них другое время, но реального растяжения и сжатия времени нет — как бы ни понимать слово «реальное». Другая школа указывает на сопутствующие уравнения для длины и массы. Знаменитый опыт Майкельсона-Морли показал, что преобразование длины является «реальным», а увеличение массы вычисляется и используется в кинематике ускорителей, да и везде в ядерной физике — например, в факеле, ускоряющем этот корабль. Поэтому, рассуждали они, изменение скорости течения времени тоже должно быть реальным, так как сопутствующие уравнения проверены на практике. Но точно никто не знает. Надо влезть на дерево и посмотреть.

— А когда мы узнаем? — Меня не покидало беспокойство. С тем, что я пробуду на корабле несколько лет, по Эйнштейновскому времени, я согласился заранее. О том, что я могу за это время погибнуть, как предостерегал нас дядя Стив, я решил не задумываться. Но умереть на «Л. К.» от старости — на это я как-то не рассчитывал. Перспектива была мрачная — пожизненное заключение в этих стальных стенах.

— Когда? Да мы уже знаем.

— Знаете? И как же?

— Ты, сынок, меня не торопи. Мы в пути уже пару недель, с ускорением в 124% g; теперь мы достигли скорости примерно 9 000 миль в секунду. Отошли мы еще не слишком далеко, пусть это будет семь с половиной световых часов или около 5 450 000 000 миль. Пройдет еще почти год, пока мы станем подбираться к скорости света. Несмотря на это, у нас уже заметная доля скорости света, около пяти процентов. Вполне достаточно для проверки. Все очень легко измерить, с помощью вас, телепатов.

— Да, сэр? И это реальное различие времени? Или только относительное?

— Ты используешь неправильные термины. Однако оно «реально», если только это слово вообще что-то значит. В настоящее время отношение приблизительно равно 0,999.

— Если уж быть точным, — добавил мистер О'Тул, — проскальзывание Бартлета — это технический термин, только что введенный мною — и вот, его проскальзывание в скорости течения времени по отношению к его

земному близнецу достигло к настоящему моменту двенадцати десятитысячных.

— И значит, ты из-за одной пятидесятой процента выставляешь меня лжецом? — пожаловался Бэбкок. — О'Тул, зачем я только тебя взял?

— Наверное, чтобы иметь кого-нибудь, кто занимался бы для тебя умножением, — с достоинством парировал ассистент.

Пэт сказал мне, что не хочет, чтобы я присутствовал при операции, но я все равно явился. Я заперся в своей каюте, чтобы мне никто не помешал, и подключился к нему. Он вообще-то не протестовал; — когда я с ним заговаривал, он отвечал, — и чем ближе была операция, тем больше мы разговаривали... беспечная болтовня обо всем и ни о чем. Меня это не обманывало.

Когда Пэта покатили в операционную, он сказал:

— Том, поглядел бы ты на моего анестезиолога. Хорошенькая, как майское утро, и как раз нужного размера.

— (А разве лицо не под маской?)

— Ну, не совсем. Видны ее хорошенькие голубые глаза. Я, пожалуй, спрошу, что она делает сегодня вечером.

— (Моди это не понравится.)

— Не надо мешать в это дело Моди. Должны же быть хоть какие-нибудь привилегии у больного человека. Подожди секунду. Я ее спрошу.

— (Что она сказала?)

— Она сказала «ничего особенного», и что я в ближайшие дни буду занят тем же самым. Но я спрошу у нее телефон.

— (Пять против двух, что она не скажет.)

— Ну, попробую... ох, ох. Поздно, они начинают. Том, ты бы не поверил, эта игла, она толщиной со шланг. Они говорят, чтобы я считал. Ладно, для смеху... раз... два... три...

Пэт дошел до семи, и я считал вместе с ним. Тем временем меня все больше и больше охватывало невыносимое напряжение и страх. Теперь я понял, что Пэт, возможно, все это время был уверен, что не выйдет из наркоза. На счете «семь» он сбился, но его мозг не

замолк. Возможно, те, которые стояли вокруг операционного стола, считали, что он потерял сознание, но я-то знал, что это не так; он был заперт внутри и кричал, кричал, чтобы его выпустили.

Я крикнул ему, и он отозвался, но мы не могли найти друг друга. А потом и я, подобно Пэту, тоже был заперт, потеряв и ничего не понимал, и оба мы растерянно метались во тьме, холоде и одиночестве того места, куда приходит смерть.

А потом я почувствовал, как мою спину полоснул нож, и закричал.

Следующее, что я помню, — это несколько лиц, плывущих надо мной. Кто-то произнес:

— Доктор, он, кажется, приходит в себя. — Этот голос не принадлежал никому, он доносился откуда-то издалека.

Потом осталось только одно лицо, и оно спросило:

— Тебе лучше?

— Пожалуй. А что со мной случилось?

— Выпей это. Вот, я приподниму твою голову.

Когда я пришел в себя в следующий раз, то воспринимал окружающее уже гораздо лучше и сообразил, что нахожусь в корабельном лазарете. Здесь же находился Доктор Деверо, он смотрел на меня.

— Так, значит, решили все-таки прийти в себя, молодой человек?

— А от чего, доктор? Что это было?

— Точно не знаю, но ты являл собою классическую клиническую картину пациента, умирающего от послеоперационного шока. К тому времени, как мы взломали твою дверь, ты зашел уже очень далеко, мы даже не были уверены, что сможем тебя откачать. Ты сам-то можешь что-нибудь про это рассказать?

Я попытался думать и вдруг вспомнил. Пэт! Я окликнул его.

— (Пэт! Где ты там?)

Ответа не было. Я попробовал снова, но он опять не отвечал, и тогда я понял. Я с трудом поднялся на койке и сумел кое-как выдавить из себя:

— Брат... он же умер!

Доктор Деверо сказал:

— Чушь, успокойся, ложись. Он жив... если только не умер за последние десять минут, в чем я сильно сомневаюсь.

— Но я не могу с ним связаться! Откуда вы знаете? Я же говорю вам, что он меня не слышит!

— Слезь-ка со стенки. Знаю, потому что все утро следил за ним через вахтенного телепата. Он спит, получив уже восьмой кубик гипнала, потому-то ты и не можешь до него докричаться. Сынок, я, наверное, идиот — да что там, я точно идиот, ведь нужно было предупредить тебя не соваться в это дело — ведь я же давно имею дело с человеческим мозгом и мог сообразить, хотя бы приблизительно, что случится с тобой при этих обстоятельствах. Меня немного извиняет только то, что с такой ситуацией я сталкиваюсь впервые.

Я малость стих. Если Пэта накачали снотворным, то было понятно, почему мне до него не докричаться. Направляемый вопросами Доктора Деверо, я кое-как сумел рассказать, что случилось — конечно, очень приблизительно, ведь невозможно рассказать другому, что происходит у тебя в голове.

— Доктор, а операция прошла успешно?

— Пациент в хорошем состоянии. Поговорим об этом после. А сейчас повернись.

— А?

— Повернись спиной. Я хочу на нее посмотреть. — Он поглядел на мою спину, потом подозвал двоих врачей тоже полюбоваться на нее. Потом ее потрогал. — Больно?

— Ой. Да, там чего-то больно. А что это у меня со спиной, Доктор?

— Вообще-то ничего страшного. Но у тебя появились два четких шрама, как раз соответствующих надразам при операции Макдугала... а как раз эту операцию и делали твоему брату.

— А как это?

— А так это, что человеческий мозг — вещь очень сложная и загадочная, мы знаем о нем довольно мало. А теперь перевернись и спи. Я продержу тебя пару дней в постели.

Я не собирался спать, но все равно заснул. Проснулся я от того, что меня окликнул Пэт:

- Эй, Том. Где ты там? Просыпайся.
- (Здесь я. В чем дело?)
- Том... у меня опять появились ноги.
- Ага, знаю, — ответил я и снова заснул.

ГЛАВА 9

Родственники

Теперь, когда Пэту вылечили его паралич, я, вроде, должен был быть сам не свой от счастья, ведь теперь у меня было все, чего я хотел. Но почему-то так не получалось. До несчастья с ним я понимал, почему мне плохо: он летит, а я — нет. Потом я чувствовал себя виноватым — я получаю то, чего хотел он, из-за случившейся с ним беды. Не очень было подходящее время для счастья, когда Пэт стал калекой — особенно когда его увечье принесло мне то, чего я хотел.

Ну а теперь, когда он снова здоров, я должен быть счастлив.

Попадали вы когда-нибудь на вечеринку, где по идее вам должно быть страшно весело, но вдруг обнаруживается, что никакого веселья нет и в помине? Неизвестно почему, но только веселья нет как нет, и весь мир видится серым и безвкусным?

Некоторые из причин своего угнетенного состояния я понимал. Во-первых, Дасти, но с ним разобрались. Потом с разными прочими, особенно со связистами, стоявшими вахты вместе с нами, которые называли нас «психами» и другими малоприятными словами. Они к тому же и вели себя с нами так, словно мы и вправду психи. Но Капитан и с этим решительно покончил, а когда мы получше познакомились с командой, люди и вообще позабыли все эти глупости. Жанет Меерс, релятивистка, была мгновенным вычислителем, но все воспринимали эту ее способность как что-то само собой разумеющееся. Через некоторое время само собой разумеющимся стало и то, что делали телепаты.

Когда мы вышли из области радиосвязи с Землей, Капитан вывел нас из подчинения командора Фрика и организовал в особое подразделение. Возглавлял его

дядя Мак Нейл, а Руперт Хауптман стал его помощником; это означало, что Руп следил за вахтенным расписанием, а дядя Альф заведовал нашим питанием и более-менее присматривал за тем, как мы себя ведем. Все мы очень любили Дядю, так что старались не доставлять ему большого беспокойства; если же кто из нас и срывался, вид у Дяди становился такой несчастный, что остальная наша компания быстро ставила провинившегося на место. И это срабатывало.

Думаю, Капитан сделал так по совету Доктора Деверо. Никуда не денешься, командору Фрику мы очень не нравились. Быть радиоинженером, всю свою жизнь работать со все более и более совершенным коммуникационным оборудованием, а потом появляются какие-то люди и делают все лучше, быстрее и вообще без оборудования. Трудно его винить, мне на его месте тоже было бы как-то не по себе. С дядей Альфом нам было лучше.

Пожалуй, мое худое настроение было отчасти связано с «Васко да Гама». Хуже всего в космосе то, что там абсолютно ничего не происходит. По этой причине самым большим событием дня была наша утренняя газета. Весь день вахтенные телепаты записывали земные новости (конечно, когда не были заняты приемом и передачей сообщений, но это занимало немного времени). Информационные агентства оказывали нам свои услуги бесплатно, Даста добавлял сюда еще и картинки, передаваемые его братом Расти. Связист, несущий ночную вахту, все это редактировал, а телепат и связист ранней утренней вахты печатали газету; к завтраку она была в столовой. Объем газеты ограничивался только тем, сколько материала могут подготовить столь немногочисленные «газетчики». Кроме новостей из Солнечной системы, у нас были также и корабельные новости, не только с нашего «Л. К.», но и с одиннадцати других кораблей. У всех (кроме меня) были знакомые на других кораблях. Или они встречались в Цюрихе или, как старые космонавты вроде Капитана и многих других, были уже давно знакомы со своими коллегами.

Новости с кораблей обычно относились к повседневной жизни, но нам они были интереснее новостей

с Земли; корабли нашего флота были нам как-то ближе, хотя находились они в миллиардах миль от нас и с каждой секундой — все дальше и дальше. Когда Рэй Гилберти и Сумира Ватанабе поженились на борту «Лейфа Эриксона», радостное событие это отмечалось на всех кораблях. Когда на «Пинте» родился ребенок и нашего Капитана избрали крестным отцом, мы были горды.

Каз Уорнер связывал нас с «Васко да Гама», а мисс Гамма Фэтни — с «Марко Поло» и «Санта Марией» через своих близнецов мисс Альфу и мисс Бету, но новости мы получали со всех кораблей, по эстафете. Корабельные новости никогда не сокращались, даже если для этого приходилось сильно урезать земные. Мамочка О'Тул уже жаловалась, что если газета станет еще больше, придется или выдавать чистые простыни и наволочки только раз в неделю, или приказать, чтобы техники организовали ей еще одну прачечную для того, чтобы стирать старые газеты. Как бы там ни было, пока что экологический отдел всегда имел наготове чистую, отглаженную бумагу для каждого нового номера.

Мы даже иногда делали дополнительные выпуски, например, когда Люсиль ля Вон получила титул «Мисс Солнечная система» и Дасти изготовил такое отличное ее изображение, что можно было поклясться — это фотография. Из-за этого мы лишились некоторого количества бумаги; многие припиливали эту иллюстрацию у себя на стенках вместо того, чтобы вернуть на переработку — я и сам так сделал. Я даже получил на свою автограф у Дасти. Моя просьба крайне его удивила, но все равно доставила ему удовольствие, хотя говорил он об этом пренебрежительно. Художник имеет право на признание, даже если он мелкий вредный паразит, вроде Дасти.

Я все это к тому, что «Л. К. Таймс» были кульминационным событием каждого нашего дня, а корабельные новости были их самой важной частью.

Той ночью я не стоял на вахте, но все равно к завтраку опоздал. Когда я вбежал в столовую, все, как обычно, читали «Таймс», но, в отличие от обычного,

никто не ел. Плюхнувшись между Ваном и Пруденс, я спросил:

— В чем дело? Чего они все?

Пру, не отвечая, протянула мне «Таймс».

Первая страница была в черной рамке. По верху ее огромными буквами шло: «ПРОПАЛ „ВАСКО ДА ГАМА“».

Я не поверил. «Васка» направлялся к Альфа Центавра, но ему было еще лететь и лететь, года четыре по земному времени. Он еще не дошел и до скорости света. Там, где он находился, вообще ничего не могло произойти. Наверное, это какая-то ошибка.

Я перевернул лист, чтобы прочитать подробности — на второй странице. Там, в рамке, было сообщение с «Санта Марии»: «(Официальное) Сегодня в 0334 по Гринвичу МЗК „Васка да Гама“ (Ф.Д.П. 172) прекратил выходить на связь. В этот момент действовали две специальные линии связи, одна с Землей, одна с „Магелланом“. В обоих случаях связь прекратилась без предупреждения, посреди сообщений, в один и тот же момент приведенного времени. Корабль был укомплектован одиннадцатью специальными связистами. Связаться с кем-либо из них не оказалось возможным. Поэтому приходится считать, что корабль погиб со всем экипажем».

Сообщение Ф.Д.П. констатировало только, что контакт с кораблем утрачен. Было еще заявление нашего Капитана и заметка подлиннее, включавшая в себя комментарии, полученные с других кораблей. Я прочитал все это, но главное содержалось в заголовке: «Васко» пропал, он ушел туда, куда уходят все корабли, не возвращающиеся на Землю.

Тут до меня вдруг дошло, и я поднял глаза. Место Каза Уорнера было пусто. Дядя Альф поймал мой взгляд и тихо сказал:

— Он уже знает, Том. Капитан разбудил его и сказал, как только это случилось. Одно хорошо, что он не был связан в этот момент с братом.

Я не был уверен, что здесь дядя Альф прав. Если бы так случилось с Пэтом, я хотел бы быть с ним в последний момент, ведь хотел бы? Пожалуй, размышлял я, хотел бы. И, во всяком случае, я был уверен,

что сам-то Дядя хотел бы держать за руку свою Лапочку, если бы что вдруг случилось и она уходила туда, откуда не возвращаются, раньше него. А Каз и его брат Калеб были очень близки, это я знал.

В тот же день, позднее, у нас была заупокойная служба во главе с Капитаном. Дядя Альфред прочел короткую проповедь, а мы все вместе пропели «Молитву за Путешествующих». С этого момента мы притворялись, что и не было такого корабля — «Васка да Гама». Притворялись.

Каз ушел с нашего стола, и мамочка О'Тул взяла его к себе ассистентом. Каз и его брат работали в отеле до того, как их завербовал Ф.Д.П., и Каз очень ей пригодился; поддерживать экологический баланс на корабле с двумя сотнями людей — работенка не из легких. Господи, да просто выращивание пищи для этих двухсот человек, не будь это даже связано еще и с поддержанием атмосферного баланса, — серьезное дело. Одно обслуживание гидропонных плантаций и дрожжевых культур занимало все рабочее время девяти человек.

Через несколько недель Каз уже взял на себя надзор за всеми хозяйственными делами корабля, и мамаша О'Тул смогла полностью посвятить свое время научным и техническим вопросам, только за камбузом она вполглаза продолжала присматривать.

Но вообще-то говоря, и «Васко да Гама» не должен был ввести меня в такую тоску. Во-первых, у меня там не было знакомых. Далее, если уж Каз справился с собой и вернулся к нормальной полезной жизни, чего же тогда я-то? Нет, скорее всего это произошло после моего дня рождения.

В нашей столовой были два календаря, вроде тех, какие висят в банках, а под каждым из них — большие электронные часы, управляемые из вычислительного центра. После старта и там и там было одно и то же Гринвичское время и одна и та же дата. Потом, по мере того, как мы ускорялись и скорость наша приближалась к световой, «проскальзывание» между «Л. К.» и Землей начало проявляться все заметнее, и часы расходились все больше и больше. Сперва мы это обсуждали, а потом просто перестали обращать внима-

ние на часы с земным временем. Что толку знать, что сейчас три часа ночи следующей пятницы по Гринвичу, если на корабле как раз обеденное время? Это вроде часовых поясов и линии перемены дат на Земле, — вообще-то не очень интересно. Я даже не обращал внимания на ворчание Пэта по поводу того, в какое странное время приходится иногда работать; сам-то я стоял вахты в любое время суток.

Поэтому для меня как гром среди ясного неба, прозвучал голос Пэта, когда он свистом разбудил меня посреди ночи и весело прокричал:

— С днем рождения!

— (Как? С чьим?)

— С твоим, придурок. Нашим. Чего это с тобой? Считать разучился?

— (Но ведь...)

— Да подожди ты. Сейчас как раз вносят пирог и все собираются петь «С днем рождения». Я спою вместе с ними, для тебя.

Пока они занимались этими делами, я натянул штаны и прошел в столовую. По корабельному времени была глубокая ночь, но одна лампочка там горела. При ее свете я рассмотрел часы и календари — так и есть, по Гринвичу был наш день рождения, а если гринвичское время пересчитать на наше, домашнее, там сейчас как раз обед.

Но это же не мой день рождения. Я живу по другому времени, это неправильно.

— Задул все с одного раза, — счастливым голосом объявил Пэт. — Теперь-то уж мы обязательно продержимся еще год. Мама спрашивает, испекли ли тебе пирог?

— (Скажи ей, что да.) — Ничего, конечно, не пекли, но я был не в настроении объяснять, что и почему. Мама легко начинает нервничать, даже если ей не объясняешь Эйнштейновскую концепцию времени. А вот Пэт мог бы и сам понять.

Родители подарили Пэту новые часы. Кроме того, как он мне сообщил, была еще коробка конфет, подписанная на мое имя — я разрешаю открыть ее и пустить по кругу? — (Валяйте.) — Я уж и не знал, то ли быть благодарным, то ли обидеться за «подарок»,

которого я не могу ни потрогать, ни увидеть. Чуть позднее я сказал Пэту, что мне надо спать и, пожалуйста, скажи всем «спокойной ночи» и «спасибо» от меня. Но спать я не стал, я просто лежал, пока в коридорах корабля не зажглись огни.

Через неделю на нашем столе был для меня праздничный пирог, все спели мне «С днем рождения» и надарили — с самыми наилучшими намерениями — уйму совершенно бесполезных подарков — много ли можно подарить человеку на борту корабля, когда все вы питаетесь в одной столовой и все, что вам нужно, берете с одних и тех же складов. Я встал и сказал всем спасибо, потом кто-то заорал «Речь», а потом я танцевал с девушками. И все-таки я не чувствовал радости от своего дня рождения, потому что тогда, несколько дней назад, у меня уже был день рождения.

На следующий, кажется, день дядя Стив зашел ко мне в каюту.

— Где это Вы скрываетесь, юноша?

— Чего? Нигде.

— Вот и я так думаю. — Он расположился на моем стуле, а я снова уселся на койку. — Как только я ни начну тебя высматривать, тебя всегда нигде нет. Ты же не все свое время стоишь вахты и работаешь. Так где же ты?

Я не ответил. Где, где. Там, где я чаще всего бываю, на койке, разглядывая потолок. Дядя Стив продолжал:

— Я уже давно понял, что, если кто-нибудь на борту корабля приобретает привычку забиваться в угол, не надо ему мешать. Одно из двух: или он справляется с этим сам, или он в один прекрасный день выйдет через шлюз наружу, не заботясь о таких «мелочах», как скафандр. Как бы там ни было, он не хочет, чтобы его трогали. Но ты — сын моей сетренки, я за тебя отвечаю. В чем дело? По вечерам ты никогда не появляешься там, где остальные развлекаются, физиономия у тебя вытянулась, смотреть тоскливо. В чем дело?

— У меня все в порядке. — со злостью крикнул я.

Дядя Стив презрительно выругался.

— Да ты колись, парень. Ты совсем изменился с того времени, как пропал «Васко». Из-за этого? Нер-

вишки сдают? Если так, то у Доктора Деверо есть уйма синтетической отваги. В таблетках. Совсем не обязательно, чтобы кто-нибудь знал, что ты их глотаешь — и стыдиться тут нечего, у любого нервы могут сдать. Не хочу даже и рассказывать тебе, в какой отвратительной форме это было у меня, когда я первый раз попал в заварушку.

— Нет, не думаю, что это страх. — Про себя я подумал, а может и вправду? — Дядя Стив, а что случилось с «Васко»?

Он пожал плечами.

— То ли факел сорвался, то ли врезались во что-нибудь.

— Но ведь факел не может сорваться... ведь правда, не может? А врезаться там не во что.

— Верно. И то и другое. Ну а если факел сорвался? В крохотную долю секунды корабль вспыхнет, как этакая маленькая пова. Легче способа умереть и не придумаешь. Что касается второго, то все произойдет почти так же быстро, не успеешь и заметить. Ты задумывался когда-нибудь, сколько кинетической энергии мы набрали в эту посудину при такой скорости? Док Бэбкок говорил, что когда мы достигнем скорости света, то станем просто-напросто, если смотреть снаружи, плоским волновым фронтом, хотя внутри будем весело и жизнерадостно есть картошку, ничего такого не ощущая.

— Только скорости этой мы никогда не достигнем.

— Доктор тоже подчеркивал это. Мне надо было сказать «если». Так тебя это беспокоит? Боишься, что летим-летим, а потом — ТРАХ! Как «Васко»? Если ты этого боишься, то подумай о том, что почти все способы умереть в своей постели хуже. Особенно если ты будешь настолько дураком, что умрешь от старости. Я лично надеюсь этого избежать.

Мы поговорили еще, но ни до чего не договорились. На прощание он пригрозил, что будет вытаскивать меня из каюты, если я буду проводить там слишком много времени. Думаю, дядя Стив пожаловался на меня Доктору Деверо, хотя оба они яростно это отрицали.

Как бы там ни было, назавтра Доктор Деверо остановил меня, отвел к себе в каюту, усадил и начал со мной беседовать. Каютка у него была большая, удобная и неряшливая; он никогда никого не принимал в лазарете.

Тут я сразу заинтересовался, чем обязан.

Доктор с невинным видом широко раскрыл свои лягушачьи глазки.

— Да просто встретил тебя, Том. — Он приподнял со стола пачку перфокарт. — Видишь? Вот со сколькими я беседовал на этой неделе. Надо же делать вид, что я честно отрабатываю свою зарплату.

— Ну, на меня не стоит зря тратить время. У меня все отлично.

— Да я же просто обожаю зря тратить время. Знаешь, психология — отличное занятие. Не надо, подобно хирургу, драить свои руки мылом и пемзой, не надо заглядывать в чьи-то грязные глотки, сиди себе да притворяйся, что слушаешь, как тебе рассказывают, что, дескать, будучи маленьким мальчиком, я не любил играть с другими маленькими мальчиками. А теперь поговори со мной немного. Расскажи мне все, что угодно, что тебе хочется рассказать, а я пока подремлю малость. Если ты будешь говорить достаточно долго, я сумею отдохнуть после покера, за которым провел эту ночь, и в то же время выполню дневную норму работы.

Я старался и говорить, и ничего не рассказывать при этом. Пока я усердствовал, меня окликнул Пэт. Я сказал ему позвонить потом, я занят. Доктор Деверо следил за моим лицом и неожиданно спросил:

— О чем это ты думал?

Я объяснил ему, что это не спешно, просто брат хотел со мной поговорить.

— Хм... Том, расскажи мне немного о своем брате. У меня как-то все не было в Цюрихе времени познакомиться с ним.

И не успел я опомниться, как оказалось, что я наговорил Доктору уйму всего про нас с Пэтом. Почему-то рассказывать ему было очень легко. Два раза мне уже казалось, что он заснул, но как только я замолкал, Доктор просыпался, что-нибудь спрашивал, и все начиналось сначала.

В конце концов он сказал:

— Знаешь, Том, идентичные близнецы исключительно интересны для психолога — уж не будем говорить про генетиков, социологов и биохимиков. В начале, когда вы происходите из одной и той же яйцеклетки, вы настолько одинаковы, насколько это вообще возможно для биологических структур. А потом вы становитесь двумя разными личностями. Появляются ли эти различия в результате воздействия среды? Или тут действует еще какой-нибудь фактор?

Я немного поразмыслил:

— Вы хотите сказать «душа», доктор?

— Ммм... спроси меня лучше в ту пятницу. У людей бывают иногда собственные, очень личные взгляды, сильно отличающиеся от их научных, принародных мнений. Ладно. Дело в том, что вы, близнецы-телепаты, — очень интересные объекты. Я сильно подозреваю, что сопутствующие результаты проекта Лебенсраум будут, как и обычно, значительно существеннее планируемых результатов.

— Какие результаты? Простите, я не расслышал.

— Что? Сопутствующие. Когда идешь накопать червей и натыкаешься на золото. В науке происходит сплошь и рядом. Именно поэтому «бесполезная» чистая наука значительно полезнее «практичной». Но поговорим лучше о тебе. Я не могу помочь тебе справиться с твоими проблемами — ты должен сделать это сам. Но давай попритворяемся немного, что я все-таки могу, надо же чем-то оправдывать деньги, которые мне платят. Так вот, два обстоятельства очевидны абсолютно: первое, что ты не любишь своего брата.

Я начал было протестовать, но он только отмахнулся.

— Ты слушай меня. Почему ты так уверен, что я не прав? Ответ: потому, что тебе с самого рождения твердили, что ты его любишь. Братья и сестры всегда «любят» друг друга, это одна из основ цивилизации, подобно любви к родителям и родному дому. И люди обычно верят тому, что им вдалбливают очень часто с ранних лет. Пожалуй, очень хорошо, что они верят в эту братскую любовь, ведь у братьев и сестер зачастую гораздо больше причин и удобных случаев ненавидеть друг друга, чем у кого-либо другого.

— Но я же и вправду люблю Пэта. Просто...

— «Просто» что? — мягко, но настойчиво спросил он, когда я запнулся.

Я не отвечал и он продолжал:

— Просто у тебя есть все причины не любить его. Он задирает тебя, он командовал тобой, он хватал все, что захочет. Если у него не получалось это напрямую, он использовал вашу мать, чтобы она поработала над отцом и в результате все вышло по его желанию. Он получил даже девушку, с которой ты хотел встречаться сам. Так чего же тебе его любить? Если бы этот парень вообще не был твоим братом, родственником, — не то что близнецом — любил бы ты его за все это? А может, ты бы его ненавидел?

Мне это как-то не очень понравилось.

— Пожалуй, Доктор, я не совсем справедлив по отношению к нему. Не думаю, чтобы Пэт понимал, что все выхватывает у меня из-под носа; и уж совершенно я уверен в том, что у наших родителей не было любимчиков. Может быть, я просто слишком себя жалею.

— Может быть и так. Может быть, во всем твоём рассказе нет ни слова правды, а ты органически не способен быть справедливым, где это касается тебя самого. Но самое главное то, как ты сам это воспринимаешь. И ты конечно же не любил бы такого человека, разве только он твой брат-близнец, и ты, конечно же, обязан его «любить». В тебе борются две силы, и поэтому внутреннее твоё беспокойство не прекратится, пока ты не решишь, какая из них ложная, и не изгонишь её. Ну, а это уж твоё личное дело.

— Но... да какого черта, Доктор, я же точно люблю Пэта.

— Любишь? В таком случае лучше выкинь куда-нибудь свою мысль, что все эти годы он всегда отхватывал лучший кусок. Только я сомневаюсь, что ты его и вправду любишь. Ты привязан к нему, как все мы привязываемся к привычным нам вещам, старым ботинкам, старым трубкам, даже знакомый нам черт лучше незнакомого. Ты к нему лоялен. Он тебе необходим, и ты ему тоже. Но «любить» его? Это кажется крайне сомнительным. С другой стороны, если ты хо-

рошенько осознаешь своей головой, что нет никакой необходимости «любить» его, что необязательно даже, чтобы он тебе «нравился», тогда, возможно, он начнет тебе немного нравиться таким, какой он есть. Ты станешь к нему терпимее, хотя я очень сомневаюсь, что Пэт когда-нибудь тебе сильно понравится. Он довольно несимпатичный парень.

— Вот это неправда. Его всегда все любили.

— Только не я. Ммм... Том, я тебя немного обманул. Я совсем не так плохо знаком с твоим братом. По правде говоря, оба вы не слишком симпатичны и очень похожи друг на друга. Ты только не обижайся, я терпеть не могу симпатичных людей, ото всей этой «простоты и приятности» меня просто тошнит. Мне нравятся упрямые, малосимпатичные люди, в которых чувствуется этакая твердая сердцевина заботы о своих интересах — очень для меня удачно, имея в виду мою профессию. Ты и твой братец примерно в равной степени эгоистичны, только у него этот эгоизм удачнее осуществляется на практике. И кстати. Вот он-то тебя любит.

— Что?

— Ничего. Любит, как собачку, всегда прибегающую, если ее позвать. У него к тебе покровительственное отношение, пока это не вступает в противоречие с его собственными интересами. Но в то же время он тебя слегка презирует, считает слабаком, а по его варианту Писания кроткие не наследуют землю, это доля парней вроде него.

Я кое-как переварил все услышанное и начал выходить из себя. Я и сам не сомневался, что Пэт относится ко мне именно так — покровительствует и старается, чтобы мне достался кусок пирога, если, конечно же, ему достанется больший.

— И еще одно очевидно, — продолжал Доктор Деверо. — Что ни ты, ни твой брат не хотели лететь в эту экспедицию.

Ну уж это-то было настолько неверно и несправедливо, что у меня прямо дар речи пропал от удивления и возмущения. Доктор Деверо взглянул на меня.

— Да? Ты собирался что-то сказать?

— Послушайте, доктор, это самая большая глупость, какую я когда-нибудь в жизни слышал. Единственный настоящий раздор между Пэтом и мной и был как раз из-за того, что хотели мы оба, а мог только один.

Доктор покачал головой.

— Ты все перепутал. Оба вы хотели остаться, но мог только один. Ну и твой брат, как это у него принято, выиграл.

— Да нет, не выиграл... то есть да, выиграл, выиграл шанс лететь, а не наоборот. И он полетел бы, только вот этот несчастный случай.

— Да, да, этот несчастный случай, конечно. — Доктор Деверо так долго сидел неподвижно, свесив голову и сцепив руки на животе, что я опять подумал, что он заснул. — Том, я сейчас расскажу тебе то, что тебя совсем не касается. Думаю, тебе все-таки полезно будет знать. Я бы хотел, чтобы ты никогда не обсуждал это с братом. Если ты меня все-таки не слушаешься, я выставлю тебя полным лжецом. Ты понимаешь?

— Вы тогда лучше мне ничего не рассказывайте, — угрюмо ответил я.

— А ты помолчи и слушай, когда тебе говорят. — Он взял со стола папку. — Здесь у меня доклад об операции, сделанной твоему брату, написанный тем жаргоном, который мы, врачи, используем для замутнения мозгов пациентов. Ты бы в этом ровно ничего не понял, да к тому же и послан этот доклад был кружным путем, через «Санта Марию» и в зашифрованном виде. Так хочешь узнать, что они обнаружили, вскрыв твоего брата?

— Да не особенно.

— Не было ни малейших повреждений позвоночника.

— Что? Вы что, хотите мне сказать, что он симулировал и ноги у него не отнялись? Уж в это-то я не поверю.

— Потиху, потиху. Ничего он не симулировал. Ноги у него действительно были парализованы. Он никак не сумел бы настолько хорошо симулировать паралич, чтобы обмануть невропатолога. Да я и сам его осматривал; твой брат был парализован. Но не в результате повреждения позвоночника — о чем я знал, а также знали и те хирурги, которые его оперировали.

— Но... — Я в растерянности потряс головой. — Наверное, я совсем дурак.

— Не только ты, все мы вместе взятые. Том, человеческий мозг — не какая-то там простая машинка, он крайне сложен. Сверху, на поверхности, сознание с его идеями и желаниями; что-то из этого — настоящее, что-то наложено пропагандой, обучением, необходимостью производить хорошее впечатление, быть достаточно привлекательным в глазах других людей. Внизу, в глубине, подсознание слепое и глухое, глупое и хитрое. И у него — чаще всего — совсем другой набор желаний и совершенно другие мотивации. Оно хочет, чтобы все было по его желанию, а если не получается того, что хочет, устраивает скандал, пока его не послушаются. Весь фокус легкой жизни состоит в том, чтобы выяснить, чего же в действительности хочет твое подсознание, и дать ему это желаемое по самой дешевой возможной цене, прежде чем оно, чтобы добиться своего, сделает тебя эмоциональным банкротом. Том, ты знаешь, кто такой психотик?

— Ну, ненормальный...

— «Ненормальный» — это слово, от которого мы стараемся избавиться. Психотик — это несчастный тип, которому пришлось продать свою лавку и нагишом пойти по миру, чтобы удовлетворить желания своего подсознания. Моя работа состоит в том, чтобы помочь людям заключать такие договоры с подсознанием, которые не погубят их, это похоже на работу адвоката. Мы никогда не пытаемся заставить людей избежать этих соглашений, просто стараемся обеспечить как можно лучшие условия.

— Так что я говорю: твой брат сумел заключить соглашение со своим подсознанием на вполне приличных условиях, просто великолепных, если учесть, что он сделал это безо всякой профессиональной помощи. Сознательная часть его мозга подписала контракт, а подсознание прямо, безо всяких экивоков заявило, что он не должен его выполнять. Получился конфликт столь глубокий, что многие, попав в такое положение, кончили бы очень плохо. Многие, но только не твой братец. Подсознание решило, что ему надо попасть в несчастный случай, который может привести к пара-

личу. Может привести и, конечно же, привел — к настоящему параличу, я хочу подчеркнуть, а не к какой-то там симуляции. И вот теперь твой брат вполне достойным образом освободился от обязательства, выполнить которое он был не в состоянии. Потом, когда он уже точно не попал в эту экспедицию, ему сделали операцию. Вся она состояла в том, что ему исправили небольшие повреждения каких-то костей. Но при этом его заставили думать, что паралич исчезнет — и он, конечно, исчез. — Деверо пожал плечами.

Я думал об этом, думал, пока голова кругом не пошла. Все эти штуки насчет сознания и подсознания я проходил, и зачет даже сдавал, но не особенно в них верил. Доктор Деверо может разводить все свое красноречие хоть до посинения, но никуда не денешься от простого факта, что мы хотели лететь, и Пэт остался только потому, что покалечился при несчастном случае. Ладно, может это был истерический паралич, может он перепугал сам себя и начал думать, что у него повреждение серьезнее, чем в действительности, но это все равно ничего не меняет.

Только Доктор Деверо говорил так, словно несчастный случай и не был несчастным случаем. А что на это можно сказать? Если даже правда, что у Пэта совсем душа в пятки ушла, а показать это мешала гордость — все равно никогда не поверю, что он нарочно свалился со склона.

И уж в одном-то доктор ошибался точно: я лично хотел лететь. Может, я и побаивался немного, а что сначала очень скучал по дому — так это совершенно точно, но что из того? Это же вполне естественно.

— А чего же ты тогда все время как в воду опущенный?

Это не Пэт говорил со мной; это я сам с собой говорил. Возможно, это мое подсознание заговорило для разнообразия вслух.

— Доктор?

— Да, Том.

— Вы говорите, что в действительности я не хотел лететь?

— Очень похоже.

— Но вы же сами сказали, что подсознание всегда выигрывает. Уж или одно, или другое.

Доктор вздохнул.

— Я сказал не совсем так. Ты попал в это дело слишком быстро. Подсознание — оно глупое и, зачастую, медлительное. твоему просто не хватило времени придумать что-нибудь такое же удобное, как падение на лыжах, но вот в упрямстве ему не откажешь. Оно требует, чтобы ты шел домой, а ты просто не можешь этого сделать. А оно, по глупости своей, не желает слушать никаких резонов. Оно просто ноет и ноет, чтобы ты взял да и выложил ему невозможное, вроде того, как ребенок с ревом требует подать ему Луну.

Я пожал плечами.

— Вас послушать, так я нахожусь в жутком состоянии.

— Ну вот, теперь у тебя такая физиономия, что молоку впору скиснуть. Умственная гигиена — это процесс исправления того, что исправлению поддается, и адаптации к неизбежному. У тебя есть три возможности.

— Не думал, что они у меня вообще есть.

— Три. Ты можешь продолжать входить в штопор, пока мозг твой не состряпает какую-нибудь фантазию, приемлемую для подсознания; это будет психотическая адаптация или, говоря обыденным языком, сумасшествие. Или же ты можешь жить себе потихоньку в таком примерно состоянии, как сейчас, несчастный и довольно бесполезный для остальной команды; при этом всегда будет опасность, что ты сорвешься. Третий вариант — ты можешь покопаться в своем мозгу, познакомиться с ним получше, узнать, чего же он в действительности хочет, объяснить ему, что это невозможно и почему это невозможно, а затем найти с ним какой-то компромисс на основе того, что возможно. Если у тебя достаточно духа и здравого смысла, именно так ты и попробуешь сделать. Конечно, это нелегко. — Он ждал и смотрел на меня.

— Наверное, мне и вправду лучше попробовать. А что надо для этого делать?

— Уж во всяком случае не сидеть сутками в своей каюте, думая о том, что могло бы быть.

— Мой дядя Стив — то есть майор Лукас, — медленно произнес я, — говорил мне, что я не должен так жить. Он хочет, чтобы я ходил туда-сюда, общался с людьми. Наверное, и вправду, надо.

— Конечно, конечно. Только этого недостаточно. Ты не сможешь вытащить себя из той ямы, в которую попал, просто изображая из себя душу общества. Тебе необходимо познакомиться с самим собой.

— Да, сэр. Только таким образом?

— Чтобы ты каждый вечер рассказывал мне о себе, а я тем временем держал тебя за ручку — этого мы, пожалуй, не сможем. Ммм... я бы предложил, чтобы ты попробовал написать на бумаге, кто ты есть такой, где ты был и каким образом попал оттуда сюда. Ты только старайся делать это поподробнее и тогда, вполне возможно, сам начнешь понимать не только «как», но и «почему». Старайся, и тогда ты сможешь узнать, кто ты такой, чего ты хочешь и что из желаемого можешь получить. — Видимо, лицо мое выражало полное изумление, так как он добавил: — Ты ведешь дневник?

— Иногда. Последний у меня с собой.

— Вот и используй его как образец. Пусть это будет «Жизнь и похождения Т. П. Бартлета, джентльмена». Пиши подробно и старайся писать правду — всю правду.

Я обдумал предложение Доктора. Есть некоторые вещи, которые не хочется рассказывать никому.

— Я так понимаю, что Вы хотите его читать?

— Я? Боже упаси и помилуй. Мне и так некогда отдохнуть, даже не читая любительскую прозу двух сотен малость свихнутых. Это — для тебя самого, сынок, ты будешь писать самому себе; только пиши это так, словно ты совсем ничего не знаешь про себя и тебе приходится все объяснять. Пиши это так, словно ты собираешься лишиться памяти и хочешь быть уверенным, что потом, прочитав все это, ты сможешь снова прийти в себя. Пиши все. — Он нахмурился и добавил сварливым тоном: — Если тебе покажется, что ты наткнулся на нечто важное, и захочется выслушать мнение постороннего человека — я, пожалуй, найду немного времени, чтобы почитать твой опус, ну хотя бы часть его. Но не обещаю. Ты просто пиши его для себя — для того себя, у которого пропала память.

Я пообещал ему, что попробую. И попробовал. Я бы не сказал, чтобы это как-то мне помогло (от апатии своей я так и не избавился), и у меня просто не было достаточного количества времени, чтобы писать так подробно, как он мне сказал. Надо поскорее писать последнюю часть, ведь сейчас у меня первый свободный вечер за последний месяц.

Удивительно, все-таки, как много можно вспомнить, если постараться.

ГЛАВА 10

Отношения

На «Л.К.» много нового. Начать хоть с того, что мы уже перевалили через бугор и летим задом наперед, замедляясь с той же скоростью, с какой прежде ускорялись; мы доберемся до Тау Кита месяцев через шесть корабельного времени.

Но я забегаю вперед. Прошло около года по к-времени, как я начал вести записи, и около двенадцати лет земного времени с тех пор, как мы стартовали. Но куда нам это з-время, оно ничего не значит. Мы на корабле тридцать месяцев к-времени, за этот период произошло много всякого. Пэт женился — но нет, это произошло не на корабле и начинать надо не с этого.

Пожалуй, начать можно с другой свадьбы, когда Чет Треверс женился на Мей-Лин Джоунс. Это событие вызвало всеобщее одобрение, исключением был только один из техников, который сам положил на нее глаз. По такому случаю мы, психи, и связисты закопали топор войны — ведь один из них женился на одной из нас. Особенно очевидным было примирение тогда, когда командор Фрик ввел невесту в нашу столовую с видом таким торжественным и гордым, словно это его собственная дочь. Хорошая получилась пара; Чет у нет еще тридцати, а Мей-Лин, как мне кажется, по крайней мере двадцать два.

Но дополнительным результатом этого события стало изменение вахтенного расписания, и Рут поставил меня в пару с Пруденс Мэтьюз.

Пру мне всегда нравилась, хотя я и не обращал на нее особого внимания. С одного раза было даже и не разобрать, что она же — хорошенькая. Но она всегда так на тебя глядела, что ты начинал ощущать себя важной персоной. До того времени, как я начал дежурство вместе с ней, я практически не интересовался девушками, наверное, я «хранил верность Модии». Но ко времени наших с ней вахт я уже начал писать по заказу Доктора Деверо эту исповедь; как-то так получается, что, описав факт на бумаге, лучше ощущаешь его бесповоротность. И я себе сказал: «А что, собственно? Том, Старина, Модии совершенно определенно навсегда ушла из твоей жизни, словно один из вас умер. А жизнь все равно продолжается, продолжается прямо здесь, в этой консервной банке».

Никаких особенно решительных поступков я совершать не стал, я просто получал удовольствие от общения с Пру, большое удовольствие.

Я где-то слышал, что, взяв на борт ковчега животных парами, Ной разделил их — одних на правый борт, других на левый. На «Л. К.» такого не было. Чет и Мей-Лин нашли-таки возможность познакомиться достаточно близко для того, чтобы захотелось перевести это знакомство на постоянную основу. Чуть меньше половины экипажа составляли женатые пары. Перед нами, остальными, не было никаких препятствий, если нам что-то подобное приходило в голову.

Но как-то уж так получалось, что присматривали за нами строже, чем это бывало дома, хотя явным и открытым этот присмотр не был. Он не производил впечатления специально организованного, но все-таки он был. Если кто-то слишком уж долго прощался в коридоре после того, как освещение притушено на ночь, всегда почему-то получалось, что мимо прошаркивал ногами дядя Альфред. Или мамочка О'Тул шла сделать себе чашку шоколада, «чтобы лучше уснуть».

А то мог пройти даже сам Капитан. Мне начинало казаться, что, если дело касается происходящего на корабле, у него и на затылке есть глаза. А уж у мамочки О'Тул они точно были. Или, может быть, Дядя был как раз одним из тех гипотетических телепатов широкого спектра, но, будучи человеком очень

умным и не желая нас смущать, он в этом никому не признавался.

Или мы были уж так подробно проанализированы на этих самых перфокартах Доктора Деверо, что он всегда знал, так сказать, куда заяц прыгнет, и вовремя посылал своих собачек, чтобы они его отогнали. Я бы не стал исключать такую возможность.

Все это было очень ненавязчиво — как раз сколько надо, ничего излишнего. Никому не возбранялся поцелуй-другой, если уж очень хотелось попробовать, каков он на вкус; с другой стороны, у нас напрочь отсутствовали те скандалы, которые неизбежно возникают практически в любой общине. Я совершенно уверен, что у нас этих скандалов не было, на корабле такое не скроешь. И никто, похоже, даже внимания не обращал на то, как нас — ну, скажем, — пасли.

И уж конечно мы с Пру и в мыслях не имели сделать что-нибудь, заслуживающее порицания.

Но, как бы там ни было, мы занимали друг у друга все больше и больше времени как во время вахт, так и между ними. Я не относился к этому серьезно, я имею в виду намерение жениться, но к тому, что это становится для меня все более важным, я относился серьезно. Во взглядах, которые она на меня бросала, стало появляться уже что-то интимное и даже собственническое; иногда при передаче каких-нибудь бумажек наши руки соприкасались, и тогда между нами словно искры проскакивали.

Я стал оживленным, чувствовал себя великолепно, набрал четыре фунта и уж точно забыл скучать по дому.

У нас с Пру появилась привычка: в тех случаях, когда мы вместе шли с ночной вахты, устраивать налет на кладовую. Мамочка О'Тул не имела ничего против, она оставляла кладовку открытой, чтобы если кто хотел перехватить, мог это сделать — она говорила, что здесь наш дом, а не тюрьма. Мы с Пру делали себе бутерброды или изобретали какое-нибудь фантастическое съедобное месиво, ели и беседовали, пока не приходило время идти спать. О чем говорить, не имело значения, значение имело возникавшее теплое чувство.

Однажды ночью мы сдали вахту. Столовая была пуста; игроки в покер разошлись рано, никто даже не засиделся допоздна за шахматами. Мы с Пру зашли в кладовку и собирались поджарить сэндвичи с сыром, который изготавливали на корабле из дрожжевых культур. В кладовке было довольно тесно, и, поворачиваясь, чтобы включить маленький гриль, Пру слегка дотронулась до меня. Я ощутил запах ее волос и еще чего-то — то ли клевера, то ли фиалок. И тогда я ее обнял.

Пру не стала устраивать шума; сперва она замерла, потом расслабилась.

Девушки — очень приятные существа. У них совершенно отсутствуют кости, а температура по крайней мере на пять градусов выше, чем у нас, что бы там ни показывали термометры. Я наклонил лицо, она подняла свое, закрыла глаза, и все было чудесно. С полсекунды она целовала меня, и я знал, что ей это нравится не меньше, чем мне, а это — очень сильная оценка.

А потом она вдруг вырвалась от меня, словно какой-то борец, и прижалась спиной к стене напротив меня с видом крайнего разочарования на лице. Я — разумеется — был разочарован ничуть не меньше. Она не смотрела на меня, она смотрела в никуда и вроде прислушивалась. Я все понял, такое же выражение было у нее во время сеансов связи — только сейчас вид у нее был заодно еще и крайне несчастный.

Я спросил:

— Пру! В чем дело?

Она не ответила, а двинулась к выходу. Она сделала уже пару шагов по направлению к двери, когда я протянул руку и схватил ее за запястье.

— Ты что, рассердилась на меня?

Пру вывернулась, потом, похоже, до нее дошло, что я еще здесь.

— Прости, Том, — сказала она. — Моя сестра сердится.

Я в жизни не встречал Пэйшенс Мэтьюз, а теперь, пожалуй, и не хотел бы ее встретить.

— Что? Я всякие глупости слыхал, но чтобы...

— Ты не понравился моей сестре, Том, — ответила она таким уверенным голосом, словно это очевидным образом все объясняло. — Спокойной ночи.

— Но...

— Спокойной ночи.

За завтраком Пру была такой же очаровательной, как и всегда, вот только когда она передавала мне булочки, искры не прыгали. Я не удивился, когда Руп в тот же день поменял вахтенное расписание, и не стал спрашивать, зачем. Пру меня не избегала, она даже танцевала со мной иногда, но огонь потух, и ни один из нас не пытался разжечь его снова.

Через много времени я рассказал эту историю Вану. Сочувствия я не дождался.

— Думаешь, тебе первому палец дверью прищемило? Пру, она прелесть, ты уж поверь дедушке ван Хаутену. Но даже если сам сэр Галахад явится на белом скакуне, и он обязан будет получить одобрение Пэйшенс, прежде чем ему будет дозволено общаться с Пру. И — зуб даю — она скажет «нет». Сама-то Пру согласна, причем очень мило и слегка глуповато, но Пэйшенс не даст согласия ни на что более интимное, чем игра в ладушки.

Эта история не обозлила меня на девушек, даже на тех из них, которым посчастливилось иметь сестер-близнецов — телепатов, только теперь я уж стал наслаждаться обществом всех их вместе. Но какое-то время после этого случая я стал чаще видеть дядю Альфреда. Он любил играть в домино, а потом, когда мы кончали игру, говорить о своей Лапочке — и, конечно, с ней. Он, и я тоже, смотрели на ее большую фотографию, и мы втроем разговаривали, причем Дядя повторял ее слова мне, а мои — ей. Она и вправду была очень хорошим ребенком. Было очень интересно познакомиться с пятилетней девочкой, крайне забавно, о чем они думают.

Однажды вечером, когда я, глядя на ее фотографию, беседовал с ними, мне пришло вдруг в голову, что прошло много времени, и Лапочка изменилась — ведь в этом возрасте меняются очень быстро. И у меня появилась блестящая мысль.

— Дядя, а почему бы Лапочке не послать свою фотографию Расти Родсу? Потом тот передаст ее Дас-

ти, а тот уже нарисует тебе не хуже этой, только уже теперешнюю, ты увидишь, как она выглядит сейчас, понимаешь? Ну как, Лапочка, хорошая мысль?

— А этого не нужно.

Я глядел на эту фотографию, и глаза мои чуть не вывалились от удивления. На какой-то момент изображение изменилось. Конечно, это была та же самая девочка, но она вдруг стала старше, она стеснялась дырки в зубах и волосы у нее были зачесаны по-другому.

И она была живая. Не цветная стереофотография, а живая девочка. Разница очень большая.

Но я моргнул, и передо мною опять была та же самая фотография.

Я хрипло произнес:

— Дядя, кто это сказал «А этого не нужно»? Ты? Или Лапочка?

— Конечно, Лапочка. Я только повторил.

— Это конечно, но я же не слышал тебя, я слышал именно ее. — Потом я рассказал ему про фотографию.

Он кивнул.

— Да, так она сейчас и выглядит. Она просит передать тебе, что у нее режется зуб.

— Дядя, тут никуда не денешься. На секунду я незаконно подключился на вашу волну. — Меня немного трясло.

— Знаю. И Лапочка тоже знает. Только почему незаконно, сынок, мы всегда рады другу.

Я пытался переварить эту новость. Напрашивавшиеся выводы были даже более ошарашивающими, чем когда мы с Пэтом обнаружили свою способность.

— Слушай, Дядя, думаешь, у нас может получиться еще раз? Лапочка?

— Можно попробовать.

Но на этот раз ничего не вышло. Только я, похоже, слышал ее голос вместе с голосом Дяди, когда она сказала:

— Спокойной ночи, Томми. — Но я не был уверен.

Улегшись в постель, я рассказал все это Пэту. Когда я убедил его, что все это и вправду произошло, он заинтересовался.

— В этом, старик, стоит покопаться. Я, пожалуй, лучше запишу все это на пленку. Доктор Мэйбл обязательно захочет этим заняться.

— (Ты подожди, пока я спрошу разрешения у дяди Альфа.)

— Хорошо. Я думаю, это все его племянница, и каким-то непростым образом. Да, кстати о ней, может, мне с ней увидаться? Возможно, будет проще снова подключиться, если на каждом конце будут двое. Где живет его племянница?

— (Кажется, в Йоханнесбурге.)

— Ммм... Неблизко, но, если доктор Мэйбл проявит интерес, Ф.Д.П. обязательно пошлет меня туда.

— (Возможно, но дай я сначала поговорю с Дядей.)

Однако дядя Альф сперва побеседовал с Доктором Деверо. Они вызвали меня, и Доктор захотел, чтобы мы прямо тут же сделали еще одну попытку. Я никогда не видел раньше его таким взволнованным — насколько это вообще для него возможно. Я сказал:

— Можно, конечно, только я сильно сомневаюсь, что у нас что-нибудь получится. Прошлым вечером ведь не вышло. Думаю, тот раз был просто случайностью.

— Случайность, случайность. Получилось раз, значит может получиться снова. Надо только хорошенько подумать о создании подходящих условий. — Он глянул на меня. — Есть возражения против легкого гипноза?

— У меня? Да нет, сэр. Только я плохо поддаюсь гипнозу.

— Думаешь? Если верить твоему досье, доктор Арно сумела. Ты только притворись, что я — это она.

Я чуть не рассмеялся. Наверное, я больше похож на Клеопатру, чем он — на хорошенькую Арно. Но я согласился принять участие в опыте.

— Все, что нужно вам двоим, это легкий транс, чтобы убрать все отвлекающие обстоятельства и сделать вас более чувствительными.

Не знаю, что я должен был ощутить в «легком транс». Я не чувствовал ничего и не спал.

Однако, я снова услышал Лапочку.

Думаю, интерес Доктора Деверо был чисто научным; любой новый факт, связанный с человеческой психикой, мог вывести его из обычной апатии. Дядя Альф думал, что Доктору также очень хотелось установить новую телепатическую линию связи, так, на вся-

кий пожарный. В том, что сказал Дядя, звучал легкий намек, что сам он задумывался, долго ли он протянет.

Но был еще один намек, более серьезный. Дядя Альф со всей деликатностью дал мне понять, что если уже дело дойдет до этого, хорошо знать, что есть кто-то, кому он доверяет и кто может присмотреть за его девочкой. Он, конечно, не сказал этого прямо, в лоб, так что мне не пришлось отвечать, а то я, пожалуй, поперхнулся бы от смущения. Он просто дал мне понять — и это был наилучший комплимент, какого я только в жизни удостоивался. Я не был так уж уверен, что заслуживаю такого доверия, и поэтому решил, что обязан заслужить его, если уж дойдет до дела.

Теперь я мог, конечно, «говорить» с дядей Альфом, также как и с Лапочкой. Однако делать это без необходимости было все равно что навязываться, так что я пользовался новой возможностью только при наших беседах втроем. И я никогда сам не связывался с Лапочкой, только во время пары экспериментов, проведенных по просьбе Доктора Деверо для того, чтобы твердо установить, что я могу это сделать без помощи Дяди. Для этого потребовалось снотворное, из обычного сна Дядя сразу выходил, если кто-нибудь «кричал» на этой волне. Но потом я ее оставил в покое, не мое это было дело — залезать в мозг маленькой девочки, разве что она сама была к этому готова и хотела пообщаться.

А вскоре после этого Пэт женился.

ГЛАВА 11

Проскальзывание

Все время этого первого ускоренного участка пути, после того как Доктор Деверо подержал меня за руку, мои отношения с Пэтом становились лучше и лучше. После того, как я сумел понять, что ненавижу и презираю Пэта, вдруг почему-то оказалось, что ни ненависти этой, ни презрения уже нет. Я излечил его от ужасной привычки без нужды меня беспокоить — для этого я сам занялся тем же самым. Будильник, скажем, он мог заглушить, а меня — не мог. После этого

мы разработали живи-и-дай-жить-другому соглашение, и все пошло значительно лучше. Через какое-то время я заметил, что с нетерпением жду очередной связи с ним и понял, что он мне нравится. Не «снова», а «наконец-то», ведь я никогда не испытывал к нему таких, как теперь, теплых чувств.

Однако в то же самое время, как мы все больше сближались, мы все более и расходились: в дело вмешалось «проскальзывание». Как видно любому из релятивистских уравнений, связь не является линейной; это самое проскальзывание сперва почти незаметно, но с приближением к скорости света оно нарастает, как бешеное.

При трех четвертях скорости света Пэт начал жаловаться, что я растягиваю слова; мне же казалось, что это он тараторит. При девяти десятых отношение было близко к двум, но мы уже разобрались, в чем тут дело: я стал говорить побыстрее, а он помедленнее.

При 99 % скорости света отношение перевалило за семь, и мы едва могли понять друг друга. Чуть позднее мы вообще утратили контакт.

Эта неприятность была у всех. Разумеется, телепатия мгновенна. Во всяком случае триллионы миль, бывшие между нами, не приводили к какому-либо запаздыванию, ну хотя бы к тому, крохотному, как при телефонном разговоре между Землей и Луной; и сила сигнала не падала. Но только ведь мозг — это плоть и кровь; для размышлений нужно время, а наши скорости течения времени совсем разошлись. Я думал настолько медленно (с точки зрения Пэта), что он уже не мог замедлиться достаточно, чтобы меня воспринимать. Что касается меня, то я иногда понимал, что он пытается связаться со мной, но это был просто какой-то визг, смысл которого уловить было невозможно.

Даже Дасты Родс не был способен что-нибудь сделать. Его брат просто не мог сконцентрироваться на изображении в течение долгих трех часов, необходимых, чтобы Дасты «увидел» это изображение.

Все это, мягко скажем, выводило нас из равновесия. Слышать голоса — это нормальный ход, но только не в том случае, если ты не можешь ни разобрать, что

они говорят, ни попросить их замолчать. Не исключено, что некоторые из непонятных «чокнутых» чокнутыми совсем не являлись; возможно, несчастные психи были просто-напросто настроены на неподходящую волну.

Поначалу хуже всех воспринимал это дядя Альф; один раз я просидел с ним весь вечер, мы пробовали и пробовали вместе. А потом к нему вдруг опять вернулась обычная его безмятежность; Лапочка думала о нем, это он знал, и это было самым главным; слова не были такими уж необходимыми.

Расцвела одна Пру; теперь она не была под каблуком своей сестры. Она целовалась по-настоящему, возможно, впервые в жизни. Нет, не со мной. Я просто шел попить из фонтанчика, а затем тихо ретировался, решив, что питье мое подождет. Кто это был, говорить нет ни малейшего смысла, это вообще ничего не значит; думаю, в это время Пру поцеловала бы даже Капитана, если бы он только стоял спокойно и не рыпался. Бедняжка Пру.

Нечего делать, приходилось ждать, пока, замедляясь, мы не приблизимся несколько к земному времени. Мы продолжали поддерживать связь с другими кораблями, ведь все они ускорялись по одной программе, и по этим сохранившимся линиям оживленно обсуждалась дилемма, о которой, похоже, никто заранее не подумал. С одной стороны, перерыв в связи не имел большого значения, докладывать нам особенно было нечего, пока мы не замедлимся и не начнем исследовать свои звезды, но, с другой стороны, он был очень важен: время, проведенное «Л. К.» при скорости света (ну, лишь не намного меньше) было очень кратким для нас, но там, на Земле, пройдет добрый десяток лет. Как мы выяснили позднее, Доктора Деверо и его коллег на других кораблях, а также дома, в Ф.Д.П., очень тревожила мысль, сколько телепатических пар останется (если вообще останется) в действии после такого промежутка времени. Их тревога имела под собой достаточно оснований. Уже было установлено, что идентичные близнецы практически никогда не бывали телематами, если многие годы жили врозь. Именно это было еще одной причиной отбора молодых

пар — в большинстве случаев взрослые близнецы разъезжаются.

Но до этого момента мы не были «разделены» из-за проекта Лебенсраум. Конечно же, мы находились на невероятных расстояниях друг от друга, но каждая пара ежедневно вступала в контакт и практиковалась, что определялось системой ежедневных вахт, поддерживаемых даже тогда, когда передавать, кроме новостей с Земли, было нечего. Но как повлияет многолетний перерыв контакта на связь между близнецами?

Меня это не беспокоило; я про это ничего не знал. В ответ на мой вопрос о прекращении связи мистер О'Тул ответил что-то такое, из чего я сделал вывод, что через несколько недель по корабельному времени темпы времени у нас и на Земле сблизятся достаточно для того, чтобы связь возобновилась. А пока — никаких вахт, так что было не так уж и плохо. Я лег спать, стараясь не обращать внимания на визги, раздающиеся у меня в мозгу.

Разбудил меня Пэт.

— Том, отвечай, Том, ты слышишь меня? Том, отвечай.

— (Эй, Пэт, я здесь.) — В мгновение ока я совершенно проснулся и, соскочив с койки, босиком стоял на полу в таком возбуждении, что едва был способен что-нибудь сказать.

— Том, Том. Как хорошо снова тебя услышать — ведь прошло уже два года, как я последний раз с тобой говорил.

— (Почему...) — Хотел было возразить я, но потом смолк. Для меня прошло меньше недели. А сколько времени прошло для Пэта, я мог узнать только поглядев на Гринвичский календарь и наведя справки в вычислительном центре.

— Том, дай я тебе расскажу, мне не терпится. Последние шесть недель меня держат в состоянии глубокого гипноза и под какими-то наркотиками. Вот сколько времени понадобилось мне, чтобы связаться с тобой. Врачи не решатся держать меня в таком виде еще слишком долго.

— (Ты хочешь сказать, что ты вот прямо сейчас под гипнозом?)

— Конечно, иначе я не смог бы с тобой говорить. А сейчас, — на секунду голос стих. — Прости, пришлось прерваться, мне сделали еще один укол, а заодно и внутривенное кормление. А теперь слушай и записывай расписание: Ван Хаутен... — Он прочитал мне гринвичские даты и точные — до секунды — времена для каждого из нас, а затем, пока я для проверки читал записанное ему, его голос стал затихать. Последнее, что я услышал, было «Пока», переходившее уже в визг, а затем наступила тишина.

Штаны я все-таки натянул, прежде чем бежать и будить Капитана, но на ботинки времени тратить не стал. И тут же все были на ногах и все дневные огни включены, хотя по корабельному была ночь, и мамочка О'Тул варила кофе и все говорили, перебивая друг друга. В вычислительном центре релятивисты наталкивались друг на друга, а Жанет Меерс вычисляла корабельное время намеченного контакта Берни ван Хаутена с братом. Она делала это, для скорости, без помощи компьютера, Ван был первым по списку.

Ван не мог связаться со своим братом, все нервничали, а Жанет заливалась слезами, так как кто-то предположил, что она, считая в уме, выдала ошибочное время. Но доктор Бэбкок собственноручно прогнал задачу через компьютер и подтвердил ее результат с точностью до девятого знака. А потом ледяным тоном объявил, что будет крайне благодарен, если в будущем никто не станет критиковать его сотрудников; эту привилегию он оставляет себе.

Но вскоре Глория связалась со своей сестрой, и все немного успокоились. Капитан, через мисс Гамму, послал донесение на флагманский корабль и получил ответ, что еще два корабля — «Наутилус» и «Христофор Колумб» — восстановили связь с Землей.

Теперь уже никто не тянул время, когда надо было заступать на вахту, никаких забеганий в кладовку, чтобы малость перекусить. Если было известно, что твой напарник будет передавать в 3:17:06 с крохотным хвостиком корабельного времени, ты сидел наготове уже с трех часов, никаких глупостей, магнитофон крутился, а микрофон у рта. Нам-то на корабле было легко, но каждый из нас знал, что его напарника накачивают

наркотиками и погружают в глубокий гипноз, чтобы он мог провести связь — Доктора Деверо это очень беспокоило.

К тому же теперь не было времени для болтовни, ведь твой близнец расплачивался, возможно, часом своей жизни за каждое переданное слово. Ты просто записывал то, что он передает, с первого раза, никаких сбоев, а затем передавал то, что написал Капитан. Оставалось несколько секунд на разговор — олл райт. Обычно не оставалось... вот так я и напутал все насчет женитьбы Пэта.

Видите ли, две недели посередке, последняя неделя ускорения и первая замедления, недели, когда мы достигли максимальной скорости, соответствовали примерно десяти годам на Земле. Отношение было в среднем один к двумстам пятидесяти. Но это в среднем, при максимальной скорости проскальзывание было гораздо больше. Я спросил мистера О'Тула, чему равнялся максимум, но он только покачал головой. Измерить это — сказал он мне — невозможно, и возможная ошибка больше присутствующих в расчете малых величин.

— Скажем так, — закончил он. — Слава Богу, что на корабле нет простуженных, а то один хороший чих перекинул бы нас через скорость света.

Он, ясно, шутил. Ведь, как напомнила Жанет, при приближении нашей скорости к световой масса корабля приближалась к бесконечности.

Но мы снова утратили связь на целый наш день.

В конце одного из этих пиковых сеансов Пэт сказал мне, что он и Моды собираются жениться. Связь прервалась, прежде чем я успел его поздравить. Я хотел сказать, что Моды, пожалуй, еще слишком молодая и не спешит ли он, но не мог. Его уже не было.

Я, пожалуй, не ревновал. К этому выводу я пришел, покопавшись в себе и обнаружив, что не могу вспомнить, на что была похожа Моды. Нет, я, конечно, помнил, какая она — блондинка со вздернутым носиком, на котором летом проступали веснушки. Но я не мог вызвать перед глазами ее лицо, как мог вызвать лицо Пру или Жанет. Я не ревновал, только чувствовал себя немного — что ли — заброшенным.

Потом я справился у Жанет, какое гринвичское время соответствовало моей последней связи с Пэтом, и понял, что совершенно зря собирался наводить критуку. Пэту было двадцать три, а Моди двадцать один, почти двадцать два.

При очевидной связи я умудрился успеть сказать «поздравляю», но у Пэта не было времени для ответа. Ответил он в следующий раз...

— Спасибо за поздравление. Мы называли ее в честь мамы, а похожа она будет, думаю, на Моди.

Это меня изумило до крайности. Справившись снова у Жанет, я понял, что все верно. Если пара жената уже два года, вряд ли кто будет удивляться, если у них появится маленькая дочка. Разве только я.

Тем временем за две недели многое изменилось, и мне пришлось ко многому привыкать. В начале этого периода мы с Пэтом были одного возраста, разве что понемногу появлялось незначительное проскальзывание. В конце (концом периода я считаю тот момент, когда исчезла необходимость в сильных средствах для поддержания связи) мой брат оказался одиннадцатью годами старше меня и у него была семилетняя дочь.

Я перестал думать о Моди как о девочке, во всяком случае — той девочке, за которой я когда-то ухаживал. Я решил, что она, пожалуй, стала толстой, очень домашней распустехой — ей было никогда не устоять перед вторым шоколадным эклером. Если по-честному, мы с Пэтом стали друг для друга почти чужими, у нас было так мало общего. Всякие мелкие корабельные сплетни, такие важные для меня, нагоняли на него тоску; меня же, с другой стороны, ну никак не могли взволновать гибкие строительные блоки и сроки штрафных санкций. Мы продолжали вполне успешно связываться, но теперь это было похоже на разговор по телефону с незнакомым человеком. Мне было жаль, я уже успел полюбить Пэта, прежде чем он ускользнул от меня.

Но я хотел увидеть свою племянницу. Знакомство с Лапочкой научило меня тому, что маленькие девочки могут быть забавнее щенков и даже симпатичнее котят. Я вспомнил про свою идею насчет портрета Лапочки и прижал к стенке Дасти.

Он согласился. Дасти просто не может упустить лишнюю возможность продемонстрировать, как здорово он рисует. К тому же он несколько — для него — помягчал; он больше не рычал, когда его пытались погладить, хотя нужны будут еще годы и годы, пока он научится садиться и подавать лапу.

Дасти выдал великолепный рисунок; Молли не хватало только крылышек, и вышел бы настоящий херувим. Я видел в ней сходство с собой — то есть, конечно, с ее отцом.

— Дасти, это прекрасный рисунок. Но только, он очень похож?

— Откуда мне знать? — ошетинился он. — Но если тут есть отличие хоть на микрон, хоть на малейшую разность тонов, какую только может уловить спектрофотометр от той фотографии, которую твой брат прислал моему, я готов съесть этот рисунок. А уж там где мне знать, может гордые родители приукрасили свое дитяtko.

— Прости, прости. Очень хороший рисунок. Мне бы очень хотелось чем-нибудь тебе отплатить.

— Только не надо не спать ночами; я сам что-нибудь придумаю. Но мои услуги недешевы.

Я снял со стенки изображение Люсиль Ля Вон и повесил на ее место Молли. Ту картинку я, правда, тоже не выкинул.

Через пару месяцев выяснилось, что Доктор Деверо усмотрел в моей способности пользоваться той же «длиной волны», что и дядя Альф с Лапочкой, возможности совершенно отличные от тех, очевидных, которые видел я. Я продолжал иногда говорить с ними, хоть и не так часто, как раньше. Лапочка была теперь настоящей молодой леди, почти восемнадцать; она училась в Витвотерсрэнде и уже сама была учительницей-практиканткой. Никто, кроме Дяди и меня, не называл ее теперь «Лапочка», а мысль о том, что я когда-нибудь заменю дядю Альфа, счастливо отошла в прошлое — если так дальше пойдет, вскоре она сможет меня самого воспитывать.

Но доктор Деверо ничего не забывал. Однако переговоры свои с Ф.Д.П. он провел, не ставя меня в известность. Видимо, и Пэту было велено молчать,

пока все не будет готово, так что впервые я услышал об этом совершенно неожиданно, когда во время одной из рутинных вахт сказал ему приготовиться к записи какого-то сообщения.

— Оставь это, старик, — ответил он. — Передай все бумажки следующему несчастному. Мы сейчас попробуем кое-что новенькое.

— (Что?)

— Это по приказу Ф. Д. П., с самого верха. У Молли теперь свой собственный временный контракт, вроде того, какой был у нас с тобой.

— (Как это? Она же не близнец.)

— Дай-ка я ее посчитаю. Нет, вроде ее только одна, хотя она иногда и похожа на целое стадо диких слонов. Но она здесь, со мной, и хочет сказать «Здрасьте» дяде Тому.

— (А, прекрасно, привет, Молли.)

— Привет, дядя Том.

Я чуть с ума не сошел. Я услышал это совершенно четко, без всяких сбоев.

— (Эй, кто это? Повтори-ка.)

— Привет, дядя Том, — она хихикнула, — у меня новый бантик.

Я сглотнул.

— (И уж точно ты здорово с ним смотришься. Жаль, что я не вижу. Пэт! Когда это произошло?)

— Потихоньку-полегоньку, в течение последних десяти недель. Для этого потребовались такие же суровые сеансы с доктором Мейбл. Кстати сказать, для этого потребовались еще более суровые сеансы, с, ну, бывшей мисс Корик, прежде чем она разрешила нам попробовать.

— Это он про мамочку, — заговорщическим шепотом поведала мне Молли. — Ей это не нравится. А мне нравится, дядя Том. Я думаю, что это очень здорово.

— Мне некуда спрятаться ни от одной из них, — пожаловался Пэт. — Слушай Том, это просто проба, я сейчас отключусь. Нужно вернуть этот кошмар ее мамаше.

— Она заставит меня спать, — обреченным голосом согласилась Молли. — А я уже совсем взрослая

и не хочу спать днем. До свидания, дядя Том. Я тебя люблю.

— (Я тоже люблю тебя, Молли.)

Я повернулся — и конечно же, за моей спиной стояли, развесив уши, Доктор Деверо и Капитан.

— Ну, как прошло? — спросил Доктор озабоченным — для него — голосом.

Я с большим трудом придал своему лицу безразличное выражение.

— Удовлетворительно. Отличный прием.

— И от ребенка тоже?

— Конечно, сэр. А вы ожидали чего-нибудь другого? Доктор с облегчением вздохнул.

— Сынок, не нуждайся мы в твоих услугах, я бы вышиб тебе мозги старым телефонным справочником.

Думаю, мы с Молли были первой из вторичных телепатических пар флота. Но не последней. Ф.Д.П., исходя из гипотезы, подсказанной случаем с дядей Альфом и Лапочкой, предположил, что появляется возможность образовать новую связь в тех случаях, когда потенциальный новый член очень молод и близко связан со взрослым членом старой группы. В некоторых случаях это удавалось. А в других случаях и попытку было не сделать в виду отсутствия подходящего ребенка.

Прежде чем мы добрались до системы Тау Кита, у Пэта и Молли появилась еще одна дочка. На этот раз, в отношении Линет, Моды была тверда: она сказала, что двух психов в семье более чем достаточно.

ГЛАВА 12

Тау Кита

К тому времени, как до Тау Кита оставалось несколько световых часов пути, мы уже точно знали, что не вытащили пустой номер; на стерео и доплер-стерео фотографиях, сделанных Гарри Гейтсом, была видна дюжина планет. Гарри не только главный планетолог, он также возглавляет исследовательский отдел. Думаю, у него было достаточно научных знаний, чтобы нанизывать их как бусинки на нитку, но я звал его

Гарри, все так делали. Он не из тех, кого называешь «доктор»; он очень энергичный и на вид моложе своих лет.

Гарри вселенная представлялась сложной игрушкой, которую ему подарили; хотелось разобрать ее на кусочки и посмотреть, почему она крутится. Он был в восторге от этой игрушки и с радостью обсуждал ее с кем угодно и когда угодно. Познакомился я с ним, когда мыл лабораторную посуду: Гарри не относился к лаборантам, как к бездушным механизмам. Он обращался с ними, как с людьми, и не ставил им в вину, что они знают значительно меньше, чем он — иногда казалось даже, что он думает, что и сам может узнать у них что-нибудь новое.

Как он нашел время жениться на Барбаре Куйпер — не понимаю. Барбара была из группы двигателейщиков, так что, возможно, все началось с обсуждения какого-нибудь физического вопроса, а потом перешло на биологию и социологию; Гарри интересовался всем. Однако на то, чтобы быть рядом с ней, когда у них родился ребенок, он уже не нашел времени; как раз в эту ночь он фотографировал планету, названную им потом в честь дочки Констанс. Кое-кто возражал, у всех были свои идеи, но Капитан решил, что здесь применимо древнее правило: открыватель астрономического объекта имеет право дать ему имя.

То, что мы нашли Констанс, не было случайностью (планету, не ребенка; ребенка никто и не терял). Гарри хотел найти планету в пятидесяти—пятидесяти одним миллионе миль от Тау, или, лучше сказать, планету на таком расстоянии хотел найти Ф.Д.П. Видите-ли, по спектральному типу Тау Кита находится в близком родстве с Солнцем; правда, она поменьше и дает около трех десятых света, испускаемого последним. Поэтому, согласно тому же самому старому, надоевшему закону обратных квадратов, в соответствии с которым планируется освещение помещений или подбирается мощность вспышки для фотоснимка, в пятидесяти миллионах миль от Тау планета получит столько же света, как и в девяносто трех миллионах миль от Солнца, где и находится Земля. Мы не искали планету вообще, какую-нибудь планету, каких-нибудь достаточно в на-

шей Солнечной системе; мы хотели найти близкую копию Земли, иначе она не будет стоить колонизации.

Если в ясную ночь вылезти на крышу и посмотреть в небо, звезд на нем так много, что начинает казаться, планеты, похожие на Землю, столь же обычны во вселенной, как яйца в птичнике. В каком-то смысле, так оно и есть; по оценке Гарри их количество в одной нашей Галактике лежит где-то между сотней тысяч и сотней миллионов. Для всей вселенной можете умножить это число на что угодно.

Заковыка здесь в том, что планеты эти не находятся под рукой, как хотелось бы. Тау Кита отделяют от Солнца всего одиннадцать световых лет; расстояние до большей части звезд Млечного Пути в среднем где-то около пятидесяти тысяч световых лет. Даже Фонд Далеких Перспектив не думает пока о таких далеких перспективах. Хотя у нас и появились корабли с факельными двигателями, глупо думать о колонизации планеты за пределами сотни световых лет. Конечно, такой корабль может долететь, если надо, куда угодно, даже на другой конец Галактики, но только кого заинтересуют сведения об удобных для застройки земельных участках, если к моменту получения этих сведений на Земле уже наступит, а затем и закончится, несколько оледенений? Конечно же, к тому времени проблема народонаселения будет уже решена тем или другим способом. Возможно, тем же, каким решили ее всем известные коты, от которых остались «только кончики хвостов».

Но в пределах сотни световых лет от Земли имеется всего лишь чуть больше полутора тысяч звезд, и из них только около ста шестидесяти принадлежит к тому же спектральному типу, что и Солнце. Проект Лебенсраум надеялся проверить что-то около половины этих звезд; теперь, с утратой «Васко да Гама», меньше. Проект окажется удачным, если поиск обнаружит хотя бы одну планету земного типа, но уверенности в таком исходе, к сожалению, не было. У звезды солнечного типа может не быть планет земного типа; планета может находиться чересчур близко к звезде или чересчур далеко от нее. Она может быть слишком маленькой, чтобы иметь атмосферу, или слишком большой,

с огромной тяжестью на поверхности, на которой людям жить будет не под силу. А то на ней может оказаться просто слишком мало воды, с которой связана вся жизнь человека.

Или она может оказаться населенной какими-нибудь грубыми типами, считающими, что кто первый нашел, тому все и принадлежит. Самые лучшие шансы были как раз у «Васко да Гама»; звезда, к которой он направлялся, Альфа Центавра-А, является единственным настоящим двойником Солнца в этой части вселенной (напарница ее, Альфа Центавра-В, относится к другому типу, к спектральному классу К). Следующими были мы, несмотря даже на то, что Тау Кита меньше похожа на Солнце, чем Альфа Центавра-В, так как следующая ближайшая звезда С-типа (солнечного типа) отстоит от Солнца примерно на тринадцать световых лет, что давало нам преимущество в два световых года, если сравнивать с «Магелланом», и около четырех — если с «Наутилусом».

Если мы, конечно, вообще что-нибудь найдем. Можете себе представить, какое у нас было торжество, когда Тау не оказалась пустым номером.

Гарри торжествовал тоже, но совсем по иной причине. Я забрел как-то в обсерваторию с надеждой посмотреть на небо — одним из недостатков «Л.К.» было то, что из него было почти невозможно выглянуть наружу — когда он схватил меня за руку и заявил:

— Ты только посмотри на это!

Я посмотрел на это. Это был лист бумаги с какими-то цифрами; то ли расписание севооборота, составленное мамочкой О'Тул, то ли еще что.

— А что это такое?

— Ты что, читать разучился? — Это — правило Тициуса—Боде, вот что!

Я начал копать в голове... Да, да... нет, это же закон Ома... а потом вдруг вспомнил. Правило Тициуса—Боде — это простая геометрическая прогрессия, описывающая расстояния планет Солнечной системы от Солнца. Никто так и не смог понять, откуда берется это правило; в некоторых случаях оно соблюдалось не очень хорошо, хотя я и припоминал, что не то Нептун, не то Плутон был открыт при помощи вычислений,

использовавших его. Но, вообще говоря, эта связь казалась случайной.

— Ну и что? — спросил я.

— Он еще спрашивает «Ну и что». Господи, да ты что, не понимаешь, это же самое важное событие с того времени, как Ньютона долбануло яблоком?

— Знаешь, Гарри, может, оно и так, но я сегодня что-то туго соображаю. Я считал, что правило Тициуса—Боде — просто случайность. Почему не может быть случайности и здесь?

— Случайность! Ты подумай, Том, если ты выкинешь на костях семерку один раз — это случайность. Если ты выкинешь ее восемьсот раз подряд — значит, что кости жульнические.

— Но пока что только два раза.

— Это же не кости. Ты найди мне кусок бумаги побольше, и я тебе напишу все те нули, которые содержатся в вероятности такой «случайности». — Вид его стал задумчивым. — Знаешь, Том, это будет ключ к тому, как возникают планеты. За открытие нас похоронят вместе с Галилеем. Ммм... Том, мы не можем позволить себе тратить слишком много времени в этом месте, нам надо двигаться дальше, взглянуть на систему Беты Гидры и убедиться, что и там правило подтверждается. Оно подтвердится, конечно, подтвердится, но надо доказать всяким заросшим мхом там, на Земле. Я пойду и скажу Капитану, что нужно изменить программу полета. — Он запихнул бумажку в карман и торопливо вышел. Я огляделся по сторонам, однако все иллюминаторы были закрыты антирадиационными экранами. Выглянуть наружу не удалось.

Само собой, Капитан не стал менять программу; нашей задачей были поиски пахотных земель, а не решение астрономических ребусов. Через несколько недель «Л.К.» лег на орбиту вокруг Констанс. В результате мы впервые за полет оказались в состоянии невесомости. Невесомости не было даже во время перехода от ускорения к замедлению, мы сделали это посредством разворота корабля без остановки двигателей. Инженеры не любят заглушать факел, если только не подошло время текущего ремонта — все помнят случай с «Петром Великим», который заглушил свои дви-

гатели, не смог запустить их снова и упал на Солнце. Ощущение свободного падения мне не понравилось. Но, если не перегружать желудок, ничего особо страшного в нем нет.

Гарри не очень расстроился. Он получил в качестве игрушки целую новую планету, так что, табулировав правило Тициуса—Боде, он занялся делом. Мы крутились по орбите, на высоте в тысячу миль, а тем временем ученые проводили все исследования Конни, какие только можно провести без посадки: прямые визуальные наблюдения, радиационное обследование, снятие спектров поглощения атмосферы. У планеты было два спутника, один из них приличных размеров, хоть и поменьше Луны; поэтому оказалось возможным точно определить силу тяготения на поверхности.

По виду Кони была очень сходна с нашей родной планетой. Командор Фрик поручил своим ребятам установить в столовой большой телеэкран, цветной и с усиленным стереоэффектом, так что мы все смогли полюбоваться на нее. Было похоже на изображения Земли, сделанные с космических станций, зеленый, голубой, коричневый цвета, поверхность наполовину скрыта облаками, на верхушках — полярные ледяные шапки. Атмосферное давление на ней было пониже, чем у нас, но зато содержание кислорода — повыше, так что воздух был вполне пригоден для дыхания. Спектры поглощения показывали довольно высокую концентрацию углекислого газа, однако не такую высокую, как на Земле в каменноугольный период.

Конни была поменьше Земли, однако площадь суши у нее была чуть побольше, чем у нас, за счет того, что меньше места занимали океаны. Каждое сообщение на Землю содержало какие-либо приятные новости, я даже смог отвлечь Пэта от подсчета прибылей и убытков. Он создал компанию «Братья Барлет Инк» и, похоже, ожидал от меня интереса ко всяким этим дебитам-кредитам на том лишь основании, что в капитал фирмы вошла и накопившаяся на моем счету зарплата Ф.Д.П. Да где там, я так давно не видел и не трогал деньги, что уже почти забыл, как ими пользоваться.

Разумеется, первой нашей заботой было выяснить, не занято ли это место; я имею в виду разумную животную жизнь, способную пользоваться орудиями труда, делать вещи и создавать организации. Если таковая уже была, мы, согласно инструкции, обязаны были улететь отсюда, не пытаясь произвести посадку, а топливо поискать где-нибудь в другом месте системы. Установление дружеских отношений откладывалось на потом, до другого полета, Ф.Д.П. не хотел повторения трагической ошибки, совершенной когда-то на Марсе.

Однако электромагнитный спектр не показывал абсолютно ничего, от гамма-лучей и вплоть до самых длинных радиоволн. Если там, внизу, и были люди, они не использовали радио, не освещали свои улицы и не владели атомной энергией. Ровно так же не было у них ни самолетов, ни дорог, ни кораблей на поверхности океанов, ни хоть отдаленных подобий городов. Поэтому мы спустились пониже, к самой границе атмосферы, и встали на полярную орбиту, чтобы внимательно осмотреть всю поверхность, новый сектор при каждом новом витке.

Мы исследовали планету визуально, фотографически, при помощи радара. Мы не могли пропустить ни одного объекта, хоть немного более заметного и подозрительного, чем бобровая плотина, в этом я уверен. Никаких городов, никаких домов, никаких дорог, никаких мостов, никаких кораблей, никого. Животные — это пожалуйста, мы видели стада, пасущиеся на равнинах, а иногда мельком улавливали еще какие-то существа. Но в общем и целом это было очень похоже на рай для поселенца.

Капитан послал сообщение:

— Готовлюсь к посадке.

Я быстренько вызвался добровольцем в разведывательную группу. Сперва я пристал к своему дяде, майору Лукасу, с просьбой, чтобы он взял меня в свой отряд. Дядя сказал, чтобы я шел и занимался своими делами.

— Если ты действительно думаешь, что мне зачем-либо нужен необученный новобранец, ты свихнулся даже больше, чем я в твоём представлении. Если уж у

тебя появилась мысль стать солдатом, думать об этом надо было сразу после старта.

— Но ведь в твоём отряде есть люди из всех остальных отделов.

— Да, и каждый из них — подготовленный солдат. Seriously, Том, никак нельзя. Мне нужны такие ребята, которые смогут защищать меня самого, а не новички, о которых придется заботиться мне. Ты уж прости.

Тогда я попросил Гарри Гейтса, чтобы он взял меня в научную группу, которую и должен был защищать дядин отряд. Гарри сказал:

— Конечно, а почему нет? Там будет уйма черной работы, которой моя компания примадонн не захочет заниматься. Можешь начать прямо сейчас, проверяя оборудование по этому списку.

Мы занялись проверкой — я зачитывал список, он пересчитывал свое хозяйство. Через некоторое время Гарри сказал:

— Ну, каково быть маленьким зеленым человечком с летающего блюдца?

— Кем?

— НЛО-навтом. Мы же здесь все — НЛО-навты, ты задумывался над этим?

Тут до меня дошло. НЛО — «неопознанный летающий объект». НЛО-истерия, сообщения о встречах с НЛО проходили через всю историю полетов в космос.

— Я думаю, что мы сейчас — нечто вроде НЛО.

— Вот именно. НЛО — это исследовательские корабли, вроде нашего. Они рассматривали нас, не приходили в восторг от увиденного и отбывали. Не обнаружив они, что Земля прямо кишит враждебными аборигенами, они сели бы и стали организовывать хозяйство, так же как собираемся делать мы.

— Гарри, ты правда веришь, что НЛО — это нечто иное, чем плод воображения, ошибки наблюдений и все такое? — Я-то считал, что эти шутки давным-давно разоблачены.

— А ты, Том, сам подумай обо всех этих свидетельствах. В нашем небе действительно что-то происходило незадолго до того, как мы сами начали свои полеты. Ясно, что большинство сообщений было липой. Но некоторые из них — не были. Если у тебя

перед носом факт — приходится верить в него, иначе вселенная становится слишком уж фантастичной. Ты же не думаешь, что кроме людей никто никогда не строил космических кораблей?

— Ну... может и не думаю. Но если строили, почему они не навестили нас давным-давно?

— Это, дружок, простая арифметика. Вселенная очень велика, а мы — ее крохотный закоулок. К тому же, может, они нас и навещали. Это мое личное мнение. Они исследовали нас, и оказалось, что Земля — не то, что им нужно, — может, из-за нас, может, из-за климата. И тогда НЛО улетели. — Он немного задумался. — А может, они садились совсем ненадолго, только чтобы заправиться топливом.

Эта поучительная беседа — все мое приобретение от членства в научной группе; когда Гарри внес мою фамилию в список, Капитан ее вычеркнул.

— Специальные связисты не будут покидать корабль.

На том и было решено, упорство Капитана было железное. Вану идти было разрешено, так как его брат погиб при несчастном случае, пока мы летели с максимальной скоростью. Я рассказал про Вана Пэту и спросил, не может ли он тоже умереть для такого случая? Пэт не нашел в этом ничего смешного.

«Л.К.» сел в океан в достаточно глубоком месте, а затем при помощи вспомогательных двигателей подгреб поближе к берегу. Корабль далеко выступал из воды, ведь его топливные баки были на две трети пусты. Вода, содержащаяся в них, была истрачена сначала на то, чтобы разогнать корабль почти до световой скорости, а затем — чтобы опять его затормозить. Мы еще не встали окончательно на якорь, а техники уже занялись профилактическим ремонтом двигателя. Насколько я знаю, никто из них не просился в исследовательский отряд. Думаю, для большинства техников посадка на Констанс была просто удобным случаем запастись топливом, а также провести осмотр и ремонт двигателей, невозможные в период полета. Им и дела не было — где они находятся и куда направляются, лишь бы горел факел двигателя и вся их техника крутилась. Доктор Деверо рассказывал, что

Главный Metallург шесть раз летал на Плутон и, в то же время, нога его не касалась ни одной, кроме Земли, планеты.

— Как же это? Это же ненормально, — спросил я, думая про себя о том, как доктор носится с нормальностью всех окружающих, включая меня.

— Для таких, как он, это — показатель великолепного психического здоровья. Человека из другой породы я бы за такое крепко запер и кормил через замочную скважину макаронами.

Сэму Рохасу такая дискриминация в отношении телепатов понравилась не больше, чем мне; он тоже рассчитывал ступить на чужую землю подобно Колумбу, Бальбоа и Ланди. Сэм зашел ко мне обсудить положение.

— Том, неужели ты собираешься это терпеть?

— Ну, как сказать, я не хочу, конечно, но только что мы можем сделать?

— Я переговорил кое с кем из остальных. Все очень просто. Мы не будем.

— Не будем что?

— Ну... просто не будем. Понимаешь, Том, с того времени, как мы замедлились, я начал замечать у себя снижение телепатической способности. То же самое, похоже, наблюдается у всех нас — у тех, с кем я переговорил. А ты как?

— Ты что, я не...

— Подумай получше, — прервал он меня. — Ты не мог этого не заметить. Да что там, сейчас я, пожалуй, не смог бы даже вызвать своего брата на связь. Наверное, это как-нибудь связано с тем, где мы находимся. Может, это какая-нибудь такая радиация Тау Кита, или еще что. А может — это как-нибудь связано с планетой. Как знать? И, если уж на то пошло, кто нас проверит?

Потихоньку до меня стало доходить. Я не отвечал, идея была очень соблазнительной.

— Если мы бесполезны как связисты, — продолжил он, — мы можем пригодиться для чего-нибудь другого... ну, например, в группе, высаживающейся на поверхность. Как только мы избавимся от этого загадочного влияния, мы, вполне возможно, сможем опять

передавать сообщения на Землю. А может оказаться и так, что некоторые из девушек, те, которые не хотят идти с десантной группой, смогут все-таки связаться с Землей и передать туда донесения. Это, конечно, в том случае, если дискриминация против нас, психов, не будет возобновлена.

— Мысль, — согласился я.

— Ты подумай хорошенько. И ведь наверняка окажется, что эта твоя способность все слабеет и слабеет. Вот я, например, уже все равно, что глухой. — И он ушел.

Я покрутил эту идею и так, и сяк. Понятно, что Капитан догадается, что это забастовка, но только что он сможет сделать? Обозвать нас лжецами и подвесить за ноги, пока мы не пойдем на попятную? Может ли он быть на все сто процентов уверен, что мы врем? Ответ: нет. Никто, кроме самого телепата, не знает, на что это похоже. Никто, кроме него самого, не может знать, что он делает. Когда мы утратили контакт на пике скорости, Капитан не высказывал ни малейших сомнений, он просто принял это как факт. И теперь ему тоже придется это принять, что бы там он ни думал про себя.

Потому что мы были ему нужны. Мы были незаменимы.

Отец был когда-то членом согласительной комиссии в местном отделении своей гильдии. Я помню, как он говорил, что бастовать имеет смысл только в одном случае — если работники так уж необходимы, что забастовка выигрывается, не успев начаться. Вот в таком-то положении и находился наш Капитан: он должен был нас иметь. Ни одного возможного штрейк-брехера в радиусе одиннадцати световых лет. Он не рискнет что-нибудь с нами сделать.

Правда, любой из нас может сорвать эту забастовку. Давай поглядим. Ван не считается, Каз Уорнер тоже, их напарники погибли. Сестричка нашей Пру, Пейшенс, жива, но эту пару не удалось восстановить после пика скорости — Пейшенс отказалась от рискованных фокусов с гипнозом и наркотиками, они надолго потеряли связь и не смогли ее возобновить. Мисс Гамма тоже не считается, корабли с ее сестричками все еще

летят с максимальной скоростью, поэтому у нас нет возможности кружной связи с Землей и не будет, пока один из этих кораблей не замедлится. Кто же тогда остается, кроме Сэма и меня? И насколько они надежны? Руп, Глория, Анна, Дасти. И Дядя, конечно. И Мей-Лин.

Да, на всех этих можно положиться. То, что к нам поначалу отнеслись, как к психам, сплотило нас. Даже если кому и покажется, что так поступать нехорошо, он не станет подводить остальных. Даже Мей-Лин, вышедшая замуж на сторону. Может получиться. Если только Сэм сумеет их всех убедить.

Я хотел попасть на поверхность каким угодно путем. Может, этот путь и был сомнительным, но я все равно хотел.

И все-таки было здесь неприятное жульничество, нечто вроде того, когда ребенком тратишь на себя деньги, которые тебе дали для церковной кружки.

Времени у Сэма на организацию было до завтрашнего полудня, так как у нас теперь была всего одна вахта в день. Необходимости в постоянной связи не было, а работы на корабле с того времени, как было решено делать вылазку, прибавилось. Я пошел навешивать бирки на лабораторных крыс.

Но ждать до завтра не пришлось. Тем же вечером Дядя созвал нас, и мы все набились в его каюту — все, кроме мисс Гаммы, Пру, Вана и Каза. Дядя оглядел нас, лицо у него было длинное и печальное; он извинился, что ему негде всех усадить, но надолго он нас не задержит. Потом он начал говорить нечто витиеватое про то, как все мы ему вроде родных его детей и как он нас полюбил и что мы всегда будем его детьми, что бы ни случилось. А потом он перешел на то, как это гордо — быть человеком.

— Человек всегда сам за все расплачивается, он хранит себя в чистоте, он уважает других людей, он держит слово. И все это совершенно бескорыстно, ради себя самого. Билет на небеса стоит гораздо дороже.

Дядя сделал паузу и продолжил:

— И он всегда исполняет обещанное. — Он оглядел нас и добавил: — Это все, что я хотел сказать. Да, если уж все вы здесь, я могу сделать одно объявление. Рупу

пришлось немного сдвинуть вахтенное расписание. — Он нашел глазами Сэма Рохаса. — Сэм, я хочу, чтобы ты вышел на следующую вахту, завтра в полдень. Сможешь?

Секунды три не было ни звука. Затем Сэм медленно произнес:

— А что, думаю, смогу, Дядя, если уж ты этого хочешь.

— Я был бы очень рад, Сэм. Понимаешь, по разным причинам я не хочу ставить на эту вахту никого другого... и мне самому не хочется ее стоять. Если бы ты не смог, мне, пожалуй, пришлось бы сказать Капитану, что некого поставить. Поэтому я очень рад, что ты выйдешь.

— Конечно, Дядя. Не беспокойся.

Вот так и закончилась наша забастовка.

Но Дядя еще не распустил нас.

— Я подумал, что скажу вам про изменения в расписании сейчас, пока вы все здесь, чтобы Рупу не пришлось искать всех по очереди и давать его вам на подпись. Но я собрал вас еще и для того, чтобы кое о чем спросить. Десантная группа покинет корабль совсем скоро. Как бы соблазнительно ни выглядела Констанс, это может быть опасным. Неизвестные нам болезни, животные, которые могут оказаться смертельно опасными с самой неожиданной для нас стороны, да что угодно. Можно послать одного из нас с десантной группой и поддерживать на корабле постоянную вахту — а напарники на Земле установят связь по телефону. Таким образом мы будем находиться в контакте с десантной группой, даже если у нее поломаются рации, или еще что-нибудь случится. Для нас это будет уйма дополнительной работы и ни малейшей славы. Однако, если таким образом будет спасена хотя бы одна жизнь, все это беспокойство будет оправдано.

Тут неожиданно вмешался Сэм.

— Дядя, а кто, ты думаешь, отправится с десантной группой?

— Я не знаю. Для нас это не было предусмотрено, мы не получаем дополнительную плату за повышенную опасность, так что я не чувствую себя вправе кому-либо приказывать, не думаю, чтобы Капитан ме-

ня одобрил, если бы я кого-либо сам послал. Но у меня была надежда, что найдется достаточное количество добровольцев, чтобы организовать попеременную вахту в десантной группе. — Он немного поморгал, вид у него был неуверенный. — Но никто не потребует, чтобы вы шли добровольцами. Пожалуй, лучше пусть все скажут мне свое решение с глаза на глаз.

Ждать ему не пришлось, все тут же вызвались добровольцами. Даже Мей-Лин, которая затем взбесилась и устроила большой крик, когда Дядя мягко сказал, что ей стоило бы получить сперва согласие мужа — которое она потом так и не получила; семейка Треверсов ожидала прибавления.

С Капитаном Дядя переговорил на следующее утро. У меня мелькало желание послоняться неподалеку и сразу узнать, чем это закончится, но было слишком много работы. К моему удивлению, получасом позднее громкоговоритель, висевший в лаборатории, вызвал меня к Капитану. Я помыл руки и поспешил в каюту Старика.

Вид у Капитана был суровый, у Дяди — мрачный. Я попытался связаться с Дядей на «частоте», на которой мы беседовали с Лапочкой, но тут он впервые проигнорировал меня. Капитан холодно посмотрел в мою сторону и произнес:

— Бартлет, мистер Мак Нейл предложил мне план, согласно которому сотрудники вашего отдела желают оказать помощь в наземных исследованиях. Скажу вам сразу и прямо, что я отверг этот план. Я принимаю ваше предложение с глубокой благодарностью, однако не более намерен подвергать в десантной группе риску людей вашей особой категории, чем переделывать двигатель корабля на стерилизацию тарелок. Все должно быть на своем месте.

Он побарабанил пальцами по столу.

— И все же у этого предложения есть свои положительные стороны. Я не имею права рисковать всем вашим отделом, однако, для повышения безопасности десантной группы, я могу рискнуть одним специальным связистом. И вот мне пришло в голову, что прямо здесь, на корабле, у нас есть готовая телепара, что избавляет от необходимости связываться косвенно,

через Землю. Вы и мистер Мак Нейл. Так что? Что вы можете сказать?

Я хотел было сразу крикнуть:

— Согласен! — но тут вдруг сообразил. Если после всех событий на высадку отправлюсь я, Сэм воспримет это крайне мрачно, да и остальные — тоже. Они могут подумать, что я все устроил сам.

— Ну так что же? Отвечайте!

Какого черта, чего бы они там ни подумали, от такой возможности не отказываются.

— Капитан, Вам хорошо известно, что уже некоторое время тому назад я вызывался добровольцем в десантную группу.

— Именно так. Хорошо. Я считаю, что ваше согласие получено. Только вы неправильно меня поняли. Вы не идете с десантом, это сделает мистер Мак Нейл. Вы останетесь на борту и будете поддерживать с ним контакт.

Я был столь ошарашен, что чуть не прослушал, что Капитан сказал дальше. Я беззвучно спросил Дядю:

— (Как же это, Дядя? Ты что, не понимаешь, все подумают, что это ты все подстроил.)

На этот раз он мне ответил, сильно расстроенным голосом.

— Я знаю, знаю, сынок. Он меня застал врасплох.

— (Ну и что же ты намерен делать?)

— Не знаю. И так плохо, и так.

Тут неожиданно вмешалась Лапочка.

— Эй, о чем это вы там шумите?

Дядя мягко ответил:

— Ты отойди на минутку, милая. Это мужской разговор.

— Ладно. — Больше она не вмешивалась. Возможно — слушала.

А Капитан тем временем говорил:

— ...в любой ситуации, где можно послать одного из двоих людей, мы не станем рисковать жизнью младшего. Это стандартное правило, и оно в той же степени относится к Капитану Уркхардту и ко мне, в какой к любой другой паре. На первом месте всегда стоят интересы нашей миссии. Бартлет, ваш ожидаемый срок службы по крайней мере на сорок лет боль-

ше, чем у мистера Мак Нейла. Поэтому мы должны предпочесть именно его для исполнения обязанностей, связанных с риском. Ну что ж, джентльмены, подробные указания вы получите позднее.

— (Дядя, что ты теперь скажешь Сэму? Ты можешь соглашаться, я не буду.)

— Не толкай меня под локоть. — А вслух он сказал: — Нет, Капитан.

Капитан смотрел на него с изумлением.

— Какого черта, старый Вы негодяй! Вы что, так любите свою шкуру?

Дядя не стал отводить глаза.

— Другой у меня нет, Капитан. Но это не имеет отношения к делу. И, возможно, вы несколько поторопились, обзывая меня всякими словами.

— Э? — Капитан густо покраснел. — Простите меня, мистер Мак Нейл. Я беру назад свои слова. Но мне все равно кажется, что Вы должны были бы объяснить мне свое поведение.

— Это я и собираюсь сделать, сэр. Мы с вами оба немолоды. Я уж как-нибудь переживу и без того, чтобы ступить на эту планету. Вы, очевидно, тоже. Но для молодых все выглядит иначе. Вы прекрасно понимаете, что не потому мои ребята вызвались добровольцами в десантную группу, что они ангелы, или ученые, или филантропы. Нет, просто потому, что им не терпится выйти на поверхность этой планеты. Вы это прекрасно понимаете, Вы сами говорили мне это десять минут назад. Если вы не хотите себя обманывать, то понимаете и то, что большинство этих детей ни в жизнь не записались бы в наш рейс, подозревай они, что их здесь запрут на замок и не позволят того, что они называют «приключениями». Не из-за денег они полетели, из-за дальних странствий. А теперь вы хотите лишить их того, что они вполне разумно ожидали.

Капитан помрачнел. Он несколько раз сжал и разжал кулак, потом сказал:

— Возможно, в том, что говорите Вы, и есть какой-то смысл. Но я должен сам принимать решение, эту обязанность я не могу переложить ни на кого. Мое решение остается неизменным. Вы идете, Бартлет остается.

Я сказал:

— (Скажи ему, что он не получит ни одного сообщения!)

Дядя не ответил.

— Боюсь, не получится, Капитан. На это дело должен идти доброволец. Я не вызываюсь добровольцем.

Капитан медленно сказал:

— Я не уверен, что необходимо личное согласие. Я наделен широкой властью определять обязанности каждого на борту этого корабля. Я пойму это так, что Вы отказываетесь от исполнения своих обязанностей.

— Не совсем так, Капитан. Я не говорил, что не подчинюсь приказу; я только сказал, что не вызываюсь добровольцем. Я бы попросил Вас отдать мне этот приказ в письменном виде, я напишу под ним «Подчиняюсь с возражениями» и попрошу, чтобы текст передали в фонд. Одним словом, я не вызываюсь добровольцем.

— Но... Какого черта? Вы же вызывались добровольцем вместе со всеми остальными. И сейчас Вы пришли ко мне по этому самому поводу. Вот я и выбрал Вас.

Дядя покачал головой.

— Не совсем так, Капитан. Мы вызвались группой. И как группа, получили отказ. Извините, ради Бога, если в результате создалось впечатление, что я вызываюсь добровольцем каким-либо иным образом. А теперь, если Вы мне позволите, я пойду к своим ребятам и скажу им, что Вы отказались от наших услуг.

Капитан снова покраснел. Затем он вдруг оглушительно расхохотался. Он вскочил со стула и обнял узкие плечи Дяди.

— Старый паршивец! Ты же и вправду старый паршивец, негодяй с черным сердцем старого пирата. Глядя на тебя, начинаешь тосковать по старым добрым временам, по хлебу и воде, плетке и виселице. А теперь давай сядем и договоримся по-хорошему. Бартлет, вы можете идти.

Я удалился, с большой неохотой, а потом постарался не попадаться на глаза остальным психам; ответить на расспросы мне не хотелось. Но Дядя не забыл обо мне: сразу по выходе из капитанской каюты он оклик-

нул меня и вкратце рассказал, чем все кончилось. Был достигнут компромисс. Он, я, Руп и Сэм будем меняться; первый выход, сочтенный наиболее опасным, отдавался ему. Девушки будут стоять вахту на корабле, Дасти, по причине своего возраста, — с ними. Но и им кинули косточку: как только медики и исследователи решат, что планета безопасна, им будет разрешаться выходить наружу по одному за раз.

— Для этого мне пришлось повыламывать ему руки, — признался Дядя, — но в конце концов он согласился.

Затем наступил антиклимакс. Опасностей на Конни оказалось не больше, чем в Канзасе. Прежде, чем хоть одному человеку было позволено выйти за пределы корабля без защитного скафандра, воздействие атмосферы было опробовано на крысах, канарейках и хомяках. Им понравилось. Когда на поверхность отправилась первая группа, все еще в скафандрах, но уже используя местный воздух, правда, очищенный электростатическими фильтрами, с ними отправились еще двое подопытных животных — Бернارد ван Хоутен и Персиваль Свинья.

Ван так и оставался мрачным с того самого времени, как лишился брата; думаю, это Доктор Деверо посоветовал Капитану отпустить его погулять. Кто-то должен быть первым; можно делать сколько угодно анализов, но в конце концов наступает день, когда живой человек впервые незащищенной кожей соприкасается с чужой атмосферой, чтобы посмотреть, насколько она дружелюбна. Как говаривал доктор Бэбкок, в конце концов приходится лезть на дерево. Вот так Ван и отправился наружу в шортах, рубашке и кедах, видом своим напоминая вожатого скаутов.

Персиваль Свинья не вызвался на это дело добровольцем, он просто думал, что это такая прогулка. Ему сделали загон в кустах и позволили есть любые на его взгляд съедобные продукты местного производства. В качестве подопытного животного свинья имеет много преимуществ: она, подобно крысам и человеку, ест все, у нее, насколько я понимаю, очень близкий к челове-

ческому обмен веществ — даже многие болезни у нас общие. Хорошее состояние Персиваля почти наверняка обозначало бы, что и нам бояться нечего, особенно, если принять во внимание, что ему не сделали всех тех прививок, которые сделали нам. Ему даже не сделали укола сывороткой Дж. А. Р., обладавшей широким спектром и, предположительно, способной защитить даже от таких болезней, с которыми люди никогда не сталкивались.

Перси толстел на местных харчах и воде из ручья. Ван сперва обгорел на солнце, а затем покрылся хорошим загаром. Вид у обоих был здоровый, так что исследовательская группа снимала свои скафандры. Затем вдруг все (и даже Перси) слегли с трехдневной лихорадкой, сопровождавшейся легким поносом, но все выздоровели, и ни у кого болезнь не повторялась.

После этого стали устраивать ротацию членов исследовательской группы; все, кроме дяди Стива, Гарри и нескольких еще, отобранных ими, менялись местами с оставшимися на корабле. Половине второй группы была сделана прививка сывороткой, полученной из крови оправившихся от трехдневной лихорадки; почти никто из привитых не заболел. Возвращающихся не сразу пускали на корабль, сначала они проходили карантин на временной палубе, пристроенной на самом верху «Л. К.».

Не надо только делать из моих слов вывода, что Конни была совсем как городской парк — нарваться на неприятности можно где угодно, даже в Канзасе. Вот, например, тамошний здоровый хищный ящерицеобразный зверь, так он был совсем не подарок. Один из них прикончил Лефти Гомеса в тот раз, когда люди впервые встретились с этой тварью. Будь Лефти из тех, которые очень хотят жить вечно, зверюга добралась бы по крайней мере еще до двоих. Никак не подумал бы, что Лефти — герой; на корабле он был помощником кондитера и заведовал одной из кладовых, но дядя Стив говорит, что храбрость в критических условиях — самое рядовое для людей качество, и семеро из десяти могут заслужить медаль «За отвагу». Если попадут в подходящие обстоятельства.

Не знаю, может, и так. Наверное, я из тех троих. Не думаю, что я бы не убежал, а вместо этого стал тыкать в глаза твари единственным своим оружием — шомপুরом.

Но этот самый *Tyranosaurus Ceti* не был настолько опасен, чтобы из-за него браковать планету. Ничего страшного, когда знаешь, что он есть и на что он похож. Гораздо опаснее была бы любая крупная кошка; кошки — хитрые, а эта тварь была глупой. Конечно, надо было выстрелить первым, но, получив разрывную пулю, он лежал тихо, на манер половика. Вообще-то, он был беззащитен против людей, и когда-нибудь люди его уничтожат.

Десантная группа расположилась лагерем так, чтобы был виден корабль на берегу очень красивого залива Бэбкока, в котором корабль и стоял на якоре. Ежедневно окрестности патрулировались двумя вертолетами; они всегда летали вместе, чтобы второй подобрал команду первого, если с ним что-нибудь случится. Их не отпускали дальше, чем на несколько сотен миль от базы. Пешие патрули не удалялись от базы дальше, чем на десять миль; мы не ставили себе задачу покорения этой планеты, мы просто пытались выяснить, смогут ли люди покорить ее и затем удержать. Получалось, что смогут, по крайней мере что касается окрестностей залива Бэбкока. А обычно, если уж человек сумеет уцепиться, значит, сумеет и удержаться.

Моя очередь подошла только в четвертый выход, когда все страхи уже окончились, и начали выпускать даже женщин.

Удивительнее всего было давно забытое ощущение погоды. За два года в помещении с кондиционированным воздухом я совсем забыл, что это такое — ощущать на лице дождь, ветер и солнце. На борту «Л. К.» вахтенный техник менял по случайной программе температуру, влажность и содержание озона в воздухе; считалось, что это полезно для нашего обмена веществ. Только это было не погодой, а вроде того, когда целуешься с сестрой.

Первая капля дождя поразила меня. Я не понял, что это такое. А затем носился, как оглашенный, пля-

сал под дождем, как ребенок, и ловил капли ртом. Это же дождь, настоящий дождь, это прекрасно.

Ночью я не спал. Мне не давали уснуть легкий ветер на лице, звуки, издаваемые во сне другими членами нашей команды, лежавшими неподалеку, отдаленные звуки жизни, доносившиеся из-за забора, окружавшего лагерь, неполная темнота. Корабль тоже живет, у него есть свои звуки, но они совсем не такие, как в природе; планета живет совсем по-другому.

Я тихо встал и на цыпочках вышел. Футах в пятидесяти от себя я увидел вахтенного охранника. Голова его склонилась над приборами и дисплеями, регистрировавшими состояние внутренней и внешней оград, а также экрана, прикрывавшего нас сверху; он меня не заметил. Говорить мне не хотелось, так что я зашел за дом, туда, откуда не было видно ни его, ни даже тусклого свечения приборов. Там я остановился и посмотрел вверх.

Впервые со времени старта я мог хорошенько рассмотреть небо; ночь была ясная. Я стоял, потрясенный, даже вроде чуть опьяневший от зрелища.

Потом я начал выискивать знакомые созвездия.

Это было довольно легко; по сравнению с расстоянием до большинства звезд одиннадцать световых лет — небольшая прогулка. Ковш Большой Медведицы был над головой. Хоть и несколько более разбитый, чем если смотреть с Земли, он легко узнавался. Орион сверкал передо мной над самым горизонтом, однако Прокцион сильно сместился, а Сириуса и совсем не было видно — он, наверное, ушел за горизонт, Сириус даже ближе к Земле, чем Тау Кита, и наш перелет сместил его на другой край небосвода. Я попытался разобраться в уме со сферической тригонометрией, чтобы вычислить, где надо искать Сириус, но голова у меня пошла кругом, и я бросил это занятие.

Потом я попробовал найти Солнце. Я знал, где оно должно быть, в Волопасе, между Арктуром и Девой, но сначала надо было найти Волопаса.

Волопас был у меня за спиной, столь же близко к горизонту, как и Орион, но в противоположной стороне. Арктур малость сдвинулся и попортил форму Волопаса, однако сомнений не было.

Вот оно! Желтоватая звезда, цветом, как Капелла, но потускнее, примерно второй звездной величины. Все было как надо, и положение, и яркость; да и вообще это должно было быть Солнце; когда мы с Пэтом в школе зарабатывали свои почетные нашивки астронавигаторов, в этом месте не было такой яркой звезды.

Я смотрел на него в задумчивой меланхолии, скорее теплой, чем печальной. Что сейчас делает Пэт? Может, прогуливает ребенка. А может нет, я не мог вспомнить, какое сейчас время по Гринвичу. Вот он, тридцать, и двое детей, лучшая часть жизни уже позади. И вот я, по возрасту — едва кончал бы второй курс колледжа, если бы был сейчас на Земле.

Нет, совсем не так, мне было бы столько же, сколько и Пэту. Но мне же не тридцать.

Я чуть-чуть приободрился и решил, что, если разобратся, мой вариант все-таки оказался лучше, хотя поначалу так и не казалось. Я вздохнул и пошел немного погулять, не опасаясь ничего, ведь ни одна из этих жутких тварей не может и близко подобраться к лагерю без того, чтобы на ее уши и глаза не обрушились грохот и вспышки. Если только у нее есть эти самые уши. Загородка, в которой пасся Перси, была здесь же, за ломом, совсем неподалеку; он услышал меня и подошел к забору, я тоже подошел поближе и почесал ему пяточок.

— Неплохое место, правда? — Я думал о том, что когда «Л. К.» вернется домой — а я больше не верил мрачным предсказаниям дяди Стива — когда я вернусь домой, мне будет еще двадцать с небольшим, самый подходящий возраст, чтобы эмигрировать. А Конни казалась таким местом, куда захочется вернуться.

Перси ответил мне хрюканьем, которое я перевел следующим образом: «Ты что, не принес мне поесть? Ничего себе, обращение с другом». Мы с Перси были друзьями; на корабле я его кормил, заодно с его братьями, а также хомяками и крысами.

— Перси, ты свинья.

Он не стал с этим спорить, его сопящий нос обнюхивал мою пустую ладонь. Я думал о том, что одиннадцать световых лет — не слишком далеко; как раз

подходящее расстояние. Звезды оставались теми же, знакомыми.

В конце концов Перси все это надоело, мне тоже; я вытер ладонь о штаны и пошел спать.

ГЛАВА 13

Относительно Безотносительности

После Беты Гидры: одно из двух — или мне довести эти записи до конца, или совсем их выкинуть. Теперь у меня почти нет времени писать, так много у нас работы и так мало людей. Эта штука, которую мы подцепили на Констанс — а может, просто наши припасы были плохо продезинфицированы — поставила нас в такое положение, когда с работой справиться трудно, особенно для группы телепатов. Все переговоры ведутся теперь через шестерки: Дядю, меня, Мей-Лин, Анну, Глорию и Сэма. Дасти остался в живых, но утратил контакт, видимо — навсегда. У его брата не было детей для создания вторичной пары, и они просто не сумели возобновить связь после очередного пика.

Я связываюсь со своей внучатой племянницей Кэтлин и с Молли, ее матерью. Пэт и я все еще можем переговариваться, но только с их помощью; когда мы пробуем связаться без них, это похоже на разговор в металлообрабатывающем цехе. Понимаешь, что тебе что-то говорят, но чем больше напрягаешь уши, тем меньше слышишь. Сейчас, после очередного нашего перелета, Пэту уже пятьдесят четыре; общего у нас с ним почти ничего. С того времени, как умерла Моды, его вообще ничего не интересует, кроме бизнеса, а меня это как-то вовсе не волнует.

Один только Дядя не столкнулся с тем, что телепартнер становится чужим человеком. Селестине сейчас сорок два, они скорее сближаются, чем отдаляются. Я продолжаю называть ее «Лапочка», просто, чтобы послушать ее хмыканье. Трудно себе представить, что она вдвое старше меня, у нее должны быть завитушки и дырка между передних зубов.

В общем и целом Чума стоила нам тридцати двух человек. Я выздоровел. Доктор Деверо не смог, также

как Пруденс и Руп. Нам пришлось сомкнуть ряды и вести себя так, словно их с нами никогда и не было. У Мей-Лин умер ребенок, и какое-то время мы думали, что лишимся и ее самой, однако теперь она снова стоит вахты, делает все, что надо, и даже иногда смеется. Думаю, больше всего нам не хватает мамочки О'Тул.

Что еще произошло существенного? А что вообще может произойти на корабле? Ничего. Бета Гидра оказалась чистой неудачей. Не только ничего и отдаленно напоминающего планету земного типа; во всей системе не оказалось ни одного океана, я имею в виду океаны, состоящие из воды. Пришлось выбирать, что взять в качестве топлива, аммиак или метан. Главный механик долго и озабоченно обсуждал этот вопрос с Капитаном; выбор остановился на аммиаке. Вообще-то, теоретически, «Л. К.» может жечь все, что угодно; только дай его масс-конвертеру что-нибудь пожевать, и тут же начинает работать старый закон «Е равно эм це квадрат», из факела летит радиация со скоростью света, и нейтроны почти со скоростью света. Только вот если конвертеру было все равно, что перемалывать, вспомогательному оборудованию не все равно, оно рассчитано на жидкость, предпочтительно воду. У нас был выбор между тем, садиться ли в аммиак, уже жидкий от холода, или на дальнюю планету, покрытую по большей части льдом, но льдом с температурой, почти равной абсолютному нулю. Ну и инженеры, перекрестясь, посадили корабль в аммиачный океан и наполнили его топливные баки. Поначалу мы называли планету Ад, а потом напридумывали ей имен и похлеще. Мы просидели там четыре дня при двойном земном тяготении. Было холодно, очень холодно, хотя отопительная система работала на полную мощность.

В систему Беты Гидры возвращаться мне не очень хочется; если у кого-нибудь другой обмен веществ — пусть пользуется на здоровье, добро пожаловать. Одному только Гарри Гейтсу это место доставило удовольствие: планеты и здесь были выстроены согласно правилу Тициуса—Боде. Да хоть бы и по системе дубльве, как футболисты на поле.

Кроме того, мне запомнилось, пожалуй, только одно событие — (и надо же) политические неурядицы. Как раз тогда, когда мы входили в последний пик скорости, разразилась война между Африко-Европейской Федерацией и Южно-Американскими Соединенными Штатами. Нас это вроде и не касалось; большинство так и считало, если у кого и были в этом конфликте определенные симпатии, их благоразумно хранили про себя. Но мистер Роч, наш Главный механик, родом из Федерации, а его первый помощник — из Буэнос-Айреса. И когда Буэнос-Айресу досталось, а в нем, возможно, и кое-кому из родственников мистера Регато, тот возложил персональную ответственность за это на своего босса. Глупость, конечно, но куда денешься?

Потом Капитан строго-настрого приказал относить ему на просмотр все новости с Земли, которые мы собираемся печатать; одновременно он напомнил нам о некоторых ограничениях, налагаемых на связистов, в отношении секретности переговоров корабля. Думаю, у меня лично хватило бы мозгов показать Капитану то сообщение прежде, чем его напечатать, но кто ж может это точно знать. На «Л. К.» всегда была свобода печати.

Нас спасло только то, что мы вошли в пик сразу же после той заметки. А когда вышли из пика, на Земле прошло четырнадцать лет, и по новой расстановке сил Аргентина уже обнималась со своими бывшими врагами, а с остальной Южной Америкой была на ножах. В результате мистер Роч и Регато мирно, как и прежде, играли в шахматы, и можно было подумать, что Капитану не их пришлось сдерживать, чтобы они не вцепились друг другу в глотки.

Все земные события кажутся мне немного нереальными, хотя мы и получали все время — конечно, когда не на пике — оттуда новости. Только привыкнешь к новой ситуации, а тут «Л. К.» входит в пик, на Земле проходят года, и все там уже по-другому. Раньше была Планетная Лига, а теперь это «Объединенная Система», и, говорят, новая конституция сделает войну невозможной.

Но для меня это все равно Планетная Лига; и та конституция тоже, как считалось, делала войну невоз-

можной. Интересно, что они там поменяли кроме названий?

Добрую половину новостей я просто не понимаю. Кэтлин сообщила, что их класс скинулся своими равнялками, чтобы купить школе Фарди в качестве подарка к окончанию. И что они теперь собираются Фарди по первому разу прошвырнуть, и ей надо бежать, так как она принимает участие в руководстве. Все это из нашего последнего разговора. Ну так пусть мне кто-нибудь объяснит, что такое эта (это? этот?) Фарди и почему нельзя было оставить ее (его?) в покое?

Новости научные я тоже не понимаю, но здесь я хотя бы знаю — почему, и знаю, что чаще всего кто-нибудь из находящихся на борту их понимает. Релятивисты до крайности возбуждены поступающей информацией. Информация эта настолько специальна, что всю ее приходится передавать назад, а в это время Жанет Меерс стоит у тебя над душой и пытается выхватить кассету из диктофона. Мистер О'Тул тоже возбужден, однако внешне это выражается только тем, что у него краснеет кончик носа, Доктор Бэбкок никогда не вызывает возбуждения, однако, после того, как я скопировал монографию под названием «Саммер относительно некоторых аспектов теории безотносительности», он два дня не появлялся в столовой. После этого я передал Ф.Д.П. другую монографию, написанную им самим. Она была столь же набита неудобоваримыми формулами, но у меня создалось впечатление, что доктор Бэбкок в вежливой форме обзывает профессора Саммера идиотом.

Жанет Меерс пыталась что-нибудь мне объяснить, но я не понял ничего кроме того, что концепция одновременности совершенно меняет облик физики.

— До этого времени, — говорила она, — мы занимались относительными аспектами пространственно-временного континуума. Но то, что делаете вы, телепаты, не имеет никакого отношения к пространству-времени, безотносительно к нему. Без времени нет пространства, без пространства не может быть времени. Без пространства-времени не может быть сохранения энергии-массы. Господи, да вообще ничего не может быть. Не удивительно, что некоторые из стари-

ков от всего этого просто свихнулись. Но теперь понемногу становится понятным, каким образом можно вписать вас в физику — в новую физику, она совершенно меняется.

Мне и со старой-то физикой было не так просто; от одной мысли о том, что придется учить новую, начинала болеть голова.

— А какая от этого польза?

Жанет была просто шокирована.

— Физика совсем не должна иметь какую-либо пользу. Физика просто существует.

— Ну не знаю. Старая физика была полезной. Возьмем, например, этот факел, который двигает наш корабль.

— А, ты про это. Так это же не физика, это же просто техника. — У нее было такое выражение, словно я сказал нечто неприличное.

Жанет я никогда не понимал и не пойму; пожалуй, хорошо, что она сказала, что будет для меня «как сестра». По словам Жанет, ее совершенно не волнует, младше я ее, или нет, но она никогда не сможет смотреть снизу вверх на человека, неспособного решить в уме уравнение четвертой степени — ...а ведь жена должна смотреть на своего мужа слегка вверх, не правда ли?

Теперь мы разгоняемся с 1,5 g. Таким образом, каждый разгон и торможение сокращаются примерно до четырех месяцев к-времени, несмотря даже на то, что расстояния стали больше. Во время разгона я вешу 220 фунтов и стал носить бандаж, но в пятидесяти процентах дополнительного веса нет ничего плохого; возможно, это даже хорошо для нас; тут, на корабле, слишком мало физических нагрузок.

Ф.Д.П. прекратил использование наркотиков для облегчения связи на пике скорости; это очень порадовало бы Доктора Деверо, ему наркотики очень не нравились. Теперь или твой телепартнер приспособливается к тебе при помощи гипноза и внушения, или уж не приспособливается, если не может. Кетлин сумела не потерять связь со мной во время последнего пика, однако я вижу, что флот теряет одну телепару за другой, особенно быстро теряют ее те, кто не получили

дополнительных телепартнеров. Не знаю, что было бы с моей связью без Кэтлин. Ничего хорошего.

А пока что на «Нинье» и «Генри Гудзоне» осталось всего по две команды; на остальных четырех кораблях, находящихся в контакте с Землей, не многим лучше. Мы, пожалуй, находимся в самой лучшей форме, хотя корабельных новостей мы получаем теперь мало, так как мисс Гамма потеряла контакт со своими сестрами, а, может, и их самих. «Санта Мария» числится «погибшей», но «Марко Поло» пока считается просто «утратившим контакт»; при последней связи он как раз подходил к пику и до выхода из него остается еще несколько земных лет.

Сейчас мы направляемся к небольшой звезде С-типа, которая при взгляде с Земли настолько слабо видна, что не заслужила себе не только имени, но даже и греческой буквы в своем созвездии, у нее есть только каталожный номер. Если смотреть с Земли, она расположена в Фениксе, между Драконом и Китом. Дядя дал ей имя «Полустанок», так мы ее и называли, невозможно ведь рыться в паломарском каталоге каждый раз, когда хочешь сказать, куда мы теперь направляемся. Без сомнения, если у нее окажется планета, хоть в половину такая же роскошная, как Конни, звезда эта получит достаточно солидное имя. К слову, несмотря на подхваченную нами болезнь, Конни будет колонизована; первые корабли с поселенцами уже в пути. Какая бы это ни была зараза (к тому же не исключено, что мы прихватили ее с собой, с Земли), она не хуже, чем полдюжины других, с которыми люди боролись и победили. Во всяком случае, такова официальная точка зрения, и корабли первопоселенцев отправились, зная, что они, возможно, заразятся и должны будут победить эту болезнь.

Лично я считаю, что все способы умереть одинаково опасны. Если уж ты умер — ты умер, даже если ты умер от «ничего серьезного». А Чума эта, как бы ужасна она ни была, меня не убила.

«Полустанок» не стоил того, чтобы на нем останавливаться. Теперь мы направляемся к Бете Кита, в шестидесяти трех световых годах от Земли.

Жаль, что Дасти потерял контакт и не может больше передавать изображения; я хотел бы посмотреть на свою правнучатую племянницу Вики. Так-то я знаю, как она выглядит — морковно-рыжие волосы, веснушки на носу, зеленые глаза, большой рот и шинки для выправления зубов. В настоящее время она щеголяет с подбитым глазом: глаз ей подбили в школе; кто-то вызвал Викино неудовольствие, назвав ее психом — жаль, что я не видел этой драки. Конечно, я знаю, на что она похожа, но все равно хотелось бы посмотреть.

Интересно, что в нашей семье сплошные девицы. Конечно, если посчитать всех потомков моих сестер, и брата вместе, будет примерно поровну того и другого пола. Но у Моды с Пэтом было две дочки, и ни одного сына, а я улетел не женившись, так что фамилия Бартлетов исчезла.

Очень хотелось бы иметь снимок Вики. Я знаю, что она далеко не красавица, но уверен, что она хорошенькая, такая мальчишеская, из тех, которые всегда ходят с ободранными коленками, не умея играть в приличные для девочек игры. Вики обычно остается на связи после того, как закончена передача сообщений, и мы с ней болтаем. Возможно, это из вежливости, она ведь, очевидно, считает меня таким же старым, как ее прадедушка Бартлет, хотя мать и говорила ей, что я не такой. Это зависит от того, где ты находишься. С моей точки зрения я бы сейчас только кончал последний курс колледжа, но она-то знает, что я — близнец Пэта.

Если ей так уж хочется нацепить на меня длинную седую бороду, пускай, ради общения с ней я согласен. Сегодня она очень торопилась, но делала это вежливо.

— Дядя Том, ты прости меня, пожалуйста, мне надо готовиться к контрольной по алгебре.

— (Самое честное?)

— Самое честное, ей-Богу. Я бы хотела остаться.

— (Ну беги, конопатая. Передай привет своим.)

— Пока. Позвоню тебе завтра пораньше.

Хорошая девочка.

Бета Кита — большая звезда из главной спектральной последовательности, такая большая, что может считаться гигантом — маленький гигант, в тридцать семь раз ярче Солнца. Она настолько яркая, что видна с Земли. У нее есть даже собственное имя, «Денеб Каитос», но мы никогда так ее не называли, слово «Денеб» напоминает о другом Денебе, Альфе Лебеда, настоящем гиганте из совсем другой части неба, находящемся на расстоянии почти в тысячу шестьсот световых лет.

Бета Кита настолько ярче Солнца, что нужная нам планета, если такая вообще имеется, должна быть на расстоянии порядка шестисот миллионов миль от нее, дальше, чем Юпитер от Солнца.

Мы нашли планету в этом районе, в пятистах восьмидесяти миллионах миль, что довольно близко. И совсем удачно то, что это — самая маленькая планета в системе, изобилующей переростками; следующая по порядку от центра уже больше Юпитера.

Программу рутинного внешнего обследования Элизии составлял я, под рассеянным руководством Гарри Гейтса. Гарри изо всех сил старается закончить свой главный труд, прежде чем придется отложить его в сторону и возглавить прямое исследование планеты. Он хочет передать эту работу на Землю, чтобы имя его навсегда сохранилось в ряду великих ученых — Гарри, конечно, не говорил такого, он достаточно скромн, он просто считает, что разработал космогонию планетных систем, приводящую к правилу Тициуса—Боде. По его словам, если все это верно, у любой звезды из главной спектральной последовательности должны быть планеты.

Может, и так, не знаю. Только я не понимаю, какой толк от звезды, у которой нет планет, и не верю, что вся эта безумно сложная вселенная возникла случайно. Планеты существуют для того, чтобы их использовали.

Быть Пятницей при Гарри совсем не трудно. Вся моя работа заключалась в том, что я вытащил микрофильмы отчетов о предварительном исследовании

Конни и написал аналогичную программу для Элизии; утята только то, что у нас поубавилось персонала. Помогали все с большой охотой, мы ведь (насколько нам известно) единственный корабль, дважды вытащивший счастливый номер, и один из четырех, вообще его вытащивших.

А теперь мы сели на воду и ждем, пока медицина разрешит выход наружу: у меня уже не такая запарка. Сегодня вечером попытался связаться с Вики и просто поболтать. Только там, дома, был тоже вечер, и у Вики было свидание, так что она вежливо отказалась.

За последний наш пик Вики повзрослела, теперь она уже интересуется мальчиками и не имеет так много времени для старенького дяди.

— (Это что, Джордж?) — спросил я, когда она захотела узнать, по делу ли я связываюсь.

— Если уж Вам хочется знать, это действительно Джордж! — выпалила она.

— (Не заводись так, конопатая), — ответил я, — (я же просто спросил.)

— А я просто ответила.

— (Конечно, конечно. Приятно провести время и не задерживайся слишком поздно.)

— Ты точь-в-точь, как отец.

Так оно, наверное, и было. Дело в том, что мне тот Джордж совсем не нравится, хотя я его никогда не видел, никогда не увижу и вообще не знаю о нем почти ничего. Вики кое-что рассказывала о Джордже, только понимал бы я, что значат все ее сленговые словечки, ну совсем, как иностранный язык!

Не ручаюсь за точность, но для себя я перевел ее рассказы так: он нравится ей, хотя и с некоторыми оговорками, и она надеется, что он дойдет до кондиции, или «будет тип-топ», когда она толком приложит к нему руки. Сильно подозреваю, что это прыщавый невежественный малолетний зануда, тот тип, к которому принадлежал и я сам, и который мне никогда не нравился — что-то вроде теперешнего Дасти Родса, только без потрясающего мозга, которым обладает Дасти.

Тут может создасться впечатление, что я ревную девочку, которую никогда не видел, к мальчику, кото-

рого никогда и не увижу, но это же просто смешно. Моя заинтересованность в ней чисто отеческая, или старше — братская, хотя я ей практически и не родственник вообще; мои родители были двоими из ее шестнадцати пра-пра-дедушек и бабушек — родство столь отдаленное, что большинство людей даже и не знает о существовании своих родственников такой степени родства.

А может, в диких теориях Вана и вправду что-то есть, и все мы становимся свихнутыми стариками, несмотря на свои молодые тела. Но это же ерунда. Хотя на Земле и прошло семьдесят лет, для меня со времени старта прошло только четыре года. Мое настоящее время отмеряется голодом и сном. На «Л. К.» я спал около тысячи четырехсот раз и ел по три раза — ну, может, еще раз-другой перехватывал что-нибудь — на сон грядущий. А это — четыре года, а не семьдесят.

Нет, я просто разочарован, что у меня первый свободный вечер за несколько недель, а мне нечем его занять, кроме как писать этот дневник. К слову сказать, насчет сна. Мне и вправду лучше бы лечь; первая группа выходит на поверхность завтра, если только врачи что-нибудь не придумают, и у меня будет уйма хлопот. Я не пойду с этой группой, но всяких дел в связи с их выходом будет достаточно.

Вот уж влипли, так влипли. Не знаю, что нам теперь и делать.

Лучше начать сначала. По всем статьям предварительного обследования Элизия дала отличные результаты — пригодная для дыхания атмосфера, климат в пределах земного и, видимо, более мягкий жизненный цикл, построенный на кислороде и углекислом газе, никаких необычных опасностей. И, конечно же, ни малейших признаков разумной жизни, иначе мы не стали бы садиться. Это — мир еще более водяной, чем Земля, океанами покрыто свыше 90% поверхности планеты. Сначала были даже разговоры насчет того, чтобы назвать планету «Аквария», но кто-то подумал, что нет смысла давать ей название, которое может

показаться непривлекательным для колонистов; в то же время здесь, похоже, не меньше земли, пригодной для использования, чем на Земле.

Так что мы пристроились к одному острову размером почти с Мадагаскар — по местным масштабам это почти континент — с намерением подробно изучить его целиком и доложить о возможности организации здесь колонии, как только Ф.Д.П. сможет прислать корабль. Мы знали, что Конни уже осваивается, и хотели, чтобы то же самое можно было сделать и с новой планетой.

Я похлопал Перси и попросил его оценить, как там, на острове, а если он найдет там себе даму — сообщить мне об этом. Дядя Лукас установил на берегу охрану; научная группа отправилась в тот же день. Было ясно, что Элизия представит не больше трудностей, чем Конни, и окажется почти столь же великолепной находкой — если не принимать во внимание небольшую, но всегда оставшуюся вероятность какой-либо экзотической заразы, с которой мы не сможем справиться.

Так было две недели тому назад.

Начиналось все совершенно обычно. Перси и прочие подопытные животные процветали на элизианских харчах; Ван не сумел подхватить какой-либо серьезной болезни, только стал немного чесаться. Потом он начал испытывать элизианскую пищу и на себе — были там такие неуклюжие четырехкрылые птицы, очень хорошие для супа. Ван сказал, что они напоминают ему жареную индейку, чуть с привкусом тыквы. Однако Перси Свинья не стал притрагиваться к некоторым из пойманных в океане рыб, а крысы, евшие этих рыб, сдохли. Так что всякую морскую пищу отложили до дальнейшего исследования. Рыбки эти не похожи на наших, они плоские не в ту сторону, как камбала, и у них усики, немного вроде соминых, с изгибающимися, а не твердыми кончиками. Гарри Гайтс считал, что это — органы осязания, а может — даже и манипулятивные.

На острове не было ничего похожего на здоровых плотоядных ящериц, одна из которых прикончила Лефти Гомеса. Однако, нельзя было сказать, чего мож-

но ожидать на других островах; массивы — суши так удалены друг от друга, что картина эволюции в разных архипелагах могла быть совершенно различной. В нашем донесении должна была присутствовать рекомендация колонизовать сперва остров Деверо, а затем уже осторожно обследовать остальные.

Я собирался выйти на поверхность в третьей смене, Дядя работал первую неделю, потом неделю отдыхал, а теперь должен был стоять вахту на корабле, а я связывался бы с ним снаружи. Но в последнюю секунду я поменялся, Анна очень стремилась выйти. Меняться мне не хотелось, но так как со времени смерти Рупа я вел расписание вахт, отказаться было как-то неловко. В эту же третью смену выходил муж Галории, а с ним и она сама, но это не считалось, так как ее телепартнер там, на Земле, был в отпуске.

Когда они покидали корабль, я мрачно наблюдал происходящее с верхушки «Л. К.». Здесь, на выходе из шлюза, была пристроена временная палуба, отличное место, чтобы смотреть, как у грузовых люков загружаются лодки. Техники покончили с осмотром и ремонтом двигателей, а также почти заполнили топливные баки; в результате чего «Л. К.» глубоко сидел в воде, и грузовые люки были всего футах в десяти над ватерлинией. Поэтому грузиться было удобно. При высадке первой группы баки были пусты, лодки приходилось опускать почти на сто футов, а пассажиры спускались с этой высоты по веревочным лестницам — не очень легкая задача для людей, страдающих боязнью высоты, а такие у нас имелись. Но сегодня все было просто.

Шлюз у нас маленький и годится только для выхода людей; все, что крупнее, должно проходить через грузовые люки. Их тоже можно превратить в шлюзы, на Аде в системе Беты Гидры мы так и сделали, однако, если атмосфера хорошая, эти лючки используются просто как двери. Они расположены на грузовой палубе, под палубой, на которой у нас столовая, и над палубой вспомогательных механизмов. На грузовой палубе находились три наши лодки и два вертолета. Лодки легко опускались на воду прямо с палубы, но с вертолетами все значительно сложнее. Сперва их надо

выставить наружу на тех же балках, с которых опускались лодки. Затем к ним прицепляли тросы и их тянули вверх, вдоль кривой поверхности корабля, на временную палубу, где на них уже и ставились винты.

Каждый раз, когда мы всем этим занимались, мистер Регато ругал конструкторов последними словами, а саму эту конструкцию называл не иначе, как «механический бред». Каждый конструктор, какого я встречал в своей жизни, прямо счастлив, если у него получается красивая картинка. Ему и в голову не приходит остановиться и подумать, что потом некоему несчастному идиоту придется этой картинкой пользоваться.

Вполне возможно, таким образом хотели организовать выгрузку вертолетов с помощью минимального количества специального оборудования, которое может выйти из строя. Это обстоятельство, как я понимаю, все время имелось в виду при переделке кораблей для нужд нашего проекта. И вообще, в этот день оба вертолета были выгружены и готовы к полетам; один из них находился в лагере, а другой был привязан неподалеку от меня на временной палубе. Всего-то и надо было — загрузить лодки.

Лодками этими были вельботы, изготовленные из стекла и тефлона, непотопляемые из-за пористого пластика, заполнявшего все их закоулки. Они такие крепкие, что вмятину в них еще можно сделать, если очень уж постараться, но пробоину — никак, разве что сверлом или высокотемпературной горелкой. К тому же они совсем легкие — пустую лодку нетрудно поднять вчетвером. На такой не страшно выкинуться на скалистый берег; потом, после разгрузки ее можно оттащить повыше. Лодки снабжены спиртовыми двигателями, как и вертолеты; однако на них есть также и весла и парус. Мы ни разу не использовали весла, хотя обучались на тренажерах под бдительным присмотром дяди Стива.

Предыдущим вечером лодки вернулись на корабль с грузом образцов для исследовательского отдела; теперь они отправлялись на берег с новой сменой на борту. Со своей верхотуры я хорошо видел в полумиле от себя людей, собиравшихся вернуться на корабль;

они столпились на берегу, ожидая, когда их заберут. Две лодки были уже на воде и ожидали третью; на каждой из них отправлялось около восемнадцати человек и несколько тюков всякого имущества, реквизированного Гарри Гейтсом для научной работы на берегу; кроме того, лодки захватили недельные припасы всей десантной группы.

Я почувствовал движение у себя за спиной, повернулся и увидел, что Старик поднимается на палубу через шлюз.

— Доброе утро, Капитан.

— Доброе утро, Бартлет. — Он окинул взглядом горизонт. — Прекрасный день.

— Да, сэр... И прекрасное место.

— Это уж точно. — Он поглядел в направлении берега. — Обязательно найду какой-нибудь предлог для того, чтобы выйти здесь на поверхность. Я слишком засиделся в этой металлической коробке.

— Не вижу, почему бы и нет, сэр. Эта планета приветлива, как щенок. Не то, что Ад.

— Совсем не то, что Ад. — Он отвернулся в сторону, и я тоже; неприлично стараться поддерживать разговор с Капитаном, если сам он не выказывает к этому охоты. Третью лодку наконец загрузили и спустили на воду; все они были ядрах в пятидесяти от корабля и выстраивались в колонну, чтобы вместе идти к берегу. Я помахал Глории и Анне.

Рядом с каждой из лодок из воды появилось нечто вроде длинной, мокрой веревки толщиной с мою талию, веревки переклестнули лодки посередине, концы их окунулись в воду на другой стороне. Я заорал:

— Эй, Капитан! Смотрите!

Он резко повернулся. Лодки накренились и ушли под воду — их утащило под воду. Я услышал чей-то крик, вода кишела барахтающимися людьми.

Капитан, схватившись за ограждение палубы, смотрел на этот ужас. Он произнес ровным голосом:

— Ты можешь запустить вертушку?

— Думаю да, Капитан. — Я не был пилотом вертолета, однако знал, как он действует.

— Ну так запускай. — Он далеко перегнулся и прокричал:

— Закройте люк! — А потом повернулся и нырнул в отверстие шлюза. Прежде чем повернуться и вскарабкаться в вертолет, краем глаза я успел заметить, что заставило его закричать. Еще одна из этих мокрых веревок ползла по обшивке «Л. К.» в направлении грузового люка.

Запустить вертолет оказалось сложнее, чем мне это представлялось, однако над приборной панелью была инструкция. Я кое-как дошел до «четвертая операция: запуск винта», но тут меня откинул в сторону Эйс Венцель, двигательщик, бывший по совместительству пилотом. Эйс сделал что-то обеими руками одновременно, лопасти пришли в движение, тени их пробежали по нашим лицам; он закричал:

— Отвяжи!

Я был вышвырнут из двери вертолета на палубу, по лесенке торопливо карабкался Главный врач. Я свалился с высоты в четыре фута, и в тот же момент сверху на меня обрушился поток воздуха. Поднявшись на ноги, я огляделся.

На поверхности воды ничего не было, абсолютно ничего. Ни одного тела, ни одного человека, пытающегося спастись, ни малейшего следа самих лодок. Не плавало даже ничего из груза, хотя некоторые из свертков должны были плавать. Я это знал, я сам упаковывал некоторые из них.

Рядом со мной стояла Жанет, ее трясло от всхлипываний. Я тупо спросил:

— Что это было?

Она попыталась взять себя в руки и ответила дрожащим голосом:

— Не знаю. Я видела, как один из них утащил Отто. Это просто... это просто... — Разрыдавшись снова, Жанет отвернулась.

На воде не было ничего, но теперь я рассмотрел, что в воде, точнее, под водой, что-то есть. Если поверхность воды достаточно спокойна, сверху можно заглянуть вглубь. Так вот корабль правильным строем окружали какие-то штуки. Они походили на китов, точнее, на то, как я себе представляю китов в воде. Я в жизни не видел кита.

До моих затуманенных мозгов как раз начало доходить, что я смотрю на те самые существа, которые уничтожили наши лодки, когда кто-то громко закричал и указал на берег. На берегу люди, собиравшиеся вернуться на корабль, все еще находились у кромки воды, но уже не одни — они были окружены. Какие-то существа вышли из воды по обе стороны от них и отрезали их от острова. До берега было далеко, видно плохо, но морских тварей я различал отчетливо, они гораздо крупнее людей. Ног у них, насколько я мог понять, нет, но это не замедляло их движений — они были быстрыми, очень быстрыми.

Наших людей, как стадо, гнали к воде.

И мы не могли ничего поделать, абсолютно ничего. Под нами был корабль, вершина многовекового технического прогресса; факел его двигателя может в мгновение ока испепелить город. На берегу у охранников было оружие, с которым один человек смог бы противостоять целой армии прошлого, где-то на корабле была еще уйма подобного оружия. Но в этот момент я даже не представлял, где находится наш арсенал, вроде где-то на вспомогательной палубе — можно ведь прожить очень долго на корабле и так и не ознакомиться со всеми его отсеками.

Наверное, мне надо было уже побежать до вспомогательной палубы и отыскать оружие. Но я тупо стоял там, наверху, вместе с дюжиной других. Мы просто окаменели и смотрели на происходящее.

Однако, у кого-то была реакция получше. Два человека выскочили из шлюза; они бросили на палубу две крупнокалиберные винтовки, начали лихорадочно готовить их к стрельбе и вскрывать коробки с боеприпасами. Могли бы и не торопиться; к тому времени, когда они изготовились прицелиться во врага, берег был столь же пустынен, как и поверхность моря. Наших товарищей затолкали и утащили под воду. Над этим местом парил вертолет, с него свисала спасательная лестница, но на ней никого не было.

Вертолет сделал круг над островом, пролетел над лагерьем десантной группы и вернулся на корабль.

Пока он опускался, из шлюза торопливо вылез Чет Треверс. Он оглянулся по сторонам, увидел меня и спросил:

— Том, а где Капитан?

— На вертушке.

— А. — Он нахмурился. — Слушай, передай ему это. Срочно. Мне надо вернуться. — Он сунул мне в руки листок бумаги и исчез. Я бросил взгляд на бумажку, увидел банк радиogramмы, увидел, от кого она и, как только Капитан сошел с вертолета, схватил его за локоть.

Он стряхнул мою руку:

— С дороги.

— Капитан, Вы просто должны — это сообщение с острова, от майора Лукаса.

Тогда он остановился, взял у меня радиogramму и начал искать очки, которые торчали у него из кармана. Потом, прежде чем я успел помочь ему с очками, сунул бланк назад в мою руку и сказал:

— Прочитай мне вслух, сынок.

Я прочитал:

— От: Командира охраны корабля. — На имя: Командира корабля «Льюис и Кларк» — девять тридцать одна — в девять ноль пять исследовательский лагерь был атакован враждебными туземцами, по-видимому, амфибиями. После первоначальных тяжелых потерь атака была отбита, и я с семьей оставшимися в живых отступил на вершину холма к северу от лагеря. Мы были вынуждены бросить исследовательский вертолет номер два. В момент атаки группа, направлявшаяся на корабль, ожидала на берегу, мы отрезаны от них, их положение неизвестно, но, по-видимому, является отчаянным. — Обсуждение ситуации: атака была хорошо организованной и вооруженной. Главным оружием аборигенов является струя морской воды под очень высоким давлением, однако они используют также личное колющее и режущее оружие. Очевидно, они столь же разумны, как и мы, столь же дисциплинированы и, принимая во внимание условия, возможно, столь же хорошо вооружены. В настоящий момент численное превосходство дает им преимущество, даже учитывая отсутствие у них более совершенного ору-

жия. — Рекомендации: Остатки моего отряда могут держаться на занятой позиции против того оружия, которым до настоящего момента располагали аборигены. Поэтому настоятельно рекомендуется, чтобы срочные меры были ограничены спасением команды на берегу. Затем корабль должен быть выведен на орбиту. После этого надо разработать план и изготовить подходящее оружие с целью того, чтобы снять мой отряд, не подвергая риску корабль. С. Лукас, комендант лагеря, девять тридцать шесть.

Капитан взял у меня радиogramму и, не произнеся ни слова, повернулся к шлюзу. Молчали и все скопившиеся на верхней палубе, а было нас человек двадцать. Я немного задержался, но, увидев, что остальные спускаются внутрь, протолкался вперед и пошел вслед за Капитаном.

Он спустился двумя палубами ниже и пошел в центр связи. Я не пошел за Капитаном, но он оставил дверь открытой. Находившийся там Чет Треверс склонился над оборудованием, которое использовалось для связи с лагерем; командор Фрик с озабоченным выражением лица стоял у него за спиной. Капитан сказал:

— Дайте мне майора Лукаса.

Командор Фрик поднял глаза:

— Мы пытаемся, Капитан. Связь прервалась в то время, как они диктовали список погибших.

Капитан пожевал губу, вид у него был потерянный. Затем он сказал:

— Продолжайте попытки, — и повернулся. И увидел меня. — Бартлет!

— Да, сэр!

— Там находится один из ваших. Свяжитесь с ним.

Я лихорадочно соображал, какое сейчас время по Гринвичу, одновременно вызывая Вики. Вики дома, она может по прямой линии связаться с Ф.Д.П., они свяжут ее с телепартнером Сэма Рохаса, а значит — и с самим Сэмом. Тогда Капитан сможет говорить с дядей Стивом по цепочке из четырех звеньев почти столь же быстро, как по радио.

— (Вики! Отвечай, Вики! Это срочно!)

— Да, дядя Том? В чем дело? Я уже сплю.

Командор Фрик сказал:

— Не думаю, что это получится, Капитан. Рохаса нет в списке уцелевших. Его смена кончалась и он, наверное, был на берегу.

Да конечно же! Сэм был на берегу — я же видел, как его загоняли в воду.

— В чем дело, дядя Том?

— (Ты подожди немного, просто не отключайся и жди.)

— Тогда кого-нибудь другого, — почти крикнул Капитан.

— Никого другого нет, Капитан, — ответил Фрик. — Вот список уцелевших. Рохас был единственным пси... — единственным специальным связистом на острове.

Капитан бросил взгляд на список и сказал:

— Объявите, чтобы все, свободные от вахты, сию же минуту собрались в столовой. — Он повернулся и пошел прямо сквозь меня. Я отскочил в сторону.

— В чем дело, дядя Том? У тебя встревоженный голос.

Я попытался взять себя в руки и говорить спокойно.

— (Да тут просто ошибка. Не бери в голову и поскорее засыпай. Прости, пожалуйста.)

— Хорошо. Но все-таки у тебя какой-то обеспокоенный голос.

Я побежал следом за Капитаном. Мы бежали по трапу вниз, а тем временем по корабельной системе оповещения разносился голос командора Фрика, объявлявшего приказ Капитана, и все же сам Фрик появился в столовой всего на какие-то одну-две секунды позже меня. Мы все собрались здесь за какие-то секунды, все, маленькая горсточка тех, кто улетал с Земли — человек сорок. Капитан огляделся по сторонам, спросил Каза Уорнера:

— Это все?

— Думаю, что так, Капитан, если не считать вахтенных техников.

— Я оставил Треверса на вахте, — добавил Фрик.

— Хорошо. — Капитан повернулся и посмотрел на нас. — В ближайшее время мы отправимся спасать уцелевших из десантного отряда. Добровольцы, шаг вперед.

Мы не шагнули, мы бросились вперед, все разом. Мне бы хотелось сказать, что я лично, из-за дяди Стива, был на какую-то долю секунды впереди других, но не хочу врать. Миссис Гейтс с маленьким Гарри на руках бросилась вперед так же быстро, как и я.

— Благодарю вас, — немного чопорно сказал Капитан. — А теперь женщины отойдите, пожалуйста, сюда, к кладовой, чтобы я мог отобрать тех мужчин, которые пойдут в спасательной группе.

— Капитан?

— Да, Капитан Уркхардт?

— Я поведу группу.

— Вы не сделаете ничего подобного, сэр. Поведу я. А вы сейчас возьмете нескольких женщин, спуститесь вниз и принесете оттуда все, что нам будет необходимо.

— Есть, сэр. — Едва заметно помедлив, ответил Уркхардт.

— Это правило — наше основное правило во всем, что касается риска — относится и ко всем остальным. В каждом случае, когда имеются двое, способных выполнять одну и ту же работу, идет старший. В остальных случаях, если без работы, выполняемой членом команды, можно обойтись — он идет, если нельзя — остается.

Он огляделся:

— Доктор Бэбкок!

— Готов, шкипер!

Тут вмешался мистер О'Тул:

— Секунду, Капитан. Я вдовец, а доктор Бэбкок значительно более...

— Молчать!

— Но...

— Какого черта, сэр, я что — должен обсуждать свои приказы с каждым из вас по очереди? Неужели вам нужно напоминать, что сейчас дорога каждая секунда? Идите туда, к женщинам.

Разъяренный, с побагровевшим лицом О'Тул подчинился.

— Мистер Уорнер, мистер Роч, доктор Северин... — продолжал Капитан. Он быстро отобрал команду и взмахом руки отправил нас, остальных, к кладовой.

Дядюшка Альфред Мак Нейл попытался расправить свои сутулые плечи.

— Вы забыли про меня, Капитан. Я самый старший в нашем лагере.

Лицо Капитана едва заметно смягчилось.

— Нет, мистер Мак Нейл, я не забыл про Вас, — негромко сказал он, — но вместимость вертолета ограничена, а нам нужно еще подобрать семерых. Поэтому я вынужден оставить Вас на корабле.

Плечи дядюшки Альфа согнулись, я думал, он сейчас заплачет. Нетвердой походкой он отошел от маленькой группы, отобранной Капитаном. Дасте Родс поймал мой взгляд: вид у его был гордый и уверенный. Он был одним из избранных. Выглядел Дасте не старше шестнадцати и, скорее всего, ни разу еще не брился; это, вероятно, был первый случай в его жизни, когда к нему отнеслись как к настоящему мужчине.

Несмотря на то, как резко Капитан заставлял смолкнуть всех, пытавшихся ему возразить, я не мог оставить этого так. Сделав шаг вперед, я тронул его за рукав.

— Капитан... Меня Вы просто должны взять! Там мой дядя.

Казалось, Капитан сейчас взорвется, но он взял себя в руки.

— Я Вас понимаю. Но Вы — специальный связист, а у нас их и так нехватка. Я передам майору Лукасу, что Вы пытались пойти с нашей группой.

— Но...

— А теперь заткнись и делай, как тебе велено, или ты у меня улетишь сейчас вон в тот угол. — Он отвернулся, словно меня здесь вообще не было.

Через пять минут раздали оружие, и мы полезли наверх смотреть, как они улетают. Эйс Вендель запустил двигатель вертолета на холостых оборотах и спрыгнул на палубу. Они поднялись по лесенке, все восемь человек, Капитан последним. У Дасте в руках была крупнокалиберная винтовка и по патронтажу через каждое плечо, на лице его играла возбужденная улыбка. Он подмигнул мне и сказал:

— Обещаю тебе писать.

Капитан остановился и сказал:

— Капитан Уркхардт.

— Да, сэр.

Капитан и запасной капитан секунду о чем-то говорили; мне их не было слышно, да наверное нам и не полагалось слышать этот разговор. Затем Уркхардт громко сказал:

— Есть, сэр. Будет сделано.

— Очень хорошо, сэр. — Капитан вошел в вертолет, захлопнул за собой дверцу и сам взялся за ручки управления. Поток воздуха от винта ударил в нас, и я с трудом удержался на ногах.

А потом мы стали ждать.

Я бегал с временной палубы в центр связи и обратно. Чет Треверс так и не смог связаться с дядей Стивом, но все время находился в контакте с вертолетом. Поднимаясь наверх, я каждый раз высматривал морских тварей, но они, похоже, удалились.

Когда я очередной раз спустился, Чет был полон восторга.

— Они их забрали! — объявил он. — Они уже взлетели. — Я хотел его расспросить, но Чет повернулся и объявлял радостную новость всему кораблю. Я побежал наверх, чтобы попробовать рассмотреть вертолет.

И увидел его сразу, около вершины холма, в полутора милях от нас. Он быстро приближался. Скоро можно было даже рассмотреть людей, сидевших внутри. Когда машина подлетела совсем близко, кто-то из сидевших в ней открыл иллюминатор с нашей стороны.

Капитан не очень умел управляться с вертолетом. Он попробовал сесть сразу, но ошибся в оценке ветра, пришлось пролететь мимо и сделать новый заход. При этом вертолет пролетел так близко к кораблю, что всех, сидевших в нем, было ясно видно. Я увидел дядю Стива, он тоже увидел меня и помахал рукой; он ничего не крикнул, просто помахал мне. Рядом с ним сидел Дасти Родс, он тоже увидел меня. Ухмыльнувшись, он махнул мне рукой и закричал:

— Эй, Том, я спас твоего дружка! — Он что-то вытащил из-за своей спины и вдруг в иллюминаторе показалась голова и передние лапы Перси. Дасти одной рукой держал поросенка, другой указывал на него. Оба улыбались.

— Спасибо! — прокричал я в ответ. — Привет, Перси! В нескольких сотнях футов от корабля вертолет развернулся и полетел назад.

Он направлялся прямо к нам и сел бы через какие-то секунды, но тут прямо под ним что-то выступило из воды. Потом говорили, что это был какой-то механизм, но мне предмет казался похожим на чудовищный слоновый хобот. Из конца этого хобота вырвалась струя воды, такая сплошная, твердая и блестящая, словно сделанная из стали. Она ударила в винт вертолета, и тот покачнулся.

Капитан, наклонив вертолет, увел его вбок, но струя последовала за ним, ударила в корпус и снова в винт. Машина сильно накренилась и начала падать.

При чрезвычайных обстоятельствах от меня обычно немного толку, это уж несколькими часами позднее я начинаю соображать, что надо было сделать. Но на этот раз я действовал не раздумывая. Я соскользнул по трапу, даже не задевая ступенек, и мгновенно оказался на грузовой палубе. Люк на этой стороне был закрыт, как приказал в тот раз Капитан; я ударил по кнопке, и он начал со скрежетом отворяться. Затем, быстро оглянувшись, я увидел то, что было нужно — тросы, на которых опускали лодки, сложенные бухтами на палубе, но пока еще не закрепленные и не убранные. Я схватил конец одного из этих тросов и, пока крышка люка еще откидывалась, уже стоял у него наготове.

Разбитый вертолет плавал прямо передо мной, в воде около него барахтались люди:

— Дядя Стив! — закричал я. — Лови! — и швырнул трос как можно дальше.

Я даже не успел его увидеть, когда кричал. Просто мысль о дяде была в моей голове единственной. А потом увидел его, далеко, гораздо дальше, чем я мог добросить конец. И услышал его ответ:

— Сейчас, Том! — и он сильными движениями поплыл к кораблю.

Я был насколько не в себе, что чуть не вытащил трос из воды для нового броска, но тут сообразил, что бросил его достаточно далеко, чтобы им мог воспользоваться другой. Я снова закричал:

— Гарри! За тобой! Хватай его!

Гарри Гейтс повернулся в воде, попытался ухватить трос уцепился. Я начал его подтаскивать.

Как я подтащил Гарри к борту корабля, он чуть не выскочил из воды. Одна из его рук не действовала. Однако совместными усилиями мы затащили его внутрь. Вряд ли это удалось бы, не сиди корабль так глубоко в воде. Оказавшись на палубе, Гарри упал ничком, лицом вниз, всхлипывая и хватая воздух ртом.

Я резко вырвал трос из его все еще сжатой руки и повернулся для нового броска, теперь — дяде Стиву.

Вертолета не было, дяди Стива не было, поверхность воды, как и в прошлый раз, была совершенно пустынной, только Перси, с мрачной решимостью на высоко поднятой над водой морде, плыл к кораблю.

Я еще раз окинул взглядом воду, чтобы окончательно убедиться, что людей на поверхности нет. Потом попытался придумать, чем можно помочь Перси.

Ухватиться за трос несчастная свинья отбивная не сможет, это уж точно. Может, я сумею накинуть на него аркан. Завязать скользящую петлю на конце тяжелого мокрого троса было непросто. Я только что покончил с этим занятием, когда Перси в ужасе завизжал, я повернул голову как раз вовремя, чтобы увидеть, как нечто утаскивает его под воду.

Это нечто не было пастью. Думаю, это не была пасть.

ГЛАВА 15

«Выполняйте задание»

Не знаю уж, чего я ожидал после нападения чудовищ. Мы просто слонялись по кораблю в каком-то отрешении. Некоторые пытались что-то высмотреть с временной палубы. Продолжалось это до тех пор, пока из воды не высунулась снова эта прыскалка, чуть не зашибив одного из нас; тогда Капитан Уркхардт приказал никому не покидать внутренних помещений, и люки закрыли.

И чего уж точно я не ожидал, так это объявленного после ужина (если это можно назвать ужином, просто

понаделали себе бутербродов) приказа. Я должен был незамедлительно явиться на совещание глав отделов.

— Это тебя, Том? — спросил Чет Треверс. — Говорят, дядя Альф заболел. Дверь его каюты закрыта.

— Видно, меня. — На Дядю все случившееся подействовало очень сильно; по приказу единственного оставшегося у нас медика, доктора Пандита, он принял большую дозу снотворного и лежал в постели.

— Тогда тебе лучше бы бежать туда побыстрее.

Я было отправился в каюту Капитана Уркхардта, но там было темно. Затем, проявив необычную для меня смекалку, я пошел в капитанскую каюту. Дверь ее была нараспашку, вызванные уже сидели вокруг стола, во главе с Капитаном Уркхардтом:

— Отдел специальной связи, сэр, — отрапортовал я.

— Садитесь, Бартлет.

За мной вошел Гарри, после чего Уркхардт встал, закрыл двери и снова сел на свое место. Я огляделся, думая про себя, что это довольно забавное совещание глав отделов. Из присутствовавших один только Гарри Гейтс был начальником в момент старта. Мистер Истмен был вместо командора Фрика. Мамочка О'Тул умерла уже давно, но теперь погиб и Каз; отдел экологии был представлен мистером Кришнамурти, который когда-то всего лишь присматривал за кондиционированием воздуха и гидропоникой. Мистер О'Тул заменял доктора Бэбкока, мистер Регато — мистера Роча. Сержант Андреели, бывший также техником при двигателях, находился здесь вместо дяди Стива, и он являлся единственным оставшимся в живых членом охраны — пару дней тому назад его отослали на корабль со сломанной рукой. Доктор Пандит сидел на месте, принадлежавшем когда-то Доктору Деверо.

Ну и, конечно, я, но я только временно замещал дядюшку Альфа, к счастью, еще живого. Хуже всего было то, что вместо прежнего Капитана сидел Капитан Уркхардт.

Капитан Уркхардт начал:

— У меня нет необходимости описывать вам подробно то положение, в котором мы находимся, вы знаете его не хуже меня. Опустим мы также и обычные рапорты по отделам. По моему мнению, наше

исследование этой планеты завершено; с имеющимся у нас персоналом и техникой мы не можем ничего к нему добавить. Разве что нужно составить еще одно донесение, описывающее опасности, с которыми мы сегодня столкнулись, чтобы первые поселенцы были готовы защитить себя от них. Есть возражения? Доктор Гейтс, вы желаете продолжить здесь исследования?

На лице Гарри появилось удивление и он ответил:

— Нет, Капитан. При сложившихся обстоятельствах — нет.

— Замечания? — Замечаний ни у кого не было. — Хорошо, — продолжил Уркхардт. — Тогда я предлагаю прикинуть курс к Альфе Феникса. Панихида завтра в девять; стартуем в полдень. Замечания? Пожалуйста, мистер О'Тул.

— А? Вы хотите знать, будут ли у нас готовы ко времени все расчеты? Думаю, да, если мы с Жанет сразу сейчас возьмемся за работу.

— Садитесь сразу, как только мы разойдемся. Мистер Регато?

Вид у Регато был пораженный:

— Я не ожидал этого, Капитан.

— Я понимаю, все это несколько неожиданно, но все-таки может ваш отдел подготовиться? Насколько мне известно, топливо на борту есть.

— Не в этом дело, Капитан. Конечно, двигатели будут готовы. Только мне казалось, что нам предстоит один дальний переход — к Земле.

— И что же заставило Вас прийти к такому заключению?

— Ну... ээ... — новый Главный механик начал заикаться и чуть не перескочил с ПЛ-жаргона на родной испанский. — Но ведь мы в жутком положении, сэр. Нашему отделу придется стоять вахты через одну, почти не отдыхая. Не могу говорить за другие отделы, но и там, вероятно, не лучше.

— Конечно, не можете, да я Вас об этом и не прошу. А что касается Вашего отдела, технически он готов?

Регато сглотнул:

— Да, сэр. Только ведь ломаться могут не одни механизмы, люди тоже.

— А разве не пришлось бы Вам точно так же стоять вахты через одну, если бы мы направились сейчас к Земле? — Уркхардт не стал дожидаться и так очевидного ответа, а вместо этого продолжил: — Жаль, что мне приходится это говорить. Мы здесь не для собственного удовольствия, мы выполняем возложенную на нас миссию. Все вы прекрасно знаете это. Сегодня, перед самым своим отлетом, Капитан Свенсон сказал мне: «Примите командование моим кораблем, сэр. Выполняйте порученное нам задание». — И я ответил: «Есть, сэр». — Позвольте мне напомнить вам, в чем состоит это задание: нас послали для проведения тех самых исследований, которыми мы занимаемся, с приказанием продолжать поиски до тех пор, пока у нас сохраняется связь с Землей. После прекращения связи мы имеем право вернуться, если сможем. Так вот, джентльмены, связь с Землей у нас пока еще есть, следующий пункт, назначенный к исследованию — Альфа Феникса. По-моему, все совершенно ясно.

В моей голове была такая сумятица, что я едва его слышал. Я думал: кем, интересно, он себя считает? Колумбом? Летучим Голландцем? Нас осталось в живых чуть больше тридцати человек — это из двух сотен. Лодок нет, вертолетов нет... Я чуть не прослушал следующее, что он сказал.

— Бартлет?

— Сэр?

— А как с Вашим отделом?

Тут меня осенило, что именно мы являемся ключевым отделом — мы, психи. Когда мы утратим контакт, ему обязательно придется повернуть назад. Меня так и подмывало заявить, что все мы вдруг оглохли, но, как я хорошо понимал, это бы не прошло. Так что я воздержался.

— Как Вы верно сказали, сэр, у нас есть связь с Землей.

— Очень хорошо. — Он перевел взгляд на доктора Пандита.

— Одну секунду, Капитан, — продолжил я. — Но это не все.

— Да? Говорите, в чем дело.

— Понимаете, ведь следующий бросок будет продолжаться около тридцати лет, верно ведь? Я имею в виду Гринвичское время.

— Что-то в этом роде. Чуть поменьше.

— «Что-то в этом роде.» Специальных связистов осталось трое, я, Дядя — я хотел сказать мистер Мак Нейл — и Мей-Лин Треверс. Думаю, Дядю считать не надо.

— Почему?

— Потому, что он все еще на связи со своей первоначальной напарницей и ей сейчас почти столько же лет, сколько ему. Как Вы думаете, проживет Дядя еще тридцать лет?

— Но для него же это не будут тридцать лет. А, извините! Я понял. Ей будет уже за сто, если она вообще доживет. Может стать сенильной.

— Возможно, сэр. А скорее всего — умрет.

— Ну хорошо, забудем про Мак Нейла. Остается вас двое. Вполне достаточно для того, чтобы передавать самые существенные сообщения.

— Сомневаюсь, сэр. На Мей-Лин надежда тоже слаба. У нее связь только вторичная и напарнику больше тридцати, детей нет. По опыту других телепатических пар я бы счел крайне маловероятным, что они сохранят связь после очередного пика. Особенно — после пика в тридцать лет.

— Остаетесь еще Вы.

Тут я вдруг подумал, что если бы у меня хватило духу прыгнуть с корабля в воду, все остальные могли бы спокойно отправиться домой. Это не было серьезной мыслью: я, конечно, когда-нибудь умру, но уж во всяком случае не из-за самоубийства.

— Со мной тоже не многим лучше, сэр. Моей напарнице около... — мне пришлось остановиться и подсчитать, результат как-то не укладывался в голове, — около девятнадцати, сэр. Детей нет. И нет шансов, что дети появятся прежде, чем мы войдем в пик. Да и в любом случае я не смог бы связаться с новорожденным ребенком. Когда мы выйдем из пика, ей будет под пятьдесят. Насколько мне известно, до настоящего момента у всего нашего флота не было случаев восстановления связи после столь долгого перерыва.

Он ответил не сразу:

— У Вас есть какие-нибудь причины считать, что это невозможно?

— Ну... вообще-то нет, сэр. Но это крайне маловероятно.

— Ммм... Вы считаете себя специалистом в теории телепатии?

— Кем? Конечно, нет, сэр. Я просто телепат, вот и все.

— Думаю, скорее всего он прав, — вступил в разговор доктор Пандит.

— А Вы — специалист, доктор?

— Я, сэр? Как вам известно, моей специальностью являются редкие заболевания. Однако...

— В таком случае мы проконсультируемся с Землей. Возможно, они смогут посоветовать нам что-либо. Что-нибудь, что увеличит наши шансы. Вполне возможно, ввиду сложившихся обстоятельств фонд разрешит снова использовать наркотики для уменьшения вероятности того, что после пика не удастся восстановить связь. Или что-нибудь еще...

Я хотел сказать ему, что Вики не станет рисковать и принимать опасные наркотики, к которым можно и привыкнуть. А потом передумал. Пэт принимал — значит, и Вики может.

— Это все, джентльмены. Мы стартуем завтра в полдень. Да, вот еще. Один из вас намекал, что на нашем корабле упала мораль. Верно, и я знаю это, возможно, лучше, чем кто-либо из вас. Однако мораль восстановится, и мы сможем быстрее забыть о своих утратах, если мы сразу же возьмемся за работу. Хочу еще только добавить, что все вы, как старшие офицеры этого корабля, можете сделать очень многое для повышения морали, просто подавая хороший пример. И я уверен, что так вы и поступите. — Он встал.

Не знаю уж каким образом по кораблю разносятся новости, но к тому времени, как я дошел до столовой, все уже знали, что мы завтра стартуем. И не к Земле. Я сразу выскочил из столовой, она вся гудела от разговоров, а мне не хотелось принимать в них участие, мысли у меня путались. Я думал о том, что Капитан хочет сделать еще один переход, после кото-

рого он скорее всего не сможет сообщить результаты — если те вообще будут — на Землю. А из-за этого у всех нас появляются великолепные шансы никогда не вернуться домой. С другой стороны я не мог не восхищаться тем, с какой твердостью он напомнил нам о наших обязанностях и в зародыше подавил панику. Воля у него была.

У «Летучего Голландца» тоже была воля, правда по сообщениям тех, кто видел его в последний раз, он все еще пытался обогнуть мыс Горн, и все так же безуспешно.

Вот Капитан — Капитан Свенсон, поправил я себя — не был бы таким упрямым, как бык.

А может был бы? Если верить Уркхардту, последними словами Капитана было напоминание, что теперь он должен выполнять возложенное на нас задание. Все мы были очень тщательно подобраны (не считая нас, психов), и вполне могло статься, что и шкипер, и запасной шкипер каждого корабля выбирались в первую очередь по бульдожьему упрямству, тому самому качеству, которое не давало Колумбу отступить даже тогда, когда у него кончалась питьевая вода, а команда готова была взбунтоваться. Я вспомнил, что дядя Стив как-то высказывал такое предположение.

Тут я решил пойти и поговорить с дядей Стивом, а потом вспомнил, что не могу этого сделать, и вот тогда-то почувствовал себя действительно паршиво. Когда мои родители умерли, два пика тому назад, я почувствовал себя паршиво потому, что я не чувствовал себя паршиво, как был бы должен. Когда это случилось — или, вернее сказать, к тому времени, как я узнал об этом — они были уже давно мертвы, люди, которых я давно не видел, просто лица на фотографиях. Но дядю Стива я видел ежедневно, я видел его только сегодня. И я привык обсуждать с ним все свои неприятности, когда они казались чересчур велики для меня одного.

Вот тут-то я почувствовал утрату. Ведь иногда после сильного удара не сразу чувствуешь боль. Боль появляется только тогда, когда соберешься и поймешь, что тебя ударили.

И очень хорошо, что как раз в этот момент кто-то постучал в мою дверь, а то я мог и разреветься.

Это была Мей-Лин со своим мужем, Четом. Я пригласил их в каюту, и они сели на койку. Чет сразу приступил к делу:

— Том, как ты относишься ко всему этому?

— К чему?

— Ко всей этой идиотской попытке идти дальше с тем, что осталось от команды.

— Какая разница, как я отношусь, — медленно ответил я. — Я же не командую этим кораблем.

— Вот как раз и командуешь.

— Что?

— Ну не совсем так, я просто хотел сказать, что ты можешь прекратить эту ерунду. Так вот, Том, все знают, что ты сказал Капитану, и...

— А кто сказал?

— Что? Да не важно. Если это пошло не от тебя, возможно, рассказали все остальные, бывшие на вашем совете. Теперь уже все знают. Так вот, ты ему верно сказал. В итоге получается, что по части связи с Землей Уркхардт зависит от тебя и от одного только тебя. Вот и выходит, что ты и есть тот человек, у которого в руках дубина. Ты можешь его остановить.

— Что? Подожди, я же не единственный. Ясно, что он не рассчитывает на Дядю — а как насчет Мей-Лин?

Чет покачал головой:

— Мей-Лин не собирается «переговариваться» для него.

— Подожди, Чет, я же этого не говорила, — сказала Мей-Лин.

Он с обожанием поглядел на жену:

— Ну не притворяйся такой дурочкой, радость моя. Ты же прекрасно знаешь, нет ни малейших шансов, что после пива ему будет от тебя какой-нибудь толк. А если наш отважный Капитан Уркхардт сам этого еще не понял, так я ему объясню, даже если для этого придется пользоваться словами, которые не говорят при женщинах.

— Но ведь может получиться, что я останусь в контакте.

— Нет, никак не может, а в противном случае я вшибу твою хорошенькую головку в туловище, и будешь ты у меня глядеть сквозь ребра, как птичка из клетки. Наши дети будут расти на Земле.

Мей-Лин взглянула на него и успокаивающе похлопала его руку. Траверы пока не ждали ребенка, но всем было известно, что они надеются. До меня начало доходить, почему Чет столь непреклонен, и я почувствовал полную уверенность, что Мей-Лин действительно не возобновит контакта после пика — если муж немного с ней поговорит. Для нее было гораздо важнее то, чего хочет Чет, чем то, чего хочет Капитан, или чем какой-то там абстрактный долг по отношению к Фонду, который находится где-то далеко-далеко.

— Обдумай все это хорошенько, Том, — продолжил Чет, — и ты поймешь, что просто не можешь подводить своих товарищей. Лететь дальше — просто самоубийство, и все это понимают, все, кроме Капитана. Вот и решай.

— Я, конечно, подумаю.

— Подумай. Только не очень тяни. — И они ушли.

Я лег, но не уснул. Все заключалось в том, что Чет почти наверняка прав, в том числе и в своей уверенности, что Мей-Лин не сможет связаться со своим напарником после очередного пика; у нее и теперь иногда пропадал контакт. Со времени последнего пика технические и математические материалы, которые должна была передавать она, передавал я, так как ее контакт все время прерывался. Чету не потребуется вшибать в ее (вполне согласен) хорошенькую головку, так как она и сама теряла связь.

А с другой стороны...

Добравшись так до восемнадцатого «а с другой стороны», я встал, оделся и пошел искать Гарри Гейтса; мне пришло в голову, что раз он — глава отдела и также присутствовал на совещании, поговорить с ним вполне позволительно.

В каюте его не было; Барбара посоветовала мне посмотреть в лаборатории. Там он и находился, погруженный в распаковывание образцов, присланных вчера с берега. Гарри поднял глаза:

— Ну, Том, как дела?

— Да не очень.

— Понимаю. Слушай, у меня даже не было подходящего случая как следует тебя поблагодарить. Сделать это в письменной форме или ты согласишься на устную?

— Будем считать, что ты поблагодарил. — Сперва я его даже не понял, а ведь и вправду совсем забыл, что вытащил его из воды. Мне об этом некогда было думать.

— Как скажешь. Но я этого не забуду. Ты же понимаешь это, правда?

— О'кей. Гарри, мне нужен твой совет.

— Тебе нужен? Да ради Бога, у меня их сколько угодно, любых фасонов и расцветок. И все даром и, боюсь, ценность любого из них в точности равна цене.

— Ты был сегодня на совещании.

— И ты тоже. — На лице его появилось беспокойство.

— Да. — Я рассказал ему, что меня тревожит, потом, чуть подумав, и то, что сказал мне Чет. — И что же я должен делать, Гарри? Чет совершенно прав, на то, что из этого нового прыжка будет какой-либо толк, очень мало шансов, и не стоят эти шансы риска. Ну, ладно, пусть мы найдем планету, стоящую того, чтобы о ней сообщить на Землю — а шансов на это немного, если посмотреть результаты по всему флоту. Пусть мы нашли ее, так ведь доложить об этом мы почти наверняка не сможем, вернее, сможем только по возвращении на Землю, через две сотни лет после старта. Идти на это дело смешно и, как верно сказал Чет, — это самоубийственно. Но с другой стороны, Капитан прав, именно на это мы и подписывались. Программа полета корабля говорит, что мы должны продолжать двигаться вперед.

Прежде чем ответить, Гарри осторожно развернул очередной образец.

— Томми, спроси меня чего попроще. Ну спроси, например, жениться тебе или нет — и я тебе все прямо так и скажу. Или еще что-нибудь спроси. Но есть вещь, которую ни один человек не может сказать другому. Это — в чем состоит его долг. Это каждый должен решать для себя сам.

Я немного подумал:

— Какого черта, Гарри, сам-то ты как ко всему этому относишься?

— Я? — Он приостановил свое занятие. — Том, я, по правде говоря, и не знаю. Что касается лично меня... ну, пожалуй, на этом корабле я счастливее, чем когда-либо раньше. При мне моя жена и дети, я занят именно той работой, которая мне нравится. Но это я, у других все может быть иначе.

— А как насчет твоих детей?

— Вот тут оно конечно. Для семейного человека... — Он нахмурился. — Я не могу ничего тебе посоветовать, Том. Если я хоть чуть намекну, что ты не должен выполнять условия подписанного тобой контракта, это будет побуждение к бунту на борту, самое тяжелое преступление для нас обоих. Сказать тебе, что ты обязан выполнять то, что хочет Капитан, — оно, конечно, безопасно с точки зрения закона, только кончится это может смертью твоей, моей, моих детей, остальной команды, так как на стороне Чета здравый смысл, хотя закон и против него. — Он вздохнул. — Том, сегодня я, спасибо тебе еще раз, чуть не отдал концы, и у меня, видимо, от этого, пока что еще слабо с сообразительностью. В общем, я не могу давать тебе совета, я не беспристрастен.

Я молчал. Как жаль, что так случилось с дядей Стивом, у него-то всегда и на все был ответ.

— Единственное, что я могу, — продолжал Гарри, — так это предложить тебе несколько жульнический образ действий.

— Да? А как это?

— Ты должен подойти к Капитану один на один и рассказать ему, чем и насколько ты обеспокоен. Это может повлиять на его решение. Во всяком случае, он должен знать.

Я сказал, что подумаю, поблагодарил его и ушел. Улегшись в постель, я в конце концов все-таки уснул. Проснулся я посреди ночи от того, что корабль трясся. Корабль, находясь на воде, всегда чуть покачивается, но совсем не таким образом, не с такой силой и уж конечно не на Элизии.

Тряска прекратилась, а затем вновь началась... и снова прекратилась... и началась. Я размышлял, чего бы... когда неожиданно корабль задрожал, на этот раз совершенно другим, знакомым образом. Так бывает при запуске двигателя на самой малой мощности. Техники называли это «прочистить глотку», это был обычный элемент проверки двигательной установки. Решив, что просто мистер Регато заработался допоздна, я успокоился. Тряски больше не было.

За завтраком я узнал, в чем было дело: эти огромные твари испробовали что-то — никто не знал, что именно — на самом корабле, после чего Капитан, вполне логично, приказал мистеру Регато шугануть их факелом. И вот теперь, хотя мы по-прежнему не знали о них почти ничего, одно знали точно — стойкости к перегретому пару и высокому уровню радиации у них нет.

Каким-то образом очередная стычка с морскими чудовищами придала мне смелости, я решил пойти к Капитану, как советовал Гарри.

Он выпустил меня в каюту, заставив прождать у двери не более пяти минут. Затем он только молчал, дав мне говорить, сколько захочется. Я описал всю картину, как она мне виделась, не упоминая Чета и Гарри. Мне не было понятно, пронял я его или нет, так что излагал я все очень драматически: что Дядю и Мей-Лин можно не считать, что шансы на то, что после следующего пика от меня будет какой-нибудь толк, очень малы, и поэтому он собирается рисковать кораблем и командой при очень и очень плохих условиях.

Окончив, я так и не понял, убедил я его или нет. Он не стал отвечать мне прямо, а вместо этого сказал:

— Бартлет, вчера вечером за закрытой дверью Вашей каюты в течение сорока пяти минут находились двое членов экипажа.

— А? Да, сэр.

— Вы беседовали с ними на эту тему?

Мне очень хотелось соврать:

— Мм... да, сэр.

— После этого Вы нашли на корабле еще одного члена команды и пробыли у него допоздна, или лучше

сказать — до раннего утра. Вы беседовали с ним на ту же тему?

— Да, сэр.

— Очень хорошо. В таком случае я должен задержать Вас по двум обвинениям: подозрению в намерении поднять мятеж на борту и подозрению в побуждении к мятежу на борту. Вы арестованы. Отправляйтесь в свою каюту и не покидайте ее. Никаких посетителей.

Я сглотнул и тут мне на помощь пришло то, что я как-то слышал от дяди Стива — он ведь был матерым специалистом по космическому праву и очень любил обсуждать эту тему:

— Есть, сэр. Однако я настаиваю на возможности встречи с выбранным мной поверенным, а также на открытом слушании дела.

Капитан безразлично кивнул, словно я сказал ему, что идет дождь:

— Конечно. Все Ваши законные требования будут удовлетворены. Но с этим придется подождать, мы сейчас готовимся к старту. Поэтому считайте себя арестованным и отправляйтесь в свою каюту.

И вот я сижу в своей каюте. Мне надо сказать Дяде, что ему нельзя ко мне приходить, а потом передать то же самое Чету. В голове не уместается, как со мной могло произойти подобное.

ГЛАВА 16

«Просто математическая абстракция»

Это утро казалось очень долгим, словно тянулось оно сотни лет. Вики связалась со мной в обычное время, но я сказал ей, что вахтенное расписание изменилось, и я позвоню потом.

— Что-нибудь не так? — спросила она.

— (Нет, лапа, просто у нас тут небольшая перетряска.)

— Ладно, только голос у тебя опять какой-то беспокойный.

Я не сказал ей, в какую историю влип; не стал даже рассказывать про наши вчерашние беды. Будет сколько угодно времени потом, когда все немного уляжется —

если только она сама не узнает раньше, из официальных сообщений. А пока какой смысл расстраивать девочку неприятностями, которым она все равно помочь не может?

Минут через двадцать явился мистер Истман. Он постучал, я открыл ему дверь и сказал:

— Извините, но я не имею права никого принимать.

Но он не ушел:

— Я не гость, Том; я здесь в официальном качестве, по поручению Капитана.

— Ну, если. — Я впустил его.

У него с собой был чемоданчик с инструментами. Поставив чемоданчик на стол, он сказал:

— У нас сейчас так мало людей, что решили объединить отделы обычной и специальной связи, так что теперь, похоже, я твой начальник. Все это, конечно, не имеет никакого значения. Но мне надо сейчас подсоединить твой диктофон так, чтобы ты мог отсюда писать прямо в центр связи.

— Валяй. А зачем?

На его лице появилось что-то вроде смущения.

— Ну, понимаешь, ты ведь должен был заступить на вахту полчаса тому назад. Мы хотим устроить так, чтобы ты со всеми удобствами стоял свои вахты здесь. Капитан сердится, что я сам не догадался так сделать. — Он принялся снимать панель диктофона.

Я лишился дара речи. А затем вспомнил кое-что, рассказанное мне дядей Стивом.

— Подожди-ка секунду.

— А?

— Ты продолжай, продолжай, соединяй это хозяйство как хочешь, только никаких вахт я стоять не буду.

Он распрямился, на его лице появилась крайняя озабоченность.

— Не надо, Том. Ты и так попал в веселую историю, зачем еще усугублять? Давай так — ты этого не говорил, я не слышал. О'кей?

Мистер Истман — парень вполне приличный, он единственный из радистов ни разу не употреблял слово «псих». Наверное, он и вправду беспокоился обо мне. Но я сказал:

— Куда уж там усугублять. Скажи Капитану, что он может эти свои вахты... — Я замолк. Дядя Стив такого бы не сказал. — Извини. Вообще скажи ему так: «Связист Бартлет просил передать, что при всем его уважении к Капитану он, к глубокому сожалению, не может исполнять свои служебные обязанности, находясь под арестом». Понял?

— Послушай, Том, это же не по делу. Разумеется, что с точки зрения служебных инструкций в том, что ты тут наговорил, есть какой-то смысл. Но у нас же не хватает рук, все должны хвататься за дело, помогать. Нельзя вот так уцепиться за букву закона и стоять в стороне, это не честно по отношению к остальным.

— Нельзя? — Я тяжело дышал, возбужденный появившейся у меня возможностью дать сдачи. — А Капитану можно? Это ему нельзя и на елку влезть и не оцарапаться. Арестованный не стоит вахты. Так было и будет всегда. И передай ему все, что я сказал.

Истмен, не говоря ни слова, ловко закончил свою работу.

— Так ты совершенно уверен, что хочешь, чтобы я ему все это передал?

— Совершенно.

— Как хочешь. Я тут, — добавил он, указав на диктофон, — все присоединил так, что, если вдруг передумаешь, можешь связаться со мной через эту штуку. Пока.

— И еще.

— А?

— Может, Капитан не подумал о таких мелочах, у него же и ванная и все такое в каюте, а я сижу здесь уже несколько часов. Кто проводит меня по коридору и когда? Даже заключенный имеет право, чтобы его время от времени выводили в туалет.

— Наверное, тут и я могу. Пошли.

Это была кульминационная точка памятного утра. Я так и ждал, что через пять минут после ухода Истмана ко мне ворвется, дыша огнем и плюясь раскаленными углями, Капитан Уркхардт. И уже отрепетировал про запас пару речей, тщательно составленных таким обра-

зом, чтобы не переходить рамки закона. Было ясно, что он загнан в угол.

Но все было тихо. Капитан не явился, и вообще никто ко мне не явился. Приближалось уже к полудню. Команды приготовиться к старту все не было и не было. За пять минут я лег на койку и начал ждать.

Это были очень длинные пять минут.

Примерно в четверть первого я решил, что хватит ждать и слез с койки. Про ленч тоже ни слуху ни духу. В половине первого я услышал гонг, но про меня словно забыли. В конце концов я решил, что, ладно, разок не поем и только потом начну возмущаться; не хотелось предоставлять возможность перевести разговор на то, что я самовольно покинул каюту. Подумал было связаться с дядей Альфом и пожаловаться на неполадки с харчами, но потом решил, что чем дольше я прожду, тем больше будет вина Капитана.

Примерно час спустя после того, как остальные покончили с ленчем, появился мистер Кришнамурти с подносом в руках. То обстоятельство, что еду принес он сам, а не кто-нибудь с кухни, показало мне, что я — Очень Важный Заключенный, тем более, что Крис очень старался не говорить со мной и даже, вроде, подходить близко боялся. Он просто просунул поднос в каюту и сказал:

— Когда кончишь, выставишь это в коридор.

— Спасибо, Крис.

Но в еде была спрятана записка: «Молодчина! Только не сдавайся, и мы подрежем ему крылышки. Все ребята за тебя». Подписи не было, а почерк я не узнал. Во всяком случае писал не Кришнамурти, я помнил его почерк с того времени, как занимался диверсионной деятельностью на их плантации. И не Треверс и, уж во всяком случае, не Гарри.

В конце концов мне надоело угадывать, кто писал эту записку, тогда я порвал ее и разжевал, словно какой-нибудь граф Монте-Кристо или Железная Маска. На романтического героя я все-таки не тяну, проглотить ее я не смог, просто разжевал и выплюнул. Но уж уничтожил записку я точно, мне же не только самому не хотелось знать, кто ее писал, но и не хотелось, чтобы это узнал кто-либо другой.

И знаете почему? Записка не ободрила меня, скорее обеспокоила. О, конечно же, в первый момент она меня взбудорила, я прямо вырос в собственных глазах. Такой защитник угнетенных!

А потом я понял, что значит такая записка...

Бунт на борту.

В космосе это — самое страшное слово. Лучше уж любая другая беда.

Одним из первых заветов Дяди Стива, которые он передавал нам с Пэтом давно-давно, когда мы были еще пацанами, было: «Капитан прав даже тогда, когда он неправ». Только потом, через много лет, я понял его слова. Чтобы осознать эту истину, надо пожить на корабле. Да и то я не прочувствовал ее справедливость до конца, пока не прочитал эту подбадривающую записку и не осознал, что какие-то люди и вправду собираются сбросить власть Капитана, и я — их знамя.

Корабль — это не просто маленький мир, он больше схож с живым человеческим организмом. На нем не может быть и речи о демократии, во всяком случае — о демократическом консенсусе, каким бы Капитан ни был вежливым и демократичным. Если попадешь в переделку, не устраиваешь всеобщее голосование, чтобы ноги, руки, желудок и глотка решили, чего же хочет большинство. Ничего подобного ты не делаешь. Мозг принимает решение, а все прочее его выполняет.

Вот так же обстоит и всегда должно обстоять дело на корабле, летящем в космосе. А дядя Стив имел в виду, что Капитану лучше бы быть правым, а остальным лучше всего молиться, чтобы он оказался прав; если он ошибется, то обстоятельство, что я же был прав, не спасет корабль.

Но все же корабль — не совсем единый организм, он состоит из отдельных людей, работающих вместе, работающих с самоотречением, которое не каждому легко дается — мне, во всяком случае, оно давалось нелегко. И единственное, что удерживает этих людей вместе — нечто туманное, называемое моралью корабля, вещь, утрата которой ощущается сразу, хотя ее

почти и не видно, пока она есть. Только теперь я понял, что на «Л. К.» утрата морали началась уже давно. Сначала умер Доктор Деверо, затем мамочка О'Тул, это были очень тяжелые удары. А теперь мы лишились Капитана и большей части экипажа. В результате «Л. К.» рассыпался на куски.

Возможно, новый Капитан и не особенно блистал, но он, во всяком случае, пытался остановить этот распад. До меня стало понемногу доходить, что корабли исчезают не только из-за поломок техники или нападений злых туземцев; возможно, самое плохое — это когда какой-нибудь слишком умный молодой идиот вобьет себе в голову, что он умнее Капитана, и сумеет вбить то же самое в головы достаточного количества других идиотов. Интересно, какая часть из восьми кораблей, утративших контакт, погибла в попытке доказать, что их капитан ошибается, а какой-нибудь тип вроде меня — прав.

Быть правым — далеко не достаточно.

Тут я так расстроился, что был уже готов пойти к Капитану и сказать ему, что я ошибался, и спросить, чем могу быть полезен. Но потом я сообразил, что не могу сделать даже этого — он велел мне не выходить из каюты безо всяких «если» и «может быть». И если уж поддерживать Капитана и с уважением относиться к его авторитету важнее всего остального, то мне оставалось одно — делать как велено и сидеть, не высовываясь.

Обед опять принес Крис, на этот раз — почти вовремя. Поздно вечером динамики проорали обычное предупреждение, я лег, и «Л. К.» стартовал с Элизии. Но мы не встали на курс, а легли на орбиту, так как наступила невесомость. Спал я плохо, со мной в невесомости всегда так.

Проснулся я от того, что корабль пошел с ускорением, небольшим, порядка половины g. Крис принес мне завтрак, но я не стал его спрашивать, что происходит, а сам он не рассказывал. Немного позже из динамика прозвучало: «Связист Бартлет, явитесь к Капитану». Только после повторения я понял, что это касается меня; тогда я вскочил, за пару секунд выскреб

лицо, окинул глазом форму, решил, что сойдет, и поспешил к Капитану.

Капитан поднял на меня глаза, и я доложил по всей форме.

— А, Бартлет. По результатам расследования я пришел к выводу, что нет причин настаивать на выдвинутых обвинениях. Вы освобождены из-под ареста и можете вернуться к исполнению своих обязанностей. Зайдите к мистеру Истмену.

Он вернулся к своей работе, словно забыл про меня, и мне стало очень обидно. Я разрывался между святым чувством преданности кораблю, а значит и его Капитану, и не менее сильным желанием пнуть Уркхардта ногой в живот. Скажи он мне тогда хоть одно хорошее слово и, думаю, я был бы на его стороне, со всеми своими потрохами. А так мне стало очень обидно.

— Капитан?

Он снова поднял глаза:

— Да?

— Мне кажется, Вы могли бы передо мной извиниться.

— Вам кажется? А мне вот не кажется. Я поступил так в интересах всего корабля. Однако, если уж Вас это интересует, у меня нет к Вам никаких претензий и я не таю на Вас зла. — Он снова занялся своими бумагами, словно мои претензии и обиды, есть они у меня или нет их, не имеют ни малейшего значения.

Так что я встал и пошел к Истмену. Похоже, больше делать было нечего.

В центре связи сидела Мей-Лин, она была занята передачей какого-то зашифрованного текста. Мей-Лин мельком глянула на меня, и я заметил, как устало она выглядит. Мистер Истмен сказал:

— Привет, Том. Хорошо, что ты пришел, тебя очень не хватает. Ты можешь попробовать вызвать сейчас свою напарницу?

Составление вахтенного расписания одним из телепатов хорошо тем, что он понимает: напарники на Земле — не бесплотные духи. Другие, похоже, не осознают, что этим напарникам надо есть, пить, спать, работать, заниматься семейными делами, они не могут

все время вот так сидеть и ждать, вдруг кому-то вздумается послать сообщение.

— Это крайняя необходимость? — спросил я, глянув сперва на гринвичские, а затем на корабельные часы. До связи с Вики оставалось по расписанию еще около получаса; может, она дома и свободна, но может и нет.

— Ну, пожалуй, не «крайняя необходимость», но «срочно» — это уж точно.

Тогда я вызвал Вики, и она сказала мне, что ничего страшного.

— (Шифрогруппы, конопатая.) — сказал я ей. — (Так что будь готова все повторять.)

— У меня даже диктофон дрожит от ужаса, дядя Том.

Три битых часа мы гоняли туда и сюда эти шифрогруппы; трудно придумать что-либо зануднее. Я решил, что это сообщение Капитана Уркхардта о том, что произошло с нами на Элизии или, еще вероятнее, второе сообщение на эту тему с дополнительными подробностями, которые потребовались Ф.Д.П. Скрывать этот текст от меня смысла не было, я и сам все видел, так что шифровался он, видимо, для того, чтобы наши напарники не узнали всего этого, прежде чем Ф.Д.П. не решит сделать происшедшее всеобщим достоянием. Меня такое положение вполне устраивало, не очень-то хотелось пересказывать маленькой Вики весь этот ужас и кровь.

Итак, мы работали, а тем временем зашел Капитан и сел рядом с мистером Истменом. Краем глаза я заметил, что они готовят очередную шифровку; Капитан диктовал, а Истмен работал на шифровальной машине. Мей-Лин давно уже ушла. В конце концов Вики произнесла совсем уже усталым голосом:

— Дядя Том, а все эти головоломки — это очень срочно? А то уже полчаса как мама звала обедать.

— (Подожди секунду, сейчас узнаю.) — Я повернулся к Капитану и мистеру Истмену в неуверенности, кого лучше спросить. Поймав взгляд Истмена, я сказал: — Мистер Истмен, насколько это срочно? Мы бы хотели...

— Не мешайте нам, — вклинился Уркхардт. — Не задавайте лишних вопросов, продолжайте передачу. Насколько это срочно — не Ваше дело.

— Капитан, Вы меня не поняли; я говорю не за себя. Я хотел сказать...

— Не отвлекайтесь от работы.

Я сказал Вики:

— (Подожди еще секунду, красавица), — а затем откинулся на стуле и произнес: — Есть, Капитан. Я в полной готовности хоть всю ночь диктовать эти таблицы для проверки зрения. Только вот на другом конце провода никого нет.

— Что Вы хотите сказать?

— Я хочу сказать, что моему напарнику уже давным-давно пора обедать. Если Вы хотите, чтобы на том конце работали сверхурочно, согласуйте это с центром связи Ф.Д.П. У меня создается впечатление, что кто-то абсолютно изменил вахтенное расписание.

— Понятно. — На его лице, как обычно, ничего не отразилось. Я уже начинал подозревать, что он — робот с проводами вместо вен. — Хорошо. Мистер Истмен, вызовите мистера Мак Нейла; пусть он подменит мистера Бартлета.

— Есть, Капитан.

— Извините меня, пожалуйста, Капитан.

— Да, Бартлет?

— Вам, возможно, неизвестно, что напарница Дяди живет в минус втором от Гринвича часовом поясе. Там сейчас середина ночи, а она старушка за семьдесят пять. Я подумал, что, возможно, Вы хотели бы это знать.

— Ммм, это верно, Истмен?

— Думаю, да, сэр.

— Я отменяю предыдущее приказание. Бартлет, согласен ли Ваш напарник продолжить работу после часового перерыва? Без согласования с Ф.Д.П.

— Сейчас узнаю, сэр. — Я передал вопрос Вики, она явно была в нерешительности. Тогда я сказал: — (В чем дело, конопатая? Свидание с Джорджем? Ты только скажи, и я объясню Капитану, что сегодня ничего не получится.)

— Да ладно, ерунда это. Обойдусь и без Джорджа. Хочется только, чтобы было что-нибудь другое, а не эта каша из цифр. Хорошо, через час.

— (Через час, красавица. Беги, ешь свой салат. И следи за талией.)

— Спасибо, а талия у меня в полном порядке.

— Капитан, напарник согласен.

— Хорошо. Поблагодарите его от меня.

Он говорил настолько безразлично, что я не смог удержаться от небольшого укола.

— Мой напарник, Капитан, девушка, а не «он». И ее мать установила комендантский час, у нас будет только два часа. Все что дальше — только через Ф.Д.П.

— Понятно. Хорошо. — Он повернулся к Истмену. — Мы что, не можем толком составить это расписание вахт?

— Я стараюсь, Капитан. Но я в этом новичок, да к тому же у нас осталось всего трое связистов,

— Одна вахта из трех — тут не должно быть особых трудностей. И все равно каждый раз появляется какая-то причина, по которой мы не можем передавать. Вы можете мне это объяснить?

— Сэр, Вы прямо сейчас видели, как возникают эти трудности. Тут все дело в согласовании с Землей. Я так понимаю, специальные связисты сами обычно организовывали расписание. Или один из них.

— Кто? Мистер Мак Нейл?

— Насколько я помню, обычно это делал Бартлет.

— Понятно. Бартлет?

— Этим занимался я, сэр.

— Прекрасно, эта работа снова возлагается на Вас. Организуйте непрерывное дежурство. — Он начал вставать.

Так; каким же образом объясняют Капитану, что он не получит ведро краски?

— Есть, сэр. Только простите, пожалуйста, Капитан...

— Что еще?

— Если я Вас правильно понял, Вы поручаете мне организовать через Ф.Д.П. непрерывное дежурство? И я могу воспользоваться Вашей подписью?

— Естественно.

— Хорошо, только что мне делать, если они не согласятся на такие долгие вахты для старой леди? Просить увеличить продолжительность вахт двоих остальных? Но в случае моего напарника возникает проблема с родителями, она еще очень молодая девушка.

— Понятно. Не понимаю, почему они берут на работу таких людей.

Я не отвечал. Если уж он сам не соображает, что подыскать телепата — это совсем не то, что подыскать плотника, я ему объяснять не собираюсь.

Однако, он настаивал.

— Вы можете что-нибудь сказать?

— По этому поводу мне сказать нечего, сэр. Только никто из этих троих не может работать больше трех-четырёх часов в день, за исключением чрезвычайных обстоятельств. Если сейчас именно такой случай, я могу организовать все сам, не беспокоя понапрасну центральную контору.

Отвечать прямо Уркхардт не стал. Вместо этого он сказал:

— Организуйте лучшее возможное расписание. Посоветуйтесь с мистером Истменом. — Капитан Уркхард повернулся к выходу; в этот момент я заметил, какая невыразимая усталость написана на его лице, и мне вдруг стало его жалко. Во всяком случае, не хотел бы я поменяться с ним местами.

Вики снова вышла на связь в середине ночи, хотя Кэтлин и была недовольна. Кэтлин хотела поработать сама, но, по правде говоря, мы с ней, без участия Вики, переговаривались уже с трудом. Во всяком случае — при таком трудном тексте, как шифрогруппы.

Капитан не вышел завтракать, а я опоздал. Оглядевшись, я сел рядом с Жанет Меерс. Теперь мы не сидели по отделам — у нас был один большой подковообразный стол, на остальном пространстве большой столовой было организовано нечто вроде гостиной, чтобы не выглядело так пусто.

Только я запустил зубы в бутерброд, как мистер Истмен встал и постучал по стакану, привлекая внимание. Выглядел он, словно не спал много дней.

— Тише, пожалуйста. Мне поручено зачитать вам заявление Капитана. — Он вынул лист бумаги и начал:

«К сведению всех членов команды. Согласно указанию Фонда Далеких Перспектив задание нашего корабля изменяется. Мы остаемся в окрестностях Беты Кита, ожидая randevu с принадлежащим Фонду кораблем „Неожиданная находка“. Рандеву намечено приблизительно через месяц. Сразу после встречи мы прокладываем курс к Земле. Подписано: Ф. К. Уркхардт, командир корабля „Льюис и Кларк“».

Я был поражен. Ну, тихоня. И все это время, пока я ругал его про себя, он уговаривал начальство вернуть нас на Землю. Понятно, почему он пользовался шифром; ты только попробуй заявить открытым текстом, что у тебя на корабле бардак, увидишь, что тебе скажет команда. Такого, если есть хоть малейшая возможность, не сделает никто. Я даже простил ему недоверие к нам, психам, — что мы сохраним в тайне его переговоры; при таких обстоятельствах я сам себе не доверял бы.

У Жанет сияли глаза; они сияли как у влюбленной девушки или у математика, только что придумавшего новое преобразование.

— Значит, они все-таки сумели! — произнесла она приглушенным голосом.

— Что сумели? — спросил я. Она явно принимала все это близко к сердцу; я и не догадывался, что ей так хочется домой.

— Томми, неужели ты не понимаешь? Они сумели, сумели использовать на практике безотносительность. Доктор Бэбкок не ошибся.

— В чем?

— Неужели не понятно, ведь тут же все на поверхности. Какой корабль может попасть сюда за месяц? — Ну, конечно же, только «безотносительный» корабль. — Тут она нахмурилась. — Не понимаю только, зачем им даже этот месяц. Это не должно занимать вообще никакого времени. Время тут вообще ни при чем.

— Ты не спеши, Жанет, — сказал я. — Сегодня я что-то совсем глупый. Почему ты говоришь, что этот корабль — как его там — «Неожиданная находка» — быстрее света? Это же невозможно.

— Томми ты Томми. Ты подумай, будь это обычный корабль, когда ему надо было бы стартовать с

Земли, чтобы встретиться с нами здесь? Больше шестидесяти трех лет тому назад.

— Ну а может они так и сделали?

— Томми! Да они никак не могли — тогда ведь никто не знал, что сейчас мы будем здесь. Откуда можно было это знать?

Я поразмыслил. Шестьдесят три гринвичских года тому назад... Это где-то в районе первого нашего пика. Похоже, что Жанет права, надо быть либо невероятным оптимистом, либо ясновидящим, чтобы послать в то время корабль с Земли для встречи с нами здесь и сейчас.

— Не понимаю я этого.

— Ну как же ты не понимаешь? Я же все тебе объяснила. Безотносительность. Ведь это как раз из-за вас, телепатов, и начались все эти исследования; это вы доказали, что «одновременность» — вполне допустимое понятие, а неизбежным логическим следствием этого было то, что пространство и время не существуют.

У меня что-то зануло в голове.

— Не существуют? А тогда что же это такое то, в чем мы сейчас, как нам кажется, завтракаем?

— Всего лишь некая математическая абстракция. Ничуть не больше. — Она улыбнулась, на лице ее появилась материнская нежность. — Бедненький сентиментальный Томми. Ты слишком тревожишься по пустякам.

Жанет, наверное, была права, так как двадцать девять гринвичских суток спустя у нас состоялось свидание с кораблем Ф.Д.П. «Неожиданная находка». Время это мы потратили, ковыляя с ускорением в половину *g* в точке, расположенной в пяти миллиардах миль к галактическому северу от Беты Кита; оказалось, что эта штука не любит слишком приближаться к большим звездам. С другой стороны, и то сказать, с расстояния в шестьдесят три световых года пять миллиардов миль — это совсем немного. Все это время мы работали, не покладая рук, приводя в порядок наши образцы и сопоставляя данные исследований. К тому же, Капитан Уркхардт вдруг обнаружил, что на корабле есть уйма всякого хозяйства, которое давно уже нуждается в чистке и надраивании. Он даже почтил своим

визитом кубрики, что, по моему мнению, является самым настоящим «сованием носа» куда не надо.

На «Находке» был свой телепат, что сильно облегчило организацию встречи. Сперва они оказались примерно в двух световых часах от нас; затем их телепат и я через Землю обменялись своими координатами (относительно Беты Кита) и быстренько обнаружили друг друга. Будь у нас только радары и радио, мы прокопались бы добрую неделю, если бы только вообще сумели вступить в контакт.

Когда мы нашли друг друга, «Находка» оказалась на удивление шустрым кораблем, мы только глаза выпучили. Я только еще докладывал Капитану ее координаты, а она была уже здесь, прямо в виду радара близкого действия. Еще часом позднее она уже пришвартовалась к нам и наши шлюзы были соединены. К тому же, это был до странности маленький корабль. Когда я впервые увидел «Л. К.», он показался мне необъятным; затем, привыкнув, я воспринимал его размеры как вполне нормальные, иногда он казался даже тесноватым. Но эта «Находка» не тянула даже на пристойный челнок с линии Земля—Луна.

Первым к нам явился мистер Уиппл. Это была совершенно несуразная фигура, у него был с собой даже портфель; непонятно было, откуда такой взялся в космосе. Однако, он сразу взял бразды правления в свои руки. С ним были еще двое, и они сразу принялись за работу в маленьком отсеке грузовой палубы. Ребятам этим было в точности известно, какой отсек им нужен, нам пришлось спешно выгрузить оттуда картошку. Они провозились там полдня, устанавливая нечто под названием «генератор нуль-поля». Работали они в странной одежде, сотканной целиком из паутино-тонкой проволоки и делавшей их похожими на мумий. Мистер Уиппл стоял все это время около дверей, наблюдая за их действиями и посасывая сигару — первую, которую я увидел за три года; меня даже затошнило от ее дыма. Релятивисты крутились поблизости, обмениваясь возбужденными замечаниями; здесь же находились и двигательщики, однако вид у них был потрясенный и несколько недоверчивый. Я слышал, как мистер Регато сказал:

— Может, оно и так, но факел надежнее. Факел тебя не подведет.

Уркхардт взирал на происходящее, являя собой фигуру Капитана Каменное Лицо.

В конце концов мистер Уиппл потушил свою сигару и сказал:

— Ну что ж, вот и все, Капитан. Томпсон останется здесь и доведет вас до места, а Бьеркенсен вернется на «Находку». Боюсь, вам придется примириться и с моим присутствием, я должен вернуться на вашем корабле.

Лицо Капитана Уркхардта стало пепельно-серым.

— Если я правильно понимаю Вас, сэр, Вы отстраняете меня от командования кораблем?

— Что? Да не дай Бог, Капитан, с чего это Вы так решили?

— У меня сложилось впечатление, что Вы, по поручению Центра, взяли на себя командование моим кораблем. А теперь Вы еще говорите, что этот человек... как его... Томпсон — что он доведет нас до места.

— Вы меня совсем неверно поняли. Это моя вина, Вы меня простите, я засиделся в канцелярии и совсем не привык к разъездной работе. Вы воспринимайте Томпсона как... ммм... своего штурмана. Вот-вот, он будет Вашим лоцманом. Но Вас никто не снимает, Вы остаетесь Капитаном этого корабля, пока не вернетесь на Землю и не сдадите его. Тогда, конечно, он пойдет на слом.

— Вы сказали «на слом», мистер Уиппл? — раздался высокий, непохожий на себя, голос мистера Регато. Я почувствовал, что в моем животе что-то сжалось. — «Л. К.» на слом? Нет, никогда.

— Что? Да нет, ничего еще не решено, я как всегда тороплюсь. Может быть, его сохранят в качестве музея. А что, это хорошая мысль. — Он вытащил записную книжку и записал в нее эту хорошую мысль. Спрятав записную книжку, мистер Уиппл сказал: — А теперь, если Вы, Капитан, позволите, я хотел бы обратиться к Вашим людям. А то времени совсем мало.

Капитан Уркхардт молча провел его в столовую.

Когда все собрались, мистер Уиппл широко улыбнулся и произнес:

— Я не очень силен в произнесении речей. Я просто хочу выразить вам благодарность от имени Фонда и заодно объяснить, чем мы тут занимаемся. Я не ученый, а всего лишь администратор, участвующий сейчас в сворачивании Проекта Лебенсраум, на который вы работаете, так что я не буду особенно вдаваться в подробности. Спасательные операции, вроде этой, совершенно необходимы, однако Фонд очень озабочен тем, чтобы высвободить «Неожиданную находку» и другие корабли той же серии — «Безотносительный», «Бесконечность» и «Нуль» для выполнения основной их работы — исследование звезд в окрестностях Солнца.

Кто-то выпалил с удивлением:

— Да ведь как раз этим мы и занимаемся.

— Да, конечно. Но времена меняются. Нуль-полевой корабль может за год облететь больше звезд, чем факельный за столетие. Вам, наверное, будет приятно узнать, что один только «Нуль» за последний месяц обнаружил семь планет земного типа.

Не сказал бы, что мне было особенно приятно это узнать.

Дядюшка Альфред Мак Нейл, наклонившись вперед, тихим, печальным голосом, хорошо выразившим наше настроение, сказал:

— Минуточку, сэр. Вы хотите сказать, что все, что мы сделали, было ненужно?

Мистер Уиппл был, похоже, крайне удивлен.

— Нет, нет и еще раз нет! Мне очень жаль, если мои слова создали у вас такое впечатление. То, что сделали вы, было совершенно необходимо, без вас сейчас не было бы этих нуль-кораблей. Да это то же самое, как сказать, что свершенное Колумбом было ненужно — ведь теперь мы перепрыгиваем океаны, словно какие-нибудь лужицы.

— Благодарю Вас, сэр, — тихо сказал дядя Альф.

— Возможно, никто еще не сказал вам, насколько необходим, я бы сказал, незаменим, был проект Лебенсраум. Вполне возможно. Это, конечно, моя вина, но в последнее время у нас в Фонде столько суматохи, мне некогда даже поспать, так что я все время забываю, что уже сделано, а что сделать еще надо. Но вы,

конечно, и сами понимаете, что без телепатов, которые находятся среди вас, весь этот прогресс был бы невозможен. — Уиппл обвел нас взглядом. — Кто они? Я хочу пожать им руки. Во всяком случае, не забывайте, я не ученый, я юрист — во всяком случае, если бы не удалось превыше любых сомнений доказать, что телепатия абсолютно мгновенна, доказать в эксперименте, проведенном на расстоянии в десятки световых лет, вполне возможно, наши ученые все еще искали бы ошибки в шестом знаке после запятой, пытаясь спасти мнение, что телепатические сигналы распространяются не мгновенно, а с конечной скоростью, хотя и столь большой, что измерить ее не удастся из-за неточности приборов. Во всяком случае, я именно так понимаю ситуацию; так мне объясняли. Так что, как вы видите, ваш тяжкий труд привел к великолепным результатам, результатам, гораздо более важным, чем ожидалось, хотя и не тем, какие вы искали.

А я думал, что скажи они нам это ну хоть немного раньше, дядя Стив был бы жив.

Правда, он не хотел умирать в постели.

— Но эти великолепные плоды ваших героических усилий, — продолжал разглагольствовать Уиппл, — созрели не сразу. Как это часто бывает в науке, новой идее нужно длительное время для незаметного постороннему взгляду вызревания среди специалистов, после чего ее потрясающие результаты неожиданно врываются в ничего не подозревающий мир. Вот, например, я сам; если бы шесть месяцев тому назад кто-нибудь сказал мне, что сегодня я буду здесь, между чужими звездами, читать популярную лекцию по современной физике, я бы не поверил. Я и сейчас не совсем уверен, что я в это верю. И все-таки я здесь. Кроме всего прочего, я здесь затем, чтобы помочь вам прийти в себя, когда мы вернемся домой. — Он еще раз широко улыбнулся и поклонился своей аудитории.

— Да, мистер Уиппл, — спросил Чет Траверс, — а когда все-таки мы вернемся домой?

— Как, разве я вам этого не сказал? Да совсем скоро... Ну, так, скажем, вскоре после обеда.

Теперь, пожалуй, в самый раз закончить эту штуку и похоронить по первому разряду. У меня, наверное, больше никогда не будет времени заниматься литературными упражнениями.

Нас неделю продержали в Рио на карантине. Если бы не этот человек из Фонда, который был с нами, они, пожалуй, так бы и продолжали нас держать. Однако, обращались с нами вполне уважительно, этого у них не отнимешь. Сам Император Бразилии Дон Педро III от имени Объединенной Системы нацепил каждому из нас медаль Ричардсона, это действо сопровождалось речью, из которой было понятно, что, хотя он не совсем понимает, кто мы, собственно, такие, и где мы, собственно, были все это время, но, тем не менее, он высоко оценивает наши труды.

Но мы привлекли значительно меньше внимания, чем я ожидал. Нет, я совсем не хочу сказать, что журналисты нас игнорировали; они снимали нас, они взяли у каждого из нас интервью. Однако, единственная статья, какую я прочитал, носила название: ТРЕТЬЯ ТАЧКА РИПОВ ВАН ВИНКЛЕЙ.

Репортер, или кто там это писал, очень веселился, а я бы со всей охотой запихнул статью ему в глотку. Получалось, что и одеты мы забавно, и речь у нас забавная, и все мы такие трогательно старомодные и такие, знаете, чуть лопушистые. Фотографию, иллюстрировавшую статью, сопровождала подпись: «Шапки долой, пижоны! Дедушка вернулся!»

Другие статьи мне читать не хотелось.

Дядю Альфа это не трогало; не думаю, что он вообще-то что-нибудь такое заметил. Он просто рвался увидеть Селестину.

— Надеюсь, — шутливо, но наполовину и серьезно, сказал он мне, — что девочка умеет готовить, как умела ее мама.

— Вы будете жить вместе с ней? — спросил я.

— Конечно, мы же всегда жили вместе.

Это было так естественно, что я не знал, что и возразить. Потом мы обменялись адресами. Это тоже

было естественно, но в то же время и странно — у нас всех давно не было другого адреса, кроме «Л.К.» Но я обменялся адресами со всеми и взял себе на заметку найти близнеца Дасти, если только он еще жив, и сказать ему, что он может гордиться своим братом. Возможно, в Фонде знают, где он живет.

Когда нас наконец отпустили на волю и появилась Селестина Джонсон, я ее не узнал. Я просто увидел, что какая-то высокая, красивая пожилая женщина бросилась вперед и обняла дядю Альфа, почти оторвав его от земли; у меня на мгновение даже мелькнула дурная мысль, что надо его спасать.

Но тут она обернулась, поймала мой взгляд и улыбнулась, и тогда я заорал:

— Лапочка!

Она улыбнулась еще шире, и я почувствовал, как на меня накатывает волна любви и доброты.

— Привет, Томми. Как хорошо, что ты здесь.

Чуть позже я обещал заехать к ним, как только появится возможность, и распрощался; сейчас я им был не нужен. Меня самого никто не встречал. Пэт был слишком стар и никуда не ездил, а Вики — слишком молода, ей еще не разрешили ездить одной. Что касается Молли и Кэтлин, то, как я сильно подозреваю, их мужья не видели в этом необходимости. Как-то так вышло, что оба они недолюбливали меня. Я, принимая во внимание ситуацию, не могу их в этом винить, несмотря даже на то, что уже давно (для них многие годы) я не могу телепатически разговаривать с женщинами иначе как с помощью Вики. Но, повторяю еще раз, я их не виню. Если телепатии суждено когда-нибудь широко распространиться, такие случаи могут создать уйму семейных неурядиц.

А кроме того, контакт с Вики у меня был в любой момент, когда пожелаю. Я сказал, чтобы она и не думала, мне даже и не хочется, чтобы меня встречали.

Вообще говоря, почти никого из нас, кроме Дяди, никто не встретил, кроме представителей Ф.Д.П. После отлучки в семьдесят один год, нас просто некому было встречать. Но жальче всех мне было Капитана Уркхардта. Я обратил внимание на него, когда мы, покинув карантин, поджидали своих гидов-переводчиков. Он

стоял совершенно один. Никто не был один, все оживленно прощались, но у него не было друзей — думаю, он не мог себе позволить дружить с кем-нибудь на борту, даже тогда, когда не был еще Капитаном.

И такой он был одинокий, несчастный и мрачный, что я подошел к нему и протянул руку.

— Я хотел бы попрощаться с Вами, Капитан. Было большой честью служить под Вашим командованием, честью и удовольствием. — Я не кривил душой, в этот момент я и вправду так считал.

Сперва его лицо выразило изумление, потом на нем появилась улыбка, улыбка настолько непривычная, что я уже начал опасаться — не треснет ли от нее лицо. Уркхардт схватил мою руку и сказал:

— И для меня, Бартлет, это было большим удовольствием. Желаю Вам всяческого счастья и удачи. Ээ... а чем Вы планируете теперь заняться?

Он произнес это с искренним интересом, и я вдруг понял, как ему хочется поговорить, просто поболтать с кем-нибудь.

— У меня нет пока никаких определенных планов, Капитан. Сперва поеду домой, потом, наверное, пойду учиться. Я хочу поступить в колледж, но, скорее всего, сначала надо будет многое подогнать. Ведь за это время столько изменилось.

— Да уж, столько изменилось, — очень серьезно согласился Уркхардт. — Нам всем надо будет многое подогнать.

— А какие планы у Вас, сэр?

— У меня нет никаких планов. Совсем не знаю, чем я могу заняться.

Уркхардт сказал это очень легко, просто констатируя факт; было видно, что он говорит правду, и меня захлестнула волна жалости. Капитан факельного корабля — специальность узкая до крайности, и вдруг оказывается, что таких кораблей больше не будет. Это, как если бы Колумб вернулся и обнаружил, что вокруг одни пароходы. Смог бы он снова выйти в море? Он не нашел бы даже мостик на пароходе, уж не говоря о том, — что делать, забравшись на этот мостик?

В нынешнем мире не было места для Капитана Уркхардта, он представлял собой анахронизм. Один

прощальный обед, а потом — очень Вам благодарны, спокойной ночи.

— Наверное, я могу выйти в отставку, — продолжил он, глядя куда-то в сторону. — Я тут прикинул, сколько жалования накопилось у меня за это время — получается просто неприлично большая сумма.

— Да, наверное, очень много, сэр. — Свои деньги я не считал; их получал за меня Пэт.

— Да какого черта, Бартлет! Я же совсем не старый, мне рано в отставку.

Я посмотрел на Уркхардта. Он никогда не казался мне особенно старым, да и вправду не был таким, в отличие от Капитана — Капитана Свенсона. Ему было, пожалуй, около сорока, — если по корабельному времени.

— Слушайте, Капитан, а почему бы и Вам не пойти учиться? Вы можете себе это позволить.

Вид его стал несчастным.

— Может, так я и сделаю. Наверное, так мне и надо сделать. А то пошлю все к чертовой матери и эмигрирую. Говорят, теперь большой выбор мест.

— Вполне возможно, я тоже в конце концов так и сделаю. Здесь, если кому и интересно мое мнение, стало совсем уже тесно. Я все вспоминаю Конни, и как красиво смотрелся залив Бэбкока. — Действительно, я думал о Конни всю ту неделю, что мы провели на карантине. Если Рио был типичным образцом, на Земле теперь, пожалуй, и плюнуть некуда; мы находились прямо в Сантусе, а нам говорили, что это Рио; все побережье слилось в один огромный, на многие сотни километров, город. — Вернись мы к заливу Бэбкока, были бы там самыми старыми колонистами.

— Возможно, так я и сделаю. Да, вполне возможно. — Но вид у него все равно оставался потеряннным.

Наши гиды-переводчики получили указание развезти нас по домам, или куда уж там мы хотели направиться, но свою я отпустил на все четыре стороны, как только получил билет домой. Она была страшно внимательной и страшно заботливой, и страшно мне надоела. Обращалась она со мной как с чем-то средним

между дедушкой, которому надо помочь перейти улицу, и маленьким мальчиком, которому надо все объяснять. Не то, чтобы мне не надо было ничего объяснять, но все-таки.

И когда на мне была одежда, на которую не станет пилиться каждый встречный, я захотел передвигаться самостоятельно. За неделю она натолкала в меня системного языка достаточно для того, чтобы объясниться по простейшим вопросам; я лелеял надежду, что мои ошибки будут восприниматься как особенности некоего местного диалекта. Вообще-то оказалось, что системный, если не говорить о самых его возвышенных вариантах, это все тот же ПЛ, ну разве чуть-чуть пообтесанней, с горсткой новых слов. Иными словами — тот же английский, подрезанный, причесанный и расширенный для употребления в качестве международного профессионального жаргона.

Так что я поблагодарил синьориту Герра, попрощался с ней и помахал своим билетом перед носом сонного контролера. Тот ответил мне по-португальски, я тупо посмотрел на него, тогда он сказал нечто вроде:

— Туда внизнаправо. Спросишь кого-нибудь.

— Скоро я буду дома.

И все равно, как-то получилось, что все, находившиеся на борту, знали, что я — Рип Ван Винкль, и стюардесса настояла на том, чтобы помочь мне при пересадке. Но все были очень приветливы и никто надо мной не смеялся. Один парень все интересовался колонией, организованной на Капелле VIII, и не мог понять, как это я не бывал там, если так долго пробыл в космосе. Я попытался объяснить ему, что Капелла находится в прямо противоположной части неба и в доброй сотне световых лет от тех мест, где был я; объяснить не удалось.

Теперь я начал понимать, почему в газетах не было такого уж взрыва интереса к нам. Сейчас все были увлечены планетами, пригодными для колонизации, чуть не каждый день появлялась новая, так чего же ради так уж радоваться одной-единственной, которую мы нашли шесть десятков лет тому назад? Или даже той, которую мы нашли несколько месяцев тому назад, и которая не шла ни в какое сравнение с теми,

которые находили теперь буквально пачками? А что касается полетов к звездам, — в каждом выпуске новостей сообщения о новых стартах.

Все, что мы сделали, — короткий абзац в истории и небольшая сноска на одной из страниц учебника физики; в новостях для нас места нет. Подумав, я решил, что даже сноска — это очень и очень прилично, а потом мне как-то надоело думать о прошлом.

Вместо этого я начал размышлять о переобучении, которое мне предстояло и которое, как до меня понемногу доходило, будет очень и очень серьезным; в мире произошло значительно больше перемен, чем я мог ожидать. Вот взять, например, стиль женской одежды — я, поверьте, совсем не пуританин, но в мое время так не одевались, если это можно назвать одеванием. Девушки при всем честном народе расхаживали без ничего на голове, хотя бы на макушке... голые головы, словно у животных.

Слава Богу, отец не дожил. Он-то никогда не разрешал нашим сестрицам и за стол садиться без шляпы, даже дома, даже если за столом не было неженатых мужчин, кроме нас с Пэтом.

Или погода. Знал я, конечно, что Ф.Д.П. работает над этой проблемой, но мне никогда и в голову не приходило, что у них может что-нибудь получиться. Неужели никому не кажется скучноватым, что дождь бывает только ночью? Или еще грузовики. Ясно, что от грузовика требуется только одно — чтобы он перетаскивал грузы из одного места в другое. Но все равно без колес они кажутся какими-то не очень надежными.

Интересно, сколько времени потребуется, чтобы последнее колесо исчезло с лица Земли?

Только я пришел к разумному выводу, что как ни крутись, а придется привыкать ко всему этому, и тут проходившая мимо меня стюардесса положила мне что-то на колени. Когда я взял это «что-то» в руки, оно заговорило. Это был просто сувенир на память о поездке.

Городской дом Пэта раз в восемь больше той квартиры, где мы жили когда-то всемером; я решил, что хоть какая-то часть денег у него, видно, сохранилась.

Робот-дворецкий принял у меня шляпу и ботинки, а потом проводил к хозяину.

Вставать Пэт не стал. Не уверен, что он мог встать. Разумеется, я знал, что он стар, но все равно не ожидал увидеть такого старика. Было ему, дайте прикинуть, восемьдесят девять. Да, это точно, скоро будет наш девяностый год рождения.

— Привет, Пэт. — Я пытался вести себя непринужденно.

— Привет, Том. — Он тронул подлокотник своего кресла, и то покатилося мне навстречу. — Не двигайся, постой немного так и дай мне хорошенько тебя осмотреть. — Он осмотрел меня с головы до ног, потом произнес несколько удивленно: — Разумом я, конечно, понимал, что ты почти не изменишься за все эти годы, но увидеть это собственными глазами, осознать это — совсем другое дело, согласен? «Портрет Дориана Грея».

Голос у него тоже был старый.

— А где семейство? — спросил я, начиная ощущать неловкость.

— Я велел девицам малость подождать. Хотелось сперва увидеться со своим братом один на один. А если ты так уж мечтаешь увидеть Грегори и Ганса, за обедом у тебя будет эта блестящая возможность. А пока, ну их в болото, поболтай лучше немного со мной. Это же как много прошло времени. — В его глазах стояли слезы, стариковские слезы, которые так легко появляются, и я от смущения не знал, куда деваться.

— Я понимаю, что много.

Вцепившись в подлокотник, он сильно наклонился.

— Скажи мне только одно. Здорово было?

Перед моими глазами пробежали доктор Деверо, мамочка О'Тул, бедняжка Пру, которая так и не успела стать взрослой, по-настоящему взрослой. И дядя Стив. Потом, сделав усилие, я прогнал их и сказал то, что хотел услышать Пэт:

— Да, это было здорово, очень здорово.

— Вот и слава Богу, — вздохнул он. — Сам-то я давно уже перестал жалеть. Но было бы страшно обидно, если бы все зря.

— Было очень здорово.

— Вот это я и хотел услышать. Я сейчас позову девиц. Завтра мы осмотрим наш завод и я познакомлю тебя со всеми ключевыми людьми. Ты не подумай, я не ожидаю, что ты сразу возьмешь все в свои руки. Если хочешь — устрой себе сперва хороший долгий отпуск. Но не очень долгий, Том. Ведь я, наверное, очень постарел. Мне теперь трудно смотреть вперед, думать о будущем.

Вот так-то до меня дошло, что у Пэта все, как обычно, спланировано.

— Секунду, Пэт. Показав свой завод, ты доставишь мне большое удовольствие, и даже окажешь честь. Но не очень рассчитывай на меня. Сперва я пойду учиться. А потом — потом и увидим.

— Что? Не устраивай глупостей. И не называй его «мой», это «Братья Бартлет, Инкорпорейтед». И с самого начала так и было. Ты отвечаешь за этот завод не меньше, чем я.

— Ты, Пэт, успокойся. Я же просто...

— Молчать! — Голос у него был тонкий, визгливый, но в нем все еще слышались начальственные нотки. — Я не собираюсь, молодой человек, выслушивать всю эту Вашу чушь. До сих пор все было по-Вашему, Вы совершили долгую увеселительную прогулку. Не станем вспоминать, каким образом Вы этого добились. Что было, то прошло. Но теперь пришло время Вам немного повзрослеть и принять свою долю ответственности за семейное дело. — Тяжело дыша, Пэт смолк. Затем он продолжил тихо, словно разговаривая сам с собой. — У меня нет сыновей, у меня нет внуков, все приходится тащить одному. И чтобы мой брат, мой собственный брат... — Голос его совсем стих.

Я подождал и взял Пэта за плечо. Плечо это было сделано словно из спичек, моя рука разжалась. Но я твердо решил объясниться с Пэтом раз и навсегда; я сказал себе, что так будет милосерднее.

— Пэт, послушай меня. Пойми все правильно и не считай меня неблагодарной свиньей. Просто я хочу сам жить свою жизнь. Попытайся меня понять, компания «Братья Бартлет» может оказаться частью этой

жизни, а может и не оказаться. Вполне возможно, что не окажется. И решать буду я. Никто никогда не будет мне указывать.

Он отмел мои возражения, как нечто, не заслуживающее внимания.

— Ты сам не знаешь, чего ты хочешь. Ты еще совсем мальчик. Ладно, не важно, поговорим об этом завтра. Сегодня у нас день радости.

— Нет, Пэт, я не мальчик. Я мужчина. И тебе придется привыкнуть к этому. Я могу наделать ошибок, но это будут мои собственные ошибки. Никто не будет мне указывать, что делать.

Он не смотрел на меня.

— Я говорю серьезно, Пэт, — настаивал я, — я говорю настолько серьезно, что, если ты не согласишься и не смиришься с этим, я встану и уйду. Прямо сейчас. Навсегда.

Вот теперь он поднял на меня глаза.

— Ты не можешь так поступить со мной.

— Я могу.

Он взглянул на мои глаза.

— Да, ты можешь. Ты всегда был злым. У меня была с тобой уйма неприятностей.

— Я и остался злым, если ты считаешь, что это — подходящее слово.

— Да... Но ведь ты не можешь поступить так с девочками. Например, с Вики?

— Придется, если ты меня к этому вынудишь.

Секунду Пэт глядел мне в глаза, затем плечи его как-то сникли, он закрыл лицо руками. Казалось, он сейчас заплачет, и я чувствовал себя каким-то дерзким типом, измывающимся над стариком. Не зная, что делать, я похлопал его по плечу, жалея уже, что не остановился вовремя, хотел обязательно все ему высказать. Припомнил я и то, что именно он, этот хрупкий старик, рисковал здоровьем, и, больше того, рассудком, чтобы выйти на связь со мной во время первого пика и, припомнив, подумал, ладно, если уж Пэту так хочется — доставлю ему удовольствие. Ведь ему, в конце концов, и жить-то осталось немного.

Нет!

Неправильно это, когда один человек подчиняет своей воле другого. И не важно, пользуется он для этого своей силой или слабостью. Я это я, и я снова полечу к звездам. Неожиданно у меня исчезли все сомнения. Да, конечно, сначала колледж — но я полечу. Я благодарен этому старому человеку, я обязан ему, но это не значит, что я обязан определять свою жизнь по его желаниям. Это — мое, и только мое.

Я взял его за руку и сказал:

— Прости, Пэт.

Не поднимая лица, он ответил:

— Ничего, Том. Пусть будет по-твоему. Все равно очень хорошо, что ты вернулся, пусть даже на своих условиях.

Мы еще чуть поговорили о всякой ерунде, потом робот принес мне кофе; сам Пэт пил молоко. Еще чуть позже Пэт сказал:

— Я сейчас позову девиц. — Тронув ручку кресла, он произнес несколько слов.

Первой вошла Молли, за ней Кэтлин. Я никогда их не видел, но узнал бы где угодно. Молли все еще была красивой, хотя ей шло уже к семидесяти. Кэтлин было лет сорок, но выглядела она младше. Нет, пожалуй, не так, она выглядела на свой возраст и несла этот возраст с достоинством королевы. Держась за мои руки и привстав на цыпочки, Молли поцеловала меня.

— Как хорошо, что ты вернулся домой, Том.

— Мы все очень рады, — согласилась Кэтлин, и ее слова эхом отозвались в моем мозгу. Она тоже поцеловала меня, а затем сказала уже обычным голосом. — Так вот, значит, какой у меня престарелый и нестареющий двоюродный дядюшка. Том, глядя на тебя, мне хочется иметь сына. Ты совсем не похож на дядюшку, я никогда не буду больше называть тебя «дядя».

— Я и сам не чувствую себя дядюшкой. Ну, разве что, по отношению к Молли.

У Молли на лице появилось удивление, потом она приснула, совсем как девочка.

— Хорошо, дядя Том. Я не буду забывать про твой возраст и буду относиться к тебе с уважением.

— А где Вики?

— Я здесь, дядя Том. Сейчас приду.

— (Побыстрее, красавица.)

Кэтлин резко глянула на меня, но ничего не сказала. Наверняка она не хотела подслушивать. Она ответила:

— Вики сейчас придет, Том. Ей хочется чуть-чуть привести в порядок свое лицо. Ты же знаешь девушек.

А знал ли я? Вики появилась буквально через мгновение.

Веснушек не было и в помине, ровно как и шинки на зубах. Рот не был большим. Он ей просто идеально подходил. А морковные волосы, источник стольких ее волнений, превратились в огненную корону.

Она не стала меня целовать, она просто подошла ко мне, словно кроме нас с ней здесь никого больше не было, взяла меня за руки и посмотрела мне в глаза.

— Дядя Том. Том.

— (Конопатая.)

Не знаю, сколько уж времени мы изображали из себя статуи. Потом она сказала (молча): — Когда мы поженимся, со всей этой штукой насчет на-расстоянии-во-много-световых-лет-друг-от-друга будет покончено. Ты меня хорошо понял? Куда отправишься ты, туда и я. Хоть к этому заливу Бэбкока, если тебе так уж хочется. В любом случае, я пойду с тобой.

— А? Когда это ты решила выйти замуж за меня?

— Ты, кажется, совсем забыл, что я читала твои мысли с самых малых своих лет. И делала это значительно тщательнее, чем ты думаешь. И продолжаю этим заниматься.

— А как же Джордж?

— А никак Джордж. Он просто моя выдумка, когда я считала, что ты вернешься только тогда, когда я буду уже старухой. Так что забудь про Джорджа.

— (С радостью.)

Наше «ухаживание» продолжалось целых двадцать секунд. Не выпуская моих рук, Вики сказала вслух:

— Мы с Томом поедem сейчас в город и поженимся. Приглашаем всех вас с собой.

Так мы и сделали.

Я видел, как после церемонии Пэт внимательно присматривался ко мне, пытаясь оценить новое положение вещей и размышляя, как бы использовать его в своих интересах. Правда, Пэт не разобрался еще в новой ситуации; если кто и будет теперь помыкать мной, то во всяком случае не он. Вики говорит, что в ближайшее время я буду ее стараниями «совсем тип-топ». Хотелось бы надеяться, что у нее ничего не получится, однако надежды мало. Ну, а если получится — что ж, придется к этому приспособиться. Я и не к такому приспосабливался.

ПОВЕСТЬ

Пасынки
ВСЕЛЕННОЙ

ЧАСТЬ I

Осторожно! Мьют!

Кусок железа врезался в переборку прямо над головой Хью с такой силой, что, не промахнись пращник, пробил бы ее наверняка. Хью Хойланд резко пригнулся, оттолкнулся ногами от пола и, пролетев несколько метров по коридору, выхватил нож. Перевернувшись в воздухе у поворота, он встал на ноги. За поворотом коридор был пуст. Оба товарища догнали его.

— Ушел? — спросил Алан Махони.

— Ушел, — ответил Хойланд. — Я видел, как он нырнул в люк. Кажется, у него было четыре ноги.

— Четыре или две, нам все равно теперь не поймать мьута, — сказал Морт Тайлер.

— Вот еще, ловить его! — воскликнул Махони. — На кой Хафф он нам сдался!

— А я был бы не прочь поймать его, чтобы потолковать кое о чем, — ответил Хойланд. — Клянусь Джорданом, возьми он на два дюйма ниже, быть бы мне в Конвертере.

— Перестаньте через каждые два слова богохульничать, — укоризненно сказал Тайлер. — Слышал бы вас Капитан! — И он благоговейно приложил ладонь ко лбу, как и подобает при упоминании Капитана.

— Джордана ради, — резко ответил Хойланд, — не умничай, Морт. Тебя еще не произвели в ученые, а я вряд ли менее благочестив, чем ты, но не вижу греха в том, чтобы иногда дать выход чувствам. Даже ученые так выражаются в сердцах, я сам слышал.

Тайлер открыл было рот, но промолчал.

— Слушай, Хью, — Махони дернул Хойланда за руку. — Давай уйдем отсюда. Мы так высоко никогда еще не забирались. Я хочу вернуться туда, где нормальная тяжесть.

Хойланд, сжимая рукоять ножа, жадно смотрел на люк, в котором скрылся противник.

— Ладно, малыш, — согласился он. — Впереди до рога долгая, пора возвращаться.

Он повернулся и пошел к люку, через который они выбрались на этот ярус. Вверх приходилось подниматься по крутым лестницам, но сейчас Хью просто оттолкнулся от крышки люка и начал плавно спускаться на палубу пятнадцатью футами ниже. Тайлер и Махони последовали за ним. Так они продвигались вниз — через десятки люков и зловещих, слабо освещенных палуб. С каждым разом прыжок чуть-чуть ускорялся, и приземлялись они чуть-чуть тяжелее. В конце концов Махони не выдержал:

— Хью, хватит прыгать. Я ногу зашиб. Давай пойдем лестницами.

— Ладно, но так будет дольше. Кстати, далеко нам еще?

— Отсюда до фермы палуб семьдесят, — ответил Тайлер.

— А ты почему знаешь? — подозрительно спросил Махони.

— Знаю, потому что считал, балда ты этакая.

— Ну да! Считать умеют только ученые. Ты думаешь, если тебя учат читать и писать, так ты уже все знаешь?

Хойланд вмешался, прежде чем спор перерос в ссору.

— Заткнись, Алан. Может, он действительно умеет считать. Морт на такие дела мастак. Да и, судя по тяжести, он прав.

— А лезвия в моем ноже он посчитать не хочет? — не унимался Алан.

— Заткнись, тебе говорят. Ты что, Закона не знаешь? За пределами деревни дуэли запрещены.

Они продолжали свой путь в тишине, легко бежали по лестницам, пока возросшая сила тяжести не заставила перейти на шаг. Вскоре показался ярко освещенный ярус, где расстояние между палубами было раза в

два больше, чем наверху. Воздух здесь был влажный и теплый.

— Наконец-то... — сказал Хью. — Однако, я не вижу нашей фермы. Мы, наверное, вышли с другой стороны.

— А вон и какой-то фермер, — сказал Тайлер. Сунув мизинцы в рот, он свистнул, а потом крикнул: — Эй, приятель! Куда это мы попали?

Крестьянин, не спеша, оглядел всех троих, потом объяснил, как найти Главную дорогу, ведущую к их деревне. Они прошли с полторы мили энергичным шагом по широкому, довольно оживленному тоннелю. Навстречу им попадались по большей части крестьяне, толкавшие перед собой груженные тележки. Потом они увидели, как в носилках, которые держали четверо здоровых слуг, с достоинством покачивался ученый. Его оруженосец шествовал впереди, разгоняя с дороги простолудинов... А вскоре вся тройка пришла в общинную своей деревни — просторное помещение в три палубы высотой. Здесь они разошлись. Хью направился в казармы кадетов — молодых холостяков, живущих отдельно от родителей. Он умылся, потом отправился к дяде, Эдуарду Хойланду, у которого работал за еду. Когда Хью вошел, тетя взглянула на него, но ничего не сказала: женщине подобало хранить молчание.

— Привет, Хью, — сказал дядя. — Опять бродил по окрестностям?

— Доброй еды, дядя... Конечно, бродил...

Эдуард Хойланд, солидный здравомыслящий человек, снисходительно усмехнулся:

— Где был и что видел?

Тетя бесшумно выскользнула за дверь и вернулась с ужином для Хью, поставила перед ним тарелку, но ему даже в голову не пришло поблагодарить за заботу. Он проглотил кусок, прежде чем ответить.

— Был наверху. Добрались почти до невесомости. А потом мьют чуть не разнес мне череп.

Дядя хмыкнул:

— Свернешь себе шею в этих трущобах, парень. Ты бы лучше занимался хозяйством и ждал того дня, когда я умру и оставляю его тебе.

На лице Хью появилось упрямое выражение.

— А вам разве не любопытно, дядя?

— Мне? Ну, когда я был молодым, тоже много шатался. Прошел всю Главную дорогу, потом вернулся обратно в деревню. И в Темном Секторе бывал, меня там мыюты разве что за пятки не хватили. Видишь шрам?

Хью видел этот шрам не в первый раз, а дядин рассказ уже наскучил ему до тошноты. Подумаешь, прошел однажды Главную дорогу! Сам-то Хью хотел побывать везде, все увидеть и все узнать. Взять хотя бы верхние ярусы. Если человеку не дано так высоко забираться, то с чего Джордану было их создавать?

Но мысли эти он держал при себе и продолжал есть. Эдуард Хойланд сменил тему:

— Мне надо повидать Свидетеля. Джон Блэк заявил, что я ему должен трех свиней. Хочешь пойти со мной?

— Да нет, пожалуй. Хотя да, пойду.

— Поспешай тогда.

По дороге они зашли в казарму, и Хью отпросился идти с дядей по делу.

Свидетель жил в маленьком вонючем помещении на краю общинной, где его легко мог найти каждый, кто нуждался в его помощи. Он сидел на пороге, ковыряя ногтем в зубах. Его ученик, прыщавый близорукий подросток, сидел на корточках за его спиной.

— Доброй еды, — сказал дядя.

— И тебе доброй еды, Эдуард Хойланд. Ты пришел по делу или просто составить старику компанию?

— И то и другое, — дипломатично ответил дядя, а затем изложил суть своего визита.

— Так в чем проблема? — сказал Свидетель. — В контракте ведь ясно сказано:

Джон Блэк дал Эдуарду овес,

Чтоб Эд свиней ему принес.

Как поросята подрастут,

Из них двух Джону отдадут.

Подросли поросята, Эдуард Хойланд?

— Подросли, — ответил дядя. — Но Блэк требует трех, а не двух.

— Порекомендуй ему холодную примочку на голову. Свидетель свое слово сказал, — и старик жиденько рассмеялся.

Они немного посплетничали. Эдуард Хойланд как мог удовлетворял ненасытную жажду старика ко всякого рода подробностям. Хью хранил благопристойное молчание во время беседы старших. Но когда дядя, наконец, поднялся, он сказал:

— Я задержусь ненадолго.

— Как хочешь. Доброй еды, Свидетель.

— Доброй еды, Эдуард Хойланд.

Когда дядя отошел достаточно далеко, Хью сказал:

— Я принес вам подарок, Свидетель.

— Покажи.

Хью вынул кисет с табаком, который захватил, когда заходил в казарму. Свидетель принял его, не сказав ни слова, и бросил ученику, чтобы тот спрятал.

— Заходи, — сказал Свидетель и повернулся к ученику: — А ты принеси-ка кадету стул.

Хью начал рассказ, и старик тщательно выпытывал все касающееся его последних вылазок, ругая при этом Хью за неумение запомнить события до мельчайших подробностей.

— Ничего вы, молодые, не умеете. Даже этот паршивец, — Свидетель ткнул пальцем в ученика. — Даже он ничего не умеет, хоть и способней тебя раз в десять. Поверишь ли, и тысячи строк в день запомнить не может, а ведь должен занять мое место, когда умру. Да когда я был учеником, мне тысячи строк едва хватало, чтобы заговорить себя и поскорее уснуть. Свистки вы все без горошины.

Хью не возражал, он ждал, пока старик выговорится.

— Ты хотел что-то спросить у меня, паренек?

— Вообще-то, да, Свидетель.

— Ну так выкладывай. Язык, что ли проглотил?

— Вы когда-нибудь поднимались в невесомость?

— Кто, я? Конечно, нет. Я же учился на Свидетеля. Мне нужно было запомнить все, что написали Свидетели до меня, а на мальчишеские забавы у меня времени не было.

— Я думал, может, вы мне скажете, что там есть.

— А, ну это совсем другое дело. Нет, сам я туда никогда не забирался, но слышал рассказы многих людей, которые там побывали. Очень многих, тебе столько людей не увидеть и за всю жизнь. Я ведь

старый. Я помню отца твоего отца и его отца тоже. Что же именно ты хочешь знать?

— Что именно? — Как задать вопрос? Как выразить словами смутную боль в груди? И все-таки: какое во всем этом предназначение, Свидетель? Зачем все эти ярусы над нами?

— Что? Джордан с тобой, сынок, я же Свидетель, а не ученый.

— Я думал, что вы, может быть, знаете... Извините...

— Но я действительно знаю. Строки из Книги Начала — вот что тебе нужно.

— Их я уже не раз слышал.

— Так послушай еще раз. Ответы на все вопросы есть в этих строках, если только у человека хватает мудрости увидеть их. Внемли мне. Хотя нет, дадим возможность моему ученику показать себя. Эй ты! Прочти нам из «Начала», да с выражением.

Ученик облизал губы и начал:

Вначале был Джордан в
раздумье глубоком,
Вначале был Джордан во тьме
одинокой,
Из тьмы и безлюдства родилось
желанье,
Желанье затем перешло
в ожиданье.
Из ожиданья родился План —
Джордан решил, и час настал:
Из тьмы и мрака Он Корабль
создал!
Миля за милей уютных жилищ
И для плодов золотых
хранилищ.
Палубы, люки, свет и воздух —
Все для людей еще
не созданных,
Вот человека сотворил Он
И учредил для него Закон:
Создателя должен чтить
человек,

Плану великому посвятить свой
век.
Каждому Законом отведено
место,
Каждому строго определен удел.
Человеку не дано знать цели,
Главное — чтобы он Создателю
Повиноваться умел.
Одним — говорить, другим —
слушать.
Среди людей воцарился порядок.
Он создал Экипаж для черной
работы
И ученых для соблюдения
Плана.
Помазанник Джордана — Капитан —
Человеческим родом стал
править сам.
Непорочен лишь Джордан,
а люди грешны.
Зависть, жадность и гордость
загрязнили умы.
Первым Хафф согрешил, будь
он проклят навек!
От него эту скверну вкусил
человек.
Разразился мятеж, и погиб
Капитан.
Кровью мучеников...

Мальчик запнулся, и старик наотмашь ударил его по лицу.

— Начинай снова!

— С самого начала?

— Нет, с той строки, с которой сбился.

Мальчик продолжал монотонно декламировать строфу за строфой, пространно рассказывая древнюю историю греха, мятежа и смутного времени. Как мудрость в конце концов взяла верх и как тела вождей мятежа скормили Конвертеру. Как некоторым мятежникам удалось избежать Полета и положить начало племени

мьютов. Как после молитв и жертвоприношений был избран новый капитан.

Хью беспокойно заерзал, шаркая ногами по полу. Без сомнения, в Священных Строках были ответы на все его вопросы, на то они и священные, но у него, видно, ума не хватало найти их. Но почему? В чем же вообще смысл жизни? Неужели жить — значит всего лишь есть, спать и в конце концов отправиться в Дальний Полет? Разве Джордан не желал, чтобы его поняли? Откуда же тогда боль в груди? Этот голод, который нельзя утолить даже доброй едой?

Утром к дверям дядиного жилища подошел посыльный.

— Ученый хочет видеть Хью Хойланда, — отчеканил он.

Хью понял, что его вызывает Лейтенант Нельсон — ученый, отвечающий за духовное и физическое состояние сектора Корабля, в котором располагалась родная деревня Хью. Он быстро собрался и заторопился вслед за посыльным.

— Кадет Хойланд прибыл, — доложил он.

Ученый оторвался от завтрака и сказал:

— А, да. Входи, мой мальчик. Садись. Ты ел?

Хью утвердительно кивнул головой, не отрывая глаз от диковинных фруктов, лежащих на тарелке. Нельсон проследил его взгляд.

— Попробуй эти финики. Новая мутация. Я приказал доставить их с дальней стороны. Ешь, пожалуйста. В твоем возрасте всегда можно съесть еще немножко.

Хью с гордостью принял приглашение. Делить трапезу с ученым ему еще не приходилось. Лейтенант откинулся в кресле, вытер пальцы о рубашку, оправил бороду и приступил к делу:

— Последнее время я совсем не видел тебя, сын мой. Расскажи мне, чем ты занимаешься.

Не успел Хью ответить, как Ученый заговорил снова:

— Хочешь, я сам тебе скажу. Ты изучаешь верхние ярусы, мало беспокоясь о том, что это запретная зона. Так или нет?

Хью пытался что-то промямлить, но ученый снова перебил:

— Ну ничего, ничего. Я вовсе не сержусь. Но просто все это заставило меня подумать, что тебе пора выбирать свое место в жизни. Есть ли у тебя какие-либо планы на будущее?

— Сказать по правде, определенных планов нет, сэр.

— А что у тебя с этой девушкой, Идрис Бакстер? Собираешься жениться?

— Не знаю, сэр. Я бы непрочь, да и отец ее тоже, насколько мне известно. Вот только...

— Что «только»?

— Он хочет, чтобы я пошел к нему на ферму в ученики. Предложение, конечно, неплохое. Его ферма да дядин надел — хорошее хозяйство.

— Но ты не уверен, что тебе именно этим хочется заниматься...

— Сказать по правде, не знаю.

— Правильно. Ты не для этого создан. У меня относительно тебя другие планы. Скажи, ты никогда не задумывался, почему я тебя научил читать и писать? Ага, задумывался? Но держал свои мысли при себе? Вот и молодец. А теперь слушай меня внимательно. Я наблюдал за тобой со дня твоего рождения. Воображение твое развито намного лучше, чем у других простолюдинов. В тебе больше, чем в них, любопытства, больше энергии. Ты Прирожденный лидер и уже ребенком выделялся среди других детей. Когда ты родился, твоя слишком большая голова сразу вызвала пересуды. Некоторые даже предлагали закончить дело Конвертером. Но я не согласился. Мне было очень интересно, что из тебя получится. Жизнь крестьянина не для тебя. Твой удел быть ученым.

Лейтенант смолк и внимательно посмотрел на растерянного, потерявшего дар речи Хью. Потом заговорил снова:

— Именно так дела и обстоят. Человека твоего склада следует сделать либо одним из правителей, либо отправить в Конвертер.

— Если я правильно вас понял, сэр, то у меня и выбора нет?

— Откровенно говоря — да. Оставлять мыслящих людей в рядах Экипажа — значит сеять ересь. Это недопустимо. Однажды так случилось, и род челове-

ский чуть было не погиб. Ты выделился из общей массы своими дарованиями. Теперь твое мышление следует направить на путь истинный, открыть секреты чудес, дабы ты был хранителем устоев, а не источником смуты и беспокойства.

Вошел посыльный, нагруженный узлами, и сложил их в углу.

— Да это мои пожитки! — воскликнул Хью.

— Совершенно верно, — подтвердил Нельсон. — Я за ними послал. Теперь ты будешь жить здесь, занимаясь под моим наблюдением, если, конечно, у тебя на уме нет чего-либо другого.

— О нет, сэр, что вы! Должен сознаться, я просто немного растерян. Скажите, я теперь... Ну, то есть вы против моей женитьбы?

— А, вот ты о чем... — безразлично ответил Нельсон. — Если хочешь, просто возьми девку себе. Отец теперь возражать не посмеет. Но позволь предупредить, тебе будет не до нее.

Хью пожирал одну за другой древние книги, которые давал ему наставник, забыл даже об Идрис Бакстер и своих экспедициях. Часто ему казалось, что он напал на след какой-то тайны, но каждый раз оказывался в тупике и чувствовал себя еще больше запутавшимся, чем раньше. Постичь премудрости науки и тайны ученых было более трудным делом, чем он предполагал.

Однажды, когда он ломал голову в размышлениях о непостижимо странных и непонятных характерах предков и пытался разобраться в их запутанной риторике и непривычной терминологии, в его комнатку вошел Нельсон и отцовским жестом положил руку на плечо.

— Как идет учеба, мальчик?

— Да, пожалуй, нормально, сэр, — ответил Хью, отложив книгу в сторону. — Но кое-что я не совсем понимаю. А сказать по правде, не понимаю совсем.

— Этого и следовало ожидать, — невозмутимо ответил Нельсон. — Я умышленно оставил тебя наедине с мудростью, чтобы ты увидел ловушки, расставленные для природного ума, не вооруженного знанием. Многое из того, что ты прочел, не понять без разъяснений и

толкований. Чем ты сейчас занят? — Он взял книгу и посмотрел на обложку: — «Основы современной физики». Это одно из самых ценных древних писаний, но непосвященному не разобраться в нем без помощи. Прежде всего ты должен понять, мой мальчик, что наши предки при всем их духовном совершенстве придерживались иных взглядов на мир, чем мы. В отличие от нас, рационалистов до мозга костей, они были неисправимыми романтиками, и те незыблемые истины, которые оставлены нам в наследство, часто излагались у них аллегорическим языком. Возьми, например, Закон Всемирного Тяготения. Дошел ты уже до него?

— Да, я читал о нем.

— Понял ли ты его? Мне кажется, что нет.

— Я не увидел в нем никакого смысла, — робко сказал Хью. — Прошу прощения, сэр, но все это показалось мне какой-то белибердой.

— Вот блестящий пример того, о чем я тебе говорил. Ты воспринял этот Закон буквально. «Два тела притягивают друг друга обратно пропорционально квадрату расстояния между ними». Казалось бы, эта формула звучит как правило, констатирующее элементарное состояние физических тел. Но нет! Ничего подобного! Перед нами не что иное, как древнее поэтическое изложение закона близости, лежащего в основе чувства любви. Тела, о которых идет речь, — это человеческие тела. Масса — это их способность к любви. У молодых потенциал любви намного выше, чем у стариков; если их свести вместе, они влюбятся друг в друга, но, если разлучить, чувство любви быстро проходит. Все очень просто. А ты пытался найти какой-то скрытый глубокий смысл там, где его нет.

Хью усмехнулся.

— Такая трактовка мне и в голову не приходила...

— Если тебе что-либо неясно, спрашивай.

— У меня много вопросов, так сразу я даже с ними и не соберусь. Но вот что я хотел бы знать, отец мой. Можно ли считать мьютов людьми?

— Так... Вижу, ты наслушался праздной болтовни... И да и нет. Верно то, что мьюты когда-то произошли от людей, но они ведь давно уже не относятся к

Экипажу, ведь они согрешили и нарушили Закон Джордана. О, это очень сложный вопрос, — продолжал учитель, увлекшись. — Здесь можно спорить и спорить. Дискутируется даже этимология слова «мьют». Некоторые ученые считают, что было бы более правильным называть эти существа «мяты», поскольку — и это, безусловно, верно — начало их роду было положено избежавшими Конвертера мятежниками. Но верно также и то, что в их жилах течет кровь многочисленных мутантов, расплодившихся в Темные века. Отсюда и «мьют» — «мутант». В те давнишние времена, как ты сам понимаешь, не существовало еще нашего мудрого обычая — осматривать каждого новорожденного и отправлять в Конвертер тех, кто отмечен печатью греха, а значит, родился мутантом.

Хью обдумал услышанное, потом спросил:

— А почему же среди нас, людей, все еще появляются мутанты?

— Это как раз легко понять. Семя греха все еще живет в нас и временами воплощается в людей. Уничтожая этих паршивых овец, мы оберегаем стадо и тем самым приближаемся к осуществлению великого Плана Джордана — завершению Полета в нашем доме небесном, Далеком Центавре.

Хойланд напряженно свел брови:

— Это мне тоже не совсем ясно. Многие из древних писателей говорят о Полете как о действительном процессе движения куда-то. Как если бы сам Корабль был бы какой-то тележкой, которая может двигаться из одной деревни в другую. Как это понять?

Нельсон хмыкнул:

— Как понять? Вот уж действительно вопрос. Как может двигаться то, внутри чего движется все остальное? Ответ ясен. Ты опять спутал древнюю аллегорию с реальностью. Само собой разумеется, что Корабль неподвижен. Корабль — это вселенная. Но, конечно, она движется в духовном смысле слова. С каждым нашим праведным поступком мы продвигаемся все ближе и ближе к божественному предначертанию Плана Джордана.

— Я, кажется, понимаю, — кивнул Хью.

— Видишь ли, Джордан мог создать вселенную и не в виде Корабля. Он мог придать ей любую форму. На заре человечества, когда наши предки были более поэтичными, чем мы, святые соперничали друг с другом, строя гипотезы о возможных мирах, которые мог бы создать Джордан, будь на то его воля. Существовала даже школа, разработавшая целую мифологию о перевернутом вверх дном мире, состоящем из бесчисленного множества пустых пространств, в которых только кое-где мерцали огоньки и жили бестелые мифологические чудовища. Они называли этот вымышленный мир «небом», или «небесным миром», видимо, по контрасту с реальной действительностью Корабля. Я думаю, что все это делалось к вящей славе Джордана. И кому дано судить, по нраву Его были эти мечты или нет? Но в наш просвещенный век на нас возложена более серьезная работа, чем на наших предков.

Астрономия Хью не интересовала. Даже его нетренированному уму было ясно, насколько она нереальна и не от мира сего. Он же был занят вопросами более практическими.

— Если мьюты — плод греха, то почему же мы не предпримем попыток уничтожить их? Разве такое деяние не ускорит выполнение Плана?

После короткой паузы ученый ответил:

— Ты задал прямой вопрос и заслуживаешь прямого ответа. Подумай сам: ведь в Корабле достаточно места только для определенного числа членов Экипажа. Если мы начнем размножаться безо всяких ограничений, то наступит время, когда доброй еды на всех не хватит. Так не будет ли лучше, если некоторые погибнут в стычках с мьютами, чем допустить ситуацию, при которой нас станет так много, что мы будем вынуждены убивать друг друга из-за еды? Видишь, в Плане Джордана даже мьютам отведено место.

Аргументация казалась убедительной, но все же не до конца. Во всяком случае для Хью.

Но когда его как младшего ученого допустили к практической деятельности по управлению жизнью Корабля, он обнаружил, что существуют и другие теории. Согласно установленному обычаю он некоторое время обслуживал Конвертер. Работа была необременитель-

ная. В основном приходилось принимать отходы, доставляемые носильщиками из всех деревень, и вести учет поступления. Но работая там, он познакомился с Биллом Эртцем, Заместителем Главного Инженера, который был совсем ненамного его старше.

Хью обсуждал с ним теории, усвоенные из бесед с Нельсоном, но реакция Эртца просто потрясла его.

— Заруби себе на носу, малыш, — сказал ему Эртц, — что наша работа — это практическое дело для практически мыслящих людей. Забудь всю эту романтическую чушь, План Джордана, тоже мне! Все эти рассказы только и годятся для того, чтобы держать крестьян в повиновении, но ты-то на это не клюй. Никакого Плана и в помине нет, кроме, конечно, наших собственных планов. Кораблю нужны свет, тепло и энергия, которыми ведаем мы, ученые. Экипажу без них не прожить, что касается этой мягкотелой терпимости по отношению к мьютам, то помяни мое слово, скоро кое-что изменится. Держи язык за зубами, а сам будь поближе к нам.

Из этого разговора Хью понял, что ему следует примкнуть к группировке молодых ученых. Молодые создали свою собственную, крепко спаянную организацию, состоящую из практически мыслящих, работающих людей, которые были намерены улучшить условия жизни во всем Корабле. Они были крепко спаяны потому, что каждый молодой кандидат в ученые, не оказавшийся способным воспринять их взгляды, либо вскоре оказывался снова среди крестьян, либо, что случалось еще чаще, был обвинен в серьезном служебном проступке и оказывался в Конвертере.

И Хойланд начал понимать, что молодые ученые были правы.

Они были реалистами. Корабль есть Корабль. Факт, не требующий толкования. А что касается Джордана, то кто Его видел? Кто с Ним хоть раз беседовал? И в чем заключается Его малопонятный План? Смысл жизни в том, чтобы жить. Человек рождается, живет и уходит в Конвертер... Все очень просто, безо всяких мистерий, божественных Полетов и Центавров. Все эти мифы и сказки не что иное, как пережитки детства рода человеческого, тех времен, когда человек еще не

умел разобраться в реальности бытия и не обладал достаточной смелостью, чтобы смотреть правде в глаза и объективно ее воспринимать.

Хью перестал забивать себе голову астрономией, мистической физикой и прочей мифологией, которую ранее привык почитать. Священные строки из Книги Начала и все эти сказки о Земле — это еще что за хаффовщина, «Земля» какая-то? — теперь только забавляли его. Он знал, что верить в них могут лишь дети и тупицы.

Да и работы у него теперь было по горло. Молодые вынашивали свои проекты, среди которых первое место занимало планомерное истребление мутантов. Они и сами толком не представляли себе, чем займется после этого, но рассчитывали полностью использовать все ресурсы Корабля, включая и верхние ярусы. Молодежи удавалось проводить свои планы в жизнь, не вступая в открытое противоборство со старшими, потому что старшее поколение ученых мало интересовалось вопросами повседневной жизни Корабля. Нынешний Капитан разжирел так, что редко покидал свою резиденцию, а всеми делами от имени Капитана вершил его Старпом, член группы молодых. Главного Инженера Хью за все это время видел всего один раз, да и то на религиозной церемонии сдачи вахты у Конвертера.

Проект истребления мьютов требовал систематических рекогносцировок верхних ярусов. В одной из таких вылазок Хью и попал в засаду.

Этот мют стрелял из пращи лучше, чем первый. Спутники Хойланда сочли его мертвым и оставили на поле боя, отступив под давлением превосходящих сил противника.

Джо-Джим Грегори играл сам с собой в шашки. Раньше он играл сам с собой в карты, но Джо — правая голова — заподозрил, что Джим — левая голова — передергивает. Они поссорились, но потом помирились, поскольку давно уже поняли, что двум головам на одной паре плеч просто необходимо уметь находить компромиссы.

Шашки были куда как лучше. Обе головы видели доску, и почвы для конфликта не возникало.

Игру прервал громкий стук в дверь. Джо-Джим обнажил метательный нож и согнул руку для броска.

— Входи! — рявкнул Джим.

Дверь открылась, и стучавший вошел спиной — все знали, что к Джо-Джиму входить можно было только так, чтобы сразу не угостили ножом.

Вошедший был приземист — не выше четырех футов — и коренаст. В нем чувствовалась гигантская физическая сила. На широких его плечах лежало обмякшее человеческое тело.

Джо-Джим убрал нож.

— Положи его на пол, Бобо, — приказал Джим.

— И закрой за собой дверь, — добавил Джо.

— Съедем, а? — На полуоткрытых губах Бобо выступила слюна.

— Может быть, и съедем, — неуверенно ответил Джим. — Это ты его подбил?

Бобо кивнул маленькой головой.

— Хорошо, Бобо, — одобрительно сказал Джо. — Куда попал?

— Бобо попал ему сюда. — Карлик ткнул толстым пальцем чуть ниже грудной клетки пленника.

— Метко, — одобрил Джим. — Мы, пожалуй, и ножом бы лучше не попали.

— Бобо меткий, — охотно согласился карлик. — Показать? — И он достал пращу.

— Уймись, — беззлобно сказал Джо. — Нам показывать не надо. А вот его хорошо бы заставить говорить.

— Бобо сделает, — согласился коротышка и по простоте душевной попытался ткнуть лежащего без сознания человека ножом под ребра.

Джо-Джим отогнал его пинком и сам занялся телом, применяя методы хотя и болезненные, но значительно менее радикальные, чем методы Бобо. Юноша открыл глаза.

— Съедем, а? — стоял на своем Бобо.

— Нет, — ответил Джо.

— Ты когда ел в последний раз? — осведомился Джим.

Бобо потер живот и печально затряс головой, всем своим видом показывая, что это было, увы, давно. Джо-Джим открыл шкаф и вынул оттуда кусок мяса. Джим понюхал его, Джо брезгливо отвернулся. Джо-Джим бросил кусок Бобо, который, радостно подпрыгнув, поймал его на лету.

— А теперь убирайся, — приказал Джим.

Бобо засеменил к выходу и закрыл за собой дверь. Джо-Джим повернулся к пленнику и пнул его ногой.

— Говори, — сказал Джим, — кто ты, Хафф тебя дери?

Юноша вздрогнул, медленно провел рукой по голове, потом, увидев вдруг Джо-Джима, попытался рывком вскочить, но непривычно малая сила тяжести нарушала координацию движений. Поднявшись, однако, на ноги, он потянулся к ножам. Ножа на поясе не было. Зато Джо-Джим обнажил свой.

— Веди себя хорошо, и тебя не обидят. Твое имя? — спросил Джо.

Юноша облизал запекшиеся губы и обвел глазами комнату.

— А что с ним возиться? — сказал Джим. — На мясо только и годится. Давай лучше позовем Бобо.

— С этим всегда успеется, — ответил Джо. — Я хочу с ним потолковать. Как тебя зовут?

Пленник снова посмотрел на нож и пробормотал:

— Хью Хойланд.

— Это нам ничего не говорит, — заметил Джим. — Чем ты занимаешься? Из какой ты деревни? И что делал в стране мыотов?

На эти вопросы Хойланд не отвечал, даже когда его кольнули ножом под ребро.

— Хафф с ним, — буркнул Джо. — Он, видно, всего лишь глупый крестьянин. Плюнь на него.

— Так что, прикончим?

— Не сейчас. Пока просто запрем.

Джо-Джим открыл дверь маленькой каморки, впахнул в нее Хью и, заперев, вернулся к игре.

Хью растянулся на полу и погрузился в невеселые и бесплодные раздумья, благо времени у него оказалось более чем достаточно. Сколько он пробыл взапер-

ти, Хью уже не мог понять. Он много раз засыпал и просыпался, терзаемый голодом и жаждой.

Когда Джо-Джим снова почувствовал интерес к пленнику и открыл дверь, Хью валялся в углу в полуобмороке. Джо-Джим выволок его наружу.

Встряска оживила Хью. Он сел и огляделся по сторонам.

— Будешь говорить? — поинтересовался Джим.

Хойланд открыл рот, но не мог вымолвить ни звука.

— Он так обезвожен, что у него язык к гортани прилип, — сказал Джо своему близнецу. Потом он повернулся к Хью: — Если мы тебе дадим воды, будешь говорить?

Хойланд обалдело посмотрел на него и изо всех оставшихся сил закивал головой.

Джо-Джим протянул ему кружку с водой. Хью жадно припал к ней.

— Хватит с тебя, — вырвал, наконец, кружку из его рук Джо-Джим. — Говори!

Хью начал и выложил все до мельчайших подробностей.

Он ожидал, что его образование и ранг ученого произведут впечатление на Джо-Джима. Но ожидания эти не оправдались. Близнецы были прирожденными скептиками и спорщиками. Особенно Джим. Они быстро выкачали из Хью все, что могли, и махнули на него рукой. Хойланд чувствовал себя уязвленным. Разве он не ученый, в конце концов? Разве он не умеет читать и писать?

— Заткнись, ты! — сказал ему Джим. — Чтение дело плевое. Я умел читать, когда твой отец еще не родился. Думаешь, ты у нас первый ученый пленник? Вот еще невидаль — ученые! Шайка невежд!

Пытаясь завоевать уважение к своему интеллектуальному «эго», Хью начал излагать теории молодых ученых, отмечающие все религиозные интерпретации и воспринимающие Корабль как он есть. Он ожидал, что Джо-Джиму такой подход будет по душе, но близнецы лишь еще больше стали издеваться над ним.

— Вот уж действительно, — фыркнул Джим, закашлявшись от смеха, — вы, молодые идиоты, еще хуже старых.

— Но ты же сам говорил, — обиженно ответил Хью, — что все наши религиозные догмы просто чепуха. Мои друзья именно из этого и исходят. Они хотят положить конец всей этой устаревшей ерунде.

Джо начал было отвечать, но Джим перебил его:

— Что ты с ним возишься, Джо? Он же безнадежен.

— Нет, он вовсе не безнадежен. Мне нравится с ним спорить. Впервые нам попался человек хоть с какими-то проблесками ума. Просто интересно посмотреть, голова у него на плечах или держалка для ушей.

— Ладно, спорь с ним, — согласился Джим. — Может, он и поймет, что к чему. Но только, пожалуйста, потише. Я пока сосну.

Левая голова закрыла глаза и захрапела. Джо и Хью продолжали вполголоса беседовать.

— Все вы дурни, — и старые, и молодые, — говорил Джо, — но каждый на свой лад. То, что молодые не могут понять, они просто отрицают. Не существует, мол, этого, и все дела. А старцы — те наоборот. Они не отрицают непонятное, они просто подгоняют его под свои догмы, а потом уверяют и себя и вас, что все правильно поняли и что именно так дела и обстоят. Но никто из вас никогда и не пытался просто поверить прочитанному и воспринять все как есть в действительности. Как же, вы ведь слишком умны, чтобы упрощать! Если вы чего не поняли, значит, следует искать совсем противоположный смысл!

— Что ты имеешь в виду? — спросил Хью подозрительно.

— Что я имею в виду? Возьми хотя бы этот пресловутый Полет. Как ты его себе представляешь?

— Никак. Полет, по-моему, вообще ничего не означает. Так, басня для крестьян.

— Хорошо, пусть будет басня. Но в чем она заключается?

— Полет — это место, куда человек попадает, когда умрет, или даже то, что он делает после смерти. Человек умирает и отправляется в Полет на Центавр.

— А что такое Центавр?

— Центавр — это... Но учти, что я тебе просто излагаю ортодоксальные доктрины. Сам-то я в них

давно не верю. Так, значит, Центавр — это то место, куда человек попадает в конце Полета, после смерти, место, где все всегда счастливы и где много доброй еды.

Джо фыркнул. Джим перестал храпеть, открыл один глаз, потом закрыл его и опять заснул.

— Именно это я и имел в виду, — продолжал шепотом Джо. — Не хочешь ты шевелить мозгами. Неужели тебе никогда не приходило в голову, что полет и есть именно полет, а не что-либо другое? И что старые книги следует понимать буквально: как в них и написано. Корабль вместе со своим Экипажем просто летит куда-то, передвигается в пространстве.

Хойланд обдумал слова Джо.

— Ты просто смеешься надо мной. То, что ты говоришь, никак невозможно физически. Как же Корабль может передвигаться в пространстве, когда он сам и есть пространство? Мы можем передвигаться внутри Корабля, но, говоря о Полете, мы, конечно же, вкладываем в это слово чисто духовное содержание.

Джо призвал на помощь имя Джордана.

— Послушай, — сказал он. — Вбей, наконец, в свою тупую башку такую мысль. Представь себе пространство, намного большее, чем наш корабль. И что Корабль движется в нем.

Хью честно попытался вообразить себе такую картину. Потом покачал головой.

— Бессмыслица, — сказал он. — Как же может существовать нечто больше Корабля? Корабль это и есть вселенная.

— Хафф тебя побери! Вне Корабля, поймешь ты, наконец, или нет? Вообрази себе пространство вне Корабля. Иди мысленно вниз до самого последнего яруса, а потом представь, что ты прошел сквозь него.

— Но ведь дальше нижнего яруса некуда идти. Поэтому он и есть нижний.

— Представь себе, что ты взял нож и начал сверлить дыру в полу нижнего яруса. Что получится?

— Что? Сломаю нож, вот и все. Пол же очень твердый.

— Вообрази, что пол мягкий. Вообрази, что ты проковырял дыру. Что ты обнаружишь? Подумай!

Хью закрыл глаза и попытался представить, как он сверлит дыру в полу нижнего яруса. Смутно, очень смутно в сознании его забрезжила картина, переворачивающая всю душу, все привычные представления. Он вышел в сделанную им дыру и падает, падает, падает в нее, в бесконечную пустоту.

— Нет, нет, я не верю, — выдохнул он. — Это ужасно!

Джо-Джим встал.

— Я тебя заставлю поверить, — хмуро сказал он. — Заставлю, если даже придется свернуть тебе для этого шею. — Он подошел к двери и крикнул: — Бобо, эй, Бобо!

Джим дернулся и открыл глаза.

— Что происходит? Что случилось?

— Мы сейчас отведем Хью в невесомость.

— Это еще зачем?

— Вбить в его глупую голову немного ума.

— В следующий раз.

— Нет, сейчас.

— Хафф с тобой, ладно. Да не трясись ты, я уже все равно проснулся.

Умственные способности Джо-Джима Грегори были так же уникальны, как и его физический облик. Он был бы выдающейся личностью при других обстоятельствах, и неудивительно, что держал себя хозяином и заставлял мутантов служить себе. Испытывая он жажду власти, ему ничего не стоило бы сплотить мутантов и покорить Экипаж Корабля. Но властолюбием Джо-Джин не страдал. Он был прирожденным интеллектуалом, наблюдателем, стоящим в стороне. Его стремление к действию ограничивалось созданием уютной и удобной обстановки, способствующей размышлениям.

Родись он двумя обычными близнецами среди Экипажа, их наверняка ожидал бы сан ученых. Сейчас же Джо-Джим мучился отсутствием достойного партнера для интеллектуальных упражнений и утешался, как мог, чтением книг, наворованных его служками, три поколения которых он уже пережил.

Прочитанное всегда живо обсуждалось обеими половинами его двойной личности. В итоге Джо и Джим

выработали весьма разумную и связную концепцию физической природы мира и его исторического развития. Понятие художественной литературы было, пожалуй, единственным, чего они не смогли усвоить, романы, которыми когда-то была снабжена библиотека экспедиции Фонда Джордана, они воспринимали за такую же достоверную информацию, как справочную и научную литературу. На этой почве они серьезно расходились во взглядах. Джим считал величайшим в истории человеком Алана Квотермейна. Джо придерживался того же мнения о Джоне Генри.

Оба страстно любили поэзию, Киплинга они читали на память целыми страницами. Почти наравне с Киплингом оба читали Райлинга, «слепого певца космических дорог».

Вошел Бобо. Джо-Джим показал на Хью.

— Он сейчас выйдет отсюда, — сказал Джо.

Бобо радостно захлопал себя по животу.

— Вот ведь обжора. — Джо двинул его кулаком в бок. — Нет, ты его не трогай. Ты и он — кровные братья. Понял?

— Нельзя есть?

— Нельзя. Ты будешь драться за него, он за тебя.

— Хорошо. — Карлик пожал плечами, покоряясь неизбежному. — Кровные братья. Бобо знает.

— Тогда пошли. Туда, где все летает. Ты иди вперед.

Они лезли вверх гуськом, один за другим. Карлик шел первым и внимательно осматривал дорогу. За ним следовал Хойланд. Джо-Джим замыкал шествие. Джо смотрел вперед. Джим через плечо назад.

С каждой пройденной палубой вес все уменьшался. И вот они достигли яруса, выше которого дороги не было — потолок был глухой, без люка. Силы тяжести здесь почти не чувствовалось. Хью особой радости от экспедиции не испытывал — с непривычки его начало мутить. Зато Бобо заметно наслаждался парением в невесомости. Он передвигался в воздухе подобно большой неуклюжей рыбе, хватаясь за вделанные в стены поручни.

Так же хватаясь за поручни, расположенные в определенном порядке, Джо-Джим продвигался вперед, как паук по паутине. Хью пытался подражать им. Посте-

пенно он приноровился отталкиваться, пролетать значительное расстояние, отталкиваться снова. Остановились они, когда путь им преградила стена. Джо-Джим двинулся по стене направо, ощупывая ее рукой. Наконец, он нашел то, что искал — дверь, высотой в человеческий рост, запертую так плотно, что и обнаружить ее можно было только по сложному геометрическому узору на поверхности: Джо-Джим посмотрел на дверь и почесал свою правую голову. Потом правая и левая головы тихонько о чем-то пошептались. Джо-Джим нерешительно поднял руку.

— Нет, нет, — сказал Джим.

Джо-Джин снова посмотрел на дверь.

— Как так? — спросил Джо.

Они снова начали шептаться. Наконец Джо кивнул, и Джо-Джим опять поднял руку. Он обводил пальцами контуры рисунка на двери, не прикасаясь, однако, к нему. Потом уперся ладонью в стену, оттолкнулся от двери и замер в ожидании. Через секунду раздался еле слышный свист проходящего через щель воздуха. Дверь вздрогнула, приоткрылась дюймов на шесть и остановилась. Джо-Джим был заметно обескуражен. Он осторожно всунул пальцы в образовавшуюся щель и потянул дверь за край. Дверь не двигалась с места.

— Бобо, открой ее! — крикнул Джо.

Сморщив лоб, Бобо оглядел щель. Потом уперся ногами в стену, вцепился в дверь руками, поднатужился и потянул. По лицу его катился пот, спина напряглась, на шее выступили жилы. Хью услышал, как у карлика затрещали суставы. Было похоже, что он сейчас лопнет от натуги, потому что отказаться от этой невозможной затеи у него не хватает ума.

Но дверь неожиданно скрипнула и подалась, вырвавшись из крепко сжатых пальцев Бобо. Ноги карлика, упертые в стену, пружиной швырнули его в сторону, и он растопырил руки, пытаясь схватиться за поручень в полете. Через секунду Бобо вернулся обратно, потирая сведенную от напряжения икру.

Джо-Джим первым вошел в проход. Хью за ним.

— Где мы находимся? — потребовал объяснений Хью, любопытство которого разгорелось настолько, что даже заставило забыть о подходящих слуге манерах.

— В Главной рубке, — ответил Джо.

Главная рубка! Священнейшее и запретнейшее помещение Корабля, само расположение которого забылось и стало тайной! Для старых ученых она была либо слепым догматом веры, либо предметом мистических толкований, а молодые Ученые вообще перестали верить в ее существование.

Хью и считал себя человеком просвещенным, одни эти слова привели его в благоговейный трепет. Главная рубка! Да ведь здесь же, говорят, обитает дух самого Джордана!

— Что стоишь столбом? Пошли! — оглянулась голова Джо.

— Но ведь дух Джордана...

— Вот те на! — воскликнул Джо раздраженно. — Ты же говорил, что вы, молодые, в Джордана больше не верите.

— Конечно, но ведь...

— Прекрати. Иди вперед, а не то прикажу Бобо тащить тебя.

Хью неохотно последовал за Джо-Джимом.

Они прошли коридор, достаточно широкий, чтобы в нем могли разминуться два человека, и очутились в арке, ведущей непосредственно в Главную рубку. Любопытство перебороло страх, и Хью выглянул из-за плеч Джо-Джима. Глазам его открылось просторное, футов двести длиной, хорошо освещенное помещение сферической формы — внутреннее пространство огромного шара. Поверхность этого шара светилась тусклым матовым серебром. В геометрическом центре сферы Хью обнаружил скопление приборов футов пятнадцати в поперечнике. Увиденное ничего не говорило его неопытному глазу, он бы и описать его не смог. Просто приборы висели неподвижно без какой бы то ни было опоры.

От арки, в которой они стояли, шел только один путь — тоннель из металлической решетки.

Джо-Джим приказал Бобо оставаться на месте, а сам полез в тоннель. Он лез по решеткам, как по лестнице. Хью последовал за ним внутрь непонятного сооружения. Постепенно из общей массы оборудования пульта управления стали видны отдельные детали, но

Хью они все равно ничего не говорили. Он отвернулся и принялся рассматривать поверхность шара, окружавшего их.

Это было ошибкой. Белая матовая поверхность не давала чувства перспективы. Может быть она отстояла от него всего на сотню футов, а может быть, на всю сотню миль. Хью никогда не видел ни высоты, большей, чем расстояние между двумя палубами, ни открытого пространства, большего, чем общинная его деревни. Его охватил ужас, усугублявшийся тем, что причин этого чувства он не мог понять. Дух давно забытых лесных предков пробудился в нем, и первобытный страх свел судорогой живот. Хью вцепился в Джо-Джима.

Джо-Джим резко ударил его по лицу.

— Ты что это?! — рявкнул Джим.

— Я не знаю, что со мной, — выдавил наконец Хью. — Не знаю, но мне здесь не по себе. Давайте уйдем отсюда.

Джим посмотрел на Джо и сказал брезгливо:

— Можем и уйти. Попусту только время тратим на эту мокрицу, все равно он ничего не поймет.

— Прекрасно поймет, — ответил Джо. — Лезь в кресло, Хью, вот сюда.

Пока братья спорили, Хью внимательно осмотрел тоннель, которым они достигли пульта управления, проследив взглядом весь путь, проделанный ими от арки. Сфера неожиданно сфокусировалась в его глазах, и страх исчез. Все еще дрожа, он повиновался приказу Джо.

Кресла пульта были установлены так, чтобы все приборы и панели находились в пределах досягаемости космонавтов, но Хью, разумеется, не имел об этом ни малейшего представления. Он откинулся в кресле, радуясь, что устроился, наконец, прочно и надежно.

На панели перед креслом Джо-Джима происходило что-то таинственное. Внезапно зажглись красные буквы: «Второй навигатор пост принял».

Что такое «второй навигатор»?

Вдруг Хью увидел на панели перед его креслом те же слова и понял, что это человек, который должен сидеть здесь. Но что же означает «второй навигатор»?

Буквы на приборной доске перед Джо-Джимом погасли. В левом углу светилась лишь большая красная точка.

— Приготовься, — сказал Джо. — Сейчас погаснет свет.

— Нет, не надо, не выключай, — запротестовал Хью.

— А я и не собираюсь. Ты сам выключишь. Посмотри слева от себя. Видишь маленькие белые огоньки?

Хью повернулся и увидел на левом подлокотнике восемь маленьких огоньков, расположенных двумя группами по четыре одна над другой.

— Каждый контролирует освещение одного квадрата, — объяснил Джо. — Прикрой их рукой, и свет погаснет.

Неохотно, но уже не в силах подавить растущее любопытство, Хью повиновался. Матовые стены потемнели, а потом их свечение угасло совсем. В крошечной тьме мерцали лишь огоньки приборной доски.

Хью была нервная дрожь. Он убрал руку, восемь маленьких огоньков горели теперь голубым светом.

— Сейчас я покажу тебе звезды, — сказал Джо.

В темноте рука Джо-Джима легла на другой узор из восьми огоньков.

Мироздание.

Со стен стеллариума на Хью смотрели отражения звезд, со скрупулезной достоверностью воспроизведенные зеркалами телескопов; звезд, испускающих ровный, безмятежный свет. Бриллианты, с небрежной щедростью рассыпанные по искусственному небу, — бесчисленные светила лежали перед ним, над ним, окружали его со всех сторон. Один посреди звездной вселенной!

— О-о-о! — невольно выдохнул Хью и вцепился в ручку кресла, чуть не обломав ногти, но даже не заметил боли. Страха он больше не испытывал. Только одно чувство владело им. Грубые будни Корабля не убили в нем стремления к прекрасному, и сейчас он впервые в жизни переживал невыносимо сладостную муку встречи с ним. Прекрасное ошеломило его и вызвало боль.

Только окончательно придя в себя, Хью заметил сардоническую усмешку Джима и услышал едкое покашливание Джо.

— Хватит или еще? — осведомился Джо. Не дожидаясь ответа, Джо-Джим включил освещение дублирующим устройством, расположенным в левом подлокотнике его кресла.

Хью вздохнул. У него болела грудь и беспечно билось сердце. Он вдруг понял, что за все это время он не перевел дыхания.

Хью снова вздохнул, сам не зная почему. Когда зажегся свет, ему опять стало хорошо и уютно, но он никак не мог избавиться от ощущения невосполнимой потери. Сердцем он чувствовал, что, увидев однажды звезды, он никогда уже не будет счастлив, как прежде. Тупая боль в груди, смутная, неосознанная тоска по утраченному никогда уже не оставят его, хотя в невежестве своем Хью еще не мог осознать этого.

— Что это было? — тихо спросил он.

— Оно самое, — ответил Джо. — Мир. Вселенная. Именно то, о чем я тебе говорил.

Хью отчаянно пытался понять, что имел в виду Джо.

— Это и есть мир вне Корабля — красивые маленькие огоньки?

— Совершенно верно, только они не маленькие. Они просто очень далеко от нас, за десятки тысяч миль, а может быть и больше.

— Что?!

— То, что ты слышал, — усмехнулся Джо. — Космос огромен. А некоторые из этих звезд размером с Корабль, если не больше.

— Больше Корабля? — выдохнул Хью.

— Без толку все это, — нетерпеливо сказал Джим. — Только время зря на него, остолопа, теряем.

— Полегче, братец, полегче, — возразил Джо. — Не надо заставлять малыша бегать, прежде чем он научился ползать. Мы ведь тоже не сразу все поняли. Насколько я помню, ты долго не хотел верить своим глазам.

— Ложь, — сердито буркнул Джим. — Это тебя пришлось долго убеждать.

— Ну ладно, дело прошлое, — согласился Джо. — Все же нам с тобой тоже понадобилось время для того, чтобы разобраться, что к чему.

Хойланд слушал близнецов краем уха. Их споры были делом обычным. Хью же сейчас думал только о том, что произошло с ним.

— Джо, — спросил он, — что случилось с Кораблем, когда мы увидели звезды? Он стал прозрачным?

— Не совсем так, — ответил Джо. — Ты видел не сами звезды, а их изображение. Есть такие устройства с зеркалами. Я тебе дам потом прочесть книгу о них.

— Но можно посмотреть и на настоящие звезды, — вклинился в разговор Джим, уже остывший от минутной размолвки. — Здесь есть одно место...

— Точно, — подтвердил Джо. — Я совсем забыл о Капитанской рубке. Она сделана из стекла, и оттуда все хорошо видно.

— Капитанской?

— Разумеется, не нынешнего Капитана. Этот сюда ногой не ступал. Просто там на двери написано: «Капитанская рубка».

— Мы пойдем туда?

Джо было согласился, но Джим запротестовал:

— В следующий раз. Сейчас пора возвращаться. Я есть хочу.

Они спустились по тоннелю в арку, разбудили Бобо и отправились в долгий путь вниз.

Не скоро удалось Хью уговорить Джо-Джима на новую экспедицию, но он не расстраивался — время не пропало даром. Джо-Джим пустил его в свою библиотеку. Такого количества книг Хью за всю свою жизнь не видел. А немногие из них, которые он читал раньше, теперь наполнялись живым смыслом и воспринимались совсем по-другому.

Хью не мог оторваться от библиотеки, он жадно впитывал новые мысли, переваривал их, пытался усвоить. Хью забывал про еду, от него бежал сон, и только раскалывающаяся от боли голова и резь в пустом желудке напоминали ему, что надо заботиться и о

теле. Утолив голод, он снова брался за книги и читал, пока буквы не начинали расплываться перед глазами.

Служить Джо-Джиму было не так тяжело. Хотя Хью и полагалось находиться при хозяине все время, тот позволял ему читать сколько угодно, лишь бы пленник оказывался всегда под рукой. Хью вменялось в основную обязанность играть в шашки с одной из голов, когда другой голове игра надоедала. Но и это время никак нельзя было считать всецело потерянным, потому что, играя, Хью почти неизменно переводил разговор на обсуждение истории Корабля, его устройства и оборудования.

Беседовали они и о людях, построивших его и отправившихся на нем в путь, об их прошлом, о Земле — этом странном и непонятном для них мире, где жили снаружи, а не внутри.

Хью пытался понять, как люди удерживались на земле. Он спросил об этом Джо и, наконец, получил представление о гравитации.

Душой он в нее так и не поверил — слишком уж она казалась невероятной, но впоследствии, когда перед ним забрезжили первые смутные проблески искусства космической навигации и управления Кораблем, принял ее рассудком.

Наконец, он уговорил Джо-Джима сводить его еще раз в главную рубку. Джо рассказал Хью то немногое, что знал сам, о приборах управления.

Давно забытым инженерам-проектировщикам фонда Джордана было дано задание построить корабль, который будет функционировать, даже если полет затянется на срок больший, чем предполагаемые шестьдесят лет. Ученые с блеском выполнили эту задачу. При создании главного двигателя, систем управления и механизмов, предназначенных для обеспечения нормальных жизненных условий, был разработан принцип, в корне отличающийся от всех, существовавших когда-либо. Корабль — это творение человеческого гения — был построен навечно. Даже если бы погиб весь экипаж, он продолжал бы полет, по-прежнему освещенный, по-прежнему со свежим, хорошо очищенным воздухом, с двигателями, готовыми к пуску. И теперь, когда лифты, конвейеры и другие вспомогательные ус-

тройства были давно забыты и заброшены, вся основная оснастка Корабля обслуживала свой невежественный человеческий груз и ждала пробуждения ума достаточно острого, чтобы найти к ней ключ.

Вот почему, когда неопытная, но ищущая рука Хью легла на квадратик огоньков под подписью «Ускорение», ответ пришел немедленно. Вспыхнул красный свет над креслом Главного пилота, и на табло зажглась надпись: «Главный двигатель — вахта не на посту».

— Что это значит? — спросил Хью.

— Трудно сказать, — ответил Джо. — Мы однажды проделали то же самое в двигательном отсеке, и там зажглась надпись: «Главная рубка — вахта не на посту».

Хью задумался, потом спросил:

— Интересно, а что получится, если ты пойдешь в двигательный отсек, а я в это время буду в Главной рубке.

— Трудно сказать, — повторил Джо.

Хойланд молчал. В его мозгу зрело решение. Он тщательно обдумывал его.

Хью долго ждал подходящего момента — надо было застать близнецов в благодушном настроении. Однажды, когда они сидели в Капитанской рубке, он решил, наконец, рискнуть. Джо-Джим только что хорошо поел, удобно развалился в кресле и рассматривал в иллюминатор безмятежные звезды. Хью парил рядом.

— Послушай, Джо-Джим, — начал Хью.

— Что тебе, юнец? — ответил Джо.

— Красиво, правда?

— Что красиво?

— Звезды... — Хью махнул рукой в сторону иллюминатора и тут же схватился за спинку кресла, чтобы не отлететь в сторону.

— Конечно, красиво. На душе от них хорошо становится.

Как ни странно, это сказал Джим. Хью понял, что момент, которого он ждал, наступил. Собравшись с духом, он выпалил:

— Почему бы нам не довести дело до конца?

— Какое дело? — спросил Джо.

— Полет. Почему бы нам не запустить Главный двигатель и не взять на себя управление? Ведь где-то там, — Хью говорил быстро, чтобы его не успели перебить, — где-то там есть похожие на Землю планеты, во всяком случае, так считали наши предки. Мы должны найти их.

Джим расхохотался. Джо затряс головой.

— Мальчик, — сказал он, — ты в своем уме? Такого даже от Бобо не услышишь. Забудь об этом и думать.

— Но почему?

— Потому что нам это не по плечу. Для такого дела необходим грамотный экипаж, обученный управлению Кораблем.

— А много ли нам нужно людей? На Корабле ведь не больше десяти постов управления. Я думаю, что десять-двенадцать человек вполне могут управлять им. Если, конечно, они будут такими же знающими, как вы оба, — добавил он лукаво.

— Что, Джо, поймал он тебя? А ведь парень прав, — усмехнулся Джим.

Джо пропустил шпильку мимо ушей.

— Ты переоцениваешь наши знания и возможности, Хью, — сказал он. — Я допускаю, что можно научиться управлять Кораблем, но что потом? Нам неизвестно даже, где мы находимся. Корабль дрейфовал один Джордан знает сколько веков. Мы не имеем ни малейшего представления о его курсе и скорости.

— Но ты сам показывал мне навигационные приборы, — стоял на своем Хью. — Я уверен, что вам обоим ничего не стоило бы в них разобраться, Джо, если бы вы только захотели.

— Это уж точно, — согласился Джим.

— Не хвастай, братец, — одернул его Джо.

— А я и не хвастаюсь, — отрубил Джим. — Я в любом приборе разберусь, если он действует.

Джо только хмыкнул.

Первая маленькая победа. Они уже спорят друг с другом, а Хью только этого и надо. И хорошо, что наименее сговорчивый из них уже на его стороне. Теперь следует закрепить успех...

— Я знаю, где взять людей, если вы согласитесь их обучить.

— Где же? — недоверчиво спросил Джим.

— Помните, я рассказывал вам о молодых Ученых?

— А, эти кретины...

— Но они же не знают того, что знаете вы. И по-своему они люди здравомыслящие. Если бы я мог вернуться к ним и рассказать, о чем узнал, то я набрал бы вполне подходящую команду для обучения.

— Посмотри-ка на нас внимательней, Хью, — перебил его Джо. — И скажи, кого ты перед собой видишь?

— Джо-Джима, кого же еще?

— Ты видишь мутанта, — поправил его Джо голосом, полным сарказма. — Ты видишь мыота, ясно тебе? Ученые не станут с нами сотрудничать.

— Неправда, — запротестовал Хью. — Я же не предлагаю обращаться к крестьянам. Они, конечно, ничего не поймут, но Ученые, о которых я говорю, — наиболее разумные из всех там, внизу. Они поймут. От вас всего лишь потребуется обеспечить безопасный проход через страну мыотов. Ведь для вас это совсем не проблема, — добавил он, инстинктивно перенося суть спора на более твердую почву.

— Это для нас раз плюнуть, — согласился Джим.

— Прекрати, — сказал Джо.

— Конечно, конечно, — заспешил Хью, почувствовав, что его настойчивость всерьез рассердила Джо. — Но вообще было бы интересно попробовать...

С этими словами он отодвинулся подальше от братьев. Ему было слышно, как они оживленно шепчутся, но он сделал вид, что их разговор его не интересует. Двойственность всегда была главной проблемой Джо-Джима. Будучи скорее группой, чем индивидуумом, он с трудом переходил от слов к делу, так как каждый его поступок требовал принятия совместного решения.

Немного погодя Хью услышал, как Джо повысил голос:

— Ладно, пусть будет по-твоему! Хью, плыви-ка сюда!

Хью оттолкнулся от стены и одним прыжком очутился близ Джо-Джима, вцепившись обеими руками в спинку капитанского кресла, чтобы затормозить.

— Мы решили отпустить тебя вниз и дать тебе шанс попробовать, — сказал Джо. — Но все равно ты идиот, — добавил он хмуро.

Бобо проводил Хью через опасные ярусы страны мьютов и оставил его в необитаемой пограничной зоне.

— Спасибо, Бобо, — сказал ему Хью на прощанье. — Доброй тебе еды.

Карлик усмехнулся, кивнул и устремился вверх по лестнице, по которой они только что спустились. Хью рассчитывал найти Билла Эртца, Заместителя Главного Инженера, вождя группы молодых Ученых. До беседы с ним Хью хотел по возможности избежать каких бы то ни было объяснений с другими.

Скоро Хойланд оказался в знакомом коридоре. Поворот налево, еще ярдов сто, и он очутился у двери, охраняемой часовым. Хью рванулся было вперед, но часовой преградил ему дорогу.

— Стой, ты куда?

— Мне нужен Билл Эртц.

— Главный Инженер? Нет его здесь.

— Билл Эртц — Главный Инженер? А что случилось с прежним? — Хью сразу смекнул, что выдал себя, но часовым был глуп и ленив.

— С прежним? Да он давно ушел в Полет, — зевнул страж. — А Главный Инженер Эртц у себя в резиденции.

— Спасибо. Доброй еды.

— Доброй еды.

Хью пришлось подождать в приемной, прежде чем его впустили к Главному инженеру. Увидев Хью, Эртц привстал из-за стола.

— Вернулся, значит, — сказал он. — Вот так сюрприз. А мы-то думали, ты давно мертв, и списали как ушедшего в Полет.

— Это естественно.

— Садись, рассказывай. У меня сейчас есть немного времени. Здорово ты изменился, я бы тебя не узнал. Совсем седой стал. Видно, нелегко пришлось?

Седой? Хью и не подозревал этого. Но ведь и Эртц сильно изменился. Морщины, брюшко. Джордан, сколько же он был в плену?

Эртц побарабанил пальцами по столу, скорчил гримасу.

— Возникает проблема, — сказал он. — Боюсь, что на старый пост я назначить тебя не могу, его занимает Морт Тайлер. Но мы подыщем тебе место, подобающее твоему рангу.

У Хью не сохранилось никаких приятных воспоминаний о Морте Тайлере. Лицемер. Только и заботился о том, чтобы соблюсти все приличия и угодить начальству. Так-так, значит, Тайлер выбился все-таки в Ученые и занял прежнюю должность Хью. Но сейчас это не имеет значения.

— Послушай, Билл, — начал он. — Я хотел бы с тобой переговорить о...

— Конечно, возникает и проблема старшинства, — продолжал свое Главный Инженер. — Пожалуй, следует передать дело на рассмотрение Совета как вопрос, не имеющий прецедента. Мьюты и раньше, случалось, захватывали наших Ученых, но, насколько мне известно, ты первый, кому удалось вернуться от них живым.

— Есть более важная тема для разговора, — опять перебил его Хью. — Я увидел много удивительного, Билл. Удивительного и жизненно важного. Ты обязательно должен все это знать. Поэтому я прямо к тебе и пришел. Слушай, мне...

Эртц внезапно стал сосредоточенным:

— Конечно же! И как я сразу не сообразил? У тебя ведь была небывалая возможность досконально изучить страну мьютов. Выкладывай все, что знаешь!

— Я совсем не о том, — ответил Хью. — Все гораздо сложнее, чем просто информация о мьютах, хотя дело касается и их тоже. Я думаю, нам придется изменить теперь всю политику по отношению к ним.

— Говори, говори, я слушаю.

Хью начал рассказывать о великом открытии, об истинной природе Корабля, выбирая слова как можно тщательнее и стараясь говорить убедительно. Он лишь мельком коснулся трудностей, связанных с реорганизацией жизни Корабля, но зато не жалел красок, рас-

писывая почет и уважение, которые достанутся тому, кто этот процесс возглавит.

Говоря, Хью наблюдал за лицом Эртца. Когда он выложил главное — что Корабль всего лишь движущееся тело в безбрежном пространстве, — лицо Эртца выразило крайнюю растерянность. Однако, потом на нем застыла маска бесстрастного спокойствия, по которой ничего нельзя было понять. Только в глазах вспыхивали искорки, когда Хью говорил, что Эртц как раз и есть тот человек, который мог бы возглавить новое движение, опираясь на свой авторитет заслуженного руководителя и признанного вождя прогрессивно мыслящих Ученых.

Кончив говорить, Хью напряженно ждал ответа. Эртц молчал, продолжая назойливо барабанить пальцами по крышке стола. Наконец, сказал:

— Это очень важные вопросы, чтобы судить о них второпях, Хойланд. Мне необходимо тщательно обдумать услышанное.

— Разумеется, — согласился Хью. — Только я хочу добавить, что о безопасном проходе наверх уже есть договоренность. Я могу отвести тебя туда, чтобы ты все увидел собственными глазами.

— Да, это было бы лучше всего, — ответил Эртц. — Ты голоден?

— Нет.

— Тогда нам обоим нужно отдохнуть. Давай поспим немного, а потом будем думать на свежую голову. Можешь расположиться здесь, в комнате за моим кабинетом. Но говорить ты ни с кем не должен, пока я не обдумаю все сам. Если твои новости разгласить без должной подготовки, может начаться смута.

— Ты прав, — снова согласился Хью.

Эртц провел Хью в комнату за своим рабочим кабинетом, в которой, по всей видимости, иногда отдыхал, и сказал:

— Выпись, а там поговорим.

— Спасибо, — ответил Хью. — Доброй еды.

— Доброй еды.

Только оставшись один, Хью почувствовал, как он устал. Нервное возбуждение в беседе с Эртцем сменилось депрессией. Он растянулся на кровати и сразу уснул.

Проснувшись, Хью обнаружил, что дверь комнаты заперта снаружи. Более того, исчез его нож.

Прошло очень много времени, прежде чем он услышал шаги у двери. Вошли два угрюмых стражника.

— Вставай, пойдешь с нами, — сказал один из них.

Хью смерил их взглядом и отметил, что оба безоружны. Так, значит, шанса сорвать нож с пояса одного из них нет. Но если у безоружных конвоиров нельзя добыть оружие, то можно попробовать вырваться и уйти от преследования. Однако, в следующей комнате стояли еще двое, такие же массивные и угрюмые. Эти были вооружены. Один изготовил нож к броску, другой был готов в любой момент всадить свой под ребра Хью с близкого расстояния.

Теперь Хойланд понял, что деваться некуда. Все предусмотрено. Давно уже привыкнув не противиться неизбежному, он спокойно пошел вперед. Увидев Эртца и убедившись, что именно тот и командует арестовавшими его людьми, Хью сказал:

— Привет, Билл. С чего вдруг такие предосторожности? Что случилось?

Эртц чуть-чуть замешкался с ответом:

— Ты сейчас предстанешь перед Капитаном.

— Хорошо, Билл, спасибо, — ответил Хью, — но разумно ли обращаться с таким делом к нему, не подготовив предварительно кое-кого?

Эртц даже не стал скрывать раздражения, вызванного столь очевидной тупостью:

— Если ты этого еще не понял, позволь объяснить, что ты предстанешь перед Капитаном для суда за ересь!

Хью реагировал так, как будто ничего подобного ему раньше и в голову не приходило.

— Тогда меня не по адресу ведут, Билл, — спокойно заметил он. — Обвинение в ереси и суд, может быть, и правильный подход к сложившейся ситуации, но я ведь не крестьянин какой-нибудь, чтобы волочь меня под конвоем к Капитану. Меня должен судить Совет, я Ученый.

— Ты в этом уверен? — усмехнулся Эртц. — Я уже консультировался по этому вопросу. Хью Хойланд давно исключен из списков. Кто ты и что ты, будет теперь решать Капитан-Помазанник.

Хью сохранял спокойствие. Ситуация складывалась не в его пользу, и не было смысла раздражать Эртца. Главный Инженер подал знак, безоружные конвоиры схватили Хью за руки, и он, не сопротивляясь, пошел за ними.

Хью с интересом разглядывал Капитана. Старик мало изменился, разве еще больше растолстел.

Капитан удобно устроился в кресле и взял со стола рапорт.

— В чем дело? — спросил он брюзгливо. — Я ничего не понимаю.

Обвинителем против Хойланда выступил Морт Тайлер. Такого поворота событий Хью отнюдь не предвидел, и этот факт не мог не усугубить его опасений. Он даже покопался в памяти, пытаясь найти хоть какую-нибудь зацепку, способную пробудить сочувствие к нему со стороны Тайлера, но так ничего и не нашел. Морт прочистил горло и начал:

— Речь идет о некоем Хью Хойланде, Капитан, который был одним из ваших Ученых.

— Ученых? Почему же его делом не занимается Совет?

— Потому что он больше не Ученый, Капитан. Он перебежал к мятам, а сейчас вернулся, чтобы сеять ересь и смуту и подрывать Вашу власть.

Капитан окинул Хью откровенно враждебным взглядом человека, не терпевшего покушения на свои prerogatives.

— Это правда? — прорычал он. — Что ты сам скажешь, Хойланд?

— Это ложь, Капитан, — ответил Хью. — Все, что я говорил, лишь подтверждает истинность наших древних верований, по которым мы живем. Я никогда не пытался отрицать наше Учение, напротив, я сумел найти доказательства его правоты, еще более глубокие...

— Ничего не могу понять, — перебил его Капитан. — Его обвиняют в ереси, а он утверждает, что верит в Учение. Если ты не виновен, то как же здесь очутился?

— Я могу объяснить, — сказал Эртц.

— Надеюсь, что хоть ты это сможешь, — буркнул Капитан. — Давай выкладывай.

Эртц доложил о возвращении Хойланда и его странных рассказах. Придерживаясь фактов, Главный Инженер сумел все же придать им определенную окраску.

Хью немедленно заговорил:

— Суть моих утверждений, Капитан, состоит в том, что в верхних ярусах есть места, где воочию можно убедиться в основной истине нашей веры: в том, что Корабль действительно движется; где можно увидеть план Джордана в действии. Это не опровержение, это подтверждение веры. Я не прошу верить мне на слово, сам Джордан подтвердит мою правоту.

Почувствовав нерешительность Капитана, в разговор вклинился Морт Тайлер:

— Капитан, я считаю своим долгом проанализировать и изложить все возможные версии этого невероятного дела. Есть два наиболее разумных объяснения смехотворной истории, рассказанной Хойландом. Либо это просто-напросто закоренелый еретик, либо тайный мьют и участник заговора, имеющего целью заманить нас в ловушку и предать в руки мьюттов. Но есть и третье объяснение, более милосердное по отношению к обвиняемому, и в глубине души мне кажется, что справедливо именно оно. В досье Хойланда указано, что при его рождении Инспектор был серьезно обеспокоен размером головы ребенка и ставил вопрос об отправке его в Конвертер. Но поскольку отклонение от нормы было незначительным, Инспектор все-таки пропустил Хойланда. Мне кажется, что ужасные мучения, которые Хойланд претерпел в плену у мьюттов, окончательно повредили его и так неустойчивый от природы разум. Бедняга просто не ведает, что творит.

Хью посмотрел на Тайлера не без уважения. Очень тонко — и репутацию ему очистил полностью, и обвинение в ереси снял, и Полет на сто процентов обеспечил!

Капитан махнул рукой.

— Хватит отнимать у меня время. — Он обернулся к Эртцу: — Рекомендации по этому делу есть?

— Так точно, Капитан. Конвертер.

— Ну и хорошо. Но я не понимаю, Эртц, почему меня обязательно нужно беспокоить по всяким мело-

чам? Ты сам должен уметь поддерживать дисциплину в своем ведомстве.

— Слушаюсь, Капитан.

Капитан отвернулся от стола, готовясь встать.

— Рекомендация принята и утверждена. Все свободны.

Хью охватила ярость от такой глупой несправедливости. Они даже не захотели познакомиться с реальными доказательствами его правоты и невинности. Он услышал, как кто-то крикнул: «Подождите!» — и понял, что кричал он сам. Капитан поглядел на него.

— Подождите, — продолжал Хью. Слова сыпались сами собой: — Подождите! Дела это не меняет, Вы ведь так уверены в своей мудрости, что даже глаз не раскроете, когда Вам всего лишь предлагают посмотреть! Но все-таки, все-таки он движется!

Времени на размышление у Хью было предостаточно. Он опять сидел под арестом и ждал, пока Конвертеру потребуется очередная порция массы для производства энергии, и частью этой порции должен быть как раз он сам. Хью снова и снова анализировал свои ошибки. То, что он сразу, без подготовки, выложил все Биллу Эртцу, оказалось самым главным просчетом. Не стоило полагаться на старую дружбу, которая, скажем прямо, никогда не была особенно близкой. Следовало прощупать его сначала, а не лезть сломя голову. Второй просчет — Морт Тайлер. Услышав имя Тайлера, Хью опять же следовало выяснить, насколько Эртц прислушивается к его мнению и каким влиянием пользуется Морт. Он же Тайлера знал давно и должен был помнить, что его следует опасаться.

Вот Хью и сидит здесь, заклеенный то ли как мутант, то ли как еретик. Ярлык, впрочем, дела не меняет — все едино, за что казнить. Хью подумал, что мог бы попробовать объяснить судьям, откуда взялись мутанты. Сам он узнал об этом, читая старые записи в тщательно наворованной библиотеке Джо-Джима. Нет, эту идею придется отвергнуть... Рождение мутантов было вызвано космической радиацией, но как рассказать людям о радиации извне, если они вообще не

могут понять, что такое «извне»? Нет, он сам все испортил до того, как его поволокли к Капитану.

Скрип двери прервал мысленное самобичевание. Кормили Хью не часто, и для очередной еды было рано. Неужели за ним уже пришли? Хью твердо решил, что в Конвертер отправится не один. Хоть кого-нибудь из них прихватит с собой.

Но он ошибся. Раздался голос, преисполненный мягкого достоинства:

— Сынок, сынок, как же это ты?

Его первый учитель Лейтенант Нельсон, изможденный и постаревший, склонился над ним.

Встреча очень расстроила обоих. Старик, у которого собственных детей не было, возлагал на своего ученика большие надежды, лелея даже мечту, что когда-нибудь Хью достигнет места Капитана. Самому Хью он об этом никогда не говорил, не хотел портить юношу зазнайством. Старик страшно горевал, когда его мальчик исчез. И вот вернулся мужчиной, но опозорен и приговорен к смерти.

Хью был огорчен не меньше старика. Он очень любил своего учителя, нуждался в его одобрении и хотел бы доставить ему радость, но, рассказывая свою историю, он с горечью убедился, что Нельсон просто не способен расценивать ее иначе как сумасшествие, и скорее предпочтет, чтобы Хью принял быструю смерть в Конвертере, чем жил и высмеивал древнюю веру.

Встреча была такой мучительной для них обоих, что вскоре старик поднялся, чтобы уходить.

— Могу я чем-нибудь помочь, сынок? Кормят тебя хорошо?

— Вполне, — солгал Хью.

— Прислать что-нибудь?

— Нет, спасибо. Впрочем, не могли бы вы прислать мне немного табаку? Я уже давно не жевал.

— Хорошо. Хотел бы ты повидать кого-нибудь из близких?

— Разве можно? Я думал, здесь свидания запрещены.

— Вообще-то запрещены, но я могу добиться исключения. Только дай мне слово, что никому не расскажешь о своей ереси.

Хью схватился за новый шанс. Дядя? Нет, не годится. Они всегда ладили, но никогда друг друга не понимали. Друзья? Он плохо сходился с людьми и друзей заводил с трудом. Да и Эртца он ведь считал другом! Неожиданно Хью вспомнил приятеля своего деревенского детства, с которым частенько играл. Алан Махони. Он, правда, почти не виделся с Аланом с тех пор, как переселился к Нельсону, но все-таки...

— Алан Махони все еще живет в нашей деревне?

— Да.

— Если он согласится прийти, я был бы рад с ним повидаться.

Придя к Хью, Алан нервничал, чувствовал себя не в своей тарелке, но откровенно был рад видеть старого товарища и очень расстроился, узнав о приговоре. Хойланд хлопнул его по спине.

— Молодец! Я не сомневался, что ты придешь.

— Как только узнал. В деревне ведь никому ничего о тебе не известно, даже Свидетелю.

— Расскажи, как ты жил все это время. Женился?

— Да нет. Давай не будем тратить время на разговоры обо мне. Расскажи лучше, в чем тебя обвиняют.

— Не могу, Алан. Я дал слово Лейтенанту Нельсону.

— Чего стоят слова, когда надо выбираться из беды! Влип-то ты крепко.

— А я сам не знаю.

— Кто-нибудь имеет на тебя зуб, Хью?

— Видишь ли... Во всяком случае, скажем так: наш старый дружок Морт Тайлер и пальцем не пошевелил, чтобы мне помочь.

Алан присвистнул и кивнул.

— Это проясняет дело.

— То есть? Тебе что-то известно?

— Как тебе сказать... Он женился на Идрис Бакстер после того, как ты исчез.

— Да, действительно проясняет. — Хью помолчал.

— Слушай, Хью, — сказал Алан. — Не сидеть же сложа руки и ждать, когда тебя поволокут в Конвертер. Тем более что здесь замешан Морт Тайлер. Надо вытащить тебя отсюда.

— Как?

— Не знаю еще. Налет устроить, что ли. Есть несколько хороших ребят, которые не прочь помахать ножами.

— Боюсь, что тогда вместе со мной в Конвертере окажешься и ты, и твои хорошие ребята. Нет, это не пойдет.

— Так что же, дать им бросить тебя в Конвертер?

Хью смотрел на Алана. Имеет ли он право обращаться к нему с подобной просьбой? И он решил:

— Слушай, готов ли ты на все, чтобы выручить меня?

— Ты же знаешь, — обиженно ответил тот.

— Тогда ты пойдешь наверх и найдешь карлика по имени Бобо...

Алан лез все выше и выше. Так далеко он не забирался даже в юношеские годы, когда Хью водил его в отчаянные, полные безрассудного риска экспедиции. Сейчас он был старше, менее подвижен и не испытывал никакого желания находиться здесь. К вполне естественному страху перед реальными опасностями примешивался и испуг, вызванный предрассудками и невежеством. Но все же он продолжал идти вперед.

Карлик увидел его первым. Снаряд пращи угодил Алану прямо в живот, он только успел крикнуть: «Бобо, Бобо!» — и потерял сознание.

Бобо спиной вошел в жилище Джо-Джима и сбросил носу к ногам хозяина.

— Свежее мясо! — гордо объявил он.

— Ну и возьми его себе, — безразлично ответил Джим.

Карлик поковырял скрюченным пальцем в ухе.

— Смешно, — сказал он. — Знает Бобо.

— Подожди-ка, — оторвался от книги Джо.

Хью подготовил Алана к встрече с двухголовым мутантом, поэтому тот, придя в себя, рассказал обо всем, что случилось. Джо-Джим слушал молча и бесстрастно. Бобо тоже слушал внимательно, но ничего не понимал.

Когда Алан кончил, Джим заметил:

— Твоя была правда, Джо. Ничего у него не вышло. — Повернувшись к Алану, он добавил: — Останешься вместо Хью. В шашки играть умеешь?

Алан переводил взгляд с одной головы на другую.

— Вы даже не попробуете помочь ему? — спросил он.

— А с какой стати? — удивился Джо.

— Но он же рассчитывает на вас. Ему больше не откуда ждать помощи. Я поэтому и пришел, разве вы не понимаете?

— Даже если бы мы согласились, — рявкнул Джим, — что бы мы могли сделать, дурья твоя голова? Отвечай!

— Да нападём на них просто-напросто и отобьём Хью!

— А чего ради мы должны рисковать шкурой, спасая твоего друга?

— Что, драться будем? — наострил уши Бобо.

— Нет, Бобо, нет. Просто разговоры, — ответил Джо.

— А-а... — разочарованно протянул Бобо и снова смолк.

Алан посмотрел на него.

— Ну хоть Бобо отпустите со мной!

— Нет, — отрезал Джо. — Об этом и речи быть не может.

Алан сидел в углу, обхватив в слепом отчаянии колени. Как вырваться отсюда? Внизу он мог бы еще найти помощь. Карлик, казалось, спал, хотя наверняка этого сказать не мог никто. Хоть бы Джо-Джим уснул.

Но близнецы и не думали спать. Джо пытался сосредоточиться на книге, но Джим все время отрывал его от чтения. О чем они говорили, Алан не слышал.

Вдруг Джо громко сказал:

— Хорошенькое у тебя представление насчет «позаботиться»!

— Все одно веселей, чем шашки, — ответил Джим.

— Веселее, да? А если ты ножом в глаз получишь, что будет со мной?..

— Стареешь ты, Джо. Кровь у тебя жидкая стала.

- Не старше тебя.
 - У меня зато мысли молодые.
 - Знаешь что, меня от тебя с души воротит. Ладно, будь по-твоему, но меня потом не вини. Бобо!
- Карлик вскочил:
- Слушаю, хозяин!
 - Приведи Кабана, Длиннорукого и Коротышку.
- Джо-Джим подошел к шкафу, чтобы достать ножи.

Под самой дверью тюрьмы возникла какая-то сумятица. Хью встрепелся. Уже пришли за ним, чтобы отвести в Конвертер? Вряд ли конвой будет так шуметь. А может быть, этот шум в коридоре вообще не имеет к нему отношения? А может быть...

Точно! Влетевший в распахнутую дверь Алан сунул Хью в руку пояс с ножами, одновременно выталкивая пленника наружу.

Стоящий в коридоре Джо-Джим даже не заметил Хью сразу, потому что был сильно занят — методично и спокойно метал ножи, как будто упражнялся с мишенью у себя в комнате. Ухмылка Бобо казалась шире обычной из-за ножевой раны у самого рта, что, однако, никак не повлияло на меткость его пращи.

Хью узнал еще троих головорезов из обычного окружения Джо-Джима.

— Сматываемся, живо! — крикнул Алан. — Их сейчас набегит целая орава! — И устремился в правый коридор. Джо-Джим последовал за ним. Хью наудачу, не целясь, метнул нож в стражника, показавшегося из левого коридора, не успев даже посмотреть, попал или нет. Бобо, прикрывший отступление с тыла и раздраженный слишком быстрым завершением потехи, бежал вслед...

Алан снова свернул направо.

— Здесь лестница! — крикнул он.

Но ярдах в десяти от лестницы прямо перед ним захлопнулась герметическая дверь, о существовании которой Алан совсем забыл: этой лестницей почти никогда не пользовались. Бобо вцепился в дверь, но только обломал себе ногти.

— Попались, — мягко сказал Джо. — Надеюсь, Джим, что хоть это развлечение придется тебе, наконец, по вкусу.

Из-за поворота сзади высунулась голова одного из преследователей. Хью метнул нож, но расстояние было слишком велико: нож ударился о сталь стены. Голова исчезла. Длиннорукий, держа пращу наготове, не спускал с коридора глаз.

— Видишь светящуюся трубу на потолке? — Хью схватил Бобо за плечо.

Бобо кивнул. Хью показывал ему на трубу освещения, проходящую над разветвлением коридоров, которые они только что проскочили.

— Можешь попасть в место, где эта труба соединяется с другой?

Бобо прикинул расстояние на глаз. Далековато. Он ничего не ответил. Хью услышал лишь свист пращи и треск. В коридоре стало темно.

— За мной! — крикнул Хью и побежал назад по коридору. Приблизившись к перекрестку, он закричал: — Не дышать! Осторожно! Газ.

Из разбитой трубы лениво вываливались зеленоватые клубы радиоактивного испарения.

Хью мог только благодарить судьбу за то, что когда-то работал инженером осветительных систем и хорошо знал их устройство. Направление он выбрал правильное — линия освещения этого коридора шла как раз от соединения, разбитого Бобо, и поэтому сейчас здесь было темно. Вокруг только слышався топот бегущих людей — друзей ли, врагов ли, он не знал.

Наконец, они выскочили на освещенный участок, где не было никого, кроме насмерть перепуганного крестьянина, тут же пустившегося наутек. Все были на месте, но Бобо шатался и тяжело дышал.

Джо посмотрел на него.

— Газу нанюхался, — сказал он. — Кабан, стукни его по спине.

Кабан охотно повиновался.

— Отойдет, — сказал Джо.

Эта маленькая заминка позволила одному из преследователей догнать их. Он вылетел из темного коридора прямо на Кабана, то ли не сообразив, что один

оказался против целого отряда, то ли не придав этому значения.

Кабан поднял было пращу, но Алан, узнавший Морта Тайлера, схватил Кабана за руку:

— Не тронь его! Он мой!

— Один на один? — предложил Алан Тайлеру, прижав пальцем лезвие ножа.

Тайлер двинулся вперед. Алан был тяжелее и явно сильнее. Однако, Тайлер был гибче и подвижнее. Он пытался ударить Алана коленом в живот, но Алан увернулся и сбил Тайлера с ног, упав на пол вместе с ним. Мгновение спустя Алан встал и вытер нож о бедро.

— Пошли, — сказал он.

Они поднимались вверх. Кабан и Длиннорукий выходили на каждую новую палубу первыми, осматривались по сторонам и охраняли лестницу с флангов, пока не поднимутся все остальные. Коротышка прикрывал отход с тыла.

Хью уже думал, что они совсем оторвались от погони, но неожиданные крики и свист ножа, пролетевшего прямо над головой, когда он вылезал из люка на очередную палубу, убедили его в обратном. Тем более что тот нож хоть и не сильно, но все-таки задел его щеку.

Нож торчал из правого плеча Длиннорукого, но это его не беспокоило — он раскручивал пращу. У Кабана свои ножи кончились, он поднимал с пола клинки, брошенные в него, и метал их обратно. Следы его работы были налицо: три трупа в коридоре, да футах в двадцати от них раненный в ногу человек опирался рукой о стену, тщетно шаря другой в пустой перевязи. Хью узнал Билла Эртца.

На свое несчастье, Эртц прошел по другой лестнице, чтобы перерезать путь беглецам и устроить засаду. Бобо поднял пращу, но Хью остановил его:

— Этот нам нужен. Подстрели его в живот, но чтобы жив остался, — приказал он.

Бобо удивился, но сделал, как было велено. Эртц перегнулся пополам и рухнул на пол.

— Метко, — сказал Джим.

— Бобо, тащи его с нами, — скомандовал Хью и окинул взглядом весь отряд. — Внимание! Все наверх и живо! По сторонам смотреть в оба!

Группа двинулась дальше, сохраняя прежний порядок. Джо выглядел раздраженным. Происходило что-то странное — Хью вдруг начал командовать его собственными людьми да и им самим тоже. «Впрочем, сейчас не до споров,» — подумал он.

Джиму же, казалось, все это было безразличным. Он развлекался.

Они прошли еще десять палуб, не встречая сопротивления. Хью приказал без нужды не трогать крестьян. Три головореза повиновались безропотно, а Бобо был слишком занят Эртцем, чтобы нарушать дисциплину. Только палуб через тридцать, когда они оказались в нейтральной зоне, Хью позволил остановиться и заняться ранами.

Серьезно пострадали только Длиннорукий и Бобо. Джо-Джим перевязал их заранее запасенными бинтами. Хью, раненный в щеку, от перевязки отказался.

— Кровь уже остановилась, — сказал он, — и нечего тратить время на царапины. У меня дел по горло.

— Каких еще дел? Мы идем домой, и хватит ерундить, — сказал Джо.

— Ты как хочешь, — сказал Хью, — но Алан, я и Бобо идем на самый верх, в Капитанскую рубку.

— Это еще зачем? — спросил Джо.

— Иди с нами, тогда увидишь сам. Ребята, привал окончен. Вперед!

Джо хотел что-то сказать, но Джим безмолвствовал, поэтому промолчал и Джо. Близнецы последовали за Хью.

Они всплыли в дверь рубки.

— Вот, — сказал Хью Алану, показывая в иллюминатор, — вот то, о чем я тебе рассказывал.

Алан увидел звезды.

— Великий Джордан! — простонал он. — Мы же выпадем! — И закрыл глаза.

Хью встряхнул его.

— Не бойся, посмотри, как красиво.

Джо-Джим взял Хью за руку.

— Что ты задумал и зачем приволок сюда этого? — он показал на Эртца.

— Когда он очнется и увидит звезды, мы докажем ему, что Корабль движется в пространстве.

— Зачем?

— Когда он убедится сам, я пошлю его убеждать остальных.

— И с ним случится то же, что и с тобой?

— Тогда, — пожал плечами Хью, — тогда мы просто начнем все сначала. И так до тех пор, пока не убедим всех. Видишь ли, у нас просто нет другого выхода.

ЧАСТЬ II

Здравый смысл

Джо, правая голова Джо-Джима, посмотрела на Хью Хойланда.

— Ну ладно, умник. Главного инженера ты убедил. — Двухголовый ткнул в сторону Билла Эртца ножом и вновь принялся ковырять им в зубах левой головы. — Ну и что? Какой тебе с него прок?

— Я уже тысячу раз объяснял, — раздраженно ответил Хью. — Будем продолжать, пока все Ученые, от самого зеленого стажера до Капитана, не убедятся в том, что Корабль движется и что его движением можно управлять. Тогда мы завершим Полет и исполним волю Джордана. Сколько у тебя наберется бойцов?

— Тебе, никак, взбрело в голову, что мы согласимся участвовать в твоих идиотских затеях?

— Естественно. Без вас ведь ничего не выйдет.

— В таком случае, можешь поставить на своих планах крест. Бобо, доставай шашки!

— Сейчас, хозяин. — Микроцефал поплелся за шашками.

— погоди, Бобо, — сказал Джим, левая голова. Карлик застыл на месте, сморщив узкий лоб. Неспособность дать ему согласованный и непротиворечащий приказ, временами проявляемая его двухголовым хозяином, вносила единственную нотку неуверенности в безмятежное существование Бобо.

— Дай Хью сказать, — продолжал Джим, — похоже, есть шанс поразвлечься.

— Развлекись! Ничего себе развлеченьице — получить ножом под ребро! Позволь тебе заметить, Джим, что это и мои ребра тоже. Нет, я никак не согласен.

— Я еще не предлагал тебе соглашаться. Всего лишь просил выслушать. И, знаешь, не говоря уж о развлечениях, это, может быть, и есть наш единственный шанс избежать ножа под ребро.

— То есть?

— Ты же слышал, что сказал Эртц. Офицеры Корабля намерены очистить верхние ярусы. Интересно, как тебе понравится Конвертер, Джо? Боюсь только, что нам не сыграть уже в шашки, когда нас разложат на атомы.

— Не паникуй! Экипажу мьюты не по плечу. Сколько раз уже они пробовали с нами справиться?

— А ты что скажешь? — обернулся Джим к Эртцу.

Эртц отвечал осторожно, ни на секунду не забывая, что теперь он военнопленный, а не старший офицер Корабля. К тому же он был выбит из колеи — слишком много всего случилось и слишком быстро. Налет, схватка, плен — и звезды, Звезды!

В его практичной трезвомыслящей голове не только понятия о них — места такому понятию никогда не было! Более того, Эртц отлично понимал, что жизнь его висит на волоске. Стоит только Джо-Джиму сделать знак этому карлику...

— Я думаю, что на этот раз Экипаж своего добьется. — Эртц тщательно подбирая слова. — Мы... они хорошо подготовились. Если только вас не больше и если вы не организованы лучше, чем предполагалось, Экипаж победит. Видите ли... В общем, всю подготовку вел я.

— Ты?

— Да. Большинство в Совете выступило против политики, позволяющей мютам жить вне нашего контроля. Она, может, и соответствует нашим религиозным доктринам, но мы время от времени теряем людей и животных.

— А чем, по-твоему, мюты должны кормиться? — грозно рявкнул Джим. — Воздухом?

— Должен отметить, что новый политический курс вовсе не предусматривал поголовного уничтожения

мьютов. Сдавшихся в плен предполагалось приобщить к цивилизации и раздать членам Экипажа в качестве рабов. Речь идет, конечно, о тех мьютах, кто... — Эртц запнулся, растерявшись, и опустил глаза.

— Ты хотел сказать: «О тех, кто не деформирован физическими мутациями», как я, например, — сказал Джо голосом, от которого мороз прошел по коже. — Так, что ли? Для таких, как я, одна дорога — в Конвертер. — Лезвием ножа Джо-Джим плашмя ударил себя по ладони.

Эртц инстинктивно дернулся вбок, его рука легла на пояс. Но ножа на поясе не было. Без оружия Эртц почувствовал себя беспомощным.

— Я всего лишь често ответил на твой вопрос и объяснил истинное положение дел, — сказал он.

— Оставь его, Джо. Он правду говорит. И поэтому у нас нет выбора. Если мы не присоединимся к Хью, нас загонят в угол. Даже не думай его убивать, он нам еще здорово пригодится.

Говоря, Джим пытался вложить нож в ножны. Между братьями вспыхнула быстрая и молчаливая схватка за контроль над нервными центрами правой руки — схватка воли, незаметная для глаза. Джо сдался.

— Ладно, — хмуро сказал он, — но, когда меня потащат в Конвертер, я прихвачу его с собой.

— Уймись, — ответил Джим. — Я-то уж в любом случае тебе составлю компанию.

— С какой стати ты вообще ему веришь?

— Ему незачем врать. Он ничего этим не выиграет. Порасспроси Алана.

Алан Махони, закадычный дружок детских лет Хью Хойланда, слушал этот разговор, вытаращив глаза. Встреча со звездами потрясла его не меньше Эртца, но темный крестьянский ум не обладал гибкостью мышления Главного Инженера. Эртц не мог не понять почти мгновенно, что само существование мира вне Корабля опровергает все, во что он когда-либо верил, и в корне меняет его жизнь и все планы. Алан же просто испытывал благоговейный восторг.

— Алан, что тебе известно о походе на мьютов?

— Что мне может быть известно? Я же не Ученый. Хотя постойте-ка. В нашу деревню прибыл новый

офицер, чтобы помочь Лейтенанту Нельсону, — он за-
пнулся и обескураженно обвел всех взглядом.

— Продолжай.

— Ну да, он начал проводить занятия с кадетами и
женатыми молодыми крестьянами. Заставлял нас упраж-
няться с ножами и пращами. Но зачем, не говорил.

— Убедились наконец? — всплеснул руками Эртц.

— Убедились, — хмуро кивнул Джо.

Хью Хойланд спросил его с надеждой:

— Теперь ты согласен быть со мной заодно?

— Придется, — ответил Джо.

— Согласен, — сказал Джим.

— А ты, Билл?

— Разве у меня есть выбор?

— Есть. Я всем сердцем хочу, чтобы ты был с
нами. План у меня такой — Экипаж в счет не идет.
Нам надо убедить офицеров. Те, у кого хватит ума
поверить в очевидное, увидев звезды и Главную рубку,
останутся с нами. Остальных, — он провел по горлу
большим пальцем, — в Конвертер.

Бобо радостно усмехнулся и повторил его жест.

Эртц кивнул.

— А дальше?

— Под руководством нового Капитана мьюты и Эки-
паж вместе поведут Корабль к Далекому Центавру. Да
свершится воля Джордана!

Эртц смотрел на Хью. То, что тот предлагал, было
настолько грандиозно, что не сразу укладывалось в
голове. Но мысли Хью приходились по душе Эрту. О-
першись о стол руками, он наклонился вперед.

— Я с тобой, Хью Хойланд.

Один из ножей Джо-Джима лег на стол между его
ладонями. Джо встрепенулся, хотел что-то сказать
брату, но передумал. Эртц взглядом поблагодарил
близнецов.

Близнецы пошептались между собой, потом Джо
громко сказал:

— Если идем, так до конца.

Зажав лезвие ножа между большим и указательным
пальцами так, что наружу торчало лишь острие, Джо-
Джим вонзил его в предплечье левой руки.

Глаза Эртца зажглись. Схватив только что обретенное оружие, он надрезал себе левую руку в том же месте. Хлынула кровь.

— Спиной к спине! — отпихнув стол, Эртц прижался раной к ране Джо-Джима.

Выхватив ножи, Алан, Хью и Бобо совершили обряд кровной клятвы. Они стояли, прижавшись плечами друг к другу, и кровь их стекала на пол одной струей.

— Нож за нож!

— Спиной к спине!

— Кровь за кровь!

— Кровные братья до конца Полета!

Ученый-вероотступник, ученый-пленник, темный крестьянин, двухголовый монстр и безмозглый карлик — пять ножей, считая Джо-Джима за один, и пять голов, считая Джо-Джима за две и не считая Бобо, — пять голов и пять ножей против всего «цивилизованного мира».

— Не хочу я туда возвращаться, Хью, — понуро сказал Алан. — Почему мне нельзя остаться с тобой? Я хороший боец.

— Боец ты отличный, дружище, но сейчас от тебя будет больше пользы как от лазутчика.

— Для этого есть Билл Эртц.

— Без тебя ему не обойтись. Билл на виду: если он все время будет мотаться вверх-вниз, могут пойти пересуды. Вот тут-то ты и нужен: будешь у него связным.

— А как я, Хафф побери, объясню в деревне, где столько времени пропадал?

— Говори как можно меньше. Главное, держись подальше от Свидетеля. — Хью вдруг представил себе, как Алан пытается выкрутиться, а Свидетель, обуреваемый своей вечной жадой подробностей, загоняет его в угол умелыми вопросами. — Держись от старика подальше, — повторил Хью. — Он тебя сразу расколет.

— Старик-то? Да ведь он давно уже помер. А новый Свидетель еще зелен и глуп.

— Вот и хорошо. Будь осторожен и ничего не бойся. — Хью повысил голос: — Билл! Ты готов?

— Готов. — Эртц поднялся и неохотно отложил книгу, которую читал, — иллюстрированное издание «Трех мушкетеров».

— Книга просто чудесная, — сказал он. — Слушай, Хью, неужели на Земле действительно все так и есть?

— Конечно. Книжки Джо-Джима не врут.

Задумавшись, Эртц закусил губу:

— Как по-твоему, что такое «площадь»?

— «Площадь»? Насколько я понял — огромная общинная, где может сразу собраться много людей.

— Сначала, читая, я тоже так думал, но... как же можно тогда ездить на ней верхом?

— Что-что?

— Да вот в книге они только и делают, что залезают на площадь и скачут куда-нибудь.

— Дай-ка мне книгу, — приказал Джо. Быстро перелистав ее, он рассмеялся. — Ну и идиот же ты. Ездят на лошадях, а не на площадях. Можно сесть на лошадь и проехать по площади, но не наоборот, понял ты, дурень?

— А что такое «лошадь»?

— Животное, величиной с корову. Ты усаживаешься ему на спину и едешь, куда хочешь.

Эртц обдумал новую информацию:

— Непрактично как-то. Когда едешь в носилках, просто говоришь Главному носильщику, куда идти, и все. А как объяснить дорогу корове?

— Легче легкого. Твой носильщик ее поведет в нужном направлении.

Эртц поразмыслил и над этим:

— Все равно непрактично. Можно ведь упасть. Нет уж, лучше пешком.

— Дело наживное, — объяснил Джо. — Требуется привычки.

— А ты умеешь ездить на лошади?

Джим фыркнул.

— Где ты видел лошадей в корабле? — разозлился Джо.

— Ладно, не будем про лошадей. Но я хотел еще кое-что спросить. Эти парни, Атос, Портос и Арамис, дрались необычайно длинными...

— Об этом поговорим в следующий раз, — перебил его Хью. — Бобо уже вернулся, пора идти.

— Подожди, Хью. То, что я говорю, очень важно. Они дрались необычайно длинными ножами.

— Ну и что с того?

— Но ведь их ножи гораздо лучше наших. Длинной с руку, а то и больше. Подумай только, какое преимущество дадут нам такие ножи, если придется драться с Экипажем.

Хью обнажил свой нож и задумчиво посмотрел на него:

— Может, ты и прав. Но зато длинный нож не метнешь.

— А кто мешает сохранить наши метательные ножи?

— Да никто, пожалуй.

Близнецы молчали, прислушивались к их разговору. Наконец, Джо сказал:

— Билл прав. Подумай о ножах, Хью, а нам с Джимом надо кое-что почитать.

Обе головы лихорадочно вспоминали все прочитанные книги, подробно и со знанием дела перечисляющие разнообразные методы, используемые людьми для сокращения жизни своих недругов.

Джо-Джим и не заметил, как учредил Факультет исторических изысканий военного колледжа, тем более, что такое цветистое название ему и в голову бы никогда не пришло.

— Читай, конечно, — согласился Хью. — Но поговори сначала со своими людьми.

— Пошли.

Они вышли в коридор, где Бобо собрал десятка два головорезов, составляющих опору Джо-Джима в стране мутантов. Для всей этой шайки, кроме Длиннорукого, Кабана и Коротышки, Хью, Билл и Алан были чужаками, а чужакам встречаться с ними было опасно для жизни.

Джо-Джим приказал мьютам хорошенько запомнить троих людей с нижних палуб. Запомнить и знать, что их следовало пропускать везде и всюду беспрепятственно, оказывая помощь и содействие. Более того, в отсутствие Джо-Джима мьютам надлежит повиноваться им, как ему самому.

Среди мьютов начался гул. До сих пор они привыкли повиноваться только Джо-Джиму, и никому, кроме него.

Один из них, с огромным носом, поднялся и заговорил.

— Я — Джек Носатый. Мой нож остр и мой глаз меток. Джо-Джим — двухголовый мудр за десятерых, он мой хозяин, и за него сражаюсь. Но хозяин он, а не эти трое с нижних палуб. Что вы скажете, молодцы?

Он выжидающе замолк. Мьюты нервно переминались с ноги на ногу, поглядывали на Джо-Джима. Джо уголком рта пробормотал что-то Бобо. Джек Носатый открыл было рот, чтобы продолжать, но раздался лишь треск разбитых зубов и переломанной шеи — снаряд пращи Бобо заткнул ему глотку.

Бобо снова изготовил пращу. Джо-Джим оглядел притихших мьютов:

— Длиннорукий! Ты, Сороковой и Топор вниз с Бобо, Аланом и Биллом. Остальным разойтись.

Трое мьютов отделились от отряда и последовали за Бобо. Перед тем как прыгнуть в люк, Эртц обернулся.

— Да хранит вас Джордан, братья, — сказал он.

Джо-Джим помахал ему рукой.

— И тебя, — ответил Джо.

— Доброй еды, — добавил Джим.

Бобо вел их вниз. Через сорок с лишним палуб они оказались на ничьей земле между мьютами и Экипажем. Бобо обернулся к своим рубакам:

— Мудрые Головы приказали вам стоять здесь по очереди на посту. Ты первый, — показал он на Длиннорукого.

— Алан и я идем вниз, — добавил Билл. — А вы трое по очереди будете караулить здесь и передавать мои послания Джо-Джиму. Ясно?

— Ясно, — ответил Длиннорукий.

— Приказ Джо-Джима! — отметил Сороковой, пожимая плечами, как бы говоря: «Что ж тут рассуждать!»

Топор просто хмыкнул в знак согласия.

Бобо от души похлопал Билла и Алана по спинам.

— Доброй еды, — напутствовал он их.

Обшаривая столы исчезнувшего Главного Инженера, Старший помощник Капитана-Помазанника Финеас Нарби обнаружил, к своему изумлению, что Билл Эртц тайком хранил парочку Ненужных книг. Были у него в столе, конечно, и обычные Священные книги, такие, как бесценные «Профилактика вспомогательного Конвертера» и «Справочник систем освещения и кондиционирования звездолета „Авангард“» — самые священные из всех Священных книг: на них стояла печать самого Джордана, и они по праву могли принадлежать только Главному Инженеру.

Нарби считал себя скептиком и рационалистом. Вера в Джордана — дело праведное и благое... для Экипажа. И все же слова «Фонд Джордана», оттиснутые штемпелем на титульном листе, будили в душе трепет, которого он не помнил с тех пор, как был удостоен сана Ученого.

Нарби восхищался прекрасным четким шрифтом старинных книг. Вот ведь были писцы у древних! Не то, что современные неряхи, которым и двух букв одинаково ровно не написать.

Он решил обязательно изучить подробно эти ценнейшие справочники инженерного ведомства, прежде чем передать их преемнику Эртца. Было бы очень полезно, решил Нарби, избавиться от необходимости слепо полагаться на слова Главного Инженера, не зависеть от него, когда он, Нарби, сам станет Капитаном. Нарби не очень почитал Инженера, в основном потому, что сам инженерными способностями не блистал. Когда он стал Ученым, одним из тех, кто охранял духовное и материальное благополучие Корабля, когда дал клятву служить верой и правдой делу Джордана, то быстро понял, что более склонен к руководству кадрами и разработке политической линии, чем к обслуживанию Конвертера. Он занимал посты клерка, администратора деревни, секретаря Совета, кадровика и, наконец, поднялся до должности Старшего помощника самого Капитана-Помазанника. Это место он получил сразу же после таинственного происшествия, значительно сократившего жизнь его предшественника.

Решение заняться инженерными делами до избрания нового Главного Инженера напоминало ему о не-

обходимости подобрать подходящую кандидатуру. В обычной ситуации на пост Главного инженера, ушедшего в Полет, назначался старший Вахтенный офицер, но Вахтенный Морт Тайлер сам ушел в Полет — его хладный труп нашли в коридоре, по которому отступали мьюты, освободившие еретика Хью Хойланда. Вопрос о кандидатуре оставался открытым, и Нарби еще не решил, кого рекомендовать Капитану.

Одно было ясно — новый Главный Инженер не должен обладать таким чрезмерно развитым чувством инициативы, как Эртц. Нарби отдавал последнему должное и признавал его заслуги в отличной организации подготовки Экипажа к намеченному истреблению мьютов, но именно эти его качества хорошего организатора и руководителя беспокоили Нарби — они могли сделать Эртца слишком сильным кандидатом на пост Капитана в случае... Наедине с самим собой Нарби мог признаться, что жизнь нынешнего Капитана так неоправданно затянулась только потому, что он, Нарби, не был на все сто процентов уверен, кого Совет изберет следующим Капитаном — Эртца или его. А сейчас старому Капитану было бы в самый раз отправиться к Джордану. Старый толстый дурак давно уже отжил свое, и толку от него... Нарби просто устал улещивать старика, чтобы тот отдавал нужные распоряжения. Да, если перед Советом встанет необходимость выбора нового Капитана именно в настоящий момент, то подходящая кандидатура будет только одна...

Нарби захлопнул книгу. Решение было принято. Замыслив убрать Капитана, Нарби отнюдь не испытывал ни стыда, ни угрызений совести, ни мыслей о грехе и предательстве. Капитана он презирал, но никаких злых чувств к нему никогда не испытывал, так что в его намерениях убить Капитана не было и следа личной ненависти или неприязни. Нарби строил свои планы, исходя из самых олагородных побуждений государственного деятеля. Он искренне верил, что действует на благо всего Экипажа, что его цель — здравомыслящая администрация, порядок, дисциплина и добрая еда для каждого. Необходимость отправлять кое-кого в Полет ради достижения великих целей и всеобщего блага не

вызывала у него ни малейшего сожаления, и зла никакого к этим людям он не питал.

— Какого Хаффа ты роешься в моем столе?

Нарби обернулся и увидел покойного Билла Эртца, с недовольным видом склонившегося над ним. Сначала Нарби уставился на Билла, потом медленно закрыл рот. Нарби настолько был уверен в смерти Главного Инженера после его исчезновения во время налета, что увидеть Эртца сейчас перед собой живым и сердитым было для него тяжелым ударом. Но он быстро взял себя в руки.

— Билл! Джордан с нами! Мы же думали, что ты ушел в Полет! Садись, садись, да расскажи поскорее, что с тобой приключилось.

— Сяду, конечно, если ты уберешься из моего кресла, — ядовито ответил Эртц.

— Извини. — Нарби быстро вылез из-за стола и пересел в кресло напротив.

— А теперь, — продолжал Эртц, занимая свое место, — будь любезен объяснить, почему ты копаешься в моих бумагах.

Нарби ухитрился изобразить обиду.

— Но разве это не ясно? Мы же считали тебя погибшим. Кто-то должен руководить твоим ведомством до назначения нового Главного Инженера. Я выполнял приказ Капитана.

Эртц смотрел ему прямо в глаза.

— Не заливай, Нарби, мы-то с тобой знаем, кто думает за Капитана, сами частенько это делали. Даже если ты действительно считал меня мертвым, мог бы и подождать еще немножко, прежде чем лезть в мой стол.

— Но в самом деле, старина, ты уж слишком. Если человек исчезает после налета мьютов, то вполне логично предположить, что он ушел в Полет.

— Ладно, оставим это. Почему мое место не занял Морт Тайлер, как и должно быть во время моего отсутствия?

— Морт в Конвертере.

— Что, убит? Но кто приказал отправить его в Конвертер? Такая масса даст слишком сильную нагрузку.

— Приказал я. Масса его тела почти совпала с массой тела Хойланда, а Хойланд в Конвертер так и не попал.

— «Почти» и «совсем» — не одно и то же, особенно когда имеешь дело с Конвертером. Придется мне проверить. — И Эртц поднялся с места.

— Не беспокойся, — сказал Нарби, — я ведь тоже не крестьянин и в инженерном деле немного соображаю. Я приказал подогнать массу Тайлера под график переработки, который ты составил для тела Хойланда.

— Хорошо. Потом проверю. Лишний вес терять впустую нам тоже нельзя.

— Кстати, насчет рационального использования веса, — невинно сказал Нарби, — я у тебя в столе нашел пару Ненужных книг.

— Ну и что с того?

— Тебе ведь известно, что они определены как масса, подлежащая конвертерной переработке для производства энергии.

— Известно. А тебе известно, кто отвечает за производство энергии?

— Ты. Но зачем эти книги находятся в твоём столе?

— Позволь заметить, дорогой любимчик Капитана, что только мне одному дано право судить, где хранить вещи, предназначенные для Конвертера.

— Конечно, конечно, ты прав. Послушай, если они не нужны для Конвертера прямо сейчас, можно я возьму их почитать?

— Бери, пожалуйста, но будь благоразумен. Я выдам их под расписку, а ты не распространяйся об этом.

— Спасибо. Живое было воображение у древних. Полный бред, конечно, но приятно на досуге позабавиться.

Эртц рассеянно приготовил расписку на две книги и протянул ее Нарби прочесть. Мысли Эртца были заняты совсем другим — как и когда начать обработку Нарби. Он хорошо понимал, что в деле, которое замыслили он и его кровные братья, без Финеаса не обойтись. Его позиция может иметь решающее значение. Перетянуть бы его на свою сторону...

— Фин, — сказал он наконец, когда Нарби положил на стол подписанную расписку, — я начал сомневаться в разумности нашего поведения в деле Хойланда.

Нарби удивленно взглянул на него.

— Да нет, я отнюдь не верю всем этим бредням, которые он наплел, — добавил Эртц торопливо. — Но сдается мне, что мы упустили шанс. Надо было поиграть с Хойландом и выйти через него на мьютов. Мы хотим присоединить их территорию, но все наши планы строятся на предположениях, а не на достоверной информации. Сколько их, каковы их силы, как они организованы — толком мы ничего не знаем. Более того, нам придется драться на чужой территории. Но верхние палубы для нас вообще «белое пятно». Надо бы притвориться, что мы верим Хойланду, и выкачать из него как можно больше сведений.

— На которые вряд ли можно было бы полагаться, — отметил Нарби.

— Полагаться только на его слова не было нужды. Он ведь предлагал нам безопасный проход через страну мьютов, можно было бы самим посмотреть, что к чему.

— Ты это всерьез? Любой член Экипажа, доверившийся мьюту, отправится не в Невесомость, а в Полет! — Нарби был ошеломлен.

— Не знаю, не знаю, — возразил Эрту. — У меня сложилось впечатление, что Хойланд сам верил в то, что говорил. Помимо того...

— Что «помимо того»? Весь этот бред о движении Корабля? Незыблемого Корабля? — Нарби ударил кулаком по стенке. — Да кто поверит в подобную чушь?

— Хойланд поверил. Ну, хорошо, он религиозный фанатик, я согласен. Но ведь его фанатизм на чем-то основан? Он увидел там, наверху, что-то невероятное и воспринял его по-своему, в виде той истории, которую нам рассказал. Мы должны были использовать его предложение пойти наверх и познакомиться с его открытием хотя бы для того, чтобы разведать по дороге страну мьютов.

— Полнейшее безрассудство!

— Совсем нет. Судя по всему, он пользуется огромным влиянием среди мьютов, а то с чего бы им

заваривать эту кашу и спасти его? Если он говорит, что гарантирует безопасный проход через их страну, значит, знает, что говорит.

— С чего это ты изменил свое мнение?

— Мое мнение изменил налет. Я бы в жизни не поверил, что шайка мьютов рискнет шкурами, чтобы спасти одного человека. Но коль скоро это произошло, я вынужден пересмотреть свои взгляды. Абстрагируясь от рассказа Хью, могу сказать только одно: мьюты готовы за него драться и, по всей вероятности, готовы подчиняться ему. А если это так, на его религиозный фанатизм следовало смотреть сквозь пальцы и использовать Хью для установления контроля над мьютами, не прибегая к войне.

Нарби пожал плечами:

— Твои рассуждения не лишены логики. Но стоит ли тратить время на рассуждения о том, что могло бы произойти. Если шанс и был, то он уже упущен.

— Как знать. Хойланд ведь бежал к мьютам. Если бы я мог как-нибудь связаться с ним, может, и удалось бы еще начать все сначала.

— И как же ты предполагаешь сделать это?

— Сам пока не знаю. Можно, например, взять охрану, полезть наверх, поймать какого-нибудь мьюта и отправить его к Хойланду.

— Рискованная затея.

— Но я не прочь попробовать.

Нарби задумался. Весь план казался ему донельзя глупым и неоправданно рискованным. Но если Эртц не прочь рискнуть... Шансов, конечно, мало, но чем Хафф не шутит? Если Эртцу удастся осуществить свой план, то у него, у Нарби, будут развязаны руки для выполнения самых заветных планов. Уж кто-кто, а Нарби понимал, что покорение мьютов силой будет делом долгим и кровавым, да и вообще вряд ли осуществимым. А если у Эртца ничего не выйдет, то опять же Нарби ничего не теряет, кроме самого Эртца. А на нынешнем этапе игры о жизни Главного Инженера вообще вряд ли стоит сокрушаться. Та-ак...

— Возьмись за это дело, Билл, — сказал он. — Человек ты смелый, а дело стоящее.

— Хорошо, — согласился Эртц. — Доброй еды.

Нарби понял намек.

— Доброй еды, — ответил он и, забрав книгу, ушел. Только вернувшись к себе, он сообразил, что Эртц так и не дал никакого объяснения своему исчезновению и долгому отсутствию.

Эртц тоже понимал, что и Нарби не был с ним полностью откровенен. Но, зная Нарби, принимал это как должное. Основа для будущих действий была заложена.

Главный инженер провел текущую проверку Конвертера и назначил исполняющего обязанности Вахтенного. Убедившись, к своему удовлетворению, что его подчиненные справятся с работой и во время его дальнейших отлучек, он приказал вызвать к себе Алана Махони. Он хотел было выехать навстречу Алану в носилках, но решил не привлекать внимания к встрече.

...Алан бурно приветствовал его. Для все еще не женатого, работающего на более удачливых людей кадета, все сверстники которого давно уже обзавелись семьями и собственностью, кровное братство с одним из главных Ученых Корабля стало самым выдающимся событием в жизни. Оно затмевало даже все недавние приключения, полный смысл которых его невежественный ум все равно не мог постичь.

Эртц прервал его и быстро закрыл дверь.

— Стены имеют уши, — тихо сказал он, — а у клерков, помимо ушей, еще и языки. Ты что, хочешь, чтобы нас с тобой сунули в Конвертер?

— Прости, Билл, я не сообразил.

— Ладно, оставь. Встретимся на лестнице, по которой мы спускались от Джо-Джима, десятью палубами выше этой. Считать умеешь?

— Даже в два раза больше, чем до десяти. Один да один — два, еще один — получится три, еще один — четыре...

— Молодец. Хватит. Но я больше полагаюсь на твою верность и умение обращаться с ножом, чем на твои математические способности. Встретимся как можно быстрее, и постарайся, чтобы тебя никто не видел.

В месте встречи на посту стоял Сороковой. Эртц окликнул его по имени издалека, держась вне пределов

достигаемости ножа и пращи — совсем не лишняя предосторожность, когда имеешь дело с существом, дожившим до своих лет только благодаря умению обращаться с оружием.

Приказав мутанту найти и привести Хойланда, Эртц вместе с Аланом присел отдохнуть.

В жилище Джо-Джима не было ни хозяина, ни Хью. Сороковой застал там Бобо, но что с него толку? Бобо сказал, что Хью пошел на самый верх, туда, где все летают. Но на самый верх Сороковой забирался лишь раз в жизни и верхних палуб толком не знал. Где там найти Хью? Сороковой растерялся. Нарушать приказы Джо-Джима было небезопасно, а Сороковой раз и навсегда вбил в свою буйную голову, что приказ Эртца — то же самое, что приказ Джо-Джима. Он снова растолкал Бобо.

— Где мудрые головы?

— У оружейницы. — Бобо закрыл глаза и захрапел.

Это уже лучше. Где живет оружейница, знал каждый мьют. Все имели с ней дела. Оружейница была незаменимой мастерицей, торговкой и посредницей. Нет нужды говорить, что личность ее была неприкосновенной, а мастерская — нейтральной территорией, где все схватки были запрещены. Туда и направился Сороковой.

Дверь с табличкой «Термодинамическая лаборатория. Вход строго воспрещен» была распахнута настежь. Читать Сороковой не умел, а если бы и умел, все равно бы ничего не понял. Услышав голоса оружейницы и одного из близнецов, он вошел внутрь.

— Хозяин, — начал было он.

— Закройся, — ответил Джо. Джим даже не обернулся, занятый беседой с Матерью Клинков.

— Сделаешь, как тебе говорят, — прорычал он, — и хватит попусту болтать.

Оружейница уставилась на него, уперев все четыре мозолистые руки в широкие бедра. Глаза у нее были красные, ей все время приходилось следить за плавающей печью — по морщинистому лицу на седые редкие усы стекал пот и капал на обнаженную грудь.

— Я делаю ножи, да! — отрезала она. — Честные ножи, а не дрючки для свиней, которые ты от меня

требуешь. Придумают тоже — нож длиной с руку, тьфу! — и она плюнула в раскаленную докрасна печь.

— Слушай ты, падаль, — ровным голосом ответил Джим, — или сделаешь, что говорят, или я тебе пятки поджарю в твоей же печке. Ясно?

У Сорокового отвисла челюсть. Да могущественней его хозяина не было! Никто и никогда, кроме него, не посмел бы так разговаривать с Матерью Клинков!

Оружейница сразу сдалась.

— Но так ведь делать ножи не положено, — жалобно всхлипнула она. — Их же не метнешь. Да я вам и сейчас покажу. — Она схватила со стола пояс с ножами и метнула ножи через всю комнату в крестообразную мишень — все четыре сразу. Лезвия вонзились в четыре конца крестовины. — Видел? А твой дрючок разве так метнешь?

— Хозяин, — снова начал Сороковой, но Джо-Джим, не оборачиваясь, заткнул ему рот кулаком.

— Ты права, — ответил Джим оружейнице, — но мы вовсе не собираемся метать длинные ножи. Мы ими собираемся колоть и резать на близком расстоянии. Принимайся за работу: пока не сделаешь для меня первый нож, есть не сядешь.

Старуха закусил губу.

— Плата обычная? — резко спросила она.

— Обычная. Десятину с каждого убитого твоим ножом, пока не будет выплачена их стоимость, и хорошая кормежка на все время работы.

Старуха пожала кривыми плечами.

— Ладно. — Она вытянула из-под стола длинный кусок стали и сунула его в печь.

Джо-Джим обернулся к Сороковому.

— В чем дело? — спросил Джо.

— Хозяин, Эртц велел мне найти Хью.

— Так что же ты его не ищешь?

— Бобо сказал, что Хью ушел в Невесомость.

— Ну и иди за ним туда. Хотя нет, заблудишься. Придется мне самому его найти. А ты возвращайся к Эртцу и скажи, чтобы ждал.

Сороковой зашпешил вниз. Хозяин был у него что надо, но мешкать в его присутствии не стоило.

...Обнаружив Кабана и Коротышку, спавших у двери, ведущей в Главную рубку, Джо-Джим понял, что Хью там — он сам назначил их личными телохранителями Хью. Но и так было ясно, что если Хойланд пошел наверх, то наверняка в Главную рубку. Она волшебной силой притягивала его к себе. С того момента, как Джо-Джим в буквальном смысле слова втащил Хью за шиворот в рубку и ткнул носом в действительность, в то, что Корабль — отнюдь не весь мир, а всего лишь песчинка, затерянная в гигантской вселенной, судно, движением которого можно управлять, одна лишь мысль владела Хью Хойландом, тогда еще пленником-рабом Джо-Джима, одно лишь желание обуревало его — сесть за пульт управления и вести Корабль! Мечты Хью и в сравнение не шли с мечтами земных астронавтов. Стремление в космос, жажда полетов на космических кораблях, подражание романтическим героям-астронавтам были естественными для всех земных мальчишек еще с тех пор, как взлетела первая ракета. Но Хью мечтал вести в Полет не просто космический корабль, а весь свой мир! Замысли земле не оснастить свою планету двигателями и ринуться сквозь Галактику, и то их мечта уступала бы в дерзновенности намерениям Хью. Новый Архимед обрел рычаг. Теперь он искал точку опоры.

Джо-Джим остановился на пороге гигантского стелларума Главной рубки и заглянул внутрь. Хью он не видел, но был уверен, что тот расположился в кресле Главного навигатора — огни были включены. На стенах ярко мерцало изображение звездного неба, воспроизведенного телескопами с пунктуальной точностью.

Хью, сидя в кресле, гасил сектор за сектором, оставляя лишь один на противоположной себе стороне, отличавшийся от других изображением большого сверкающего шара, затмевающего своей яркостью соседние звезды. Джо-Джим полез к креслу Хью.

- А, это ты, — обернулся тот.
- Вылезай, тебя ждет Эртц.
- Хорошо, но сначала посмотри.

— Да пошли ты его... — сказал брату Джо. Но Джим ответил:

— Будет тебе, право, давай посмотрим. Дело ведь недолгое.

Джо-Джим вскарабкался на соседнее с Хью кресло.

— Что еще там? — буркнул Джо.

— Посмотри на эту звезду, — показал Хью на яркий шар. — Она намного больше, чем была в прошлый раз.

— Да она давно уже растет, — ответил Джим. — Когда мы сюда пришли в первый раз, ее почти совсем не было заметно.

— Значит, мы приближаемся к ней.

— Разумеется, — согласился Джо. — Факт давно известный. Еще одно доказательство, что Корабль движется.

— А почему ты мне раньше не говорил?

— О чем?

— О звезде. О том, что она растет.

— Что нам проку с того, что она растет?

— «Что нам проку!» Да в этом же все дело! Это же конец Полета, место, указанное Джорданом!

Слова Хью привели обе головы Джо-Джима в замешательство. Мысли близнецов не шли дальше обеспечения собственной безопасности и привычных удобств, им трудно было понять, что Хью, да и Билл Эртц руководствовались совсем другими соображениями — желанием возродить утраченные достижения далеких предков и довести до конца их дело — давно забытый, превратившийся в мистику Полет на Далекий Центавр.

Первым пришел в себя Джим:

— Почему ты думаешь, что именно эта звезда и есть Далекий Центавр?

— Плевать мне, Центавр она или не Центавр. Но мы к ней ближе, чем к остальным, и продолжаем приближаться. Одна звезда ничем не хуже другой, когда все равно не знаешь, которая из них где. Слушай, Джо-Джим, а ведь древние умели различать звезды.

— Умели, — ответил Джо. — Но нам-то что с этого? Выбрал ты себе звезду, ну и добро пожаловать. А я пошел вниз.

— Хорошо, я тоже спускаюсь, — неохотно поднялся с кресла Хью.

Эртц изложил Джо-Джиму и Хью содержание беседы с Нарби.

— Вот что я предлагаю, — продолжал он. — Я пошлю Алана обратно к Нарби и велю ему передать, что мне удалось вступить с тобой в контакт, Хью, и что я прошу его подняться на ничейную палубу, где покажу ему кое-что очень важное.

— Почему бы тебе самому за ним не пойти и не привести его сюда? — спросил Хью.

— Потому, что так пытался сделать ты, когда пришел ко мне и хотел все объяснить. — Эртц смутился. — Ты вернулся от мьютов с невероятными рассказами, и я тебе не поверил, отдав под суд по обвинению в ереси. Если бы не Джо-Джим, быть бы тебе сейчас в Конвертере. И если бы ты не взял меня в плен и не затащил бы в Рубку, где я увидел все собственными глазами, я бы так тебе и не поверил. Пойми, что Нарби — орешек не менее твердый, чем был я. Мы должны заманить его сюда, а потом показать ему звезды и заставить его их увидеть. Добром, если получится, силой, если потребуется.

— Не понимаю, — сказал Джим, — чего с ним цацкаться. Куда проще перерезать ему глотку.

— Перерезать ему глотку было бы славно, но вряд ли практично. Ты даже не представляешь, Джим, насколько Нарби может быть нам полезен. В Совете нет офицера авторитетнее Нарби. Более того, он давно уже вершит делами от имени Капитана. Перетянув его на свою сторону, мы вообще сможем избежать войны, в исходе которой я, честно сказать, не совсем уверен.

— Сомневаюсь, что Нарби придет. У него нюх на ловушки, — сказал Хью.

— Тем более должен идти Алан, а не я. Меня Нарби сразу начнет «копать», а с Алана взятки гладки. Он ничего не скажет Нарби, кроме того, о чем мы договоримся.

— Точно. Знать ничего не знаю, видеть ничего не видел, — сказал Алан и добавил честно и откровенно: — Я вообще никогда особенно много не знал.

— Джо-Джима ты не видел, о звездах слыхом не слышал. Ты просто мой телохранитель и ординарец. Нарби передашь следующее. — Эртц подробно объяс-

нил Алану, как и что следует говорить. Удостоверившись в том, что тот все понял, он пожелал ему доброй еды.

— Доброй еды, — ответил Алан, стиснув рукоять ножа, и отправился в путь.

Послание Эртца Алан изложил Нарби шепотом, чтобы не подслушал слуга, стоявший за дверью.

— Эртц хочет, чтобы я шел с тобой в страну мьютов? — Ошеломленно уставился на него Нарби.

— Не совсем туда, сэр. На ничейную палубу, где можно будет встретиться с Хью Хойландом.

— Что за абсурд! Да я просто пошлю стражу арестовать его и доставить сюда! — взорвался Нарби.

Алан понял, что наступил решающий момент. Он нарочно повысил голос, чтобы слуга за дверью, а может быть, и клерки, слышали его:

— Эртц велел передать, что если вы испугаетесь идти, то можете оставить эту затею. Он сам подымет вопрос на заседании Совета.

Своим дальнейшим существованием Алан был обязан только тому, что Нарби был человеком интеллекта, а не грубой силы. Посматривая на нож на поясе Нарби, Алан с тоской вспоминал свое оружие, которое сдал начальнику охраны, входя в покои Старпома.

Нарби сдержал гнев. Он был слишком умен, чтобы отнести оскорбление на счет стоящего перед ним придурка, хотя и пообещал себе уделить этой деревенщине немного особого внимания в более подходящее время. Сейчас же на принятом им решении сказались в равной мере и задетое самолюбие, и любопытство, и потенциальная угроза потери лица.

— Ты отведешь меня к Эртцу, — сказал он сурово, — и я проверю, правильно ли ты передал его слова.

Нарби хотел было взять с собой конвой, но передумал. Не стоило обнародовать дело, не разобравшись во всех его политических аспектах, да и взять охрану в данном случае все равно что не пойти совсем. Но он нервно спросил Алана, когда тот получил обратно свое оружие:

— Ты хорошо владеешь ножом?

— Даже очень, — бодро ответил Алан.

Нарби от души понадеялся, что Алан не хвастун. Последнее время он часто жалел, что раньше пренебрегал военной подготовкой. Следуя за Аланом, он постепенно успокоился. Во-первых, ничего особенного не случилось, во-вторых, Алан производил впечатление опытного и надежного разведчика. Двигался он бесшумно, никогда не забывая тщательно обшарить палубу взглядом, прежде чем вылезти на нее из люка. Нарби вряд ли бы сохранил свое с трудом обретенное спокойствие, услышь он то, что слышал из тускло освещенных проходов Алан, — шорохи, из которых было ясно, что за их продвижением следят с флангов. Алана эти шорохи настораживали, хотя он их и ожидал, понимая, что Хью и Джо-Джим слишком опытные, чтобы оставить проходы без прикрытия. Но, будучи настороже, он все же не испытывал беспокойства — это пришлось бы делать, не сумей он обнаружить прикрытия. Дойдя до условленного места, Алан остановился и свистнул.

Раздался ответный свист.

— Это я, Алан, — крикнул он.

— Выйди на открытое место и покажись!

Алан вышел вперед, не теряя, однако, бдительности. Убедившись, что его встречают друзья — Эртц, Хью, Джо-Джим и Бобо, он сделал Нарби знак следовать за ним.

При виде Джо-Джима и Бобо восстановившееся было самообладание Нарби лопнуло. Он понял, что попал в ловушку. Выхватив нож, Старпом метнулся назад, однако Бобо крутнул свою пращу еще быстрее. На мгновение все застыли, но Джо-Джим резко выбил из его рук оружие.

Нарби удирал что было сил. Хью и Эртц тщетно звали его назад.

— Бобо, возьми его! Живьем, — скомандовал Джим.

Бобо рванулся вперед.

Вскоре он вернулся и, уложив Нарби на пол, заметил:

— Быстро бегают.

Нарби лежал, почти не двигаясь, стараясь восстановить дыхание. Бобо вытащил из-за своего пояса отня-

тый у Старпома нож и попробовал его на жестких волосах своей левой руки.

— Хороший клинок, — одобрительно хмыкнул он.

— Верни ему нож, — приказал Джо. Бобо удивился, но выполнил приказ, забрав у Джо-Джима свою прашу.

Нарби был удивлен не меньше Бобо тем, что получил свое оружие обратно. Но чувства свои он умел скрывать намного лучше карлика. Он даже сумел изобразить достоинство, принимая нож обратно.

— Послушай, — обеспокоенным голосом начал Эртц, — мне очень жаль, что так вышло. Но другого пути удержать тебя не было.

Усилием воли Нарби восстановил холодное самообладание, с которым обычно воспринимал жизнь со всеми ее поворотами. «Проклятье, — подумал он, — ситуация просто идиотская. Ну, ладно».

— Забудем об этом, — сказал он вслух. — Просто я шел на встречу с тобой, а увидел вооруженных мьютов. В странные ты игры играешь, Эртц.

— Приношу свои извинения. Следовало, конечно, предупредить тебя, — Эртц позволил себе маленькую дипломатическую ложь. — Но позволь представить тебе Джо-Джима. Он у мьютов все равно что у Экипажа офицер. А с Бобо ты уже познакомился.

— Доброй еды, — вежливо сказал Джо.

— Доброй еды, — машинально ответил Нарби.

Наступило неловкое молчание. Нарби первым нарушил его.

— Я полагаю, Эртц, что у тебя были серьезные причины послать за мной.

— Серьезные, — согласился Эртц. — Настолько, что даже не знаю, с чего начать. Слушай, Нарби, ты мне не поверишь, но я видел собственными глазами: все, что нам сообщил Хью, было абсолютной правдой. Я был в Главной рубке. Я видел звезды.

Нарби устался на него.

— Эртц, — сказал он размеренно, — ты сошел с ума.

— Ты говоришь так, потому что не видел, — взволнованно выпалил Хью, — но Корабль движется, Корабль...

— погоди, Хью, дай я сам, — остановил его Эртц. — Слушай меня внимательно. Нарби, сам решай, что к

чему, сам делай выводы, но сейчас я хочу рассказать тебе то, что видел и понял я. Меня отвели в Капитанскую рубку — помещение со стеклянной стеной. И за стеной — необъятное пустое черное пространство, такое большое, что ничего большего быть не может, больше Корабля! И в нем горят звезды! Звезды, о которых мы читали в древних мифах!

— Ты ведь считаешься Ученым. — На лице Нарби изумление смешивалось с отвращением. — Где же твоя логика? «Больше Корабля!» Абсурд! Одно понятие противоречит другому: Корабль есть Корабль. Весь остальной мир — лишь его часть. Ты увидел или убедил себя, что увидел что-то из ряда вон выходящее, но чем бы ни было явление, увиденное тобой, оно не может быть больше того объема, в котором содержится. Таковы элементарные законы физической природы мира.

— Словами этого не объяснишь... — снова начал Эртц.

— Конечно, не объяснишь, и я про то же.

Близнецы перешептывались друг с другом с видом полнейшего омерзения. Наконец Джо громко сказал:

— Хватит болтать! Пошли!

— Верно, — охотно согласился Эртц, — давай отложим спор до тех пор, пока ты не удовлетворишься собственными глазами. Фин, пора в путь, идти нам далеко.

— Идти? Куда еще идти?

— Наверх, в Главную рубку.

— Не смеши меня. Я иду вниз.

— Нет, Нарби. Вниз ты сейчас не пойдешь. Я и вызвал тебя сюда только для того, чтобы отвести в Рубку.

— Не валяй дурака. Мне туда идти незачем, у меня и так хватает здравого смысла во всем разобраться. Тем не менее ты заслуживаешь поощрения за установление дружественных контактов с мыютами. Полагаю, мы можем выработать определенные принципы сотрудничества с ними...

Джо-Джим шагнул вперед.

— Попусту тратишь время, — ровным голосом сказал Джим. — Мы идем наверх, и ты идешь с нами.

— Об этом не может быть и речи, — покачал головой Нарби. — Но не исключено, что я соглашусь позже, когда мы выработаем принципы сотрудничества.

С противоположной стороны к нему придвинулся Хью Хойланд.

— Если ты не понял, что к чему, то позволь тебе объяснить: ты идешь с нами наверх. Сейчас.

Нарби взглянул на Эртца, Эртц кивнул:

— Именно так дела и обстоят, Нарби.

Нарби злобно выругался про себя. Великий Джордан! Ну и влип. Где только была его голова, когда он согласился идти на встречу с Эртцем? Идиотская ситуация, просто идиотская. А этот двухголовый только и ждет, чтобы он, Нарби, полез в драку. Он опять выругался про себя и сдался, сохраняя, насколько было возможно, хорошую мину при плохой игре.

— Хорошо, я пойду, чтобы не затевать бессмысленных споров. Показывайте дорогу.

— Держись за мной, — ответил Эртц.

Джо-Джим подал условный сигнал пронзительным свистом, и к отряду мгновенно присоединились с полдюжины мутантов, то ли выросшие из-под палубы, то ли горохом скатившиеся с потолка. Нарби даже стало плохо от страха, внезапно охватившего его с новой силой: он только сейчас понял до конца, как далеко завела его неосторожность.

Шли они долго — Нарби с непривычки еле тащился за остальными. По мере подъема равномерное ослабление силы тяжести помогало ему, но оно же и вызывало приступы тошноты. Конечно, как и все, рожденные на борту Корабля, он в какой-то мере адаптировался к ослабленной силе тяжести, но на верхние палубы не забирался со времен бесшабашной юности, и сейчас ему приходилось нелегко. Незадолго до конца пути он совсем выбился из сил. Джо-Джим отослал охрану вниз и приказал было Бобо нести его, но Нарби отмахнулся. Согласно плану Хью они пошли прямо в Капитанскую рубку. В какой-то мере Нарби уже был подготовлен к тому, что его ожидает, как сбивчивыми объяснениями Эртца, так и оживленными рассказами Хью, который держался подле него большую

часть пути. Хью даже проникся симпатией к Нарби — наконец-то нашелся свежий слушатель!

Хью вплыл в дверь первым, сделал аккуратное сальто в воздухе и уцепился рукой за кресло. Другой рукой он широким жестом обвел гигантское окно.

— Смотри, вот они! Разве это не прекрасно?

Лицо Нарби сохраняло прежнюю невозмутимость, но он долго и пристально смотрел на звезды.

— Занятно, весьма занятно, — заметил он наконец. — Никогда не доводилось мне видеть ничего подобного.

— «Занятно!» — воскликнул Хью. — Это не то слово. Чудесно, великолепно!

— Пусть будет чудесно, — согласился Нарби. — Эти маленькие огоньки и есть те самые звезды, о которых говорится в мифах?

— Да, — ответил Хью, испытывая какое-то смутное беспокойство, — они вовсе не маленькие. Они огромны, как Корабль. Они кажутся маленькими из-за гигантского расстояния. Видишь ту, которая поярче? Она больше, чем другие, потому что ближе. Я думаю, это и есть Проксима Центавра, хотя точно не уверен, — сознался он в приливе откровенности.

Нарби быстро глянул на него, потом снова на большую звезду.

— Как далеко до нее?

— Не знаю. Но буду знать. В Главной рубке есть специальные приборы для измерения расстояния, только я пока еще в них не разобрался. Дело не в этом. Главное — мы прилетим туда, Нарби!

— Вот как?

— Вот именно! И завершим Полет!

Нарби хранил непроницаемое молчание. Старпом обладал хорошо дисциплинированным умом и в высшей степени логическим мышлением. Способный администратор, он умел при необходимости принимать мгновенные решения, но по характеру был склонен по мере возможности воздерживаться от выводов и суждений, пока как следует не переварит и не усвоит полученную информацию. Сейчас в Капитанской рубке Нарби был еще более неразговорчив, чем обычно. Он внимательно смотрел и слушал, но почти ни о чем не

спрашивал. Хью не обращал внимания на это. Рубка была его гордостью, его любимой игрушкой. Он был счастлив одним тем, что мог показать ее новому зрителю и без умолку рассказывать о ней.

На обратном пути по предложению Эртца все остановились у Джо-Джима. Кровным братьям было просто необходимо вовлечь в свое дело Нарби, в противном случае вся операция теряла смысл. Старпом против задержки возражать не стал, придя к выводу, что его безопасности во время этой беспрецедентной вылазки в страну мутантов действительно ничто не угрожает.

Он выслушал Эртца, изложившего их намерения. Но хранил молчание до тех пор, пока у того не лопнуло терпение.

— Мы ждем ответа!

— Ждете моего ответа?

— Разумеется. От тебя многое зависит.

Это Нарби знал. Знал он и то, какой ответ от него ожидается, но по привычке тянул время.

— Что же, — Нарби важно выпятил губу и сплел пальцы. — Мне кажется, что проблему следует разделить на два пункта. Если я правильно понял, Хью Хойланд не может выполнить задуманного и исполнить древний План Джордана, пока весь Корабль не будет объединен под единой властью, пока на всем пространстве от страны Экипажа до Главной рубки не воцарятся единый порядок и дисциплина. Так?

— Именно. Мы должны подобрать вахту для Главного двигателя и...

— Извини, я не кончил. Да и, говоря откровенно, пробелы образования не позволяют мне понять техническую сторону вашего плана. Поэтому здесь я целиком полагаюсь на мнение Главного Инженера. Техническое исполнение Плана Джордана — это как раз второй пункт общей проблемы. Естественно предположить, что ради его осуществления ты неизбежно заинтересован в первом.

— Безусловно.

— В таком случае давай ограничимся сейчас первым этапом. Здесь перед нами стоят вопросы чисто политического и административного характера, в кото-

рых я разбираюсь лучше, нежели в инженерных. Итак, Джо-Джим ищет возможности добиться мира между мыютами и Экипажем. Мира и доброй еды для всех, не так ли?

— Верно, — согласился Джим.

— Отлично. Я и ряд других офицеров давно уже стремимся к тому же. Но должен признать, что мне и в голову никогда не приходили иные пути достижения этой цели, кроме применения силы. Мы готовились к долгой, тяжелой и кровавой войне. Ведь в самых древних наших летописях, которые Свидетели передают друг другу по наследству еще с незапамятных времен Мятежа, не найти и упоминания ни о каких других отношениях между нами и мыютами, кроме войны. Но я рад от всей души, что открываются возможности более разумных отношений.

— Так, значит, ты с нами! — воскликнул Эртц.

— Спокойно, спокойно, не все сразу. Здесь многое необходимо обдумать. И ты, Эртц, и я, и Хойланд отлично понимаем, что отнюдь не все офицеры Корабля пойдут за нами. Как быть с ними?

— Проще простого, — вставил Хью. — Будем их приводить по одному в рубку, показывать звезды и объяснять, что к чему.

— У тебя носилки несут носильщиков, — отрицательно покачал головой Нарби. — Я ведь сказал уже, что во всем этом деле вижу два этапа. Нет нужды убеждать человека в том, во что он не поверит, когда тебе требуется прежде всего его согласие на более практичные, вполне доступные его пониманию действия. Вот когда мы действительно объединим Корабль под одним руководством, тогда — и только тогда — мы сумеем без затруднений открыть офицерам тайну Рубки и звезд.

— Но...

— Он прав, — остановил Хойланда Эртц. — Не стоит ввязываться в бесконечные религиозные дебаты, когда на первом плане стоит проблема чисто практическая. Очень многие офицеры станут на нашу сторону, если мы выдвинем программу умиротворения и объединения Корабля, но они же, безусловно, выступают

против нас, если мы начнем с посягательств на основные каноны религии и заявим, что Корабль движется.

— Но...

— Никаких «но». Нарби прав. Его точка зрения продиктована здравым смыслом. Теперь я изложу Нарби наши соображения по поводу тех офицеров, которых мы не сумеем убедить. Ну, во-первых, конечно, наш с тобой долг провести разъяснительную работу среди них, завербовать как можно больше сторонников. Что до остальных, то Конвертер нуждается в сырье постоянно.

Нарби кивнул. Мысль об убийствах и расправах как о методах проведения политического курса нисколько не смущала его.

— Это, конечно, подход самый надежный и деловой, но будут трудности в его осуществлении.

— Вот тут-то и пригодится Джо-Джим. За ним будут стоять лучшие бойцы Корабля.

— Ясно. Стало быть, Джо-Джим властен над всеми мьютами?

— С чего ты это взял? — прорычал Джо, неизвестно почему задетый за живое.

— У меня сложилось такое впечатление.

Нарби замолчал. Ему действительно никто не говорил, что Джо-Джим — владыка всех верхних палуб, просто он так уверенно держался... Нарби стало не по себе. Неужели все эти переговоры были напрасны? На кой Хафф ему сдался пакт с двухголовым монстром, если он не представлял всех мьютов?

— Я должен был объяснить сразу, — торопливо вставил Эртц. — Сейчас Джо-Джим самый сильный вождь среди мьютов. Он поможет нам захватить власть, а там при нашей поддержке станет владыкой всех верхних палуб.

Нарби быстро проанализировал ситуацию, исходя из новых данных. Мьюты против мьютов при незначительном участии бойцов Экипажа — это, пожалуй, наилучший способ ведения войны. К тому же такой вариант более приемлем, чем немедленное перемирие, хотя бы потому, что к концу войны мьютов в любом случае станет меньше, чем сейчас. И их будет легче взять под контроль, что значительно сократит опасности любых потенциальных мятежей.

— Ваша идея мне ясна, — заявил он. — А как вы себе представляете последующее развитие событий?

— Что ты имеешь в виду? — поинтересовался Хойланд.

Эртц отлично понимал, куда гнет Нарби, Хойланд же только начал смутно догадываться.

— Кто будет новым Капитаном? — Нарби смотрел Эртцу прямо в глаза.

Заранее Эртц этого вопроса не обдумал и лишь сейчас понял его важность. Только решив вопрос о Капитанстве, можно предотвратить кровавую борьбу за власть после переворота. Эртц и сам питал иногда надежды на пост Капитана, но он хорошо знал, что Нарби метит на него давно. Теперь же Эртц так же глубоко, как и Хойланд, был захвачен романтикой плана возобновления управляемого полета Корабля. Осознав, что бывшее честолюбие может помешать осуществлению новой мечты, он отказался от него почти без малейшего сожаления.

— Капитаном будешь ты, Фин. Ты согласен?

Финеас Нарби принял предложение с великодушием.

— Пожалуй, да, коль скоро таковы ваши мнения. Ты и сам был бы отличным Капитаном, Эртц.

Эртц покачал головой, отлично понимая, что с этого мгновения Нарби с ними целиком и полностью.

— Я останусь на посту Главного Инженера: хочу заняться двигателями во время Полета.

— Экие вы быстрые, — перебил их диалог Джо. — Я, между прочим, не согласен. С какой это стати Капитаном будет Нарби?

Финеас смерил его взглядом:

— Ты претендуешь на этот пост?

Он произнес свои слова осторожно, избегая малейшего намека на сарказм. Подумать только, мьют лезет в Капитаны!

— Нет, Хафф побери! Но при чем здесь ты? Почему не Эртц или не Хью?

— Я не могу, — заявил Хью. — Мне придется заниматься навигацией, и на административные вопросы у меня времени не останется.

— Пойми, Джо-Джим, Нарби единственный из нас, кто способен склонить на нашу сторону других офицеров, — сказал Эртц.

— Не перейдут к нам, так перережем им глотки, и дело с концом!

— Если Нарби будет Капитаном, обойдемся без кровопролития.

— Не нравится мне это, и все тут, — прорычал Джо, но его брат возразил:

— С чего ты заводишься? Видит Джордан, нам-то такая ответственность не нужна.

— Я вполне понимаю ваши опасения, — вкрадчиво начал Нарби, — но думаю, что они беспочвенны. Без вашей помощи мыютами я управлять все равно не смогу. Я оставляю за собой управление нижними палубами, это для меня дело привычное, а вы, если согласитесь, будете Вице-Капитаном страны мыютов. Глупо с моей стороны братья за управление страной, которую я не знаю, и народом, обычаи которого мне неизвестны. Нет, я не приму пост Капитана, если вы не согласитесь помочь мне. Итак, ваше решение?

— Нет, — отрезал Джо.

— Очень жаль. В таком случае я вынужден отказаться от Капитанства. Без вашей помощи оно мне не по плечу.

— Перестань, Джо, — стоял на своем Джим, — давай согласимся, хотя бы временно. Не можем же мы бросить все на полпути.

— Ладно, пусть будет так, — сдался Джо, — но не нравится мне все это.

Нет нужды пересказывать утомительные подробности дальнейших переговоров. Было решено, что Эртц, Алан и Нарби вернутся вниз к своим обычным обязанностям и займутся тайной подготовкой переворота.

Хью выделил им охрану до нижних палуб.

— Значит, пошлешь к нам Алана, когда все будет готово? — спросил он Нарби.

— Да, но не жди его скоро. Нам с Эртцем потребуется время, чтобы завербовать сторонников. Да и убедить старого Капитана созвать общее собрание всех офицеров Корабля будет непросто.

— Что ж, это твое дело. Доброй еды.

В тех редких случаях, когда объявлялся общий сбор всех Ученых — жрецов и офицеров Корабля, заседание проводилось в большом зале, расположенном на самой

верхней палубе цивилизованного мира. В стародавние забытые времена, еще задолго до Мятежа, возглавленного младшим механиком Роем Хаффом, здесь размещался гимнастический зал, место развлечения и спорта, о чем нынешние его хозяева и понятия не имели.

Нарби, прячущий тревогу за бесстрастным выражением лица, наблюдал за дежурным клерком, регистрирующим прибывающих. Как только придут несколько опоздавших, он вынужден будет доложить Капитану, что все в сборе, и не сможет больше оттягивать начало собрания, а сигнала от Хью и Джо-Джима все нет и нет. Неужели этот дурень Алан дал себя убить, когда шел наверх с посланием? Упал ли он с трапа и свернул свою никчемную шею? Или нож мыота проткнул ему живот?

Вошел Эртц. Прежде чем занять свое место среди высших чинов; он подошел к Нарби, сидящему перед креслом Капитана.

— Ну как? — тихо спросил он.

— Все готово, — ответил Нарби, — но ответа пока нет.

Эртц и Нарби оглядели зал, подсчитывая своих сторонников. Не большинство, конечно, но все же... Однако, в данном случае, дело решится не голосованием, так что...

Дежурный клерк тронул Нарби за рукав:

— Все на месте, сэр. Нет только больных и офицера дежурной вахты Конвертера.

Нарби приказал об этом уведомить Капитана; самого его охватило предчувствие беды — что-то пошло не так.

Капитан, как обычно, не считаясь ни с кем, не торопился на собрание. Нарби был рад отсрочке, но переживал ее мучительно. Наконец старик вплыл в зал, развалиясь в окруженных стражей носилках. Как всегда, с первой минуты совещания он нетерпеливо ждал конца, поэтому, знаком приказав всем сесть, он сразу же обратился к Нарби:

— Изложите повестку дня, Нарби. Надеюсь, вы ее подготовили?

— Так точно, Капитан.

— Так огласите же ее, огласите! Чего вы ждете?

— Есть, сэр. — Нарби обернулся к клерку-чтецу и вручил ему пачку исписанных листков. Клерк просмотрел их, на лице его промелькнуло удивление, но, не получив от Нарби никаких других указаний, он приступил к чтению.

— Петиция Совету и Капитану. Лейтенант Браун, администратор деревни сектора N 9, просит уволить его в отставку по причине преклонного возраста и плохого состояния здоровья...

Клерк подробно перечитал рекомендации соответствующих офицеров и ведомств.

Капитан раздраженно ерзал в кресле и наконец, не вытерпев, перебил чтеца:

— В чем дело, Нарби? Вы что, не можете разобратся с текущими делами сами?

— У меня сложилось впечатление, что Капитан был недоволен решением, принятым только в прошлый раз по аналогичному вопросу. Я не имею намерения посягать на прерогативы Капитана.

— Что за бред! Вы еще, может быть, Уставу меня учить вздумаете? По этому вопросу должен принять решение Совет и представить его на мое утверждение.

— Так точно, сэр.

Нарби забрал у клерка листки и дал ему другие, содержащие не менее пустячное дело. Деревня сектора № 3, ссылаясь на неожиданную болезнь, поразившую растения их гидропонных ферм, просила оказания помощи и временной отмены налогов. Капитан взорвался при первых же словах клерка. И если бы в этот момент Нарби не получил известия, которого так ждал, ему пришлось бы туго. Человек из его охраны пересек зал и вложил ему в руку клочок бумаги с одним только словом: «Начинай». Нарби мельком глянул на нее, сделал знак Эртцу и обратился к Капитану:

— Сэр, поскольку вы не намерены выслушивать петиции своего экипажа, я сразу же перейду к основному вопросу повестки дня. — Еле прикрытая наглость этих слов заставила Капитана впитаться взглядом в его лицо, но Нарби продолжал как ни в чем не бывало: — Уже давно, в течение жизни многих поколений, Экипаж страдает из-за враждебности мьютов. Наш скот, наши дети, наконец, мы сами находимся в постоянной

опасности. На верхних палубах не чтут Устав Джордана. Даже сам Капитан-Помазанник не имеет туда свободного доступа. Из поколения в поколение мы слышим, что такова была воля Джордана — дети должны расплачиваться за грехи отцов. Однако я никогда не мог принять постулат веры, согласно которому Экипаж должен жить в вечных муках.

Нарби сделал паузу.

Старый Капитан ушам своим не верил. Подняв руку и с трудом обретя голос, он выкрикнул:

— Ты оспариваешь Учение?

— Нисколько. Я лишь считаю, что действие Устава должно быть распространено и на мьютов.

— Вы, вы... освобождены от своих обязанностей, сэръ!

— Ну нет, — ответил Нарби, на этот раз и не думая скрывать издевку. — Нет. Сначала я выскажусь до конца.

— Взять его!

Но охранники Капитана не сдвинулись с места, хотя и чувствовали себя неловко. Охрану Капитана Нарби всегда подбирал сам. Повернувшись к ошеломленному Совету и поймав взгляд Эртца, Нарби сказал:

— Приступайте.

Эртц ринулся к двери, Нарби продолжал:

— Многие из присутствующих здесь разделяют мои взгляды, но всегда исходили из того, что за их утверждение придется воевать. По воле Джордана мне удалось наладить контакты с мьютами и заключить мир. Их вожди прибыли для переговоров с нами. Прошу. — И он указал на дверь.

Эртц вернулся в зал, за ним шли Хью Хойланд, Джо-Джим и Бобо. Хойланд свернул направо. Следовавшие за ним гуськом отборные головорезы Джо-Джима взяли зал в полукольцо. По левой стороне зала такая же цепочка выстроилась вслед за Джо-Джимом и Бобо. Зал был окружен.

Джо-Джим, Хью и по полдюжины бойцов в обеих колоннах были одеты в грубо сработанные железные доспехи, опускающиеся ниже пояса. Головы их прикрывали неуклюжие шлемы, сделанные из стальных решеток, чтобы не затруднять обзора. Одетые в доспе-

хи бойцы, как и многие другие, были вооружены невиданными ножами в руку длиной.

Офицеры без труда остановили бы вторжение в узких дверях зала, но, застигнутые врасплох, обескураженные и растерянные, они были беспомощны, тем более что неожиданных гостей привели их собственные наиболее авторитетные вожди. Беспокойно шевелясь в креслах, хватаясь за ножи, офицеры искали во взглядах друг друга совета. Но ни у кого не хватало решимости сделать шаг, который послужил бы сигналом к началу битвы.

— Так что же, согласны вы принять мирную делегацию мьютов? — повернулся к Капитану Нарби.

Казалось бы, что возраст и привычка к безбедной жизни удержит Капитана от ответа, и вообще удержит его от каких бы то ни было ответов на будущее, но он прохрипел:

— Убрать их! Убрать! А ты, ты отправишься за это в Полет!

Обернувшись к Джо-Джиму, Нарби поднял вверх большой палец. Джо-Джим шепнул что-то Бобо — и нож по самую рукоять вошел в жирное брюхо Капитана. Тот даже не вскрикнул, только жалобно всхлипнул, и лицо его приняло выражение крайнего удивления и растерянности. Неловко нащупав рукоять ножа, как бы желая убедиться, что в животе у него действительно сидит клинок, Капитан прохрипел: «Мятеж, мя...» — и тяжело рухнул лицом на стол.

Нарби ногой спихнул труп на пол и приказал двум охранникам убрать его. Те беспрекословно повиновались, обрадованные, что нашелся, наконец, хозяин, который будет ими командовать. Нарби обратился к застывшему в молчании залу:

— Кто еще возражает против мира с мьютами?

Престарелый офицер, в спокойствии и уюте проживший жизнь в отдаленной деревне, встал и выпятил костлявый палец в сторону Нарби. Седая борода его тряслась от возмущения.

— Джордан накажет тебя за это! Грех и мятеж! Ты продал душу Хаффу!

Нарби сделал знак, и слова старика застряли в горле. Острые ножа, пронзив шею, вышли у уха. Бобо был доволен собой.

— Хватит, поговорили, — объявил Нарби. — Лучше обойтись малой кровью сейчас, чем большой кровью потом. Те, кто согласен со мной, встаньте и выйдите вперед.

Эртц показал пример, шагнув первым и увлекая за собой самых верных своих сторонников. Он поднял нож острием вверх.

— Салют Финеасу Нарби, Капитану-Помазаннику!

Его сторонникам ничего не оставалось, кроме как провозгласить здравицу новому Капитану.

Нарби хором салютовал и молодчики из его клики — костяк блока рационалистов Ученых жрецов. Увидев, куда склоняется чаша весов, к ним начали присоединяться и остальные. Лишь незначительная кучка офицеров, в основном стариков и религиозных фанатиков, остались на местах.

Увидев, что Нарби приказал собрать их вместе и сделал знак головорезам Джо-Джима, Эртц взял его за руку.

— Их мало, и опасности они не представляют, — сказал он. — Давай просто разоружим их и уволим в отставку.

Нарби неприязненно посмотрел на него.

— Оставить их в живых — значит посеять семена раздора и мятежа. Я вполне способен принимать решения самостоятельно, Эртц.

— Хорошо, Капитан, — закусил губу Эртц.

— Так-то оно лучше, — Нарби подал знак Джо-Джиму.

Длинные ножи работали быстро.

Хью держался подальше от места расправы. Его старый учитель Лейтенант Нельсон, администратор их деревни, заметивший когда-то способности Хью и отобравший его для учебы, был в числе убитых. Такого поворота событий Хью не предвидел.

За покорением мира следует его объединение. Верой или мечом. Бойцы Джо-Джима, усиленные людьми Капитана Нарби, прочесывали средние и верхние

налубы. Мьютам, закоренелым индивидуалистам, по самому образу жизни не способным подчиняться никому, кроме вождя собственной маленькой шайки, было не по плечу противостоять планомерному наступлению Джо-Джима, да и оружие их не шло ни в какое сравнение с длинными ножами, разящими насмерть, когда обороняющийся только готовился еще парировать удар.

По стране мьютов поползла молва, что лучше всего без боя покориться армии Двух Мудрых Голов — сдавшимся будет обеспечена добрая еда. Иначе — верная смерть.

Но дело шло медленно — сколько было палуб, столько миль мрачных коридоров, бесчисленных жилищ, в которых могли укрыться непокоренные мьюты. Операция замедлялась и по мере продвижения вперед, поскольку Джо-Джим ввел патрулирование и внутреннюю охрану в каждом завоеванном секторе, на каждой палубе и у каждого люка.

К глубокому огорчению Нарби, Двухголовый из этих боев выходил живым и невредимым. Джо-Джим уяснил из своих книг, что генералу нет нужды принимать непосредственное участие в схватках.

Хью не покидал Рубки. И не только потому, что был поглощен головоломными приборами, в которых пытался разобраться. Смерть Лейтенанта Нельсона вызвала у него отвращение к кровавой чистке. К насилию он привык давно, оно и на нижних палубах было в порядке вещей, но сейчас что-то смутно мучило его, хотя осознанно он себя в гибели старика не винил. Просто он бы предпочел, чтобы обошлось без этого.

Но приборы, приборы! Да, вот чему стоило отдать свое сердце! Он ведь взялся за дело, перед которым спасовал бы любой грамотный землянин, заведомо зная, что управление звездолетом требует глубокой подготовки и богатого опыта полетов на более простых кораблях.

Но Хью Хойланд этого не знал. Поэтому он смело взялся за дело и добился своего.

На каждом шагу ему помогал гений создателей этого корабля. Управление большинством механизмов всегда основано на простейших движениях: вперед-на-

зад, направо-налево, вверх-вниз и бесчисленном множестве их комбинаций. Настоящие трудности в работе с механизмами и машинами лежат в их эксплуатации, ремонте, профилактике и обслуживании.

Однако приборы и двигатели звездолета «Авангард» не нуждались в ремонте или замене сносившихся частей. Их изощренность превышала обычный уровень, движущиеся детали в них вообще не использовались, и трение не играло роли; они не нуждались в настройке. Хью никогда бы не смог разобраться в этом оборудовании, никогда не научился бы ремонтировать его. Но этого и не требовалось.

«Авангард» в ремонтниках не нуждался. За исключением разве что вспомогательного оборудования — подъемников, конвейеров, линий доставки еды, автомассажеров и так далее. Все это оборудование, в котором применение движущихся частей было неизбежным, сносилось и пришло в негодность еще задолго до появления первого Свидетеля. Детали и целые механизмы, потерявшие значение и смысл, либо были отправлены в Конвертер как бесполезный хлам, либо были приспособлены для практических нужд. Хью и знать не знал, что это когда-то существовало; остатки каких-то разобранных приспособлений в различных помещениях Корабля были в его глазах естественным природным явлением.

Проектировщики «Авангарда» исходили из того, что он достигнет цели не ранее чем через два поколения. Они ставили своей задачей по мере возможности облегчить судьбу будущих, еще не рожденных пилотов, которые доведут «Авангард» до Проксимы Центавра. Хотя такого упада технической культуры, какой имел место в действительности, проектировщики не предвидели, они все же старались, как умели, максимально упростить управление Кораблем, сделать его наглядным, легкодоступным.

Земной подросток, в меру смысленный, выросший в развитой стране и с детства с самой идеей космических полетов, разобрался бы в пульте управления «Авангарда» за несколько часов. Хью, выросший в невежестве, в вере, что Корабль — это и есть весь мир, долгие годы не умевший выйти в своем воображении

за пределы палуб и коридоров, был вынужден потратить на это много времени. Основным камнем преткновения были две абсолютно чуждые его восприятию концепции — глубокое пространство и метрическое время. Он научился обращаться с дистанциометром — прибором, специально разработанным для «Авангарда», — и снял с него данные о расстоянии до нескольких ближайших звезд, но это все равно ничего не говорило ему. Они измерялись в парсеках и в его глазах были бессмысленны. Попытавшись с помощью Священных книг перевести их в линейные единицы, он получил цифры, которые ему казались смехотворными и заведомо неверными. Проверка за проверкой чередовались долгими раздумьями, прежде чем перед ним забрезжило хоть какое-то туманное представление об астрономических величинах.

Эти величины ошеломили и напугали его. Им овладели чувства отчаяния и безнадежности. Он покинул Рубку и занялся выбором жен. Впервые с тех давних пор, как он попал в плен к Джо-Джиму, он почувствовал интерес к женщинам и получил возможность его удовлетворить. Выбор был большой. Подросло новое поколение деревенских девушек, да и к тому же военные операции Джо-Джима сделали многих женщин вдовами. Хью воспользовался своим высоким положением в новой иерархии Корабля и выбрал себе двух жен: молодую вдову, сильную и умелую самку, привыкшую создавать домашний уют мужчине. Он поселил ее в своем новом жилище, предоставил свободу действий в доме и позволил ей сохранить свое прежнее имя — Хлоя. Вторая была девушкой необузданной и дикой, как мьют. Хью и сам не знал, почему он выбрал именно ее. Уметь она ничего не умела, но чем-то привлекала его. Имени ей он так и не придумал.

Метрическое время заставило его поломать голову не меньше, чем астрономические величины, но эмоциональных потрясений не вызвало. В мире Корабля и понятия такого не было. Экипаж имел представление об обиходных основных понятиях: «сейчас», «прежде», «было», «будет», даже такие, как «медленно» и «быстро», но идея измеряемого времени была утрачена. На Земле даже первобытные племена имели понятия измеря-

емого времени, хотя бы только дней и времен года, но ведь все земные концепции измеряемого времени строятся на астрономических явлениях, а Экипаж был от них изолирован давным-давно.

На пульте управления Хью нашел единственные сохранившиеся в Корабле часы, но ему долго пришлось ломать голову, прежде чем он понял их назначение и связь с другими приборами. Пока он не разобрался в этом, управление Кораблем было ему недоступно. Скорость и ее производное — ускорение — основываются на понятии измеряемого времени.

Но, как следует разжевав и усвоив две новые концепции и пересчитав заново в их свете древние книги, он стал, хотя и в очень ограниченном смысле слова, астронавтом.

Хью искал Джо-Джима, чтобы спросить совета. Головы Джо-Джима всегда поразительно быстро соображали, особенно если ему была охота их напрячь. Но поскольку это случалось с ним нечасто, он так и оставался во всем дилетантом.

У Джо-Джима Хью застал Нарби, уже собравшегося уходить. Для успешного проведения кампании по умиротворению мьютов Нарби и Джо-Джиму часто приходилось совещаться. К их взаимному удивлению, они хорошо ладили. Нарби был умелым администратором. Доверяя кому-то определенную ответственность, он не стоял над душой и не требовал отчета в каждой мелочи. Джо-Джим, в свою очередь, удивлял и радовал Нарби, что был намного способнее всех его офицеров. Симпатий они друг к другу отнюдь не испытывали, но чувствовали взаимное уважение к уму партнера и понимали, что их личные интересы совпадают.

— Доброй еды, Капитан, — по-уставному приветствовал Хью Нарби.

— А, привет Хью, — ответил Нарби и снова повернулся к Джо-Джиму. — Так я буду ждать доклада.

— Да, мы его подготовим, — ответил Джо. — Вряд ли их там осталось больше дюжины. Мы их или выведем отсюда, или заморим голодом.

— Я не мешаю? — спросил Хью.

— Нет, я уже ухожу. Как идут твои грандиозные дела, дружище? — Он улыбнулся, и эта улыбка разозлила Хью.

— Дела идут хорошо, но медленно. Представить доклад?

— Не к спеху. Да, кстати, я наложил табу на обе рубки и на двигатель, в общем, на весь ярус невесомости. И для Экипажа и для мьютов.

— Пожалуй, это правильно. Никому, кроме офицеров, не следует там пока шататься.

— Ты меня не понял. Я имею в виду всех, и офицеров тоже. Исключая нас, разумеется.

— Нет, так не пойдет. Единственная реальная возможность убедить офицеров в нашей правоте — это показать им звезды!

— Именно поэтому я и наложил табу. Сейчас, когда я занят консолидацией власти, я не могу позволить смущать умы моих офицеров столь радикальными идеями. Разгорятся религиозные страсти и это подорвет дисциплину.

Хью был настолько ошеломлен и расстроен, что даже не сразу нашелся с ответом.

— Но ведь это наша цель, — сказал он наконец. — Именно для этого тебя и сделали Капитаном.

— И как Капитану мне придется принимать окончательные решения по политическим вопросам. Данный вопрос исчерпан. Тебе не разрешается водить людей в невесомость до тех пор, пока я не сочту это возможным. Придется потерпеть.

— Он прав, Хью, — заметил Джим. — Не стоит создавать почву для разногласий, пока мы не закончим войну.

— Дайте-ка мне разобраться до конца, — стоял на своем Хью. — Эти меры носят временный характер?

— Можешь считать так.

— Что ж, ладно. Но постой-ка, ведь Эртцу и мне необходимо немедленно начать обучение помощников.

— Хорошо, представь мне список кандидатов на утверждение. Кого именно ты имеешь в виду?

Хью задумался. Ему-то помощник не особенно был нужен. Хотя в рубке шесть кресел, один человек в

кресле навигаторов вполне мог управиться с пилотированием Корабля. То же касалось и Эртца...

— Эртцу потребуются носильщики, чтобы доставлять массу к Главному двигателю.

— Пусть составит список. Я подпишу. Проследи за тем, чтобы все носильщики были подобраны из мьютов, уже бывавших ранее в запретной зоне.

Нарби повернулся и вышел с видом правителя, завершившего аудиенцию.

Хью посмотрел ему вслед.

— Не нравится мне все это, — сказал он Джо-Джиму. — Ну ладно. Я ведь пришел поговорить совсем о другом.

— Что у тебя на уме, приятель?

— Слушай, как мы... Ну, понимаешь, завершим мы Полет. Мы сведем Корабль с планетой, как... — он соединил сжатые кулаки.

— Верно, продолжай.

— Так вот, когда мы сделаем это, что будет потом? Как мы выйдем из Корабля?

Этот вопрос застал близнецов врасплох и вызвал спор между ними. Наконец Джо перебил брата.

— Погоди-ка, Джим. Давай рассуждать логично. Если Корабль был построен для Полета, то ведь должна быть дверь, не так ли?

— Верно.

— Но на верхних палубах дверей нет. Следовательно, они должны быть внизу.

— Но там их тоже нет, — возразил Хью, — мы там все исследовали. Двери где-нибудь у вас, в стране мьютов.

— В таком случае, — продолжал Джо, — их следует искать либо в передней, либо в задней части Корабля. Но за помещением Главного двигателя нет ничего, кроме переборок. Следовательно, искать надо в передней части.

— Глупо, — заметил Джим. — Там Главная и Капитанская рубка, и больше ничего...

— Ничего? А в закрытых жилищах ты забыл?

— Там-то уж точно дверей наружу нет.

— Непосредственно наружу нет, но, может быть через эти жилища к ним можно выйти, балда ты.

— От балды и слышу. Даже если ты прав, как ты их откроешь, умник?

— Что такое «запертые жилища?» — спросил Хью.

— Ты не знаешь? В переборке, за которой расположена дверь, ведущая в Главный двигатель, есть еще семь дверей. Открыть их нам так и не удалось.

— Пойдем посмотрим. Может быть, это и есть то, что мы ищем.

— Время только терять, — буркнул Джим.

Но они пошли, прихватив с собой Бобо. Его сила могла пригодиться. Но даже вздувшиеся мышцы Бобо не справились с рычагами, которые, по-видимому, приводили двери в движение.

— Убедился? — иронически сказал брату Джим.

Джо пожал плечами:

— Ты был прав. Пошли отсюда.

— Подождите немножко, — взмолился Хью. — Кажется, на второй двери ручка чуть-чуть повернулась. Давай попробуем еще раз.

— Без толку это все, — ответил Джим.

— Раз уж пришли, давай попробуем еще, — возразил Джо.

Бобо приналег, вжавшись плечом под рычаг и упершись в пол ногами. Неожиданно рычаг подался, но дверь не открывалась.

— Сломал, — сказал Джо.

— Похоже, что так, — согласился Хью и оперся на дверь рукой. Дверь распахнулась.

К счастью для всех троих, она не вела в Космос. В их жизненном опыте неоткуда было взяться представлению об открытом вакууме и его опасностях.

Короткий узкий коридор привел к еще одной, на этот раз полуоткрытой двери. Силач Бобо распахнул ее без труда.

Еще шесть футов коридора, и они уперлись в очередную дверь.

— Не понимаю, — пожаловался Джим, пока Бобо занимался ею, — к чему эти бесконечные двери?

— Подожди, может поймешь, — посоветовал ему брат.

За третьей дверью открылось помещение, состоящее из нескольких странных, маленьких, непривычной конфигурации жилищ.

Бобо двинулся вперед на разведку с ножом в зубах. Хью и Джо-Джим шли медленно, это странное место заворожило их.

Бобо вернулся, погасил скорость полета, опершись о переборку, вынул нож изо рта и доложил:

— Нет двери. Больше нет. Бобо смотрел.

— Должна быть, — настаивал Хью, раздраженный тем, что карлик разбил его надежды.

— Бобо хорошо смотрел, — пожал плечами мутант.

— Проверим сами.

Хью и Джо-Джим разошлись в противоположные стороны, внимательно осматривая и изучая помещение.

То, что Хью нашел вместо двери, заинтересовало его больше. Находка была просто невероятна! Он хотел было позвать Джо-Джима, но Джим как раз в этот момент крикнул:

— Хью, иди сюда!

Хойланд неохотно оторвался от своей находки и пошел к близнецам.

— Слушайте, я там такое нашел...

— Плюнь на то, что ты нашел, — перебил его Джо. — Смотри сюда.

Хью посмотрел. Перед ним был Конвертер. Маленький, но, несомненно, конвертер.

— Бессмыслица какая-то, — сказал Джим. — Зачем нужен конвертер в таком маленьком жилище? Ведь эта штукавина может обеспечить энергией и светом добрых полкорабля. Что ты об этом думаешь, Хью?

— Не знаю даже, что и думать, но если ваша находка кажется вам странной, то взгляните на мою.

— А ты что нашел?

— Пойдем покажу.

Хойланд привел Джо-Джима в маленькую комнату, одна стена которой была сделана из стекла. Стекло было темным, как будто извне что-то загораживало вид. Напротив стены стояли два кресла, в подлокотниках которых и на приборных досках перед ними светились такие же квадратики маленьких огоньков, как в Главной рубке.

Джо-Джим попытался найти прибор, который воспроизвел бы панораму звездного неба на стеклянной стене перед ними. Попытки не увенчались успехом. Не

мог же он знать, что это стекло не экран, а иллюминатор, заслоненный корпусом самого Корабля. Манипулируя наугад пальцами, Джо-Джим включил приборы, над которыми зажглась надпись «Пуск». Слово это ничего не говорило ему, и он не обратил на него внимания. Тем более что ничего существенного не произошло, разве что замигал красный огонек и вспыхнула еще одна надпись: «Открыт герметический шлюз».

Джо-Джиму, Хью и Бобо повезло, что шлюз был открыт. Затвори они за собой двери и оставь их далекие предки в Конвертере хоть несколько граммов массы, пригодной для превращения в энергию, все трое весьма неожиданно для себя очутились бы в корабельной шлюпке, запущенной в космос без какой бы то ни было подготовки к полету: в маленьком космическом суденышке, систему управления которым они лишь смутно начали постигать по аналогии со схемой приборов Главной рубки.

Им вряд ли удалось бы ввести шлюпку обратно в док, вероятнее всего они разбились бы о Корабль.

И никто из них не подозревал, что найденное ими «жилище» само по себе было маленькой космической ракетой. Им и в голову никогда не приходило, что Корабль может быть оснащен шлюпками.

— Выключи свет, — попросил Хью.

Джо-Джим выполнил его просьбу.

— Итак?.. — продолжал Хью. — Что вы думаете по поводу этой находки?

— Дело ясное, — ответил Джим. — Это вторая рубка. Раньше мы не знали о ней, потому что не могли открыть дверь.

— Нелогично, — возразил Джо. — Зачем Кораблю две рубки?

— А зачем человеку две головы? — ответил вопросом на вопрос его брат. — С моей точки зрения, твоя — явное излишество.

— Не сравнивай, мы с тобой такими родились. Но Корабль-то строили по проекту.

— Ну и что? Мы же носим два ножа, разве нет? Мы что, так и родились с ними? Запас карман не тянет.

— Но как отсюда управлять Кораблем? — запротестовал Джо. — Ничего же не видно. Уж если дублиро-

вать управление, то в Капитанской рубке, откуда видны звезды.

— А это что? — спросил Джим, показывая на стеклянную стену.

— Пошевели мозгами, — ответил Джо. — Та стена выходит внутрь Корабля, а не наружу. Здесь нет приборов для воспроизведения звездного неба.

— Может, мы их просто не нашли.

— Хорошо, но тогда зачем здесь Конвертер? Уверяю тебя, его установили не случайно.

— Ну и что?

— Наверняка он как-то связан со всеми этими приборами.

— Почему ты так думаешь?

— А потому! С чего бы устанавливать в одном отсеке и приборы, и Конвертер, если они друг к другу никакого отношения не имеют?

Хью, все время обескураженно молчащий, поднял голову. В аргументах братьев даже противоречия казались обоснованными и логичными. Запутанная ситуация. Но Конвертер, Конвертер...

— Послушайте! — вдруг выпалил Хью.

— Чего ты там еще надумал?

— А что если... а что, если эта часть Корабля движется?

— Естественно. Весь Корабль движется.

— Да нет же, — сказал Хью нетерпеливо. — Я всем о другом. Что, если эта часть Корабля может двигаться самостоятельно? Пульт управления и Конвертер! Вот в чем секрет — эта секция может отделяться от Корабля и лететь сама по себе!

— Сомнительно.

— Возможно. Но если я все же прав, то мы нашли искомое. Это и есть выход наружу.

— Как так? — спросил Джо. — Что за чушь! Здесь же нет двери.

— Но если эту штуку отвести от Корабля, то наружу можно выйти через дверь, в которую мы вошли!

Две головы одновременно повернулись к нему, потом посмотрели друг на друга. Джо-Джим повторил свой эксперимент с приборной доской.

— Видишь? — сказал Джим. — «Пуск». Пуск это значит — привести корабль в движение.

— Почему же ничего не происходит?

— «Открыт герметический шлюз». Имеется ввиду дверь, все двери, через которые мы прошли.

— Попробуем закрыть?

— Надо сначала включить Конвертер.

— Давай.

— Не спеши, не спеши. Кто знает, что получится? Вылетим еще, чего доброго, а обратно вернуться не сможем. Помрем тогда с голоду.

— Х-мм-м, верно. Надо осмотреться, продумать все хорошенько.

Прислушиваясь к спору близнецов, Хью внимательно исследовал приборную доску, пытаясь разобраться, что к чему. Увидев ящичек на панели перед креслом, он сунул в него руку.

— Смотрите, что я нашел!

— Книга? — сказал Джо. — Да их у Конвертера целая куча.

— Покажи, — сказал Джим.

Хью открыл найденную книгу.

— «Бортовой журнал звездолета „Авангард“, — прочитал он. — «2 июня 2172 года. Полет продолжается при прежней крейсерской скорости».

— Что?! — завопил Джо. — Дай посмотреть.

— «3 июня. Полет продолжается при прежней крейсерской скорости».

— «4 июня. Полет продолжается при прежней крейсерской скорости. В 13.00 Капитан объявил список поощрений и дисциплинарных взысканий. См. Административный журнал».

«5 июня. Полет продолжается с прежней крейсерской скоростью».

— Дай сюда!

— Подожди, — ответил Хью. — «6 июня. В 04.31 вспыхнул мятёж. Младший механик Хафф захватил несколько ярусов и, объявив себя Капитаном, предложил вахте сдаться. Вахтенный офицер объявил его арестованным и вызвал каюту Капитана. Ответа не было».

«04.35. Связь прервана. Вахтенный офицер отправил трех рассыльных известить Капитана, а также найти коменданта гауптвахты и содействовать аресту Хаффа».

«04.41. Конвертер отключен, перешли в свободный полет».

«05.02. Рассыльный Лэси, один из троих, посланных ранее вниз, вернулся в рубку. Доложил на словах, что остальные двое — Малькольм Янг и Артур Сирс — убиты, а его отпустили для того, чтобы предложить вахте сдаться. Мятежники дают нам срок на размышления до 05.15».

Следующая запись в бортжурнале была сделана другим почерком.

«05.45. Я сделал все возможное, чтобы связаться с другими постами и офицерами Корабля, но мои попытки не увенчались успехом. Исходя из сложившихся обстоятельств, считаю своим долгом покинуть рубку управления, не дожидаясь смены, и попытаться восстановить порядок в нижних ярусах. Поскольку мы не вооружены, мое решение может быть ошибкой, но ничего другого мне не остается. Джим Болдуин, пилот третьего класса, вахтенный офицер».

— Это все? — спросил Джо.

— Нет, — ответил Хью.

«1 октября (приблизительно) 2172 года. Я, Теодор Маусон, бывший рядовой интендантской службы, был сегодня избран Капитаном „Авангарда“. Со времени занесения в этот журнал последней записи многое изменилось. Мятеж был подавлен или, вернее, утас сам собой, но последствия его трагичны. Погиб весь командный состав, перебиты все пилоты и инженеры. Поэтому меня и выбрали Капитаном — не нашлось никого более подходящего.

Мы потеряли около 90 процентов экипажа. Со дня мятежа не производились новые посевы, гидропонные фермы запущены, запасы продовольствия приближаются к концу. Среди не сдавшихся еще мятежников уже были отмечены случаи людоедства.

Моя первостепенная задача — установить хоть какое-то подобие порядка и дисциплины среди экипажа. Следует возобновить посевы и установить постоянную вахту у Вспомогательного конвертера, который теперь

стал нашим единственным источником света, тепла и энергии».

«Последнее время мне было не до аккуратного ведения журнала. Сказать по правде, я даже приблизительно не представляю, какое сегодня число. Корабельные часы давно остановились. То ли из-за неполадок во Вспомогательном конвертере, то ли из-за внешней радиации. Поскольку Главный конвертер не функционирует, мы утратили поле радиационной защиты вокруг Корабля. Мой Главный инженер уверяет, что Главный конвертер можно пустить, но у нас нет навигаторов. Я пытался обучиться навигации по сохранившимся книгам, но математика слишком сложна для меня.

Из-за радиации примерно каждый двадцатый ребенок рождается уродом. Я ввел спартанский кодекс — эти дети не должны жить. Суровая необходимость.

Я становлюсь стар и дряхл, пора подыскивать себе преемника. Я — последний на борту, кто родился на Земле, но и я мало что о ней помню — мне было пять лет, когда мои родители отправились в полет. Я не знаю, сколько мне лет сейчас, но ясно понимаю одно — до Конвертера мне остается совсем немного.

В психологии моих людей происходит любопытный сдвиг. Они никогда не жили на планете, поэтому с течением времени им все труднее становится воспринимать какие-либо концепции, не связанные непосредственно с Кораблем, или представлять себе природные явления, не связанные с жизнью в нем. Я оставил всякие попытки пробудить их воображение и мысль; они вряд ли пойдут на пользу, если у меня все равно нет надежды хоть когда-нибудь вывести мой экипаж из мрака. Жизнь у моих людей тяжелая, они выращивают урожай только для того, чтобы потом драться за него, отбивая налеты отщепенцев, все еще прячущихся в верхних палубах. Так зачем же растравлять их души рассказами о лучшем бытии?

Я принял решение не передавать этот бортжурнал моему преемнику. Лучше я спрячу его в единственной сохранившейся после бегства мятежников шлюпке. Там он будет в безопасности, здесь же какой-нибудь идиот, не задумываясь, пустит его на топливо для

Конвертера. Недавно я застал вахтенного в тот момент, когда он закладывал в Конвертер последний экземпляр бесценной «Всеземной энциклопедии». Проклятый душень неграмотен, не умеет ни читать, ни писать. Надо издать закон об охране книг».

«Это моя последняя запись. Я долго откладывал приход сюда, чтобы спрятать журнал в безопасном месте, — подниматься на верхние палубы очень опасно. Но жизнь моя значения больше не имеет, а я хочу умереть уверенным в том, что сохранится правдивая летопись событий.

Теодор Маусон, Капитан».

Когда Хью кончил читать, близнецы против обыкновения долго молчали. Наконец, Джо глубоко вздохнул и сказал:

— Вот, значит, как оно все было.

— Жаль его, беднягу, — тихо вымолвил Хью.

— Кого? Капитана Маусона? Почему?

— Нет, не его. Я имел в виду пилота Болдуина. Представляешь, какового ему было выходить за дверь, где его поджидал Хафф, — Хью передернуло. Человек он был просвещенный, но при всей широте своих взглядов подсознательно представлял себе Хаффа — «первым согрешил Хафф, будь он проклят навек!» — существо ростом с двух Джо-Джимов, силой с двух Бобо и с клыками вместо зубов.

Хью заимствовал у Эртца несколько носильщиков, которые стаскивали трупы жертв военных действий к Главному конвертеру на топливо, и приказал им доставлять в шлюпку запасы воды, продовольствия и массу для Конвертера. Нарби он об этом не сообщил и вообще утаил от него найденную шлюпку. Почему — сам не знал, просто Нарби раздражал его.

Между тем звезда на экране Главной рубки росла и росла, пока не превратилась в яркий сверкающий диск. Такой яркий, что на него больно было смотреть. Изменилось и ее положение — она переместилась почти в центр. Если корабль продолжит свой неуправляемый дрейф, то опишет вокруг звезды гиперболу и снова исчезнет в глубинах космоса.

Хью долго, очень долго вычислял траекторию полета. Сохранись на Корабле земное исчисление времени, он увидел бы, что у него ушло на это несколько недель. Еще дольше Эртц и Джо-Джим проверяли его расчеты и с трудом заставляли себя поверить в правильность полученных ими цифр — до того они казались нелепыми. И еще больше времени ушло на то, чтобы убедить Эртца, что для сближения двух тел в пространстве необходимо прилагать силу, направленную в сторону, противоположную желаемой, то есть упереться пятками, изо всех сил затормозить и погасить силу инерции. Пришлось провести целый ряд экспериментов в свободном полете в невесомости, прежде чем Эртц поверил в это. Сам-то он просто собирался разогнать Корабль и на полном ходу направить его на звезду.

Хью и Джо-Джим рассчитали силу торможения, необходимую для погашения скорости «Авангарда» и вывода его на орбиту вокруг звезды, чтобы затем начать поиск планет. Эртц с трудом усвоил разницу между звездой и планетой. Алан вообще ничего не понял.

— Если мои расчеты верны, — сказал Эртцу Хью, — пора разгонять Корабль.

— Главный двигатель готов, — ответил Эртц. — У нас уже достаточно массы.

— Нужно идти к Нарби за разрешением.

— Это еще зачем?

— Он же Капитан, — пожал плечами Хью.

— Хорошо. Зови Джо-Джима и пойдем.

В помещении Джо-Джима они нашли Алаана.

— Коротышка сказал, что Двухголовый ушел к Капитану, — сообщил им Алан.

— Прекрасно. Мы как раз хотели позвать его туда. Алан, старик, мы начинаем!

— Уже? Вот здорово! — выпучил глаза Алан.

— Идем с нами к Капитану.

— Подождите, я только предупрежу свою бабу. — И он побежал в свое жилище, находившееся рядом.

— Балует он ее, — заметил Эртц.

— Иногда это от нас не зависит, — ответил Хью с отсутствующим взглядом.

Алан быстро вернулся, успев, однако, переодеться.

— Пошли! — крикнул он возбужденно.

Алан гордо вышагивал к кабинету Капитана. Он теперь стал значительным лицом — идет себе рядом с влиятельными друзьями, а охрана знай честь отдает. Давно прошли времена, когда его держали на побегушках.

Но часовой у двери не отступил, как обычно, в сторону, хотя и отдал честь.

— Дорогу! — резко сказал Эртц.

— Слушаюсь, сэр, — ответил часовой, не двигаясь с места. — Ваше оружие, пожалуйста.

— Ты что, идиот, не узнаешь Главного Инженера?

— Так точно, сэр, узнаю. Прошу сдать оружие. Таков приказ.

Эртц пихнул его в плечо. Часовой уперся ногами в пол.

— Прошу извинить, сэр. Капитан строго-настрого приказал всем входящим к нему оставлять оружие у входа. Всем без исключения.

— Проклятье!

— Он хорошо помнит, что случилось с прежним Капитаном, — тихо вставил Хью. — Умный он парень, наш Нарби. — С этими словами он отстегнул нож и отдал его часовому. Эртц пожал плечами и сделал то же самое. Обескураженный Алан последовал их примеру, смерив стража испепеляющим взглядом.

Когда они вошли в кабинет, Нарби беседовал с Джо-Джимом. На лицах близнецов застыло угрюмое выражение. Бобо казался голым без привычных пращи и ножей.

— Вопрос закрыт, Джо-Джим, — продолжал Нарби. — Таково мое решение. Я оказал вам любезность, изложив причины, побудившие меня к нему, но ваше согласие или несогласие не имеет значения.

— В чем дело? — поинтересовался Хью.

Нарби поднял глаза.

— Хорошо, что ты пришел, Хью, а то твой друг мьют начинает забывать, кто здесь Капитан.

— В чем дело? — повторил Хью. — Что здесь происходит?

— Он, — прорычал Джим, тыча пальцем в Нарби, — думает разоружить всех мьютов.

— Но ведь война окончена, не так ли?

— Не было такого уговора. Мьюты должны были влиться в Экипаж. Разоружи сейчас мьютов, и Экипаж их всех перережет. У него-то ножи останутся.

— Придет время, у всех отберем, — заверил Нарби, — но я сделаю это тогда, когда сочту нужным. Что у тебя, Эртц?

— Спроси Хью.

Нарби обернулся к Хойланду.

— Я пришел уведомить вас, Капитан, — по-уставному отчеканил Хью, — что мы намерены запустить Главный двигатель и перейти к управляемому Полету.

Если слова Хью и удивили Нарби, то никак уже не привели в растерянность.

— Боюсь, что вам придется обождать. Я все еще не считаю возможным допускать офицеров в невесомость.

— В этом нет необходимости, — сказал Хью. — Поначалу Эртц и я вполне справимся сами. Ждать больше нельзя. Если мы не начнем сейчас, то при жизни нашего поколения Полет завершен не будет.

— Не будет так не будет.

— Что?! — выкрикнул Хью. — Нарби, ты что, не хочешь завершить Полет?

— Я не намерен проявлять поспешность.

— Что за ерунда, Фин? — спросил Эртц. — Что это на тебя нашло? Нам действительно пора начинать.

Нарби молча барабанил пальцами по столу. Потом сказал:

— Поскольку здесь высказываются некоторые сомнения относительно того, кому принадлежит власть, придется мне вам разъяснить, что к чему. Хойланд, в той мере, в какой твои забавы не мешали мне управлять жизнью Корабля, я был готов смотреть на них сквозь пальцы и позволять тебе развлекаться, ибо по-своему ты был весьма полезен. Но поскольку твои бредовые идеи становятся источником разложения Экипажа, угрозой моральному здоровью, спокойствию и безопасности народа Корабля, я вынужден положить им конец.

От изумления Хью лишился дара речи. Наконец он выдавил:

— Бредовые? Ты сказал «бредовые»?

— Вот именно. Только псих или невежественный религиозный фанатик может уверовать, будто Корабль движется. Но поскольку и ты, и Эртц имели честь удостоиться научного образования и невеждами вас считать нельзя, вы оба, безусловно, свихнулись.

— Во имя Джордана! — воскликнул Хью. — Ты сам, собственными глазами видел бессмертные звезды, и ты же называешь нас безумцами!

— Что все это значит, Нарби? — холодно спросил Эртц. — Ты что финтишь? И не вкручивай нам мозги, мы-то знаем, что ты был наверху и удостоверился в том, что Корабль движется.

— Я с интересом наблюдал за тобой, Эртц, — сказал Нарби. — Но никак не мог понять: то ли ты решил использовать психоз Хойланда в своих интересах, то ли сам сошел с ума, как и он. Только теперь мне стало ясно, что ты тоже свихнулся.

Эртц сдержал гнев.

— Будь любезен объясниться. Ты же был в Рубке, и как ты можешь утверждать, что Корабль не движется?

— Я был о тебе лучшего мнения как об инженере, — усмехнулся Нарби. — Рубка не что иное, как ловкая мистификация. Фокус! Ты сам видел, что огни в ней включаются и выключаются — очень остроумное приспособление с инженерной точки зрения, надо сказать. Судя по всему, оно служило для культовых обрядов, чтобы возбуждать у верующих благоговение перед древними мифами. Но нам оно ни к чему. Вера Экипажа и так крепка. Сейчас Рубка может лишь возбудить нездоровые страсти, поэтому я ее уничтожу, а двери, ведущие в нее, опечатаю.

Не удержав его Эртц, Хью вцепился бы в Нарби.

— Спокойно, Хью, — сказал Эртц и продолжал: — Допустим даже, что Главный двигатель просто муляж, но что ты скажешь о Капитанской рубке? Ты ведь видел там настоящие звезды, а не их изображение.

— Эртц, да ты еще глупее, чем я думал! — Нарби расхохотался. — Должен сознаться, однако, что сначала Капитанская рубка и меня заинтриговала, хотя во все

эти звезды я никогда не верил! Но Главная рубка помогла мне во всем разобраться. Капитанская рубка такой же фокус, как и она. Очень остроумное инженерное решение, безусловно. За ее иллюминатором находится еще одно помещение примерно такого же размера, но неосвещенное. На фоне этой тьмы маленькие огоньки действительно создают эффект бездонного пространства. Принцип тот же, что и в Главной рубке. Я просто поражен тем, что вы сами этого не поняли. Если очевидные факты противоречат логике и здравому смыслу, это означает, что вы неправильно истолковали их, и они лишь кажутся вам очевидными. Единственный, по-настоящему очевидный, основной факт природы — реальность Корабля, прочного, незыблемого, неподвижного мира. Все, что противоречит этой объективной реальности, не более чем иллюзия, самобман. Вооруженный этим Учением, я начал искать секрет показанного мне фокуса и нашел его!

— Ты хочешь сказать, — спросил Эртц, — что действительно нашел путь по ту сторону стеклянной стены и собственными глазами видел механизмы, создающие иллюзию звезд?

— Нет, — ответил Нарби, — в этом нет необходимости. Не обязательно порезаться, чтобы убедиться в остроте ножа.

— Та-а-к, — протянул Эртц. И сказал после короткой паузы: — Предлагаю тебе компромисс. Если Хью и я действительно сошли с ума, то вреда от нас все равно не будет, поскольку мы держим язык за зубами. Но мы попробуем запустить двигатели и доказать, что Корабль движется. Если ничего не выйдет, ты был прав, а мы ошиблись.

-- Капитан не торгуется, — заявил Нарби. — Однако, я обдумаю твоё предложение. Вы свободны.

Эртц повернулся уходить, сдержав негодование, но взгляд его упал на каменные лица Джо-Джима.

— А как же с мьютами? — спросил Главный Инженер. — Почему ты позволяешь себе так обращаться с Джо-Джимом? Не забывай, что ты стал Капитаном благодаря его ребятам.

На мгновение Нарби утратил выдержку, и маска собственного превосходства исчезла с его лица.

— Не вмешивайся не в свое дело, Эртц. Я не позволю держать здесь банды вооруженных дикарей. Таково мое окончательное решение.

— С пленными можешь поступать как хочешь, — сказал Джим, — но наш отряд оружие не сдаст. Таково мое окончательное решение. Им всем была обещана добрая еда до конца жизни, если они будут драться за тебя. Разоружаться мы не будем.

Нарби смерил его взглядом.

— Джо-Джим, — сказал он. — Я всегда считал, что хороший мьют — это мертвый мьют. Ты делаешь сейчас все, чтобы укрепить меня в этом мнении. Думаю, тебе небезынтересно будет знать, что к настоящему времени твою банду уже разоружили и перерезали.

Ворвалась ли стража по сигналу или по заранее отданному приказу, понять было трудно. В спины захваченных врасплох безоружных кровных братьев уперлись клинки ножей.

— Арестовать их, — приказал Нарби.

Бобо взвизгнул и взглядом спросил Джо-Джима, что делать.

— Давай, Бобо! — крикнул Джо.

Лягнув держащего его стражника, карлик прыгнул на человека, приставившего нож к спине Джо-Джима. Растерявшись, тот потерял драгоценные полсекунды. Сбив его на пол ударом в живот, Джо-Джим вырвал у него из рук нож.

Хью катался по полу в обнимку со своим противником, сжав его кисть, державшую оружие. Джо-Джим нанес стражнику удар, и Хью вскочил на ноги с ножом в руках. Двухголовый огляделся и увидел кучу из четырех человек — Эртца, Алана и еще двоих. Удары он наносил осторожно, чтобы не перепутать, какой голове принадлежит чье тело.

— Возьмите их ножи, — приказал он своим друзьям, поднявшимся на ноги. Его слова потонули в диком вопле. Бобо, так и не успевший отобрать оружие у врага, прибегнул к своему природному оружию. Раскромсанное его зубами лицо охранника залилось кровью.

— Где его нож? — спросил Джо.

— Не могу дотянуться, — виновато ответил Бобо.

Причина была очевидна — нож торчал из-под правой лопатки карлика. Джо-Джим легонько потянул за рукоять. Лезвие было всажено глубоко и не выходило.

— Идти сможешь?

— Конечно, — прохрипел Бобо.

— Пусть пока останется в ране. Алан! За мной Хью и Билл — прикрывайте с тыла. Бобо — в центр.

— Где Нарби? — спросил Эртц, прижав рукой рассеченную щеку.

Но Нарби исчез — выскользнул в дверь позади своего стола. И эта дверь была заперта снаружи.

Клерки бросились врассыпную, когда кровные братья вырвались в приемную. Джо-Джим всадил нож в часового у двери, прежде чем тот успел поднять тревогу. Быстро разобрав свое оружие, они устремились на верхние ярусы.

Двумя палубами выше нежилых территорий Бобо зашатался и упал. Джо-Джим поднял его.

— Выдержишь?

Карлик молча кивнул, на губах его выступила кровь.

Еще палуб через двадцать стало ясно, что Бобо дальше идти не сможет, хотя его поддерживали по очереди. Сила тяжести уже заметно уменьшилась. Алан поднатужился и поднял силача как ребенка. Они продолжали лезть вверх.

Алана сменил Джо-Джим. Они продолжали лезть вверх. Джо-Джима сменил Эртц. Затем Эртца сменил Хью.

Наконец они дошли до яруса, на который переселились после переворота. Хью, положив Бобо на пол, направился было в сторону жилищ, но Джо-Джим остановил его.

— Ты куда?

— Домой, куда же еще?

— Ну и дурак. Именно туда за нами и придут.

— Куда же идти?

— В Корабле нам больше нет места. Пора отсюда смытываться. Идем в шлюпку.

— Верно, — согласился Эртц. — Теперь на нас ополчится весь Корабль.

— Шанс на спасение сомнительный, но другого все равно нет, — сдался Хью. И опять повернул к жилищам.

— Нам же в другую сторону! — крикнул Джим.
— Надо забрать наших женщин.
— К Хаффу женщин! Тебя схватят. Нельзя терять ни мгновения.

Но Эртц и Алан побежали за Хью.

— Ладно, — фыркнул им вслед Джим, — идите за вашими бабами. Но поторапливайтесь.

Джо-Джим сел, положив голову карлика на колени, и тщательно осмотрел его. Лицо Бобо посерело, на правой лопатке огромным красным пятном расплывалась кровь. Он вздохнул и потерся головой о бедро Джо-Джима.

— Бобо устал, хозяин.

Джо-Джим гладил его по голове.

— Терпи, — сказал Джо, — сейчас будет больно.

Приподняв раненого, Джо-Джим выдернул нож. Струей хлынула кровь.

Джо-Джим посмотрел на смертельное длинное лезвие и прикинул глубину раны.

— Ему не выжить, — шепнул Джо. Джим поймал его взгляд.

— Значит?

— Да, — кивнул Джо.

Джо-Джим ткнул извлеченным из раны ножом в свое бедро, но остался недоволен и выбрал один из собственных, острых как бритва ножей. Левой рукой он поднял подбородок Бобо и приказал:

— Смотри на меня, Бобо.

Бобо поднял на него глаза, пытаясь что-то сказать. Джо не сводил с него взгляда.

— Бобо молодец, Бобо сильный.

Карлик слабо ухмыльнулся. Нож вонзился в яремную вену, не задев горла.

— Бобо молодец, — повторил Джо.

Бобо снова раздвинул губы в усмешке.

Когда глаза карлика остекленели и он перестал дышать, Джо-Джим поднялся и пошел в ту сторону, откуда должны были вернуться остальные. На ходу он проверил все свое оружие, подгоняя его так, чтобы было сподручнее.

Хью выбежал ему навстречу, запыхавшись.

— Заминка вышла, — переводя дыхание, пояснил он. — Коротышка мертв. И никого из твоих бойцов нет. Видно, Нарби не соврал, их и вправду перерезали. Держи. — И он протянул Джо-Джиму длинный нож и специально изготовленные доспехи с большим решетчатым шлемом, способным прикрыть обе головы сразу.

И Эртц, и Алан, и Хью тоже надели доспехи. Джо-Джим заметил свежий кровоподтек на губе младшей жены Хью. Держалась она смирно, а в глазах ее бушевала буря. Старшая жена, Хлоя, воспринимала все спокойно. Жена Эртца тихонько всхлипывала, жена Алана была так же обескуражена, как ее хозяин.

— Как Бобо? — спросил Хью, помогая Джо-Джиму застегнуть доспехи.

— Бобо больше нет.

— Ясно. Ну что ж, пойдем.

Идти им было трудно, женщины не привыкли к невесомости. У переборки, отделяющей шлюз шлюпки от Корабля, засады не было, хотя Джо показалось, что он увидел человека, нырнувшего в люк. Но никому, кроме брата, он об этом не сказал.

Дверь опять заело, а Бобо теперь с ними не было. Мужчины налегли на нее. Наконец, она поддалась.

— Заталкивай женщин внутрь, — скомандовал Джим.

— Да поживей, — добавил Джо. — Гости пожаловали.

Он был на страже, пока его брат занимался дверью. Крики из глубины коридора подтвердили его слова.

Джо-Джим прикрывал тыл, пока остальные вталкивали в шлюпку женщин. Младшая жена Алана, как всегда, в самый подходящий момент, забилась в истерике и попыталась рвануться назад, но в невесомости это трудно было сделать. Хью от всего сердца пнул ее ногой и загнал в шлюпку.

Джо-Джим метнул нож, чтобы сдержать наступающих врагов. С полдюжины атакующих отпрянули назад. Потом, видно по команде, шесть ножей одновременно прорезали воздух.

Джим почувствовал удар, но боли не было. Он решил, что нож угодил в броню.

— Кажется, пронесло, Джо! — крикнул он, но ответа не услышал. Джим повернул голову к брату. В

нескольких дюймах от его глаз из прутьев решетки шлема торчал нож. Его лезвие ушло глубоко в лицо Джо. Джо был мертв.

Хью высунулся в дверь.

— Скорее, Джо-Джим!

— Закрой дверь! — рявкнул Джим.

— Но...

— Закрой дверь, тебе говорят! — С этими словами Джим отпихнул его и закрыл дверь. Хью лишь мельком увидел нож, воткнутый в лицо. Потом он услышал, как повернулся рычаг.

Джим встретил атакующих лицом к лицу. Оттолкнувшись от переборки непривычно отяжелевшими ногами, он ринулся на врагов, сжав обеими руками свой страшный, в руку длиной клинок. Ножи противника сыпались на него, отскакивая от стальных доспехов. Он крутанул клинком и рассек одного стражника почти надвое.

— За Джо!

Удар отбросил его в сторону. Он повернулся в воздухе, выпрямился и размахнулся снова.

— За Бобо!

Враги нависли над ним со всех сторон. Окруженный, он бил наугад, лишь бы попасть.

— А этот, на закуску, за меня!

Нож вонзился ему в бедро, но он даже не заметил этого.

— Один за всех!

Кто-то прыгнул ему на спину. Неважно, вот перед ним еще один, сталь возьмет его не хуже любого другого.

— Все за од... — он не договорил.

Хью пытался открыть дверь, запертую снаружи, но у него ничего не получалось. Если здесь и был управляющий дверью механизм, то где его искать? Он приложил ухо к стальной плите, но герметичная дверь звуков не пропускала.

Эртц дернул его за руку.

— Где Джо-Джим?

— Остался там.

— Что?! Открывай дверь, живо, втащим его сюда.

— Не могу, она не поддается. Он хотел там остаться, он сам захлопнул дверь.

— Но мы должны спасти его, мы же кровные братья.

Внезапно Хью осенило.

— Вот поэтому он и остался, — тихо сказал Хью и рассказал Эртцу то, что успел увидеть. — Для него Полет закончился. Займись Конвертером, Билл. Нам нужна энергия.

Они вышли из шлюза и задраили за собой последнюю дверь.

— Алан, — крикнул Хью, — загони баб в угол, чтобы под ногами не путались!

Усевшись в кресло пилота, он выключил огни. Зажглась надпись: «Двигатель готов». Эртц делал свое дело.

— Пошел! — сказал сам себе Хью и включил пуск.

Толчок, прилив тошноты — и он с ужасом почувствовал, что все начало вращаться. Откуда ему было знать, что это разворачивается пусковая шахта?

Иллюминатор перед ними наполнялся звездами. Они летели! Но часть экрана закрывала огромная бесформенная масса, которую Хью никогда не видел, разглядывая звезды в иллюминатор Капитанской рубки. Сначала он не мог понять, что это такое, но, когда, наконец, сообразил, преисполнило благоговейным восторгом — это был Корабль, и он смотрел на него снаружи! Хотя разум его давно уже воспринял истинную природу Корабля, мысль о том, что он увидит Корабль извне, никогда не приходила ему в голову. Звезды — да, поверхность планеты — да, к этому он был уже готов, но наружная поверхность Корабля...

Хью с трудом оправился от шока.

— Что это? — спросил Алан.

Хойланд пытался объяснить. Алан лишь покачал головой.

— Не понять мне этого.

— Ничего. Позови Эртца. И женщин тоже, покажем им.

— Ладно. Но только, — в Алане вдруг заговорил здравый смысл, — бабам показывать не стоит. Напугаются, дуры, они ведь никогда не видели звезд.

Удача, инженерный гений предков и крохи знания. Повезло, что Корабль оказался у звезды с планетной системой, повезло, что они смогли спустить шлюпку; повезло, что Хью сумел разобраться в пульте управления, прежде чем они затерялись в глубоком космосе и умерли от голода.

Гений предков снабдил их суденышко огромным запасом энергии и большой скоростью. Его создатели предвидели, что звездоплателям все это понадобится для исследовательских экспедиций в Солнечной системе, к которой направлялся «Авангард». Они строили шлюпку с максимальным запасом прочности, и Хью использовал его до предела.

Повезло им и в том, что они очутились в сфере планетарного притяжения, и в том, что орбита, по которой Хью направил шлюпку, совпала с орбитами планет. Описывая эллипс, он вышел к гигантской планете. Хью долго маневрировал, забыв о сне и еде, чтобы выйти на орбиту вокруг нее, но вышел в конце концов так близко, что увидел ее спутники.

Удача сопутствовала ему до конца. Он намеревался было в своем невежестве совершить посадку на гигантскую планету. Удайся ему это, им всем осталось бы жить ровно столько, сколько требуется времени, чтобы открыть люк. Но отчаянное маневрирование, выход на орбиту вокруг планеты съели почти все топливо Конвертера.

Обложившись древними книгами. Хью без отдыха решал и решал уравнения, составленные предками для определения законов движения тел, считал и пересчитывал, выводя из терпения даже всегда спокойную Хлою. Вторая жена, безымянная, держалась от него подальше.

Но все полученные им ответы гласили, что ему придется пустить на топливо часть его бесценных книг, чтобы выйти к большой планете, даже если они сунут в Конвертер свою одежду и оружие.

Он скорее сунул бы в Конвертер своих жен.

В конце концов Хью решил совершить посадку на один из спутников планеты.

И опять везение. Совпадение настолько невероятное, что трудно в него поверить. Спутник гигантской планеты был пригоден для жизни. Но подумайте сами — ведь для возникновения планеты такого типа, как наша Земля, тоже требуется комбинация обстоятельств, столь же невероятных. Наш собственный мир под нашими ногами тоже относится к разряду «Такого не бывает!» Вероятность его существования просто смехотворно мала.

Так вот, именно такое везение и сопутствовало Хью Хойланду — везение невероятное.

Гений земных предков завершил дело. Хотя Хойланд и освоил маневрирование в космосе, при посадке он наверняка разбил бы любой корабль, построенный до «Авангарда». Однако проектировщики «Авангарда» знали, что шлюпками корабля будут управлять в лучшем случае пилоты второго поколения, и строили их, исходя из этого.

Хью ввел шлюпку в атмосферу и с видом победителя лег на курс, который доставил бы их всех прямо в могилу, не возьми управление на себя включившийся автопилот.

Хью метался в кресле и ругался так, что даже заставил Алана оторваться от иллюминатора и перенести свое удивленное восхищение с планеты на друга. Но вернуть управление шлюпкой он был бессилён. Что бы он ни пытался делать, шлюпка шла сама по себе и на высоте тысячи футов легла на параллельный поверхности курс.

— Хью, звезды исчезли.

— Сам вижу.

— Джордан, что же это? Куда они делись, Хью?

Хью рывкнул на Алана:

— Не знаю и знать не хочу! Катись на корму к бабам и не приставай с идиотскими вопросами.

Алан неохотно ушел, поглядывая в иллюминатор на ясное небо и на поверхность планеты. Ему было интересно, но не более, он давно уже потерял способность восторгаться.

Только через некоторое время Хью сообразил, что группа приборов, которыми он раньше и не пытался манипулировать, не понимая их назначения, как раз и

отдает автопилоту приказ о посадке. Поскольку выяснилось это методом проб и ошибок, место для посадки Хью выбрал почти наугад. Но немигающие стереоглаза автопилота беспрерывно подавали информацию в селекторное устройство, которое исследовало ее и приняло решение. Корабль мягко приземлился в прерии неподалеку от опушки леса.

Эртц кинулся к Хойланду.

— Что произошло, Хью?

Хью устало махнул рукой в сторону иллюминатора.

— Приехали.

Он был слишком измотан и духовно, и физически, чтобы обставить посадку какой-нибудь торжественной церемонией. Годы борьбы, суть которой он сам понимал более чем смутно, голода и жажды, годы пожирающих его душу стремлений почти не оставили ему способности испытывать радость, когда, наконец, он добился своего и достиг цели. Но они приземлились, они завершили Полет, начатый Джорданом! Он чувствовал себя не то чтобы счастливым, но умиротворенным и усталым бесконечно.

— Выйдем? — спросил Эртц.

— Давай.

Алан подошел, когда они отдраивали люк, за его спиной толпились женщины.

— Прилетели, Капитан?

— Заткнись, — ответил Хью.

Женщины глядели в иллюминатор, Алан гордо и неправильно объяснял им что к чему. Эртц открыл наружную дверь. Они вдохнули свежий воздух.

— Холодно, — заметил Эртц.

На самом деле температура была в лучшем случае градусов на пять ниже никогда не меняющейся температуры на борту «Авангарда». Но откуда было знать Эртцу, что такое погода?

— Чепуха, — буркнул Хью, неосознанно раздосадованный малейшей критикой в адрес «его» планеты. — Это тебе кажется.

— Возможно, — не стал спорить Эртц. Наступила неловкая пауза. — Пойдем, — сказал он наконец.

— Пойдем.

Превозмогая нерешительность, Хью оттолкнул его и прыгнул вниз. До земли было всего футов пять.

— Прыгайте, здесь здорово!

Эртц присоединился к нему. Оба невольно жались в Кораблю.

— Мир огромен, — прошептал Эртц.

— Мы же знали, что он именно такой и есть, — отрезал Хью, обеспокоенный охватившим его чувством потерянности.

— Эй! — Алан осторожно выглянул наружу. — Можно спускаться?

— Прыгай!

Алан одним прыжком присоединился к ним.

— Вот это да! — присвистнул он.

Их первая вылазка закончилась футах в пятидесяти от Корабля. Они шли, держась кучкой, смотря под ноги, чтобы не споткнуться и не упасть на этой странной неровной палубе. Все было нормально, но Алан поднял голову и вдруг, впервые в жизни, не увидел потолка над собой. Головокружение и острый приступ агорафобии. Он застонал, закрыл глаза и упал.

— Что случилось? — спросил Эртц и тоже посмотрел вверх. Приступ свалил и его.

Хью боролся с головокружением. Страх и боль бросили его на колени, но, упершись рукой в землю, он пытался подняться. Ему было легче — он так долго смотрел на бескрайние просторы планеты в иллюминатор.

— Алан! — завизжала его жена, высунувшись из люка. — Алан, вернись!

Алан открыл один глаз, посмотрел на Корабль и пополз к нему на брюхе.

— Алан! — скомандовал Хью. — Прекрати! Сядь!

Алан повиновался с видом человека, от которого требуют слишком многого.

— Открой глаза!

Алан осторожно открыл глаза, но поспешно зажмурился снова.

— Сиди спокойно — и придешь в себя, — добавил Хью. — Я уже в порядке.

Чтобы доказать это, он выпрямился в полный рост. Голова у него еще кружилась, но он стоял. Эртц, лежащий до этого ничком, приподнялся и сел.

Солнце перевалило зенит. Прошло достаточно времени, чтобы сытый проголодался, а они отнюдь сытыми не были. Крайне простым способом уговорили выйти наружу женщин — вытолкав из пинками. Отходить от Корабля те боялись и сгрудились в кучу. Но мужчины уже освоились и расхаживали даже в одиночку. На виду у женщин Алану было нипочем отойти от Корабля на целых пятьдесят ярдов.

Во время одной из этих демонстраций он заметил маленького зверька, позволившего своему любопытству взять верх над осторожностью. Нож Алана сбил его, и зверек закувыркался в траве. Схватив жирную тушку за лапы, Алан гордо подбежал к Кораблю.

— Смотри, Хью, смотри! Добрая еда!

Хью одобрительно взглянул на него. Первый испуг давно прошел, и сейчас его охватило теплое чувство, как будто он, наконец, вернулся в свой далекий дом.

— Верно, — согласился он. — Добрая еда. Теперь, Алан, у нас всегда будет много доброй еды.

СОДЕРЖАНИЕ

Астронавт Джонс. Роман.	
Пер. М. Пчелинцева	5
Время звезд. Роман.	
Пер. М. Пчелинцева	275
Пасынки Вселенной. Повесть.	
Пер. Ю. Зараховича	491

Литературно-художественное издание

Роберт Хайнлайн

ВРЕМЯ ЗВЕЗД

Ответственный редактор *Олег Седов*

Редактор *Ольга Солохина*

Художник *Павел Борозенец*

Художественный редактор *Виктор Меньшиков*

Технический редактор *Татьяна Харитонова*

Корректор *Нина Смирнова*

Верстка *Ольги Колеговой*

Подписано к печати с оригинал-макета 14.01.93.

Формат издания 84×108¹/₃₂. Гарнитура Таймс.

Печать высокая. Усл. печ. л. 31,9.

Тираж 200 000 экз. Изд. № 123. Заказ 165.

Издательство «Северо-Запад».

191187, Санкт-Петербург, ул. Шпалерная, 18.

Отпечатано с оригинал-макета в ГПП «Печатный Двор».

197110, Санкт-Петербург, Чкаловский пр., 15.

Хайнлайн Р.

Х 12 **Время звезд: Романы, повесть / Пер. с англ. — СПб.: Северо-Запад, 1993. — 607 с. ISBN 5-8352-0123-0**

Роберт Хайнлайн — знаменитый американский писатель-фантаст, вошел в литературу в начале 40-х годов и оказал огромное влияние на развитие жанра НФ.

По мнению большинства авторитетных исследователей американской фантастики, именно Р. Хайнлайн заложил основы наиболее интересного направления НФ — социальной фантастики.

Межгалактические путешествия, телепатия, встречи со страшными чудовищами, невероятные опасности, подстерегающие героев на каждом шагу, война с мутантами — все это лежит в основе романов, составивших эту книгу.

Серепо-Занэг®.